

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

И. Р. Чикалова

**ПАРТИИ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ
СОЮЗЫ,
ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(1815–1914)**

Минск
«Беларуская навука»
2015

УДК 329(44+430+410)“1815/1914”

ББК 66.6(4)

Ч-60

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук В. И. Кузьменко,

доктор исторических наук Н. М. Забавский

Издание подготовлено в рамках выполнения задания «Партии и общественные объединения стран Европы в социально-политических процессах последней трети XIX – начала XX века» Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (научный руководитель программы – доктор исторических наук, член-корреспондент НАН Беларуси А. А. Коваленя)

Чикалова, И. Р.

Ч-60   Партии, профессиональные союзы, женские организации во Франции, Германии, Великобритании (1815–1914) / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 392 с.

ISBN 978-985-08-1875-1.

В монографии на примере Франции, Германии и Великобритании рассматривается становление и развитие общественных институтов, их место в социально-политических системах европейских стран в хронологических границах 1815–1914 гг. Показывается место в общественной жизни предшественников политических партий – тайных обществ, клубов и «движений», рассматривается процесс создания правовых основ регулирования деятельности общественных институтов, возникновение и деятельность социально-политических, хозяйственных, культурно-просветительских союзов, организаций, объединений, в том числе политических партий, союзов предпринимателей, профессиональных союзов рабочих, объединений служащих и инженерно-технических работников, женских организаций, охарактеризована социальная база партий и общественных объединений, показывается эволюция основных направлений социально-политических стратегий правивших элит рассматриваемых государств в отношении общественно-политической активности разных социальных групп населения.

Книга адресована студентам, магистрантам и аспирантам, преподавателям истории и политологии средних и высших учебных заведений, всем проявляющим интерес к истории.

УДК 329(44+430+410)“1815/1914”

ББК 66.6(4)

ISBN 978-985-08-1875-1

© Чикалова И. Р., 2015

© РУП «Издательский дом

«Беларуская навука», 2015

ВВЕДЕНИЕ

«Старый порядок», установившийся в Европе после Венского конгресса и охраняемый «Священным союзом», легитимировал восстановление монархий и возвращение на троны представителей законных династий, консервировал феодальные отношения, лишал подавляющую часть населения политических прав, перекрывал самую возможность самоопределения народов. В то же время союзники по антинаполеоновским коалициям вынуждены были признать необратимость социально-экономических и политических перемен, которые принесли Французская революция конца XVIII в. и правление Наполеона Бонапарта. Следствием приспособления к сложившимся в послереволюционной Европе условиям стало сохранение во многих случаях за новыми собственниками (буржуазией, крестьянством) имущества и земли, полученных ими в результате конфискаций и секуляризации. В силу тех же причин были санкционированы компромисс между дворянством и верхами буржуазии, уравнивание в правах старого и «нового» дворянства, созданного Наполеоном. Поэтому реставрация прежних династий, несмотря на желания и попытки многих вернувшихся к власти монархов, не сопровождалась восстановлением в полном объеме дореволюционных порядков, а напротив, не могла воспрепятствовать складыванию в странах Европы конституционных монархий и даже республик. Набиравший силу класс предпринимателей, обуржуазившееся дворянство, широкие слои населения осознают необходимость низвержения утвердившегося в Европе неоабсолютизма. Начиная от Венского конгресса простирается период, когда в посленаполеоновской Европе эволюция от неоабсолютистского к конституционному устройству инициировалась и мощно ускорялась демократическими движениями, революциями, национально-освободительной борьбой народов. Эти три потока развития неотвратимо разрушали остатки феодализма в Европе и модернизировали ее в русле укрепления капиталистической экономики и буржуазной государственности.

Со второй половины XIX столетия в странах Европы параллельно с укреплением институтов правового государства начинается поступательное развитие гражданского общества. В то время гражданское общество понимали как «социум минус государство», т. е. гражданское общество рассматривалось в качестве противовеса государству. С течением времени понятие «гражданское

общество» трансформировалось, стало более объемным. По определению известного социального философа К. С. Гаджиева, «гражданское общество представляет собой форму самоорганизации людей, включающую разного рода добровольно сформировавшиеся негосударственные социальные, экономические, профессиональные, образовательные, религиозные, культурные и иные институты, организации, объединения, союзы» [170, с. 70]. Близко к этому и другое определение: «собственно гражданским обществом является сеть равноправных некоммерческих негосударственных организаций, отличающихся общественной активностью, связанной с социальным творчеством» [768, с. 29].

Такое понимание сущности гражданского общества позволяет определить круг негосударственных институтов, составляющих его сферу. Это – политические партии, профессиональные союзы, средства массовой информации и идеологические организации, добровольные ассоциации рабочих, фермеров, предпринимателей, общественные структуры и движения (церковные, женские, пацифистские, благотворительные и иные). Появление и широкое распространение многочисленных четко структурированных самоорганизующихся добровольных объединений граждан стало особенностью общественно-политической и хозяйственной жизни стран Европы. Объективными предпосылками и побудительными мотивами их возникновения стало расширение разветвленных экономических, социальных, культурных, духовных и других горизонтальных связей между индивидами, семьями, политическими и культурными ячейками общества, хозяйственными единицами, укрепившееся осознание классовых, этнонациональных, экономических, религиозных, гендерных интересов.

Эти интересы выражали профессиональные союзы работников, союзы предпринимателей, женские, пацифистские, христианские общественные организации, ассоциации по сферам деятельности. Негосударственные общественные организации формулировали требования соответствующих социальных слоев и добивались их реализации законными ненасильственными средствами. Они не создавались государством и не подчинялись ему, но получили признание с его стороны, были автономны в осуществлении своих целевых установок, и вместе с государством составляли неразрывную общественно-политическую систему. В ней складывавшееся правовое демократическое государство выступало в качестве регулятора социальных отношений, инструмента разрешения социальных конфликтов, обеспечения условий гражданского мира и реализации идей прогресса. В странах Европы возникли объективные предпосылки формирования государственной социальной политики, защиты граждан через механизмы охраны труда, социального страхования по болезни, инвалидности и старости. Объектом внимания государства стало развитие народного образования. Государство создавало правовое поле деятельности негосударственных организаций путем юридических регуляций. Законодательно-нормативная база дает возможность проследить изменения основных направлений государственных социально-политических стратегий.

Результатом взаимных усилий государства и общественных движений стало расширение участия граждан в общественной и политической деятельности и избирательном процессе, свобода объединений, собраний, слова, юридические гарантии разумных пределов и условий труда, право на образование. Возросшая общественно-политическая активность разных социальных классов и групп населения в политической, социальной, экономической сферах, в том числе в избирательном процессе, ускорила процесс утверждения демократических принципов и свобод, обеспечения социальных и экономических интересов соответствующих классов и групп. При этом содержание общественно-политической жизни все больше определялось социально-политическими идеологиями и программами политических партий. Их становление исторически связано с расширением возможностей политического участия граждан в жизни общества вследствие распада традиционной для феодальной системы политической власти, возникновения и укрепления буржуазной государственности. Возросшая сложность общественно-политических связей, усиление политической активности граждан создали предпосылки для их сплочения в партийные организации. Одно из современных определений партии, предложенное коллективом российских авторов, характеризует ее как объединение для отстаивания собственных представлений о развитии общества: «Политическая партия является добровольным самоуправляющимся объединением граждан, создаваемым по их собственной инициативе для совместной реализации целей и задач, отстаивания собственных представлений на развитие общества» [717, с. 12].

Политическим партиям присущи некоторые общие черты: стремление к завоеванию политической власти как главная цель участия в политическом процессе; объединение граждан на основе общности политических взглядов, находящихся воплощение в партийной программе; наличие формализованной постоянно действующей партийной структуры. Вместе с тем партиям присуща собственная специфика, позволяющая отнести их к определенным типам. По признакам организации и членства различались партии *кадровые* и *массовые*. По решаемым задачам и методам деятельности партии разделялись на *парламентские* и *авангардные*.

Кадровые партии не имели массового состава, не регистрировали членов, не собирали членские взносы, их основу составлял четко отлаженный и структурированный профессиональный партийный аппарат, на местах определяющую роль играли нотабли¹. Характеризуя формы и направления деятельности кадровых партий, один из крупнейших французских исследователей этого вопроса М. Дюверже обращал внимание на то, что они «базируются на небольших комитетах, довольно независимых друг от друга и обычно децентрализованных;

---

¹ Нотабль (фр. notable) – букв.: избранный, достойный избрания; заметный, значительный, известный; знаменитый житель, почетный гражданин. В то же время нотаблями собирательно именуют лиц, избранных в местные органы власти – мэров, муниципальных и генеральных советников, а иногда и всех избранных лиц: депутатов Национального собрания, Сената, членов выборных консультативных органов государства.

они не стремятся ни к умножению своих членов, ни к вовлечению широких народных масс – скорее они стараются объединять личностей. Их деятельность целиком направлена на выборы и парламентские комбинации и в этом смысле сохраняет характер наполовину сезонный; их административная инфраструктура находится в зачаточном состоянии; руководство здесь как бы распылено среди депутатов и носит ярко выраженную личностную форму. Реальная власть принадлежит то одному, то другому клану, который складывается вокруг парламентского лидера; соперничество этих группировок и составляет жизнь партий. Партия занимается проблемами исключительно политическими, доктрина и идеологические вопросы играют весьма скромную роль; принадлежность к партии чаще всего основана на интересе или традиции» [265, с. 41–42, 118]. Такими были *Аксъон франсэз* и *Партия радикалов и радикал-социалистов* во Франции, *Немецкая консервативная партия* и *Партия свободных консерваторов* в Германии, *Консервативная партия* и *Либеральная партия* в Великобритании.

Массовые партии отличались официально оформленным персональным составом, наличием первичных организаций, регулярной уплатой взносов, жесткой партийной дисциплиной. Руководство осуществляли выборные центральные, областные (в административных границах территориальных единиц) и местные комитеты. К партиям этого типа относились *Французская объединенная социалистическая партия*, *Социал-демократическая партия Германии*. Дюверже писал, что массовые партии «основаны на вовлечении максимально возможного количества людей, народных масс. Здесь мы обнаруживаем четкую систему вступления, дополненную весьма строгим механизмом индивидуальных взносов, что в основном и обеспечивает финансирование партии <...> Комитеты уступают место “секциям” – рабочим единицам более широким и открытым, важнейшей функцией которых помимо чисто электоральной деятельности выступает политическое воспитание членов. Массовость членства и взимание взносов требуют создания значительного административного аппарата. В такой партии всегда есть большее или меньшее количество так называемых “постоянных” – то есть функционеров, которые естественно тяготеют к превращению в своего рода класс и закреплению определенной власти; так складываются зачатки бюрократии. Личностный характер руководства здесь смягчен целой системой коллективных институтов (съезды, национальные комитеты, советы, бюро, секретариаты) с настоящим разделением властей. В принципе на всех уровнях царит выборность, но на практике обнаруживаются мощные олигархические тенденции. Гораздо более важную роль внутри самой партии играет доктрина, так как личное соперничество принимает форму борьбы различных идеологических течений. Кроме того, партия выходит далеко за пределы собственно политики, захватывая экономическую, социальную, семейную и другие сферы» [265, с. 42].

Промежуточную нишу между кадровыми и массовыми партиями занимали *Партия Центра* в Германии и *Лейбористская партия* в Англии.

Парламентские партии борьбу за власть связывали с завоеванием депутатских мест в центральных и местных представительных учреждениях, в рамках которых и стремились реализовывать свои программные установки. Во Франции к ним относились *Партия умеренных республиканцев*, *Партия радикалов и радикал-социалистов*, *Партия POSSИБИЛИСТОВ*, *Партия независимых социалистов*. В Германии это были *Немецкая консервативная партия* и *Партия свободных консерваторов*, либеральные партии; в Англии – *Консервативная* и *Либеральная партии*.

Авангардные партии не ограничивали свою деятельность организацией выборов и руководством законотворческой деятельностью своих депутатов, но вели постоянную работу на местах, охватывая широкий круг идеологических, социально-экономических и культурно-просветительских проблем. Во Франции такой характер имела *Французская объединенная социалистическая партия*; в Германии – *Социал-демократическая партия*; в Англии – *Лейбористская партия*.

Многообразие организационных, идеологических, программных и иных элементов партий как социальных организмов позволяет классифицировать их и по другим параметрам. В контексте социально-политической ориентации партии подразделялись на консервативные (выступающие за сохранение существующего строя с допущением лишь очевидно необходимых изменений), реформистские (ориентированные на значительные преобразования существующего строя, но эволюционными методами и при сохранении основ базового устройства), революционные (не признававшие существовавшие порядки и ставившие целью их кардинальное и неотложное преобразование), реакционные (выступавшие за полный либо частичный возврат к прежним социальным порядкам).

Важнейшее место в социально-политической структуре европейских стран заняли профессиональные союзы. Они различались по целям и решаемым задачам. Во Франции различные ветви профсоюзного движения объединились во *Всеобщую конфедерацию труда*, воспринявшую идеологию анархо-синдикализма. В практической работе анархо-синдикалистам не удалось реализовать свои идеи преобразования общества путем «прямого действия» и «всеобщей стачки». В Германии социал-демократические профсоюзы учредили общегерманское объединение *Свободных профсоюзов*, охватывавшее преимущественно квалифицированных рабочих, ограничивавшее деятельность исключительно экономической сферой, склонное к достижению компромиссов в случае конфликтов с предпринимателями. *Свободные профсоюзы* не обладали монополией на единоличное представительство интересов рабочего класса. Возникли и действовали профобъединения с иной идеологией. Видное место занял *Союз немецких профсоюзов*, объединявший служащих и рабочую аристократию, исходивший из концепции единства интересов труда и капитала и стремившийся преодолевать производственные конфликты мирными средствами. Германия была первой страной, где рабочие союзы начала создавать церковь. Первоначально разрозненные, они соединились на платформе общности интересов

рабочих и предпринимателей во *Всеобщее объединение христианских профсоюзов Германии*. Рабочих, которые, по терминологии промышленников, «проявляли добрую волю к труду», объединяли «желтые» профсоюзы. Большинство из них вошло в *Объединение германских производственных союзов*. В Великобритании легализация привела к формированию и быстрому развитию цеховых тред-юнионов, объединявших рабочих по профессиям, их членами могли быть только квалифицированные рабочие. Тред-юнионы не ставили перед собой социалистические цели, исходили из общности интересов пролетариата и буржуазии, добивались от членов безоговорочного выполнения производственных обязательств перед хозяевами, своей задачей считали улучшение условий жизни и труда рабочих в рамках существующего строя, отрицательно относились к забастовкам, предпочитали урегулирование трудовых конфликтов. Социальная незащищенность и тяжелые условия труда неквалифицированных рабочих вызвали создание организаций так называемых *новых юнионов*. Их идеология исходила из противоположности интересов рабочих и буржуазии. Создание разветвленной профсоюзной сети и облегчение приема в тред-юнионы привлекло в их ряды новых рабочих. В целом в названных странах организованный пролетариат охватывал меньшинство промышленных рабочих, но составлял наиболее активную часть рабочего класса.

В рассматриваемое время широкими масштабами характеризовалось женское эмансипационное движение. Во Франции женские общественные организации в начале XX в. объединились в *Национальный Совет французских женщин* и *Союз борьбы за женское избирательное право*. Их участники добивались правового уравнивания полов; включение женщин в общественную жизнь и допущения их на государственные должности; принятия обществом общих норм морали для обоих полов; создания единых программ обучения в школах; свободного доступа ко всем профессиям и введения равной оплаты за одинаковый труд. Но французское женское движение начала XX в. не стало влиятельным фактором французской политической жизни. В Германской империи, несмотря на негативное общественное мнение и прямое нежелание властей, женщины постепенно отвоевывали одну трудовую сферу за другой. Наибольшего продвижения они достигли в народном образовании. Женщин – допустили к службе на железной дороге, почте и телеграфе. Были достигнуты успехи в самоорганизации: удалось объединить все существовавшие в то время немецкие женские организации, кроме социалистических, в *Союз Германских женских организаций*. В Великобритании женщины получили доступ ко многим профессиям. Британское общество активно реагировало на проблему женского политического равноправия. Развернувшееся движение за предоставление женщинам права голоса организационно оформилось в различные суфражистские организации, объединившиеся затем в *Национальный союз женских суфражистских обществ*. Массовые кампании за предоставление женщинам политических и гражданских прав были результативны. Женщины получили право голоса на выборах в училищные советы, органы местного самоуправления

разного уровня, возможность избрания в муниципальные советы и советы графств.

В связи со сказанным представляется актуальным обращение к анализу европейского общества с точки зрения развития в нем общественных институтов, роли последних в конструировании социальных отношений. Исследовательский интерес вызывают особенности создания правовых основ регулирования деятельности общественных институтов, процессы возникновения и деятельности социально-политических, хозяйственных, культурно-просветительских организаций, объединений и движений в Великобритании, Франции и Германии, в том числе политических партий, союзов предпринимателей, профессиональных союзов рабочих, женских организаций, а также эволюция основных направлений социально-политических стратегий правивших элит рассматриваемых государств в отношении общественно-политической активности разных социальных групп населения.

Хронологически работа охватывает 1815–1914 гг., что обусловлено характером и специфическими особенностями эпохи. В истории избранных для рассмотрения стран она характеризуется коренными переменами в государственном устройстве. Германский союз трансформировался в Северо-Германский союз, затем германские государства объединились в Германскую империю. Во Франции рухнул неоабсолютизм, возникла Вторая республика, сменившаяся режимом Второй империи, наконец, утвердилась Третья республика. Завершилось складывание парламентарной монархии в Великобритании. В границах этого времени изменился экономический строй вследствие завершения промышленной революции в ведущих странах Европы, создания на этой основе фабрично-заводской системы и индустриального общества. Установился экономический и политический контроль метрополий над колониями. Франция, Германия и Великобритания стали ведущими игроками сложившейся мировой системы хозяйства. Развитие монополистических объединений этих стран стало одним из факторов перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, что определило начало империалистической стадии его развития. Внедрение в политическую практику идей буржуазного конституционализма привело к утверждению в этих странах принципов демократии, прежде всего к расширению избирательного права и повышению роли парламентов. Создаются политические партии в их современном понимании. Консолидируются профсоюзы, и набирает силу рабочее движение. Активизируются общественные, в том числе женские, организации. Широко распространяются различные модификации социалистической идеологии и иные политические концепции. Приобретает более прогрессивные черты политика государств в сфере народного образования и социального обеспечения. Есть все основания сказать, что в крушении установившегося в посленаполеоновской Европе неоабсолютизма, прогрессе гражданского равноправия, распространении политических свобод и народного представительства, росте гражданской активности, утверждении парламентской демократии как наиболее

приемлемой формы государственного устройства, гарантирующей экономическую и политическую стабильность капиталистической системы, состоит один из важнейших итогов XIX века.

Документальная база исследования представлена нормативно-правовыми актами, документами политических партий и массовых общественных организаций, статистическими материалами, источниками личного происхождения, материалами периодической печати исследуемого периода.

1. *Конституции, нормативно-правовые документы и парламентские акты* широко представлены в опубликованных на русском языке переводах. В России интерес к западноевропейскому опыту социально-политического развития и утверждения конституционализма стимулировала Первая российская революция. Разными издательствами и в разных переводах с языков оригиналов под научной редакцией известных российских юристов-государственников были опубликованы сборники конституций европейских стран. Сборник «Тексты важнейших основных законов иностранных государств» был выпущен книгоиздателями М. и С. Сабашниковыми под редакцией известного юриста Ф. Ф. Кокошкина [934]. В него вошли некоторые конституционные законы Англии, а также конституции Франции 1791, 1814 и 1830 гг. В двух томах сборника действующих конституционных актов, изданных под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, приведены тексты конституций почти всех современных (на то время) государств [892; 893]. Каждую из них сопровождает небольшой исторический очерк. В 5 выпусках вышло в свет «Собрание конституционных актов» в издательстве В. М. Саблина [887]. В его первом выпуске помещены конституции Франции [888, с. 9–26], Германии [888, с. 27–46] и Пруссии [888, с. 47–58], во втором – Англии [889, с. 48–62].

Как известно, Великобритания не имеет конституции как единого официально принятого документа, но это не означает, что ее вообще нет. То, что считается британской конституцией, представляет собой свод конституционных обычаев и одновременно принимавшихся законов. За многие века их накопилось огромное количество, составители различных сборников приводят наиболее важные. Например, в «Собрание конституционных актов» и в труд американского профессора, будущего президента США В. Вильсона «Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений» (в виде приложения) включены «Великая хартия вольностей, 15 июня 1215 г.», «Великая хартия Генриха III, 11 февраля 1225 г.», «Билль о правах, 13 февраля 1689 г.», «Закон о престолонаследии, 12 июня 1701 г.» [889, с. 48–62; 144, прилож.: с. 12–134]. Акты «О лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (26 мая 1679)», «О более действительном обеспечении свободы подданного (1 июля 1816)», «О народном представительстве (6 февраля 1918 г.)» помещены в качестве приложений в книге В. Н. Дурденевского «Иностранное конституционное право в избранных образцах» [262, с. 137–163].

Что касается Франции, полезен сборник конституционных законов, подготовленный юристом И. Д. Новиком, который изложение текста Конституции

1875 г. предварил историческим очерком о всех 9 французских конституциях, принятых в 1791–1875 годах [688]. Развитие конституционного процесса во Франции также отражает изданный в С.-Петербурге в 1905 г. сборник «Законодательные акты Франции». Он полностью приводит текст конституции страны 1848 г., а также текст трех конституционных (об организации Сената; об организации государственных властей; об отношениях государственных властей) и двух органических (об избрании сенаторов и об избрании депутатов) законов, составивших Конституцию 1875 г., а также более поздние дополнения и изменения Конституции, в частности, «Закон о частичном пересмотре конституционных законов от 14 августа 1884 г.» [342, с. 86–128]. «Собрание конституционных актов», вышедшее в московском издательстве В. М. Саблина, и «Сборник действующих конституционных актов», опубликованный под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, дополнительно содержат ряд других документов по развитию конституционализма во Франции: «Закон о местопребывании исполнительной власти в Париже» от 22 июля 1879 г., «Закон о выборах по списку» от 16 июня 1885 г., «Закон о восстановлении одноименного вотума для выборов депутатов» от 13 февраля 1889 г., «Закон о множественных кандидатурах» от 17 июня 1889 года [888; 893]. Тексты конституционных законов Франции 1875 г. с более поздними изменениями, а также конституцию Германской империи содержит в качестве приложений, причем, как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык, труд А. Л. Лоуэлла «Правительства и политические партии в государствах Западной Европы» [548, с. 463–478, 495–532]. В. Вильсон, в свою очередь, к упомянутому выше исследованию приложил конституционные законы Франции, конституцию Германской империи и конституционную хартию Пруссии 1850 года [144, прилож.: с. 1–20].

Конституции Пруссии и Германской империи представлены во всех названных сборниках. На фоне других сборник «Современные конституции», вышедший под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, является наиболее информативным. Помимо собственно Конституции Германской империи, в нем опубликованы «Конституционный акт Прусского государства, 31 января 1850 г.», дополняющие его «Указ о производстве выборов во вторую палату, 30 мая 1849 г.» и «Указ об образовании первой палаты, 12 октября 1854 г.». Здесь же помещены «Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 г.» и дополнившие его «Закон об инициативе сословных чинов, 21 июня 1848 г.», «Закон об ответственности министров, 4 июня 1848 г.», «Закон о выборах депутатов ландтага, 4 июня 1848 г.» в редакции 22 марта 1881 г. Приводятся также «Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 года», «Конституционный акт Великого герцогства Баденского, 22 августа 1818 года», саксонская «Конституция 4 марта 1831 года» [892]. Что касается текста Франкфуртской конституции 1849 г., впервые она была опубликована на русском языке приложением к книге немецкого историка В. Блоса, посвященной революции 1848 г. в Германии, в переводе Г. Радомысльского [83, с. 458–481], ее второе издание в переводе В. Базарова и И. Степанова вышло в 1922 году [84].

Опубликование конституционных законов продолжилось в советское время. В. Н. Дурденевский к уже упоминавшейся монографии о конституционном праве, вышедшей в 1925 г., приложил и тексты самих конституций [262]. В разделе «Великобритания» фигурируют «Великая хартия вольностей 1215 г.», «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточения за морями» (Хабеус корпус акт), «Билль о правах 1689 г.», «Акт о соединении с Шотландией 1706 г.», «Акт о парламенте 1911 г.». Данные конституционные акты Великобритании, продолжающие действовать и сегодня, традиционно включаются во все сборники современных конституций независимо от времени их издания. Фундаментальный труд – четырехтомник, охватывающий конституционное законодательство стран мира, был опубликован в 1936 г. [452]. Для данного исследования значение имеют содержащиеся в обоих изданиях конституционные акты Великобритании и продолжавшая действовать на тот момент конституция Третьей республики во Франции.

Собранием конституций ушедшей эпохи стал изданный под редакцией профессора П. Н. Галанзы сборник «Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков» [454]. В нем представлена коллекция английских документов, в числе которых «Великая хартия вольностей 1215 г.», «Петиция о правах 1628 г.», «Закон против рабочих коалиций 1799 г.», «Закон о рабочих коалициях 1825 г.», «Акт о народном представительстве 1832 г.», «Акт о народном представительстве 1867 г.». Из разнообразия французских конституций сборник публикует «Конституционную хартию 1814 г.» и «Конституцию Французской республики 1848 г.». Конституционный процесс в государствах Германии показан через «Конституционный акт Великого герцогства Баденского 22 августа 1818 г.», «Конституцию Саксонии 4 марта 1831 г.», «Конституцию Германской империи 28 марта 1849 г.», «Конституционную хартию Пруссии 31 января 1850 г.», «Конституцию Германии 16 апреля 1871 г.». Линейку публикаций конституций – завершает сборник «Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.)», подготовленный учеными Уральского университета [458]. В нем помимо других представлен текст конституции Северо-германского союза 1867 г. Наиболее авторитетное и фундаментальное издание документов конституционной истории Германии Нового и Новейшего времени подготовлено под руководством видного специалиста по государственному праву профессора Фрайбургского университета Эрнста-Рудольфа Хубера, электронная версия которого размещена в немецком домене интернета на портале «Конституции мира» [1106].

Изменения основных направлений государственной политики позволяют проследить *парламентские документы*. Например, в Великобритании подписанные монархом законы с 1882 г. систематически публикуются «Постоянной канцелярией его (ее) величества» отдельными сборниками [1104]. Более ранние законы являются также доступными для исследователя благодаря их оцифрованию и размещению на специальном интернет-портале, поддерживаемом национальными архивами от имени правительства Великобритании [1074]. Важ-

нейшее значение имеют парламентские документы, характеризующие законотворческую деятельность. На постоянной основе издаются официальные отчеты и дебаты Палаты общин и Палаты лордов, сборники утвержденных ими биллей. Начиная с 1812 г. публикуются полные отчеты о прениях в обеих палатах, так называемые «Парламентские дебаты Хэнсарда» (сокращенно именуемые «Хэнсард» – по имени официального парламентского издателя К. Хэнсарда) [1091]. Материалы парламента издавались в виде отчетов за каждый день работы палат, в крупных еженедельных выпусках, которые в конце года сводились в большие тома, снабженные справочным аппаратом. К настоящему моменту материалы парламентских дебатов XIX в. полностью оцифрованы и размещены на официальном сайте парламента [1078]. Обширную информацию содержат материалы правительственных комиссий, с 30–40-х годов XIX в. периодически назначавшихся для обследования ситуации в различных сферах общественно-политической и экономической жизни. Важным источником являются так называемые «Отчеты и документы» – материалы, предоставляемые палатам министерствами и ведомствами и публикуемые в виде отдельных томов. В связи с обсуждением в парламенте важных законопроектов, в том числе по вопросам реформирования избирательного права, системы управления и тому подобным вопросам, правительство обнародовало соответствующие подборки документов. Из неофициальных публикаций следует отметить многотомное издание источников, выходящее с 1953 г. под названием «Английские исторические документы» [1081]. Документы XIX века содержат XII и XIII тома.

Аналогичны документальные фонды, образованные в связи с деятельностью Национального собрания Франции и Рейхстага Германии [1111] (последние публикуемые параллельно на английском языке [1089]). Таким образом, имеется достаточная документальная основа для изучения британского, французского и германского конституционализма и парламентаризма, преобразования политических систем в буржуазно-демократическом направлении.

Изучение социальных процессов в европейских странах XIX – начала XX в. облегчено наличием на русском языке полных текстов Гражданского кодекса Франции [982] и Гражданского уложения Германской империи [207], а также трудового и социального законодательства. Начиная с последней трети XIX в., новые программные принципы политических партий и государств в целом в отношении признания повседневных интересов широких масс населения нашли воплощение в ряде законодательных актов, заложивших основы государственной социальной политики европейских стран, опыт которых в этом направлении внимательно изучали в России, где опубликовали несколько сборников законов европейских стран по рабочему вопросу. Первые из них появились в связи с работой «Комиссии, учрежденной генерал-губернатором Москвы князем В. А. Долгоруковым», которая изучала иностранный опыт фабричного законодательства. В результате был издан двухтомник фабричных законов европейских стран. Один из томов охватывал фабричное законодательство Германии, Франции, Австро-Венгрии, Швейцарии, Дании, Швеции, Норвегии, Голландии

и США [386]. Он включил тексты важнейших фабричных законов интересующих нас государств: Германии («Постановления Промышленного устава», 1869 г.), включая Эльзас-Лотарингию, находившуюся с 1871 г. в ее составе («Закон, относящийся к детям, работающим на фабриках, заводах и мастерских») и Франции (Закон о работах на фабриках детей и несовершеннолетних девушек, 1874 г., Декреты от 27 марта, 12, 13, 14 и 22 мая 1875 г., от 1 и 3 марта 1877 г.). Отдельный том документов, вышедший под редакцией члена комиссии И. И. Янжула, был посвящен фабричному законодательству Великобритании [39]. Самостоятельные выпуски сборников трудов Комиссии были посвящены английскому и швейцарскому законодательству об ответственности хозяев за несчастные случаи на производстве и фабричным инспекциям в Швейцарии и Англии [38]. Таким образом, благодаря этим публикациям сегодня доступны для исследователя важнейшие законы периода промышленной революции.

В публикации документов, отражающих европейский опыт развития социального страхования и защиты (законов о нормах рабочего времени, порядке назначения пособий по безработице, социальных выплат в связи с травматизмом, болезнью и инвалидностью, пенсий по возрасту), чрезвычайную активность проявляло Министерство финансов России. В 1899 г. по его поручению был издан сборник «Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими». В нем приводятся действовавшие в то время законы Англии, Франции, Германии, Дании, Швейцарии и Италии, в том числе: «Акт об ответственности хозяев» 1880 г. и «Акт о вознаграждении рабочих» 1897 г. (Великобритания); «Закон об ответственности за несчастные случаи» 1898 г. (Франция); «Промышленный устав для Германской империи» [382]. В 1905 г. Министерство финансов издало еще один сборник документов – «Иностранное законодательство по рабочему вопросу», в котором каждой стране посвящен раздел с отдельной нумерацией страниц. По *Великобритании* в него вошли – «Акт о рабочих союзах» 1871 г., «Акт в изменение акта о рабочих союзах 1871 г.» 1876 г., «Акт о страховых капиталах рабочих союзов» 1893 г., «Правила по актам о рабочих союзах 1871 и 1876 гг.», «Акт о заговорах и о защите собственности» 1875 г., «Акт о примирении» 1896 г. [383], по *Франции* – «Закон об учреждении профессиональных синдикатов» 1884 г. [335], по *Германии* – «Промышленный устав», «Закон о промышленных судах от 29 июля 1890 года (30 июня 1901 года)», «Постановления, касающиеся цеховых третейских судов», «Устав Сообщества немецких фабричных и ремесленных рабочих» [384]. В 1912 г. Министерство финансов опубликовало в полном объеме кодифицированные в единый свод германские законы о страховании рабочих под названием «Свод германских законов о страховании рабочих в издании 19 июля 1911 года». Юридические нормы свода в 1805 параграфах детально прописывают условия, порядок назначения и количественные размеры материального и денежного обеспечения в случае болезни, несчастного случая, инвалидности и по возрасту [863].

В целом указанный корпус официальных документов создает достаточно целостное представление о направлениях социальной политики и развития социального законодательства Франции, Германии, Великобритании.

2. *Программные документы политических партий и общественных организаций.* Материалы и документы по истории *партий социалистической ориентации, рабочих, профсоюзных и женских суфражистских организаций* концентрировано собраны в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме. В частности, исключительной по богатству материалов является германская коллекция [1090]. В составе огромной коллекции, посвященной Великобритании, имеются на микроформах архивы Социалистической лиги, Социал-демократической Федерации, Британской социалистической партии, Лейбористской партии, Фабианского общества, Конгресса тред-юнионов, личные архивы деятельниц суфражистского движения Этель Панкхерст и Доры Рассел [1110]. Во французской коллекции интерес представляют многочисленные документы, посвященные революциям 1830 и 1848 гг., а также документы, относящиеся к деятельности французских социалистов Б. Малона и Жюлья Гедда, письма Ф. Лассаля, Ж. Жореса, Л. Мишель [1086].

Доступны на русском языке документы ряда *политических партий и массовых общественных организаций.* Тексты программ социалистических партий и организаций (Французской социалистической партии; Германской социал-демократической партии 1891 г.; программные документы английских социалистов, в том числе, Социал-демократической федерации, Независимой рабочей партии, Комитета рабочего представительства) концентрировано собраны в качестве приложений к книге Р. Ч. Энзора «Современный социализм» [1058, с. 429–434]. Готская программа социалистической рабочей партии Германии опубликована на русском языке в качестве приложения к изданию 1923 г. работы К. Маркса «Критика Готской программы» [205, с. 78–81]. Отдельными изданиями неоднократно выходила Эрфуртская программа СДПГ, подготовленная К. Каутским [1065–1067], переведена Программа французской рабочей партии, составленная Ж. Гедом и П. Лафаргом [797; 798]. В советское время опубликованы документы об основании Первого Интернационала [716], протоколы его Генерального Совета и конференций [185–188]. Имеются в изданном виде материалы и документы по истории Второго Интернационала [601].

Программы политических партий консервативного и либерального направления рассредоточены по разным изданиям. В отношении изучения политических партий Германии особую ценность представляет отдельный том документов, являющийся частью трехтомного издания «История Германии», подготовленного Западносибирским центром германских исследований под общей редакцией Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова [396]. В нем помещены ряд программ и предвыборных заявлений германских консервативных и либеральных партий. Что касается французских либеральных партий, то их организационное оформление и структурирование в современном виде началось позже,

в связи с принятием в 1901 г. закона о союзах. Партия радикалов и радикал-социалистов стала первой подобной партией. Она не принимала специальной программы на своем организационном съезде, но руководствовалась так называемой Бельвильской программой, с которой республиканец Л. Гамбетта в 1869 г. баллотировался в Законодательный корпус. Ее текст на русском языке никогда не публиковался, но перечень требований регулярно излагался в специальных работах по истории Франции.

Что касается Великобритании, то в 1905 г. издатели сделали полезный шаг, опубликовав в России с предисловием Г. Асквита книгу, ставшую своеобразным манифестом Либеральной партии начала XX столетия, «Либерализм: Опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии» молодого, но уже видного британского государственного деятеля Г. Самуэля [857; 858]. Она содержала изложение основных принципов обновленного английского либерализма, в том числе программу английской либеральной партии. В ней постулаты либерализма рассматриваются в применении как к задачам британской внешней политики, так и к проблемам внутренней политики, в том числе к вопросам борьбы с бедностью, доступности образования, степени вмешательства государства, избирательного права, местного самоуправления и др. Ряд важных источников по истории политических партий Великобритании содержит «Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914» [862].

Были изданы выступления, программные брошюры и другие материалы, отражающие взгляды по тем или иным вопросам партийных и общественных деятелей. Примером могут служить сборники «Возникновение партийной организации германской социал-демократии: Речи Бебеля, Либкнехта, Зингера и других на партийном съезде в Галле в 1890 г.» [158], подготовленный Р. Энзором сборник «Современный социализм» со статьями А. Бебеля, В. Либкнехта, Ф. Лассалья, А. Мильерана, Ж. Жореса и других видных деятелей социалистического движения [1058]. Многочисленны издания выступлений и трудов немецких социалистов К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Лассалья, К. Каутского, Э. Бернштейна, В. Либкнехта, К. Либкнехта, А. Бебеля, К. Цеткин, Р. Люксембург¹, выступлений и брошюр французских социалистов П. Лафарга [530–533] и Ж. Геда [179; 180], основателя POSSИБИЛИЗМА Б. Малона [578], лидеров независимых социалистов А. Мильерана [625], Ж. Жореса [284].

Опубликованы Программа Всеобщего немецкого женского союза [787, с. 143–144], а также программные работы по женскому вопросу видных общественных деятелей рассматриваемой эпохи Англии (Дж. Ст. Милля [620–622], Г. Спенсера [902], Т. Хиггинсона [996]), Франции (Л. Рише [831], П. Лафарга [530]), Германии (А. Бебеля [58–63], К. Каутского [422], К. Цеткин [1012–1015],

---

¹ В силу огромного числа изданий работ названных общественных деятелей, опубликованных на русском языке еще до революции, ради экономии места нам пришлось ограничиться лишь упоминанием этого факта.

Е. Ланге [526], Л. Браун [98–104]). Вызывает интерес опубликованная полемика между сторонницей женских прав писательницей-феминисткой Фанни Левальд и ее оппонентом в этом вопросе Матильдой Рейхгарт-Штрюмберг [1047]. Содержит многочисленные выдержки из документов работа М. де Вилье «Женские клубы и легионы амазонок», посвященная политическому движению женщин во Франции в эпоху революций конца XVIII в., 1848 г. и в дни Парижской коммуны [143]. Изданы документы, касающиеся деятельности английской «Лиги против хлебных законов» и парламентские выступления ее основателя Р. Кобдена [56; 541].

Необходимый документальный материал по политической и социальной истории рассматриваемых стран можно извлечь из разнообразных сборников документов, появившихся в советское время. В. М. Лавровский в сборнике «Английский капитализм во второй половине XIX века» [521] привел отобранные по принципу наибольшей репрезентативности отдельные стенограммы парламентских прений, отчеты департамента труда, главного фабричного инспектора, материалы о состоянии сельского хозяйства, статистические данные за 1850–1900 гг. Насыщены документальными данными сборник материалов по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время, вышедший в 1929 г. под редакцией В. П. Волгина [1008], а также хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы Ц. Фридлянда и А. Слуцкого, к 1928 г. выдержавшая 5 изданий [987]. В сборниках «Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах» [1061] и «Новая история в документах и материалах», изданных под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина [669; 670], содержатся документы по важнейшим проблемам общественно-политической жизни Франции, Великобритании, Германии XIX в. Подбор документов этих изданий акцентировал внимание на революционных событиях, проблемах рабочего движения. В 1923 г. в серии «Материалы по истории революционного движения на Западе» были изданы небольшие по объему сборники документов «Чартизм» [596] и «1848-ой год» [597]. Тематически к последнему примыкает книга Я. М. Захера «Революция 1848 г. в Германии», вторую часть которой составляет коллекция документов [346]. Отдельный сборник документов посвящен «Союзу коммунистов» [900; 901]. В 1941 г. вышла хрестоматия по Новой истории под редакцией А. В. Ефимова и В. А. Орлова [1004], ее продолжила опубликованная в 1953 г. хрестоматия под редакцией А. И. Молока и В. А. Орлова, содержащиеся в ней документы хронологически отражают 1870–1918 годы [1005]. В 1958–1959 гг. эти книги вышли вторым изданием [1006]. В 1963–1965 гг. опубликованы два тома документов по новой истории под редакцией А. А. Губера и А. В. Ефимова [1007]. Сборники документов, составленные Е. Е. Юровской, охватывают период 1640–1870 гг. [860] и 1870–1917 гг. [1071]. Комплексно отражает вопросы внутренней и внешней политики, рабочего и социалистического движения одно из наиболее авторитетных изданий – сборники документов, составленные и прокомментированные П. И. Ост-

риковым и П. П. Ванделем [861; 862]. Периоду 1870–1918 гг. в истории Германии посвящен первый том сборника документов, подготовленного П. П. Ванделем и О. Г. Левенштейн [671]. Релевантные теме документы также содержатся в хрестоматии по истории государства и права зарубежных стран, составленной В. Н. Садиковым в 1973 г., затем неоднократно переиздававшейся [1000; 1001; 1003]. В советском франковедении одной из ключевых тем считалась история Парижской Коммуны 1871 г. В разные годы публиковались как подборки документов и материалов о различных сторонах ее деятельности [736–738], так и полный текст протоколов ее заседаний [807]. В 1976 г. переиздали составленную А. И. Молоком хрестоматию по истории Коммуны [647]. В связи с 70-летием, а в последующем и ее 100-летием издали документальные сборники, отражающие деятельность Первого Интернационала в связи с Парижской Коммуной [749; 750]. Ключевые аспекты политической эволюции стран Европы раскрывают материалы и документы хрестоматии И. Р. Чикаловой и Р. А. Чикалова «Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.» [1029].

3. *Статистические материалы*, в первую очередь данные переписей населения, официальные обследования условий труда и жизни, уровня образованности населения и другие документы дают информацию об уровне промышленного и аграрного производства, изменениях в социодемографическом составе населения города и деревни, позволяют проследить трансформации в структуре занятости, образовании, уровне жизни населения. Большой статистический материал по ремесленному, промышленному и сельскохозяйственному пролетариату, работникам обслуживающих отраслей содержится в трудах Ф. Энгельса [1057], А. Бебеля [59], Г. Ностица [692], Ю. Пирсторфа [764], Л. Браун [99], Л. Рязановой [855]. Большую ценность для понимания причин и определения масштабов массовых протестных движений имеют данные о забастовочных выступлениях пролетариата, сконцентрированные в исчерпывающем с точки зрения полноты данных сборнике «Забастовочная борьба трудящихся» [286]. Итоги выборов в законодательный корпус Великобритании и Германии представлены в уже упоминавшихся «Сборнике документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914» [862] и в 3-м томе (документы) «Истории Германии», изданной под редакцией Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова [396].

4. *Источники личного происхождения*. Изданы воспоминания германских канцлеров Бюлова [120] и Бисмарка [81; 82], адмирала Тирпица [937], мемуары Вильгельма II [141; 142]. Опубликованы свидетельства участников революции 1848–1849 годов [818; 938]. Вышли воспоминания А. Бебеля, позволяющие составить представление об его интерпретации идейных воззрений и политики германской социал-демократии [64]. Опубликованы воспоминания одной из руководительниц суфражистского движения в Англии Э. Панкхерст [734], социал-демократического женского движения в Германии Л. Браун [105]. Изданы письма Ф. Лассалья к К. Марксу [527]. Личная переписка воспроизводится

и в монографической литературе. Е. М. Макаренкова в исследовании «Поль Лафарг и французское рабочее движение во второй половине XIX века» в виде приложения опубликовала впервые на русском языке девять писем (три – Поля Лафарга, пять – Ж. Геда и одно – П. Брусса) [574].

5. *Периодическая печать.* Российская периодическая печать содержит богатый материал по политическому развитию европейских государств рассматриваемого времени. Среди ведомственных изданий особое место занимает «Журнал Министерства юстиции», выходивший в 1859–1868 и в 1894–1917 гг. В нем на протяжении 20 лет, с 1897 по 1917 г., практически из номера в номер печатались «Письма из Англии» адвоката Сесилия Мида Аллена, представлявшие собой подробные отчеты о текущей законодательной деятельности британского парламента [872].

Журналы «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Исторический вестник», «Образование», «Мир Божий» («Современный мир») «Северный вестник» и др. имели общественно-политические и «иностранные» отделы. «Русское обозрение» весь 1890 г. и по июль 1891 г. публиковало «Письма из Лондона» известного британского журналиста Уильяма Томаса Стэда [927]. «Русское богатство» на протяжении 1895 г. помещало «Письма из Англии» за подписью «Ав.», принадлежали они дочери К. Маркса Элеоноре Эвелинг [1055]. В журнальном и газетном пространстве сложилась практика, когда российские публицисты обосновывались в одной из зарубежных стран (П. Л. Лавров, И. В. Шкловский, С. И. Рапопорт в Лондоне, Г. Б. Иоллос и Г. А. Гроссман в Берлине, А. С. Белевский и Н. С. Русанов в Париже) и регулярно поставляли материалы в отечественные периодические издания. Многолетнее погружение в разнообразные проявления жизни общества страны пребывания делало из них подлинных страноведов.

Выходившие в России специальные женские издания – ежегодный «Первый женский календарь» (1899–1915) [748] и ежемесячный, с 1906 г. печатный орган «Женской Прогрессивной партии», «Женский вестник» (1904–1917) [280] в специализированных рубриках «За границей», «Хроника женских избирательных прав», «Из иностранных журналов», «Феминизм в различных странах» публиковали сведения о женских организациях и движениях за рубежом, например, «Женское дело во Франции» [281], «Женское образование во Франции» [748: 1901, с. 267–271], «Женские общества во Франции» [748: 1903, с. 454–458], «Феминизм во Франции» [972], «Движение женского дела за границей» [748: 1903, с. 418–419], «Хроника женских избирательных прав» [1009].

При внешней тематической хаотичности дореволюционные журнальные публикации содержат огромный массив материала, касающийся событий политической, экономической, социальной, культурной жизни европейских стран. Этот круг источников сегодня приобрел особое значение в связи с тем, что оставался долгие годы вне зоны исследовательского интереса.

Материалы, опубликованные на страницах периодических изданий, дополняют фактические и документальные данные, содержащиеся в исследованиях

дореволюционных российских англоведов, франковедов и германистов, а также в переведенных на русский язык практически всех наиболее значительных монографических трудов европейских ученых рассматриваемого времени. В них нашли отражение многие стороны жизни Франции, Германии, Великобритании – конституционный процесс и эволюция демократических начал, экономическое и социальное развитие, положение рабочего класса, рабочее движение, возникновение и деятельность политических союзов предпринимателей и профессиональных союзов рабочих, положение женщин и женское движение, обучение и воспитание молодого поколения.

Таким образом, к сегодняшнему дню сформирована уникальная источниковая база на русском языке, во многих своих сегментах не включенная в научный оборот, позволяющая создать панорамное исследование организационного оформления и функционирования партий, профессиональных союзов и женских объединений в социально-политических системах Франции, Германии, Великобритании в хронологических границах 1815–1914 гг.

**ИСТОРИОГРАФИЯ (1918–2014 гг.)
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ,
ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹**

1.1. Советская историография (1918–1990 гг.)

Социально-политическая проблематика в обобщающих трудах. Созданная российской исторической дореволюционной наукой панорама политической, социальной и хозяйственной эволюции стран Европы во многих аспектах, прежде всего в фактографическом плане, создала базу для дальнейших изысканий по истории зарубежных стран. После 1917 г. в Советской России продолжали работать профессора и научные работники, сложившиеся как ученые в дореволюционный период. Однако традиции российского англоведения, франковедения и германистики начинают угасать, их отголоски все еще звучат лишь в период между 1918 и 1930 годами, когда наступление марксизма не исключало относительной терпимости к историкам старой школы и продолжали издаваться труды, по определению советских идеологических учреждений, «буржуазно-либеральных» ученых, своим творчеством составивших эпоху в историографии. В первую очередь это относится к таким ученым, как Н. И. Кареев, которому удалось опубликовать вторым изданием «Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны» (первое вышло в 1910 г.) и «Историю Западной Европы в начале XX века» (переиздание 7-го тома «Истории Западной Европы в новое время») [417; 418]. Стержнем трудов Кареева была идея о закономерном развитии капиталистического производства и сопутствующих ему социальных антагонизмах между земельной аристократией и буржуазией, с одной стороны, между ними и народом, с другой. Е. В. Тарле исследовал внутреннее развитие Британской империи, Франции и Германии в 1871–1914 гг. в работе «Европа в эпоху империализма» [928–930]. Книги ученых, сформировавших свое научное мировоззрение до Октябрьской революции, не вписывались в рамки официальной государственной идеологии, но первые годы ввиду отсутствия пролетарских кадров научных работников старую интеллигенцию вынуждены были терпеть.

На рубеже 1920–1930-х годов ситуация резко изменилась. Организовали судебное, так называемое «академическое», дело против академика С. Ф. Пла-

---

¹ Подробно о дореволюционной российской историографии Великобритании см.: Чикалова И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917). – СПб.: Алетейя, 2013. – 392 с.; Чикалова И. Р. Опыт интеллектуального трансфера: иностранная книга об Англии в России (1861–1917) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 469–530.

тонова и других виднейших историков. В конце 1930 – начале 1931 гг. в Москве и Ленинграде провели дискуссию по теме «Буржуазные историки Запада в СССР», в ходе которой с позиций марксизма-ленинизма жесточайшему разгрому подвергли либеральные взгляды крупнейших ученых, составивших научное имя в дореволюционной России, но продолжавших активно работать в СССР, в том числе и Е. В. Тарле. Были инспирированы направленные против них разгромные публикации, лейтмотивом которых звучали обвинения наподобие: «классовый враг на историческом фронте», «вредительство на историческом фронте – Тарле и Платонов и их школы». С идейно-методологическим плюрализмом было покончено. Старую университетскую профессию отстранили от работы. Принятое 15 марта 1931 г. постановление ЦК ВКП(б) о работе Комкадемии определило направления работы исторических учреждений и историков. Вследствие этих событий темы парламентаризма, партийно-политических систем, буржуазно-демократического реформизма в западноевропейских странах перестали быть объектом изучения советскими историками. В. А. Дунаевский в обстоятельной монографии «Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 гг.» [261] определил блоки проблем, по которым велись исследования. Это – изучение западноевропейских и американских буржуазных революций XVII–XIX вв. и Парижской Коммуны; исследования социально-экономической истории, рабочего и социалистического движения XIX – начала XX в.; изучение западноевропейского утопического социализма; исследование истории международных отношений в Новое время и национально-освободительного движения в странах Америки и Европы (XVIII–XIX вв.). Об исследованиях внутриполитического развития европейских стран В. А. Дунаевский ничего сказать не может – таких трудов не было, если не считать двухтомного учебника по Новой истории для вузов, вышедшего в 1939 г. под редакцией Е. В. Тарле и других историков.

В 1945–1990 гг. положение мало изменилось. Итоги изучения процессов формирования английской, французской и германской политических систем, политики реформизма и политических стратегий правящих классов в XIX – начале XX вв. практически ограничивались публикациями соответствующих разделов в вузовских учебниках Новой истории, глав в фундаментальной «Всемирной истории», статей в «Советской исторической энциклопедии».

Насыщенная в фактографическом отношении «Всемирная история» [161] (события XIX – начала XX вв. рассматриваются в 6-м и 7-м томах) в полной мере отражает сложившиеся в советской историографии подходы к освещению исторического процесса сквозь призму теории смены общественно-экономических формаций. Основу этого процесса составляет конфликт между уровнем производительных сил и характером производственных отношений, завершающийся революционным переходом к более высокой форме социальной организации. Внутриформационные изменения последней антагонистической формации – капиталистической с ее высшей стадией империализмом – в трактовке «Всемирной истории» открывают путь к построению социализма и созданию

коммунистического общества. Это издание, высоко оцененное в Советском Союзе как выдающееся достижение марксистско-ленинской историографии, представляется концептуально устаревшим.

Уникальным для своего времени и не повторенным в постсоветский период было издание 16-томной «Советской Исторической Энциклопедии» (СИЭ). В ней содержится около 25 тыс. статей по российской дореволюционной, советской и зарубежной истории. Хотя марксистско-ленинская методология предопределила уклон в сторону освещения народных и национально-освободительных движений, классовой борьбы, восстаний и революций, коммунистического движения, СИЭ продолжает оставаться ценным справочным изданием, особенно по историческим персоналиям, вопросам регионально-страноведческого характера, международным отношениям и конфликтам. Вместе с тем следует учитывать, что во многих случаях политические и социальные процессы в этом издании поданы под углом зрения методологических установок тогдашней официальной идеологии, что не способствовало научной объективности соответствующих оценок [891].

Учебники. В первые годы Советской власти университеты продолжали использовать учебники дореволюционного времени. В их числе одной из наиболее востребованных была книга Р. Ю. Виппера «История Нового времени», третье издание которой вышло в 1918 г. Оценивая ее как лучший «до последнего времени» учебник по Новой истории Запада, Н. М. Лукин считал, что в дальнейшем основывать на нем учебный процесс невозможно. Он утверждал: «То, что еще недавно казалось нам, если не идеальным, то приемлемым за отсутствием чисто марксистских учебников, становится явно непригодным теперь, когда изучение истории XIX–XX века сделалось одним из существеннейших элементов преподавания <...> Полумарксистский учебник, к тому же весьма густо пропитанный в своих последних главах социал-патриотизмом и союзнической ориентацией, едва ли может воспитывать молодые умы в духе революционного коммунизма. Наконец, в книге проф. Виппера сравнительно мало уделяется внимания рабочему движению и истории социальных систем, занимающих центральное место в преподавании новейшей истории в высших учебных заведениях Советской республики» [557, с. 3].

Сам Н. М. Лукин и попытался восполнить, с его точки зрения пробел. Первым советским марксистским учебником для высшей школы по истории Нового времени стала его книга «Новейшая история Западной Европы», вышедшая в 1923 г. В ее основу были положены лекции, прочитанные в *Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова* и других учебных заведениях [557–558]. Хотя тема книги была обозначена как «новейшая история», речь в ней идет о событиях начиная с XVI века, причем XVI–XVIII века Лукин относит к эпохе Новой истории, которую в конце XVIII в. сменяет время промышленного капитализма, тождественное, в понимании Лукина, Новейшей истории. Вузы использовали учебное пособие Ц. (Г. С.) Фридлянда «История Западной Европы. 1789–1914» [984–986]. А. И. Анекштейн, публиковавшийся под псев-

донимом «Арк. А – Н», двумя изданиями выпустил «Историю Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов», охватывавшую период с конца XVIII в. до 70-х годов XIX века [44]. Огромная, на 830 страниц книга, по замыслу автора, должна была служить пособием для школ и самообразования при изучении истории промышленного и финансового капитализма. Но учебной литературы было мало, ее недостаток восполняли конспекты лекций профессоров и доцентов. В Национальной библиотеке Республики Беларусь сохранился уникальный, машинописный текст, размноженный литографическим способом, студенческого конспекта лекционного курса приглашенного профессора БГУ С. Ляковского «История XIX века». Этот курс был прочитан в 1924/1925 учебном году и отредактирован лично автором. Объясняя необходимость такого рода издания, Ляковский отметил: «Эта редакция обеспечивает лишь годность издания для сдачи зачетов по курсу и является его главной целью» [564, с. 3].

Лишь вышедший в свет в 1939 г. двухтомник «Новая история», подготовленный под редакцией Е. В. Тарле, А. В. Ефимова и Ф. А. Хейфец стал основным учебным пособием для вузов страны. В соответствии с принятой в то время периодизацией первая часть охватывала период от Французской буржуазной революции до преддверия Франко-прусской войны (1789–1870 гг.), вторая – начиная с Франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания Первой мировой войны [681]. Новый подход с точки зрения периодизации продемонстрировали прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) и изданные в 1940–1941 гг. лекции А. В. Ефимова, И. С. Галкина, Е. В. Тарле, С. Д. Сказкина и др. Этот курс лекций по Новой истории открывался Английской революцией середины XVII в. Именно с этого времени и вплоть до начала 1990-х гг. Английскую революцию считали началом Нового времени.

После окончания Великой Отечественной войны возобновилась работа по подготовке вузовских учебников. В 1953–1960 гг. вышло трехтомное учебное пособие «Новая история» для исторических факультетов университетов и пединститутов. В соответствии с утвердившейся к тому времени периодизацией первый том охватывает 1640–1789 гг., второй 1879–1870 гг., третий 1870–1918 гг. Эти книги широко использовались в учебном процессе, первый том после выхода в 1953 г. переиздали в 1964 г., а третий том, впервые вышедший в 1960 г., вторично увидел свет в исправленном и дополненном виде в 1973 году [685]. В советской историографии это был наиболее подробный обобщающий труд в 2232 страницы текста, не считая карт, в написании которого участвовали более 60 авторов. Параллельно широко использовался курс лекций по истории Франции, Германии, Англии, Ирландии и США, написанный киевским профессором К. Д. Петряевым [762].

На протяжении 60–80 годов XX в. студенты, обучавшиеся по специальности «история», получили учебные пособия, написанные коллективами авторов под руководством А. Л. Нарочницкого [682–683]; В. Г. Ревуненкова [684]; Е. Е. Юров-

ской, М. А. Полтавского и Н. Е. Застенкера [673]; А. В. Адо [679]; Н. Е. Овчаренко [686–687]; Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза [672]. Всем этим работам были присущи некоторые общие черты. Изложение истории зарубежных стран Европы и Америки в соответствии с утвердившимися к тому времени представлениями о хронологических рубежах Новой истории велось начиная с Английской буржуазной революции середины XVII в. до 1917 г. ввиду оценки Великой Октябрьской социалистической революции как начала новой эпохи в истории человечества. Саму Новую историю подразделяли на два периода, границу между ними составляли события Парижской Коммуны 1871 г., которую рассматривали как первый в истории опыт построения государства нового типа – диктатуры пролетариата. Определяя генеральную линию развития человечества в Новое время, учебники исходили из концепции смены общественно-экономических формаций: «именно на этот период приходится процесс восхождения, а затем начала упадка последней в истории человечества классово-антагонистической общественно-экономической формации» [680, с. 7].

Оценка эволюции социально-политической системы стран Европы и США в интерпретации учебников тех лет исходила из концепции разложения капитализма, подаваемого как объективная реальность: «Буржуазный строй как общественная система вступил в последней трети XIX века в период постепенного загнивания» [686, с. 8]. В связи с этим учебники раскрывали общественный процесс как непрерывающуюся борьбу между буржуазией и пролетариатом. «Эта борьба составила основу общественного развития и содержание исторического процесса во второй период новой истории (1871–1917 гг.)» [686, с. 8]. Отсюда вытекало гипертрофированное внимание к рабочему и социалистическому движению, отказ от освещения таких существенных моментов, как развитие конституционализма, демократизация общественной жизни, расширение избирательного права, развитие общественных организаций (феминистских, пацифистских), социальной роли церкви, даже достижений науки, техники и культуры. Политическая история каждой страны рассматривалась отдельно по блокам. Первый, от Парижской Коммуны до рубежа между XIX и XX вв., соответствовал времени домонополистического капитализма. Второй, охватывая события до окончания Первой мировой войны – эпохе империализма. Таким образом, изложение истории стран искусственно разрывалось. Учебники не стремились показать развитие Европы и США как целостной западной цивилизации и концентрировали внимание на политической истории отдельных стран, взаимодействие которых в европейском и мировом масштабе сводилось к двусторонним торговым связям, конкурентной борьбе в экономической сфере, внешнеполитических отношениях с акцентом на конфликтных ситуациях и их урегулировании, складывание противостоявших военно-политических блоков и развязывание мировой войны.

Исследование политических систем, партий, социальных структур и идеологий. Лишь в середине 1980-х гг. отчетливо наметилось возвращение историков и правоведов к изучению политических систем западноевропейских

стран, включая Великобританию, Францию и Германию. Стали чаще выходить монографические работы, раскрывающие присущие всем странам западноевропейской цивилизации институты и явления общественной жизни. Появился обобщающий труд «История буржуазного конституционализма XIX в.» [392]. Идеологию и политическую роль консерватизма под углом зрения разоблачения «несостоятельности консервативных теорий» показали А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир в монографии «Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны». В их интерпретации «самое уязвимое место консерватизма – полная неадекватность предлагаемых им рецептов реальным потребностям современного развития. Его основные постулаты заимствованы у корифеев консерватизма конца XVIII – начала XIX в. и неоднократно, на протяжении почти двух столетий, демонстрировали свою полную непригодность» [172, с. 179]. Авторы оставили без ответа вопрос, почему консерватизм, по их же словам, отличающийся «полной непригодностью», на протяжении почти двух столетий составлял существенный и дееспособный сектор идеологии и политики.

Опубликованная в 1984 г. работа Л. Е. Кертмана и П. Ю. Рахшмира «Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков» наметила поворот к анализу социальной структуры стран западной цивилизации, что было положительным явлением, но выводы авторов тенденциозны и явно не соответствуют общественно-политическим реалиям. По их утверждению, «буржуазия стран Запада, несмотря на достигнутое ею к концу XIX в. невиданное могущество и уникальное положение сравнительно немногочисленной верхушки капиталистического мира, властвовавшей над всем человечеством, вопреки ухищрениям ее лидеров и идеологов, не говоря уже о решающем влиянии на сознание большинства народа, так и не удалось сохранить свое мировое всевластие. Рабочий класс во главе со своим сознательным и организованным авангардом, овладевшим научным пониманием законов развития общества, оказался сильнее, хотя еще не настолько, чтобы ликвидировать буржуазное господство в глобальном масштабе» [436, с. 151].

А. Б. Вебер в обстоятельной монографии «Классовая борьба и капитализм: рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития (XIX–XX вв.)» исследовал воздействие классовой борьбы трудящихся на социально-экономические процессы в капиталистическом обществе. Книгу отличает богатство фактического материала, но ее конечный вывод сводится к утверждению, что «борьба трудящихся за одни лишь повседневные требования не может устранить коренные пороки капиталистической системы, которые неизбежно воспроизводятся всем ходом развития <...> Для преодоления капитализма необходим качественный, революционный скачок» [130, с. 284–285]. Это утверждение нельзя воспринимать иначе как тиражирование классического марксистско-ленинского постулата о пролетарской революции как способе изменения социально-политического строя, утратившего свою актуальность на современном этапе общественного развития. Собственно, эту оценку можно

отнести и к позиции авторов коллективного исследования «Стачки: история и современность». К. М. Кантор, М. А. Заборов, Ю. П. Мадор в главах, посвященных характеристике забастовок как специфической формы борьбы рабочего класса, их зарождению и развитию в период домонополистического капитализма, а затем и перехода к империализму, включая французский анархо-синдикализм, создали насыщенную исторической конкретикой и статистическими обобщениями панораму стачечного движения. В конечном счете, полагают авторы, стачка «содействует развитию, совершенствованию капиталистического способа производства, но это путь обострения капиталистических противоречий, подготовки предпосылок социализма в недрах капитализма, подготовки превращения капитализма в социализм» [909, с. 342].

Европейские революции 1830 и 1848–1849 гг. В связи с тем, что проблема «революция и классовая борьба» рассматривалась в качестве одной из ведущих, а Европа пережила наибольшее число революций, изучение рабочего движения, революционных движений и взрывов постепенно начало занимать одно из главенствующих мест в советской историографии. Но процесс этот был небыстрым, хотя уже до революции 1917 г. российские историки, в частности В. А. Бутенко, занимались изучением европейских революций. Итогом его изысканий стали опубликованные в 1913 г. работа «Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации» [112] и в 1923 г. исследование «Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации» [113]. В последней Бутенко пришел к выводу, что «не сочувствие либеральной программе, а тот же социальный инстинкт демократической Франции, не мирившейся с господством людей старого порядка, поднимал лишенную политических прав, но представлявшую собой единственную действительную политическую силу – народную массу к активным выступлениям в защиту либералов и их требований» [113, с. 278].

Других монографических работ о революции 1830 г. во Франции (если не считать нескольких журнальных статей) советская, как и постсоветская, историческая наука не создала – творческие достижения ограничились работами П. П. Черкасова об активном участнике революции М.-Ж. Лафайете [1020; 1021].

В большей степени предметом изучения стала революция 1848–1849 гг. Интерес советской историографии к ней был обусловлен тем, что именно в ходе этой революции в июне 1848 г. состоялось выступление парижских рабочих. Для Маркса это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя, такой же была оценка Ленина: июньское выступление явилось «первой гражданской войной между пролетариатом и буржуазией» [536, т. 38, с. 305]. Естественно, советские историки следовали этим установкам и развивали их. Первые публикации о революции во Франции были рассчитаны на массового читателя. Начало положил В. И. Невский, выступивший с 14-страничной брошюрой [667], затем события революции осветил С. Д. Сказкин [877]. Особенно активен был Ю. М. Стеклов. Его брошюру «Революция 1848 года во Франции» впервые опубликовали еще до Октябрьской революции. Затем она дважды вы-

ходила в свет в 1918 г., в дополненном виде ее переиздавали в 1922, 1923 и 1925 годах [918; 919]. К 75-летию революции вышел сборник статей, авторами которых были виднейшие ученые – Ф. А. Ротштейн, М. Н. Покровский, Е. С. Варга, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Ю. М. Стеклов [951]. Научно-популярный очерк о революционных событиях в Германии издал Я. М. Захер [346]. А. И. Молок подготовил монографию об июньском восстании парижских рабочих в период революции 1848 г. и отношении Маркса к июньскому восстанию, выраженному в статьях в «Новой Рейнской газете» [641; 642]. Молок пытался доказать, что восстание поддержал весь рабочий класс Франции – современная российская историография так не считает: «республиканцы и демократы почти единогласно осудили Июньское восстание» [42, с. 258].

После Великой Отечественной войны появились новые труды о революции 1848–1849 гг. Ее столетие отметили выпуском книги Л. А. Бендриковой «Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции» [71]. Затем наступила почти четвертьвековая пауза вплоть до выхода фундаментального труда Ф. В. Потемкина о промышленной революции во Франции. Потемкин историю революции не рассматривает, но в контексте вызревания революции важен его вывод о том, что во Франции на этапе от революции 1830 г. до установления Второй империи фабричное производство утвердилось во всех главных отраслях легкой промышленности, а это стало предпосылкой бурного развития социально-политической борьбы трудящихся масс и, в конечном счете, привело к революции [777, т. 2, с. 292–293]. Коллектив авторов двухтомного труда о революции 1848–1849 годов [819] подобным же образом отражает сложившееся на то время понимание причин и последствий этого события: сформировавшийся в ходе промышленной революции пролетариат выделился в особый общественный класс и в революции 1848 г. вступил на путь самостоятельной борьбы против буржуазии, достигшей наивысшего подъема в Париже в июньские дни 1848 г. Что касается буржуазии, то она, напуганная революционностью пролетариата, встала на путь контрреволюции, пошла на компромисс с абсолютизмом и крупными земельными собственниками.

Рабочее движение и социалистические партии. К числу наиболее заметных трудов 1920-х – начала 1930-х гг. следует отнести книгу уроженца Минска, выпускника Минской гимназии и Киевского университета А. И. Анекштейна об истории рабочего движения в Англии, Франции и Германии. Ее первое издание вышло в Москве в 1918 г. В Петрограде она вышла в 1922 г. В следующем году ее издали в Москве и Харькове, в 1924, 1925, 1928, 1929, 1931 гг. опять в Харькове и в 1930 г. снова в Москве [43]. Каждое из этих изданий отличается хронологическими рамками и, естественно, охватом материала. Так, московское издание 1923 г. доводит изложение событий до 1914 г., а наиболее полное издание 1930 г. – до 1929 г. Анекштейн проводит концепцию, согласно которой борьба рабочего класса протекает в двух направлениях: экономиче-

ском – за улучшение условий труда (более короткий рабочий день и более высокая оплата труда) и политическом, целью которого является установление диктатуры пролетариата, уничтожение буржуазно-капиталистического строя и подготовка последующего перехода к коммунизму. Для экономической борьбы рабочие создают профсоюзы и кооперативы, для политической – образуют партии. Профессиональное, кооперативное и политическое движения – это три ветви единого рабочего движения. Но соотношение их в каждой стране имеет свои особенности. В Англии преобладает борьба за повседневные экономические нужды. Во Франции на протяжении почти трех четвертей XIX в. преобладала политическая борьба и только с конца XIX в. развилось мощное профессиональное анархо-синдикалистское движение. В Германии политическая сторона долгое время преобладала над экономической и только к концу XIX в. оба направления стали развиваться равномерно. Но повсюду конечным результатом должно стать «водворение социализма и коммунизма».

Интенсивно велась разработка истории международных социалистических организаций. Одним из первых попытку представить развернутую панораму деятельности Международного Товарищества Рабочих предпринял Ю. М. Стеклов, издавший книгу о нем уже в 1918 году [915–917]. Обозначенные в заглавии хронологические рамки работы (1864–1914 гг.) объясняются стремлением изложить историю как I, так и II Интернационалов, но Стеклову удалось осуществить только часть замысла: были написаны только история I (1864–1872 гг.) и анархистского (1872–1881 гг.) Интернационалов. С учетом современной источниковедческой базы и новых методологических подходов книга устарела, но, тем не менее, дает панорамную картину деятельности Интернационала. Ее положительно оценивали, в частности, за совпадающую с точкой зрения Ленина интерпретацию написанных Марксом документов Интернационала (Учредительного манифеста и других). В то же время Стеклова критиковали за преувеличение роли Бакунина и недооценку роли Энгельса, утверждение, что реформистское и анархо-синдикалистское течения одинаково с марксистским являлись преемниками Интернационала. В 1921 г. советский социолог, литературовед и историк искусства В. М. Фриче издал книгу о рабочем движении на Западе [990], составной частью которого был очерк о Международном Товариществе Рабочих. Фриче усматривал неразрывную связь между Союзом коммунистов, I Интернационалом и позднейшими социалистическими партиями. Распуск I Интернационала он объяснял неспособностью международных рабочих организаций, а к ним относился и Интернационал, действовать во время войны (имелась в виду Франко-прусская). За это советская историография, когда в ней полностью утвердилась марксистско-ленинская концепция, осуждала Фриче, усматривая «некритическое» заимствование идеи К. Каутского. Фриче не был единственным исследователем Интернационала. Возникновение Интернационала показал Д. Б. Рязанов в «Очерках по истории марксизма» [853–854].

В 1920-х гг. обострилась борьба между революционной (марксистско-ленинской) и ревизионистской (социал-демократической) идеологиями. Последняя

нашла отражение в публикациях Б. И. Горева [202], И. Браславского [97], М. И. Щукаря [1054], Г. С. Зайделя [289]. Взгляды этих и ряда других историков вызвали резко отрицательную реакцию ортодоксальных марксистов, уже в 1920–1930-е гг. выступивших против «ревизионистов» в советской исторической науке. Развенчивали «недооценку» большевизма и позитивное отношение к партиям II Интернационала, всячески выпячивали отрицательные тенденции в идеологии и практике социал-демократических партий и II Интернационала, которые характеризовали как изначально оппортунистические. Например, в творчестве А. Г. Слуцкого усмотрели троцкистские отступления от генеральной линии партии, преувеличение роли германских левых и недооценку роли Ленина в борьбе с каутскианством. В дискуссию о роли большевизма вступил И. В. Сталин, опубликовавший в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором осудил ревизию истории Коммунистической партии, недооценку роли Ленина в международном рабочем и социалистическом движении: «по Слуцкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом» [904, с. 84]. Разоблачительная кампания продолжалась вплоть до заката Советского государства. Известный советский историк И. С. Галкин в работе 1977 г. писал: «Получившая распространение монография Г. С. Зайделя по истории II Интернационала стала наиболее злобредным рассадником антиленинской концепции международного рабочего и социалистического движения. Г. С. Зайдель откровенно пропагандировал умаление роли Ленина и большевиков на международной арене, говоря о «существовании единого ортодоксального крыла с 1900 до 1910 г., от Каутского до Ленина». Наряду с этим Г. Зайдель откровенно развивал тезис о полной революционной и тактической зрелости левых течений в западноевропейском социал-демократическом движении» [173, с. 224].

Собственно, и в поздний советский период существенной переоценки роли II Интернационала не произошло. В труде «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX века» утверждается: «чрезвычайно поучительные уроки истории не дают никаких оснований для предпринимаемых марксологией и так называемым современным неомарксизмом попыток переоценки оппортунистических традиций, берущих начало во II Интернационале» [590]. Историческая литература постсоветской России подходит к оценке II Интернационала более взвешенно, дифференцирует положительные и отрицательные стороны его деятельности. Например, авторы «Истории Европы» пишут: «II Интернационал прекратил свое существование. На этом основании некоторые исследователи пришли к ошибочным утверждениям, якобы вся работа организации велась по линии оппортунизма, что между К. Марксом и Ф. Энгельсом, с одной стороны, и В. И. Лениным – с другой, лежал целый период безраздельного господства оппортунизма. Эта односторонняя оценка препятствовала исследованию расстановки сил в Интернационале, борьбе революционной и оппортунистической тенденций в между-

народном рабочем и социалистическом движении. Это ошибочное положение приводило к отрицанию положительной роли, которую Интернационал сыграл в истории мирового социалистического движения» [399, с. 354].

Углубление в проблему международного рабочего движения потребовало концентрации усилий исследователей: значительная, если не большая, часть научных сил была ориентирована на изучение деятельности международных социалистических организаций и рабочего движения, считавшегося актуальным и первоочередным для уяснения движущих сил мирового исторического процесса. Накопление обширного фактического материала и его обобщение в многочисленных исследованиях [408; 495; 502; 503] создало основу для создания фундаментальных трудов. Вышли двухтомные истории Первого [751] (в 1964–1965 гг.) и Второго [394] (в 1965–1966 гг.) Интернационалов. Характеризуя свой труд, авторы писали во «Введении» ко второму из названных исследований: «Авторский коллектив использовал все ценное, что содержится в трудах советских и зарубежных исследователей международного рабочего и социалистического движения. В то же время необходимо было отказаться от некоторых ошибочных трактовок и оценок II Интернационала и социалистических партий, которые под влиянием культа личности Сталина имелись у отдельных исследователей 30-х годов» [394, т. 1, с. 6]. Наличие исчерпывающих обобщающих трудов не остановило исследователей в стремлении продолжить изыскания по истории Интернационалов: Л. И. Гольман опубликовал свою интерпретацию истории создания Международного Товарищества Рабочих [200].

На протяжении 1976–1985 гг. увидело свет коллективное 8-томное исследование истории международного рабочего движения с охватом огромного периода – от XVI в. до середины 80-х годов XX столетия. Развитие рабочего класса в эпоху промышленного переворота и до 60-х годов XIX в. рассмотрено в первом томе, рабочему движению в 1871–1904 гг. посвящен второй том, 1905–1917 гг. охватывает третий том [598–600]. Авторский коллектив поставил задачу создания «достаточно полной картины социально-экономического и идейно-политического развития рабочего класса, его вызревания как ведущей силы революционного преобразования общества» [598, с. 8]. В соответствии с этим издание анализирует тенденции рабочего движения во всех регионах мира начиная от зарождения и самых ранних выступлений пролетариата до середины 80-х годов XX в. Издание пронизано идеей особой роли пролетариата в мировом историческом процессе. Идущие параллельно с развитием науки, техники и материального производства качественные изменения в интеллектуальном, образовательном, квалификационном отношении выдвинули рабочий класс на роль главной производительной силы и важнейшего элемента социальной структуры общества. Восприятие теории научного коммунизма привело к перевороту в революционном сознании пролетариата. На этой основе стихийные формы экономического и социального протеста переросли в направляемое пролетарскими партиями организованное рабочее движение, высшая форма которого выступила как политическая борьба и ее апофеоз – социалистическая революция

как средство всеобщего освобождения человечества от эксплуатации, национального и социального угнетения в национальном и международном масштабах.

Такого рода выводы в теоретическом плане базировались на идеологии марксизма-ленинизма, а в историографическом – на концепциях советской исторической науки. Так, в 1976 г. И. М. Кривогуз издал насыщенную фактическим материалом работу «Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г.». Автор концептуально стремился доказать, что «История возникновения и становления международного рабочего движения и превращения рабочего класса в один из основных классов буржуазного общества в XIX – начале XX в. объективно, несмотря на сложность пути, явилась его исторической подготовкой к превращению в главную движущую силу современного революционного процесса, что К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели уже в середине 40-х годов прошлого столетия. Эта история была по существу предисторией современной всемирной революционной преобразующей деятельности рабочего класса, развернувшейся под руководством марксистско-ленинских партий в соответствии с гениальными предначертаниями В. И. Ленина» [503, с. 11].

Первоочередное внимание было уделено изучению истории и теории марксизма. После 1945 г. советская историография по этой проблематике накопила огромный массив литературы. Было завершено 2-е издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 50 томах [588]. Отраженные в них философские, экономические, социологические взгляды, характеристики важнейших исторических событий, политических течений и партий, теоретическая и практическая деятельность Маркса и Энгельса систематизированы в трехтомном предметном указателе [781–782]. По сравнению с первым изданием Сочинений Маркса и Энгельса, выпущенном в 1928–1947 гг., во второе вошло порядка полутора тысяч новых документов: около 800 произведений и почти 700 писем. В «Приложениях» к томам опубликованы сотни документов о жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Наиболее важные сочинения классиков марксизма объединены в собрании избранных трудов в 9 томах [589]. Опубликовали 5-е издание сочинений В. И. Ленина в 55 томах [536]. Это издание содержит около 9 тыс. работ и документов, более половины из них не входило в предыдущие издания, а свыше 1000 напечатаны впервые. Но и это издание нельзя считать полным. По свидетельству А. Г. Латышева, в 1991 г. изучавшего материалы ленинского фонда в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, многие труды Ленина, хранившиеся в нем, никогда не были обнародованы [529]. Как сообщают И. П. Дементьев и А. И. Патрушев, в «это собрание не вошло более трех с половиной тысяч документов, не укладывающихся в канонизированный пропагандой образ Ленина и господствующую его апологетику» [391, с. 148].

Наличие обстоятельной историографической базы в конечном счете обусловило попытку создания фундаментального труда, обобщившего достижения в области истории марксизма-ленинизма. В 1986–1990 гг. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустил в свет 3 тома «Истории марксизма-

ленинизма», хронологически освещающих события 40–90-х годов XIX века [401–402]. Намерения авторов не ограничивались изданием этих книг, предполагалось выпустить 6 томов, последний должен был довести изложение «до наших дней». Распад СССР не позволил завершить этот проект. Предметом истории марксизма авторы труда определили «формирование и творческое развитие марксистско-ленинской теории, ее распространение, соединение с рабочим движением, претворение в жизнь в революционной классовой борьбе, в процессе построения социализма и коммунизма» [401, с. 11]. В этих аспектах и ведется изложение конкретного материала по исследуемой теме.

Подробному разбору подверглись немарксистские концепции преобразования общества. В критическом ключе были рассмотрены истоки, содержание и место в социалистическом движении анархизма. М. И. Михайлов акцентировал внимание на борьбе против бакунизма в I Интернационале [636]. Теоретическая платформа и политическая практика анархизма рассмотрены как в общих трудах [55; 152; 278; 543; 864], так и показаны через биографии П. Ж. Прудона [910–911], М. А. Бакунина [203; 352; 491; 765–766; 913], П. А. Кропоткина [584–586; 850; 864]. Зарождение и место в политической борьбе бланкизма исследовали В. П. Волгин [160] и Ю. М. Стеклов [914].

Сложилась достаточно обширная библиотека трудов о французских социалистах. Жюлю Геду посвятил свою работу И. Д. Белкин [68], Полю Лафаргу – Х. Н. Момджян [651]. Последней по времени издания стала книга Е. М. Макаренковой [574]. Центральной проблемой ее исследования, как пишет автор, «является сама фигура П. Лафарга как политического деятеля, органически связанного с развитием французского рабочего и социалистического движения» [574, с. 12]. Политическую биографию Жана Жореса написал Н. Н. Молчанов [649].

В связи со столетием со дня рождения Фердинанда Лассалья книги о его роли в германском социал-демократическом движении издали И. М. Майский [571–572], Д. О. Заславский [345], П. С. Виноградская [150]. При этом оценки Лассалья были различны. Если Майский высоко оценивал его роль в социал-демократическом движении, а вопрос о взаимоотношениях с Марксом практически не поднимал, то Заславский и Виноградская стремились показать оппортунизм лассальянства в отличие от революционного марксизма. Серия работ посвящена биографиям марксистских лидеров Социал-демократической партии Германии: А. Бебелю [700], К. Либкнехту [194], Р. Люксембург [266]. Идеологические и исторические взгляды Франца Меринга, крупнейшего теоретика германских левых социал-демократов, раскрыты в книгах Б. Чагина [1018], А. Гагарина [167], А. Г. Слуцкого [881]. Каждый из этих авторов стремится показать путь Меринга к революционному марксизму, его вклад в развитие философии, этики, эстетики, литературоведения, истории военного искусства, рабочего и социалистического движения, создание первой научной биографии К. Маркса.

Сущность спора между марксизмом и ревизионизмом раскрывает книга Е. Л. Петренко [760]. Центризму посвящена монография Ю. М. Чернецовского

«Революционные марксисты против центризма» [1023] и С. М. Брайовича «Карл Каутский – эволюция его воззрений» [95]. В последней с марксистских позиций анализируются философские, этические и социально-политические взгляды Каутского, его воззрения по предмету истории христианства, социалистических учений, марксизма. Пафос работы направлен на осуждение взглядов и деятельности Каутского, которые, по мнению Брайовича, как и всех ортодоксальных марксистов, отличали «расплывчатость, неопределенность, уклончивость в принципиальных вопросах марксистского мировоззрения и методологии», что имело «своим конечным результатом переход Каутского с революционного пути на реформистский, отказ от участия в политике и борьбе классов» [95, с. 214].

В 1984 г. Институт философии АН СССР и Академия общественных наук при ЦК КПСС издали фундаментальный труд «Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX века» [590]. В нем представлены биографии и проанализированы теоретические воззрения А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга, З. Бернштейна, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга и некоторых других, как сказано в книге, «видных учеников Маркса и Энгельса <...> немало сделавших для пропаганды марксизма в социалистическом движении, защиты марксизма и применения его к решению новых проблем социальной практики» [590, с. 3]. Политическую деятельность К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин осветил также Я. С. Драбкин [259].

В первые годы Советской власти для массового читателя публиковались небольшие, объемом от 15 до 50 страниц, брошюры о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Их авторами были виднейшие деятели Коммунистической партии А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский, В. В. Воровский. В 1935 г. Е. А. Степанова опубликовала, а в 1956 и 1980 гг. переиздала биографию Ф. Энгельса, которую оценивали как первое научное исследование его жизни и деятельности [920–921]. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС двумя изданиями 100-тысячным тиражом каждую выпустил ставшие в советское время каноническими биографии К. Маркса [420] и Ф. Энгельса [988].

Франковедение. В 1917–1945 годах изучение истории Франции тематически концентрировалось вокруг проблем революционного, социалистического и рабочего движений. Тарле, обратившись к промышленной революции в ее социальных аспектах, осветил выступления рабочих Парижа и провинции против внедрения машин с акцентом на лионских восстаниях 1831 и 1834 годов [931]. О лионских восстаниях написал монографию и Ф. В. Потемкин, охарактеризовавший их как первые великие революционные выступления в условиях буржуазной монархии [776]. И. Н. Бороздин еще в 1906 г. предпринял попытку представить на примере Франции историю рабочего движения XIX века [93]. В советское время он вновь вернулся к этой теме [94]. Кризис французского синдикализма в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, стал темой труда В. М. Далина [225]. Развитие синдикатов и борьбу течений в профессиональном движении показала Т. В. Милицина [619]. Другие исследователи, чис-

ло которых было невелико, писали работы либо обзорного (М. Н. Покровский «Франция до и во время войны» [769]), либо популярного характера (Е. Н. Водовозова «Как люди на белом свете живут. Французы» [155]), либо по отдельным проблемам, как П. Г. Мижуев о народном образовании [616]. Совершенно не были представлены монографические работы по проблемам конституционализма, характера и особенностей политических систем, реформирования государственного механизма и расширения гражданских прав и свобод в последней трети XIX – начале XX в.

В послевоенный период, как и в 1930-е годы, тематика исторических исследований формировалась по принципу соответствия критерию «актуальности», под которой понимались идеологически значимые сюжеты. Российский историк А. В. Гордон рассказывает о «технологии» определения темы будущего исследования: «Придя в аспирантуру к Манфреду в 1961 г., я попросил у него в качестве диссертационной темы падение якобинской диктатуры. Манфред возразил, сославшись на ее “непроходимость”, а спустя 10 лет сам предложил Е. В. Киселевой историю термидорианского переворота. “Теперь это можно”, – отметил он. Какие конкретно изменения имел в виду Манфред, говоря в обоих случаях “теперь”, могу только догадываться. Однако суть мне была очевидна: в те годы подобные намеки означали, как правило, “режимность” темы, нежелательность ее разработки по тем или иным идеологическим мотивам, и снятие таковой» [201, с. 47–48]. Тем не менее с окончанием войны, когда один за другим появляются крупные обобщающие труды, в историографии намечился несомненный прорыв. Хотя все они базировались на методологии марксизма-ленинизма, а значит, ключевыми темами при изложении политической жизни были рабочий класс и классовая борьба, значение их нельзя недооценивать: богатый фактический материал давал широкую панораму исторического пути зарубежных стран.

Франковедение обогатилось новыми именами и книгами. Э. А. Желубовская опубликовала книгу «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции» [279]. А. Е. Рогинская изложила социально-экономическую и политическую историю Франции с середины XVII в. до Франко-прусской войны и Парижской Коммуны [833]. А. З. Манфред представил читателю очерки по истории Франции XVIII–XX веков [580]. В. И. Антюхина-Московченко издала труд «История Франции. 1870–1918» [40], вышедший вторым изданием в 1986 г. под названием «Третья республика во Франции. 1870–1918» [41]. Работы эти при богатстве фактического материала односторонне идеологизированы, оценки и выводы во многих случаях современной наукой пересмотрены. Например, в трудах Антюхиной-Московченко прослеживаются важнейшие аспекты внутренней политики правящих кругов Франции, но бонапартизм в ее интерпретации – это форма диктатуры буржуазии, Парижская Коммуна – первый опыт диктатуры пролетариата, Конституция 1875 г. чрезвычайно антидемократична, умеренные республиканцы с приходом к власти «сохраняли в своем арсенале демагогическую фразеологию», радикалы не лучше:

«с выделением радикалов в самостоятельную партию ее руководящий состав <...> объективно выполнял задачу обмана широких народных масс». Крупным событием стал выход трехтомной «Истории Франции» [407]. Это был первый, включая российскую дореволюционную научную литературу, сводный фундаментальный труд, охватывающий огромный период – от галльских времен до первой половины 70-х годов XX в. Событиям от революции конца XVIII в. до Первой мировой войны посвящен второй том, написанный крупнейшими советскими франковедами: А. З. Манфредом, В. М. Далиным, А. И. Молоком, Ф. В. Потемкиным, Н. Е. Застенкером, Э. А. Желубовской, В. И. Антюхиной-Московченко. Но и этот труд носит отпечаток своего времени: основная линия развития Франции представлена сквозь призму политической борьбы, революций, войн, рабочего движения.

Знаковым событием стали публикации С. Н. Гурвич, которая впервые за долгие годы вышла за рамки изучения одних только рабочих и социалистических партий и обратилась к исследованию истории возникновения и политической практики партии радикал-социалистов [220]. Но и в ее труде политические цели радикалов-социалистов обрисованы достаточно одиозно: «Используя заинтересованность рабочего класса в демократизации страны и обещая провести в будущем некоторые социальные реформы, радикалы стремились привлечь на свою сторону часть рабочего и социалистического движения. Во включении социалистов в левый блок, в провозглашении политики, выражавшейся в лозунге “слева врагов нет”, они видели лучший, более действенный метод борьбы против революционного пролетариата, нежели неприкрытое объявление войны всем социалистическим течениям, а в их лице – рабочему классу, как это делали лидеры более правых буржуазных партий и группировок во Франции в последней трети XIX в.» [220, с. 300].

Большим охватом спектра политических партий отличается крупное исследование В. Н. Чернеги «Буржуазные партии в политической системе Франции: Третья – Пятая республики» [1022]. Новую для советской науки тему развития социального католицизма после обнародования в 1891 г. Папой Львом XIII энциклики *Regum novarum* (О новых вещах) разработали Ю. И. Рубинский [847] и Т. В. Хасина [992]. Истории социальной мысли посвятил свои труды В. М. Далин [226–227]. Коллекцию политических биографий пополнила работа Д. П. Прицкера о Жорже Клемансо. Свою задачу автор видит в том, «чтобы не сбиться на изложение самих исторических событий, раскрывать эти события через восприятие их человеком, которому посвящена книга, объяснить побудительные причины и подлинный смысл его действий на разных этапах жизни...» [785, с. 6]. Е. М. Макаренкова показала эволюцию взглядов от прудонизма к социализму и роль в создании Рабочей партии Поля Лафарга, «чье имя в галерее портретов французских социалистов по сравнению, например, с Ж. Гедом и Ж. Жоресом, занимает, по мнению автора книги, незаслуженно скромное место» [574, с. 3].

Усилиями одного из крупнейших советских историков Ф. В. Потемкина получила развернутое освещение история промышленной революции. К этой теме он впервые обратился в 1929 г. публикацией статьи «Промышленная революция во Франции. Переворот в шелкопрядельном производстве» в журнале «Историк-марксист». За ней последовал ряд других работ, а конечным результатом стал двухтомный фундаментальный труд «Промышленная революция во Франции» [777]. Хотя монография Ф. В. Потемкина посвящена Франции, исследуемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для понимания процесса перехода буржуазного общества от мануфактурной стадии в развитии промышленного капитализма к индустриальной в глобальном масштабе. Потемкин детально раскрыл социально-экономический смысл понятия «промышленная революция», под которой понимал процесс развития производительных сил и производственных отношений в период перехода капитализма от мануфактурной стадии к стадии фабричного производства. Начало промышленной революции в шелкопрядельном производстве Потемкин отнес к 1825–1855 гг. Исследование промышленной революции у Потемкина включило не только область технических новшеств, но и всю совокупность их социальных последствий: жизненный уровень трудящихся масс, классовую борьбу и ее результаты на разных этапах промышленной революции. Этим темам посвящен второй том исследования, вышедший с подзаголовком «Положение трудящихся масс и социальные движения».

А. В. Ревякин в работе о буржуазии после Французской революции отказался от признания универсального характера английской модели промышленного переворота, сопровождавшегося экспроприацией крестьянства и образованием крупных земельных поместий, и пришел к выводу, что во Франции промышленный переворот не поколебал устойчивость мелких крестьянских хозяйств и капиталистическую мануфактуру [820]. Ю. Г. Трунский рассмотрел тенденции развития французской деревни в XIX–XX веках. Его общий вывод: «Французское крестьянство, составлявшее боевую армию буржуазной революции конца XVIII в., участие которого в революции наложило глубокий отпечаток на всю дальнейшую историю страны, во второй половине XIX в. начало терять свои позиции в пользу хозяйств капиталистического типа, а в эпоху империализма стало жертвой буржуазного строя, защитником которого в большинстве своем оно было в конце XVIII – первой половине XIX в.» [945, с. 278].

В русле магистрального курса советской исторической науки на протяжении многих десятилетий велись широкомасштабные углубленные исследования Парижской Коммуны. Собственно, истоки ее изучения российской историографией уходят еще в дореволюционное время. Участник тайного общества «Земля и воля» П. Л. Лавров, будучи в эмиграции, в 1879 г. издал книгу «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года», в советское время ее четырежды переиздавали [519–520]. Один из авторитетнейших исследователей Коммуны Н. М. Лукин заметил, что эта книга дает «поразительно верное разрешение многих тактических проблем пролетарской революции». В. А. Быстрянский, также еще до

революции 1917 г. занимался Коммуной, в 1918 и 1921 гг. выпустил книги о ней [119]. Он, придерживаясь марксистской концепции, полагал, что парижский пролетариат создал первое в мире пролетарское государство, а поражение Коммуны связывал исключительно с германской интервенцией. Тогда же, в 1921 г., вышло первое издание книги И. И. Скворцова-Степанова «Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции» [878–879]. Эту работу высоко оценили, неоднократно переиздавали (последнее 7-е издание вышло в 1938 г.) и, тем не менее, критиковали, ставя Скворцову-Степанову в вину утверждение о том, что революция 18 марта началась при идейной гегемонии мелкобуржуазной интеллигенции, а основную массу революционеров составил не промышленный, а ремесленный пролетариат.

Не меньшую роль в определении основных направлений и проблем изучения истории Коммуны сыграла вышедшая в 1922 г. монография Н. М. Лукина «Парижская Коммуна 1871 г.» [553]. В 1924 и 1926 гг. ее переиздали полностью, а в 4-м издании 1932 г. опубликовали первую часть, раскрывающую события Второй империи и деятельность Правительства национальной обороны [554–556]. Несмотря на все, с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, достоинства этого труда («это была первая пролетарская социалистическая революция, первая попытка пролетариата дать буржуазии генеральное сражение»), официальное руководство исторической наукой признало книгу Лукина не вполне отвечающей марксистско-ленинской концепции. Сам Лукин вынужден был покаяться в своих «ошибках»: «наиболее важными из них являются, во-первых, характеристика Коммуны как “диктатуры пролетарского города над сельским населением”, во-вторых <...> утверждение, что “Коммуна (ее Совет) не представляла собой государства советского типа”» [556, с. 7–8].

В 1930-е гг. продолжалось активное изучение предистории и истории Парижской Коммуны. О ней писали, освещая ее историю комплексно (А. И. Молок [641], О. Л. Вайнштейн [121], П. М. Керженцев [431–432]) или прослеживая отдельные направления деятельности: А. И. Молок (военная организация, белый террор, народное просвещение, быт и культура, отношение к крестьянству) [642–645], С. Н. Красильников (боевые действия) [500], Ю. И. Данилин (театральная жизнь) [228], А. С. Гущин (Коммуна и художники) [222], Я. М. Михайлов (Захер) (Коммуна и церковь) [637]. К теме участия женщин в деятельности Коммуны обратились Е. Г. Денисова [235], О. В. Неустроева [668], С. Б. Кан [414].

С окончанием Великой Отечественной войны исследование истории Коммуны было продолжено. Вышли труды к юбилейным датам: 90-летию («Парижская Коммуна 1871 года» в 2-х томах) [740], 100-летию («История Парижской Коммуны 1871 года») [404], 110-летию («Парижская Коммуна 1871 года: Время – события – люди») [741]. Ряд книг посвящен отдельным направлениям ее деятельности: юстиции [48], биографиям видных деятелей [650; 885], женщинам – участницам Коммуны [440]. Проведен анализ периодической печати Коммуны [579]. Сделана попытка выявить интернациональное наследие Коммуны [388] и отклики на нее в отдельных странах [268]. Исследована деятельность

Коммуны с точки зрения обогащения ее опытом теории марксизма [739]. Во всех этих изданиях авторы следуют оценкам Маркса, Энгельса, Ленина и трактуют события исходя из теоретических постулатов о сломе буржуазной государственной машины и установления диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна представлена важной вехой в развитии пролетарского интернационализма и солидарности, воплощением марксистского учения об исторической миссии пролетариата – сломать буржуазную государственную машину и овладеть политической властью. В этом плане общий вывод сводится к утверждению, что Коммуна представляла собой первый опыт диктатуры пролетариата. Современная историография ушла от подобных оценок. Например, А. В. Ревякин полагает, что «Парижская Коммуна была кратковременным событием локального значения» [366], а в «Истории Европы» он ограничился констатацией: программа Коммуны «была общим достоянием французских демократов середины XIX в.» [399, с. 392]. Этот же вывод он повторил в «Истории Франции» [42, с. 274]. Белорусский университетский учебник Новой истории также оценивает Коммуну не как диктатуру пролетариата, а как форму организации власти, выражающей интересы всего населения Парижа [1028, с. 209].

Германистика. По германской тематике было создано немного трудов, лишь Н. М. Лукин опубликовал «Очерки по новейшей истории Германии», хронологически охватывающие конец XIX – начало XX веков [559]. Написанная в форме очерков, книга ставила целью представить социально-экономическую и политическую историю Германии с особым акцентом на рабочем движении и критике взглядов Ф. Меринга, по мнению Лукина, недооценивавшего опасность ревизионизма.

Первые послевоенные, как и предвоенные, годы оказались чрезвычайно скудными на исследования по германистике, видимо, сказывалась трагическая память войны. Только Ф. А. Ротштейн в контексте объединения Германии осветил Австро-прусскую (1866 г.) и Франко-прусскую (1870–1871 гг.) войны. По словам автора, история этих войн «есть, по существу, история территориального и политического возвышения Пруссии и захвата ею власти над всей Германией» [843, с. 3]. Тогда же, в 1945 г., вышла книга А. М. Петрушова об аграрном строе Германии с 1882 по 1939 г. [761]. Затем наступил длительный перерыв. Лишь в 1959 г. были изданы очерки по истории Германии начала XX в. К. Д. Петряева [763] и научно-популярный труд по истории Германии с древнейших времен до 1918 г., ориентированный на школьных учителей истории [731]. Еще спустя два года появилась книга А. Д. Эпштейна «История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г.» [1062]. После выхода этих трудов понадобилось почти десятилетие для подготовки и публикации коллективном авторов двухтомного обобщающего труда «Германская история в новое и новейшее время» [189].

Чрезвычайно скромными, ограниченными лишь несколькими крупными трудами, оказались масштабы монографической разработки вопросов внутриполитического развития Германии. И. С. Галкин выявил предпосылки, про-

цесс создания, социально-экономические и политические итоги образования Германской империи [174–175]. В. П. Прокопьев показал место и роль армии в истории Германии и выявил тенденции развития германской государственности [803–804]. А. Б. Цфасман исследовал политику буржуазных партий в связи с рабочим движением в начале XX века [1016–1017]. С. В. Оболенская противопоставила отношение к Франко-прусской войне правящих верхов Пруссии и оппозиционных кругов южногерманских государств [696]. Последняя из названных работ была опубликована в 1977 г. Затем вновь наступил длительный перерыв: только в 1986 г. вышел коллективный труд о производительных силах и монополистическом капитале в России и Германии в конце XIX – начале XX века [801]. За ним последовали другие: в 1988 г. коллектив авторов опубликовал труд о крупных аграриях и промышленной буржуазии России и Германии в конце XIX – начале XX в. [505], И. И. Костюшко – о прусской аграрной реформе [496].

«Биографическая германистика» ограничилась лишь личностью канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Одним из первых был А. С. Ерусалимский. Тему своего исследования он обозначил в названии книги: «Бисмарк: дипломатия и милитаризм» [276]. В предисловии к ней М. Я. Гефтер отметил, что для Ерусалимского одной из центральных была проблема «возрастания роли милитаризма во всей политике Германии, раскрытия *механизма агрессивного самодвижения* этой политики». С другой стороны, «чем больше вовлекались в колониальные авантюры придворные и аристократические сферы, разные группы юнкерства, тем легче было канцлеру осуществлять свою внутриимперскую политику, а главные выгоды ее неизменно доставались прусской военной верхушке» [276, с. 10]. В. В. Чубинский издал политическую биографию Бисмарка. Взяться за ее написание побудило автора то соображение, что «основанный на марксистско-ленинской методологии научный анализ исторической роли Бисмарка – составная часть борьбы против всякого рода “вечно вчерашних” империалистических идеологов» [1034].

Значительное место в историографии социалистического и рабочего движения заняли труды о германской социал-демократии, рабочем и социалистическом движении второй половины XIX – начала XX в. Сложилась активная группа германистов, специализировавшихся по этой проблеме. Опубликовали свои работы В. А. Козюченко [447], З. К. Эггерт [1056], Б. А. Айзин [8–9], Ф. Ф. Головачев [198], А. М. Миркинд [628], Н. Е. Овчаренко [700–702]. Лейтмотивом этих работ является осуждение «теоретической слабости» левого, марксистского течения германского рабочего движения, равно как и «разоблачение предательской роли бернштейнианского ревизионизма и каутскианского центризма». Например, Овчаренко решительно не приемлет концепцию Бернштейна, которую представляет в виде «новейшей проимпериалистической разновидности реакционного либерального социализма», столь же критичен он и по отношению к Каутскому: «марксизм Каутского был скорее потребностью для

умственных занятий, чем духовным оружием для революционного преобразования мира пролетариатом» [702, с. 238, 259].

Англоведение. Традиции дореволюционного англоведения продолжали активно развиваться в начальный период советской историографии. В эти годы издаются крупные труды ученых, сложившихся еще в дореволюционный период. С установлением Советской власти эти историки либо переиздали свои прежние работы, либо выпустили новые. В 1918 г. третьим изданием вышла работа А. Ф. Быковой «История Англии с XI века до начала мировой войны» [118]. Были изданы работы П. М. Керженцева о современной на то время Англии [427–428] и Ирландии [429–430]. Вышли труды В. Н. Дурденевского об иностранном конституционном праве [262] и Г. С. Гурвича о политическом строе Англии [219]. Все эти книги развивали сюжеты, в той или иной степени затронутые в дореволюционной историографии, можно сказать, их авторы имели тематических предшественников. Великобритания в них представлена как страна «классического конституционализма». Впервые на русском языке вышел известный во всем мире труд М. Я. Острогорского «Демократия и политические партии». Первый том этого двухтомника посвящен Англии [723]. В нем Острогорский дал характеристику политических партий в условиях демократии и политического равенства, исследовал становление и развитие организационных структур и формирование идеологии английских либералов и консерваторов, показал процесс превращения партий в консолидированные организации, не имеющие никакой другой цели кроме собственного роста. В связи с этим он уделил большое внимание анализу кокуса – административного ядра партий. Кокус, возникнув как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей, со временем становится институтом, занимающимся пропагандой партийной идеологии и координацией партийной работы в парламенте и в массах. Острогорский считал, что политические партии вместо выполнения своей ключевой функции посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит. Поэтому для нормального развития демократического строя необходима замена партий свободными лигами, образующимися ради достижения определенных целей.

Трудившиеся в Советской стране «буржуазные историки Запада», сложившиеся как ученые в дореволюционное время, вызывали недоверие. Когда выпустили книгу известного исследователя англо-саксонского мира П. Г. Мижуева о народном образовании, в том числе британском [615], в предисловии Г. Бергман предостерег читателей: «изучая опыт других государств, мы обязаны относиться к нему *критически*. Чужие образцы мы не можем перенимать целиком и безоговорочно <...> В этом отношении книжка профессора Мижуева страдает значительными недостатками. Автор, очевидно, не владеет оружием марксизма – отсюда его ошибки, отсюда неспособность разобраться в действительных “пружинах” общественного развития» [73, с. 3–4].

В скором будущем творческие достижения «буржуазных историков Запада» будут окончательно низвергнуты, а сами они подвергнуты осуждению – об этом уже говорилось выше.

В 1920-е гг. появился ряд работ, ставивших новые проблемы, прежде всего, социально-экономического характера. Началось изучение промышленной революции и ранней истории классовой борьбы пролетариата. Ф. А. Ротштейн в «Очерках по истории рабочего движения в Англии» осветил чартистское движение как классовое и политическое, выражавшее интересы не только пролетариата, но и подавляющей части народа. Чартистское движение, по Ротштейну, оказало влияние и на складывание взглядов Маркса и Энгельса. Еще одна ключевая тема этого труда – первые годы становления Лейбористской партии и формирование ее идеологии, в оценке книги, «оппортунистической» по политической направленности, что напрямую связывалось с относительным улучшением материального положения рабочего класса Англии во второй половине XIX в. Ротштейн делал вывод об обреченности политики соглашательства лейбористов с либералами ввиду «неизбежной победы мировой революции» [840–841]. В целом благожелательно оценивая труд Ротштейна, историческая критика того времени находила в нем и недостатки, в частности, полагали, что Ротштейн не выявил должным образом историческое значение чартизма, причины оппортунизма в рабочем движении, зависил данные о жизненном уровне английских рабочих. Несмотря на критику, книга Ф. А. Ротштейна легла в основу советской историографии чартизма. В ней чартизм определялся в качестве начального этапа «классового политического движения современного пролетариата», представлялся как попытка создания его политической партии, а его поражение связывалось с завершением промышленного переворота и превращением Англии в «мастерскую мира», что позволило правящим классам подкупить рабочую верхушку. Такой подход к рассмотрению чартизма стал господствующим в трудах советских историков и в последующем.

Внедрение идеологического постулата о решающей роли рабочего класса в мировом революционном процессе обусловило повышенное внимание к рабочему и социалистическому движению. Применительно к Великобритании для этого случился и удачно соотнесшийся с веяниями эпохи повод. В 1923 г. первое лейбористское правительство возглавил Рамзей Макдональд, с 1886 г. член Фабрианского общества, с 1894 г. член Независимой рабочей партии и с 1900 г. секретарь Комитета рабочего представительства, как первоначально называлась Лейбористская партия. Это событие вызвало появление в СССР ряда работ, в которых исследовалась политическая карьера лейбористского лидера. Одним из первых был С. Д. Мстиславский с книгой «Рабочая партия от О’Брайена к Макдональду» [658]. В упоминавшихся выше «Очерках по истории рабочего движения в Англии» Ф. А. Ротштейн также останавливался на деятельности Макдональда в качестве секретаря *Комитета рабочего представительства*. В 1929 г. В. Я. Яроцкий (псевдоним А. Чекин) издал первую в СССР политическую биографию Макдональда. По мнению автора, в первоначальный период

политической карьеры Макдональд «не поднимается над уровнем среднего фабианца», хотя и выделяется среди других рабочих лидеров некоторыми качествами, которые позволили ему в будущем стать вождем английских рабочих. Большое внимание в книге Яроцкого уделено истокам политических взглядов Макдональда, для более выпуклой иллюстрации их приведены значительные по объему выдержки из произведений лейбористского лидера. Макдональд, в оценке Яроцкого, предстает в виде «мессии мирового реформизма», в связи с чем большая часть книги посвящена критике его реформистских позиций [1019].

В 1920-е гг. увидели свет работы, ставившие новые проблемы, прежде всего, социально-экономического характера. В. Н. Перцев в труде «Экономическое развитие Англии в XIX в.» обратил внимание на то, что «настоящая эра капитализма началась лишь с тех пор, как капиталы, нажитые на торговле, связались с промышленностью, сначала мелкой, затем и крупной». Эту мысль он подчеркнул еще раз: «Возникновение домашней формы крупной промышленности и было началом капиталистических отношений». Затем последовали мануфактурная и машинная промышленность, которые также основаны на эксплуатации, главным образом, производителя [757, с. 83, 85]. Началось изучение промышленной революции и ранней истории классовой борьбы пролетариата. А. А. Васютинский в книге «Разрушители машин в Англии» сделал попытку анализа луддитского движения в Англии, пик которого пришелся на 1811–1817 годы [122]. Симпатии к сторонникам «физической силы», готовым перейти к насильственным методам борьбы, отчетливо проявляются в его работе. Эти «симпатии» прочно обоснуются в работах советских историков последующего периода, тема же истории рабочего движения на долгие годы станет доминирующей в англоведении.

В 1930–1940-е годы в связи с общим положением в советской исторической науке исследования по истории Великобритании резко сократились. Редким исключением стал вышедший двумя изданиями труд Г. И. Быкова по истории чартизма [116–117] и исследования В. М. Лавровского, посвятившего свои изыскания капиталистическому преобразованию аграрного строя Англии вследствие ликвидации системы общинных полей (огораживаний), исчезновения крестьянства и развития крупного капиталистического фермерского хозяйства [522–523]. К ним можно лишь добавить вышедший в 1943 г. обширный, объемом в 464 страницы, энциклопедический справочник «Британская империя» [108]. Раздел «История» в нем написал известный советский историк А. А. Губер, после Великой Отечественной войны ставший академиком, председателем Национального комитета историков Советского Союза и президентом Международного комитета исторических наук.

После окончания Великой Отечественной войны англоведение начало возрождаться. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1950–1970-х гг. вышел ряд научно-популярных трудов, освещающих общий ход истории Великобритании. Коллектив авторов (К. Д. Авдеева, В. В. Штокмар, Г. Р. Левин, К. Б. Виноградов) выпустил пособие для учителей «Очерки истории Англии. Средние

века и новое время» [730]. В соответствии со сложившимися в то время подходами авторы начинают изложение событий Нового времени с Английской революции XVII в., «которая не только установила буржуазный строй в Англии, но и сыграла большую роль в победе капиталистического способа производства в странах Западной Европы и Северной Америки» [730, с. 105]. Тогда же вышли две книги очерков по истории Англии, формально не связанные друг с другом, но освещающие всю эпоху Новой истории. Первая, написанная К. Н. Татариновой, охватывает 1640–1815 гг. [933], вторая, автором которой был Н. А. Ерофеев, излагает историю страны в 1815–1917 гг. [269]. «Очерки по истории Англии» Ерофеева практически полностью вошли в третий том университетского учебника издания 1953–1960 гг. [685], что, несомненно, свидетельствует о высокой оценке этого труда научной общественностью. Серию общих трудов по британской истории продолжили книги Л. Е. Кертмана, в 1968 и 1979 гг., выпустившего страноведческий очерк истории, географии и культуры Англии XVII–XX вв. [435]. Кертман сам определил «некоторые общие принципы построения книги»: «автор стремился рассматривать гражданскую историю Англии в органической связи с развитием экономики и национальной культуры». Поскольку история культуры, по Кертману, есть прежде всего «история одной из форм классовой борьбы», нельзя освещать ее в виде дополнения к гражданской истории, что «неизбежно приводит к отрыву данной (идеологической) формы от других форм классовой борьбы, что обедняет представление как о гражданской истории, так и об истории культуры» [435, с. 5].

Появились труды по истории государства и права Великобритании, и в них прослеживается опора на марксистский методологический базис. Э. В. Лисневский в деятельности английской буржуазии по укреплению политических форм государства обнаружил антидемократическую направленность, стремление ослабить политическую активность народных масс, пролетариата в особенности, равно как и общественные движения в колониальных и зависимых странах [542]. Парламентские реформы в самой Великобритании и социально-политические достижения британских доминионов, например, автором в расчет не принимались. Пониманию характера и сущности общественно-политических процессов способствовали биографии виднейших представителей британской элиты. К. Б. Виноградов на примере деятельности Дэвида Ллойд Джорджа раскрыл механику и особенности эволюции британской двухпартийной системы. По словам Виноградова, «политическая биография Дэвида Ллойд Джорджа как бы отражает главные этапы истории Англии с конца прошлого века. Знакомство с ней позволяет лучше представить себе те разнообразные приемы и методы, с помощью которых английская буржуазия так упорно отстаивает свои позиции» [149]. Следует, однако, иметь в виду, что свои оценки деятельности Ллойд Джорджа Виноградов соотносит с мнениями В. И. Ленина, для которого Ллойд Джордж – «первоклассный буржуазный делец», особенно сильный по части одурачивания масс, «изображает себя в речах перед народом прямо революционером, и чуть-чуть социалистом, а на деле сей министр

идет в политике за своим вождем Асквитом, который ни в чем не уступит консерватору» [536, т. 22, с. 39, 382; т. 30, с. 176]. Л. Е. Кертман в монографии «Джозеф Чемберлен и его сыновья» рассказал об истории трех поколений династии политических деятелей, находившихся на авансцене политической жизни Великобритании на протяжении шести десятилетий – с 1880 по 1940 г. [437]. В. Г. Трухановский написал выдержавшую несколько переизданий биографию Уинстона Черчилля [946]. В книге подробнейшим образом описана военная и политическая карьера крупнейшего британского военного руководителя и государственного деятеля. Тональность работы негативная, стремящаяся развенчать представления о Черчилле как выдающемся лидере мирового уровня. По словам Трухановского, «истинно великим государственным деятелем является лишь тот, кто идет в ногу с развитием истории. Такие люди достигают в своей деятельности успехов действительно исторического значения, ибо их усилия отвечают коренным интересам народов и существенно двигают вперед развитие человечества по пути прогресса. Черчилль, безусловно, не относился к их числу. Крупнейшим недостатком Черчилля как государственного деятеля была его удивительная неспособность понять эпоху, в которой он жил, постигнуть основные тенденции развития человечества в его время. Черчилль до самой смерти так и не понял, что революции, установившие социалистический строй на одной трети земного шара, были закономерным, естественным и логическим результатом развития человеческого общества в эпоху империализма <...> Заслуги Черчилля в действительности значительно меньшие, чем их изображают буржуазная историография и пропаганда» [946, с. 472, 473].

Вышло достаточно много работ по теме рабочего и социалистического движения, всегда считавшейся приоритетной и являвшейся объектом пристального внимания идеологических учреждений КПСС и научных учреждений, прежде всего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Представления о британском обществе расширились в связи с публикацией книг В. Э. Куниной [513], Б. А. Рожкова [835–837], Н. А. Ерофеева [272–273], А. Б. Резникова [824] о развитии чартизма и рабочего движения с конца 30-х по 50-е годы XIX в. В оценке чартизма к единству историки не пришли. Кунина и Рожков рассматривали чартизм как попытку пролетариата создать собственную политическую партию, независимую от буржуазии, соединить политическую борьбу с идеями социального освобождения, а поражение объясняли проявившимся противоречием между революционными политическими действиями и буржуазными иллюзиями чартистов. Резников полагал, что в таком качестве чартисты выступали только в 1841–1842 гг. Ерофеев вообще отказывался видеть в чартизме организованную партию пролетариата, ссылаясь на участие в нем вплоть до 1848 г. буржуазии, а после ее отхода от движения – на укрепление мелкобуржуазных тенденций в чартизме. Что касается программных требований чартистов, то большинство историков признавали наличие в них социалистических тенденций, тогда как Ерофеев не был с этим согласен.

Широкое распространение идей социализма, высокая степень политической активности и организованности пролетариата не могли не найти отражения в литературе. В. Н. Виноградов показал исторические предпосылки – развитие стачечного движения, сдвиги в политической ориентации рабочего класса в ходе противоборства марксистской и либеральной идеологий – возникновения Лейбористской партии. По его оценке, партия внесла оппортунистическую струю в рабочее движение, но в то же время для социалистов это был подготовительный этап к созданию коммунистической партии [145–147]. Активно работал Л. Е. Кертман, еще в 1957 г. написавший монографию о рабочем движении в Англии и борьбе тенденций в Лейбористской партии в 1900–1914 гг. В 1965 г. он издал труд о борьбе течений внутри Лейбористской и Независимой рабочей партий в конце XIX – начале XX века [433–434]. Б. А. Рожков в периоде от чартизма до возникновения I Интернационала увидел признаки раскола рабочего класса в результате борьбы революционного и оппортунистического направлений [836–837]. Л. Ф. Туполева пришла к выводу, что важнейшим результатом социалистического движения в Англии 80-х годов XIX в. было образование Социал-демократической федерации, хотя и сектантской по своей сути, но с марксистской программой [950]. Ю. П. Мадор [565] и М. М. Карлинер [421] показали состояние рабочего движения накануне и в годы Первой мировой войны. В. Д. Слуцкий обратился к теме влияния марксизма на английское рабочее движение в конце XIX – начале XX века [882]. П. И. Остриков, сопоставив характерные особенности английского и германского рабочего движения, пришел к выводу, что в Англии не удалось сломить «буржуазное влияние на пролетариат, в особенности на рабочую аристократию, как вследствие многолетней оппортунистической традиции, так и благодаря ловкому маневрированию буржуазии», тогда как в Германии оппортунизм СДПГ не позволил ей повести пролетариат на борьбу за власть [721]. Л. А. Галкина исследовала идеологию фабианского социализма как важнейшего источника социал-реформизма [176].

Ориентированность на освещение проблем рабочего и социалистического движения обусловила появление трудов, посвященных наиболее видным лидерам социалистических организаций. Политическую биографию Тома Манна, бывшего в 1894–1896 гг. генеральным секретарем Независимой рабочей партии, а затем активно работавшего в тред-юнионах Англии, Австралии и Новой Зеландии, написал В. Е. Кельнер [426]. Как подчеркивает автор, «методологической основой исследования жизни и деятельности Тома Манна являются произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в особенности те из них, в которых рассматриваются проблемы рабочего движения Великобритании, содержатся его оценки и характеристики» [426, с. 6]. В личности Манна В. Е. Кельнера привлекли «кристальная честность и беззаветная преданность делу рабочего класса», «воплощение вечно живого революционного духа в рабочем движении», ставшие символом его имя и дела, являющиеся «оружием в классовой борьбе пролетариата против наступления монополий и развращающего влияния буржуазной идеологии» [426, с. 146–147].

Отмечая появление ряда работ по отдельным проблемам и событиям в сравнительно узких хронологических границах, нельзя не заметить, что комплексному освещению социалистического и рабочего движения в масштабе всей Великобритании посвящен лишь опубликованный в 1979 г. коллективный труд «Рабочее движение Великобритании XIX–XX вв.» [810]. Из 12 глав 5 посвящены тенденциям и событиям, имевшим место в XIX в. Это – главы «Формирование английского пролетариата» (Н. А. Ерофеев), «Возникновение самостоятельного рабочего движения в Англии» (Б. А. Рожков), «Английские рабочие и Парижская Коммуна» (Н. В. Емельянова), «Ирландский вопрос и английское рабочее движение 80-х годов XIX в.» (Л. Ф. Туполева), «К вопросу об оценке лейбористскими историками возникновения Лейбористской партии» (Е. И. Удалцов). Книга отвечает на многие вопросы, включая особенности формирования и развития английского пролетариата, его роль и место в социальной структуре, реакцию на идеи утопического социализма Р. Оуэна, участие в чартизме, уровень классового антагонизма и забастовочной борьбы. Сделана попытка определить причины раскола британского рабочего класса в середине XIX в., складывания в нем революционного и оппортунистического течений. В полном соответствии с общей концепцией советской историографии авторы подчеркивают, что подпитываемый буржуазией реформизм рабочей аристократии не сумел разрушить революционные традиции пролетарской массы.

В советском научном сообществе Н. А. Ерофеев был одним из ведущих исследователей проблем колониализма. В книгах «Закат британской империи» и «Английский колониализм в середине XIX века» [270; 271] он показал синтез торговых, внешнеполитических и колониальных аспектов интересов английской буржуазии, идеологическим обоснованием экспансии которой стала теория превосходства английской нации. Социальные последствия политики колониализма Ерофеев демонстрирует на примере Ирландии, население которой в результате голодных 1845–1847 гг. и вынужденной эмиграции сократилось, по приведенным им данным, на 3 млн человек.

Признавая особое место Ирландии в Британской империи, советская историческая наука постоянно держала в поле зрения ее историю. М. Е. Орлова раскрыла ирландскую тему книгами «Ирландия в поисках путей независимого развития» и «Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа» [712; 713]. А. Д. Колпаков рассмотрел ирландскую историю в 1900–1918 гг., когда противоречия между ирландским народом и английскими работодателями достигли кульминации [450]. Е. Ю. Полякова выявила истоки отделения Ольстера от Ирландии [771]. Продолжила ирландские исследования коллективная «История Ирландии» – первая попытка осветить историю Ирландии с древнейших времен до 70-х годов XX века, дать «цельное представление об общем направлении социально-экономического и политического развития Ирландии, показав в первую очередь основные этапы борьбы ирландского народа за политическую независимость и национальную самостоятельность» [400, с. 6]. Эти работы дополняет написанная В. Э. Куниной биография

Майкла Девитта [514]. Давая ему оценку как выдающемуся вождю ирландского национально-освободительного движения, Кунина в полном соответствии с марксистско-ленинской методологией усматривает «истоки его ограниченности и ошибок» в неспособности «сделать единственно правильный вывод, что решение “рабочего вопроса”, как и вопроса о национальной независимости, может быть осуществлено только рабочим классом, которым руководит его революционная социалистическая партия» [514, с. 156, 158].

История других регионов Великобритании привлекала меньшее внимание. Лишь Г. И. Зверева написала первую в русскоязычной литературе историю Шотландии от Средневековья до современности, в которой показала основные этапы ее развития, охарактеризовала цели и направления борьбы за национальные и социальные права [348].

1980-е гг. хотя и не принесли коренного перелома, но зримо обозначили положительные сдвиги: Н. А. Ерофеев продемонстрировал новый подход к исследованию истории страны: в книге «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских» он попытался раскрыть английскую повседневность второй четверти XIX века в восприятии представителей российского дворянства, высшего чиновничества и разночинной интеллигенции [275]. Появились труды по истории политических партий. О. А. Науменков рассмотрел внутриполитическую линию развития Консервативной партии в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века [660; 661], а С. А. Колмаков обратился к проблемам экономических, политических и социальных реформ, стоявших перед Либеральной партией в 80–90-е годы XIX в., сформировавшейся в связи с ними идеологией и проводившейся политикой [449]. Л. А. Галкина, рассмотрев систему взглядов Фабианского общества, показала, что фабианский социализм был одним из важнейших источников социал-реформизма. По ее словам, «предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением марксистско-ленинского анализа этой теоретической системы» [176, с. 8]. Галкина имеет в виду труды Ф. А. Ротштейна [840–841], Л. Е. Кертмана [434], В. Н. Виноградова [145], Л. Ф. Туполевой [950], В. Д. Слуцкого [882], Л. В. Мочалова [657]. В оценке фабианского социализма советские историки сходились в том, что это была «эклектичная, противоречивая, а местами и просто наивная <...> доктрина», которая «оказалась тем не менее весьма живучей», что вытекает из того, что «основные положения фабианства сохранились в идеологии как лейбористской партии, так и ряда других социал-демократических партий промышленно развитых капиталистических стран» [176, с. 136].

1.2. Российская историография (1991–2014 гг.)

Социально-политическая проблематика в обобщающих трудах и университетских учебниках. После распада СССР исследователей перестали сковывать жесткие нормы и рамки марксистско-ленинской идеологии, которая утратила роль государственной и единственно допустимой в научных исследованиях. Процесс изучения и осмысления различных аспектов истории

Великобритании, Франции и Германии значительно активизировался. Прежде всего, значительным событием стал выход 5-го тома фундаментальной «Истории Европы», рассматривающей события от Французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны. Авторский коллектив этого тома «избрал в качестве основного метода изложения материала, накопленного отечественными историками, проблемно-хронологический подход, позволяющий по-новому, с рубежа II и III тысячелетий, взглянуть на события этого “долгого XIX века”, который действительно оказался долгим, так как начинался он в 1789 г., а закончился в 1914 г., ознаменовавшим приход совершенно новой эпохи – XX столетия» [399].

Новое поколение учебной литературы создавалось на иной концептуальной основе. Его первыми представителями стали учебники Новой истории, вышедшие в 1990-х гг. под редакцией Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза. Первый из них освещает события Новой истории, в основном, с середины XVII в. до 70-х годов XIX в. – «до всемирной гегемонии и начала кризиса атлантической цивилизации» [677, с. 5]. Второй раскрывает историю зарубежных стран и Америки с 70-х годов XIX в. до конца Первой мировой войны [678]. Главное отличие этих учебников заключается в стремлении освободиться от марксистско-ленинских идеологических стереотипов: сведении общественных явлений и процессов к классовой борьбе при отрицании самой возможности сотрудничества классов; о мессианской миссии пролетариата в освобождении человечества от гнета капитала и его руководстве социумом на основе господства общественной собственности; о революции в качестве главного инструмента преобразования общества. Соответственно учебники стремятся показать диалектику революций не как универсальный путь преобразования общества, но лишь как неизбежность, диктовавшуюся конкретно-историческими условиями определенного места и времени; раскрыть роль эволюции в достижении прогресса; преодолеть имевшуюся ранее недооценку межэтнических, конфессиональных отношений. Авторы впервые в учебной литературе сделали попытку, хотя и очень лаконичную, показать изменившуюся социальную роль католической церкви, охарактеризовать пацифистское движение. Определенное внимание уделено духовному развитию общества: оба учебника содержат главы о развитии науки и техники, литературы и искусства. Эти два учебника в переработанном и дополненном виде авторы и издатели объединили в один том, вышедший в 2002 г. под редакцией И. М. Кривогуза [680]. В последующие годы он неоднократно переиздавался. Как отметила известный специалист в области методологии истории Л. Р. Хут, «Категоричная декларация вводной части учебника дать «объективный взгляд на новое время, свободный от различных идеологических предубеждений, у нас, в России, – прежде всего от марксистско-ленинских», предвзяла, как оказалось, по сути чуть подновленную в концептуальном плане версию Новой истории, характерную для советской историографии. В его основу была положена традиционная для нее схема периодизации истории Нового времени и страноведческий принцип подачи материала» [1010, с. 288].

Стремление пересмотреть подходы советской историографии к освещению ключевых проблем исторического процесса привело к выходу многочисленных изданий учебного назначения: учебника под редакцией И. В. Григорьевой [675], учебных пособий А. С. Манькина [582] и А. В. Ревякина [823], трехтомного учебника под общей редакцией А. М. Родригеса и М. В. Пономарева [676] и др. При всех различиях в структуре, содержательном наполнении, объеме предлагаемого материала общим для них является преимущественно цивилизационный и модернизационный подходы. В той или иной степени в них освещены проблемы парламентаризма, политических партий, общественных движений и организаций.

В 1990-е годы начали активно внедряться учебники, основанные на чисто цивилизационном подходе к освещению мирового исторического процесса. Начало положили учебные пособия для общеобразовательных учебных заведений, затем начали выходить книги для университетов, в числе последних по времени – «История мировых цивилизаций», подготовленная коллективом авторов под научной редакцией Г. В. Драча и Т. С. Паниотовой [403]. Авторы в аннотации, предвещающей книгу, следующим образом декларируют свои намерения: «целостно и комплексно проследить весь исторический путь развития ряда цивилизаций от зарождения до наших дней, выделить и объяснить особенности, обусловившие развитие и роль цивилизаций не только в древнем, но и в современном мире. Материал структурирован по следующим принципам: географическому (локализация культур в географическом пространстве), хронологическом (выделение самостоятельных этапов в историческом развитии) и национальному (изучение отличительных черт культуры на всем протяжении ее исторического развития).

В соответствии с таким подходом авторы определяют понятие «европейская цивилизация», которая «обычно рассматривается как культурная общность стран и народов Европы, сохраняющаяся с эпохи Древней Греции и опирающаяся на типологическое единство культурных традиций и способов их самосуществования на всем протяжении исторического развития. Второе понятие европейской цивилизации – образ жизни и ценностей Западного мира, выходящий за пределы западной Европы и включающий в себя Северную Америку, Австралию и другие районы. Термин “европейский” имеет синоним “западный”» [403, с. 35].

Насыщение конкретным материалом разделов по отдельным странам ведется примерно по одной схеме: даются общая характеристика страны (территория, население и т. п.); особенности формирования цивилизации – материальные и исторические структуры; национальный характер и менталитет; мир повседневности (праздники и ритуалы, традиции, образование); материальная и духовная культура. Собственно историческая компонента («исторические структуры», по определению авторов) представлена весьма сжато: то, что составляет содержание XIX – начала XX в., укладывается в несколько страниц. По истории Франции названы Реставрация, Июльская революция, лионские

восстания, революция 1848 г., Вторая империя, Франко-прусская война, правительство «национальной обороны» и его «капитулянтская политика», конституция 1875 г. События германской истории сконцентрированы вокруг личности Бисмарка, внутренняя политика которого «сводилась к тому, чтобы усыпить сознание рабочего класса». Авторы имеют в виду законы о страховании по болезни, от несчастных случаев, по инвалидности и по старости, «и сегодня действующие в Германии». По Великобритании сочли достаточным сообщить о королеве Виктории и викторианском веке, чартизме и франко-английской конвенции.

Были продолжены исследования политических систем, сложившихся в европейских государствах. В этом плане следует отметить книгу М. П. Айзенштат о западноевропейском парламентаризме XVIII–XIX веков [4], коллективную работу о теориях демократии [65]. Е. Г. Блосфельд сделала попытку определить историческое место либерализма и лейборизма в исследовании «Либерализм и английский лейборизм» [85]. В более широких хронологических рамках эту тему раскрывает коллективный труд (авторы В. В. Согрин, А. И. Патрушев, Е. С. Фадеева), освещающий либерализм Запада в XVII–XX веках [539]. Историки вновь обратились к теме революций 1848–1849 гг. В коллективной монографии на материале отдельных стран и народов проанализированы позиции классов и социальных слоев по национальному вопросу, связь и соотношение национальных и социальных задач, стоявших перед общественными движениями различных стран [267]. Получили отражение европейские общественно-политические движения и связанные с ними международные акции. В этом плане заслуживают внимания исследования о зарождении и развитии пацифистского движения [627] и книга И. С. Рыбаченка «Россия и Первая конференция мира в Гааге» [851].

Франковедение. После 1991 г. франковедение обогатилось новыми трудами. Вышел учебник по истории Франции для студентов исторических факультетов высших учебных заведений [42]. Он дает краткое, но систематическое изложение французской истории с древнейших времен до начала XXI в. Структура книги представляется наследием советской историографии: абсолютное преобладание политической истории с вкраплением кратких экскурсов в зону экономического развития и культурной жизни. Вместе с тем авторы отказались от покорного следования марксистским догматам. В их интерпретации Июньское восстание парижских рабочих было мятежом против законной власти, избранной демократическим путем, а в оценке Парижской Коммуны нет и намека на признание наличия в ней хотя бы элементов диктатуры пролетариата. Темой монографии А. Ю. Смирнова стал государственный переворот Луи-Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 г., провозглашение Второй империи с императором Наполеоном III во главе и установление режима бонапартизма как средства выхода из политического тупика [883]. Результатом исследования Смирнова стал вывод, что бонапартизм – это «власть, основанная на единении вождя и народа, выражаемом и подтверждаемом во время референдумов.

Это прочная власть, опирающаяся на полноправных граждан-собственников» [883, с. 255–256].

Со значительно большей отчетливостью, нежели в предшествующий период, проявилось внимание к вопросам демократизации общественной жизни и развития конституционного строя. Прежде всего это нашло выражение в исследовании феномена либерализма в коллективных трудах [983] и индивидуальных разработках. К числу последних относится монография А. В. Ревякина «Социализм и либерализм во Франции в середине XIX в.», в которой исследована эволюция общественно-политических взглядов французских социальных реформаторов 30–40-х годов XIX в., включая Этьена Кабе и Луи Блана [822]. Ревякин показал, что концепция мирного, легального и демократического пути реформ и перехода к общности, разработанная Кабе, составляет ядро его учения о «демократическом коммунизме». При этом Кабе уделял главное внимание не вопросу о том, каким должно быть справедливое общество будущего, а вопросу о том, как перейти от современного общества к коммунизму. Ревякин отводит значительное место и идеям Блана, в частности, планам устройства «общественных мастерских» как инструмента социальной революции. Ученый заключает, что революция 1848 г. ознаменовала конец эпохи «мирного сосуществования», либерализма и социализма. С этого времени «не было более последовательных и непримиримых противников социализма и коммунизма, чем либералы.

Серию коллективных трудов «Из истории европейского парламентаризма» завершил отдельный выпуск, посвященный Франции [366]. Книга содержит статью А. В. Ревякина, который в контексте политической истории Третьей республики показал противостояние пропарламентских и антипарламентских тенденций. Ревякин согласен со сложившимся еще в конце XIX в. мнением, что Третья республика, «наряду с либеральной британской монархией, была типично “парламентским режимом”. С этой точки зрения она отличалась от большинства других государств, где prerogatives парламентов были заметно уже, – как от “полуабсолютистских” монархий Центральной и Восточной Европы и Японии, так и “президентских” республик Америки» [366, с. 91].

В определении направлений научных исследований важную роль играет «Французский ежегодник». Первый выпуск этого периодического издания вышел в свет в 1958 г. под редакцией академика В. П. Волгина. После его смерти в 1962 г. «Ежегодник» возглавил А. З. Манфред, заместителем главного редактора был В. М. Далин. Как вспоминает С. В. Оболенская, входившая тогда в редколлегию «Ежегодника», на одном из симпозиумов в Институте всеобщей истории выступления «Манфреда и Далина, несмотря на все оговорки, звучали категорично и источали уверенность в исключительном праве на истину. Симпозиум этот выявил некоторую нетерпимость руководителей “Ежегодника” к инакомыслию. <...> Наши “мэтры” определяли, что плохо, а что хорошо» [697, с. 73–74]. Последний советский выпуск «Французского ежегодника» увидел свет в 1990 г. Его издание возобновилось в 2000 г. Новый ежегодник

характеризует большой плюрализм, а в структуре – преобладание материалов по Новой истории.

Германистика. В постсоветской исторической германистике первым трудом обобщающего характера стала «Германская история» А. И. Патрушева [743]. В этой небольшой по объему работе исторический процесс от древнейших времен, когда в Европе появились племена германцев, вплоть до XXI в. представлен в сжатой форме. Тем не менее по замыслу автора самая широкая читательская аудитория, на которую рассчитана книга, получила возможность увидеть и понять, «какие вехи определили германскую историю за двадцать столетий, какие события и процессы в ней происходили». Появились книги более локальные по временному фактору. А. Г. Матвеева показала историю Германской империи в 1870–1914 гг. [595], а Б. В. Соколов обрисовал ее исторический путь от Бисмарка до Гитлера [894]. С. В. Оболенская дала оценку характеру и целям борьбы партий в контексте политики Бисмарка [696].

Несомненно, наиболее заметным событием стал выход двумя изданиями в 2005 и 2008 гг. трехтомной «Истории Германии» [395]. Она стала первой в российской историографии попыткой дать в одном издании системное изложение германской истории с древнейших времен до начала XXI в. В этих хронологических рубежах книга, как информирует редакционное предисловие, «охватывает все эпохи немецкой истории: от древних германцев и великого переселения народов до образования средневековой Священной Римской империи германской нации; от возникновения территориальных княжеств до эпохи абсолютизма и Просвещения; XIX век с его буржуазными реформами, консервативной реакцией, промышленным переворотом, образованием национального государства и переходом к империализму; XX век, в котором Германия прошла через Первую мировую войну, революцию и Веймарскую республику, нацистский Третий рейх и Вторую мировую войну, через раскол страны на ФРГ и ГДР, раздельное развитие обоих немецких государств после 1949 г. до их объединения в 1990 г.; через последующие усилия по преодолению внутреннего раскола на рубеже XX и XXI столетий» [395, с. 3].

Концептуальной основой издания является отказ от традиционного ограничения германской истории политическим спектром и, в противовес этому, – концентрация не только на государственных институтах и их деятельности, но и на других важнейших сферах человеческого существования – экономике, буднях, духовной жизни и культуре, раскрытии их взаимодействия и значения для исторического развития Германии в контексте европейской истории. Издание состоит из 3-х томов: первый излагает историю Германии с древнейших времен до создания Германской империи, второй – от создания Германской империи до начала XXI века, третий включает документальный материал, что является отличительной особенностью и несомненным достоинством учебного пособия.

Исследовательский интерес вызвала и тема германского пацифизма. В Советском Союзе она раскрывалась лишь в ключе социалистического антимим-

литаризма. Выше упоминалась вышедшая в 1974 г. монография Б. А. Айзина «Революционные германские социал-демократы против империализма и войны» в хронологических рамках 1907–1914 гг. В постсоветское время историю возникновения и развития пацифистского движения в Германии начиная с первой половины XIX в. до 1914 года исследовал Д. А. Сдвижков. Основные постулаты его труда сводятся к утверждениям, что пацифизм был частью светского либерального мировоззрения, а пацифизм в Германии – органической частью европейского движения, а потому идеологию немецкого пацифизма отличали универсальные для всего антивоенного движения черты: требование арбитражного разрешения конфликтов между государствами и разоружение. В организационном отношении пацифистское движение в Германии достигло скромных успехов, не было достаточной финансовой и издательской базы, отсутствовала серьезная общественная поддержка. Отвергали идеи пацифизма партии консерваторов, национал-либералов, Центра и даже левые либералы. Лишь накануне 1914 г. здравомыслящие общественно-политические круги Германии начали осознать, что милитаризм и война могут стать могильщиками существующей политической системы. Свои рассуждения автор завершает выводом: «в исторической перспективе роль, которую сыграл пацифизм, впору именовать скорее “триумфом и трагедией”». Им пользовались и пользуются отнюдь не в тех идеальных целях, о которых мыслили когда-то гуманисты начала века. Воплотившись в обыденную политику, пацифистские идеи не сделали ее политикой этической» [865, с. 288].

Англоведение. С распадом СССР оживились исследования в области англоведения. Одна за другой стали выходить книги обобщающего характера. Коллективный труд «Очерки политической истории Великобритании (XIX–XX вв.)», один из первых в постсоветской России, еще сохраняет подходы советской историографии [732]. А. М. Мирошников показал историю Великобритании от Георга I до королевы Виктории [635]. Г. С. Остапенко исследовала концепцию управления и личности суверена на историческом поле от королевы Виктории до Елизаветы II [719]. Англоведение обогатили учебные пособия, написанные М. П. Айзенштат [5–6]. Цель ее работ – выявить основные тенденции эволюции политической системы Великобритании на протяжении Нового времени с акцентом на политических, государственных и правовых проблемах процесса формирования демократического государства, характерных чертах парламентаризма и распространения избирательного права, зарождения и развития политических партий, кабинетной системы управления и принципов деятельности правительства. В еще одной книге («Власть и общество Британии. 1750–1850 гг.») Айзенштат не только анализирует динамику развития властных институтов, но и исследует глубокие перемены в социальной сфере, зарождение и развитие различных общественных организаций и движений, выдвигавших требования проведения преобразований. Указанные годы, как отмечает Айзенштат, это «время упрочения парламента в качестве верховного законодательного и судебного органа, центра политической жизни государства. <...>

К середине XIX в. в основных чертах сложилась система парламентаризма с характерным для ее функционирования четким разделением и сложным взаимодействием ветвей власти. <...> Не менее значительные перемены свершались в социальной сфере. Рост городов и численности городского населения, которое к середине XIX в. сравнялось с численностью сельских жителей, сопровождался размыванием вертикальных социальных связей, утверждением новых связей, форм общения, появлением институтов самоорганизации граждан страны. <...> С полным правом можно утверждать, что процесс становления гражданского общества происходил в контексте сближения власти и общества, выработки новых форм их взаимодействий, в поиске компромиссов, каковыми стали постепенные частичные преобразования. <...> Закрепление и дальнейшее развитие этих процессов происходило во второй половине XIX в.» [7, с. 385–387, 389].

Многоплановую картину развития британского общества в начале XX в. дает учебное пособие Г. С. Остапенко и А. Ю. Прокопова «Новейшая история Великобритании» [720]. Книгу открывает – и в этом ее выгодное отличие от учебных книг подобного рода – раздел, во-первых, кратко характеризующий географическое положение, природные условия, административно-территориальное деление Великобритании, и, во-вторых, – сообщающий об основных вехах британской истории с I в. до н. э. по XIX в., что позволяет читателю воссоединить в единое целое наследие прошлых веков и события Новейшего времени, о которых повествует учебное пособие. Начало Новейшей истории авторы соотносят с наступлением XX в. (точка зрения, которую разделяет далеко не все сообщество историков), а поэтому именно с этого времени рассматривают ход событий британской истории новейшего времени. Сообщив о структуре населения, особенностях развития торговли и финансов, промышленности и промышленных монополий, состоянии сельского хозяйства, авторы раскрывают содержание общественно-политической жизни. В числе сюжетов, традиционно попадающих на страницы учебников (война в Южной Африке, создание Лейбористской партии, новый либерализм, реформа Палаты лордов, гомруль для Ирландии, образование, наука, культура и т. д.), вполне в духе новых подходов показаны суфражистское движение и изменения в общественном положении женщин. Названные книги не единственные в ряду трудов, комплексно освещающих историю Великобритании. Вызывает интерес коллективная монография о Британской империи в XIX–XX веке [107].

В постсоветском англоведении заметно изменились приоритеты исследований. Из исследовательского поля полностью исчезла тема рабочего класса, зато одним из ведущих направлений стал углубленный анализ британского опыта конструирования государственной системы. М. В. Пономарев и С. Ю. Смирнова исследовали государственное устройство, политику и право Великобритании [722]. Г. С. Остапенко определила баланс реальных и декларативных прав британских монархов и особенности функционирования конституционной монархии в демократическом обществе [719]. Н. А. Алексеев исследовал

роль Палаты лордов Британского парламента [34]. Причины и итоги политических реформ, различные аспекты истории парламентаризма, политическую роль британской парламентской системы в первой половине XIX в. показала М. П. Айзенштат [2]. Вышел сборник статей по британскому парламентаризму [365].

Получили освещение вопросы создания и деятельности политических партий. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии показаны в книге С. Ю. Тороповой [940]. На широком внутриполитическом фоне представлена история Консервативной партии в докторской диссертации «Становление и эволюция консервативной партии Великобритании в 1846–1886 годах: внутриполитический и идеологический аспекты» [663] и в монографии «Из истории Консервативной партии Великобритании (1853–1865 годы)» О. А. Науменкова [664]. Исследование Т. Н. Геллы «Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX в.» сконцентрировано на показе идеологии и политике Либеральной партии по сохранению и эволюции империи [182]. И. М. Узнаровов в монографии «Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е – начало 80-х годов XIX века)» [952], выявил серьезные изменения в их электоральной политике. Стремление обеспечить поддержку избирателей побудило и либералов, и консерваторов стремиться к привлечению на свою сторону рабочих. Это, по мнению Узнаровова, привело к появлению концепций торийской демократии и либ-лейбизма¹ и к преобразованию обеих партий в массовые организации. Как отмечает Узнаровов, новые идеи воздействовали на соотношение сил в предвыборной борьбе: в городских округах большинство кандидатов в парламент придерживалось либо идей торийской демократии, либо представлений либ-лейбизма. Успехом консерваторов было расширение избирательной базы за счет появления многочисленной категории избирателей из числа рабочих-консерваторов. Но и левое крыло Либеральной партии укрепило связи с рабочими, в большинстве отдававших голоса либералам. Монографии О. А. Науменкова, Т. Н. Геллы, И. М. Узнаровова отразили содержание докторских диссертаций авторов.

Постсоветская литература вышла за пределы существовавших в прошлом ограничений на исследования положения других групп населения помимо рабочего класса и противостоявшей ему буржуазии. Л. А. Фадеева, в 1995 г. в «Очерках истории британской интеллигенции» проследила многовековой путь складывания корпоративных организаций, объединявших представителей интеллигентных профессий – юристов, врачей, верхушку духовенства и т. п. Корпорация юристов – Судебные Инны – была создана еще в XIV в., окончательное оформление корпоративной системы относится уже к XIX в. с учреждением Института гражданских инженеров, Общества архитекторов, Юридического общества, Британской медицинской ассоциации и других подобных им профессиональных организаций. Фадеева отмечает, что в викторианской Англии произошло

---

¹ Это определение происходит от слов «либеральный» и «лейбористский». Понимается как сотрудничество между либералами и лейбористами в политических вопросах.

становление профессий как специфического социального и профессионального явления. Сообществу представителей интеллигентных профессий было присуще понимание важности специального обучения, компетентности и квалификации, осознание значимости своей профессии. В социальном отношении представители интеллигентных профессий все больше составляли значимый сектор среднего класса, отличавшегося как от высших классов, так и от рабочей массы. Интеллигенты-профессионалы занимали все более прочное положение в обществе, статус специалиста закреплялся законодательством, профессиональные ассоциации воспринимались как элемент системы организации общества. Профессиональные ассоциации в ответ на общественный престиж и автономию в решении корпоративных вопросов отвечали идеологической и политической лояльностью к правящему классу [967].

Колониальная политика Британской империи нашла отражение в монографии В. В. Грудзинского «На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.)» [217]. Он, исследуя внутренние механизмы функционирования политической системы Британской империи, обратил внимание на парадокс имперской эволюции: взаимодействие и противоборство двух факторов – великодержавного (имперского) патриотизма и национального эгоизма британских доминионов. С усилением второго фактора Грудзинский во многом связывает причину провала после Первой мировой войны курса на сохранение Британской империи как единой державы. Кроме того, он указывает и на такую причину, как серьезные изменения внутри самого английского общества, сосредоточенность его на проблемах социального реформирования и на поддержании европейского мира. Судьбы Британской империи в оценке современников исследовала Н. В. Дронова [260]. М. П. Айзенштат и Т. Н. Гелла выявили отношение политических партий к проблеме британской колониальной империи в XIX веке [3], а С. А. Богомолов охарактеризовал содержание имперской идеи в Великобритании в 70–80-е годы XIX века [89].

О сущности политических процессов в империи позволяют судить биографии выдающихся государственных деятелей. В связи с этим получил развитие биографический жанр. А. И. Уткин посвятил свой труд Уинстону Черчиллю [962]. А. Б. Давидсон переиздал книгу «Сесил Родс – строитель империи» (впервые она вышла в 1984 г. под названием «Сесиль Родс и его время»). Говоря о причинах, побудивших написать биографию Родса, Давидсон отметил роль в истории деятелей масштаба Родса: «Сесила Родса называли “строителем империи” и даже “отцом Британской империи”, “африканским Наполеоном”. Его личность и связанные с ним события – окно в эпоху империй, когда железом и кровью соединялись воедино судьбы народов всех континентов нашей планеты. Одни страны становились объектами имперской политики, другие выступали ее носителями. Отпечаток тех событий лежит на нынешнем облике государств, континентов, на судьбах и характерах их жителей» [223, с. 9].

Развивая англоведческие исследования, О. А. Науменков в 2004 г. опубликовал монографию «Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах», в которой представил развернутую картину политической жизни Великобритании второй половины XIX века [666]. В. Г. Трухановский создал серию биографий крупнейших политических деятелей: к изданным в 60–80-х годах XX в. биографиям Черчилля [946] и адмирала Нельсона [947] в 1993 г. добавил биографию Дизраэли [948], а затем и неоднократные переиздания книги о Черчилле [949]. Монография В. Н. Виноградова привлекла внимание ярким рассказом о взаимоотношениях королевы Виктории и Бенджамина Дизраэли [148]. Вообще говоря, жанр политических биографий представляется неисчерпаемым. Такой вывод позволяет сделать появление трудов – «коллективных портретов» выдающихся деятелей прошлого. Сборник «Викторианцы. Столпы британской политики XIX века» создал зримые образы королевы Виктории, Пальмерстона, Рассела, Дерби, Дизраэли, Гладстона [139]. И. С. Меншиков написал книгу о британских премьер-министрах XIX столетия [602]. К этому же жанру можно отнести обширное по персоналиям издание «Монархи, дипломаты, министры XIX – начала XX века» [653]. Указанные работы не смогли закрыть имеющиеся лакуны британской истории, но жизнеописания выдающихся представителей правившей элиты позволили расширить представления о событиях политической истории, развитии конституционализма, процессах буржуазно-демократического реформирования, укрепления демократических прав граждан.

Первое постсоветское десятилетие представлено докторскими (О. А. Науменков, Т. Н. Гелла, И. М. Узнаровдов, Н. В. Дронова, М. П. Айзенштат) и кандидатскими диссертациями, посвященными широкому спектру тем, в частности, истории становления и развития парламентских процедур в Англии XVII – начала XIX в. (М. И. Левина), вопросам зарождения либеральной партии Великобритании в начале 30-х годов XIX в. (М. П. Айзенштат), борьбе партий и общественно-политических движений в Англии в период проведения первой парламентской реформы (У. А. Кашапов), формированию и политической эволюции британского консерватизма (В. В. Клочков, М. А. Лаптев), английскому буржуазному радикализму в 30–60-е годы XIX в. (М. В. Тихонова), функционированию двухпартийной системы Великобритании в 70–80-х годах XIX в. (В. Н. Украинский), общественно-политическим идеологиям анархизма (М. А. Копылова), либерализма (О. Л. Гридасов), христианского социализма (И. Ю. Новиченко) в общественной мысли Британии, политике либеральной (Л. В. Никитин) и деятельности лейбористской партии в годы Первой мировой войны (В. Е. Фейгин), дискуссии по проблеме «империализма» в английской общественной мысли конца рубежа XIX–XX вв. (И. Н. Осипова), «образованному классу» викторианской Англии как социально-профессиональному феномену (Л. А. Фадеева), развитию британского парламентаризма и общественно-политической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. (А. И. Минаев), британским политическим деятелям Питиу Младшему (А. А. Егоров), У. Гладстону (Н. В. Бородавкина).

В последующее десятилетие исследователи в своих диссертациях обратились к реформам британского парламента в первой половине XX в. (К. А. Орлов), институциональному и деятельностному аспектам государственного аппарата и гражданской службы Великобритании во второй половине XIX в. (И. В. Потапов), политической элите Великобритании в период социальных реформ либеральных кабинетов Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Г. Асквита (Н. А. Кручинина), образу жизни британской элиты в третьей четверти XIX в. (Н. Д. Крючкова), фабианству как феномену общественно-политической жизни Англии (Н. А. Родионова), к изучению развития традиций женского образования в Англии XIX в. (И. А. Калиниченко), взаимоотношений суфражизма и политических партий в 1867–1918 гг. (И. А. Школьников), суфражизма и лейборизма (О. А. Юркина), развития суфражистского движения в годы Первой мировой войны (Н. В. Новикова), изменения социокультурного статуса женщин из среднего класса под влиянием женского движения (Е. Ш. Ефимова).

1.3. Белорусская историография (1991–2014 гг.)

В белорусской исторической науке первым изучать историю европейских стран начал выдающийся ученый XX в. В. Н. Перцев, заложивший фундамент белорусского франковедения, германистики и англоведения. Эти направления исторических исследований нашли отражение в его обобщающих трудах: «Франция в XIX в.», «Англия в XIX в.», «Экономическое развитие Англии в XIX в.», «Германия и Австрия в XIX в.», «Девятнадцатый век», «Очерки новой истории» (совместно с Е. А. Ефимовой). Были высоко оценены и переизданы его труды о династии Гогенцоллернов [753–759]. После В. Н. Перцева белорусские историки не создали обобщающих монографических трудов по западноевропейской истории Нового времени. В 30–40-е годы XX в. для этого существовали объективные причины. В национальных республиках практически не было возможностей для публикации исследований по всеобщей истории. Разработка учебной литературы по Новой истории стран Европы и Америки для учебных заведений не велась.

В независимой Беларуси возникла объективная потребность в создании корпуса собственной учебной литературы по всеобщей истории. С 2000-х годов в учебном процессе белорусских и российских вузов используются учебные пособия и учебники Р. А. Чикалова и И. Р. Чикаловой [1025–1029], замеченные и оцененные экспертами. В цитировавшейся уже работе по методологическим проблемам изучения истории Л. Р. Хут отмечает: «Учебную литературу нового поколения по Новой истории отличают не только новые подходы к трактовке традиционных тем, но и появление тем, которые в советских учебниках, как правило, отсутствовали. Показательно в этом смысле учебное пособие Р. А. Чикалова и И. Р. Чикаловой. В нем акцентируется внимание на фундаментальной проблеме модернизации стран Европы и США в границах XIX – начала XX в. В первой части “Модернизация Европы”, где речь идет о формировании терри-

тории европейских государств, достижениях науки и техники, эволюции экономической системы капитализма, значительное место уделяется политическим доктринам XIX – начала XX в. (либерализму, консерватизму, марксизму, анархизму), показано соотношение революционной и реформистской тенденций в развитии европейских государств в рассматриваемую эпоху. В части третьей «Общественные классы и социальные процессы в модернизирующемся мире» предлагается интересный материал о фабричном пролетариате как массовой страте индустриального общества. Отдельные сюжеты посвящены структурам повседневности: быту промышленных рабочих, их жилищам и досугу. Структуре и образу жизни аристократии, буржуазии, среднего класса посвящена отдельная глава, так же, как и – что надо особо подчеркнуть – социальным реформам в европейских государствах (законодательной регламентации труда, социальном страховании), роли католической и протестантской церквей в жизни общества. Четвертая часть «Общественные организации и движения» интересна тем, что в ней, наряду с анализом процессов в социалистическом движении стран Европы и Америки, излагается история женских общественных организаций и движений, а также история пацифистского движения» [1010, с. 304–305].

Оставляют желать большего результаты собственно научных исследований по истории Франции, Германии и Великобритании XIX – начала XX в. Л. М. Шнеерсон в 1962 г. опубликовал монографию «Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав» [1045], а в 1963 г. защитил докторскую диссертацию по этой теме. Всего десять научно-педагогических работников получили кандидатские степени за диссертации по темам, относящимся к названному периоду и кругу стран. В их числе Л. М. Шнеерсон (1946 г.: «Франко-прусская война 1870–1871 гг. и общественное мнение России»), Г. М. Трухнов (1948 г.: «Германская империалистическая политика на Балканах в период первой балканской войны: 18 октября – 30 мая 1913 года»), Т. И. Гаврилова (1956 г.: «Англия и первая русская революция (1905–1906 гг.)»), Ф. В. Наливайко (1967 г.: «Английская дипломатия и первый марокканский кризис 1905–1906 гг.»), О. Г. Радькова (1974 г.: «Борьба Клары Цеткин за вовлечение рабочих в освободительное движение пролетариата (1892–1914 гг.)»), В. А. Астрога (1996 г.: «Даследаванне новай і навейшай гісторыі замежных краін на Беларусі ў міжваенны перыяд (1921–1941 гг.)»), Н. Е. Орлова [2002 г.: «Становление государственной системы начального образования в Англии (конец XVIII – 60-е годы XIX в.)», М. В. Глеб (2003 г.: «Эволюция имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX в.»), Ю. М. Мороз (2005 г.: «Общественное мнение России и проблема англо-русских отношений в 1907–1914 гг.»). Естественно, защита диссертаций сопровождалась публикацией соответствующих статей.

Как следует из тематики защищенных диссертаций, проблема политического реформизма и становления гражданского общества в Новое время не нашла отражения на материале истории стран Западной Европы. В то же время проблематику социального реформизма в британских доминионах в последней

трети XIX – начале XX в. разрабатывала Л. Н. Семенова, опубликовавшая в 2008 г. монографию [867] и защитившая в 2012 г. докторскую диссертацию. Принципы либерализма, в том числе идеи демократического государства и обеспечения свободы граждан, рассмотрела Т. М. Милова. В ее труде нет «привязок» рассматриваемых постулатов либерализма к практической деятельности либеральных партий – это и не входит в цели ее работы. Но сама идеология либерализма в его классической форме представлена всеобъемлюще. Общий вывод труда Т. М. Миловой сводится к утверждению, что «либеральная демократия – это модель общественного устройства, которая построена на идее личного суверенитета» [624].

«Белым пятном» на историографическом поле остается французская история. Белорусские историки фактически не занимались историей Франции XIX – начала XX веков. То же можно сказать и о германистике. При достаточно широком объеме исследовательских работ по истории Германии XX в. предшествующим XIX столетием белорусские историки занимались мало.

Более весом вклад белорусских историков в англоведение, хотя и он не может считаться достаточным. Н. Е. Орлова еще в 1980–1990-х гг. опубликовала ряд статей, отражавших содержание защищенной в 2002 г. кандидатской диссертации о зарождении государственной системы начального образования в Англии [714]. Автор пришла к выводу, что протекавший процесс модернизации значительно повысил социальные функции школы, выявил несоответствие действовавшей в стране средневековой системы образования потребностям промышленного капитализма и демократизации общественно-политической системы. В новых условиях началось реформирование народного просвещения, которое проходило медленно и приняло затяжной характер в силу особенностей британского эволюционного развития. К ним Н. Е. Орлова относит нежелание общества нести значительные расходы на образование, ответственность за которое традиционно возлагалось на семью, а финансирование – на благотворителей. Сказались и особенности раннего индустриального общества с преобладанием текстильного производства и, следовательно, невысокой потребностью в квалифицированном труде, значительная доля которого приходилась на детей. С другой стороны, расширение круга избирателей в связи с парламентскими реформами 1832 и 1867 гг. вынуждало к более эффективному контролю за воспитанием детей не только в духе трудолюбия, но и послушания властям. Закон 1870 г. сделал начальное образование всеобщим и общедоступным и в то же время закрепил его классовый характер: была окончательно разорвана преемственность обучения в начальной и средней школах.

В 2007 г. М. В. Глеб издала монографию об экономическом, политическом и культурологическом аспектах британской имперской идеи во второй половине XIX века [196], подготовленную на основе защищенной в 2003 г. кандидатской диссертации [195]. Она пришла к выводу, что «британская имперская идея второй половины XIX в. оставалась теоретическим построением, полная реализация которого в реальности так и осталась идеальным проек-

том, не способным сдержать постепенный распад Британской империи» [196, с. 170].

В первом десятилетии XXI века британскую тематику начала разрабатывать автор настоящей работы, выступившая со статьями о народном образовании и британской модели реформирования колониальной системы, по историографии отдельных проблем британской истории, об опыте трансфера в интеллектуальное пространство Российской империи зарубежных трудов по истории, государственному, экономическому и социальному строю Англии. Затем последовала опубликованная в 2013 г. монография «Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1815–1917)» [1030], которая раскрывает тематическую направленность, основные сюжеты и идеи работ российских, британских, французских, немецких, швейцарских, бельгийских, американских исследователей – историков, правоведов, экономистов, политологов и социологов, изданных на русском языке в период между 1815 и 1917 гг. Книга возвратила в интеллектуальное пространство мощный блок российского дореволюционного англоведения, демонстрирует масштаб и тематическое разнообразие англоведческого историографического наследия, позволяет взглянуть на изданные в Российской империи труды глазами их современников. Тематически связан с указанной монографией раздел «Опыт интеллектуального трансфера: иностранная книга об Англии в России (1860–1917)» в коллективной монографии «Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время» [1031].

1.4. Зарубежная историография в русскоязычных переводах

Социально-политическая проблематика в обобщающих трудах. Наиболее заметные труды зарубежных историков активно издавались до революции, продолжали их публиковать и после нее. Издали в переводе с датского языка труд А. Торсое «История новейшего времени», хронологически охватывающий 1815–1916 гг., уже дважды выходивший до революции, а в третий раз в 1917–1918 гг. [941–942]. Авторитет этому изданию придало участие в нем одного из наиболее влиятельных российских историков профессора Киевского университета И. В. Лучицкого, выступившего в качестве редактора. То же относится и к одному из основоположников французского позитивизма Ш. Сень-обосу. Его «Политическая история современной Европы», выдержала в дореволюционной России 4 издания, а в советское время была выпущена 5-м и 6-м изданиями [869–870]. Крупнейшим событием стал выход в 1937 г. и переиздание в 1938–1939 гг. под редакцией и с обстоятельным предисловием Е. В. Тарле 8-томной «Истории XIX века» Э. Лависса и А. Рамбо [398]. Этот коллективный труд имел долгую жизнь. В советское время он вышел двумя изданиями, второе – под редакцией академика Е. В. Тарле. Говоря о научном уровне и достоинствах «Истории XIX века», Тарле подчеркивал: «Собственно, из всех больших европейских изданий, подводящих общие итоги результатам исторических исследований по истории XIX века, с трудом Лависса и Рамбо может быть сопо-

ставлена по научной основательности одна только “Кембриджская новая история” <...> Но Кембриджская история рассчитана больше на специалиста, чем на массового читателя <...> Совсем другое дело Лависс и Рамбо. Они дают не только живое, связанное, литературно исполненное изложение всей громадной массы сложнейших политических событий XIX столетия во всех странах Европы, но и очень содержательную, при всей своей краткости, характеристику таких явлений мировой культуры, как литература, музыка, живопись, скульптура, архитектура, развитие научных знаний» [726, с. 10–11].

Изданы труды, рассматривающие социально-политические явления в европейском масштабе, когда события в отдельных странах становятся элементами общеевропейского процесса. В этом аспекте вышедшие труды Н. Дэвиса, Э. Бриггс и П. Клэвин, Э. Хобсбаума формируют целостный взгляд на общеевропейские процессы. Н. Дэвис показал динамизм развития и модернизации Европы [263]. Э. Бриггс и П. Клэвин представили в виде многомерного процесса становление национальных государств, либерально-демократических и тоталитарных режимов [106]. Э. Хобсбаум в «Веке Империи» попытался «понять и объяснить девятнадцатый век и его место в истории, а также понять и объяснить мир в процессе революционного преобразования, чтобы найти в прошлом корни текущих событий и (пожалуй, это самое главное) представить прошлое как единую и цельную сущность» [998, с. 3]. В этом контексте в книге Хобсбаума нашли место важнейшие элементы миропорядка – роль и место буржуазии и рабочего класса, нации и национализм, политические системы, демократизация. Событием стал выход известного труда Мориса Дюверже «Политические партии», лейтмотивом которого выступила проблема соотношения демократии и политических партий, а конкретно-историческим содержанием – анализ партийных структур, условия, пути и факторы становления партий, взаимодействие политических партий и политических режимов [265]. Наконец, в 2015 г. состоялся выход четвертого тома получившего европейскую известность обобщающего пятитомного труда «История женщин на Западе», написанного группой историков под общей редакцией патриарха французской социальной истории Жоржа Дюби и главы феминистского направления во французской историографии Мишель Перро, «Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны» [397]. Во введении к изданию редакторы отмечали, что их цель – обобщить результаты конкретных исследований, проведенных специалистами разных стран и написать «историю женщин» так, чтобы быть услышанными представителями «традиционной» науки.

Франковедение. В число переводов вошли труды по истории революции 1848 г. и Второй республики [137; 1063–1064] во Франции. Издали трехтомное собрание сочинений П. Лафарга [532]. Вышла книга А. Л. Зе-ваэса о Третьей республике во Франции [349]. Французский взгляд на историю страны нашел отражение и в труде Ж.-Ш. Асслэна «Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней» [46]. Издали «Историю Франции» под общей редакцией Жана

Карпантье и Франсуа Лебрена. 22–25 главы в ней посвящены событиям XIX – начала XX века. По замыслу авторов, в книге должны «в рамках связного и функционального изложения найти место для разных предметов, которые различают сегодня: экономической истории, которой в наши дни несколько пренебрегают <...>; политической истории, находящейся в процессе обновления; истории религии; культурной истории; истории менталитетов <...>» [406, с. 9]. Вызывает интерес работа Т. Зелдина о Франции 1848–1945 годов [350]. Исследование М. Прело посвящено конституционному праву Франции [784]. Перевели работу немецкого историка Ю. Кучинского «История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г.» [516].

История революций, рабочего и социалистического движения представлены несколькими работами. А. Собуль в книге «Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции» [890] показал, что в революции 1848 г. аграрные выступления знаменовали выход крестьянства на политическую арену. В труде Ж. Брюа «История рабочего движения во Франции» в разделе о революции 1848 г. выделены различные слои рабочих и, следовательно, разный уровень их политического сознания. Следует отметить монографию Клода Виллара о социалистическом движении в 1893–1905 гг. [140].

Германистика. Переводы зарубежных трудов начали с издания работы В. Блоса по революции 1848–1849 гг. [84]. Затем, в 1920-е годы, вышли книги виднейших немецких социал-демократов. Опубликовали книгу Ф. Меринга об истории Германии [603] и его четырехтомную «Историю германской социал-демократии» [604], уже известную читателю по дореволюционным изданиям. Забегая вперед, следует упомянуть и написанную им биографию К. Маркса [606]. Не потеряла значения книга П. Кампфмейера «История современных общественных классов в Германии» [413]. До настоящего времени вызывают интерес упоминавшиеся выше труды А. Бебеля «Женщина и социализм» [63], «Христианство и социализм». Были изданы работы Ю. Кучинского о германском империализме [517].

В постсоветской России германистика в переводах стала более частым явлением. Был переиздан труд немецкого историка XIX в. Иоганна Шерра «История цивилизации в Германии», его второй том посвящен времени от Реформации до второй половины XIX в. [1038]. В коллективной работе «Краткая история Германии» главу «От Венского конгресса до начала Первой мировой войны» написал Ю. Ройлеке, который характеризует этот период как эпоху модернизации: «После противоречивого подготовительного этапа и начальной фазы, уходящей своими корнями в далекое прошлое, во второй половине XIX в. началась модернизация прежде всего в общественно-экономической сфере (формирование современного классового общества и промышленного капитализма), тогда как в области политики вплоть до начала Первой мировой войны сохранялись разнообразные традиционные формы власти. Это касается в первую

очередь периода, наступившего сразу после образования новой империи в 1871 г. Носителем и движущей силой процесса модернизации была главным образом буржуазия» [501, с. 261]. По мнению Ройлеке, принятая им в качестве методологической основы концепция «модернизации» «дала немало возможностей классификации и определения отдельных исторических процессов».

В двухтысячных годах вышли и другие «краткие истории» и монографии немецких авторов. В их числе «Краткая история Германии» Х. Шульце [1049]. О. Данн раскрывает проблему нации и национализма в Германии [229]. Ряд трудов посвящен зарождению, становлению и развитию финансовой аристократии. Г. Хауч исследовал деятельность концерна «АЕГ – Телефункен» и его основателя Вальтера Ратенау [994]. З. Веймер написал биографию Вернера фон Сименса, а Э. Шрёдер – династии Круппов. Обе эти работы объединены в одной книге под названием «Великие промышленники» [134]. Ф. Шильдбергер посвятил книгу Готлибу Даймлеру и Карлу Бенцу, Г. Шнее – династии Ротшильдов. И в этом случае эти труды объединены в одну книгу: «Богатые мира сего» [88]. Феномен государственной власти на примерах Гогенцоллернов, Бисмарка и Гинденбурга исследовали Э. Людвиг [561–562], А. Палмер [733], Дж. Макдоно [576], Вольфганг Руге [848], в соавторстве А. Шидлинг и В. Циглер [1040].

Англоведение. В 1918–1945 гг. английских авторов переводили нечасто. Первыми в поле зрения издателей попали книги о чартистском движении [880]. Издали книгу Г. Анбора «Английские консерваторы и либералы» [35] и работу Э. Галеви об Англии в эпоху империализма [171]. С немецкого языка перевели исследование М. Бера «История социализма в Англии» [72]. Опубликовали труды Сиднея и Беатрисы Веббов «История тред-юнионизма» и «Теория и практика английского тред-юнионизма» [125–126], в которых рассмотрена история английского рабочего движения на разных этапах, выделены ключевые его моменты, определено отношение к чартизму как «отклонению» от магистральной линии рабочего движения. Веббы в своих исследованиях проводили идею об интеграции тред-юнионов в капиталистическую систему и сотрудничестве с государством, развитию рабочего движения не по революционному, а тред-юнионистскому пути. Вышли известные труды Б. Вебб о кооперативном [123] и С. Вебба социалистическом [129] движении. Выпустили работу Г. Дж. Коула «История рабочего движения в Англии» [499].

Оживилось издание переводов в послевоенный период. Читателю стала доступна история английского рабочего движения в популярном изложении А. Л. Мортон и Дж. Тэйта [655]. Отталкиваясь от марксистской концепции, они оценили чартизм как первое массовое самостоятельное революционное движение пролетариата, направленное на коренное преобразование общества в интересах трудящихся. Британскому тред-юнионизму посвятил свой труд Аллен Хатт [993]. Луддизм, профсоюзное движение, борьба за парламентскую реформу 1832 г., чартизм нашли отражение в книге Чарлза Поулсена «Англий-

ские бунтари» [778]. Положение рабочего класса Англии рассмотрел Ю. Кучинский [518]. Истории повседневной жизни викторианской Англии посвящена книга Тани Диттрич [248].

Дополнительные возможности познакомиться с освещением британской истории самими англичанами русскоязычный читатель получил в двухтысячных годах, когда были опубликованы книги М. Пью «История Великобритании. 1789–2000» [808], К. Дэниела «Англия. История страны» [264], Дж. Блэка «История Британских островов» [86], «История Великобритании» под ред. К. О. Моргана [393], переизданы «Краткая история английского народа» Дж. Р. Грина [212] и помещенные под одной обложкой работы Дж. Сили и Дж. Крэмба [874]. С точки зрения восполнения пробелов в изложении проблем конституционализма определенный интерес представляют «Социальная история Англии» Дж. М. Тревелияна [944] и «История Англии» А. Л. Мортонна [654]. Но в этих трудах проблема демократического реформирования политического строя не является доминирующей, а рассматривается, наряду с другими, в качестве одной из линий политического развития. В обстоятельной монографии Р. Милибенда «Парламентский социализм» первая глава посвящена образованию Лейбористской партии [618]. Проблема демократического реформирования политического строя стала доминирующей в работе П. Бромхеда «Эволюция Британской конституции» [110]. В 2009 г. была переиздана в серии «Из наследия мировой политологии» книга Г. Л. Самуэля «Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии» [858].

Биографическая литература представлена несколькими трудами. В далеком 1934 г. вышла работа А. Моруа «Карьера Дизраэли» [656], затем биографические книги британских историков из издательских планов исчезли, их публикация возобновилась лишь в постсоветской России. Вышли работы Л. Стрэчи «Королева Виктория» [926], Р. Мартина «Леди Рэндольф Черчилль» [592], Кеннета Роуза о короле Георге V [844], К. Хибберта о частной жизни адмирала Нельсона [995]. К. Роббинс [832] и Норман Роуз [845] написали книги об Уинстоне Черчилле. Повышенное внимание привлекла биография этого крупнейшего государственного деятеля, составленная французским историком, основателем Института современной истории Ф. Бедарида, труд которого вышел в серии «Жизнь замечательных людей» пятью изданиями, последнее – в 2012 году [66].

* * *

Обзор советской историографии политической истории Франции, Германии и Великобритании XIX – начала XX в. свидетельствует, что при наличии литературы обобщающего характера, книг формата «всемирных историй», множества публикаций по отдельным направлениям и проблемам история политических движений и партий изучалась недостаточно. Исключение составляют лишь исследования европейских революций XIX в., рабочего и социалистического движения, социал-демократических партий и их международных организаций – I и II Интернационалов. Но и их история представлена исклю-

чительно в ключе идей марксизма-ленинизма, через призму классовой борьбы и ее цели – установления в результате социалистической революции диктатуры пролетариата с последующим построением социалистического общества. Это выводило из поля зрения иные побудительные мотивы массовых выступлений пролетариата и других социальных классов и слоев общества.

Указанные обстоятельства побуждали к новому обращению к теме политических партий, общественных организаций и движений, выявлению их роли в общественно-политической жизни, что и произошло в постсоветский период развития исторических исследований. Тем не менее несмотря на рост числа публикаций современных российских ученых, дополненных переводами работ зарубежных авторов, сфокусированных на исследовании малоизученных ранее вопросов политической и социальной истории Франции, Германии и Великобритании XIX – начала XX вв., всестороннее исследование европейского общества с точки зрения развития в нем общественных институтов, прежде всего, в Великобритании, Франции и Германии и их роли в конструировании социальных отношений и процессов, по-прежнему отсутствует. В силу этого на основе имеющейся обширной источниковой базы предполагается показать начало процесса трансформации европейского общества на принципах конституционно-демократического развития, что выливалось в складывание многочисленных общественно-политических структур и ассоциаций разных видов и типов и новых форм общественной жизни.

В ходе исследования процесса возникновения, развития и деятельности организаций и движений, политических партий, союзов предпринимателей, профессиональных союзов рабочих, женских объединений будут показаны формы и масштабы общественной активности разных слоев общества, степень эффективности ее воздействия на обеспечение политических, социальных и экономических интересов соответствующих классов и групп, продемонстрированы изменения основных направлений государственных социально-политических стратегий рассматриваемых государств.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ «ДВИЖЕНИЯ» – ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (1815–1860-е годы)

2.1. Антибурбонская политическая оппозиция и низвержение «старого порядка» во Франции

Тайные общества накануне революции 1830 г. После устранения Наполеона Бонапарта во Франции короновали старшего из дома Бурбонов Людовика XVIII, брата казненного в 1793 г. Людовика XVI. 4 июня 1814 г. приняли Конституцию, известную как «Конституционная хартия 1814 г.» [457; 979]. Она оставила в неприкосновенности проведенное в годы революции конца XVIII в. перераспределение земли, гарантировала сохранение старой наполеоновской администрации, образовательной системы и принципа парламентского правления. Вместе с тем Хартия отвергла идею народного суверенитета, закрепила легитимный принцип власти, установила конституционно-монархический режим, провозгласила особу короля, как правящего по воле Божественного провидения, священной и неприкосновенной. Королевская власть ограничивалась двухпалатным Законодательным корпусом, но наследственных членов верхней палаты – пэров назначал король. Ему принадлежало право законодательной инициативы и обнародования законов, право созыва и роспуска парламента. Король наделялся всей полнотой исполнительной власти, назначал министров, которые были ответственны только перед ним.

«Хартия» декларировала равенство всех французов перед законом, неприкосновенность личности, свободу печати и совести, равный доступ ко всем военным и гражданским должностям, сохранение частной собственности, включая приобретенную в годы революции, равное налогообложение граждан. Были оставлены демократические преобразования предшествующей эпохи – выборы в нижнюю палату парламента, хотя на основе высокого возрастного (30 лет для голосования и 40 лет для избрания) и имущественного (300 франков прямых налогов в год для избирателей и 1000 франков – для кандидатов в депутаты) цензов.

Режим реставрации вынужден был оставить в силе законодательство и использовать административно-государственный аппарат наполеоновской империи, признать наполеоновскую аристократию (при Наполеоне было роздано 3300 титулов), но не преминул возвратить в страну эмигрировавших в годы революции аристократическую знать и роялистское дворянство. Брат и наследник Людовика XVIII – Карл, граф д'Артуа, объединил вокруг себя партию ультрароялистов, как говорили, «более роялистов, чем король». Они заняли господствующее

положение в стране и развязали разнузданную охоту на бонапартистов. После воцарения в 1824 г. Карл X показал, что он является «королем эмигрантов». Дворянство компенсировали за распроданные во время революции земли огромной суммой в миллиард франков [339]. За конфискованные владения их бывшие владельцы получили вознаграждение в 20 раз большее, чем доход, который эти земли давали в 1790 г. [398, т. 3, с. 130]. Принятый в 1825 г. закон о святотатстве устанавливал смертную казнь за «осквернение священных сосудов и священных даров». Власти не препятствовали возвращению иезуитов и их попыткам укрепить свое влияние в школах. Цензура, увеличенные штрафы и судебные преследования удушали свободу печати [710]. Закон о двойном вотуме давал крупнейшим налогоплательщикам (они составляли всего четверть избирателей) два голоса на выборах в парламент [711]. Была распущена Национальная гвардия.

Недовольство режимом Бурбонов вызвало консолидацию оппозиционных сил. Против монархии выступили тайные организации *Общества карбонариев*, созданные во Франции в начале 1820-х гг. по подобию итальянских. Организаторами *Общества карбонариев* были масоны Буше, Жубер, Базар и Флоттар из ложи *Друзья истины*. В короткое время сеть карбонарских лож (вент) охватила всю страну, достигнув 2 тыс., возможно, их было больше. Число членов составляло по разным данным от 40 до 60 тыс. человек. Общество представляло собой централизованную организацию со строго иерархическим подчинением лож низшей степени ложам высшей степени. Таких степеней было 4: «частные», «центральные», «высшие», «верховная». Каждая «частная ложа» состояла из 20 членов и выбирала по одному делегату; делегаты каждых 20 «частных лож» составляли «центральные ложи», они, в свою очередь, выбирали по делегату для связи с «высшей ложей», последняя, наконец, также выделяла делегата для поддержания контактов с «верховой ложей». Аналогичные ложи существовали и в армии. Члены разных лож не знали друг друга, попытки завести знакомства преследовались под угрозой смертной казни. Связь между ложами осуществлялась только через делегатов и только в устной форме, письменные сообщения запрещались. Члены общества присягали хранить тайну, при вступлении вносили 5 франков и уплачивали 1 франк ежемесячных взносов, должны были иметь ружье, 50 патронов и кинжал. Главой общества был генерал М.-Ж. Лафайет, участник американской Войны за независимость и Французской революции конца XVIII в., член Палаты депутатов и масон.

Последнее обстоятельство требует комментариев. Масонство глубоко проникло во все сферы общественно-политической жизни европейских стран, в том числе и Франции. Здесь во время правления Наполеона Бонапарта были восстановлены центры масонского ордена – *Великий Восток* и *Великая ложа*. После ликвидации Первой империи масонство возглавил Людовик XVIII. Но уже тогда часть масонов оказалась в оппозиции, причем как роялистской, так и республиканской. Почему это оказалось возможным? Как констатирует Микеле Морамарко: «За пределами ложи вольные каменщики различны в силу их соци-

альной принадлежности и политических взглядов. Согласно масонской ортодоксии, никто не вправе запрещать им обеспечивать интересы той или иной социальной группы, выражая взгляды той или иной части общественного мнения». И далее: «В принципе масонство воспрещает себе проведение какой бы то ни было политической деятельности, направленной вовне, но оставляет за своими адептами широкую свободу деятельности среди всех членов общества, не обязывая их следовать каким бы то ни было директивным указаниям». Еще один фрагмент: «Можно утверждать, что наименее враждебными масонским идеалам являются традиции светской демократии, республиканские и либеральные течения благодаря взрастившей их культуре. Это отнюдь не означает, что вольные каменщики стоят именно на таких позициях, не означает это и того, что участие масона в общественной жизни должно быть сопряжено с активной политической деятельностью в той или иной партии» [583, с. 225, 226, 227].

Возвращаясь к *Обществу карбонариев*, следует сказать, что политические цели карбонариев были расплывчаты. Общим требованием было низвержение Бурбонов, уничтожение режима Реставрации и демократизация политического строя. Устав *Общества карбонариев* провозглашал: «Принимая во внимание, что сила не есть право и что Бурбоны были возвращены во Францию иностранцами, карбонарии объединяются для того, чтобы вернуть французской нации свободное пользование правом, заключающимся в самостоятельном выборе подходящего для нее правительства» [398, т. 3, с. 95].

Однако единства в понимании того, кто должен быть приведен к власти, не было: выходцы из городских низов и мелкой буржуазии стремились к установлению республиканского строя, но среди карбонариев были бонапартисты и сторонники либеральной монархии – Лафайет, например, выступал за призвание на трон Луи-Филиппа из Орлеанского дома.

Общество карбонариев в 1821 г. предприняло попытки вооруженных выступлений в Бельфоре, Ларошели, Сомюре. Все они не были массовыми, после подавления правительственными войсками один из организаторов генерал Бертон и около двух десятков участников были казнены, многие приговорены к тюремному заключению. После 1822 г. попытки военных выступлений против Бурбонов не повторялись. Тем не менее карбонарии активно участвовали в Июльской революции 1830 г., а Лафайет по требованию народа возглавил Национальную гвардию и руководил уличной борьбой. После революции 1830 г. деятельность карбонариев постепенно угасла.

Либеральные движения накануне революции 1830 г. Те политические действия, которые составляют содержание понятия «движение», представляли собой выступления оппозиции, объединенной единством взглядов и целей, организационно сплоченной в «общества». Они разрушали стабильность и правопорядок абсолютизма. Когда Карл X попытался подвергнуть ревизии буржуазные преобразования, завоеванные революцией конца XVIII в., вся Франция расценила это как контрреволюцию и ответила «движениями». Оценивая их роль в политической борьбе, следует иметь в виду то важное обстоятельство,

что во многих случаях участники *движений* параллельно являлись членами масонских лож. В них входили многие крупные буржуа, банкиры, адвокаты, журналисты, университетские преподаватели, добивавшиеся перехода страны к парламентарной монархии английского образца.

«Движения» периода Реставрации руководствовались политическими идеями либерализма. Первоначально они не были структурированы в замкнутые формализованные организации, были расколоты на течения, объединявшие единомышленников с общими взглядами и подходами к решению политических задач. Уже в первые годы Реставрации либералы образовали некие предпартийные структуры: умеренное крыло либералов составляли конституционалисты, по другому – «доктринеры» (*доктринеры* из-за того, что их ораторы отличались напускной строгостью и доктринерским тоном выступлений). Левое течение либералов было представлено «независимыми».

В числе *доктринеров* были и роялисты, включая бывших эмигрантов (герцог Ришелье, де Серр), и члены прежних революционных и наполеоновских законодательных собраний (Ройе-Коллар, Гизо, Жордан), и бывшие чиновники Империи (Паскье, Кювье, Деказ). Основная масса доктринеров представляла собой богатых буржуа, фабрикантов, крупных коммерсантов, адвокатов, судейских. Зимой 1817–1818 гг. *доктринеры* оформились в группу, политически занимавшую среднее место между роялистами и либералами. Программа *доктринеров* была либерально-консервативной. Они «намеревались примирить старую и новую Францию, надеясь привести представителей бывших привилегированных сословий к искреннему признанию нового общественного и политического порядка, созданного революцией, а буржуазию – приучить смотреть на реставрацию как на явление вполне законное» [398, т. 3, с. 93]. Политическим идеалом *доктринеров* была конституционная монархия, признающая социальные приобретения революции конца XVIII в. Они полностью разделяли установления «Хартии» 1814 г. [457; 979].

Если *доктринеры* представляли собой «правое крыло» либералов, то *независимые* являлись их «левым крылом». Они с самого начала проявляли больше радикализма, искали опору не в королевской власти, а в общественном мнении и народном представительстве. Общей политической программы у них не было, а единственное стремление состояло в воспрепятствовании попыткам Бурбонов вернуть Францию к дореволюционному укладу и, наоборот, в сохранении наследия революции конца XVIII в., развитию конституционных учреждений. Но и этого оказалось достаточным, чтобы в широких слоях общества снискать популярность, а правительство побуждать к репрессиям. Многие из *независимых* (генерал Фуа, Лафайет) видели выход в переходе власти к Орлеанской династии. Опору *независимых* составляли различные социальные слои: республиканцы, бонапартисты, офицеры на половинном жалованье, бывшие солдаты, рабочие крупных городов, крестьяне, обеспокоенные возвращением дворян, студенты, буржуазная молодежь. *Независимые* были тесно связаны с тайным *Обществом карбонариев*.

Показателем роста оппозиционных настроений стала антиправительственная деятельность либералов. Ввиду правительственных репрессий либералы с 1824 г. перешли к организации внешне законных и лояльных демонстраций. Первым крупным политическим актом, объединившим либералов и обеспечившим им общественную поддержку, была демонстрация 30 ноября 1825 г. по случаю похорон генерала Фуа. С этого времени всевозможные клубы и литературные общества становятся базой либеральной пропаганды. Либеральная печать усилила критику династии Бурбонов, выдвигала идеи ограничения королевских прерогатив, введения местного самоуправления, борьбы с клерикальным засильем, смягчения режима для печати, уменьшения налогов. Еще одним фактором консолидации либералов стало распространение политической концепции Ф. Гизо. Он считал, что противостоять пагубной для общества реакционно-аристократической политике Бурбонов может общественное мнение, в связи с чем необходимо взаимодействие с гражданским обществом. Под последним Гизо понимал верхи среднего класса. Признание важности общественного мнения еще больше сблизило *доктринеров и независимых*. Их общим инструментом политической борьбы стало общество «Помогай себе сам – и небо тебе поможет», организованное в октябре 1827 г. Часть руководителей общества были масонами ложи *Друзья истины*. Президентом общества стал Гизо. Общество вело энергичную пропаганду, направленную на объединение оппозиционных сил. Масоны создали в рабочих кварталах Парижа склады оружия, революционные комитеты в каждом из 12 округов столицы, наметили планы действий на случай восстания [895, с. 75].

Все это привело к изменению баланса политических сил. На выборах 1830 г. *независимые и доктринеры* получили большинство голосов. Попытка Карла X ценой нарушения действовавшей «Конституционной хартии» переломить ситуацию разгоном Палаты депутатов, упразднением свободы печати [710], ограничением состава избирателей [711] привела к открытому противостоянию двора и нации, а в конечном счете – к Июльской революции 1830 г., отречению Карла X, провозглашению Луи-Филиппа из Орлеанского дома «королем французов». Результаты революции закрепила новая конституция – «Хартия 1830 года» [см. примечания к: 457; 979], более либеральная в сравнении с ее предшественницей. Революция 1830 г. и Июльская монархия представляли собой значительный шаг по пути укрепления конституционного строя и перехода от наследственного к выборному способу передачи государственной власти. Возникла промежуточная между наследственной монархией и республикой форма государственности. Финансовая аристократия овладела большинством мест в палате депутатов, получила доступ к высшим должностям в государственном аппарате.

Оппозиционное республиканское движение в период Июльской монархии. Восстания 1831 и 1834 гг. ткачей Лиона, многочисленные стачки 40-х годов, обращение к идеям социализма – все это свидетельствовало о политизации рабочего класса, не желавшего мириться с материальной необеспеченностью,

социальной незащищенностью и политическим бесправием. С другой стороны, промышленная буржуазия тяготилась не соответствовавшей ее возросшему экономическому значению приниженной политической ролью, всевластием и привилегированным положением финансово-промышленной аристократии. Не входившие в ее число буржуа стремились к либеральным реформам, с которыми связывали надежды на усиление своего политического влияния.

Организационно оппозиция спланировалась масонскими ложами, действовавшими тайно, но озвучивавшими идеи политических преобразований через легальные популярные газеты. Вокруг газеты «Насьональ» объединились *умеренные республиканцы*. Они требовали установления республики, расширения избирательных прав, но были против социальных реформ и социалистических идей. Газета «Реформа» объединила *левых республиканцев*. Их требования были более радикальными: введение всеобщего избирательного права и осуществление социально-экономических преобразований.

Республиканцы пытались низвергнуть монархию путем революционных выступлений тайных обществ. Поражение одного сразу же влекло создание другого. В 1830 г. было образовано «Общество друзей народа». В 1832 г. его выступление потерпело неудачу, и общество было распущено. Ему на смену пришло «Общество прав человека и гражданина». Предпринятые им в июне 1832 г. и в апреле 1834 г. попытки восстания в Париже и Лионе также потерпели поражение.

В 1837 г. Огюст Бланки создал «Общество времен года» (название отражает структуру общества: каждые 7 членов образовывали ячейку, которая называлась «неделя»; 4 «недели» составляли «месяц»; 3 «месяца» – «время года»; 4 «времени года» – «год»). К 1839 г. организация насчитывала 4–5 тыс. человек. Бланки полагал, что изменить политическую систему и условия жизни возможно лишь путем политического переворота, который один только способен привести к социальным преобразованиям. Политическая революция, подчеркивал Бланки, имеет своей непосредственной задачей низвержение власти капитала, а конечной целью – установление коммунистических порядков, полное устранение всякой эксплуатации. Бланки представлял революцию как вооруженное восстание, инициированное конспиративной организацией. Он считал естественным и исторически неизбежным доверить руководство революционным движением выходцам из самой буржуазии. В ее рядах имеется некоторое избранное меньшинство, от которого исходят идеи преобразования и которое ведет массы на бой против капитала. Бланки полагал, что грядущая революция завершит вековую борьбу «бедных и богатых», «труда и капитала», а следовательно, будет в интересах пролетариата. Для закрепления революции, проведения необходимых преобразований необходима революционная диктатура, утверждал Бланки. В его представлении она есть не диктатура класса, а «диктатура Парижа». Как отмечал В. П. Волгин, Бланки имел в виду «диктатуру революционной организации, опирающейся на определенную часть парижского населения – на парижский плебс» [159, с. 316]. Бланки считал, что первоочередной задачей революционного правительства является разоружение буржуазии.

Революционная власть нанесет решительные удары по системе управления, устранив высших и средних чиновников. Она, распустив старую армию, создаст национальную милицию из рабочих. Судебную власть упразднит, судей уволит, функции суда возложит на арбитров в гражданских делах и на присяжных – в уголовных. Примет меры против церкви, изгонит священников, а аристократов и других врагов республики предаст суду. Выдвинутая Бланки идея захвата политической власти, за которым последует установление революционной диктатуры, впоследствии была воспринята марксизмом. Преданность Бланки идее коммунизма и его неиссякаемая революционная энергия возвысили Бланки в ряду политических деятелей времени, в котором он жил, объединили вокруг его имени широкий круг последователей.

Однако «Общество времен года», поставившее целью вооруженное низвержение Июльской монархии и установление республики [156], не сыграло сколько-нибудь заметной роли. В мае 1839 г. оно подняло в Париже восстание, которое было подавлено. «Общество времен года» было разгромлено, а руководители осуждены на пожизненное тюремное заключение.

Неудачи выступлений тайных обществ вынудили изменить тактику. Оппозиционное движение последних лет Июльской монархии приняло форму банкетов, фактически митингов, поскольку это был единственный разрешенный законом вид собраний. Первый банкет в Париже состоялся 10 июня 1840 г. 31 августа офицеры Национальной гвардии организовали в Шатильоне банкет, на котором присутствовало 6 тыс. человек [398, т. 3, с. 375]. В 1847 г. поднялась новая волна банкетов. На банкетах под видом тостов произносились речи с критикой правительства, требованием расширения избирательного права и изложением внутри- и внешнеполитических программ различных фракций противников орлеанистского режима. Выступая на одном из банкетов, поэт и политический деятель, умеренный республиканец А.-М. Ламартин говорил: «Если монархия обманет те надежды, которые страна в 1830 году из осторожности связывала не столько с сущностью монархии, сколько с ее именем; если она станет окружать себя избирательной аристократией, вместо того чтобы раствориться во всем народе; если она будет принижать нас до позорного растления <...> то, будьте уверены, эта монархия потонет не в своей крови, как монархия 1789 года, а в ею самой вырытой яме. И после того как вы присутствовали при революциях во имя свободы и контрреволюциях во имя славы, вы увидите революцию возмущенной общественной совести и революцию презрения» [398, т. 3, с. 382].

Банкетная кампания политизировала различные социальные слои общества, способствовала складыванию революционной ситуации, которая развивалась на фоне неурожайных 1845 и 1846 годов, экономического кризиса 1847 г. Впали в нужду даже сравнительно обеспеченные семьи, уменьшилась заработная плата и выросла безработица промышленных рабочих. Банкротства подрывали положение мелкой и даже средней буржуазии. Это изменило отношение к Луи-Филиппу. Даже Национальная гвардия примкнула к республиканцам.

Республиканцы в Февральской революции 1848 г. Однако король и правительство Франсуа Гизо как будто не видели развития ситуации в опасном для монархии направлении и запретили назначенные на 22 февраля 1848 г. банкет и уличную демонстрацию в защиту свободы собраний. Это стало поводом для взрыва – Февральской революции 1848 г., приведшей к отречению от трона Луи-Филиппа [727].

Первоначально ничто не предвещало революции, даже собравшаяся 22 февраля толпа из студентов и рабочих. Ш. Сеньобос, автор раздела о революции 1848 г., в «Истории XIX века», по этому случаю говорит: «До сих пор еще нельзя было говорить ни о восстании, ни даже о бунте; это была толпа, собравшаяся для демонстрации; она волновалась, не имея еще ни вождей, ни определенной цели. Старый республиканский штаб, руководивший восстаниями в первые годы царствования Луи-Филиппа, был дезорганизован со времени неудачи, постигшей в 1839 году Барбеса и Бланки. Оставалось только несколько небольших старых обществ, разучившихся сражаться; главное из них – *Общество времен года* – насчитывало не более 600 членов. Газета республиканской партии *Реформа* <...> влачила жалкое существование: у нее не было и 2000 подписчиков. Вечером 21 февраля вожди партии, собравшись в помещении газеты, решили воздержаться от участия в манифестации, чтобы не доставить правительству удобного случая раздавить их; вечером же 23 февраля, после неорганизованного выступления первого дня, они все сошлись на том, что положение дел не таково, чтобы попытаться произвести революцию» [398, т. 5, с. 6].

Можно сказать, что ни одна организация революцию заблаговременно и сознательно не планировала, но градус общественного недовольства монархией был столь высок, что оказалось достаточным одного нерасчетливого действия правительства для лавинообразного перерастания мирной манифестации в стихийный революционный поток со строительством баррикад, захватом королевской резиденции дворца Тюильри и разгоном монархически настроенной части Палаты депутатов – его монархия не выдержала и была низвергнута. Ситуацией воспользовались республиканцы. Из членов Палаты депутатов – *умеренных республиканцев*, группировавшихся вокруг газеты «*Насьональ*», – составили правительство, в которое вошли Дюпон де Л'Эр, Араго, Ламартин, Ледрю-Роллен, Кремье, Мари, Гарнье-Пажес. Параллельно *левые республиканцы*, объединявшиеся вокруг газеты «*Реформа*», составили свой список, включавший политиков из списка *Насьоналя* с добавлением новых имен: в их числе были публицист и историк по профессии, социалист по убеждениям Луи Блан и рабочий-механик, один из руководителей тайного общества «*Времена года*» Александр Альбер. Деятели из обоих списков собрались в Ратуше и составили *Временное правительство* [802], которое 25 февраля провозгласило Францию республикой [699]. В последующие дни правительство распустило палаты пэров и депутатов, освободило брошенных в тюрьмы по обвинению в деятельности против Июльской монархии, отменило смертную казнь за политические преступления. Из мер демократического характера важнейшее значе-

ние имело упразднение дворянских титулов, что решительно подрывало политическую роль аристократии. Была восстановлена свобода печати и собраний. Сняли цензовые ограничения при зачислении в Национальную гвардию, в нее массами стали вступать рабочие. Периодическая печать, Национальная гвардия стали мощным политическим фактором, с которым правительство не могло не считаться.

Революция 1848 г. привнесла новое для XIX в. явление: в правительство вошли представители рабочих – Блан и Альбер. Было ли это отражением глубинных перемен в политическом сознании общества или тактическим ходом правительства, которое заблаговременно учитывало необходимость парализовать возможный очередной социальный взрыв? Пролетариат того времени хотел бы верить в первое из этих предположений. Основания для этого были. Декларировали право рабочих на труд и ассоциации; сократили рабочее время в Париже до 10 и в провинции до 11 часов; снизили цены на хлеб; предписали возвратить заложенные в ломбардах предметы первой необходимости стоимостью до 10 франков; выделили рабочим ассоциациям миллион франков из средств, которые раньше шли на содержание королевского двора. В ряд «прорабочих» мер следует поставить учреждение так называемой «правительственной комиссии для трудящихся», известной больше как *Люксембургская* [703], – по названию дворца, в котором она размещалась. В ней вместе с предпринимателями участвовали и рабочие. Создание *Люксембургской комиссии* явилось отражением взглядов идеологов социализма наподобие Луи Блана и либералов (в комиссию входили несколько видных теоретиков-экономистов) о возможности сотрудничества буржуазии и пролетариата, мирного решения социальных проблем.

Люксембургская комиссия превратилась в центр пропаганды социалистических идей Луи Блана, но на ее счету и практическая работа. Комиссия в качестве посредника улаживала трудовые конфликты между рабочими и предпринимателями, организовала несколько десятков производительных ассоциаций ремесленных рабочих, добилась от правительства и парижского муниципалитета выделения им ссуд. Она выступила с инициативой избрания на рабочих собраниях представителей от каждой профессии, которые, в свою очередь, голосованием образовали *Центральный комитет рабочих делегатов департамента Сены*. Парижский пролетариат получил организацию, выражавшую его политические и экономические интересы.

Видимость социальной гармонии поддерживали созданные *Временным правительством* в Париже и других крупных городах национальные мастерские для потерявших работу и заработок ремесленников, торговых служащих, конторщиков, мелких предпринимателей [231]. Зачисленные в мастерские сводились в отделения, бригады, взводы, роты [774]. Всех участников этой «трудовой армии» за одинаковую плату в 2 франка в день должны были использовать на общественных работах под открытым небом: расчистке и мощении улиц, посадке деревьев, насыпке земляного полотна для строившихся железных

дорог и т. п. Но работы для всех не доставало, в дни, не занятые делом, плату уменьшили до 1 франка. Вновь появилась масса недовольных людей, сочувственно отзывавшихся на социалистическую пропаганду и готовых к политическим действиям, тем более что национальные мастерские с их военизированной структурой представляли собой готовые боевые формирования, а сами рабочие, как национальные гвардейцы, имели оружие.

Учредительное собрание. Одним из первых декретов *Временное правительство* ввело всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21-летнего возраста при условии 6-месячного проживания по месту голосования. Это увеличило количество избирателей с 240 тыс. до 9,3 млн. 23 и 24 апреля состоялись выборы в *Учредительное собрание*. Из 900 мест около 600 получили представители республиканской буржуазии и мелкобуржуазные демократы. Не прошли такие признанные революционеры, как О. Бланки, Т. Дезами, Э. Кабе, Ф. Распайль. Да и трудящихся в нем было немного: депутатами стали 18 рабочих и 6 мастеров.

Учредительное собрание 4 мая 1848 г. подтвердило республиканскую форму правления во Франции и образовало правительство, так называемое «Исполнительную комиссию», куда социалистов уже не включили. Однако дальнейшее развитие событий вновь определило вмешательство парижских революционных клубов, которые назначили на 15 мая демонстрацию, чтобы побудить *Учредительное собрание* оказать поддержку восстанию в прусской и австрийской частях Польши. 150-тысячная демонстрация повела себя далеко не мирно. Часть демонстрантов ворвалась в Бурбонский дворец, где потребовала немедленного решения вопроса о поддержке поляков, а затем в обстановке всеобщего возбуждения поддержала предложение о роспуске *Учредительного собрания*. Но повторить февральский сценарий не удалось. Правительство с помощью Национальной гвардии и армии подавило выступление. Затем последовали репрессии: Альбера, Барбеса, Бланки, Распайля арестовали, их клубы закрыли, *Люксембургскую комиссию* ликвидировали. 22 июня распустили национальные мастерские [839]. Занятым в них рабочим в возрасте от 18 до 25 лет предложили вступить в армию, остальным – отправиться в провинцию на мелиоративные работы или согласиться с увольнением. Выбор должны были сделать 117 тыс. человек.

Трудно предположить, что правительство рассчитывало на добровольное согласие рабочих заменить гарантированный заработок в национальных мастерских на армейскую казарму или осушение болот. Замысел исходил из признания неизбежности конфликта, который дал бы возможность разрушить обременительную для бюджета, экономически невыгодную и политически беспокойную, вышедшую из-под контроля организацию, сплавившую значительную часть пролетариата. В действительности все так и произошло. Утром 23 июня на улицах рабочих кварталов Парижа начали сооружать баррикады. Учредительное собрание передало полноту власти военному министру генералу Л. Кавеньяку [232], который к вечеру 26 июня подавил восстание. 53 департамента

направили в столицу добровольческие отряды Национальной гвардии на помощь правительству. В них были представлены все слои населения: крестьянство, городская мелкая буржуазия, лица свободных профессий и даже рабочие. Таким образом, Франция недвусмысленно высказала отрицательное отношение к восстанию. И хотя К. Маркс назвал Июньское восстание 1848 г. «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество», борьбой «за сохранение или уничтожение *буржуазного строя*» [588, т. 7, с. 29], его не поддержало ни большинство рабочих Парижа, ни других городов.

Конституция 1848 г. и государственный переворот Луи Бонапарта.

4 ноября 1848 г. *Учредительное собрание* приняло Конституцию Второй республики [489–490]. В соответствии с ней 10 декабря 1848 г. провели выборы президента. На них с огромным перевесом, набрав 74,4% голосов, победил Луи Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I [358]. Затем, 13 мая 1849 г., прошли выборы в *Законодательное собрание*. В нем 500 из 750 мест заняли представители «партии порядка»: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты. Изменившееся соотношение сил расчистило путь к восстановлению монархического режима. Между легитимистами и орлеанистами развернулась борьба за трон, но с наибольшим эффектом ситуацию использовал Луи Наполеон. Ввиду приближавшегося окончания срока президентства он потребовал пересмотра конституции, чтобы получить возможность переизбрания, однако голосование в Законодательном собрании не набрало необходимого количества голосов. Луи Наполеон 2 декабря 1851 г. ответил государственным переворотом: распустил Законодательное собрание и Государственный совет, установил для себя 10-летний срок президентства, присвоив к тому же титул принца-президента [838]. Через год после узурпации власти, подавив республиканские выступления (репрессиям подверглись 21 тыс. человек), принц-президент 20 ноября 1852 г. провел плебисцит «О восстановлении императорской власти в лице Луи Наполеона Бонапарта» и получил подавляющее большинство голосов. 2 декабря 1852 г. Вторую республику упразднили формально, а государственный строй Франции трансформировали во Вторую империю с «императором французов» Наполеоном III во главе¹.

Во Франции установилась бонапартистская диктатура. Новая Конституция 1852 г. [486] сконцентрировала всю исполнительную власть в руках императора. Наполеон III получил практически неограниченные полномочия. Он был главнокомандующим, назначал на все важнейшие должности. Министры подчинялись только императору и не составляли в совокупности совет министров. Лишь один император обладал правом законодательной инициативы. При императоре состояли три высших учреждения, всецело от него зависевшие. Назначавшийся императором *Государственный совет* вырабатывал законопроекты. Избиравшийся всеобщим голосованием *Законодательный корпус* лишь

---

¹ Наполеоном II считается сын Наполеона I Наполеон Франсуа, никогда не царствовавший, но имевший титул Римского короля.

утверждал их. Пожизненно назначавшиеся императором члены *Сената* выполняли функции конституционного надзорного органа. Очевидно, что эти учреждения не играли самостоятельную роль. При такой авторитарной системе личного правления не только торгово-промышленная буржуазия, но и финансовая аристократия не могли претендовать на власть. Бонапартистский режим характеризовало лавирование между различными социальными группами и классами при опоре на верхушку армии. Это позволяло ему представлять себя властью, стоявшей над классами и выражавшей интересы каждого из них.

Вторая империя. Наполеон III на протяжении царствования стремился возродить величие империи и добиться процветания страны. Многое ему удалось осуществить. Быстро прогрессировала промышленность. К 1870 г. французская экономика с 10% мирового промышленного производства была одной из наиболее развитых, занимая 4-е место после Англии, США и Германии. Энергично велась внешнеэкономическая политика в связи с подписанием торговых договоров с Англией и другими странами. Определелись некоторые направления социальной политики. Возникло множество благотворительных учреждений, детских приютов и яслей, богаделен, обществ взаимопомощи, страховых касс для выплаты пенсий престарелым рабочим. Правительство пыталось организовать врачебную помощь городскому и сельскому населению. В крупных городах поощрялось строительство рабочих кварталов. На протяжении 1852–1859 гг. реконструировали Париж, столица Франции получила подземные водопроводные и канализационные коммуникации, стала благоустроеннее, но и оставляла меньше возможностей для баррикадных уличных боев, столь часто сотрясавших и даже низвергавших правившие режимы. Перестраивались и многие другие города: Марсель, Гавр, Лион, Лилль, Бордо.

Наполеон III в стремлении поднять популярность династии, усилить блеск и могущество империи, вернуть потерянные территории, расширить колониальную периферию вел бесконечные войны и колониальные экспедиции. Войны и колониальные походы Наполеона III соответствовали желаниям и интересам верхушки армии, которая превратилась в главную опору режима. Новые захваты находили поддержку и у крупной буржуазии, но ее все больше тяготили возраставший государственный долг, ухудшавший экономическую ситуацию, авантюрная внешняя политика, обрекавшая Францию на международную изоляцию, наконец, при формальном наличии конституции паралич гражданских свобод и фактическое отрешение от власти в связи с чрезмерной концентрацией властных полномочий в руках императора. На выборах исполнительная власть перекраивала в ущерб оппозиции избирательные округа, выдвигала официальных кандидатов, принуждала их присягать на верность императору. Избранные в таких условиях депутаты *Законодательного корпуса* отличались послушанием, а если бы и захотели проявить политическую самостоятельность, то не смогли бы этого сделать, так как не обладали ни властью, ни даже возможностью донести свои взгляды до избирателей, поскольку стенограммы парламентских дебатов не публиковались. Не существовала свобода личности,

печати и собраний. После того как 14 января 1858 г. четверо итальянских террористов во главе с Феличе Орсини бросили под карету императора несколько бомб, убивших и ранивших 156 человек, но не нанесших вреда Наполеону III, уже 1 февраля был принят закон об общественной безопасности. Его использовали, чтобы возобновить преследования французских республиканцев, не имевших никакого отношения к этому действительно бессмысленному, жестокому и кровавому покушению.

Республиканцы в годы Второй империи. Вторая империя способствовала развитию экономики, что на определенное время примирило с ней буржуазию. Но утрата буржуазно-демократических завоеваний периода революции 1848 г. и возвращение к монархическому строю, подобному Первой империи, вновь с неизбежностью побуждали добиваться либеральных реформ. Естественным следствием явилось оживление либеральной оппозиции, а затем и активные выступления противников Наполеона III. В *Законодательном корпусе* созыва 1857 г. впервые со времени коронации императора образовалась республиканская фракция. Демократическую оппозицию представляли всего 5 депутатов, в том числе Жюль Фавр, Эмиль Оливье, Эрнест Пикар – каждый из них в недалеком будущем сыграет заметную роль в политической истории Франции. Но уже к очередным выборам 1863 г. оппозиция усилилась. На почве общего недовольства империей буржуазные республиканцы, орлеанисты и легитимисты объединились в «*Либеральный союз*». Республиканцы помогли пройти в Законодательный корпус орлеанисту Адольфу Тьеру и другим монархистам, последние, в свою очередь, – республиканцам Жюлю Фавру, Жюлю Симону и их соратникам. Всего кандидаты оппозиции получили 28,6% голосов избирателей и 35 мест, из которых 17 заняли республиканцы. Отражением дальнейшего усиления антиавторитарных тенденций явилось постепенное складывание и окончательное оформление в 1867 г. так называемой «*Третьей партии*» – парламентской группировки, ядро которой составил «*Либеральный союз*». Ее политическая платформа нашла выражение в формуле «Прогресс путем свободы без революции», что означало требование конституционного преобразования империи.

Накануне выборов 1869 г. активизировало деятельность левое крыло буржуазно-либерального лагеря. Резко критиковал бонапартистский режим журналист Анри Рошфор, издававший еженедельник «Лантерн» («Фонарь»), а после его закрытия – ежедневную газету «*Марсельеза*». Адвокат Леон Гамбетта, называвший себя «радикальным демократом» вступил в избирательную борьбу под лозунгами «Бельвильской программы»¹. Этот документ содержал перечень требований, важнейшими из которых являлись: всеобщее избирательное право на общефранцузских и муниципальных выборах; свобода личности, которая должна находиться под защитой закона, а не зависеть от произвола администрации; свобода печати, собраний и ассоциаций; отделение церкви от государства; обеспечение обязательного бесплатного и светского начального обра-

¹ «Бельвильская» – по названию округа Парижа, где программа была разработана.

зования; уничтожение постоянных армий; преобразование налоговой системы, предусматривающее единый налог вместо многих. Предполагалось, что реформирование страны в этом направлении приведет к замене бонапартистского государственного строя республиканским.

Политические итоги оппозиционного движения. Изменение политического баланса сил являлось несомненным признаком нарастания кризиса Второй империи. Это побуждало Наполеона III искать пути к стабилизации обстановки. Средством решения этой задачи стало постепенное размывание авторитарной формы правления, придание ей либеральной окраски. Уже с начала 60-х годов Наполеон III начинает маневрировать, отказываться от наиболее вопиющих ограничений. Перестали привлекать к ответственности стачечников. В 1864 г. отменили запрет на забастовки и объединения рабочих, установленный еще в 1791 г. законом Ле-Шапелье [294]. С начала 1865 г. в ряде городов возникли секции Интернационала. В 1869 г. французские профсоюзы объединились в «*Федеральную палату рабочих обществ*». Ослабили контроль за печатью: закон от 12 мая 1868 г. упразднил систему предварительных разрешений, предостережений, административных приостановок и запрещений периодических изданий, хотя и сохранил средства давления на прессу: высокие денежный залог и гербовый сбор, подсудность исправительному трибуналу, а не суду присяжных. Закон от 6 июня 1868 г. разрешил публичные собрания, но тоже с оговорками: обсуждение политических вопросов допускалось только в период избирательных кампаний и в присутствии полицейского комиссара с обязательной записью выступлений. В 1869 г. Законодательный корпус получил, наряду с императором, право законодательной инициативы, самостоятельного избрания руководства палаты, голосования бюджета по статьям. Была введена ответственность министров перед парламентом.

Но подобные полумеры уже не могли удовлетворить либеральную буржуазию и демократические круги. Когда 12 января 1870 г. в Париже проходили похороны журналиста Виктора Нуара, убитого на дуэли племянником императора принцем Пьером Бонапартом, в них приняли участие более 100 тыс., а по другим данным, почти 200 тыс. парижан. Это был вызов империи. Наполеону III не оставалось другого выбора, как ускорить реформы. 20 апреля 1870 г. был опубликован проект новой конституции и на 8 мая того же года назначен плебисцит, в ходе которого французский народ должен был ответить на вопрос: одобряет ли он осуществленные императором либеральные реформы и новую конституцию, которая их закрепляет. Из числа участвовавших в плебисците 69,6% ответили утвердительно, 14,8% высказались против и 15,6% воздержались. В результатах голосования Наполеон III увидел восстановление престижа империи внутри страны. Он полагал необходимым закрепить успех победой над внешним врагом, что к тому же дало бы возможность расширить территорию страны на востоке и усилить роль императора в международных делах.

Образование Северогерманского союза и реальную возможность завершения воссоединения Германии под главенством Пруссии Наполеон III рассматривал

как несомненную угрозу Франции. Предотвратить появление на ее границах единого немецкого государства и восстановить французскую гегемонию в Европе, по представлениям Наполеон III, могла только победоносная война. Франция и объявила ее 19 июля 1870 г. Вследствие военно-технического и оперативно-командного превосходства немцы диктовали условия борьбы. В ряде сражений они разгромили французскую Рейнскую армию, а затем 2 сентября в сражении у Седана взяли в плен вместе с императором еще одну, Шалонскую, армию. Империя, лишенная поддержки армии, тотчас рухнула. Началась история Третьей республики.

2.2. Германские монархии: консервативное и либеральное политические течения в революциях 1830 и 1848–1849 гг.

Германские монархии после Венского конгресса. Венский конгресс не восстановил упраздненную Наполеоном в 1806 г. *Священную Римскую империю германской нации*, но образовал *Германский союз*: 8 июня 1815 г. уполномоченными представителями отдельных государств был подписан акт о его создании [190]. Первые его 11 статей были внесены в текст Заключительного акта Венского конгресса и таким образом поставлены под гарантию великих держав [11]. В Вене были приняты лишь общие положения о существовании, форме организации, целях, правах и обязанностях Германского союза. Дальнейшее уточнение и доработка этого акта состоялись позднее, в 1820 г. [136].

Германский союз номинально стал крупнейшим государственным образованием Западной Европы. В 1816 г. число его жителей составляло 32 млн 640 тысяч человек. В состав Германского союза вошли 34 отдельные суверенные владения, включая Австрию и Пруссию, и 4 вольных города (Бремен, Гамбург, Любек, Франкфурт-на-Майне). В числе его полноправных членов были короли Англии, Дании и Нидерландов в качестве государей соответственно Ганновера, Гольштейна и Люксембурга¹. Германский союз представлял собой рыхлую конфедерацию без общей армии, суда, финансов, внешнеполитического ведомства. Единственным общегерманским органом являлся *Союзный сейм*, составленный из представителей германских государей. Его решения не имели обязательной силы. Во всех государствах *Союза* был сохранен монархический строй, каждое обладало суверенитетом, имело собственное правительство, армию, денежную систему, таможенные тарифы.

Большинство германских государей стремилось возродить абсолютистские порядки, безраздельно повелевать своими подданными. В странах Германского союза почти повсеместно восторжествовала реакция. В 1819 г. в Карлсбаде

¹ Более чем столетняя уния между Англией и Ганновером прекратилась в 1837 г., когда умер английский король Вильгельм IV и на ганноверский трон вступил младший брат Вильгельма Эрнст Август, имевший постоянную резиденцию не в Лондоне, как его предшественники, а в Ганновере. Дания отдала Гольштейн Австрии, потерпев поражение в войне 1864 г., а Австрия, проиграв войну 1866 г. – Пруссии. Люксембург полностью суверенным государством стал в 1867 г. по решению международной конференции.

состоялся съезд министров, представлявших главнейших немецких суверенов. Рядом решений он поставил под строгий надзор университеты, ликвидировал их автономию, запретил тайные общества и студенческие союзы, установил цензуру газет и книг. Была создана *Майнская центральная следственная комиссия* для изучения вопроса «об источниках и разветвлениях революционных происков и демагогических обществ», т. е. в целях контроля за деятельностью демократов. В 1824 г. карлсбадским постановлениям придали статус постоянных, фактически они действовали до 1848 г. Абсолютной монархией осталась Пруссия. Ее короли Фридрих Вильгельм III, а затем и Фридрих Вильгельм IV не допускали мысли о возможности поступиться хотя бы частью своих прерогатив. Как отмечает А. Лихтенберже, «в особенности Фридрих Вильгельм IV представляет собой законченный тип монарха Божьей милостью. Он поистине смотрит на себя, как на посредника, через которого Господь являет народу свою волю. Превыше всего он ставит воспринятое им божественное внушение и представляет себе, что не исполнил бы своей основной обязанности, если при решении важных вопросов он положился бы на мудрость своих советников или <...> внял голосу народа» [545, с. 75]. Это объясняет, почему Фридрих Вильгельм III, обязавшийся в мае 1815 г. даровать стране конституцию и созвать ландтаг, так и не сделал этого, а Фридрих Вильгельм IV решился преобразовать местные ландтаги в общегосударственный, но с совещательными функциями, только в феврале 1847 г.

Конституционный строй южногерманских государств. Монаршие владетели Баварии, Бадена, Вюртемберга, Гессена-Дармштадта были в числе тех монархов, между которыми распределили земли и подданных 112 немецких государств, упраздненных Наполеоном I. Южногерманские короли и великие герцоги, подавляя вольности и стремясь к сохранению феодальных институтов, вынуждены были в большей мере считаться с проникшим из Франции духом буржуазных перемен. В связи с этим возникла проблема упрочения связи вновь приобретенных земель с принявшими их под свою юрисдикцию государствами. Инструментом предотвращения сепаратизма и слияния старых и новых территорий в прочный политико-государственный сплав могли стать ландтаги. Ввиду этого Бавария (в 1818 г.) [462], Баден (в 1818 г.) [463], Вюртемберг (в 1819 г.), Гессен-Дармштадт (в 1820 г.) ввели конституции, октроированные своими монархами. В своей основе они мало отличались друг от друга, поскольку образцом для них послужила французская Конституционная хартия 1814 г. [457; 979]. Конституции определяли единство и неделимость государств, обеспечивали сочетание монархического и парламентского правления, но в конфликтных ситуациях воля монархов была решающей. Монархи созывали и распускали ландтаги, формировали и отправляли в отставку правительства. Каждый акт монарха следовало закрепить подписью министра, принимавшего на себя ответственность за его осуществление. Ландтаги повсеместно были двухпалатными. Верхние палаты состояли из представителей знати, высшего чиновничества, военных, церкви и университетов. Их назначением было поддержание стабиль-

ности путем нейтрализации чрезмерно радикальных, по их мнению, решений нижних палат. Ландтаги принимали не все законы, а только те, которые изменяли конституцию, устанавливали новые налоги, касались свобод и собственности граждан. При этом поставить вопрос об изменении конституции мог только монарх, собственно, права законодательной инициативы депутаты вообще не имели, предложения им следовало облекать в форму петиций. Палаты собирались редко: один раз в два, в три, в четыре, даже в шесть лет [191, с. 364–367]. Избирательное право основывалось на высоком имущественном цензе, выборы были двухстепенными: избирали выборщиков, а те депутатов. В Баварии избирательным правом обладали не более 6% налогоплательщиков, в Бадене и Вюртемберге несколько больше: 15–17%. Избирательное право защищало интересы сословий. Конституции закрепили старые права и свободы дворянства, но в то же время провозгласили свободу личности, совести, мнений, выбора профессий, гарантировали право собственности и равенство всех перед законом. Это размывало основы сословного общества, намечало тенденцию формирования системы равенства всех граждан перед законом. В целом южногерманские конституции в том виде, как они были приняты, представляли собой компромисс между «старым порядком» и новыми буржуазно-демократическими институтами.

Студенческое оппозиционное движение. Политический строй германских государств воздвигал труднопреодолимые барьеры на пути создания общественных организаций, несмотря на это их ростки в виде национального студенческого движения начали пробиваться достаточно рано. Первые студенческие корпорации были организованы в 1815 г. в университетах городов Йена и Гиссен, их примеру последовали и остальные немецкие университеты. Наиболее значимым политическим выступлением студентов было проведение 18 и 19 октября 1817 г. в Вартбурге манифестации по случаю 300-летия Реформации и годовщины Лейпцигской битвы с участием около 500 студентов из 11 университетов. В ходе этой акции решили создать единую немецкую организацию студентов – *Всегерманский студенческий союз*. Его концептуальными основами стали либерально-демократические ценности: отказ от сословного деления общества, национальное единство, конституционные свободы и парламентское представительство.

В студенческом движении оформилось и радикальное крыло в форме тайного общества, абсолютизовавшего прямые действия вплоть до убийства «тиранов». Эту линию поведения реализовал в марте 1819 г. студент Йенского университета член тайного общества Карл Занд, убивший писателя Августа Коцебу, критически относившегося к студенческим корпорациям. Этот случай и послужил поводом для принятия Карлсбадских постановлений, запретивших в числе других мер студенческие союзы.

Оппозиционное движение под влиянием Июльской революции 1830 г. во Франции. Активизация оппозиции в германских государствах связана с революционными событиями 1830 г. во Франции и Бельгии. В Саксонии [481]

и Ганновере были приняты конституции. В Баварии и Бадене либералы получили большинство в нижних палатах ландтагов. Это сразу же принесло позитивные сдвиги: баварский, баденский и вюртембергский ландтаги приняли либеральные законы о прессе. Набирала силу внепарламентская оппозиция. Журналисты Иоганн Вирт из Мюнхена и Филипп Зибенпфайфер из Пфальца в феврале 1832 г. основали *Отечественный союз*, целью которого было достижение свободы прессы, «возрождение Германии и ее демократическая организация». В мае 1832 г. *Отечественный союз* организовал праздник вблизи развалин Гамбахского замка в Пфальце. В нем приняли участие до 30 тыс. ремесленников и подмастерьев, представители либеральной буржуазии и интеллигенции из Гессена, Франкфурта, Бадена, рейнских провинций Пруссии и других государств. Ораторы в своих речах требовали объединения страны и конституционных свобод. До 1848 г. это была самая массовая политическая акция и высшая точка оппозиционного движения в Германии.

Общественно-политический подъем быстро пошел на спад в результате противодействия государственных властей. Были приняты новые законы против оппозиции, запрещались политические союзы, права ландтагов были урезаны, восстановлена Майнцская центральная следственная комиссия, контролировавшая общественные настроения. Многие оппозиционные деятели вынуждены были покинуть Германию. Центр демократического движения переместился за границу: в Париж, Лондон, Брюссель, Берн, где было создано несколько демократических организаций («*Союз отверженных*», «*Союз справедливых*»). Несмотря на усилия правительств германских государств и Германского союза в целом, им не удалось остановить процесс политизации общества, который особенно ускорился в 1840-е гг.

Начало формирования политических партий. В 40-е годы XIX в. продолжался процесс дифференциации политических сил по социальному положению (аристократия, буржуазия, средний класс, пролетариат), по конфессиональной принадлежности (католики, протестанты), по целям (конституционное закрепление политических и гражданских прав и свобод, национальное объединение, социалистическое преобразование общества), по методам (реформы или революции). Началось формирование политических партий консерваторов, либералов, католиков, социалистов. Партии в начальный период их развития представляли собой неформализованные группы единомышленников, объединявшихся вокруг печатного органа соответствовавшего их политическим воззрениям направления.

Консерваторы. Реформистские тенденции, особенно ярко проявившиеся в революционных событиях 1848 г., вызывали противодействие консервативного лагеря. Его линию поведения определяло стремление сохранить традиционные аристократические ценности и сложившийся в прошлые эпохи порядок в государственной, общественной и церковной сферах. Социальной основой прусского консерватизма являлись крупные земельные собственники, владельцы фидеикомиссов – имений, не подлежавших дроблению при передаче в наследство,

продаже и залогу, а значит, обеспечивавших экономический базис их владельцев. Но эти имения были и источником политического влияния, поскольку имели статус самоуправляющихся сельских общин. В силу этого владельцы на территории своего имения осуществляли не только хозяйственное, но и административное управление, в том числе функции суда, вотчинной полиции, налогообложения. С особенной силой их влияние сказывалось во время выборных кампаний.

В июле 1848 г. в Берлине под руководством Эрнста Бюлова-Кумерова прошел съезд крупных землевладельцев, ставивший целью защиту интересов дворянства. На местах по всей стране возникли «пруссские кружки». Политическим центром консерваторов стала *«Новая прусская газета»*, получившая впоследствии известность как *«Крестовая газета»*. Теоретическую базу консерватизма разработал Ф.-Ю. Шталь. Он осуждал религиозную терпимость, «дочь нечестия», и утверждал, что свобода совести «немало повинна в том процессе разрушения и разложения, который характеризует современное состояние умов и грозит спокойствию Европы» [398, с. 306]. В связи с этим Шталь разработал модель «христианского государства», которое должно было быть основано не на светских нормах и институтах, а на христианстве и христианской нравственности. В отличие от раннего консерватизма он признавал необходимость конституции, но она должна быть не «либеральной» и основанной на идее народного суверенитета, а «монархической». Именно монарху принадлежит верховная власть в государстве. Парламент может участвовать в законодательстве и контролировать налоги. Но главное его назначение оберегать конституцию и гарантированные ею права и свободы.

Консерваторы, опиравшиеся на ортодоксальное лютеранство и рекрутировавшие свои ряды из прусского юнкерства, были тесно связаны с династией Гогенцоллернов, занимали командные должности в армии, министерские посты, в их руках находился административный и судебный аппарат. Консерваторы воодушевлялись аристократическими идеалами прошедших столетий, выступали сторонниками сохранения устоев сословного общества во главе с императором и нравственно-идеологической роли церковных институтов. *«Крестовая газета»* писала: «Мы будем отстаивать право, дарованное свыше, против произвольного, возникающего снизу права, власть Божьей милостью против самозваной власти, существующий правовой порядок и защищаемые им интересы против скрытого или открытого насилия, против натиска радикализма, не уничтожающего неравенства, но лишь дающего ему обратное направление» [568, с. 211].

Активно развивавшиеся в германских государствах национально-государственные и социально-экономические процессы, консолидация либерального лагеря побудили трансформироваться достаточно аморфное консервативное объединение. Но консерваторы не были едины в отношении к проблеме воссоединения Германии. Часть из них, прежде всего крупное прусское дворянство, опасалась, что воссоединение растворит Пруссию в единой Германии

и предпочитала сохранение германских государств. Размежевание нашло выражение в образовании в 1866 г. в прусском ландтаге и в 1867 г. в северогерманском рейхстаге двух самостоятельных фракций. Они и стали основой двух консервативных партий: *Партии свободных консерваторов* (Имперской партии) и *Немецкой консервативной партии*.

Либералы. Германский либерализм первой половины XIX в. организационно представлял собой конгломерат групп и направлений, разделенных прежде всего межгосударственными границами, а затем и практическими целями. Наибольшим влиянием пользовались южногерманские либералы, образовавшие левое крыло немецкого либерализма. Их лидерами были Карл Роттек и Карл Велькер, издатели «Энциклопедии государственных наук», ставшей библией немецкого либерализма. Южногерманские либералы считали главной задачей развитие конституционной системы, что предполагало усиление роли представительных собраний. Во взаимоотношениях монарха с парламентом главную роль они отводили парламенту, который должен иметь возможность воздействовать на власть через механизм утверждения налогов. Правительства должны «соответствовать» парламентскому большинству. Правое крыло либералов во главе с Фридрихом-Кристофом Дальманом видело государственную систему не «парламентской», как левые либералы, а «конституционной», т. е. дуалистической, с наделением короля правом вето. В Рейнской провинции Пруссии сформировалась группа либералов, в которую вошли крупные предприниматели: Герман Бекерат, Рудольф Кампгаузен, Давид Ганземан и Густав Мевисен. Рейнские либералы добивались ужесточения государственной опеки экономики в интересах крупной промышленности.

При всех различиях либералам были присущи некоторые общие подходы к решению политических задач. Они стремились преобразовать государство в правовое и конституционное. Конституция должна была быть не октроирована монархом, а принята национальным представительным собранием. Парламент должен стать законодательным органом. Правительства несут ответственность перед парламентом. Феодалные и сословные привилегии подлежат упразднению. Граждан следует наделить равными правами и свободами. Отдельным германским государствам необходимо объединиться в единое национальное государство.

В октябре 1847 г. на съезде в Геппенгейме была принята программа либеральной партии. Ее главные пункты предусматривали введение конституции и создание единого союзного государства с единым правительством и парламентом. С ней либеральная партия вступила в революцию.

Социалисты. В 1830–1840-е гг. в Германии зарождается социалистическое движение. Из организаций ремесленников образовались первые социалистические союзы («*Союз справедливых*», «*Союз коммунистов*»), возникшие в эмиграции. Ведущей фигурой раннего германского социализма был Вильгельм Вейтлинг. Он написал несколько работ, в том числе «Гарантии гармонии и свободы», которые стали программными документами «*Союза справедливых*».

Идеалом Вейтлинга был уравнилительный коммунизм, переход к которому происходит в результате революции. Революцию, по Вейтлингу, могут совершить только самые обездоленные и отчаявшиеся, особенно люмпены больших городов. Карл Маркс и Фридрих Энгельс остро полемизировали с Вейтлингом.

Союз коммунистов. При всей активности германского пролетариата, не его организации возглавили революционную борьбу 1848–1849 гг. Возникшие во многих городах рабочие союзы действовали разрозненно и не оказывали заметного влияния на массы. Маркс и Энгельс намеревались сплотить эти союзы на самостоятельной политической основе и в реализации этого плана важное место отводили созданному в 1847 г. в Лондоне *Союзу коммунистов* [см.: 900–901]. Предполагалось распространить его деятельность на разные страны, в том числе и на Германию. В нее вернулись многие эмигранты, разделявшие платформу *Союза коммунистов*. Среди них были Маркс и Энгельс, приехавшие в Кельн и возглавившие «Новую Рейнскую газету», которая выходила с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. как «орган демократии». *Союзу коммунистов*, по замыслу Маркса, должна была принадлежать направляющая роль во всегерманской классовой организации пролетариата. Однако в рабочей среде влияние малочисленных общин *Союза коммунистов*, рассеянных по различным городам Германии, оставалось небольшим [598, с. 456].

Революция 1848–1849 гг. в Юго-Западной Германии и Пруссии. К исходу 40-х годов XIX в. общественное движение в германских государствах подпитывали актуальные проблемы национального объединения Германии, освобождения крестьян от феодальных повинностей, уничтожения остатков феодализма в социально-политической сфере, проведения либерально-буржуазных реформ. Носителями и проводниками этих идей являлись торгово-промышленная и мелкая буржуазия, интеллигенция, университетская молодежь. Что касается рабочих, то в своей массе они «не проявляли радикальных социально-политических устремлений, свойственных французским пролетариям того времени» [598, с. 443].

Вину за сохранение раздробленности и консервацию неоабсолютистских режимов буржуазно-либеральная оппозиция возлагала на немецких государей. На этой почве, как только Венский конгресс определил политическую судьбу Германии, возник спорадически обострявшийся антагонизм между либералами и властью. Особенно это проявлялось в южногерманских государствах, подвергшихся в период наполеоновских войн сильному французскому влиянию. Достаточно было внешнего толчка, чтобы привести в движение оппозиционные правившим неоабсолютистским режимам силы. Катализировали события революции в Италии и Франции. В течение нескольких недель многие южногерманские земли оказались во власти волнений. Наиболее распространенной формой оппозиционного движения в начальный период революции были собрания, на которых вырабатывались петиции, адресованные властям. Начало им положили выступления в Бадене. 27 февраля 1848 г. либералы из Маннгейма представили в ландтаг петицию с требованиями отмены феодальных институтов

и исключительных законов, финансовой реформы, введения суда присяжных, ответственности министров, учреждения национальной гвардии с правом избрания офицеров, предоставления свободы совести, печати и собраний, выборов народных представителей от всех германских государств в Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне. Ввиду возрастания политической напряженности герцог Леопольд объявил о готовности удовлетворить эти пожелания и привлек в правительство министров с либеральными взглядами.

Маннгеймская петиция послужила образцом для либералов других германских государств, петиции которых (так называемые «мартовские петиции») часто включали дополнительные требования, среди которых были: расширение избирательных прав, изменение налоговой системы, широкие демократические свободы. В Гессене-Дармштадте, Баварии, Вюртемберге, Саксонии столь долго подавлявшееся стремление к свободе теперь, казалось, стало всеобщим и вылилось в массовые манифестации, которым властители не могли противостоять. Даже чиновничество раздирали противоречия, а армии оказались ненадежными. Монархи Гессен-Дармштадта, Баварии, Вюртемберга, Саксонии призвали к власти либеральные кабинеты. Этого оказалось достаточно, чтобы сохранить власть. Только баварскому королю Людвигу I пришлось отречься от престола в пользу наследника. К первым результатам революции следует отнести также отмену цензуры, расширение избирательного права, формирование национальной гвардии, введение суда присяжных и провозглашение демократических свобод. Либеральная буржуазия расценила «мартовские решения» как конец революции и достижение дальнейших целей связывала с парламентской деятельностью и реформами.

В Пруссии издавна сложившиеся почитание особы монарха и деспотический режим вплоть до 40-х годов XIX в. не давали возможности развиваться инакомыслию и либеральному движению. Но глухое недовольство политикой подавления малейших проявлений демократизма исподволь развенчивало культ монарха, которого считали главным виновником абсолютистской реакции. К этому добавились тяготы экономического кризиса 1847 г., выбросившего на улицу тысячи рабочих. Неудивительно, что особенностью революции 1848–1849 гг. было активное участие всех групп рабочего класса: ремесленных подмастерьев, наемных рабочих мануфактур, промышленного пролетариата. К ним примыкали ремесленники, процесс разорения которых под натиском фабричного производства вызывал социальный протест. Рабочий класс Германии не выступил в качестве самостоятельной политической силы, но собственные социальные и экономические интересы выразил в требованиях увеличения заработной платы и уменьшения продолжительности рабочего дня, всеобщего народного образования, помощи инвалидам, создания министерства труда для решения социальных проблем. В период революции возникло множество рабочих союзов (ферейнов), но их влияние на политическую ситуацию было относительно слабым. В период с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. в Кёльне под редакцией К. Маркса выходила «Новая Рейнская газета». Она предлагала программу

революционных преобразований и выступала за революционный путь объединения Германии в форме демократической республики.

В Берлине демонстрации начались 18–19 марта 1848 г., столкновения с войсками переросли в баррикадные бои. Армии не удалось сломить сопротивление восставших, она сначала отступила, а затем и вовсе вышла из города. 29 марта король назначил правительство во главе с лидером рейнских либералов банкиром Кампгаузенем. В мае приступило к работе *Учредительное собрание* Пруссии, большинство в котором составляли представители либеральной буржуазии. Однако встретив ожесточенное сопротивление короля и дворянства, *Собрание* оказалось не в силах провести реформы.

14 июня рабочие и ремесленники Берлина попытались захватить арсенал, но были рассеяны Национальной гвардией и войсками. Штурм арсенала имел политические последствия: либералов окончательно отстранили от власти. Левые газеты закрыли, демократические организации распустили, *Учредительное собрание* перевели из Берлина в маленький провинциальный городок Бранденбург. Но и там оно оказалось неугодным (хотя бы тем, что вычеркнуло из королевского титула формулу «божьей милостью»). 5 декабря 1848 г. *Учредительное собрание* и вовсе разогнали, однако, чтобы не нагнетать напряжение, одновременно королевским указом дали стране относительно либеральную конституцию. Когда же оказалось, что в числе избранных на ее основе депутатов преобладала оппозиция, претендовавшая на независимую политику, и этому ландтагу предписали разойтись.

Чтобы застраховаться на будущее от нежелательного состава законодательного органа, Фридрих Вильгельм IV 30 мая 1849 г. отменил всеобщее голосование на выборах и ввел трехклассную избирательную систему [465; 954]. Избранный с помощью не прямых и неравных выборов ландтаг больше не проявлял строптивости.

Франкфуртский парламент. После Венского конгресса идея объединения Германии неизменно оставалась одним из программных требований буржуазно-либеральных кругов. Революция 1848 г. дала им основание надеяться на ее осуществление. 31 марта – 3 апреля 1848 г. во Франкфурте-на-Майне представители сословных собраний германских государств составили так называемый предпарламент. Он по соглашению с германскими государями и Союзным сеймом решил провести выборы в Национальное собрание, за которым по месту размещения закрепилось название – *Франкфуртский парламент*. Его первое заседание открылось 18 мая 1848 г. В новом органе получили представительство все члены Германского союза, включая Австрию. Политический облик парламента характеризовался преобладанием либералов и демократов. Из 831 депутата 518 по своим профессиональным занятиям относились к университетской профессуре, юристам, литераторам. Ремесленники были представлены четырьмя, крестьяне одним депутатом.

Франкфуртский парламент избрал временного имперского правителя – им стал австрийский эрцгерцог Иоганн I, сформировал Временное центральное

правительство и принял общегерманскую конституцию [479–480], которая сохраняла всех германских монархов и предусматривала иметь наследственного императора в качестве главы объединенной Германии. Эрцгерцог Иоганн I подписал принятый парламентом либеральный избирательный закон относительно выборов депутатов в народную палату [380]. Большинство германских государств признали решения парламента, но Пруссия, Австрия, Бавария, Саксония, Ганновер отклонили конституцию, а Фридрих Вильгельм IV к тому же отказался от предложенной ему императорской короны. Более того, Фридрих Вильгельм IV уже 30 мая 1849 г. отменил всеобщее голосование на выборах и ввел трехклассную избирательную систему путем двухстепенных выборов при избрании Палаты депутатов, по которой первый класс, или курию, составляли крупные собственники, насчитывавшие 4,7% избирателей, второй включал 12,6 и третий – 82,7% избирателей. При этом каждая курия делегировала одинаковое количество выборщиков, которые затем избирали депутатов [465; 954]. Это приводило к тому, что 17,3% избирателей первых двух курий посылали две трети депутатов, а остальные 82,7%, составлявшие абсолютное большинство, всего лишь третью их часть.

Попытка объединения Германии путем парламентской процедуры потерпела полный провал. Не были проведены в жизнь и другие принимавшиеся решения. Франкфуртский парламент показал свое бессилие. Осознав это, большинство депутатов сложили полномочия, а оставшиеся перенесли заседания в Штутгарт, где и были разогнаны 18 июня 1849 г.

Последствия революции для Пруссии. Незавершенная германская буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. не решила главные исторические задачи: не была создана единая Германия, старые монархические порядки претерпели лишь незначительные изменения. Сохранило свою привилегированную роль дворянство. При всем этом она принесла определенные позитивные сдвиги. Были ликвидированы феодальные суды и завершен процесс освобождения прусских крестьян от феодальной зависимости¹. Закон от 2 марта 1850 г. о выкупе и регулировании отношений между помещиками и крестьянами безвозмездно отменил личные феодальные повинности, но устанавливал выкуп по высокой цене основных феодальных повинностей, связанных с землей (например, барщины). Юнкерство получило огромные денежные суммы. Преобразования в социально-экономической области ускорили развитие страны по капиталистическому пути. Другим важнейшим следствием революции явился переход к конституционной форме правления. Пруссия впервые получила конституцию, октроированную Фридрихом Вильгельмом IV 5 декабря 1848 г., пересмотренную конституционным актом 31 января 1850 г. [464, с. 390–408], который включил в себя Указ об избрании депутатов от 30 мая 1849 года [465, с. 412–418].

---

¹ В Пруссии личную зависимость крестьян от помещиков уничтожили в 1807 г. Закон 1821 г. предоставил право крестьянам, имевшим лошадей, выкупать свои повинности путем уплаты 25-кратной суммы годовых рентных платежей или передачи помещику от трети до половины своего надела. Теперь такое право получили безлошадные, т. е. все крестьяне.

Впоследствии она пересматривалась в 1854 [466], 1860 [467], 1894 [468] годах и продолжала действовать до Ноябрьской революции 1918 г. Будучи крайне консервативной, она все же означала некоторый прогресс в политическом устройстве Прусского королевства.

Согласно Конституционному акту 1850 г. [464] в Пруссии устанавливалась конституционная монархия с выборным народным представительством. Прерогативы короля включали право законодательной инициативы, абсолютного вето на решения парламента – ландтага, досрочного роспуска ландтага, формирования исполнительных органов власти и руководства их деятельностью, назначения на пожизненную должность судейских чиновников, верховного главнокомандования вооруженными силами, объявления войны, заключения мира и международных договоров. Законодательная власть принадлежала совместно королю и обеим палатам ландтага, так что для принятия закона требовалось согласие всех трех институтов государственной власти. Однако король в чрезвычайных случаях мог издавать имевшие силу закона акты без согласия палат. Наиболее весомо роль ландтага проявлялась в финансовой сфере: утверждении государственного бюджета, контроле за соответствием законодательству налогов займов, платежей, расходов правительства. Сам ландтаг состоял из двух палат. Верхняя (палата господ) включала совершеннолетних потомков князей, принцев крови, крупных землевладельцев, представителей городов, союзов, университетов, назначавшихся королем пожизненно или наследственно. В нижнюю палату проводили выборы по *куриям, непрямым и неравным*. Мужчины, достигшие 25-летнего возраста, причислялись к одной из трех курий в зависимости от суммы налогового обложения. Каждая курия в совокупности уплачивала третью часть налоговых платежей и выбирала одинаковое число выборщиков. Эта система позволила составить первую курию из 4,4% наиболее богатых избирателей, вторую – из 15,8% менее обеспеченных и третью – из 79,8% граждан, облагавшихся незначительными налогами или вообще освобожденных от них. Таким образом, решающее влияние на исход выборов оказывали крупные собственники: 20,2% избирателей, входивших в первые две курии, посылали две трети депутатов, а составлявшие абсолютное большинство 82,7%, объединенных третьей курией, – только треть. Выборщики, в свою очередь, избирали открытым голосованием депутатов ландтага. Депутатом мог стать пруссак, достигший 30 лет, состоявший в прусском подданстве не менее года. Избранный по такой системе ландтаг обеспечивал доминирование крупных промышленников и аграриев.

Исполнительную власть осуществляло правительство во главе с министром-президентом (канцлером), не подотчетное ландтагу и полностью контролируемое королем. Конституция ввела всеобщую воинскую повинность, тогда как ни в одном другом германском государстве в то время ее не было. Было предусмотрено применение армии для подавления антиобщественных и антигосударственных выступлений и восстановления порядка.

Конституция провозгласила уничтожение сословных привилегий и преимуществ, определила круг личных прав подданных: равенство всех перед законом, возможность занимать государственные должности, неприкосновенность личности и жилища, неотчуждаемость собственности, свободу слова, печати и собраний, запрещение цензуры, гарантии прав личности перед следствием и судом. Предполагалось, что практика применения этих конституционных норм будет определена текущим законодательством, но эта работа до Первой мировой войны не была завершена.

Составители конституции в условиях спада общественно-политической активности после подавления революции 1848–1849 гг. в максимально возможной степени сохранили системообразующие нормы абсолютистского режима и в то же время отразили требования либеральной оппозиции, получившей возможность легальной дискуссии с властью.

Последствия революции 1848–1849 гг. для других государств Германии. С течением времени волна демократических преобразований, ставших более или менее отдаленными следствиями революции 1848–1849 гг., позволила буржуазии южногерманских государств добиться изменения в свою пользу и в ущерб прерогативам монархий баланса конституционных возможностей. В Баварии предоставили палатам право законодательной инициативы не только по обыкновенным, но и по конституционным законам [255], установили порядок привлечения ландтагом министров к ответственности [256]; сократили бюджетный период с 6 до 2 лет, тем самым сделали необходимым более частый созыв ландтага (1865 г.). В Саксонии радикальному пересмотру подвергли Конституцию 1831 г., новый конституционный закон внес существенные изменения в систему избирательного права, в организацию, состав и компетенцию палат, значительно приблизив государственный строй Саксонии к конституционному типу [856]. Правда, в 1850 г. действие конституции 1831 г. было восстановлено. В Вюртемберге палаты получили право законодательной инициативы (1874 г.); обеспечили личную неприкосновенность, свободу голосования и выступлений членов ландтага, упразднили Тайный Совет, что стало предпосылкой создания действительно ответственного правительства (1868, 1876 гг.). В Бадене приняли закон об ответственности министров (1869 г.) и предоставили палатам право законодательной инициативы (1869 г.) [191, с. 401–407]. Более демократичными стали избирательные системы. В Баварии выборы в ландтаг по нормам закона 1881 г. предусматривали всеобщую, с 21 года, и тайную подачу голосов. Но выборы были не прямые, а косвенные, через выборщиков [257]. В Бадене выборы также были всеобщими, равными и тайными, но опять-таки не прямыми, а двухступенчатыми. В Вюртемберге нижняя палата ландтага избиралась на всеобщих, прямых, равных и тайных выборах, однако к избранным депутатам добавлялись 23 представителя рыцарства и духовенства. В Саксонии избирательную реформу провели в 1909 г., но и она основывалась на неравенстве избирателей. Каждый саксонский гражданин, достигший 25 лет, имел один голос. Окончание средней школы давало второй. Получавшие годовой

доход в 1800 марок располагали тремя голосами. Лица свободных профессий (врачи, писатели, журналисты, адвокаты) равно как и владельцы земельных участков в 15 гектаров, – четырьмя, а по достижению 50 лет – пятью [191, с. 407–409].

Наличие некоторых конституционных гарантий гражданских свобод давало больше простора для пропаганды демократических идеалов, борьбы с остатками феодализма. В этих государствах требования расширения свобод и объединения Германии стали основными политическими лозунгами.

Начало объединения Германии. Революция 1848–1849 гг. не привела к созданию единого германского государства, но в массовом сознании немецкого народа и общественно-политической жизни 50–60-х годов национальная идея стала главным вектором политического развития. Этому благоприятствовал ряд факторов. Одним из важнейших являлась общность языка и культуры подданных различных германских государств. Единое территориальное пространство обеспечивало компактное проживание немецкого народа. Властно проявились новые явления в хозяйственной жизни: интенсивно шел процесс индустриализации на основе широко развернувшейся промышленной революции, свершились аграрные преобразования в сельском хозяйстве, складывалась развитая банковская система, быстро росла транспортная, особенно железнодорожная, сеть. Германские земли (кроме Австрии) вошли в таможенный союз, образованный в 1834 г. [251], который действовал до 1866 г. Все это объективно способствовало развитию единого внутреннего рынка. Но политическая разобщенность, наличие отдельных суверенных государств со своим гражданством, законодательством, финансовыми системами препятствовали экономической интеграции. Внешнеполитическая ситуация, связанная с претензиями Франции на левый берег Рейна, также побуждала к преодолению внутригерманского межгосударственного размежевания. Объективные предпосылки к объединению соединились с устремлениями прусской династии Гогенцоллернов к главенству в объединенной Германии.

Решить задачу создания Германской империи выпало Отто фон Бисмарку, 24 сентября 1862 г., ставшему прусским министром-президентом. Ему предстояло обеспечить воссоединение германских земель методами, исключавшими революционное давление народных масс, с одной стороны, сопротивление дворянства и монархов германских государств, с другой, австрийские притязания на господство в Германии, с третьей. Бисмарк 30 сентября 1862 г. провозгласил свой подход к объединительному процессу: «не речами и решениями большинства разрешаются крупные вопросы эпохи – это было ошибкой 1848–1849 гг., – а железом и кровью» [375, с. 85].

Первым шагом к созданию Германской империи стала война 1864 г. Пруссии и Австрии с Данией из-за входивших в ее состав, но пользовавшихся автономией старинных немецких герцогств Шлезвига и Гольштейна. Династические перемены на датском королевском троне, следствием которых могло быть нарушение статуса герцогств, дали повод Пруссии и Австрии начать войну против Дании, которая потерпела поражение. В результате дипломатических

соглашений Пруссия получила в свое управление Шлезвиг и герцогство Лауэнбург, а Австрия – Гольштейн [178; 629]. Затем Пруссия развязала войну против своего конкурента в борьбе за лидерство среди немецких государств. Бисмарк заключил союз с Италией, а затем спровоцировал конфликт, предложив сейму обсудить проект новой конституции, предусматривавший исключение Австрии из Германского союза. Ввод прусских войск в Гольштейн сделал войну неизбежной. На стороне Австрии выступили Баден, Бавария, Вюртемберг и Саксония, вклад которых в военные события оказался, однако, незначительным. 3 июля 1866 г. у богемской деревни Кёниггрец (Садова) прусские войска разгромили австрийцев. По мирному договору Пруссия получила Шлезвиг и Гольштейн, приобрела королевство Ганноверское, герцогство Нассауское, курфюршество Гессенское и город Франкфурт-на-Майне [780]. Саксония только номинально оставалась самостоятельной. Вследствие этих присоединений объединились рейнские и иные владения Пруссии. Успехом ее было также упразднение *Германского союза* и учреждение *Северогерманского союза* из немецких государств, лежавших на север от реки Майн. Австрия из него была устранена, а Пруссия заняла главенствующее положение.

12 февраля 1867 г. состоялись выборы в Учредительный рейхстаг Северогерманского союза. 16 апреля 1867 г. была принята и вступила в силу конституция, юридически оформившая союз монархов в форме федеративного государства [482]. Федералистское устройство предпочли исходя из интересов владельцев вошедших в Союз государств, которым отказ от суверенитета компенсировали сохранением династических прав и полномочий в местном управлении. Всю полноту власти в *Северогерманском союзе* сконцентрировал наследный президент Союза – прусский король. Он утверждал или отклонял законы, командовал вооруженными силами. Исполнительную власть возглавлял канцлер, освобожденный от ответственности перед парламентом. Более того, правительство получило право «в исключительных случаях» принимать законы без рассмотрения их законодательными органами. Законодательную власть концентрировали Бундесрат (Союзный совет) и Рейхстаг. Бундесрат формировался из министров и представителей вошедших в Союз государств. Все важнейшие законопроекты и решения либо исходили от него, либо санкционировались перед внесением в Рейхстаг или введением в действие. Председателем Бундесрата являлся назначаемый президентом Союза прусский канцлер, естественно, им стал Бисмарк. Рейхстаг избирался сроком на 3 года на основе всеобщего и прямого избирательного права при тайном голосовании. Рейхстаг обладал правом законодательной инициативы, принимал законы, в том числе о бюджете, давал согласие на введение новых налогов. Законы считались принятыми, если собирали большинство голосов в обеих палатах. В своих воспоминаниях Бисмарк писал: «...я исходил из того, что единая Германия – лишь вопрос времени и что Северогерманский союз только первый этап на пути к его разрешению» [82, с. 51].

В *Северогерманском союзе* провозгласили приоритет союзных законов над правом отдельных государств. Союзу принадлежали полномочия в военной области, торговом и таможенном законодательстве, стандартизации мер и весов, регулировании деятельности транспорта, почты и телеграфа. Образовали ряд общих учреждений, отменили паспортную систему, ввели свободу передвижения и местожительства, ликвидировали остатки цеховых привилегий, обеспечили таможенное соглашение с южногерманскими государствами. Формирование общегерманского внутреннего рынка еще больше продвинуло страну к национальной консолидации. Конституция *Северогерманского союза* заложила правовую основу будущей Германской империи.

2.3. Великобритания: размежевание на консерваторов и либералов в преддверии парламентской реформы 1832 г. и массовые чартистские организации

Парламентская реформа 1832 г. В Великобритании, в отличие от Франции, где буржуазно-демократические порядки установились в ходе революций, переход к строю буржуазной демократии лежал через реформы, в том числе парламентские. В стране двухпалатный парламент являлся подлинным стержнем государственной жизни. Палата лордов утверждала принятые нижней палатой законы и являлась высшей судебной инстанцией. Ее членами становились старшие сыновья английских лордов; пэры, избравшиеся на 7-летний срок шотландскими и пожизненно – ирландскими лордами, а также пожизненные пэры из числа духовных лиц. Незыблемость порядка комплектования депутатского состава палаты лордов не ставилась под сомнение.

Прерогативу избираемой населением Палаты общин составляло законотворчество, утверждение бюджета, контроль за исполнительной властью, решение вопросов об отставке и утверждении правительства. В основе системы ее формирования лежал средневековый принцип равного представительства от корпоративных единиц, а в основе избирательного права – обладание недвижимой собственностью. Архаичность системы формирования нижней палаты и обуславливала необходимость реформ.

В Великобритании до парламентских реформ основную массу депутатов составляли представители мелких городов и местечек, в разное время получивших это право. Известен случай, когда на выборах 1831 г. в одном из округов графства Бют лишь один житель удовлетворял избирательному цензу. Несмотря на это выборы проводились с соблюдением всех формальностей. Этот единственный избиратель явился на собрание, выбрал самого себя председателем, устроил сам себе перекличку, предложил сам себя кандидатом, поддержал свою кандидатуру, а затем единогласно избрал сам себя кандидатом. Это – курьез, но остается фактом чрезвычайная узость электорального круга. В среднем на одно местечко приходилось 12 избирателей и по 2 депутата. К тому же множество местечек являлись собственностью крупных землевладельцев, ко-

которые прямо указывали жителям, за кого им следовало голосовать. В то же время новые города, выросшие на волне промышленной революции, либо вообще не выбирали, либо имели представительство, не соответствовавшее численности населения. Двухмиллионный Лондон избирал 4 депутатов, а 165 тыс. населения графства Корнуэллс посылало 44 своих представителя. Поэтому городская промышленная буржуазия настойчиво добивалась реформирования избирательной системы [см. более подробно: 27; 67; 547; 549; 974; 1060].

Реформа, проведенная в 1832 г. [20], отвергла средневековую избирательную систему равного представительства от корпоративных единиц и ввела новый демократический порядок избрания депутатов пропорционально количеству населения. Были уничтожены 56 «гнилых» местечек, насчитывавших менее 2 тыс. жителей, с 2 до 1 депутата сократили представительство от оставшихся. Право избирать депутатов впервые получило население 42 городов, в числе которых крупные торгово-промышленные центры – Бирмингем, Лидс, Манчестер, Шеффилд.

Второй составляющей частью реформы явилась замена феодального принципа имущественного ценза, критерием которого была недвижимость, буржуазным: имущественный ценз стали определять доходом. Это привело к расширению круга избирателей. В городах ими стали все собственники и арендаторы домов или нежилых строений, приносящих доход не менее 10 фунтов стерлингов (ф. ст.) в год. В графствах – владельцы участков (фригольдеры), а также наследственные и долгосрочные арендаторы (копигольдеры), имевшие 10 ф. ст. чистого, т. е. за вычетом всех причитающихся рент и платежей, годового дохода с земли. Краткосрочные арендаторы становились избирателями при условии уплаты годовой ренты в 50 ф. ст. В результате реформы число избирателей увеличилось на 455 тыс. человек, или вдвое. Право голоса обрели около 1 млн человек при населении в 24 млн. Избирательное право, таким образом, стало достоянием лишь городской и сельской буржуазии.

Реформа 1832 г. имела далеко идущие политические последствия. Во-первых, перемены в социальном составе Палаты общин уже на протяжении 30-х годов привели к изменению соотношения сил между нею и королевской властью в пользу Палаты общин. Следствием этого явилось бесповоротное утверждение принципа формирования кабинета министров из представителей парламентского большинства и ответственности кабинета перед парламентом – уже в 1835 г. впервые в истории Англии правительство вышло в отставку по итогам выборов. Во-вторых, поляризация мнений в парламенте по вопросу об избирательной реформе 1832 г. положила начало новому партийному размежеванию: делению на либералов (реформистов) и консерваторов, созданию тем самым двухпартийной системы. В-третьих, реформа положила начало процессу лишения женщин избирательных прав. До 1832 г., с точки зрения избирательного закона, было безразлично, является собственником недвижимой собственности, достаточной для участия в выборах, мужчина или женщина. В связи с этим женщины составляли седьмую часть избирателей [859]. Реформа сохранила избирательное

право за теми женщинами, которые им пользовались до реформы, но лишила его подраставшие поколения женщин, тех, кто по старым правилам мог бы голосовать.

Значение избирательного закона 1832 г. нельзя оценивать только исходя из факта расширения электората. Оно значительно шире: в обществе сложилось осознание необходимости дальнейших перемен и понимание возможности их достижения эволюционным путем. Дух реформы 1832 г. ощущается в последующих конституционных нововведениях. Принятый в 1835 г. закон о муниципалитетах в городах упразднил привилегии гильдий и аристократии, создал муниципальные советы и, предоставив право голоса всем налогоплательщикам, заложил основы городского самоуправления на буржуазных основах. Был трансформирован имущественный ценз для депутатов Палаты общин. При королеве Анне был установлен порядок, согласно которому депутатами Палаты общин могли быть владельцы земельной собственности с доходом в 600 ф. ст. в графствах и в 300 ф. ст. в городах. В 1838 г. наряду с земельной признали и движимую собственность. В 1858 г. имущественный ценз был отменен полностью.

Чартизм. В начале 30-х годов XIX в. в Англии сложилась ситуация широкого общественного недовольства. Парламентская реформа 1832 г. вопреки надеждам народных масс расширила круг избирателей только за счет крупной и средней городской и сельской буржуазии. Закон о бедных 1834 г. изъяс у местных приходов право выдавать пособия и передал их государственным органам на содержание работных домов [13]. В них помещали всех, признанных пауперами, независимо от того, была ли нужда вызвана временной безработицей, болезнью или преклонным возрастом. Поскольку закон исходил из предпосылки, что бедность порождается «мошенничеством, ленью и расточительностью», содержание в работном доме рассматривалось как наказание. Условия жизни здесь были сродни тюремным: грубо приготовленной пищи не доставало, детей отделяли от родителей, супружеские пары разъединяли, без письменного разрешения не допускались свидания даже с родственниками, всех трудоспособных обязывали работать. Новую систему, несмотря на массовое сопротивление, ввели по всей стране. Она вызывала ужас и чувство безнадежной обреченности.

Разочарование биллем о реформе, возмущение законом о бедных, отказ тредюнионам в статусе юридического лица – все это подводило рабочих к пониманию необходимости всеобщего избирательного права. Справедливое представительство в органах государственной власти казалось решающей предпосылкой социальных преобразований, которые позволили бы рабочим, по выражению одного участника движения, «иметь добрый кусок мяса, сливовый пудинг и кружку крепкого пива» [852, с. 190].

В июне 1836 г. группа квалифицированных ремесленников по инициативе Уильяма Ловетта образовала *Лондонскую ассоциацию рабочих* [1010]. В 1838 г. она сформулировала и опубликовала в форме петиции программу, включавшую

6 пунктов политического характера: всеобщее избирательное право для взрослого мужского населения; равные избирательные округа; ежегодное переизбрание членов парламента; оплата членов парламента; тайное голосование; отмена имущественного ценза на выборах в парламент [163; 747; 1039]. Эти требования встретили поддержку 150 массовых организаций, в том числе *Большого северного союза*, руководителем которого был Фергюс О'Коннор. Так началось движение, ставшее известным как чартизм.

Оно быстро стало массовым и, как следствие этого, неоднородным. Для одних главное в нем состояло в завоевании избирательного права как средства политического и социального освобождения, для других – в ликвидации работных домов, установлении 10-часового рабочего дня и гарантированной «справедливой платы», для третьих – в возвращении к утраченному обществу мелких производителей и квалифицированных ремесленников. Участников разделяли взгляды и на методы борьбы. Постепенно в движении сформировались два течения. В первом из них («физической силы») одни лидеры, как Джулиан Гарни, признавали вооруженное восстание в качестве необходимого условия осуществления требований хартии; другие, в их числе О'Коннор и Джеймс О'Брайен, считали революционную борьбу крайним средством. Сторонники второго течения («моральной силы») во главе с Ловеттом настаивали на преобразованиях путем законодательных изменений.

При всех различиях во взглядах на способы достижения цели основной выступлений чартистов являлось стремление заставить враждебно настроенный и упорно сопротивлявшийся парламент принять шесть пунктов *Хартии*. Широкое обсуждение петиции, с которой вожди чартизма намеревались обратиться в парламент, развернулось с августа 1838 г. В Глазго на митинге присутствовало 150 тыс. человек, в Бирмингеме – 200 тыс., в Манчестере – четверть миллиона. Всего петиция собрала более 1,2 млн подписей.

С февраля по сентябрь 1839 г. в Лондоне работал первый чартистский национальный конвент. Он направил во все концы страны своих представителей, которые вербовали новых сторонников, распространяли пропагандистскую литературу, собирали подписи под петицией. Конвент разработал план борьбы за *Хартию* на случай ее отклонения парламентом. Он предусматривал всеобщую стачку, отказ от уплаты налогов и арендной платы, изъятие денег из сберегательных касс, бойкот всех не сочувствовавших чартизму торговцев.

Петицию вручили парламенту, но Палата общин 12 июля 1839 г. отвергла ее подавляющим большинством голосов. Однако ответные действия чартистов ограничились локальными вспышками насилия и уличных беспорядков. Конвент не смог организовать массовые выступления, как это было задумано, и в сентябре 1839 г. самораспустился.

Выяснение причин провала привело чартистов к выводу о необходимости создания единой политической организации. Этот замысел реализовали в июле 1840 г., создав *Национальную чартистскую ассоциацию* во главе с О'Коннором [767]. Через два года она насчитывала более 50 тыс. членов. Ассоциация раз-

работала вторую петицию [164–166], которая в дополнение к прежним политическим включала социальные требования. Они предусматривали отмену закона о бедных 1834 г., повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, уменьшение налогов. Эту хартию подписали более 3,3 млн человек.

Палата общин в мае 1842 г. вновь отвергла петицию, что привело к массовым забастовкам в промышленных районах страны с требованиями, обобщенным выражением которых стал лозунг: «хартия и справедливая заработная плата». Несмотря на невиданный размах движения, оно и на этот раз не увенчалось успехом: едва забастовка стала всеобщей, выяснилось, что стачечники не знают, каким путем идти дальше – *Национальная ассоциация* вела себя пассивно. Власти с помощью армии и полиции овладели положением. Преследованиям подверглись многие видные чартисты, только арестованных насчитывалось полторы тысячи.

Новая неудача ослабила *Национальную ассоциацию*, но ее члены не отказались от борьбы в иных, нежели подача петиций, формах. Продолжалось участие в стачечных выступлениях тред-юнионов. Еще одно направление деятельности чартистов составила борьба против законов, ограничивавших ввоз зерна. Третью линию развития наметили кооперативы, которые отказались от претензий изменить общественный строй и предпочли сосредоточиться на экономических проблемах ради улучшения материального положения рабочих. Сам О'Коннор выдвинул одобренную в 1846 г. съездом чартистов идею организации кооперативного общества для покупки земель с целью раздачи их мелкими участками рабочим, чтобы они могли вернуться к земледелию.

Последний всплеск чартизма пришелся на 1848 г., когда в парламент передали третью по счету петицию. Палата общин, обезопасив себя сосредоточением войск, отклонила ее. Чартизм вступил в полосу окончательного заката. Последний значительный митинг чартистов состоялся в 1852 г. на похоронах О'Коннора.

Чартизм впервые направил активность социальных низов в политическое русло. Добиться выполнения требований *Хартии* не удалось, но агитация за них сыграла огромную роль в ускорении процесса демократизации политического строя Великобритании. Чартизм потерпел поражение, но показал всеобщую заинтересованность в справедливом представительстве, с которым связывались надежды на социальные преобразования. Буржуазия, стремившаяся к усилению политического влияния, использовала желание широких масс участвовать в формировании парламента, сделав ставку на расширение электората за счет наиболее обеспеченной части рабочего класса, на голоса которой имела основания рассчитывать.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Процесс утверждения конституционного строя в Европе проходил одновременно, в одних странах раньше, в других позже, но повсеместно. Среди европейских государств по давности и прочности конституционных традиций ведущее место занимала Великобритания, где конституционность складывалась веками. В Великобритании писаной конституции никогда не было, как нет и в настоящее время, а страна руководствуется конституционными законами, принятыми в предшествующие годы и столетия. Другими словами, *Конституция* этой страны представляет собой сочетание накапливавшихся из века в век неписаных обычаев и документально оформленных законодательных норм.

Неписаная, т. е. не зафиксированная в каких-либо правовых документах, часть конституции представляет собой сложившиеся на практике обычаи, так называемые «конституционные соглашения». Они обеспечивают устойчивость государства и преемственность демократических принципов, внедренных в политическую практику в минувшие эпохи. В то же время неписанные «конституционные соглашения» не требуют сложных юридических процедур в случае необходимости изменить конституционные нормы, как это бывает в странах с писаными конституциями. Поэтому парламент имеет возможность простым законом трансформировать конституционные обычаи в соответствии с изменившимися потребностями общества, что позволяет модернизировать политическую систему без революционных потрясений и катаклизмов. Примерами «конституционных соглашений» являются: практика формирования правительства лидером политической партии, имеющей большинство мест в Палате общин; уход кабинета в отставку, как только его партия теряет это большинство. Обычаями определяются королевские prerogatives и нормы взаимоотношений с другими ветвями власти. Писаную часть конституции составляют одновременно принимавшиеся акты. Великая хартия вольностей 1215 г. [131–132] заложила основы представительного органа – парламента, наделенного правом устанавливать налоги и учреждать гражданские свободы. Хабеас корпус акт¹ 1679 г. установил, что приказ об аресте подписывает судья, который, в свою

---

¹ От начальных слов приказа о доставке арестованного в суд, вручавшегося судебному приставу, буквально: «Ты (т. е. пристав) должен доставить (в суд) тело (обвиняемого)».

очередь, обязан требовать доставки задержанного в суд для проверки законности лишения свободы. Предусматривался отпуск арестованного на поруки при условии взноса за него денежного залога [991]. Билль о правах 1689 г. содержал важнейшие конституционные гарантии, оберегающие Англию от попыток реставрации абсолютизма: короля лишили права приостанавливать или отменять действие законов, назначать и собирать налоги и иметь постоянное войско без согласия парламента [78–80]. Были провозглашены свобода парламентских выборов и свобода слова для депутатов, предусмотрен регулярный созыв парламента, расширены права суда присяжных. Акт о престолонаследии 1701 г. усилил влияние и значение министров, отныне им, а не королю, надлежало отвечать перед парламентом за действия правительства, сам кабинет министров стал формироваться из представителей партии, получившей на выборах большинство в Палате общин [325–326]. Число правовых документов конституционного характера приближается к 4 тыс. и постоянно увеличивается. Указанные и подобные им конституционные нормы заложили основы английского парламентаризма и парламентарной монархии. Следует, однако, иметь в виду, что многие парламентские статуты, формально не отмененные, сохранили лишь исторический интерес, поскольку фактически не применяются.

Номинальным главой государства являлся (как и сейчас) монарх¹. На протяжении XIX – начала XX в. королевская власть располагала значительными возможностями влиять на государственные дела. Известная формула – «английские короли царствуют, а не управляют» – отражает баланс политических сил лишь с царствования внука королевы Виктории короля Георга V, вступившего на трон в 1910 г. По конституционным правилам король должен действовать с согласия министров, но не был обязан принимать любой подававшийся ему совет. Со своей стороны, монарх имел право требовать от министров, чтобы каждое его мнение было выслушано и принято к сведению. Когда в 1885 г. Палата лордов отвергла билль об избирательной реформе, королева Виктория вмешалась, рекомендовала либералам и консерваторам пойти на взаимные уступки и даже устроила встречу их лидеров Гладстона и Солсбери, которые пришли к соглашению – билль был принят. Соглашение короля требовалось для созыва или роспуска парламента. Без его подписи не действовал (и не действует сейчас) ни один закон, хотя и отказа в подписи никогда не было. Это означает, что право королевского вето, хотя формально существует, но расценивается как противоречащее конституционным обычаям и потому никогда

---

¹ На протяжении большей части XIX в. королевой Великобритании была Виктория, вступившая на трон 20 июня 1837 г., когда ей было 18 лет, и правившая почти 64 года, до кончины 22 января 1901 г. Этот период в английской истории часто называют викторианским веком, под которым понимают не только время царствования Виктории, но и зенит промышленного, морского, торгового и колониального расцвета буржуазной Англии, эпоху ее наибольшего величия. 1 мая 1876 г. королеву Викторину объявили императрицей Индии. С этого времени начал официально применяться термин «Британская империя». Наследовал Виктории ее сын Эдуард VII, умерший 6 мая 1910 г. За ним королевскую корону принял Георг V, правивший до 1936 г.

не применяется. В непосредственной работе парламента монарх участия не принимает, появляясь в Палате общин лишь при открытии сессии для прочтения тронной речи. От монарха зависел выбор премьер-министра, но обязательно из числа лидеров большинства в Палате общин. Он считался главой исполнительной и судебной властей, светским главой англиканской церкви. Монарх информировался о всяком более или менее серьезном изменении во внешней и внутренней политике и был вправе отказать в одобрении действий, которые, по его мнению, «разрушают базис английской конституции». Король мог сделать пэром¹ каждого подданного и обладал правом наградить за государственные заслуги и помиловать осужденного. Нельзя забывать также, что до Первой мировой войны только четыре европейских государства были республиками, а остальные возглавлялись династиями, тесно связанными между собой семейными узами. Эти семейные связи, в том числе и английского королевского дома, играли большую роль в отношениях между государствами. В социальной сфере королевская власть являлась высшим авторитетом, задавая тон всей стране. При этом всеми доступными способами поддерживался престиж монархии. Монарху создавали имидж высшего символа конституционности, гаранта свободы и представительного правления. Формировался образ монархии как надпартийного и надклассового института, арбитра между классами, нравственного символа нации.

Но подобное оформление конституционного строя стало исключением. Во Франции и Германии введение конституций находилось в прямой связи с переломными моментами в истории. Конституции обеих стран являли собой единый нормативный документ. Исключение составляла Конституция Франции 1875 г., представлявшая собой комплекс из пяти законов: три конституционных и два дополнявших их так называемых органических закона.

Для Франции это были *Конституционная хартия 1814 г.*, закрепившая реставрацию Бурбонов [457; 979], *Хартия 1830 г.*, зафиксировавшая приход к власти Луи Филиппа из Орлеанского дома [см. примечания к: 457; 979], *Конституция 1848 г.*, провозгласившая Вторую республику [489–490], *Конституция 1852 г.*, трансформировавшая республику во Вторую империю во главе с Наполеоном III [486], *Конституция 1875 г.*, принятая в связи с падением Второй империи и утверждением Третьей республики [344, с. 104–122; 460, с. 104–122; 688, с. 28–40; 893, с. 535–554]. Изменение политической ситуации в связи с крахом империи Наполеона I привело к октроированию конституций монархами Баварии (1818) [462], Бадена (1818) [463], Вюртемберга (1819), Гессен-Дармштадта (1820), в своей основе мало отличавшиеся друг от друга, поскольку образцом для них послужила французская Конституционная хартия 1814 г. В 1831 г. получила конституцию Саксония [481]. Пруссия впервые получила Конституцию 5 декабря 1848 г., вынужденно октроированную Фридрихом Виль-

---

¹ Пэр – звание представителей высшей аристократии, коронных вассалов короля, который по отношению к ним был «первым среди равных». Звание наследовалось по мужской линии, с XIV в. давало право быть членом палаты лордов.

гельмом IV под влиянием революции 1848 г. Пересмотренная Конституционным актом 31 января 1850 г. [464] в крайне консервативном духе и действовавшая до Ноябрьской революции 1918 г., она все же означала некоторый прогресс в политическом устройстве Прусского королевства. Северо-Германский союз, образованный после австро-прусской войны получил в 1867 г. конституцию [482], и, наконец, объединившаяся в результате Франко-прусской войны Германия в 1871 г. получила конституцию Германской империи [475–478]. Конституции Третьей республики и Германской империи действовали, пока существовали государства, в которых они были созданы: Франции – до падения Третьей республики в 1940 г. вследствие поражения в войне с Германией, Германской империи – до Ноябрьской революции 1918 г., свергнувшей монархию.

Конституции определили государственное устройство стран в двух формах: республики (во Франции) и конституционных монархий (Великобритания, Германия, 2-я империя во Франции). Главой государства являлись: во Франции – избиравшиеся президенты, в монархиях – наследственные императоры или короли. Конституции провозглашали принцип неприкосновенности монарха: принимавшиеся им юридические акты скреплял своей подписью один из министров – этим он брал ответственность на себя. Вместе с тем наметилась тенденция к сужению прерогатив монарха. Постепенно стала размываться монополия королевской власти на контроль за политикой правительств. В Англии монарх назначал премьер-министра, но исключительно из числа лидеров партии, имевшей большинство в палате общин. Конституция Франции предусмотрела принцип ответственности правительства перед парламентом.

Во всех трех странах законодательная власть принадлежала парламентам. Они состояли из двух палат. Способы формирования верхних и нижних палат парламентов концептуально отличались в связи с принципиально различным назначением каждой из них. В Великобритании аристократическая по составу Палата лордов неизменно выполняла роль противовеса Палате общин. Иной она и не могла быть, поскольку формировалась по наследственному принципу: ее членами пожизненно становились старшие сыновья английских лордов. В нее входили также пэры, избиравшиеся на 7-летний срок шотландскими и пожизненно – ирландскими лордами, а также пожизненные пэры из числа духовных лиц. Кроме того, место в верхней палате и титул пэра мог пожаловать король. Формирование и деятельность Палаты лордов в Великобритании несли отпечаток абсолютистских традиций прошлого, но и они постепенно трансформировались: *Акт о парламенте 1911 года* установил процедуру преодоления вето лордов [22–23].

Во Франции Сенат также уравнивал демократически избиравшуюся Палату депутатов парламента. Но в отличие от верхней палаты в Великобритании Сенат в Третьей республике представлял интересы не аристократической верхушки, а соответствующих территорий. Такая социально-политическая ориентированность Сената представляла шаг вперед в развитии парламентской демократии. Сенат избирали коллегии выборщиков, создававшиеся

в каждом департаменте и колонии. В их состав входили избранные от данного департамента депутаты Национального собрания, генеральные и окружные советники (члены департаментских и окружных советов), делегаты от муниципалитетов – по одному от каждой коммуны независимо от числа жителей. Принятая процедура избрания сенаторов на 9 лет с переизбранием трети из них каждые 3 года обеспечивала сохранение преемственности в работе Сената. Предусмотренное Конституцией, как рецидив прошлого, пожизненное избрание части сенаторов Национальное собрание в 1884 г. ликвидировало [291; 293; 297], что лишало монархическую фракцию Сената возможности законсервировать свою монополию на политическое влияние.

Германская конституция предусмотрела формирование Союзного совета (Бундесрата) из представителей отдельных государств, вошедших в империю, т. е. формально депутаты Бундесрата должны были представлять соответствующие территории. Но поскольку они не избирались ни населением, ни какой-либо коллегией выборщиков, депутаты отстаивали не столько интересы представляемой ими территории, сколько волю правивших элит. В Пруссии первая (верхняя) палата также образовывалась из принцев королевского дома, лиц, получивших место по наследственному праву, вошедших по должности и назначенных монархом «по особому доверию» [953, с. 409–410]. Подобный порядок был установлен и в других германских государствах.

Депутаты нижних палат двухпалатных парламентов проходили процедуру избрания мужским населением. Но, как во всякую эпоху становления новых общественных институтов, избирательные системы варьировались от сохранившихся элементы консервативно-феодалных норм до буржуазно-демократических, отвечавших требованиям и условиям своего времени. Ввиду этого избирательные системы Франции, Германии и Великобритании различались.

Реалии XIX в. более всего учли страны, которые ввели *прямое и равное* избирательное право без имущественного ценза для всех мужчин лишь с изъятиями относительно женщин, военнослужащих и отдельных категорий граждан. Такого уровня всеобщности достигли: Франция – с 1848 г. (конституция 1875 г. исключала военнослужащих и не допускала недееспособных), Германия – с 1871 г. (кроме военных, лиц, находившихся под опекой, получавших пособие по бедности и состоявших под надзором полиции). Во Франции избирательная система привела к существенному увеличению политического влияния мелкой буржуазии. Высокая избирательная активность этого слоя электората позволила выходцам из мелкой буржуазии возобладать в Палате депутатов.

Говоря о Германской империи, нельзя не отметить исторический парадокс. Выборы в ней оказались более демократическими, чем в бывших королевствах и герцогствах, вошедших в империю. Например, в Пруссии сохранились прямые и неравные выборы. Здесь мужчины, достигшие 30-летнего возраста, причислялись к одному из трех классов – курий в зависимости от суммы податного обложения. Каждая курия в совокупности уплачивала третью часть налоговых платежей и выбирала одинаковое число выборщиков, которые, в свою

очередь, избирали открытым голосованием депутатов ландтага [465]. При этой системе решающее влияние на исход выборов оказывали крупные собственники: менее 20% избирателей, входивших в первые две курии, посылали две трети депутатов, а избиратели третьей курии, составлявшие абсолютное большинство в более чем 80%, – только треть.

В Саксонии до 1896 г. выборы проходили в соответствии с законом 1868 г., по которому высокий имущественный ценз лишал права голоса значительную часть избирателей: в 1890 г., например, 150 тыс. из 500 тыс. граждан, достигших избирательного возраста [715, с. 589]. В 1896 г. приняли новый закон, который разделил избирателей на три разряда: к первому отнесли избирателей, плативших 300 марок налогов в год, ко второму – не менее 38 марок, к третьему – всех остальных. При такой системе в 1900 г. избиратели первого разряда составили 5% избирателей, второго – 20%, третьего – 75%. Распределение по разрядам проводилось в избирательных округах, но сами они формировались таким образом, что при практически равном городском и сельском населении сельских округов было 45, городских – 37. Цензовая система и несправедливое распределение округов давали преимущество консерваторам, которые на выборах 1903 г. получили 2/3 мест в ландтаге [715, с. 590]. В 1909 г. провели новую реформу, также основанную на неравенстве избирателей. Каждый гражданин, достигший 25 лет, имел один голос, окончание средней школы давало второй, имевшие годовой доход в 1800 марок получали три голоса. Лица свободных профессий: врачи, писатели, журналисты, адвокаты, равно как и владельцы земельных участков в 15 гектаров, имели четыре, а по достижении 50 лет – пять голосов. В Баварии выборы в ландтаг проводились по нормам закона 1881 г., установившего всеобщую, с 21 года, и тайную подачу голосов [306]. Но выборы были не прямые, а косвенные, через выборщиков. В Бадене выборы были всеобщими, равными и тайными, но также не прямыми, через выборщиков. В Вюртемберге нижняя палата ландтага избиралась на всеобщих, прямых, равных и тайных выборах, к избранным депутатам добавлялись 23 представителя рыцарства и духовенства [191, с. 364–367].

Великобритания проводила выборы по округам, прямые, хотя все еще неравные. Реформы 1832, 1867 и 1884–1885 гг. [18–20; 24] расширили круг избирателей, установили единые условия получения избирательного права всеми жителями городов и графств. Избирателями становились все, кто имел дом или платил за аренду квартиры не менее 10 ф. ст. в год. Был введен принцип представительства жителей городов и графств через численно равные избирательные округа, в связи с чем окончательно ушла в прошлое средневековая система наделения правом голоса корпораций, а не населения. Расширение электората приблизило Великобританию к осуществлению одного из главных принципов демократического государства, каковым является участие народа в управлении путем волеизъявления на выборах. Но до полного осуществления всеобщих и равных выборов было еще далеко. Были лишены права голоса женщины. Владельцы домов, расположенных в разных избирательных

округах, могли голосовать во всех, т. е. один избиратель мог иметь несколько голосов. Допуск к избирательным урнам мелкой буржуазии, высокооплачиваемых рабочих, фермеров изменил облик Палаты общин. Число депутатов парламента, имевших земельную собственность, уменьшилось, а количество депутатов — финансистов, владельцев промышленных, транспортных и торговых предприятий возросло. Существенное значение имело решение о выплате депутатам жалованья. Получили объективную возможность претендовать на место в Палате общин люди без личного состояния — мелкая буржуазия, интеллигенты, рабочие. Реформы обеспечили политическое преобладание в Палате общин представителей буржуазии, тогда как лендлорды потеряли былое господство в ней. Реформаторский путь парламентских реформ смягчил политическую напряженность в обществе, избавил страну от крупных социальных потрясений, революционных катаклизмов.

Избирательные системы, предусмотренные конституциями Франции и Германии или принятыми в их развитие законами, равно как и конституционными нормами Великобритании, позволили постепенно, медленными темпами, но неуклонно расширять электорат. В 1831 г. доля избирателей в общей численности населения старше 20 лет составляла в Великобритании 3,8% и во Франции 0,8%, а в 1900 г. соответственно 28,5 и 42,6% взрослого населения, которое могло бы участвовать в выборах при условии введения всеобщего избирательного права. Но до всеобщего избирательного права было еще далеко: им не пользовались женщины.

Постепенное движение от сословного к имущественно-цензовому, а от него — к всеобщему избирательному праву явилось показателем реализации населением одного из важнейших гражданских прав. Демократизация политических систем вызвала к жизни новое явление: рост числа избирателей усиливал их роль в политической жизни своих стран, что побуждало к привлечению масс на сторону соперничавших за власть политических сил, мобилизации электората для проведения выборов. Это, в свою очередь, влекло за собой организацию массовых политических и конфессиональных движений, блоков и партий, развитие прессы как инструмента пропаганды, разработку методов политической риторики и демагогии в ходе избирательных кампаний. На базе конституционности утверждаются свобода личности, слова, собраний, союзов, вероисповедания и т. п. В Конституции и законодательных актах Германской империи эти свободы не регламентировались, поскольку были зафиксированы в конституциях государств, вошедших в империю, во Франции и Великобритании нашли отражение в специальных законах.

В сфере гражданских и политических прав был достигнут несомненный прогресс, однако конституции не содержали соответствующих разделов: политическими правами граждан наделяли специальные разновременно принимавшиеся законы. Исключение, как уже было сказано, составляла Германская империя, в которой объем прав и свобод граждан регулировали конституции входивших в империю государств. Например, в Пруссии Конституционная

хартия 1850 г. гарантировала права граждан следующими нормами: «Все пруссаки равны перед законом. Сословные привилегии отменяются». «Личная свобода гарантирована». «Жилище неприкосновенно». «Собственность неприкосновенна» «Гарантируется свобода религиозного исповедания, образования религиозных обществ и совместного домашнего и общественного отправления богослужения». «Родители и их заместители не могут оставлять своих детей или опекаемых без обучения в объеме, установленном для общественных народных школ». «Всякий пруссак имеет право свободно выражать свое мнение путем слова, письма, печати и художественного изображения». «Все пруссаки имеют право мирно и без оружия собираться в закрытых помещениях без предварительного разрешения начальства». «Все пруссаки имеют право соединяться в общества для достижения таких целей, которые не противоречат уголовным законам», но политические союзы могут быть подвергнуты ограничениям и временным запрещениям в законодательном порядке». «Всем пруссакам принадлежит право петиций. Петиции от общего имени допускаются только от учреждений и корпораций». «Тайна почтовой корреспонденции неприкосновенна» [464, с. 390–395].

В целом в европейских странах на базе конституционности утверждаются свобода личности, слова, собраний, союзов, вероисповедания. В связи с отменой различного рода ограничений получила широчайшее распространение периодическая печать. Отражая складывавшиеся в обществе настроения и в то же время формируя общественное мнение, она активно воздействовала на власть и социально-политические процессы. Признание за личностью определенных неотчуждаемых прав и свобод повлекло формирование гражданского общества, что означало определенное самоограничение государства в интересах граждан. Институты гражданского общества стали инструментом защиты экономических и социальных интересов людей. Вводится система социального страхования, в том числе в случае безработицы, распространяется система пенсий и пособий, определяется минимум заработной платы и максимальная продолжительность рабочей недели, ограничивается рабочий день женщин и детей.

История Франции, Великобритании и Германии в последней трети XIX – начале XX в. свидетельствует об устойчивости политических систем, сложившихся в этих странах. С началом Первой мировой войны все слои населения поддерживали свои политические элиты. Во Франции и Великобритании военные успехи питали патриотический дух до конца войны. В Германии войну поначалу также приветствовали, но когда материальные тяготы (в зиму 1916–1917 гг. от голода умерли 3/4 млн человек) и моральные страдания, вызванные людскими потерями и поражениями на фронтах, стали невыносимыми, пришло озлобление против власти, недоверие к политическим лидерам, в том числе социал-демократии и профсоюзам, усиление радикальных настроений. Все это привело к революции и падению империи.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

4.1. Дворянская аристократия

Франция. Реставрация Бурбонов включила в ряды политической элиты старое аристократическое дворянство, вернувшееся из эмиграции¹. Людовик XVIII не скупясь вознаграждал дворян, сохранивших верность Бурбонам. Только королевская охрана, сведенная в несколько рот лейб-гвардейцев и швейцарских гвардейцев, насчитывала 1500 человек. Все они имели звания офицеров. Командирами рот были назначены представители высшей титулованной аристократии. В их числе были князь де Пуа, герцог де Грамон, герцог Люксембургский, даже бывшие наполеоновские военачальники – князь Невшательский маршал Бертье и герцог Рагузский маршал Мармон, перешедшие на сторону Бурбонов. Численности роты особого значения не придавали. Маркиз де Ла Сюз командовал ротой гоффурыеров из 13 человек, но жалованье имел в 24 тыс. франков в год. Многие аристократы занимали сразу по несколько высокооплачиваемых должностей. Барон Максанс де Дамас в качестве бригадного генерала получал 14 тыс. франков и как почетный камер-юнкер герцога Ангулемского – 6 тыс. франков [591, с. 35–36]. Придворный военный штат не претерпел никаких изменений до революции 1830 г., когда он был упразднен Луи-Филиппом.

Чрезвычайно разветвленным был гражданский придворный штат. В 1826 г. без прислуги он насчитывал 692 высшие придворные должности. Все они богато оплачивались. Герцог д'Омон получал 50 тыс. франков как обер-камер-юнкер, 12 тыс. как пэр Франции, 10 тыс. франков как командующий Восьмой дивизией, 12 тыс. как генерал-лейтенант – всего 84 тыс. франков. Герцог де Блакас, герцог Шарль де Дамас, герцог де Дюрас также имели жалованье обер-камер-юнкеров и выплаты, причитающиеся им как пэрам Франции и бригадным генералам. Вдобавок каждый из них на все время несения службы при дворе получал бесплатно квартиру, отопление, освещение и стол. Другие должности оплачивались меньше, но тоже щедро: первые камердинеры по 15 тыс. франков,

---

¹ Под аристократией понимается исторически сложившийся, наследственно правивший класс. В Англии к ней относилась высшая знать – пэры вместе с их братьями, сестрами и детьми. К высшему классу принадлежали также баронеты. Этот титул считался средним между высшей знатью (герцог, маркиз, граф, виконт) и низшим, нетитулованным дворянством – джентри. В Германии – это титулованная крупнопоместная знать и нетитулованное дворянство, наподобие прусского юнкерства, которое по своему состоянию и положению было причислено самим дворянством к «живущим благородно».

ординарные камердинеры по 8 тыс., камер-юнкеры по 6 тыс., ординарные камер-юнкеры по 5 тыс. франков и т. д. У каждого из принцев и принцесс также имелся не такой большой, но многолюдный придворный штат. Многие должности при дворах были совершенно бесполезны. В шталмейстерской службе, например, в числе других числились главные и ординарные конюшие. Когда король отправлялся в дальнюю дорогу, его сопровождали ординарный конюший, ехавший впереди упряжки, и главный конюший, располагавшийся в экипаже, следовавшем за королевской каретой. Если король отправлялся в один из парижских пригородов, в Сен-Клу или Венсенн, главный конюший, наоборот, ехал перед каретой короля, а ординарный конюший – позади. За выполнение этой церемониальной необременительной функции каждый из них получал по 6 тыс. франков в год [591, с. 39].

Было вознаграждено и провинциальное дворянство, которому в 1814 г. возвратили титулы. В период Реставрации оно заметно расширило свой состав в связи с многочисленными пожалованиями Людовиком XVIII и Карлом X дворянских титулов. Дворяне получили доступ к выгодным и влиятельным должностям. Только они назначались министрами и послами. Дворянский титул имели более 50% префектов. После воцарения в 1824 г. Карла X дворянство компенсировали за распроданные во время революции земли огромной суммой в миллиард франков [339]. За конфискованные владения их бывшие владельцы получили вознаграждение в 20 раз большее, чем доход, который эти земли давали в 1790 г. Земельные тяжбы в судах решались в пользу дворян. В 1829 г. граф и графиня де Руже, ссылаясь на постановление, принятое в 1541 г. парижским парламентом, оспорили право крестьян коммуны Нуари на пользование лесом, расположенного на территории коммуны и составлявшего ее собственность. Суд принял сторону аристократов, объявил их собственниками леса и приговорил коммуну к уплате им штрафа [407, т. 2, с. 191]. Правительство приняло меры против дробления дворянских имений. В 1817 г. обязали каждого нового пэра обзавестись неделимым поместьем с минимальным чистым доходом в 10 тыс. франков. За 16 лет Реставрации было учреждено 306 новых майоратов.

Из рядов дворянства вышли «ультрароялисты», в их восприятии действительности вся Франция была сплошь населена изменниками, соучастниками «ужасного заговора», которые, по словам их лидера Ла Бурдонне, заслуживали «оков, палачей, казней» [398, т. 3, с. 91]. Жажду мести и кары дополняло стремление переделать дух нации, для достижения чего следовало вернуть духовенству преобладающее положение в государстве, обуздать с помощью цензуры прессу, получить вознаграждение за понесенные в годы революции потери. Электоральной базой ультрароялистов были сельские дворяне, крупные помещики и их арендаторы. Во вновь избранной Палате депутатов из 388 ее членов 235, т. е. почти две трети, были крупными помещиками, выходцами из старых дворянских фамилий.

Но уже в годы Реставрации, несмотря на полное политическое господство ультрароялистов, обозначились симптомы потери влияния аристократии в связи

с реформой армии, проведенной военным министром маршалом Лораном Гувион-Сен-Сиром. Закон 1818 г. отменил прерогативу короля присваивать чины офицерам по личному усмотрению и установил новый порядок производства: офицером мог стать только тот, кто прослужил не менее двух лет унтер-офицером или окончил военную школу. Нельзя было получить следующий чин, не прослужив четыре года в низшем звании. Это положило конец фаворитизму и привилегированному положению аристократии на военной службе. Июльская революция 1830 г. и правление Луи-Филиппа еще больше подорвали политическую роль аристократии легитимистского и бонапартистского толка. С приходом к власти Луи-Филиппа в отставку были отправлены 76 префектов, 196 супрефектов, около 400 мэров, сложили полномочия 20 из 30 членов Государственного совета, около 100 судей, 99 членов палаты депутатов. Среди них доля дворян «старого порядка» и крупных землевладельцев была чрезвычайно высока. Они пытались ожесточенно сопротивляться. Легитимисты, сторонники Бурбонов, под предводительством герцогини Беррийской, подняли в 1832 г. мятеж в Вандее. Не отказались от попыток свергнуть Июльскую монархию и бонапартисты. Племянник Наполеона I принц Луи-Наполеон Бонапарт организовал восстание в Страсбурге. Арестованный властями и бежавший за границу, он тайно вернулся во Францию и в 1840 г. попытался взбунтовать военный гарнизон Булони.

Отношение к аристократии Луи-Наполеона Бонапарта, сначала избранного подавляющим числом голосов избирателей президентом (10 октября 1848 г.) [358], затем в результате государственного переворота (2 декабря 1851 г. [838; 157] ставшего принцем-президентом [868], а в заключение по плебисциту (20 ноября 1852 г.) принявшего титул «императора французов» с именем Наполеона III [379], определялось политической целесообразностью. Перед ним возникла проблема укрепления власти, что связывалось с притязаниями на трон легитимистов и орлеанистов. Новому президенту, а затем и императору нужна была поддержка аристократически-дворянской элиты страны. Об этом свидетельствовали и выборы 13 мая 1849 г. в Законодательное собрание, где 500 из 750 мест заняли представители «партии порядка»: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты. Политические позиции аристократии нельзя было игнорировать. На это указывал и Франсуа Гизо, писавший в 1852 г.: «Мятежи подавляют при помощи солдат, крестьяне обеспечивают победу на выборах, но солдат и крестьян недостаточно, чтобы править страной, нужна поддержка высших классов, которые являются и правящими классами. А они в большинстве своем враждебны президенту» [883, с. 225].

Чтобы подавить эту, по словам Гизо, «враждебность», Луи-Наполеон 22 января 1851 г. конфисковал собственность семьи Орлеанов. Из правительства были удалены такие орлеанисты, как герцог Шарль-Огюст Морни. По надеждам орлеанистов на реставрацию был нанесен сильнейший удар.

После падения Второй империи и утверждения Третьей республики аристократия связывала свои помыслы с реставрацией монархии, но ее политически

разделяла ориентация на легитимистов – сторонников династии Бурбонов, орлеанистов – приверженцев Орлеанского дома и бонапартистов. Цели этих фракций монархического лагеря различались как династическими пристрастиями, так и отношением к политическим процессам, участниками которых они являлись. Легитимисты продолжали линию на отказ от всех завоеваний революции конца XVIII в., прежде всего, отрицали республиканский строй, демократические институты, светскость. Их идеалом являлась авторитарная монархия и клерикализм. Эту идеологию исповедовали преимущественно крупные земельные собственники, представители титулованной знати, провинциальное дворянство. Орлеанисты в большей мере отражали интересы той части дворянства, которая основывала свое благополучие не только на земельной собственности, но и на капиталистическом предпринимательстве – операциях с акциями банков, страховых обществ, железнодорожных компаний, промышленных предприятий. Они признавали революционное наследие, демонстрировали свою приверженность к либерально-парламентским формам правления, стремились к установлению конституционной монархии английского типа, основанную на «общественном договоре» монарха с гражданами. Но в своем отношении у действительности орлеанисты проявляли большую гибкость. Осознав неудачу реставрации монархии, орлеанисты по многим вопросам сотрудничали с республиканцами. Бонапартисты добивались замены утвердившегося в стране парламентаризма плебисцитарной диктатурой, которая в их политических установках представлялась как гарант национального величия, социальной справедливости, беспристрастный арбитр в классовых конфликтах.

Продолжавшийся раскол и усиление республиканских настроений в массе электората привели к резкому падению влияния монархистов. Этому способствовали предпринятые превентивные меры, чтобы обезопасить республику от посягательств монархистов. Национальное собрание 14 августа 1884 г. проголосовало за закон, не допускавший изменение республиканской формы правления и исключавший членов царствовавших во Франции династий из числа возможных претендентов на выборах президента [290]. Завершающими актами полного устранения с политической арены наследников бывших монархов стали закон (9 декабря 1884 г.) о запрещении избрания в Сенат членов царствовавших во Франции семей [291; 293; 297] и закон (16 июня 1885 г.) о недопущении их и в Палату депутатов [307–309]. Притязания монархической аристократии на реставрацию монархии и возрождение собственного былого величия были окончательно пресечены, а сама она вошла в полосу неуклонного падения политической, экономической и культурной роли.

Германия. Победа во франко-прусской войне 1870–1871 гг. дала возможность Бисмарку завершить воссоединение Германии. В сентябре 1870 г. Бисмарк начал переговоры об объединении государств Южной Германии и Северогерманского союза. 18 января 1871 г. в Версальском дворце состоялся акт официального учреждения Германской империи. Прусский король Вильгельм I стал германским императором (кайзером). Вместе с превращением Гогенцол-

лернов в германских императоров страна оказалась во власти прусских политических традиций и идеалов, среди которых доминировали реакционность и милитаризм. Государственное устройство вновь созданной империи обеспечивало гегемонию прусской монархии. Именно прусский король являлся главой государства с титулом германского императора. Прусскому королю принадлежал полный контроль над армией, не только прусской, но и всей империи: по особому соглашению с Пруссией вооруженные силы всех, кроме одного, государств вошли в состав прусской армии. Только король Баварии сохранил контроль над своей армией в мирное время, но и она в случае войны переходила под имперское командование. Прусское военное законодательство было распространено на территорию всей страны. В Конституцию Германского рейха включили специальный раздел «Военное дело империи», который предусмотрел, что каждый немец, способный носить оружие, с 20 до 28 лет, т. е. в течение семи лет, является военнообязанным постоянной армии; на последующие пять лет его зачисляли в ополчение первого призыва, а затем – в ополчение второго призыва. Действительная военная служба в зависимости от рода войск устанавливалась в 2–3 года, нахождение в ополчении продолжалось до 39 лет. Армия не подчинялась правительству, стояла над ним. Каждый командир имел право, более того, был обязан вмешаться, если считал работу гражданской администрации неудовлетворительной [617, с. 48]. Главенствующее положение армии в политической системе определяло Германскую империю как милитаристское государство. Прусскому доминированию способствовал и состав руководства: рейхсканцлером становился, как правило, прусский премьер-министр, он же руководил и имперским правительством. Конституцию нельзя было изменить без согласия верхней палаты, а в ней преобладали представители все той же Пруссии. Прусский дух империи подчеркивала и официальная атрибутика: официальный гимн империи не был введен, а когда возникала по требованиям протокола необходимость, исполняли прусский гимн. Наконец, прусская гегемония обуславливалась естественными факторами: Пруссия включала (в 1890 г.) 64,5% территории и 60,6% населения империи [229, с. 386].

Консервация вызывавших негативные последствия политических устоев была связана с монополией прусского юнкерства на власть. Доминирующая роль юнкерства определялась не только земельной собственностью, но и наличием особых прав и функций, вытекавших из самого факта владения. Вплоть до 1872 г. там, где располагались рыцарские имения, владельцы которых в подавляющем большинстве случаев могли проследить свою генеалогию на протяжении многих веков, границы местной общины определялись территорией этих имений. Такие помещики пользовались неограниченной полицейской и судебной властью в пределах общины: выбирали деревенского старосту, могли налагать вето на все решения местного собрания. Даже когда этот феодальный анахронизм был ликвидирован, прусские землевладельцы, пока существовала империя, сохраняли дисциплинарную власть над неженатыми работниками, жившими в их имениях.

Выходцы из состоятельного слоя юнкерства, имевшие возможность получить университетское образование, формировали прусский административный аппарат. При этом дворяне игнорировали органы юстиции, министерство образования, избегали должностей, требующих технических знаний. Своим призванием они считали службу при германском императорском и прусском королевском дворах, в системе административного управления, министерстве иностранных дел. Так, местное окружное управление в Пруссии возглавлял ландрат, являвшийся государственным служащим. До 1872 г. король лично назначал на эту должность из числа кандидатов, названных местными владельцами рыцарских имений. Но и после этой даты ландратами после сдачи несложного экзамена становились преимущественно юнкеры. Даже в 1914 г. 56,2% прусских ландратов имели дворянское происхождение. Должность ландрата позволяла совмещать исполнение служебных обязанностей с ведением хозяйства в собственных поместьях. Она зачастую являлась плацдармом для продвижения по лестнице бюрократической иерархии. Аристократы монополизировали и должности глав провинций – оберпрезидентов. В Пруссии в 1914 г. 83% оберпрезидентов были дворянами. Первоначально оберпрезидент имел статус личного представителя монарха, осуществлявшего контроль за деятельностью всех ведомств и учреждений на территории провинции. Но к концу XIX в. оберпрезидентов подчинили Министерству внутренних дел, превратив их в высокопоставленных чиновников, хотя и выделявшихся знатностью происхождения.

Состояние высшей прусской аристократии значительно уступало богатствам английского титулованного дворянства. Лишь немногие из прусских землевладельцев (такие, как принц Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк с годовой прибылью в 600 тыс. ф. ст.) могли соперничать с английскими. В 1912 г. в Пруссии всего 12 аристократических домов имели годовой доход выше 75 тыс. ф. ст.¹ (в Англии даже в 1883 г. – 29 фамилий). 108 титулованных аристократов располагали годовым доходом в 10–75 тыс. ф. ст. (в Англии такие поступления даже в 1870-х годах имели 942 лендлорда). Что касается основной массы прусских дворян-землевладельцев, то в 1912 г. каждый из 1129 родов ежегодно получал порядка 4 тыс. ф. ст. [подсч. по: 540, с. 75, 90, 96]. Это вполне сопоставимо с доходами английских баронетов и богатых джентри, хотя последних с аналогичным материальным положением было больше – 2500 человек.

Вплоть до Первой мировой войны для большинства прусских аристократов крупнейшим источником дохода была земля. Однако отмена крепостных повинностей по законам 1821 и 1850 гг. существенно изменила структуру землевладения [см.: 496; 761]. В руках поместного дворянства взамен крепостнических податей и услуг оказались значительные суммы компенсационных выкупных платежей в виде ценных бумаг. Наиболее состоятельные землевладельцы приобрели на них новые земли, зачастую целые поместья и разорившиеся крестьянские фермы. Кроме того, часть крестьян вместо денежных выкупов уступила

¹ 1 ф. ст. после 1871 г. равнялся 20 немецким маркам. Для удобства сопоставления данные о доходах приводятся в фунтах.

помещикам до половины своих земельных наделов, дворянство получило также 86% общественных земель [540, с. 112]. Хотя земельные владения аристократии увеличились, прусские помещики не стали монополистами на владение землей, как это было в Англии. Только в Померании и Познани крупные поместья в XIX в. занимали более половины всего земельного фонда. Богатейшие землевладельцы, имевшие в собственности несколько имений, при всем желании непосредственно ими управлять не могли. Поэтому многие поместья сдавались в аренду.

Значительная часть прусских землевладельцев из дворян не смогла приспособиться к новым, капиталистическим, методам хозяйствования, неизбежным после освобождения крестьян. Многие дворяне разорились и были вынуждены продать свои поместья. В течение нескольких лет после падения крепостного права 40% дворянской собственности в Силезии оказалось в руках буржуазии, а в Восточной Пруссии к 1856 г. только 56,9% поместий по-прежнему принадлежали дворянству, в том числе выходцам из буржуазии, лишь недавно получившим дворянское звание [540, с. 114]. Основными причинами разорения дворянства были отсутствие предпринимательского опыта, недостаток средств для приобретения сельскохозяйственных машин и тяглового скота, расточительность и как следствие – чрезмерные долги. Экономические потери той части прусских дворян, хозяйства которых были ориентированы на экспорт зерна, явились следствием также потери прибыльного английского рынка в связи с принятием в Англии хлебных законов, установивших в 1820-х годах высокие таможенные пошлины. Положение усугубилось в 1870-х годах, когда в Европу стало поступать американское зерно. Некоторые из предпринимчивых землевладельцев переключились с производства зерна на разведение овец, но для многих продажа поместья оказалась наиболее легким выходом. У мелкопоместных дворян все больше развивалось стремление переехать в город в поисках прибыльной должности в государственном управлении или армии.

За экономическое выживание боролись и крупные землевладельцы, пострадавшие от вторжения заокеанского зерна. В 1901–1905 гг. в Пруссии цены на пшеницу упали на 20 и на рожь на 25% по сравнению с первой половиной 1870-х годов. У титулованной знати не было возможности компенсировать потери за счет городской собственности по той причине, что в таких размерах, как у английских аристократов, она практически отсутствовала. Но крупным землевладельцам принадлежали огромные лесные богатства – в 1855 г. 54,2% всех лесов Пруссии. Поскольку цены на древесину начиная с 1880-х годов вплоть до 1914 г. постоянно росли (развитие путей сообщения сделало возможной ее массовую транспортировку), лесное хозяйство стало доходной отраслью крупнопоместной частновладельческой экономики. Переход от чисто сельскохозяйственного производства к переработке местного сырья оказался чрезвычайно прибыльным делом. В 1883 г. один из представителей рода Арнимов купил поместье Мускау. Он расширил продажу леса, проложив небольшую железную дорогу, построил лесопилки, фабрики по производству картона и перера-

ботке стружки, открыл оснащенный паровым котлом завод по производству кирпичей, увеличил выпуск угля – поместье, купленное за 330 тыс. ф. ст., в 1913 г. оценили в 700 тыс. ф. ст.

Возросло состояние той части аристократии, которая смогла занять существенные позиции в горной и металлургической промышленности. В этих случаях для обогащения подчас не приходилось прилагать практически никаких усилий. Например, предки рода герцогов Аренбергских получили королевское право заниматься горным делом в рейнско-рурско-вестфальском промышленном районе. Эта владетельная семья заключала соглашения с горнодобывающими компаниями, которые на герцогских землях открывали и эксплуатировали шахты. Владельцы получали 1% от всего добытого угля. В 1909 г. герцогу Аренбергскому его королевское право приносило ежегодный доход, превышавший 25 тыс. ф. ст. а общий доход, возрос с 11,3 тыс. ф. ст. в 1892 г. до 145 тыс. ф. ст. в 1909 г. Силезский землевладелец принц Хенкель фон Доннерсмарк вложил капитал в эксплуатацию месторождений угля, железной руды и цинка, обнаруженных в его владениях. Затем сферой инвестиций этого нового предпринимателя стала химическая промышленность. Перед Первой мировой войной Доннерсмарк по богатству занимал второе место в Германии после Круппа. В 1913 г. из 12 богатейших подданных Пруссии 6 были промышленниками-аристократами из Силезии.

В XIX – начале XX вв. значительная часть прусской аристократии, как и в предшествовавшие столетия, находила призвание в армейской службе. Военная карьера для многих была вынужденным шагом – относительная бедность сельских дворян подчас не оставляла другого выбора: дать сыну военное образование в кадетском корпусе стоило в 4 раза дешевле, чем на юридическом факультете в университете. Но невозможность из-за отсутствия университетского образования сделать карьеру на государственной гражданской службе отнюдь не воспринималась как крушение жизненных устоев. В среде прусского юнкерства глубоко укоренились и безоговорочно почитались милитаристские традиции, в дворянских семьях царил культ армии и службу в ней предпочитали другим занятиям. Фактически произошло прямое (в виде непосредственной службы) или косвенное (путем браков дочерей юнкеров с офицерами) сращивание юнкерских семей и значительной части офицерского корпуса. Потомок старинного юнкерского рода Отто Людвиг фон Бенеккедорф унд фон Гинденбург имел шестерых детей, из которых пятеро поступили на военную службу. В семье младшего из братьев-офицеров родился сын – будущий генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. Он, в свою очередь, женился на генеральской дочери, в этом браке было трое детей – две дочери вышли замуж за прусских офицеров, сын сам служил в гвардейском пехотном полку, а затем в генеральном штабе. История семьи Гинденбургов являет типичный пример юнкерско-офицерской кастовой замкнутости.

В Пруссии даже в 1860-х годах в офицерском корпусе преобладали дворяне, и именно они хранили традиции, формировали дух армии, обеспечивали ее

боеспособность. Но в последней трети XIX в. произошли коренные изменения в организации военного дела: возросли людские мобилизационные ресурсы и численный состав армий, увеличились масштабы их материального обеспечения, с развитием железных дорог, телеграфа и телефона произошли революционные изменения в области коммуникаций, повысилась боевая мощь вооружений. Армии Германии, как и других стран, приходилось решать усложнившиеся задачи организации вооруженных сил, прежде всего, повышения профессионального уровня и увеличения состава офицерского корпуса. В новых условиях аристократия не была в состоянии сохранять монополию в нем. Уже в 1888 г. 28% прусских офицеров являлись выпускниками университетов, а к 1913 г. среди офицеров насчитывалось 70% недворян [540, с. 222]. И это только усилило прусско-германскую армию. Такие выдающиеся военные деятели, как, например, генерал-фельдмаршал Август фон Гнейзенау и генерал-фельдмаршал Гельмут фон Мольтке-старший, по словам Бисмарка, «не были исконными пруссаками» [81, с. 4], вышли из рядов протестантского дворянства Северной Германии или образованной буржуазии.

В Германской империи офицерство окружал ореол всеобщего поклонения. Взгляды и ценности прусской аристократии во все большей степени аккумуляровались буржуазными слоями. Их представители, разводнившие кадровый состав армии, восприняли мировоззрение прусского офицерства. Поэтому офицерский корпус Германии сохранил однородность на базе аристократических ценностей. Этому способствовало то, что в основе подготовки командных кадров лежали прусские аристократические стандарты. Основным источником воспитания офицеров были кадетские корпуса. В эти закрытые военно-учебные заведения принимали мальчиков 10-летнего возраста, как правило, из военных семей и обучали на протяжении 6–8 лет, после чего, при условии успешного окончания, зачисляли в армию. Кадетские корпуса выпускали офицеров, подготовленных для действий на поле боя. Общеобразовательный курс соответствовал гимназическому с преобладанием математики и современных, а не классических наук. Суровый режим и поминутная регламентация рабочего дня, строжайшая дисциплина и беспрекословное подчинение лежали в основе воспитания. В кадетских корпусах не только прививали практические военные навыки, но и формировали особый нравственный облик офицера. Поощрялись проявления смелости, физическая сила и выносливость, способность переносить боль, невзгоды и опасность, умение не терять хладнокровия и присутствия духа. Высоко ценились стремление к лидерству, чувство товарищества, преданность офицерской корпорации и готовность подчиняться ее требованиям. Кастовое высокомерие и классовые предрассудки побуждали офицерство с пренебрежением относиться ко всем, кто не входил в дворянско-офицерский круг.

Прусские офицеры считали своим патриотическим долгом защищать политический порядок, хранить верность монарху, безоговорочно исполнять приказы командования. Офицеры в большинстве своем с недоверием и даже враждебностью относились к идеям социализма и либерализма. Для этого у них

были личные мотивы. Офицеры-дворяне опасались перемен в социальном строе, которые угрожали их семейной земельной собственности и привилегированному положению в государстве. Само буржуазное общество с его культом денег и личной выгоды рассматривалось офицерами как несовместимое с аристократическими идеалами. В значительной мере аристократический по происхождению и в абсолютной степени – по духу, прусский офицерский корпус (по оценке Бисмарка, «непревзойденный ни одним государством офицерский материал – вплоть до полкового командира») [81, с. 4] явился оплотом Германской империи и стержнем одной из самых сильных европейских армий.

Великобритания. В руках высшего слоя английской аристократии сосредоточились огромные богатства, не сравнимые с тем, чем располагало континентальное дворянство. В 1883 г. доход от земли, городской собственности и промышленных предприятий выше 75 тыс. ф. ст. имели 29 аристократов. Первым среди них был 4-й граф Гросвенор, в 1874 г. получивший титул герцога Вестминстерского, доход которого исчислялся в пределах 290–325 тыс. фунтов, а накануне Первой мировой войны – в 1 млн фунтов стерлингов [540, с. 74, 75, 76]. Крупнейшим источником доходов аристократии было землевладение. По данным переписи земельных угодий, впервые проведенной в Англии в 1873 г., из порядка миллиона собственников всего 4217 аристократов и джентри владели почти 59% земельных наделов. Из этого небольшого в масштабах страны числа выделялся сверхузкий круг из 363 землевладельцев, каждый из которых имел по 10 тыс. акров земли: вместе они распоряжались 25% всех земель Англии. К ним примыкали примерно 1000 землевладельцев с поместьями от 3 до 10 тыс. акров. Они концентрировали более 20% земли. Ни титулованные аристократы, ни джентри сами сельским хозяйством не занимались, отдавая землю фермерам-арендаторам. Хозяин земли получал ренту в 3–4%. Это позволяло иметь стабильный и высокий доход. В 1870-х годах доход в виде земельной ренты (без доходов от городской собственности) свыше 50 тыс. ф. ст. получали 76 собственников, свыше 10 тыс. ф. ст. – 866 землевладельцев, свыше 3 тыс. ф. ст. – 2500 баронетов и джентри. Но уже в последней трети XIX в. основная масса высшего и среднепоместного дворянства болезненно ощутила последствия аграрного кризиса и падения арендной платы. В Англии цены на пшеницу в 1894–1898 гг. в среднем составили половину уровня 1867–1871 гг. Между 1873 и 1894 гг. стоимость земли в Норфолке уменьшилась вдвое, а арендная плата понизилась на 43%, как следствие, 2/3 джентри этого графства продали свои поместья [540, с. 44, 123]. Снижение денежных поступлений от земли в меньшей степени затронуло сверхбогатую титулованную знать, доход большинства которой формировался из несельскохозяйственных источников, в первую очередь, городской недвижимости.

Английская аристократия в дополнение к огромным сельским поместьям унаследовала от прошлых поколений крупные участки земли и особняки в городах. Всего несколько семей владели большей частью земли в черте Лондона. В 1828 г. лондонские владения, сдававшиеся в аренду, давали герцогу Бед-

форду 66 тыс. ф. ст. в год, а в 1880 г. – почти 137 тыс. ф. ст. Доход от принадлежавшему герцогу Портлендскому лондонского района Мэрилебонд возрос с более 34 тыс. ф. ст. в 1828 г. до 100 тыс. ф. ст. в 1872 г. Граф Дерби, граф Сефтон и маркиз Солсбери владели землей Ливерпуля [540, с. 77, 136, 138]. Хозяином почти всей земли города Хаддерсфилда был Рамсен. Владельцы городской земли сдавали ее арендаторам, во многих случаях сами создавали городскую инфраструктуру, что вело к образованию новых городов. 2-й маркиз Бьют с выгодой для себя построил на своей земле доки, вокруг которых стал разрастаться Кардиф – доходы Бьютов возросли с 3,5 тыс. ф. ст. в 1850 г. до 28,3 тыс. ф. ст. в 1894 г. 7-й герцог Девонширский превратил поселок Барроу в крупный город и вложил в разработку местных залежей железной руды, строительство сталелитейного завода, железной дороги, доков, и джутового производства свыше 2 млн ф. ст. К 1896 г. аристократы на собственных землях возвели ряд приморских курортов: Истборн, Саутпорт, Борнмут и др.

Третьим средством обогащения после земледелия и эксплуатации городской недвижимости была промышленность. В XIX в. английская аристократия не инвестировала средства в металлургическую и текстильную промышленность и очень незначительно вкладывала в строительство путей сообщения. Аристократы боялись из-за неудачных вложений потерять состояние, полагая, что недопустимо рисковать тем, что создавалось поколениями предков. Но были и обратные случаи: 167 английских пэров являлись директорами различных компаний. Владение землей, недра которой часто содержали полезные ископаемые, побуждало к развитию горнодобывающего дела. В нем главное место занимала добыча каменного угля, в меньшей степени – медных, оловянных и свинцовых руд. Лэмтены, графы Даремские, в 1856 г. получили со своих шахт прибыль более чем в 84 тыс. ф. ст., а в 1873 г. – в 380 тыс. ф. ст. Поскольку шахтовладельцам дворянского происхождения был близок и понятен опыт арендных отношений в сельском хозяйстве, в большинстве случаев и шахты сдавались в аренду буржуазным предпринимателям. Это, во-первых, обеспечивало стабильный доход, а во-вторых, уберегало от неизбежного при личном управлении риска неэффективного вложения средств в производство.

До парламентских реформ 1832, 1867 и 1884–1885 гг. землевладельцы полностью контролировали избирательные округа, что давало им возможность наполнять Палату общин своими людьми. В конце XVIII в. из 658 депутатов 424 были фактически назначены лендлордами. Для обеспечения нужного результата в одних случаях использовалась зависимость арендаторов от землевладельцев, в других – прямой подкуп. В начале XIX в. «тот, кто в Ньюарке отдавал свой голос за ставленника четвертого герцога Ньюкаслского получал к рождеству полтонны угля, а арендная плата для него снижалась по сравнению со средней примерно на 30 процентов» [Цит. по: 540, с. 249]. Парламентские реформы, уничтожившие «гнилые местечки», увеличившие электорат, упорядочившие избирательные округа и установившие тайное голосование, вывели Палату общин из-под контроля лендлордов. Их бастионом по-прежнему оста-

васлась наследственная Палата лордов, однако в 1911 г. она была лишена права налагать безусловное вето на законодательные проекты Палаты общин [24].

В эпоху королевы Виктории власть все еще удерживала аристократия, но ее претензии на безраздельное властвование были уже не столь бесспорны. Премьер-министрами были лидер партии вигов Генри Джон Пальмерстон, принадлежавший к древнему роду, после смерти отца унаследовавший титул 3-го виконта Пальмерстона и ирландского пэра; Эдуард Джордж Дерби, трижды возглавлявший правительства консерваторов, до 1851 г. по наследству имевшийся лордом Стэнли, а затем получивший титул 14-го графа Дерби; Роберт Артур Солсбери, около 17 лет руководивший тремя кабинетами консерваторов, после смерти отца ставший лордом и 3-м маркизом Солсбери. Глубокие аристократические корни имели и другие премьер-министры той поры. Но уже тогда монополия аристократов на высшую должность в стране начала давать сбои: к руководству исполнительной властью начинают приходить политики, по происхождению не принадлежавшие к высшим слоям общества. Роберт Пиль, возглавлявший правительство в 1834–1835 и в 1841–1846 гг., был сыном предпринимателя, успешно занимавшегося хлопковым производством. Уильям Гладстон, премьер-министр в 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 гг., вышел из семьи коммерсанта. Бенджамин Дизраэли, бывший премьер-министром в 1874–1880 гг., родился в еврейской семье, его отец был писателем, а мать – дочерью еврейского эмигранта из Италии. В начале XX в. аристократические лидеры консерваторов после победы своей партии на выборах все еще добивались высшей власти (Артур Джеймс Бальфур, племянник 3-го маркиза Солсбери, занимал пост премьер-министра в 1902–1905 гг.), но это уже представлялось некоей исторической инерцией. Его преемники в либеральных правительствах были людьми из иных социальных слоев. Герберт Асквит начинал свою карьеру адвокатом в Лондоне, а Дэвид Ллойд Джордж вышел из народных низов: его дед был фермером, отец – школьным учителем, дядя – сельским сапожником.

На протяжении XIX в. все большую роль начал играть централизованный государственный аппарат. Чтобы изжить в нем семейственность и покровительство, повысить эффективность работы, либеральный кабинет Гладстона в 1870 г. реформировал государственную службу. Ее превратили в серьезную профессию, деполитизировали. Последнее означало, что аппарат ведомств действовал на постоянной основе и не менял служащих в связи со сменой политического руководства. С целью беспристрастного отбора наиболее подготовленных кандидатов на чиновничьи должности ввели достаточно строгий экзамен¹. В 1872 г. либералы создали министерство местного управления, наблюдавшее за деятельностью органов власти в городах и графствах.

¹ Известный дипломат и разведчик Локкарт вспоминал: «В этом году было только четыре вакансии. Число зарегистрированных кандидатов перешло за шестьдесят. Почти все они готовились к экзаменам в течение ряда лет. Некоторые были в числе первых двадцати, выдержавших в прошлом году. До полудюжины получили первоклассные свидетельства в Оксфорде и Кембридже». См.: Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Изменился кадровый состав министерств. На протяжении большей части XIX в. он был немногочислен, места замещались по протекции, ведомства возглавляли выходцы из дворянских семей. Когда же штаты правительственных служб расширились, а либеральный кабинет Гладстона реформировал государственную службу и ввел конкурсные экзамены для занятия должностей, посты в центральных учреждениях заняла новая элита, вышедшие в большинстве из среднего класса выпускники закрытых частных школ, Оксфордского и Кембриджского университетов. В министерстве по делам Индии, например, в начале 1850-х годов более 25% вновь назначенных чиновников имели дворянское происхождение, а в 1890-х годах – только 6% [540, с. 253]. Исключение составляли министерство иностранных дел и дипломатические представительства за рубежом, служба при королевском дворе, в штатах вице-королей и генерал-губернаторов в колониях, где аристократия сохранила влияние и власть.

Принадлежность к аристократическому высшему свету открывала блестящие перспективы. Кроме карьеры в высших эшелонах власти, предпочтение отдавали армии и военному флоту. В поколениях, родившихся между 1800 и 1850 гг., военную службу избрали 52% младших сыновей и внуков пэров и баронов. Аристократическая знать предпочитала служить в элитных гвардейских полках. Своеобразным социальным фильтром, ограждавшим эти полки от проникновения в них офицеров более низкого социального уровня, являлся размер доходов, который должен был обеспечить принятый в офицерской среде стиль поведения и образ жизни: расходы офицеров значительно превышали их жалование. Комиссия, изучавшая в 1904 г. материальное положение английских офицеров, пришла к выводу, что каждый офицер, помимо жалования, в зависимости от рода службы и характера полка должен иметь доход от 400 до 1200 ф. ст. в год. В аристократической офицерской среде ценились хладнокровие и выдержка, личное мужество, безрассудная храбрость, безусловное подчинение правилам и условностям высшего общества, умение в любых обстоятельствах сохранить репутацию. И в то же время богатые отпрыски знатных семей, как правило, не утруждали себя овладением военным ремеслом, служа в армии, они не становились профессионалами. Этому способствовало и геополитическое положение страны. Англия, защищенная морями и мощным флотом от континентальных держав, могла позволить себе иметь плохо организованную армию, предназначенную только для колониальных экспедиций. Аристократы, прослужив несколько лет в атмосфере аристократического клуба, и, дождавшись наследства, оставляли службу, чтобы использовать свое богатство и высокое социальное положение в иных сферах деятельности.

4.2. Буржуазия

Финансово-промышленная олигархия. С конца XVIII века в Англии и Франции (в других европейских странах позже) происходит становление промышленной буржуазии как социального класса. Ее особое место в обществе определяли экономические факторы: прежде всего, владение средствами

производства, контроль над финансовыми и материальными ресурсами, хозяйственные достижения и приобретенное на их основе богатство. Этот класс не представлял собой нечто однородное, наоборот, в зависимости от размеров богатства и места в обществе делился на финансово-промышленную олигархию, крупную, среднюю и мелкую буржуазию.

Финансово-промышленная элита, главным признаком которой было владение сверхкрупным состоянием, складывается к началу XX в. В 1887 г. к сотне лидеров германской экономики можно было принадлежать, располагая капиталом в 3,8 млн марок, а в 1907 г. – 10 млн [436, с. 16]. Среди мультимиллионеров многие унаследовали свои состояния по семейной линии. Г. Стиннес, являвшийся одной из ключевых фигур германской экономики, был предпринимателем в третьем поколении. С другой стороны, Фридрих Крупп, основатель знаменитой в будущем фирмы, оставил обремененный долгами завод с семьей рабочими, а сам в конце жизни был вычеркнут из списка налогоплательщиков Эссена, что являлось величайшим позором для коммерсанта. Его наследнику А. Круппу пришлось начать восхождение к вершинам богатства и могущества с нулевой отметки, но уже в 1903 г. собственность фирмы оценивалась в 283 млн марок, что было самым крупным состоянием в Германии.

Буржуазные семьи поддерживали устойчивые родственные связи, образуя семейные кланы, подчас объединенные общностью деловых интересов. Три ветви семьи Ротшильдов владели банкирскими домами в Берлине, Вене и Лондоне. Большие буржуазные семьи поддерживали предпринимательские инициативы родственников. Стартовый капитал на основании в 1847 г. электротехнической компании «Сименс унд Хальске» Вернеру Сименсу предоставил его двоюродный брат. Когда дело расширилось, санкт-петербургский и лондонский филиалы этой компании возглавили братья Вернера – Карл и Вильямс. При содействии Вернера Сименса в 1873 г. был образован семейный союз, члены которого раз в 3 года собирались на совещания. После смерти Вернера Сименса предприятием вплоть до 1945 г. руководили его сыновья и внуки. Семейные фирмы в XIX в. были обычным явлением.

Независимо от того, использовали ли предприниматели конца XIX – начала XX в. наследство или создали финансовую стартовую площадку сами, это были дельцы новой формации. Их отличали природная энергия, смелость, решительность, организаторские качества, включающие умение прогнозировать и воплощать далекие замыслы, ориентироваться в меняющейся обстановке, схватывать главное, разбираться в людях и подчинять их своей воле. Они являлись, по определению В. Зомбарта, «сверхпредпринимателями», одновременно «разбойниками и ловкими калькуляторами» [354, с. 132].

Финансово-промышленная олигархия стремилась войти в аристократические круги, что обеспечивало повышение социального статуса, укрепление связей с властными структурами и политическое влияние. С другой стороны, изменившаяся роль мультимиллионеров заставила и потомственную аристо-

кратию забыть о своей врожденной заносчивости и чувстве превосходства, предпочесть возможность улучшить материальное положение, включиться в бизнес. Распространенными стали брачные союзы между представителями казалось бы противоположных и несовместимых социальных групп. Дочь Ротшильда вышла замуж за лорда А. Розбери, в 1894–1896 гг. занимавшего пост премьер-министра Великобритании. Дочь мультимиллионера Гейне стала княгиней Монако. Фриц Крупп нашел супругу в обедневшем баронском роде фон Энде. Его наследница Берта сочеталась браком с Густавом фон Болен унд Гольбах, что позволило трансформировать вполне буржуазную фамилию династии пушечных королей в аристократическую – Крупп фон Болен унд Гольбах.

Связи между промышленно-финансовой элитой и государственным аппаратом устанавливались на самом высоком уровне. Круппов всегда, когда это было им нужно, принимали Вильгельм I и Вильгельм II, которые и сами многократно бывали их гостями. На свадьбе Берты Крупп присутствовали Вильгельм II, его брат кронпринц Генрих, рейхсканцлер Бюлов, весь состав кабинета, высшие чины армии и флота. Суть такого единения интересов состояла не столько в соблюдении норм светской жизни, сколько в осознании роли и места магнатов промышленности в экономике и политике империи. Могущество Круппов основывалось на том, что они, по словам Вильгельма II, обеспечивали снабжение «германского фатерлянда наступательным и оборонительным оружием такого качества и такого действия, какие недостижимы для любого другого государства» [581, с. 186].

Новый социальный статус монополистической буржуазии подчеркивался и особым укладом жизни. Сверхбогачи добивались дворянских титулов, скупали старинные замки, подражали аристократическим манерам. Сын Густава Круппа Альфрид, унаследовавший дело и как глава фирмы после Второй мировой войны осужденный в Нюрнберге Международным военным трибуналом, получил изысканное воспитание. По рассказу У. Манчестера, «Его обучали верховой езде, как обучают членов королевской семьи <...> С того момента, как Альфрид начал себя помнить (и задолго до этого) он был предметом особого внимания окружающих. Перед ним преклонялись в Руре больше, чем перед кронпринцем в Берлине. Крестины Альфрида были событием национального масштаба <...> и сам кайзер соизволил стать крестным отцом ребенка. С тех пор всякое, даже самое мелкое, сообщение о нем в печати приобретало значение для всего рейха. Самому Альфриду по десять раз в день внушали, что он должен готовиться к такому будущему, какое недоступно для других» [581, с. 194–195].

Такая же ситуация складывалась и в других странах. Например, в руководстве угольной промышленностью Франции видную роль играли бароны Шабо де ла Тур и Гранже, маркиз Талюз-Руа, герцог д'Одиффре Пакье [436, с. 37]. Экономические интересы части верхних слоев аристократии и финансово-промышленной олигархии смыкались.

Их сплочению способствовали закрытые клубы. Наиболее престижные и знаменитые из них объединяли представителей высшего света в нескольких поколениях, передававших членство по наследству. Однако не только родословная, но и исчислявшееся миллионами состояние открывало двери в некогда замкнутый мир аристократии. Клубы не только служили местом приятного времяпрепровождения с полным набором услуг, но и являлись центрами, где в неформальной обстановке обсуждались важнейшие политические и экономические проблемы, определялась стратегия защиты интересов элитарных фракций буржуазии и дворянства. В 1900-е годы сообщество британских банкиров, фактически контролировавшее весь мировой финансовый бизнес, включало всего несколько десятков семейств: все они были знакомы между собой, посещали одни и те же клубы и светские приемы и все состояли в семейном родстве [1998, с. 259].

Немонополистическая буржуазия. Крупная и средняя немонаполистическая буржуазия представляла собой основную часть господствовавшего в XIX в. класса, интегрировавшего в своих рядах собственников средств производства, занятых как в промышленном, так и в аграрном секторах экономики. Она не была социально однородной, включала множество слоев, отличавшихся размером богатства, отраслью деятельности (промышленность, транспорт, финансы, торговля, услуги, аграрный сектор и т. д.), происхождением (из крестьян, ремесленников, бюрократии, дворянства, наследственной буржуазии и т. п.), местом жительства (столица и провинция, город и село). Каждой из таких групп были присущи особый образ жизни, политическая ориентация, собственные экономические интересы и претензии на их удовлетворение. При этом интересы и немонаполистической буржуазии, и промышленно-финансовой олигархии с точки зрения взаимоотношений с главным классовым антагонистом – промышленным и аграрным пролетариатом – совпадали. Поэтому численно уступавшая, но экономически превосходившая и политически более влиятельная монополистическая буржуазия во внутриклассовой иерархии играла лидирующую роль. Она не оспаривалась другими фракциями буржуазного класса, но и не снимала противоречий между монополистической верхушкой и остальной буржуазией. Когда в 60–70-х годах XIX в. возникла акционерная форма организации промышленных компаний, в орбиту монополий попали в качестве акционеров многие прежде самостоятельные владельцы предприятий. Платой за участие в прибылях была необходимость смириться с утратой самостоятельности, отсутствием возможности существенно влиять на политику корпораций. Те же из предпринимателей, кто сохранил независимость от монополий, ввиду ограниченности собственного капитала не могли организовать массовое производство на базе новейшей техники и технологии, а потому неизбежно проигрывали в доходах, ограничиваясь сравнительно узким кругом потребителей и теми рынками сбыта, которые оставались вне интересов и внимания монополистических объединений. В обоих случаях возникали предпосылки для обострения внутриклассовых противоречий.

Усложнение производства и расширение экономических связей нередко вынуждали собственников, раньше лично руководивших производством, к передаче функции управления в руки наемных профессионально хорошо подготовленных специалистов – менеджеров. Система менеджмента обеспечивала более динамичное и эффективное управление делом, но в то же время влекла появление собственников, предпочитавших в силу трезвой оценки своих способностей или иных свойств личности устраниваться от повседневной работы в фирме при сохранении права на владение ею. К этому слою буржуазии примыкали не имевшие предприятий и не участвовавшие в деловой и производственной жизни рантье, жившие за счет доходов в виде процентов на капитал, вложенный в акции предприятий и другие ценные бумаги. Прослойка неработающей буржуазии постоянно увеличивалась. Только в Кельне количество рантье, плативших налоги, выросло со 162 человек в 1854 г. до почти 600 в 1874 г. [1997, с. 331]. Так сложился своего рода «праздный класс».

Мир буржуазии скреплялся системой личных отношений. Корпоративное сообщество буржуа укрепляли складывавшиеся в годы обучения в школах и университетах и сцементированные общностью характера деятельности и социально-этических ценностей дружеские связи. Их упрочению способствовала клубная система. Не только представители финансово-промышленной олигархии, но и вообще состоятельные люди в европейских странах предпочитали проводить время в клубах, строго отбиравших свой состав по социальным признакам. В клубах можно было с максимальными удобствами работать, назначать деловые или дружеские встречи, завтракать, обедать и ужинать, развлекаться. Многие клубы специализировались по интересам своих членов: среди них были литературные, художественные, спортивные, политические, финансовые, морские, военные, благотворительные.

Во всех буржуазных слоях общества особым регламентациям подчинялась жизнь женщины. Она была освобождена от домашнего труда. Ее главным назначением было продолжать род, а дополнительной функцией – украшать собой дом мужа, поддерживать престиж семьи, традиции и нравственные ценности, которые признавались значимыми. Следствием этого был праздный образ жизни, а если женщина и играла какую-то роль в экономической или хозяйственной сфере, то опосредованно, через мужчину – отца, мужа, любовника. К XIX веку жизнь женщин из высшего и среднего классов в ряде европейских стран оказалась ограниченной частной семейной сферой более, чем когда бы то ни было. Профессиональная сфера была для них недоступна. Общественная деятельность и политика оставались исключительно мужскими занятиями. В салонах высшего общества в присутствии женщин даже не обсуждались политические проблемы [1993, с. 170]. Однако и в домашних делах женщина не была самостоятельной. В буржуазных семьях мужчина контролировал расходы, выдавая жене деньги на насущные нужды. Таким образом, водораздел между частным и общественным, женщинами и мужчинами, семьей и политикой становился все более очерченным.

4.3. Средний класс

В социальной структуре населения уже в XIX в. отчетливо выделялся слой людей, которые не могли быть безоговорочно отнесены к какому-либо основному классу, т. е. к крестьянам, рабочим, буржуазии и, тем более, аристократии. Эти разнородные и многочисленные группы можно причислить к так называемому среднему классу. Терминологически это понятие характеризуется как совокупность социальных страт, занимающих промежуточное положение между крайними полюсами общественной шкалы – бедными и богатыми. По мнению известного американского социолога Джона Масиониса, высший класс – это самые богатые и наиболее влиятельные семьи. Люди, принадлежащие к среднему классу, финансово обеспечены, но лишь некоторые из них имеют значительное состояние. Обладая доходом ниже среднего уровня, большинство представителей рабочего класса, или нижнего среднего класса, имеют профессии «синих воротничков». Остальные составляют низший класс.

Такое в общем-то простое определение места среднего класса в социальной структуре привлекает своей доступностью и конкретностью: в конце XX и в нынешнем XXI веке при наличии всеобъемлющей статистики легко договориться о границах, разделяющих различные группы по размерам доходов. Но иначе в XIX веке: при отсутствии систематизированных и полных данных о доходах количественный подход страдает очевидными издержками: неопределенностью границ, отделяющих «бедных» от людей среднего достатка, с одной стороны, последних от «богатых», с другой. Поэтому критерий достатка, по крайней мере, применительно к периоду до Первой мировой войны следует дополнить определением места той или иной общественной группы в социальной иерархии. С этой точки зрения в рассматриваемое время средний класс можно дифференцировать на четыре группы.

Ремесленники и мелкие производители, хотя и использовавшие наемных рабочих, но принимавшие личное участие в изготовлении продукции; лавочники, фермеры, фабричная рабочая аристократия и мастера составили *старый средний класс*. «Старый», потому что корни этих участников материального производства и обмена, за исключением фабричных рабочих, уходят в далекое прошлое: Раннее Новое время и даже Средние века.

XIX век открыл широкое поле деятельности для конторских служащих, продавцов крупных магазинов, профессионально подготовленных учителей, медсестер. К ним можно добавить низшее духовенство. Эти и подобные им работники низового уровня могут быть отнесены к *низшему среднему классу*.

Специалисты в различных сферах деятельности: инженерно-управленческий и руководящий персонал промышленных, транспортных и строительных предприятий, армейские офицеры, государственные и муниципальные чиновники, университетские преподаватели, врачи, лица свободных профессий – образовали *новый средний класс*. Отличием его представителей являлось наличие специального образования, высокая квалификация, компетентность. В 1911 г.

в Великобритании насчитывалось 796 тыс. профессионалов, что составляло 4,3% самодельного населения страны [968, с. 61]. Профессионалы составили особую социальную группу, отличительной чертой которой стали респектабельность, высокий статус и авторитет в обществе. В Германии по переписи 1907 г. 3156 тыс. человек (11,3% самодельного населения) относились к числу «занятых на общественной службе», а также к техническому персоналу фабрик, служащим банков, торговых контор.

Менеджеры и специалисты высшего уровня, университетские профессора, церковные иерархи представляли *высший средний класс*. Бытовая обустроенность, уровень комфорта, сфера общения и культурные пристрастия представителей высшего среднего класса тяготели к стандартам соответствующих слоев буржуазии.

Эти общественные группы объединяли самоидентификация и осознание принадлежности к определенной социальной группе, имевшей либо небольшую собственность в виде производственных, торговых или обслуживающих предприятий, дававших некоторый доход, либо высокую квалификацию или образование, что позволяло получать высокие оклады, делать сбережения, приобретать недвижимость. Верхняя граница доходов этих слоев была чрезвычайно подвижна и могла пролегать на достаточно высоком уровне. Жалованье лондонских священников колебалось от 76 до 1500 ф. ст. в год. Начинаящий юрист получал 100 ф. ст. в год, адвокаты, имевшие право выступать в суде, — уже 1000, а наиболее преуспевающие из них имели доход в 25 тыс. ф. ст. Репортер зарабатывал 200–300 ф. ст. в год, помощник редактора 400–500, редактор газеты 1000–2000 ф. ст. [968, с. 62]. Что касается нижнего предела, то он определялся положением рабочей аристократии и мелких производителей.

В Германии к рабочей аристократии относился слой рабочих с заработной платой вдвое выше, чем у рабочих средней квалификации, и лишь на 25–30% ниже, чем получала верхушка мелкой буржуазии. В 1910 г. рабочая аристократия составляла 9% от общей численности немецкого рабочего класса [638, с. 105]. Кроме нее в производственном процессе непосредственно участвовали, но уже не являлись собственно рабочими мастера, надсмотрщики, старшие групп. Именно они распределяли рабочих по технологическим операциям, следили за работой, выдавали заработную плату, наказывали штрафами и даже увольняли. Годовая заработная плата мастеров колебалась от 3250 марок (в строительстве) до 5616 марок (старший мастер в железоделательной промышленности Саара). Это вполне сопоставимо со средним доходом в 3750 марок, полученным в 1913 г. хозяевами мастерских с 2–5 рабочими и жалованьем средних чиновников, имевших до 4404 марок в год [638, с. 106, 107]. Гамбургские рабочие, члены потребительского кооператива «Производство», имели возможность уплачивать 450 марок в год за наем квартиры из трех и более комнат с ванной и балконом, обставить их мягкой мебелью [537, с. 65–66].

В Великобритании рабочую аристократию отождествляли с членами тред-юнионов. В политической терминологии того времени даже существовало два

понятия: члены профсоюзов и рабочие. Первые отделяли себя от вторых. Слой рабочей аристократии на лондонских промышленных предприятиях насчитывал 13,6% [692, с. 669]. Надо полагать, близкое к этой величине соотношение имело место и по всей Великобритании, указывают даже на 15–25% от общего числа рабочего класса страны [841, с. 279]. Положение этих рабочих было сравнительно обеспеченным. По оценке одного из английских журналов, сделанной в 1910 г., они получали в неделю 45 шиллингов, жили в пятикомнатных квартирах или отдельных коттеджах со скромной, но удобной мебелью [862, с. 146]. Такой размер заработка позволял купить пианино, швейную машину, книги. В мировосприятии и ценностных ориентирах рабочей аристократии доминировали такие понятия, как обеспеченность, респектабельность, трудолюбие, семейное благополучие. В этой общественной группе гордились принадлежностью к своим профессиям, поддерживали культ высокопрофессионального труда. Английская рабочая аристократия стремилась ограничить проникновение в свой круг малоквалифицированных рабочих. Этим же объясняется стремление вступать в брак с представителями и представительницами своей среды.

4.3. Фабричный пролетариат

Промышленная и аграрная революция девятнадцатого века оказали огромное воздействие на социальные процессы в Европе. Вытеснение в ходе промышленной революции ремесленных орудий машинами и ручного труда механизированным производством привело к превращению мануфактуры в фабрику и возникновению промышленного пролетариата. С одной стороны, быстро растущая промышленность и обслуживающий сектор предоставляли множество новых производственных мест. С другой стороны, в результате аграрной революции часть сельского населения, которая не смогла ни сохранить свои хозяйства, ни стать арендаторами, превращалась в свободную наемную силу с перспективой либо стать безземельными сельскохозяйственными рабочими, либо оторваться от земли и мигрировать в города в поисках работы в несельскохозяйственном секторе экономики.

В результате быстрый рост городского населения и внутренняя миграция в XIX в. стала практически повсеместно массовым явлением в Европе. Население Парижа с 1800 по 1850 год выросло более чем на 92%, при этом на долю выходцев из других районов Франции приходилось свыше 88%. В горной и сталелитейной промышленности Рура преобладали рабочие сельского происхождения [598, с. 120–121]. В Берлине в 1885 г. иногородними были 81% работавших в сфере обеспечения города продуктами, 83,5% работавших в строительстве и более 80% – занятых транспортными перевозками [997, с. 275]. В начале 1840-х годов около 400 тыс. жителей Англии, Шотландии и Уэльса были выходцами из Ирландии [400, с. 188, 209]. В целом с 1880 по 1914 г. 60 млн европейцев переселились из деревень в города [436, с. 13]. Это привело к тому,

что в них стала концентрироваться значительная часть населения: к 1910 г., например, в Англии 75%, в Германии 49% и во Франции 39% [725, с. 209]. Квалифицированные мастеровые исчезающих мануфактур, бесповоротно разорившиеся ремесленники, потерявшие работу подмастерья, обезземеленные крестьяне – все эти социальные группы должны были искать заработок на фабриках, шахтах, железных дорогах, стройках, одним словом, становиться наемными рабочими.

На рост городов решающее воздействие оказала концентрация в них фабричного производства. Одним из них стал Манчестер, превратившийся в крупнейший центр хлопчатобумажной промышленности. В 1786 г., по словам современника, над домами этого города возвышалась лишь одна труба фабрики Ричарда Аркрайта. Но уже через 15 лет в Манчестере насчитывалось свыше 50 бумагопрядильных фабрик. Соответственно росло и население: в 1790 г. оно насчитывало всего 50 тыс., а к 1900 г. увеличилось в 10 раз [512, с. 352; 399, т. 5, с. 298]. В 1811 г. завод во французском городе Крезе обслуживали 230 человек – тогда это было самое большое предприятие страны. С 1837 г. его владельцем стал основатель знаменитой династии промышленников Адольф Шнейдер. Спустя 8 лет он подводил итог развития своей фабрики: «Персонал в 4300 рабочих, занятых внутри завода; весьма значительное количество лиц, работающих постоянно или временно вне завода для эксплуатации недр или на транспорте, равное 1200 человекам, занятым круглый год и, таким образом, составляющим, вместе с женами и детьми, от 16 до 17 тыс. человек, живущих исключительно заводским заработком» [777, т. 1, с. 415]. Город Эссен в Руре, колыбель династии «пушечных королей» Круппов, был в 1800 г. небольшим местечком с 4 тыс. жителей, а в 1900 г. в нем обитали до 300 тыс. человек. К концу XIX в. население Лондона достигло 4 млн 700 тыс., Парижа – 3 млн 600 тыс., Берлина – 2 млн 700 тыс. Число жителей Глазго превысило миллион [399, т. 5, с. 298]. Крупные города не только сосредоточили индустриальное производство, со временем превратились в административные и культурные центры, стали транспортными узлами с широко развитой торговой и бытовой инфраструктурой.

Фабричные рабочие по социально-экономическому статусу и способу существования заметно отличались от занятых на мануфактурах. Мануфактурные рабочие представляли собой сравнительно малочисленную группу. Наличие дома, участка земли, подсобного хозяйства, собственных орудий труда обеспечивало некоторую степень экономической самостоятельности и социальной мобильности. В отличие от них промышленные пролетарии полностью лишаются собственных средств производства, в подавляющей массе теряют возможность восстановить прежнее положение или обрести новое, сделавшись владельцами своего «дела». Отныне лишь продажа рабочей силы дает им средства для поддержания жизни. Наемные рабочие составили обширный и стабильный класс, занимающий особое место в системе производства и социальной сфере. При этом фабрика поставила рабочих в принципиально одинаковые условия труда и существования.

Складывание рабочего класса в разных странах и даже отдельных регионах одной страны не было неким одномоментным событием, когда та или иная социально-профессиональная группа одновременно и вся вместе теряла свой статус и превращалась в работавших по найму пролетариев. На пути к образованию социально «чистого» пролетариата наблюдался ряд переходных состояний, характеризовавшихся сохранением элементов прежнего экономического и трудового уклада. В ряде стран, например, широко распространилась такая форма конфекционной промышленности¹, когда фабрикант поставлял сырье и станки швеям, которые изготавливали одежду и белье на дому и получали за это заработную плату. Домашняя промышленность становилась подразделением капиталистической фабрики, а ремесленник полностью утрачивал самостоятельность и превращался в наемного рабочего.

В число фабричных рабочих вливались разорившиеся сельские жители – независимо от того, занимались ли они земледелием, деревенским ремеслом или совмещали оба эти вида деятельности. Под влиянием обстоятельств в одних случаях крестьяне сразу теряли связь с землей, в других этот процесс шел более медленно. Промышленная революция, особенно на первых своих этапах, вызвала появление слоя полукрестьян – полурабочих, которые еще не порвали полностью с сельским хозяйством, но в свободное от сезонных работ время нанимались на фабричные предприятия. Во Франции до середины XIX в. на мелких шахтах использовались крестьяне, добывавшие уголь в течение 150 дней в году. На заводе Сен-Никола в Арденнах в 1850 г. 62,5% рабочих принадлежали к пришедшим из деревень на определенный срок [598, т. 1, с. 118–119].

Развитие фабрично-заводской системы вело к формированию промышленного пролетариата за счет раннепролетарских и мелкособственнических слоев города и деревни, потерявших прежнее занятие. Машины вытесняли ручной труд, ремесленные мастерские и мануфактуры не выдерживали конкуренции, а их работники вынуждены были наниматься на фабрики. Прялка «дженни», обслуживавшаяся одним рабочим, производила примерно в 6 раз больше пряжи, чем обычная ручная прялка, и, следовательно, каждая новая «дженни» оставляла без работы 5 ручных прядильщиков. Ватермашина была производительней прялки «дженни». Поэтому она лишала заработка еще большее число рабочих. Мюль-машина повлекла дальнейшее их сокращение. Если раньше один прядильщик с несколькими помощниками, обычно детьми, приводил в движение 600 веретен, то теперь он справлялся с двумя мюль-машинами, имевшими от 1400 до 2000 веретен. Один – два прядильщика из каждых трех и несколько их помощников оставались без работы и быстро оказывались кандидатами в фабричные рабочие.

Конкуренцию с машинным производством проиграло и ручное ткачество. Вследствие применения машин выпуск хлопчатобумажных тканей в Великобритании увеличился с 40 млн ярдов² в 1785 г. до 2 млрд 25 млн в 1850 г. при

¹ Конфекционная промышленность – отрасль индустрии, занимающаяся массовым производством готового платья.

² 1 ярд равен 91,4 см.

снижении цены готового продукта в 5,5 раз [109, т. 3, с. 591]. Люди, которые прежде из-за дороговизны не могли покупать вытканые вручную полотна, теперь получили возможность иметь дешевую одежду. Расширение спроса обусловило резкое возрастание выпуска тканей фабричного изготовления, но соответственно пострадало мелкое ручное производство. Занятые в нем ремесленные рабочие разорялись, поскольку их заработки упали – за первые 30 лет XIX в. в 5 раз [274, с. 153]. Из 800 тыс. английских ткачей, работавших в начале XIX в. на ручных станках, к 1834 г. осталось около 200 тыс. [405, с. 133] Потерявшим доходы ремесленникам оставалось лишь идти внаймы к фабриканту, если, конечно, для них находились места.

Таким образом, квалифицированные мастеровые исчезающих мануфактур, бесповоротно разорившиеся ремесленники, потерявшие работу подмастерья, обезземеленные крестьяне – все они должны были искать заработок на фабриках, железных дорогах, в строительстве, становиться наемными рабочими. Технический уровень производства эпохи промышленной революции вполне позволял обеспечить занятость ремесленным и мануфактурным работникам, поэтому старые ремесленные специальности находили применение и на фабриках. Более того, увеличился спрос даже на неквалифицированных рабочих, функцией которых стало выполнение узкоспециализированных операций на поточных технологических линиях. Большую потребность в рабочих испытывали транспорт, строительная и горнодобывающая индустрия. Сложившийся новый социальный класс промышленных рабочих неуклонно расширялся, пока не стал доминировать среди непосредственных производителей материальных благ. К концу XIX в. около 70% трудящегося населения городов с более чем 100 тысячами жителей было занято в промышленности [998, с. 169].

В первой половине XIX в. в Европе, за исключением Великобритании, фабричный пролетариат все еще оставался в меньшинстве. Во Франции, согласно переписи 1847 г., доля работавших в промышленности по отношению ко всему населению составляла всего 18%. Но в последующий период индустриализация сопровождалась интенсивным ростом числа наемных работников. В Германии количество рабочих, занятых в строительстве, добывающей и обрабатывающей промышленности, всего за 12 лет, с 1895 по 1907 г., увеличилось более чем на 2,5 млн человек. В других странах наблюдалась подобная же тенденция. Промышленность, строительство, транспорт и связь сконцентрировали наиболее многочисленную, а иногда и большую часть самостоятельного населения своих стран: в Великобритании (1911) – 51,5%, в Германии (1907) – 43,7%, во Франции (1911) – 36,5% [подсч. по: 286, с. 60, 69, 76, 105]. Источниками формирования рабочего класса стали собственное воспроизводство и внутренняя миграция сельского населения.

Большинство промышленных рабочих являлись потомственными пролетариями. Независимо от квалификации и перемен в обстановке они не видели себя вне своего класса, и сама жизнь убеждала их в призрачности надежд изменить социальное положение. Из всех британских стальных промышленни-

ков в 1865 г. только 4% были выходцами из квалифицированных рабочих. Как сообщает П. Сорокин, из числа наиболее известных людей Германии (он написал книгу в 1927 г.) лишь 16,8% родились в рабочих семьях и достигли высокого положения, главным образом в сфере науки и искусства, благодаря своим способностям [898, с. 400]. Дети рабочих в большинстве случаев, если и не наследовали профессию родителей, то все же оставались в своей социальной среде. Многие из них начинали трудиться на фабриках в самом раннем возрасте. Поэтому особой и весьма внушительной группой в среде рабочих были дети, труд которых нашел широкое применение на фабриках. Высокая доля детского труда характерна для всех стран, вставших на путь фабричной организации промышленности. В 1839 г. 46% фабричных рабочих Великобритании не достигли 18-летнего возраста [подсч. по: 1055, с. 350]. В это число входили и совершенно малолетние дети. Официально признавалось: «Бывают случаи, что дети начинают работать с 4-х лет, иногда с 5, 6, 7 и 8 лет в рудниках» [692, с. 334]. В 1840 г. правительственная комиссия парламента Великобритании признала вопиющими условия труда малолетних детей: их привязывали к угольным тележкам, чтобы пройти по узким проходам шахты [943, с. 253]. В 1840 г. во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11 114 детей в возрасте от 4 до 12 лет [777, т. 2, с. 13]. К концу XIX в. количество несовершеннолетних фабричных рабочих не стало меньше.

Рабочий класс пополняли разорившиеся выходцы из средних слоев города и деревни, но в еще большем количестве – не нашедшие своего места в сельском хозяйстве крестьянские дети. Относительно последних В. Зомбарт заметил: «Если крестьянская семья вместо двух детей имеет в среднем 4 или 5, то ясно, что с течением времени все больший процент этого подрастающего поколения будет поставлен перед необходимостью искать себе хлеба вне рамок крестьянского хозяйства» [355, с. 64]. Процесс перераспределения трудовых ресурсов связан и с расширением капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Фермерские хозяйства при росте потребности в сезонных рабочих требовали значительно меньшего количества постоянных рабочих рук. Образовавшийся излишек трудовых ресурсов пополнял миграционные потоки. Город привлекал и тех, кто работу в нем считал более перспективной. Наемный работник английского фермера зарабатывал почти одинаково с фабричным неквалифицированным рабочим. Это у многих вызывало стремление переехать в город, где можно было оказаться нищим, но зато и получить шансы добиться небольшого буржуазного достатка.

Те, кого принято называть пролетариатом, т. е. рабочие фабрик, представляли собой меньшинство среди основной массы рабочих, занятых в мастерских, на фермах, в системах коммунального и бытового обслуживания. Естественно, пролетариат и другие группы рабочего класса по-разному оценивали свое положение в обществе, проблемы и жизненные перспективы. Но и фабрично-заводские рабочие не представляли собой однородную массу, наоборот, образовывали сложную иерархизированную структуру, отдельные части которой

находились в неодинаковом социальном положении и вознаграждались по-разному в зависимости от вида и сложности работы. С учетом происхождения, отраслевой принадлежности, квалификации, производственных функций, уровня заработка и других признаков пролетариат можно с некоторой долей условности разделить на внутриклассовые неформальные группы, границы между которыми были весьма подвижны.

Уже в эпоху промышленной революции сложился элитарный слой пролетариата. Дж. Тревелиян характеризует его следующими словами: «Люди, которые создавали и ремонтировали машины, шли в авангарде промышленного переворота и были его подлинными телохранителями. Они лучше оплачивались, чем их коллеги-рабочие, они в общем были более интеллигентны и взяли на себя руководство развитием технического образования. Они уважались своими хозяевами, которые должны были советоваться с ними и преклоняться перед их техническими познаниями. Они находились на передовых позициях прогресса и изобретательства и радовались тому, что руководят техническим развитием новой эпохи. Такими людьми труда были Стефенсоны из Тайнсайда; в происхождении человека, который изобрел локомотив после того, как он самостоятельно научился читать в возрасте семнадцати лет, не было ничего буржуазного» [944, с. 486].

В конце XIX – начале XX в. мастера, механики и другие высококвалифицированные специалисты составили наиболее привилегированную фракцию в персонале промышленных предприятий – «рабочую аристократию», отличавшуюся навыками искусного труда, приобретенными за многие годы ученичества и самостоятельной работы, более высоким уровнем заработка. Но эта группа по своим доходам и менталитету, собственно, относилась уже к низшим слоям среднего класса. В отношениях с другими слоями пролетариата ту часть рабочей аристократии, которая была представлена мастерами, надсмотрщиками, десятниками, отличал ярко выраженный антагонизм, в том числе и потому, что преобладающая часть заработка этой категории складывалась под воздействием результатов производственной деятельности: премий за качество продукции, экономию топлива, зарплаты и т. п. Это приводило к постоянным конфликтам с рабочими.

Большую часть рабочего класса (в Германии, например, согласно переписи 1907 г., 58% занятых в строительстве, добывающей и обрабатывающей промышленности) составляли квалифицированные рабочие. Уже с середины XIX в. они принадлежали к основному производственному персоналу на предприятиях машиностроения и металлообработки, где применение находил сложный машинный труд. В металлургии к этой категории относились кузнецы, вальцовщики; на железнодорожном транспорте – машинисты, кондукторы. Вне фабричного производства выделялись строительные профессии: каменщики, столяры, плотники. В полуремесленных отраслях – наборщики, часовщики. При господстве экстенсивного производства, присущего XIX в. и не изжитого в начале XX в., рабочие с высокими профессиональными навыками находили

устойчивый спрос на рынке труда. Различие между квалифицированными рабочими и рабочей аристократией постепенно нивелировалось по мере внедрения стандартизации и массового поточного производства, пока (это произошло уже после 1914 г.) полностью не исчезло.

Еще одна группа объединяла неквалифицированных рабочих: горняков, докеров, железнодорожников, всех тех, кто выполнял вспомогательные и подсобные работы на фабриках. Их положение отличалось особой неустойчивостью и необеспеченностью. Однако уже в 60–70-е годы XIX в., когда осваивалось производство швейных машин, некоторых видов новейшей военной техники, наметилась тенденция к массовому выпуску унифицированных изделий. В дальнейшем, особенно с началом 1900-х годов, переход к выпуску стандартизированной продукции крупными сериями стал распространенным явлением, что оказалось возможным в связи с использованием новых технологий. Расчленение производственного процесса на узкоспециализированные операции дало возможность привлекать элементарно обученных рабочих. Новая организация производственного процесса размывала грани между различными слоями рабочего класса, востребовала малоквалифицированных рабочих, повысила их удельный вес и роль в производстве.

Существенной частью новой рабочей силы стали женщины. Индустриализация открыла женщинам из семей, зарабатывавших на жизнь собственным физическим трудом, новые возможности. Внедрение машинной техники в ходе промышленной революции свело трудовые функции к выполнению сравнительно простых приемов и допускало использование элементарно обученных, малоквалифицированных работников. К тому же применение паровых двигателей требовало меньше физической силы для обслуживания станков, особенно в текстильной промышленности, а это позволяло заменять мужчин женщинами. На производстве дешевый женский и детский труд стал повсеместным и широко распространенным явлением. Текстильные фабрики эпохи промышленной революции, возможно, вообще не были бы построены, если бы их владельцы не рассчитывали на постоянный приток дешевой женской рабочей силы. Работницам во всех случаях платили ниже, чем мужчинам. Женщины стали заметной частью новой рабочей силы, обреченной на длинные часы работы на механизированной фабрике с полным отсутствием возможности проявить собственную инициативу. Во Франции женщины составляли 56–57% (в 1838 г.) персонала текстильной промышленности и 24,1% (в 1847 г.) – в мастерских, в каждой из которых работало более 10 человек [598, т. 1, с. 128]. Среди фабричных рабочих Великобритании в 1839 г. женщин насчитывалось 57,7% [подсч. по: 1055, с. 350]. Даже в государствах Германии, где промышленная революция проходила позже, в 1848 г. количество фабричных и ремесленных работниц достигало 18% [189, с. 215].

Приведенные цифры важны не только как показатель роли женщин в экономике своих стран, но и по другой причине: какая часть женского населения изменила свой статус и собственную жизнь под воздействием работы вне дома.

Это важно в связи с хорошо известным фактом, что промышленная революция привела к понижению уровня и качества жизни значительной части фабричного пролетариата. В бедственном положении находились, например, английские рабочие, покинувшие разорявшуюся деревню и вынужденные от безвыходности положения соглашаться на любые условия заводского труда. В одном из описаний жизни рабочих Манчестера, появившемся в 1851 г., говорится: «Рабочие, занятые на хлопчатобумажных фабриках, встают в 5 часов утра, работают на фабрике с 6 до 8 часов, потом... пьют жидкий чай или кофе с небольшим количеством хлеба... и вновь работают до 12 часов, когда дается часовой перерыв на обед, состоящий обычно из вареного картофеля у тех, кто получает низшую заработную плату... Те, кто получает высшую заработную плату, присоединяют к этому мясо – по крайней мере, три раза в неделю. По окончании обеда они вновь работают на фабрике до 7 часов вечера или позже, затем вновь пьют чай, часто с примесью спирта и с небольшим количеством хлеба. А некоторые второй раз едят вечером картофель или овсянку... Питающееся таким образом население живет скученной массой в домах, отделенных узкими, немощеными, зараженными улицами, в атмосфере, пропитанной дымом и испарением большого мануфактурного города. А в мастерских они работают в течение 12 часов в день в расслабляющей, разгоряченной атмосфере, часто насыщенной пылью от хлопка, с нечистым воздухом от постоянного дыхания или от других причин, – будучи при этом заняты делом, поглощающим внимание и требующим неослабной затраты физической энергии в соперничестве с математической точностью, беспрестанным движением и неистощимой силой машины... Домашним хозяйством рабочие пренебрегают, домашний уют им неизвестен..., помещения грязны, неуютны, непроветривающиеся, сырые... В знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы – в погребах, не имеющих вовсе стока... Таковы условия, в которых живет беднейший, низший класс городского населения. Хотя было бы ошибочным думать, что все рабочие живут в таких же условиях, как эти несчастные, однако, еще большей ошибкой было бы предположение, что масса народа принимает участие в том, что обычно считается за “улучшения нашего времени”» [243, с. 45–46].

Аналогичные условия существования беднейшего, низшего класса городского населения были в знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, где «от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы – в погребах, не имеющих вовсе стока...» [243, с. 46]. И даже на рубеже веков условия жизни английских низов ужасали современников. Исследование Ч. Бута «Жизнь и труд населения Лондона» рисует выразительную картину нищеты: 30,7% населения четырехмиллионного города относится к бедноте, подразделенной им на четыре разряда [1077, с. 2021]. И другие исследования, в частности, проведенное С. Раунтри в Йорке [1106; 608; 610], показывали, что проблема существования большого процента неи-

мущих, описанная Бутом, характерна не только для столицы, но и для провинциальных городов страны.

Такая ситуация напрямую или опосредованно касалась и женщин. В 1840 г. британская правительственная комиссия в своем докладе обратила внимание на факты тяжелейших условий их труда. Женщин, используя в качестве тягловой силы для перевозки угля в шахтах, впрягали, как лошадей, в вагонетки. Эксплуатация женского труда превратилась в настоящее бедствие и не только в этой, но и в других странах Европы. Врач и социолог Виллернс в 1847 г. писал: «Надо видеть, как каждое утро они приходят в город и каждый вечер возвращаются обратно. <...> Встают в четыре утра, идут пешком несколько километров, таща с собой своих детей, и вечером снова проделывают тот же путь после 12–13 часов работы в ужасающих условиях» [943, с. 253, 256].

Многие общественные деятели и публицисты XIX века расценивали участие женщин в промышленном производстве в негативном свете в связи с изнурительным характером труда, дискриминированным сравнительно с мужчинами материальным положением, отвлечением от семейных обязанностей. При всей обоснованности оценки статуса работниц как дискриминированного, сами женщины не драматизировали свое положение в фабричном мире на фоне условий труда в сельском хозяйстве. И действительно, с чем сталкивалась женщина, работая на ферме или в крестьянском хозяйстве? Женщины выполняли тяжелейшие физические работы. Там, где на уборке зерновых пользовались серпами, среди жнецов преобладали женщины. Они постоянно участвовали в луговых и полевых работах: размельчали комки за плугом, пололи сорняки, косили кормовые травы, сгребали сено и помогали его укрывать, нередко участвовали в молотье. Имели место случаи, когда женщины работали на лесоповале и заменяли одного из мужчин при распилке деревьев ручной пилой. На крестьянку ложились заботы о коровах, молодняке, свиньях, домашней птице, огороде, выращивании корнеплодов, мака и льна, приготовлении пищи, выпечке хлеба, переработке молока в масло и сыр, консервировании мяса, плодов и капусты, варке обеда и стирке белья [см.: 351, с. 28–30].

Ввиду этого были ли основания опасаться тяжелых фабричных условий привычным к тяготам крестьянской жизни женщинам? В сопоставлении с работой, которую дочери фермеров и крестьян выполняли дома, фабричный труд, на первый взгляд, хорошо оплачивался, а жизнь в городе сулила лучшие возможности. В работе на фабриках все больше стали видеть не только способ оказания помощи семье, но и средство личного самоутверждения. Появившаяся благодаря индустриализации возможность работать вне дома ослабила зависимость женщины от отца или мужа. Обобщая сложившуюся ситуацию, английский историк Дж. Тревельян заметил: «Женщины, которые шли работать на фабрики, хотя и теряли некоторые ценные преимущества своей прежней жизни, зато обрели независимость. Деньги, которые они зарабатывали, были их собственными. Фабричная работница занимала определенное экономическое положение, которое с течением времени стало возбуждать зависть других женщин» [944, с. 493].

В то же время в начале XX в. подъем социально-политической активности пролетариата стал побуждать работниц к борьбе не только с экономической дискриминацией, но и с царившими в обществе политическими ограничениями. Часть женщин была привлечена программными установками социалистических партий, которые, апеллируя к работницам, включили в свои программные документы «чисто женские» требования и обещали добиться введения всеобщего и равного избирательного права.

Таким образом, различным социальным слоям внутри рабочего класса были присущи собственные, отличавшиеся от других, специфические оценки своего статуса в обществе, а потому и жизненные цели и политические ориентиры у них во многих случаях не совпадали. Поэтому рабочий класс являлся благодатной почвой и для распространения идей революционного марксизма, и для социал-демократического реформизма, и для анархистской агитации, и для буржуазной социальной политики.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ФРАНЦИИ

5.1. Монархисты и республиканцы в первые годы Третьей республики

Установление Третьей республики. 4 сентября 1870 г., получив известие о поражении армии при Седане и пленении императора Наполеона III, республиканец Жюль Фавр провозгласил республику. К вечеру 4 сентября было сформировано «правительство национальной обороны». Его возглавил губернатор Парижа генерал Трошю – началась история Третьей республики.

Не сумев переломить ход войны вследствие нескольких проигранных сражений, «правительство национальной обороны» пошло на ее прекращение. 23–28 января 1871 г. министр иностранных дел Ж. Фавр в Версале, где находилась главная ставка германского командования, провел переговоры с Бисмарком и подписал условия перемирия [138]. Предусматривалось, что пройдут выборы в законодательный орган, который закрепит результаты войны международно-правовым соглашением. В соответствии с его условиями 8 февраля 1871 г. состоялись выборы в *Национальное собрание*, начавшее работу 11 февраля в Бордо. В связи с этим 13 февраля сложило полномочия правительство «национальной обороны» генерала Трошю. 17 февраля *Национальное собрание* избрало «главой исполнительной власти» Адольфа Тьера, который сформировал коалиционный кабинет из республиканцев, орлеанистов, легитимистов и бонапартистов. Такой состав кабинета явился результатом «Бордоского пакта» – соглашения между республиканцами и монархистами, которое обеспечивало политическое равновесие, поскольку на данном этапе монархисты вынуждены были отложить борьбу с установившимся республиканским строем. 1 марта 1871 г. *Национальное собрание* приняло решение о низложении династии Бонапартов, а 10 марта – о перенесении своего местопребывания в Версаль, чтобы быть поближе к столице, но не в беспокойном Париже.

В Национальном собрании, избранном в феврале 1871 г., был представлен весь спектр социальных слоев, претендовавших на доминирующую политическую роль в государстве. Республиканцы составляли левое крыло. Их возглавляли Л. Гамбетта, Ж. Симон, Ж. Греви, Ж. Фавр. Центр представляли бывшие монархисты, наподобие А. Тьера и А. Дюфора, готовые примириться с республиканским строем при условии его максимальной консервативности. Но эти группы составляли меньшинство. В общем составе депутатов из 650 мест 150 принадлежали легитимистам, 250 – орлеанистам, 30 – бонапартистам [784, с. 228].

Общей целью этих групп являлась реставрация королевской власти. Но идеолого-политические основы будущей монархии указанные фракции монархистов представляли по-разному.

Крайне правые монархисты – легитимисты во главе с герцогом де Лярошфуко отражали интересы крупных землевладельцев и провинциального дворянства. Легитимисты выдвигали на трон графа Шамбора, внука последнего короля из династии Бурбонов Карла X. Они отвергали все завоевания революции 1789–1799 гг., прежде всего, республику, демократию, светскость, исповедовали традиционалистский консерватизм и вытекающий из него реакционный клерикализм.

Умеренные правые во главе с герцогом Луи Деказом, герцогом де Бройлем, герцогом д'Одиффрэ-Паскье опирались на финансовую аристократию, банкиров, богатую промышленную буржуазию, сельских нотаблей. Политической целью этой части монархического лагеря было воцарение графа Парижского, внука короля Луи-Филиппа Орлеанского, свергнутого февральской революцией 1848 г. Орлеанисты стремились к восстановлению конституционной монархии британского образца, отстаивали принципы классического либерализма, политического и экономического господства не аристократии, но новой, буржуазной знати.

Группа «Призыв к народу», сложившаяся в 1872 г., стремилась к восстановлению династии Бонапартов. Ее участники не потеряли надежд на возвращение Наполеона III (а после его смерти в 1873 г. – принца Наполеона-Жерома Бонапарта). Бонапартисты выступали против парламентаризма и либерализации общества, требовали ограничения политических прав и свобод отдельной личности в целях обеспечения «общего интереса нации», т. е., по-существу, установления режима авторитарной диктатуры. Бонапартистов поддерживали определенные круги промышленной буржуазии, искавших опору в государственной поддержке для укрепления внутри- и внешнеэкономических позиций.

Деятельность *Национального собрания* и правительства Тьера характеризовалась шагами, которые объективно являлись следствием окончания войны, но затрагивали интересы значительной части населения и потому вызвали негативную реакцию. Жалованье сохранили только неимущим национальным гвардейцам. Отменили отсрочки платежей за квартиры, наем торговых помещений, по векселям, введенные в начале войны. Это дестабилизировало обстановку в крупных городах. Национальная гвардия вышла из-под контроля правительства и 18 марта 1871 г. захватила власть в Париже. 26 марта состоялись выборы в городской Совет Коммуны. Избранные в него представители буржуазии от мандатов отказались. Оставшиеся по своим занятиям были ремесленными рабочими, мелкими служащими и предпринимателями, людьми интеллигентных профессий. Депутаты придерживались различных политических взглядов: среди них были бланкисты, прудонисты, марксисты, бакунисты. Немалое число составляли депутаты, не разделявшие социалистических убеждений. Многие являлись масонами. Их участие в деятельности Коммуны «было

далеко не малым» [588, т. 17, с. 634]. «Вольные каменщики» сделали несколько попыток мирного урегулирования отношений с Версалем, а после отказа А. Тьера пойти на компромисс сражались на баррикадах. Парижская Коммуна пала 18 марта 1871 г., подавленная правительственными войсками.

Вооруженный разгром Коммуны восстановил полновластие правительства. С этого момента основное содержание политической эволюции Франции на протяжении последней трети XIX в. составляла борьба за упрочение республики и ее демократизацию. Это обуславливалось тем, что республиканский строй, установленный 4 сентября 1870 г., нельзя было считать окончательно утвердившимся. *Национальное собрание*, избранное в феврале 1871 г., политически не было однородным. Левое крыло составляли республиканцы. Их возглавляли Л. Гамбетта, Ж. Симон, Ж. Греви, Ж. Фавр. Центр представляли бывшие монархисты, наподобие А. Тьера и А. Дюфора, готовые примириться с республиканским строем, при условии его максимальной консервативности. Но эти группы были в меньшинстве. В общем составе депутатов им принадлежало 220 мест из 650. Правый фланг Национального собрания объединял монархистов, также разобщенных на фракции: 150 мест занимали легитимисты, 250 – орлеанисты, 30 – бонапартисты. Общей целью этих групп являлась реставрация королевской власти. Но наличие влиятельного республиканского крыла в Национальном собрании и обостренная политическая ситуация в стране в связи с итогами войны и событиями Парижской Коммуны вынуждали монархистов маневрировать, идти на временные компромиссы. Летом 1871 г. отменили закон об изгнании членов царствовавших домов, что позволяло вернуться во Францию претендентам на трон и приступить к осуществлению планов реставрации монархии. С другой стороны, 31 августа 1871 г. Национальное собрание приняло «Закон о наименовании и функциях главы исполнительной власти» [320]. В соответствии с ним учрежденную 17 февраля 1871 г. должность «глава исполнительной власти» наименовали «президент Французской республики». Установили, что президент, назначенное им правительство и министры ответственны перед Национальным собранием.

Естественно, вновь учрежденный пост занял А. Тьер на срок до истечения полномочий Национального собрания. Ему пришлось столкнуться с оппозицией всех без исключения парламентских группировок. Республиканцев не устраивало стремление Тьера установить режим «консервативной республики», монархистов – хотя и консервативной, но республики. Поэтому монархисты, обладая большинством в Национальном собрании, без помех со стороны республиканцев в марте 1873 г. добились отставки Тьера. Это положило начало новому этапу политического кризиса. Заменой главы государства Национальное собрание сделало первый шаг по пути реставрации монархии. 24 мая 1873 г. Национальное собрание избрало президентом маршала Мак-Магона, убежденного сторонника королевской власти. Мак-Магон получил полномочия для реализации своих и тех, кто за ним стоял, политических замыслов. Однако различные фракции монархистов не смогли договориться о кандидатуре на трон,

хотя и не отказались от своих намерений. 20 ноября 1873 г. Национальное собрание приняло закон о персональном септеннате, который на семь лет вверял исполнительную власть маршалу Мак-Магону с титулом президента республики и учредил комиссию для пересмотра конституционных законов [305].

Мак-Магон активно и массово изгонял чиновников-республиканцев и замещал их монархистами, но реставрация не удалась. Оказавшись не в состоянии возродить монархию, ее сторонники взяли курс на создание республиканского по форме режима (глава государства не наследственный король, а избираемый на определенный срок президент; ответственность министров перед парламентом), но при сохранении институтов парламентарной монархии (таких как неподотчетность главы государства и его право роспуска нижней палаты, законодательная инициатива, отлагательное вето). Подобная система открывала возможность в будущем в зависимости от расклада противоборствующих сил либо установить режим конституционной монархии, либо сохранить республику. На этих принципах была принята конституция Третьей республики.

Принятие Конституции. Неудача реставрации побудила Национальное собрание выполнить взятое еще в 1871 г. обязательство выработать новую конституцию. Состав Национального собрания, в котором более 66% мест занимали представители различных фракций монархического лагеря, определил и расстановку сил в конституционной комиссии: в ней 20 монархистам противостояли 10 республиканцев. Это наложило отпечаток на политическую направленность и особенности конституционных законов. Монархическое большинство ввиду провала реставрации не могло декларировать монархию, но и не желало примириться с республиканским государственным строем Франции. Предложения провозгласить республику неизменно отклоняли. В первоначальном проекте упоминания о республике вообще не было.

Конституция была принята в 1875 г. в виде трех отдельных конституционных законов: об организации Сената (24 февраля 1875 г.) [340; 473–474]; об организации государственных властей (25 февраля 1875 г.) [299; 471–472]; об отношениях государственных властей (16 июля 1875 г.) [333; 469–470], а также двух так называемых «органических» законов: об избрании сенаторов (2 августа 1875 г.) [704–706] и об избрании депутатов (30 ноября 1875 г.) [707–709]. Положения и установления конституционных и органических законов, сведенные воедино, представляют собой обобщенную модель французского конституционализма образца 1875 г. [344, с. 104–122; 460, с. 104–122; 688, с. 28–40; 893, с. 535–554]. Конституционные законы 1875 г. юридически оформили государственный строй парламентарной Третьей республики.

Заключительным актом Национального собрания стало принятие 30 декабря 1875 г. закона о созыве нового парламента: «Сенат и Палата депутатов соберутся в среду, 8 марта 1876 г. Власть Национального собрания окончится в этот день» [392, с. 123]. Так завершилась длившаяся с 12 февраля 1871 г. пятилетняя деятельность первого Национального собрания Третьей республики. Проведенные в 1876–1879 гг. выборы в Палату депутатов и Сенат изменили соотношение

сил в них в пользу республиканцев. Вследствие потери поддержки Мак-Магон 30 января 1879 г. подал в отставку до истечения срока президентства. Новым президентом избрали умеренного республиканца Жюлья Греви. Приход к власти президента-республиканца, сложившееся в Палате депутатов и Сенате республиканское большинство означало поражение монархистов и упрочение республики. Политическая власть перешла непосредственно к буржуазным группировкам. Различные фракции республиканцев в том или ином сочетании отныне обеспечивали политическое руководство страной на протяжении всего оставшегося времени существования Третьей республики.

Текст конституции не содержал прямого указания на форму государственного устройства страны. Лишь в «Конституционном законе об организации государственных властей» и «Конституционном законе об отношениях государственных властей» в статьях о порядке избрания и функциях главы государства использовали формулу «президент республики». Само словосочетание «президент республики» появилось в качестве поправки и было принято большинством в один голос. Это был компромисс между монархистами и республиканцами. Автор поправки Анри Валлон, в Национальном собрании входивший в состав *Центра*, обосновывая допустимость ее принятия, привел успокаивающий монархистов аргумент: «Я не предлагаю провозгласить республику, но предлагаю *продолжить* правительство, которое в настоящее время существует и которое есть правительство республиканское» [цит по: 1024, с. 325].

Такая постановка вопроса означала стремление создать юридическое поле для возвращения в будущем к идее восстановления монархической власти. С укреплением политического влияния умеренных республиканцев эту неопределенность устранили. Чтобы обезопасить республику от посягательств монархистов, Национальное собрание 14 августа 1884 г. приняло «Закон о частичном пересмотре конституционных законов». В соответствии с ним «Конституционный закон об организации государственных властей» от 25 февраля 1875 г. дополнили статьей, не допускающей изменение республиканской формы правления и исключающей членов царствовавших во Франции династий из числа возможных претендентов на выборах президента. Соответствующая поправка гласила: «Пункт 3-й параграфа 8-го <...> закона от 25-го февраля 1875 г. дополняется следующим образом: “Республиканская форма правления не может стать предметом предложения об изменении. Члены тех семейств, которые занимали французский престол, не допустимы к избранию на пост президента республики”» [290, с. 123].

Завершающими актами полного устранения с политической арены наследников бывших монархов стали Закон от 9 декабря 1884 г. о запрещении избрания в Сенат членов царствовавших во Франции семей [291; 293; 297] и закон от 16 июня 1885 г. о недопущении их и в Палату депутатов [307–309]. Этими конституционными нормами окончательно закрепили республиканскую форму правления.

Конституция 1875 г. представляла собой компромисс между республиканцами и монархистами орлеанистского лагеря. Первые добились закрепления

в конституции основных республиканских институтов, вторые – выгодных формулировок относительно Сената и полномочий президента, что открывало возможность возвращения к монархическому режиму путем пересмотра конституции. Ни один из этих лагерей не располагал необходимым большинством для реализации исключительно собственной концепции государственного устройства. Отсюда отсутствие многих важнейших положений: конституция не регламентировала деятельность судебной системы, местных органов власти, не зафиксировала такие важнейшие демократические институты как принцип народного суверенитета, перечень и объем прав граждан. Это повлекло необходимость пересмотра и дополнения некоторых ее положений, что и было сделано в будущем. Конституция 1875 г., задуманная как временная, оказалась долговечной. Она действовала до 1940 г. пока существовала сама Третья республика.

Поскольку переход от Второй империи к Третьей республике обошелся без полномасштабной гражданской войны, террора и эмиграции, в правящую элиту Третьей республики влилась значительная часть административно-политического аппарата Второй империи. Политическая элита, проникнутая идеями парламентского конституционализма, оказавшаяся у власти в Третьей республике или, по крайней мере, имевшая возможность воздействовать на нее, обеспечила преемственность сложившихся в прошлом парламентских традиций, создала институциональную базу, позволившую даже борьбу монархистов и республиканцев за власть ввести в мирное парламентское русло. Это придало политическую устойчивость Третьей республике, поколебленную лишь военным поражением 1940 г.

5.2. Монархические партии

После утверждения Третьей республики за сообществом легитимистов, орлеанистов, бонапартистов, католического духовенства, выступавшим против республиканского строя, конституционных законов 1875 г. и антиклерикального законодательства закрепилось название «традиционные правые», или «правые». К ним причисляли также всех противников парламентского устройства и демократии, которые добивались реставрации монархии, либо установления диктатуры или же сильной исполнительной власти, не подотчетной парламенту. Правые монархические движения и после провала плана реставрации монархии оказались не в состоянии создать единую организацию. Они по-прежнему разделялись на легитимистов – сторонников династии Бурбонов, орлеанистов – приверженцев Орлеанского дома и бонапартистов. Но политические цели этих фракций монархического лагеря различались как династическими пристрастиями, так и отношением к политическим процессам, участниками которых они являлись. Легитимисты продолжали линию на отказ от всех завоеваний революции конца XVIII в., прежде всего, отрицали ре-

спубликанский строй, демократические институты, светскость. Их идеалом являлась авторитарная монархия и клерикализм. Эту идеологию исповедовали преимущественно крупные земельные собственники, представители титулованной знати, провинциальное дворянство. Лидером легитимистов в Национальном собрании был герцог де Лярошфуко.

С другой стороны, орлеанисты в большей мере отражали интересы той части дворянства, которая основывала свое благополучие не только на земельной собственности, но и на капиталистическом предпринимательстве – операциях с акциями банков, страховых обществ, железнодорожных компаний, промышленных предприятий. Они признавали революционное наследие, демонстрировали свою приверженность к либерально-парламентским формам правления, стремились к установлению конституционной монархии английского типа, основанную на «общественном договоре» монарха с гражданами. Но в своем отношении к действительности орлеанисты проявляли большую гибкость. Осознав неудачу реставрации монархии, орлеанисты сохранили позиции политического центра, по многим вопросам сотрудничали с республиканцами, в то же время играли на противоречиях правых (легитимисты, бонапартисты) и левых (республиканцы) партий. Причину компромиссности политической тактики орлеанистов в ноябре 1872 г. раскрыл Адольф Тьер в президентском послании Национальному собранию: «Республика существует. Она является законной формой правления в этой стране. Отвергая ее, мы рискуем получить новую революцию, которая будет еще ужасней, чем предыдущая». Одновременно Тьер высказал свое видение оптимальной формы правления в стране: «Республика будет консервативной, или ее не будет вообще» [821, с. 99].

Наконец, бонапартисты добивались замены утвердившегося в стране парламентаризма плебисцитарной диктатурой. Последняя в их политических установках представлялась как гарант национального величия, социальной справедливости, увенчивалась ореолом беспристрастного арбитра в классовых конфликтах. Бонапартистская программа находила отклик у части промышленной буржуазии, стремившейся обрести государственную защиту экономических интересов на внутреннем и международном рынках. В Национальном собрании бонапартисты по инициативе депутата от Корсики Руэ в феврале 1872 г. образовали группу *Призыв к народу* [349, с. 53].

Продолжавшийся раскол и усиление республиканских настроений в массе электората привели к резкому падению влияния монархистов. На всеобщих выборах 1881 г. они получили в Палате депутатов только 90 мест. К тому же была утрачена персонифицированная цель борьбы. Не стало признанного претендента у легитимистов: в 1883 г. умер граф Шамбор, не оставивший прямых наследников. Потеряли своего кандидата на трон орлеанисты: в 1886 г. вынужденно эмигрировал в Англию граф Парижский, с упадком буланжизма он вплоть до смерти в 1894 г. не занимался активной политической деятельностью. Лишились надежд бонапартисты: еще в 1873 г. в изгнании скончался бывший император Наполеон III, а его сын Наполеон Эжен Луи, служивший офицером ан-

глийских колониальных войск, в 1879 г. погиб в войне с зулусами [652, с. 540, 542]. Вследствие изменения политической ситуации большая часть легитимистов признала претензии графа Парижского и слилась с орлеанистами. Вновь образованная группа вскоре вступила в блок с бонапартистским «Призывом к народу», что привело к образованию так называемого *Союза правых*.

После буланжистского кризиса умеренные республиканцы сочли угрозу монархической реставрации исчерпанной и посчитали необходимым придать своей политической линии черты большей компромиссности. Это, в первую очередь, нашло выражение в отказе от борьбы с клерикализмом. 9 декабря 1891 г. премьер-министр Ш. Фрейсине, выступая в Сенате, заявил: «Находящийся ныне у власти кабинет не считает, что получил от парламента или от страны мандат провести или подготовить отделение церкви от государства» [349, с. 201–202].

Ватикан принял сигналы, тем более, что еще раньше в ряде энциклик (1885, 1888, 1890 гг.) Папа Лев XIII заявлял о признании любых форм государства и всех политических систем, если они соответствуют принципам разумности и справедливости, действуют в рамках законности, обеспечивают уважение религии, свободную деятельность и неприкосновенность прав церкви. Предложенная Папой новая модель взаимоотношений с обществом и светской властью означала отказ от ориентации только на монархию в ее неонабсолютистской форме, признание буржуазного государства и парламентской демократии, позитивных сторон либерализма с его постулатами свобод и прав человека. Папство пошло на сближение с буржуазным государством и обществом. Папа Лев XIII 16 февраля 1892 г. обратился к французским католикам с энцикликлой, в которой призвал признать республику и прекратить борьбу с ней [349, с. 202]. Для монархического движения новая политика Ватикана имела то последствие, что начал теряться главный политический ориентир – перспектива реставрации королевской власти. Подчиняясь энцикликле, часть католиков, отделилась от «Союза правых» и основала 3 марта 1892 г. *Партию присоединившихся* (подразумевалось – к республике). «Присоединившиеся» (в Палате депутатов созыва 1893 г. их было около трети из 90 монархистов) активно сотрудничали с умеренными республиканцами, что открывало перспективу «врастания» монархических группировок в парламентарно-республиканскую систему, преодоления перманентного конфликта с республиканцами. В ходе дальнейшей эволюции присоединившиеся к республике монархисты-католики приняли названия *Независимых республиканцев* и *Народно-либерального действия*.

5.3. Аксьон франсэз

Раскол монархического движения в связи с образованием фракции «присоединившихся» и политический кризис 1894–1899 гг., вызванный делом Дрейфуса, привели к складыванию консервативно-экстремистского направления, известного как «неороялизм». Его выход на политическую арену связан с развер-

нувшейся в стране борьбой сторонников и противников республиканского строя, внешне позиционировавших себя как сторонников пересмотра дела Дрейфуса – дрейфусаров и их политических оппонентов – антидрейфусаров. 19 декабря 1898 г. публицист Морис Пюжо опубликовал статью под названием «Аксьон франсэз» (Французское действие), направленную против республиканского строя. 20 июня 1899 г. Пюжо, преподаватель философии Анри Вожуа и ряд других деятелей объявили о создании «Комите Аксьон франсэз», принявшего программное заявление, по воспоминаниям Вожуа, «антисемитского, антимасонского, антипротестантского и, наконец, антидемократического национализма». Активное участие в этой организации принял журналист Шарль Моррас. Он открыто демонстрировал свою приверженность монархии («чтобы Франция жила, надо, чтобы вернулся король»), реакции («партия Дрейфуса заслуживает того, чтобы ее всю расстреляли как инсургентов»), национализму («нация занимает вершину в иерархии политических идей <...> среди прочих реальностей нация стоит на первом месте») и антисемитизму («три еврея: Маркс, Энгельс, Лассаль, проповедуя классовую борьбу, посеяли беспорядок, из которого еврейский народ рассчитывает извлечь всю выгоду»). Когда в январе 1905 г. первоначально организационно рыхлое течение трансформировалось в *Лигу Аксьон франсэз*, каждый вступающий в *Лигу* должен был подписать декларацию, гласившую: «Я обязуюсь бороться против всякого республиканского режима. Республика во Франции – это правление иностранцев <...> Наше единственное будущее – это монархия <...> Только монархия обеспечит общественное спасение и, утвердив порядок, предотвратит общественные бедствия <...> Будучи необходимым инструментом общих интересов, монархия восстановит власть, свободу, процветание и честь. Я присоединяюсь к делу реставрации монархии. Я обязуюсь служить ему всеми средствами» [цит. по: 659, с. 124, 125, 126, 127, 131].

Аксьон франсэз представляло собой партию крупной земельной аристократии и сопутствующим ей слоям офицерства и католического духовенства. 15–20% сторонников *Аксьон франсэз* были дворянами, почти столько же – священниками. Среди остальных преобладали офицеры, адвокаты, мелкие буржуа – служащие банков, мелкие торговцы, страховые агенты, коммивояжеры. В составе *Аксьон франсэз* действовала организация женской роялистской молодежи, насчитывавшая около 5 тыс. членов, объединенных почти в сотню групп. Студенты из католических семей входили в молодежную организацию «Студенты Аксьон франсэз». По свидетельству одного из бывших ее членов Тиксье-Виньянкура, «из 6 тыс. студентов юридического факультета 2 тыс. являлись сторонниками «Аксьон франсэз» <...> Идентичная ситуация была и на других факультетах» [446, с. 101]. В 1910 г. была учреждена детская организация *Лицесты Аксьон франсэз*. Общая численность сторонников *Аксьон франсэз* после 1910 г. доходила до 30–40 тыс., а по некоторым источникам и до 60 тыс. человек.

Вступившие в Лигу платили членские взносы. Претендент на трон Филипп герцог Орлеанский, сын умершего в 1894 г. графа Парижского, ежемесячно

выплачивал 1 тыс. франков. Регулярно поступали пожертвования монархически настроенных дворян. Отдельные взносы доходили до 10 тыс. франков. С 1907 г. проводились ежегодные съезды: на съезде, прошедшем в декабре 1911 г., были представлены 182 местные группы. *Лига* издавала ежедневную газету, выходящую под названием *Бюллетень Аксьон франсэз* с марта 1908 до лета 1944 г. Редакционная статья первого номера газеты определила ее направление: «Долой республику, да здравствует Франция, да здравствует король!». *Лига* имела журналы, собственное книгоиздательство. Для противостояния республиканским и демократическим идеям был основан исследовательский институт, «небольшая, но собственная Сорбонна». Лига *Аксьон франсэз* превратилась в четко структурированную партию. В 1914 г. это признал Ромен Роллан: «Я не одобряю выводов Морраса и Аксьон франсэз. Но их партия логична и хорошо организована» [659, с. 133].

Лидер партии Моррас разработал концепцию «интегрального национализма», ставшую идеологической доктриной лиги. Он писал: «Вместе с членами католической партии роялисты являются католиками (по убеждению, чувству или традиции), а также отстаивают приоритет католицизма. Вместе с членами антисемитской партии они являются антисемитами. Вместе со сторонниками Поля Деруледа они выступают в поддержку ответственной и сильной власти. Вместе со сторонниками умеренной политики и децентрализации они стремятся восстановить автономию образования, а также коммунальные и провинциальные вольности <...> Доктрина роялистов не только включает важнейшие постулаты национализма – она сама является *интегральным национализмом*» [821, с. 117–118].

Аксьон франсэз выступала за возрождение величия и могущества Франции. Согласно ее концепции, эта цель может быть достигнута с реставрацией монархии как естественной выразительницы национального интереса, возвращением прав и привилегий церкви, восстановлением сословно-патриархальных отношений в обществе. Монархия, утверждали неороялисты, может положить конец классовой борьбе и смягчить социальные антагонизмы, для этого следовало «подчинить частные интересы рабочих общему, национальному». Монархия должна быть антипарламентарной, с сильной исполнительной властью. По словам директора политической канцелярии герцога Орлеанского Андре Бюффе: «Представительным собраниям – контроль, главе правительства – действительная власть» [912, с. 191]. Намеревались провести децентрализацию страны, что подразумевало замену департаментов старыми провинциями с местными парламентами, контролируемые крупными землевладельцами и бессильными перед центральной властью. В интересах аграриев предлагали отменить существовавшее во Франции право равного раздела наследства между членами семьи и восстановить систему майората с переходом земли от отца к старшему сыну.

Неороялисты не скрывали абсолютное неприятие демократии. По словам Морраса, «Слово демократия должно быть вычеркнуто, изгнано и забыто, как

настоящий синоним вырождения, выражение дезорганизации и распыления, лингвистический обломок самой пагубной стороны республиканского режима» [цит. по: 912, с. 191]. В русле подобных представлений *Аксьон франсэз* боролась против всеобщего избирательного права, избрания главы государства и народного плебисцита. Монархия, по замыслам неороялистов, освободит граждан от возлагаемых на них демократией и конституционным строем государственных забот и позволит спокойно заниматься своими собственными делами. Из того, что буржуазный строй провозглашает политическое равенство граждан, оставляя их экономическое неравенство, делался вывод о необходимости восстановления баланса: юридического, политического и экономического равенства быть не должно. На дискриминацию осуждались евреи как виновники всех бед, остракизму должны быть подвергнуты масоны и протестанты.

Какой бы стала Франция в случае торжества идей Морраса?

Один из лидеров *Французской объединенной социалистической партии* Марсель Самба, полемизируя с Моррасом, спрашивает его: «Я слушаю вас, Моррас! Говорите, – куда придем мы за вами? Пусть ваши ожидания сбылись, переворот совершился, трон восстановлен. Что далее?»

В интерпретации Самба, ответ Морраса мог быть таким: – «Далее? Счастливая Франция! Теперь начнется твое возрождение. Не весь вопрос решен возрождением трона, но всем возможностям открыта дверь. Под руководством монарха без шума начинается сосредоточение всех национальных энергий, армии и флот восстановлены, втянуты в дело, имеют хороших командиров. Мы имеем, наконец, дипломатию, последовательно осуществляемые планы, имеем секретные интриги и тесный союз с Россией, Австрией, Испанией и Англией. Мы женим принцев и выдаем замуж принцесс. Наконец, мы имеем победы, венчающие дело короля. Мы берем назад Эльзас, Лотарингию и Рейн! Германия, разделенная нашими усилиями, становится театром борьбы между австрийским и прусским домом. Французский же дом – арбитр Европы!».

Самба – и вместе с ним, как показало политическое развитие страны, – большинство народа отвергли путь, предложенный Моррасом: «вы строите ваше будущее сообразно с прошлым <...> Но прошлое прошло. То, к чему оно стремилось – достигнуто. Идем же дальше!» [цит. по: 70, с. 305, 307].

Неороялисты, как свидетельствует один из инструктивных документов, рассчитывали установить монархию, «не справляясь предварительно о мнении публики <...> обращаться к массе безнадежно <...> ее всегда нужно в большей или меньшей степени обманывать, скрывать от нее истину и даже, в интересах благородного дела, обращаться к некоторым из ее наименее благородных чувств» [цит. по: 912, с. 200].

Поскольку все попытки монархической реставрации легальными средствами через парламент не приносили успеха, *Аксьон франсэз* выдвинуло лозунг борьбы «всеми средствами» и осенью 1908 г. вокруг газеты *Аксьон франсэз* сформировало молодежные боевые отряды под названием «Королевские молодчики». Их первоначальный состав сложился из молодых людей – распространителей

воскресных выпусков газеты. В октябре того же года была создана *Национальная федерация королевских молодчиков* из числа студентов, гимназистов, приказчиков. Ее члены стали ударной силой антиреспубликанских и антисемитских выступлений. Деятельность «молодчиков» свелась к проведению манифестаций, скандалам в судах, университетах и театрах, разрушению памятников, избиению профессоров и журналистов. Свидетель событий русский публицист А. С. Белевский, в 1908 г. эмигрировавший во Францию и публиковавшийся в российских изданиях под псевдонимом «Белорусов», писал в журнале *«Русское богатство»*: «Мне случалось видеть его (Морраса – И. Ч.) и его молодцов в «работе» в день официального чествования республикой памяти Жан-Жака Руссо, весной прошлого (1912 – И. Ч.) года <...> В Сорбонне состоялось чествование Руссо от имени университета. В аудитории – приглашенные; в дверях – строгий контроль билетов. На трибуне – профессора и члены Института. Их академические и ученые речи, вероятно, были очень содержательны, но, к сожалению, мы их не слышали, так как звуки таяли в большом зале, не долетая до нас. Общее впечатление скуки казенного торжества. Вдруг встает молодой человек, прекрасно одетый, и звонким молодым голосом, полным задора, я бы сказал страсти, начинает выкрикивать ругательства против «отца революции», бьет, тащат за волосы со скамьи, волочат у двери, и все время над ним поднимаются кулаки и падают на голову, лицо, в грудь, в спину. Минуты через две опять ругательное «выступление». На этот раз, кажется, рабочий: картуз, костюм не свежий, широкие плечи. Вновь кулаки, свалка упорнее, чем раньше, клубок людей скатывается с грохотом по ступеням амфитеатра, в конце концов «выставили» и этого. И так в течение трех часов, – ровно через три минуты то тут, то там встает молодой человек, зная, что его неизбежно беспощадно избьют, и звонко отругивает «развратителя Франции», – а затем кубарем летит вон, расплачиваясь боками. Это была антиреспубликанская демонстрация выучеников Морраса» [70, с. 292–293].

Случались нападения на высших должностных лиц, включая президента Фальера. Сторонник *Аксьон франсэз* встретив президента на прогулке попытался вырвать ему бороду. Во время торжественного переноса праха Э. Золя в Пантеон члены *Лиги* попытались помешать церемонии, даже ранили Альфреда Дрейфуса. Подобных инцидентов было множество. Эти демонстративные выступления не были попытками свергнуть республику, к этому *Аксьон франсэз* не было готово, но прозондировать отношение общественных слоев страны к идее реставрации монархии могли. Эта проверка показала, что *Аксьон франсэз* не стала партией, способной организовать широкое антиреспубликанское движение.

С 1911 г. акценты в деятельности *Аксьон франсэз* переместились с установки на реставрацию монархии на пропаганду идей национализма. 24 мая 1914 г. 30 тыс. сторонников *Лиги* приняли участие в манифестации, посвященной Жанне д'Арк. *Лига* полностью поддержала мероприятия правительства по подготовке к войне, в частности, введение трехлетней военной службы.

В практической деятельности *Аксьон франсэз* не достигла своей главной цели – реставрации монархии. Но исповедуемые идеи национализма и шовинизма позволили этой организации действовать вплоть до окончания Второй мировой войны, в годы которой *Аксьон франсэз* поддерживало режим Виши¹.

5.4. Националистические организации

К лагерю «правых» относились и группировки, хотя и поддерживавшие Третью республику, но выступавшие за ее преобразование из парламентарной в плебисцитарную, с избранием президента всеми избирателями и наделением его авторитарной властью. Политический кризис, вызванный делом Дрейфуса, привел к поляризации политических сил. С одной стороны, дрейфусары в начале 1898 г. организовали *Лигу прав человека*, включавшую шедших за Ж. Жоресом социалистов, радикалов, масонов, противников военщины и религиозного засилья – всех тех, кого отличали приверженность идеалам республиканизма, демократии, антиклерикализма, неприятием национализма и милитаризма. Их целью было не только добиться реабилитации Дрейфуса, но прежде всего защитить демократические институты, оказавшиеся под угрозой разгрома. С другой стороны, антидрейфусары восприняли осуждение Э. Золя за публикацию памфлета «Я обвиняю!» как призыв к наступлению против демократических ценностей. Противники республики попытались совершить государственный переворот. На улицах начались бесчинства, погромы, нападения на редакции прогрессивных газет. Их инициаторами выступили *Лига патриотов*, *Антисемитская лига*, *Лига французской родины* – экстремистски настроенные организации, стоявшие на позициях национализма, преклонения перед армией, сторонники хотя и республиканской, но авторитарной формы правления.

Среди них одной из наиболее активных была *Лига патриотов*, действовавшая в 1882–1889 гг. В середине 80-х годов XIX в. она насчитывала свыше 180 тыс. членов [821, с. 108]. *Лига* пропагандировала идеи реванша и возвращения Эльзаса-Лотарингии; отличалась крайним национализмом и антисемитизмом. Организатор и вдохновитель *Лиги патриотов* Поль Дерулед участвовал в войне 1870–1871 гг., приобрел популярность призывами к возмездию немцам. Был участником подавления Парижской Коммуны. В политике действовал вместе с бонапартистами и легитимистами, являлся одним из главных пропагандистов буланжизма, активным антидрейфусаром. 23 февраля 1899 г., в день похорон президента Франции Ф. Форя, пытался произвести государственный переворот, окончившийся неудачей. Деруледа, отданного под суд, присяжные оправдали, однако Сенат в качестве Верховного суда в 1900 г. приговорил его по обвинению в подготовке государственной измены к 10-летнему изгнанию из Франции. Из Испании, где он обосновался, вел ожесточенную литературную

---

¹ Морраса в 1945 г. осудили на пожизненное тюремное заключение и лишение гражданских прав «за сношение с врагом». Умер в ноябре 1952 г.

кампанию против республики и социалистов; даже имел дуэль с Жоресом, ради которой приезжал во Францию. Эта организация усматривала в парламентской системе причину ослабления государства и требовала пересмотра конституции в направлении усиления исполнительной власти.

5.5. Либеральные партии

Провал планов реставрации монархии, переход в Палате депутатов и Сенате большинства мест в руки республиканцев вынудили Мак-Магона 30 января 1879 г. досрочно уйти в отставку. Новым президентом избрали умеренного республиканца Жюль Гриви. Эти события означали поражение монархистов и упрочение республики. Франция перестала быть «республикой без республиканцев», «республикой герцогов», наоборот, предстала как «республика республиканцев». Политическая власть перешла непосредственно к буржуазным группировкам. Их еще нельзя было назвать партиями в современном понимании, но они уже имели признанных лидеров. Вплоть до Первой мировой войны эти группировки в организационном отношении представляли собой аморфные и неустойчивые объединения депутатов, коммерсантов и промышленников, адвокатов, журналистов. Формального членства не предусматривалось. Роль объединяющего стержня республиканских партий играли масонские ложи и учительство, тогда как консервативно-клерикальные объединения цементировало католическое духовенство. Само существование партии обозначалось наличием постоянно действовавшего центра, преимущественно выполнявшего функции избирательного комитета. Низовые подразделения активизировались лишь во время избирательных кампаний. В их проведении решающую роль играли местные «*нотабли*» – авторитетные в избирательном округе персоны. Они организовывали финансирование выборов «из частных источников», поддерживали своим влиянием кандидатов. Именно на нотаблей опиралось партийное руководство [1022, с. 17–18]. С окончанием избирательной кампании деятельность партий ограничивалась политическим полем Палаты депутатов и Сената. Но и при этом партийные фракции были слабо организованы, поскольку первоначально депутатам официально было запрещено собираться на заседания фракций, пользоваться зданием и техническими службами парламента для их проведения и публикации принятых решений.

После объединения социалистических партий в 1905 г. буржуазные партии вынужденно осознали необходимость организационного укрепления партийных структур, парламентских фракций, внепарламентских форм деятельности. В 1910 г. по настоянию не только социалистов, но и наиболее организованной в то время партии радикалов и радикал-социалистов парламент принял новый Регламент, который признал партийные фракции и предусмотрел образование специальных комиссий парламента не по жребию, а исходя из пропорционального представительства партий. Каждый депутат получил право записываться одновременно только в одну группу. Поскольку участие в комиссиях являлось предпо-

сылкой карьерного роста, количество «независимых» депутатов уменьшилось, а устойчивость фракционных групп в определенной степени повысилась [742, с. 243–244].

В Третьей республике главным классифицирующим отличием политических партий и группировок являлась их идентификация как «левых» и «правых», терминологически восходящая к революции конца XVIII в., когда в Учредительном собрании слева от председателя разместились радикально-революционные, республиканские по политической ориентации депутаты, а справа – роялисты: аристократы и представители крупной буржуазии, страшившиеся углубления революции и занявшие позицию защиты короля. С того времени понятия «левые» и «правые» прочно вошли в политический лексикон. В годы Реставрации, когда само слово «республика» было запрещено, а республиканцы сидели по тюрьмам, «левых», чтобы не возникало ассоциаций с республиканцами-революционерами, стали называть «либералами». Противясь попыткам ультрароялистов вернуть *Старый порядок*, либералы выглядели носителями левых идей. Либерализм стал идейно-политической основой практической деятельности буржуазно-республиканских партий эпохи Третьей республики.

В 70–90-х годах XIX в. различие между левыми и правыми партиями состояло в диаметрально полярных подходах к актуальным для того времени проблемам: государственности страны с позиций сохранения республики или реставрации монархии; защиты или отрицания авторитета республиканских институтов власти; подавления монархических настроений в армии и ее демократизации; признания и законодательного закрепления гражданских прав и свобод; взаимоотношений государства, школы и церкви, ликвидации духовного диктата церкви.

Основным полем борьбы левых и правых партий являлись парламентские и муниципальные выборы. Если первый тур не приносил результата, левые партии обычно прибегали к «правилу республиканской дисциплины»: избирателей призывали отдать голоса кандидату, имевшему наибольшие шансы выиграть и тем самым воспрепятствовать успеху монархиста. Исследователь истории французского парламентаризма А. Сулье отмечал: «Каждые четыре года избиратели, отдав предпочтение в первом туре одной из многих политических партий, объединяются в конечном счете всего под двумя знаменами. В этот момент неизбежно складывается нечто вроде временной двухпартийной системы, ибо избиратель приносит в жертву свои личные склонности, чтобы помешать победе противоположной тенденции. Однако как только выборы остаются позади, каждая партия вновь обретает свою независимость и происходит острый конфликт парламентских коалиций» [цит. по: 846, с. 434].

Избранный депутат считал себя вправе включиться в состав любой парламентской группы сообразно собственным расчетам. При этом депутат был мало связан со своей группировкой, поскольку его переизбрание зависело не столько от партии, сколько от поддержки нотаблей. Это приводило к тому, что депутат

был заинтересован не в выполнении предвыборных программ, своей и партии, а в лоббировании в государственных органах интересов нотаблей.

Начиная с выборов 1876 г. буржуазно-республиканские группировки обеспечили прочное большинство в Палате депутатов и овладели монополией на руководство страной. Поначалу многочисленные и разобщенные, со временем, под влиянием политических обстоятельств, они трансформировались в партии парламентского типа. Начало им положили три объединения умеренных республиканцев – *«Левый центр»*, *«Республиканская левая»* и *«Республиканский союз»*.

В *«Левый центр»* входили бывшие орлеанисты, по необходимости переориентировавшиеся в республиканцев. Их социальную основу составляли финансовая олигархия, верхушка крупной буржуазии. Возглавляли это образование А. Тьер, А. Дюфор. *«Республиканская левая»* отражала взгляды «деловой буржуазии», нуворишей, свободных от монархистско-клерикальных традиций. Отличалась от *«Левого центра»* антиклерикальной направленностью, исповедовала умеренно-республиканские взгляды. Один из ее лидеров Ж. Ферри, став главой правительства, заявил: *«Невозможно каждое утро делать революции, нельзя каждый день изобретать новости»* [407, т. 2, с. 482].

Наиболее влиятельной политической организацией, опиравшейся на широкие слои средней и мелкой буржуазии, был *«Республиканский союз»*. Его главой был Л. Гамбетта. Политические требования *«Республиканского союза»* определялись так называемой *«Бельвильской программой»*, принятой в 1869 г. избирателями первого округа департамента Сены и направленной Гамбетта, популярному в то время адвокату и кандидату в депутаты. Бельвильская программа провозгласила требования радикальной демократии. Она намечала реформы, посредством которых предполагалось сменить бонапартистский режим республиканским. Ее основные требования сводились к обеспечению последовательного применения принципа всеобщего голосования во время общенациональных и муниципальных выборов, гарантированной законом свободы личности, свободы печати, собраний и ассоциаций (союзов), отделения церкви от государства, обязательного бесплатного и светского начального образования, к уничтожению постоянных армий, к преобразованию налоговой системы, предусматривавшему введение единого налога вместо многих. Конкретные предложения в социальной сфере в программе отсутствовали. В ней говорилось лишь о том, что проведение экономических реформ зависит от политической трансформации общества, по мере развития которой они будут намечаться и разрабатываться, основываясь на принципах социальной справедливости и равенства.

Но чем ближе *Республиканский союз* подходил к власти, тем более умерял свои требования. Сам Гамбетта стал призывать к благоразумию, осторожности, умению распознавать, от чего следует воздержаться. Новые веяния пронизательно уловил знаменитый журналист Анри Рошфор. 11 февраля 1876 г. он опубликовал статью, в которой констатировал появление во Франции «партии

оппортунистов», которая оставляет за собой право проводить реформы «своевременно», в «удобный момент». Рошфор раскрыл, что это означает: «Своевременно – это термин парламентского жаргона, означающий никогда» [цит. по: 785, с. 55]. Во Франции под оппортунизмом стали подразумевать политику, основанную на компромиссах, кулуарных парламентских интригах, а термин «оппортунисты» стал синонимом умеренных республиканцев.

Умеренная республиканская партия и ее реформаторский курс. К началу 80-х годов XIX в. на основе политических течений *Левого центра, Республиканской левой и Республиканского союза* сложилась *Умеренная республиканская партия*, лидерами которой стали Л. Гамбетта и Ж. Ферри. Цементирующим компонентом умеренных республиканцев были масонские ложи. В «Ложу Великого Востока» входили Л. Гамбетта, С. Лакруа, А. Бриссон, К. Пеллетан. Умеренные республиканцы, или, по установившейся тогда терминологии, оппортунисты, стремились обеспечить эволюционное развитие общества, устранение политического радикализма и авторитаризма, гражданскую консолидацию и примирение враждующих группировок на основе компромиссов, устранение влияния церкви на государство и школу. В предвыборной речи в августе 1881 г. Гамбетта представил свое видение оппортунизма: «Это – рассудительная политика, никогда не пропускающая удобного момента и благоприятных обстоятельств, но ничем не жертвующая». Гамбетта призывал «устранить дух насилия», «урегулировать различные вопросы по сериям <...>, дать им порядковые номера, а также по степени их настоятельности» [цит. по: 785, с. 121].

Эволюционного курса умеренные республиканцы и придерживались на протяжении 80–90-х годов XIX в. В блоке с другими фракциями республиканцев были проведены буржуазно-демократические преобразования.

Важнейшее значение имела деятельность умеренных республиканцев по укреплению республиканского строя. Конституционные и органические законы 1875 г. не содержали нормы, гарантировавшие важнейшие личные политические и гражданские права граждан. Необходимость заполнить этот пробел, закрепить политические перемены и продвинуться по пути либеральных преобразований побудила умеренных республиканцев провести на протяжении 1879–1885 гг. ряд буржуазно-демократических реформ. Одни из них символизировали укрепление республиканского строя. День взятия Бастилии (14 июля) провозгласили национальным праздником. Признали «Марсельезу» гимном республики. Приняли закон о местопребывании правительства и Национального собрания в Париже [314–316]. 11 июля 1880 г. объявили полную амнистию коммунарам [295]. Отменили богослужение в начале работы палат, что толковалось как утверждение республиканизма. Чтобы очистить Генеральный штаб от сторонников королевских и императорской династий, в 1880 г. приняли закон о замещении должностей в этом важнейшем военном органе по конкурсу с предпочтением для офицеров, окончивших Высшую военную школу.

Умеренные республиканцы значительно расширили границы гражданских прав и свобод. Важнейшим достижением стали законодательные гарантии функ-

ционирования средств массовой информации. Благодаря политической воле умеренных республиканцев был принят принципиально важный закон 1881 г. о свободе печати [331]. В его основе лежал фундаментальный принцип, согласно которому на администрацию возлагалась лишь функция регистрации, но не разрешения издания. Желавшему основать газету или журнал следовало сообщить их название, адрес издательства и типографии – на случай возможного судебного преследования. Ответственность печатного органа наступала в строго определенных случаях: если в публикациях усматривались призыв к совершению убийства, грабежа, поджогов, преступлений против безопасности государства; оскорбление президента республики; сообщение ложных известий, сфабрикованных, фальсифицированных или приписываемых третьим лицам; оскорбление «добрых нравов», продажа и распространение непристойных рисунков, гравюр, картин, изображений. Со времени принятия этого закона во Франции остаются незыблемыми основополагающие права прессы. Французский закон о печати послужил образцом для аналогичного законодательства ряда европейских стран. В июне 1881 г. Национальное собрание приняло Закон о свободе собраний [332]. Для их организации отныне не требовались разрешения властей. Следовало лишь предварительно подать заявление префекту полиции или мэру с указанием инициаторов, места и времени проведения. На собрании мог присутствовать государственный или судебский чиновник, но распустить его он мог только по просьбе президиума или в случае беспорядков. Заявленной целью собрания могли быть лекция, публичная дискуссия или предвыборный митинг. В отношении митингов было введено ограничение: на них могли присутствовать только избиратели соответствующего округа, депутаты обеих палат, кандидаты и их доверенные лица. Единственным оставшимся серьезным изъятием из принципа свободы собраний был сохраненный запрет на деятельность клубов.

Границы гражданских прав значительно расширились с принятием закона 1884 г. о легализации профсоюзов [302]. Укрепил демократические начала в управлении государством и институты гражданского общества закон 1901 г. об ассоциациях [296]. Он разделил все ассоциации, другими словами, общественные объединения, на 3 категории. Ассоциации первого рода – те, кто не заявил о своей деятельности. Они могли продолжать функционировать совершенно свободно, но не пользовались никакими юридическими правами. Ассоциации второго вида должны были зарегистрировать в префектуре название, местонахождение, род деятельности, перечень администрации, устав. Эти ассоциации получали определенные юридические права: выступать в суде, распоряжаться поступившими членскими взносами, владеть помещениями для администрации и собраний, владеть недвижимостью, необходимой для выполнения поставленных целей. Ассоциации третьего типа – те, что были признаны государством «общественно-полезными». Главный смысл закона состоял в установлении уведомительного порядка регистрации и свободы действий общественных объединений, в том числе политических партий, если они не по-

сягали на целостность национальной территории и республиканскую форму правления.

Органическая связь монархистов с католической церковью поставила умеренных республиканцев перед необходимостью проведения антиклерикальной политики. С одной стороны, церковь рассматривалась как источник и носитель реакционных постулатов, прежде всего, общественно-политического и культурного характера. Это – неприятие республиканского государства и отказ от участия в его делах, включая выборы; убеждение в приемлемости для христиан только монархической формы правления; отрицание светской культуры, образования и науки. Демократически настроенные слои общества не могли признать и принять опубликованный в декабре 1864 г. Папой Пием IX «Перечень важнейших заблуждений нашего времени». Содержавшиеся в нем постулаты осуждали многие явления духовной жизни и общественные институты, ставшие реалиями своего времени. С другой стороны, в церкви не без оснований видели стойкого союзника и опору монархии, а следовательно, врага республики.

Острые антиклерикальные политики было направлено против конгрегаций, занимавшихся проповеднической деятельностью, а также занимавшихся обучением детей. Правительство 29 марта 1880 г. издало два декрета о «недозволенных конгрегациях» [233]. Первый из них предписал Обществу Иисуса (иезуитам) распустить свои организации и очистить занимаемые ими помещения. Второй установил, что всякая недозволенная конгрегация должна получить одобрение своих уставов и разрешение на право пользования помещениями.

Иезуиты отказались выполнить предписание декретов, поэтому их организации разогнали, а самих монахов насильно выдворили из помещений. Иным было отношение к конгрегациям, специализировавшимся в области здравоохранения и призрения. Они получили шанс зарегистрироваться и продолжить необходимое для общества дело по обеспечению работы больниц и приютов.

Но, с другой стороны, после буланжистского кризиса умеренные республиканцы сочли угрозу монархической реставрации исчерпанной и посчитали необходимым придать своей политической линии черты еще большей компромиссности. Это, в первую очередь, нашло выражение в отказе от борьбы с клерикализмом. Умеренных республиканцев привлекла новая политика Ватикана по отношению к государственной власти.

Политический кризис 1890-х годов, связанный с делом Дрейфуса, ускорил складывание политических партий, не только контролировавших парламентские фракции, но и охватывавших сеть местных комитетов и сохранявших тесную связь с избирателями между выборами. Этому способствовал принятый в июле 1901 г. правительством Вальдека-Руссо закон об ассоциациях [296]. Он устанавливал уведомительный порядок регистрации и свободу действий общественных объединений, в том числе политических партий, если только они не посягали на целостность национальной территории и республиканскую форму правления.

Произошло размежевание *Умеренной республиканской партии*, приведшее к складыванию собственно политических партий. Участники лагеря дрейфусаров в конце 1901 г. образовали *Демократический альянс (Республиканско-демократический альянс)*, наиболее видными членами которого были Луи Барту, Раймон Пуанкаре, Жозеф Кайо, Александр Рибо. На выборах 1902 г. эта партия получила 1238 тыс. голосов избирателей и 69 мест в Палате депутатов, на выборах 1910 г. – 1472 тыс. голосов и 103 места, на выборах 1914 г. – 1588 тыс. голосов и 96 мест [409].

Те из умеренных республиканцев, кто в период кризиса поддержали анти-дрейфусаров, в 1903 г. создали *Республиканскую федерацию*. Ее лидерами стали Жюль Мелин, Шарль Дюпуи, Шарль Менуа. Национализм, выступления против антиклерикальной политики лишили эту партию поддержки значительной части электората, но в Палате депутатов она все еще сохраняла достаточно прочные позиции: выборы 1906 г. дали ей 704 тыс. голосов и 52 депутатских мандата, выборы 1910 г. – 1019 тыс. голосов и 71 мандат, выборы 1914 г. – 819 тыс. голосов и 57 мандатов [409].

Обе эти партии оставались парламентскими, но на низовом уровне состояли из автономных местных образований, как правило, мало считавшихся с высшим партийным руководством.

Партия радикалов и радикал-социалистов. Оппортунизм умеренных республиканцев вызвал появление нового течения. Те, кто выражал несогласие с ограниченностью политической линии умеренных республиканцев и продолжал отстаивать требования *Бельвильской программы*, сформировали радикальную *Крайне левую партию*, предшественницу будущей партии радикалов и радикал-социалистов¹. Признанным лидером радикалов был Жорж Клемансо.

Впервые самостоятельную фракцию радикалы образовали в Палате депутатов созыва 1881 г., а на всеобщих выборах 1885 г. и вообще выступили с отдельным списком, завоевав 180 мест против 200 у умеренных республиканцев. Успехи социалистов на парламентских выборах 1893 г. побудили радикалов противопоставить им в Палате депутатов группу, отражавшую тот спектр народных требований, на который претендовали социалисты. По инициативе К. Пеллетана в 1893 г. в Палате депутатов была сформирована *Группа радикал-социалистов*. В нее вошли 74 из 104 депутатов-радикалов. Радикалы и радикал-социалисты расходились в области экономической и социальной политики. Радикал-социалисты полагали, что основными направлениями деятельности должны стать вмешательство государства в социально-экономическую сферу, социальное законодательство. В этом они сближались с социалистами, но в отличие от них решительно высказывались в защиту частной собствен-

---

¹ Понятие «радикал» впервые появилось во Франции в 1820 г. Оно было заимствовано из Англии, где радикалами называли сторонников наиболее крайней оппозиции. Когда же в 1835 г. во Франции употребление слова «республиканец» было запрещено, все республиканцы, сторонники преобразования государственных институтов в республиканском, демократическом и светском духе, стали называть себя радикалами.

ности, провозглашали ее гарантом свободы индивида. «Нас отделяет <...> от социалистов-коллективистов наша горячая привязанность к принципу индивидуальной собственности, уничтожение которой мы не хотим ни начинать, ни даже подготавливать». При этом радикалы не были против национализации некоторых монополий «по мере того, как этого потребуют интересы национальной обороны и производства», а также предоставления собственности на средства производства трудящимся, «каждому индивидуально» [цит. по: 220, с. 51, 54].

Радикал-социалисты выступили за создание эффективного союза с социалистами для проведения реформ. Начиная с 70-х годов и до конца XIX в. для радикалов главными задачами оставалось решение трех проблем.

Первая проблема охватывала сферу политического устройства республики. В основе доктрины радикалов изначально лежали требования преобразования государственных институтов в республиканском, демократическом и светском духе. Они требовали прямого всеобщего избирательного права, равенства всех перед законом, постепенного преобразования общества путем реформ. В этих целях радикалы добивались ревизии конституции 1875 г., которую расценивали как временный компромисс, необходимый в целях упрочения республики, но в новых условиях исчерпавший себя. Поэтому радикалы выступали за пересмотр конституционных законов, прежде всего, упразднения поста президента и Сената. Это требование вытекало из убеждения, что избрание этих институтов власти недемократическим, косвенным, а не прямым всеобщим голосованием ограничивает суверенитет народа.

Вторая проблема, которую предстояло решить – это антиклерикализм. Радикалы поддерживали упомянутые декреты о «недозволенных конгрегациях» [233]. Но правительственная политика оказалась непоследовательной. После буланжистского кризиса 1885–1889 гг. умеренные республиканцы сочли угрозу монархической реставрации исчерпанной и посчитали необходимым придать своей политической линии черты еще большей компромиссности. В связи с обращением Папы Льва XIII 16 февраля 1892 г. к французским католикам с энцикликой, в которой призвал признать республику и прекратить борьбу с ней, умеренные республиканцы отказались от борьбы с клерикализмом. Подчиняясь энциклике, часть католиков отделилась от «Союза правых» и основала 3 марта 1892 г. «Партию присоединившихся» (подразумевалось – к республике). Радикалы, считая католиков главными врагами республиканского строя, политику «присоединения» монархистов к республике рассматривали как замысел католиков мирно овладеть властью «изнутри».

Третье направление политики радикалов было связано с проведением экономических и социальных реформ. Радикалы подчеркивали приверженность экономическому либерализму и полагали, что республика призвана кардинально решить насущные проблемы в интересах народа. В этом плане следовало обеспечить защиту от диктата крупного капитала интересов малоимущих

слоев населения и созданной своим трудом частной собственности. Выкупить железные дороги, рудники и водные ресурсы. Установить прогрессивный подоходный налог на доход и капитал. Признать юридические права рабочих союзов. Предоставлять кредиты рабочим, сократить рабочий день и запретить детский труд. Создавать кооперативы и ассоциации рабочих. Перейти к обязательному светскому и бесплатному начальному обучению в школах. Ввести пенсионное обеспечение для стариков и инвалидов.

В 1880 г. Клемансо в одной из своих речей сформулировал социальную программу радикалов следующим образом: отмена косвенных налогов и «замена их прогрессивным подоходным налогом и налогом на наследство были бы могучими факторами против тех сил, которые в настоящее время вызывают чрезмерное накопление капиталов. Помимо того, что эта реформа имела бы важное социальное значение, она доставила бы средства для осуществления плана национального воспитания». И далее: «Плоды свободы союзов, такие институты, как синдикальные камеры, производственные и потребительские товарищества и т. д., позволили бы рабочим объединить в различных формах свои интересы. Развитие кредита и комбинирование его со страховым делом; отмена рабочих книжек, а также статей гражданского уложения, устанавливающих неравномерные права хозяина и рабочего; участие рабочих в регулировании внутреннего фабричного распорядка; передача рабочих касс в управление самих рабочих; запрещение детского труда, а именно труда детей моложе известного возраста; сокращение рабочего дня, причем ввиду конкуренции необходимо придать этой мере всеобщую силу <...>; ликвидация больших железнодорожных и горнозаводских компаний и эксплуатация этих отраслей коллективами рабочих» [349, с. 121].

В 1895 г. возник *Комитет действий за республиканские реформы*. Эта организация внушала надежды на серьезные успехи: к ней примыкали 70 местных комитетов, 53 масонские ложи, 62 газеты [220, с. 39]. Но серьезным испытанием для радикализма явилось дело Дрейфуса. В начале дела Дрейфуса радикалы были в целом настроены антидрейфусарски. Однако постепенно, особенно после того, как Клемансо развернул активную пропагандистскую деятельность в лагере дрейфусаров и опубликовал в газете «*Орор*» в январе 1898 г. знаменитое письмо Э. Золя «Я обвиняю!», радикалы раскололись. *Комитет действий за республиканские реформы* прекратил деятельность. В то же время политическая составляющая дела Дрейфуса с ее острым противоборством различных сил показала выдающуюся роль организации как координирующего и руководящего центра.

В сплочении радикалов в партию важнейшую роль сыграли масонские ложи. Притягательность масонства заключалась, по мнению Комба, в том, что ложи превратились в очаг оппозиции: «Войти в ателье одной из лож означало найти там друзей, дух прогрессизма, научиться дискутировать, расширить свои контакты, действовать в относительно спокойной обстановке в условиях отсутствия свободы собраний» [цит. по: 415, с. 58]. Масонство во Франции по-преж-

нему являлось влиятельной силой. В ложах насчитывалось 20 тыс. человек, в основном это были учителя, почтовые и полицейские служащие [415, с. 59]. Проблемы, обсуждавшиеся в масонских ложах, были следующие: бесплатное образование, равенство, демократия, справедливость, свободомыслие, право на развод, отмена смертной казни и т. д. Эти идеи разделяли радикалы, что предопределило переплетение масонства и радикализма. К 1885 г. радикализм и масонство полностью переплелись. Именно в масонских ложах в конце 80 – начале 90-х годов XIX в. оформились политические требования радикалов: антиклерикализм и светскость республики, налоговая реформа, улучшение положения трудящихся, социальное законодательство, которые радикалы отстаивали в политической деятельности. В июле 1900 г. «Ложы Великого Востока» создала *Лигу республиканского действия*. Радикалы признали необходимым консолидировать свои силы, вследствие чего *Лига республиканского действия* объединилась с воссозданным *Комитетом действий за республиканские реформы*. Этот новый Комитет 8 апреля 1901 г. разослал своим членам и тем, кто симпатизировал радикалам, циркуляр с предложением собрать в Париже «съезд республиканско-радикальной партии». Этот призыв по времени совпал с разворачивавшейся избирательной кампанией по выборам 1902 г. в парламент.

Учредительный съезд, прошел в июне 1901 г. Он был весьма представительным: в числе участников были 78 сенаторов, 201 депутат, 849 мэров, генеральных и окружных советников, 476 местных комитетов, 215 республиканских, радикальных и радикал-социалистических журналов, представители многих муниципалитетов, делегаты от 155 масонских лож [220, с. 46]. На съезде образовали *Республиканскую партию радикалов и радикал-социалистов*. Созданное съездом объединение стало первой буржуазной партией в общепринятом понимании этого термина, партией собравшей в своих рядах разрозненные прежде организации радикалов и радикал-социалистов. Как свидетельствует само название партии, она стремилась к объединению всех левых сил, разделявших идеалы демократической республики.

Учредительный съезд программы партии не принимал. Различные группировки в лагере радикалов в период избирательных кампаний выступали со своими программами, общая партийная программа рассматривалась ими как помеха. Поэтому ограничились утверждением Декларации принципов. В ней и выступлениях делегатов нашли отражение основные задачи партии. По-прежнему требованиями радикалов являлись: сплочение всех республиканцев против врагов республики, в первую очередь клерикалов, переход к светскому образованию, введение прогрессивного всеобщего подоходного налога, реформа армии и сокращение срока военной службы. Они добивались ограничения монополий, национализации некоторых из них «по мере того, как этого потребуют интересы национальной обороны и производства». Задачей партии провозглашалось: предоставление собственности на средства производства трудящимся – «каждому индивидуально». Отношение к частной собственности было признано водоразделом между радикалами и социалистами. По сло-

вам одного из виднейших радикалов Камила Пельтана, «нас отделяет <...> от социалистов-коллективистов наша горячая привязанность к принципу индивидуальной собственности, уничтожения которой мы не хотим ни начинать, ни даже подготавливать» [220, с. 54]. В требовании защиты частной собственности радикалы были едины: «Мы никому не собираемся уступить привилегию защищать ее и намерены сделать это лучше других», – говорил Леон Буржуа [220, с. 51]. В концентрированном виде цели радикалов сводились к формуле: «Светскость – против клерикализма; демократия – против диктатуры; социальное действие – против нищеты». Декларация закрепила принцип самостоятельности составных частей партии. Устанавливалась двойственная структура партии, при которой депутаты парламента пользовались большими правами, чем рядовые члены.

Партия постепенно нащупывала организационные формы жизнедеятельности. II съезд принял предварительный устав, последующие съезды его дополняли и уточняли, пока 7-й съезд 1907 г. не принял окончательный текст устава – «Генеральный регламент». Но и его на 8-м и 9-м съездах корректировали.

Принятый устав классифицировал *Республиканскую партию радикалов и радикал-социалистов* как ассоциацию коллективов и индивидуальных лиц. Под коллективами имелись в виду комитеты и федерации, лиги (например, Лига прав человека, Лига радикал-социалистической пропаганды), союзы, общества (Общество лекторов-радикалов), редакции газет, масонские ложи. Более того, в январе–марте 1904 г. председателем партии был глава «Лож Восточного Востока» Франции Ж. Лафер. *Партия радикалов и радикал-социалистов* представляла широкую самостоятельность коллективным и индивидуальным членам. Вошедшие в партию организации сохранялись в том виде, в каком функционировали до вступления в нее. От них не требовали формального преобразования в низовые «комитеты партии».

Статус «индивидуального члена» получили сенаторы и депутаты Национального собрания, состоявшие в парламентских и сенатских фракциях радикалов и радикал-социалистов, однако, далеко не все из них официально вступили в партию. В 1913 г. из примерно 250–300 радикалов и радикал-социалистов в составе Национального собрания членами партии были только 136; из 180 сенаторов – лишь 71 [220, с. 134]. Тем не менее парламентарии оказывали решающее влияние на политику партии. В *Исполнительном комитете* им выделялась половина мест. Председатели *Бюро исполкома* являлись членами Национального собрания. Ежегодные съезды партии проходили под руководством депутатов и сенаторов. Индивидуальное членство могли также получить генеральные и окружные советники¹, главные редакторы влиятельных радикальных газет.

Для вступления в партию требовалось заявление о признании программы. Были установлены ежегодные членские взносы в 1 франк от члена партии,

---

¹ Генеральные советники – выбранные всеобщим голосованием члены представительного органа департамента генерального совета, окружные советники – члены окружного совета.

10 франков от каждого члена исполкома, 200 франков от парламентариев – последние, однако, от этого уклонились. Членских билетов фактически не было до 1913 г., поэтому не поддается точному учету число членов партии. По ориентировочным подсчетам С. Н. Гурвич, в 1905 г. в партии состояло около 56 тыс. человек [220, с. 113].

Умеренно-реформистские идеология и политика партии привлекали прежде всего средние слои общества – городскую среднюю и мелкую буржуазию, служащих, интеллигенцию, крестьян, рабочих. Это подтверждает характеристика социального состава партии в газете «Сьекль», которая в номере за 17 июля 1901 г., писала: «В ее рядах фигурируют все мелкие коммерсанты, отягощенные патентами к выгоде крупных магазинов; все мелкие и средние землевладельцы, эксплуатирующие землю собственными руками или сами руководящие полевыми работами и ведущие борьбу вместе и против фиска, и против метеорологических влияний; все мелкие хозяева в промышленности, руки которых так же мозолисты, как у их работников, а плечи еще недостаточно окрепли, чтобы легко выдерживать непомерные фискальные тяжести; все служащие в торговле, промышленности, отраслях общественного пользования, скромный заработок которых не может укрыться от фиска, потому что он так же точно и хорошо известен, как и неизменен» [цит. по: 415, с. 62].

Ориентацию на демократическую мелкую сельскую и городскую буржуазию подтвердил и прошедший в 1908 г. в Дижоне 8-й съезд партии, записавший в принятой декларации, что партия: «не хочет знать ни врагов слева, ни друзей справа <...> Пока партия наша останется достойной своего имени, она будет с массами, обделенными судьбой, против злоупотреблений и привилегий <...> Было бы самой низменной классовой политикой <...> если бы она после победы обернулась против своих товарищей по войне и замкнулась в узко олигархических интересах» [цит. по: 593, с. 46].

Первичными звеньями партии в избирательных округах являлись *комитеты*. Они возникли в первые годы Третьей республики еще до образования партии и в то время были совершенно независимыми, действовали автономно. С образованием партии стали ее структурными частями, что было зафиксировано в 1902 г. на 2-м съезде партии в специальной резолюции. Комитеты представляли собой группы, состоявшие из нотаблей – влиятельных лиц, в числе которых были коммерсанты и предприниматели, деревенские собственники, нотариусы, адвокаты, чиновники, профессора и преподаватели, депутаты Национального собрания и Сената, представители местных органов власти – мэры, генеральные и муниципальные советники, члены масонских лож. Рабочих в них не было. Комитеты проводили избирательные кампании, следили за эффективностью работы депутатов и должностных лиц по проведению реформ. Эта сторона их деятельности вызывала опасение причастных к власти. Делегат IV съезда Мьяр сокрушался: «Многие депутаты боятся комитетов, боятся, что их заставят отчитываться, что будут слишком пристально следить за их поведением» [цит. по: 220, с. 118].

Комитеты объединялись в *Федерации департаментов*, но созданы они были далеко не везде: в 1906 г. их было всего 20 [220, с. 119]. Причиной слабого роста *федераций* было нежелание комитетов терять свою независимость в подборе и продвижении кандидатов в депутаты.

Исполнительный комитет руководил работой партии между съездами. На первом съезде в него вошли 100 членов, затем он был расширен до 500 человек. При выборах членов *Исполнительного комитета* исходили из нормы: половину членов должны составлять парламентарии, половину – представители комитетов или других местных организаций. Представительство от мест исчислялось не от количества членов партии, а по норме: один член исполкома от 300 тыс. жителей. *Исполнительный комитет* был громоздким и неработоспособным органом, никогда не собиравшимся в полном составе. Решения принимались, как правило, теми, кто жил в Париже, а значит, меньшинством. Более того, в нужных случаях создавали искусственное большинство. По словам Камила Пельтана, бывшего в августе–октябре 1905 г. главой партии, «предупреждают друзей, те быстро приезжают; других же вовсе не извещают о заседании, и так проводятся решения, от которых зависит судьба партии» [220, с. 123–124].

Исполком издавал стенограммы ежегодных съездов, пропагандистские материалы, циркуляры; обсуждал вопросы организации и управления партией, пропаганды и проведения избирательных кампаний. Для выработки предложений составлялись комиссии из членов исполкома. В них обсуждались предложения радикалов о проведении реформ по таким программным требованиям, как роспуск религиозных конгрегаций и отделение церкви от государства, введение двухгодичного срока военной службы, подоходный налог, пенсионное обеспечение рабочих и крестьян, народное образование. Принятые решения оформлялись в виде законопроектов и официально вносились в Палату депутатов и Сенат.

Текущие дела находились в ведении *Бюро исполкома*, назначавшегося *Исполкомом* в составе председателя, 6 вице-председателей и 12 секретарей. В 1906 г. *Бюро* расширили до 34 членов: почетного председателя, председателя, 14 вице-председателей, 18 секретарей. Первоначально срок полномочий *Бюро* установили в 3 месяца, так что на протяжении года менялось четыре состава. Лишь в 1906 г. срок полномочий увеличили до года – от съезда до съезда. Председатель *Бюро исполкома* возглавлял и сам *Исполком* и официально являлся главой партии. Им в период организационного становления партии (1901–1902 гг.) был Анри Бриссон. В 1902 г. уже на основе Устава избрали Фердинанда Бьюиссона. Он и считается первым официальным главой партии. Практическую организационную работу вел постоянный (генеральный) секретарь. В его функции входило ведение переписки и документации, составление и хранение архивов.

Рыхлая вертикаль руководящих звеньев партии не была случайностью. От создания централизованной структуры с ярко выраженным лидером во главе и жестким подчинением по вертикали – *Исполнительный комитет, Федерация*

департамента, Комитет избирательного округа – отказались по ряду причин. Первой из них являлась слабость связей между структурными частями партии, включая пестроту социального состава, автономию комитетов, противоречия между комитетами и парламентариями и между самими парламентариями, трения между столичными и провинциальными организациями. Но была и вторая – идеологическая. Глава партии Фердинанд Бьюиссон особо отметил, что рассматривавшийся на съезде Устав партии предусмотрел такие меры, чтобы партия «жила своей собственной жизнью и по возможности меньше зависела от руководящих лиц. Она может и должна управлять собой сама <...> В течение слишком долгого времени все мы, в том числе и старые республиканцы, привыкли ожидать указаний от какого-нибудь вождя, будь то один человек, или группа <...> Новый устав проникнут совсем другим духом: он показывает республиканской фракции, что надо освободиться от этого суеверия по отношению к вождям» [220, с. 127].

Этот курс нашел практическое воплощение в том, что партия не выдвигала в качестве лидера лиц, зарекомендовавших себя яркими фигурами на политической арене. Характерно, что С. Н. Гурвич в обстоятельной монографии, посвященной партии радикал-социалистов, вынуждена была признать: «нам известны многие, но, к сожалению, не все, кто официально возглавлял партию радикалов в течение 1902–1906 гг.» [220, с. 128]. И действительно, в 1902–1906 гг. согласно Уставу должны были последовательно сменить друг друга 16 председателей *Бюро исполкома*, официально возглавлявших партию. С. Н. Гурвич смогла назвать только 11. Из них наиболее видными лидерами радикалов был Эмиль Комб, глава правительства в 1902–1905 гг., Жорж Клемансо, занимавший пост премьер-министра в 1906–1909 гг. Но Клемансо, хотя и был признанным лидером радикалов, формально в партию не вступал.

В жизни партии важную роль играли съезды, проводившиеся ежегодно. На них ставились отчет *Исполнительного комитета* и доклад о политическом положении, обсуждались намечавшиеся реформы. Съезды принимали руководящие документы партии: устав, программу, декларации, избирали *Исполнительный комитет*. Решения съездов не были обязательными ни для парламентариев-радикалов, ни для *Комитетов округов*.

На парламентских выборах 1906 г. партия радикалов и радикал-социалистов одержала победу, завоевав 280 мест из 591 [409]. Но оказалось, что многие депутаты, избранные как радикалы и радикал-социалисты, ими не являлись. На 6-м съезде 1906 г. пришли к выводу, что «в партии нет единства, потому что у ее кандидатов не было единой программы», а «нет программы – нет единой партии» [221, с. 171].

7-й съезд партии в 1907 г. такую программу принял. Никто из делегатов не возражал: стремление сохранить партию побуждало согласиться на компромисс, который удовлетворял всех.

В преамбуле были изложены основные идейно-теоретические установки партии. Декларировали эволюционный путь развития. Отказались ставить ко-

нечные цели: «у нее (партии – *И. Ч.*) идеалов нет предела, как у горизонта, который все больше удаляется по мере того, как мы к нему приближаемся». Отвергли идею классовой борьбы: партия, «желая уничтожения всех привилегий, в то же время даже в теории отказывается признать деления граждан на классы, находящиеся в состоянии борьбы друг против друга». Отклонили насилие как метод политической борьбы: «придерживаясь в своей общественной деятельности парламентских методов, партия отвергает все проявления насилия <...> если только они не вызваны необходимостью отпора серьезной угрозе конституции республики или волеизъявлению нации». Положения преамбулы не были обязательными для членов партии. Докладчик комиссии по программным вопросам Шарль Дебьер в докладе на съезде подчеркнул, что «каждый может сохранять собственное мнение, не переставая при этом быть хорошим радикалом или прекрасным радикал-социалистом» [221, с. 177].

В политической части программы содержалось требование демократизации выборов в Сенат путем избрания сенаторов всеобщим голосованием, а не коллегиями выборщиков и предоставления Палате депутатов преимущества в случае разногласия с Сенатом, особенно по бюджетным вопросам. Были сняты старые требования упразднения поста президента республики и верхней палаты, поскольку угрозы монархического или диктаторского переворота больше не было.

Относительно избирательной системы программа ограничилась указанием на принципы ее возможной реформы: «новое и справедливое распределение депутатских мест для каждого района», чтобы «число его представителей было пропорционально численности населения». Избиратели должны делать выбор «согласно программам, а не личным качествам» кандидатов. Последнее имело в виду воспрепятствовать системе плебисцитов, которую в свое время использовал бонапартистский режим, а также практики, когда вокруг кандидата, а затем и депутата складывалась группа лиц, объединенная общими, часто корыстными, интересами. Но программа не содержала конкретных указаний на желательную для партии избирательную систему, поскольку сами делегаты не имели общего мнения на этот счет¹.

Одним из ключевых пунктов французского радикализма было требование административной децентрализации, под которой понималось расширение прав местного самоуправления и ограничение властных прерогатив централь-

---

¹ Действовавшая в то время система выборов по округам предусматривала, что каждая партия выставляла одного кандидата. Как правило, приходилось проводить второй тур, когда создавался блок партий, что и решало исход выборов. Вторая система исходила из голосования по спискам, когда партия или блок партий выставляли список кандидатов не в округе, а во всем департаменте, а избиратель должен был сделать выбор. Список, собравший наибольшее число голосов, получал все депутатские места от данного департамента. Во Франции эта система действовала на выборах 1885 г., тогда Буланже и его сторонники воспользовались возможностью баллотироваться по многим округам, этот опыт учли и от этой системы отказались. Наконец, третий способ определения волеизъявления основан на голосовании по спискам при распределении депутатских мест пропорционально числу полученным партиями голосов.

ных органов в департаментах. Программа не выдвинула конкретного плана административной реформы, ограничившись указаниями на общие принципы: увеличение полномочий коммун и департаментов, упрощение механизма управления, сокращение расходов и числа чиновников, повышение зарплаты мелких служащих. Ограниченность требований объяснялась опасениями нарушить баланс между местной автономией и центральной властью как гаранта национального единства, предотвращающего разброд классовой борьбы и сплачивающего нацию перед угрозой войны, явно просматривавшейся в перспективе.

Относительно отношений с церковью программа требовала продолжения политики роспуска конгрегаций, поскольку некоторые из них – ведавшие больницами, богадельнями, приютами – закон от 7 июля 1904 г. сохранил.

В сфере народного образования программа подтвердила функцию государства по руководству народным образованием и обязанность контролировать частные учебные заведения. Провозглашалось в общей форме, что дети имеют право на полное образование в соответствии со способностями каждого ребенка.

Программа четко определила отношение партии к проблеме места и роли государства в экономической сфере. Как известно, бывшие умеренные республиканцы, в начале XX в. расколовшиеся на *Демократический альянс* и *Республиканскую федерацию* исповедовали принципы классического либерализма с его требованием к государству «laissez-faire» (позвольте делать), что означало создание неограниченных возможностей для развития рынка и свободной конкуренции; невмешательство государства в рыночные отношения и организацию хозяйства. Государство не должно управлять экономикой, а его экономическая функция должна ограничиться созданием эффективной финансовой системы, обеспечением рыночных отношений денежными знаками и ценными бумагами, поддержкой свободного рынка товаров и труда. Программа радикалов и радикал-социалистов отказалась от этих постулатов. Она провозглашала: «Будучи решительной противницей эгоистических концепций школы “laissez faire”, наша партия в отличие от других утверждает право государства вмешиваться в отношения между капиталом и трудом для того, чтобы создавать необходимые условия для соблюдения справедливости» [цит. по: 221, с. 184].

Программа полагала, что государство должно разработать законодательство о социальном страховании, включая предоставление работающим женщинам 6-недельного отпуска до и после родов, взять на себя помощь детям, больным, инвалидам, престарелым. Государство должно принять меры по ограничению монополистического капитала путем национализации отдельных монополий и отраслей промышленности в тех случаях, когда это вызывалось общенациональными интересами, потребностями обороны или когда они «по своему усмотрению повышали цены и грабили трудящихся и потребителей».

Под углом зрения облегчения налогового бремени крестьян, ремесленников и мелкой буржуазии, противодействия огромным состояниям, сокращения разрыва между богатством и бедностью программа требовала проведения налоговой реформы. Ее сутью должно было стать пропорциональное распреде-

ление налоговых платежей в соответствии с доходами каждого налогоплательщика через механизм единого для всех прогрессивного подоходного налога, отмены прямых и сокращения косвенных налогов (налогов на потребление).

Программа радикалов и радикал-социалистов 1907 г. свидетельствует, что партия восприняла идеологию социального либерализма.

Партия радикалов и радикал-социалистов имела возможность не только сформулировать теоретическую платформу, но и попытаться практически ее реализовать. На парламентских выборах 1902 г. она получила больше депутатских мандатов, чем любая другая партия. В 1902 г. она имела в Палате депутатов 32,5% мест, в 1906 г. – 47,3, в 1910 г. – 31,4, в 1914 г. – 39,2% [подсч. по: 860, с. 115]. Этого количества было недостаточно, чтобы формировать однопартийные правительства, но давало основания для участия в любой правительственной коалиции. Так и произошло, когда в июне 1902 г. к власти пришло коалиционное правительство «левого блока» во главе с Эмилем Комбом. В него вошли 8 радикалов и радикал-социалистов, а также 4 «левых» республиканца.

С приходом к власти радикал-социалистов во главе с Эмилем Комбом правительство во внутренней политике главную задачу видело в придании государству светского характера. Наиболее общая причина обращения к проблеме взаимоотношений с церковью в начале XX в. состоит в активизации политики буржуазного реформизма, типичной для развитых стран. Антиклерикализм французских радикалов был не религиозным, а политическим конфликтом. Он был связан с позицией самой церкви, проявившей себя как авангард реакции во время дела Дрейфуса. Нейтрализация влияния католической церкви лишала противников республики мощной поддержки и, наоборот, укрепляла демократические институты республиканского режима. Кроме того, опасным казался рост экономического могущества католических организаций, стоимость недвижимого имущества которых к 1900 г. превысила 1 млрд франков. Нежелательным считали и широкое распространение церковных школ.

Первый удар был нанесен по религиозным конгрегациям, постепенно восстановившим влияние и богатство после разгона в годы революции конца XVIII в. Они содержали школы, медицинские учреждения, приюты для детей, богадельни для инвалидов и престарелых, занимались проповеднической деятельностью, держали в своих руках католическую прессу. Многие конгрегации специализировались на хозяйственной деятельности. Подчинение Римской курии, строгая иерархическая структура превращали конгрегации в своего рода государства в государстве.

Правительство решительно проводило в жизнь закон 1901 г. об ассоциациях, который гарантировал право граждан на объединения, но функционирование религиозных конгрегаций ставил в зависимость от специального разрешения [296]. В 1902 г. в стране действовали 914 разрешенных конгрегаций всех типов (из них 909 женских и 5 мужских) и 752 неразрешенных (606 женских и 146 мужских). В конце XIX в. разрешенные конгрегации насчитывали примерно 150 тыс. членов, неразрешенные – 140 тыс. На протяжении 1902–1903 гг. были закрыты

подведомственные монашеским конгрегациям школы и отказано в регистрации проповедническим и преподавательским конгрегациям. К октябрю 1904 г. из 16 904 учебных заведений конгрегаций остались официально незакрытыми 3 тыс. [220, с. 168, 171].

В стремлении полностью устранить религиозное воспитание детей и молодежи радикалы пошли на решительное отделение церкви от школы. 7 июля 1904 г. Национальное собрание приняло закон, запрещавший конгрегациям заниматься обучением детей в школах всех ступеней. Образование становилось полностью светским. Ввели и другие ограничения: монахиням запретили оказывать помощь пациентам военных госпиталей, военнослужащим – посещать собрания религиозных обществ, духовным лицам – получать университетские степени. Идеологическое влияние церкви значительно сократилось. В иной ситуации оказались конгрегации, в ведении которых находились приюты, богадельни, больницы: обслуживавших их сестер-монашенок нечем было заменить. Были распущены и производственные конгрегации, их имущество распродавалось по низким ценам.

Наступление на духовные конгрегации резко обострило отношения между французским правительством и Ватиканом. Когда в 1904 г. президент Франции Эмиль Лубе прибыл с визитом в Рим, Папа Пий X заявил протест. Вскоре после этого дипломатические отношения с папским престолом были прерваны, что приблизило отделение церкви от государства. Принятый в 1905 г. закон вступил в силу с 1 января 1906 г. [301]. Во Франции установили свободу совести и равноправие всех культов, ограниченное исключительно требованиями общественного порядка.

Церковное имущество передали в безвозмездное и бессрочное пользование ассоциациям светских лиц, а при отсутствии таких ассоциаций имущество церковных учреждений могло быть передано в распоряжение коммунальных организаций и использовано ими в благотворительных целях в границах соответствующего церковного округа. Католическую церковь лишили государственного, департаментского и коммунального финансирования за исключением ассигнований, предназначенных для обеспечения свободного отправления культов в лицеях, колледжах, школах, богадельнях, приютах и местах заключения. Запретили воздвигать или помещать религиозные символы и эмблемы на общественных памятниках и в местах общественного пользования за исключением культовых зданий, мест погребения, памятников на кладбищах, музеев и выставок. Предусмотрели штраф и тюремное заключение до двух месяцев за принуждение кого бы то ни было путем насилия и угроз к вступлению в религиозную организацию или к выходу из нее, к участию или к воздержанию от участия в несении расходов по содержанию религиозного культа. В то же время разрешили проведение по предварительному заявлению и под надзором властей торжественных церемоний религиозного характера в местах, принадлежащих ассоциациям по отпращиванию культа. Тем же, кто препятствовал отпращиванию какого-либо культа, вызывая своими действиями

беспорядки в местах такого отправления, также были определены санкции в виде штрафа и тюрьмы. С другой стороны, служащим культа определили наказание вплоть до тюремного заключения, если во время религиозных церемоний произносились речи и распространялись письменные материалы с провокационными призывами к неповиновению законам либо делались попытки натравить одну часть населения на другую. Более того, они признавались соучастниками преступления, если «провокационные призывы» привели к мятежу и бунту. Служителям культа, достигшим 60-летнего возраста, предоставили пенсии в размере трех четвертей их жалованья, если они в течение 30 лет состояли на церковной службе, оплачивавшейся государством; пенсию в половинном размере получили священники, достигшие 45 лет и состоявшие на службе 20 лет. Всем остальным церковнослужителям предусмотрели выплату в течение 4-х лет пособия, ежегодно сокращавшегося на одну треть до полного прекращения его выплаты. Решив задачу отделения церкви от государства, радикалы реализовали одну из важнейших частей своей программы.

Несмотря на резкое недовольство законом, церковь была вынуждена со временем примириться с ним, что в перспективе сняло проблему антиклерикализма. Отделение церкви от государства не осложнилось сколько-нибудь активным сопротивлением верующих. Для этого были свои причины. Их выяснением занялись уже современники событий. Русский публицист А. С. Белевский, живший во Франции и публиковавшийся в российских журналах под псевдонимом «Белорусов», вслед за французскими исследователями полагал, что «разрыв наметился вскоре после войны 1870 года, когда церковь не сумела ответить на обращенный к ней порыв народа, потрясенного горем и искавшего путей для возрождения <...> Вместо того чтобы слиться с нацией в патриотическом республиканском энтузиазме и в нем найти условия для возрождения страны, церковь усвоила себе взгляд на перенесенное национальное несчастье, как на кару Божию за недостаток благочестия и за холодность к ней самой, за безверие, за равнодушие к судьбе “святого отца”, угнетаемого безбожно Италией. <...> Естественно, что в сознании всего населения Франции вплоть до самых глухих ее углов проникло убеждение, что церковь не понимает нужд Франции, внутренне чужда ей, что, занятая и озабоченная своими собственными интересами, она существует вне нации, ищущей путей своего дальнейшего развития» [70, с. 335–337].

Молчаливое признание широкими кругами французского общества отделения церкви от государства не означало падения религиозности, отказа от соблюдения религиозных ритуалов. Но изменилась роль церкви в системе общественных отношений. Если раньше церковь пыталась устанавливать приемлемые, с ее точки зрения, модели поведения паствы в общественно-политических ситуациях, то теперь ей была оставлена лишь роль посредника между верующим народом и Богом.

В 1906 г. на парламентских выборах вновь победили радикалы. В правительство вошел в качестве министра внутренних дел, а затем, в октябре 1906 г.,

и возглавил его Жорж Клемансо. Новому правительству предстояло действовать в условиях роста социальной напряженности. Обострилась забастовочная борьба трудящихся. Рабочих главным образом волновала низкая заработная плата и высокая продолжительность рабочего дня. Силовое давление на власть и общество побуждало ускорить социальные реформы. Чтобы облегчить их проведение, Клемансо привлек к сотрудничеству независимых социалистов Аристиды Бриана и Рене Вивиани, учредил министерство труда во главе с Вивиани. Радикалы провели через парламент свое давнишнее требование об установлении прогрессивно-подходящего налога [973], а также добились одобрения в феврале 1906 г. Палатой депутатов законопроекта о пенсионном обеспечении. Однако Сенат принял его только весной 1910 г. Закон предусмотрел выплату пенсий всем занятым в промышленности, торговле, сельском хозяйстве, прислуге, лицам свободных профессий, служащим по достижении 65 лет. Пенсионный фонд составлялся из государственных субсидий, отчислений нанимателей, ежегодных взносов самих работников. Однако те из них, кто ежегодно получал свыше 3 тыс. франков, не могли рассчитывать на пенсию [323]. В результате подобных ограничений пенсиями по старости были охвачены: в 1900 г. – 13 и в 1915 г. – 11% трудящихся. Названные и другие социальные меры радикалов, как например, «Закон о помощи многодетным» [324], на этом этапе были крайне ограниченными, но они предвещали более полное решение социальных проблем в будущем.

5.6. Социалистические партии

Рабочая партия. После подавления Парижской Коммуны рабочее движение проявило себя созывом съездов в Париже (1876 г.) и Лионе (1878 г.), на которых доминировали сторонники создания рабочих кооперативов. Постепенно начинают укрепляться и различные социалистические течения – бланкисты, анархисты, сторонники муниципального социализма. Пропаганду марксизма вели Жюль Гед и Поль Лафарг. Они возглавили течение так называемых социалистов-коллективистов. Консолидация социалистов создала предпосылки для образования в 1879 г. на конгрессе рабочих союзов в Марселе *Рабочей партии*. Очередной съезд, состоявшийся в 1880 г. в Гавре, принял разработанную К. Марксом, Ж. Гедом и П. Лафаргом программу [797]. Главной задачей партия считала определение путей, обеспечивающих победу коллективистского общества.

Однако вновь созданная *Рабочая партия* не была однородной. После ухода анархистов и бланкистов она представляла непрочный блок социалистов-коллективистов (марксистов) во главе с Гедом и приверженцев идей муниципального социализма, возглавлявшихся Полем Бруссом и Бенуа Маломом. Эти группы разделяло отношение к методам достижения социализма. Раскол произошел в 1882 г. на съезде в Сент-Этьенне. Сторонники Брусса и Малона располагали на нем подавляющим большинством, поэтому гедисты, не надеясь на успех, покинули Сент-Этьенн [347] и провели свой съезд в Роанне. Следствием этих событий стало образование двух рабочих партий. Оставшиеся в Сент-Этьенне

бруссисты основали *Рабочую партию французских социалистов-революционеров*. В Роанне Гед и Лафарг оформили создание новой *Рабочей партии* (партии гедистов).

*Рабочая партия французских социалистов-революционеров*¹ восприняла политическую платформу, разработанную Полем Бруссом и Бенуа Маломом. Они и их последователи стояли на позициях классовой борьбы, но, в отличие от гедистов, верили в осуществимость глубинных реформ в условиях буржуазного строя. Она исходила из того, что выдвижение революционных требований в неблагоприятной для их осуществления обстановке есть не что иное как догматизм. Поэтому необходимо приспособиться к существующим условиям и «по возможности» использовать их в интересах рабочего класса. Ввиду этого следует раздробить путь к конечной цели пролетариата на ряд этапов, а каждый из них должен завоевываться возможными в данной ситуации средствами. Брусс писал в газете «Пролетарий»: «Какое, в самом деле, значение в том, что что в теории мы опережаем другие социалистические школы, что мы заявляем себя по намерениям непримиримыми революционерами, когда мы на практике формулируем такие требования, которые могут собрать лишь немногих борцов и поэтому не могут быть осуществлены, когда поэтому наши угрозы остаются висеть в воздухе, а наши занесенные руки никогда не опускаются <...> И я принадлежу к тем, которые желают быть коммунистами и революционерами, но я хочу достигнуть чего-нибудь практического. Я предпочитаю отказаться от принципа “все сразу”, которого придерживались до сих пор и который обыкновенно приводит ровно ни к чему. *Я предпочитаю разделить идеальную цель на несколько больших этапов*, придать нашим требованиям такой характер, чтобы сделать их наконец осуществимыми, вместо того, чтобы тратить время, топчась на одном месте, вместо того, чтобы <...> вечно торчать на башнях утопии и никогда не видеть ничего конкретного, осязаемого <...> Я полагаю, что нужно извлекать из всякого положения все, что есть в нем положительного. Партия должна быть великой рабочей партией, придерживающейся всегда полноты своей программы, пишущей на своем знамени всю сумму идеала, которую позволяет видеть наука, но становящейся для повседневной борьбы на почву возможности, реализуя таким образом свой идеал частями, переходя этапы, которые можно перейти, перенося мужественно то, что нужно перенести, и, одним словом, выходя, наконец, из созерцательного состояния, чтобы начать действительное движение к будущему» [цит. по: 905, с. 125].

Первая же задача, которую необходимо решить, — это приобретение большинства в муниципальных советах. Они, в свою очередь, создадут муниципальные предприятия, которые постепенно заменят частнокапиталистические. Таким способом в самих рамках буржуазного общества предполагалось преобразовать форму собственности. При этом Брусс ссылаясь на почту, телеграф, железные дороги, как на отрасли с элементами социализма. Тактика, разработанная Бруссом и Маломом, получила название «политики возможностей», а ее сто-

¹ Виллар эту партию именует «Революционной социалистической рабочей партией» [см.: 140].

ронников стали называть «*поссибилистами*»¹. Сама теория муниципального социализма в дальнейшем получила широкое распространение в рабочем движении Европы.

Рабочая партия (партия гедистов) в конце 90-х годов XIX в. насчитывала 16–17 тыс. членов, из которых лишь 10 тыс. были промышленными рабочими. В политической жизни страны ФРП играла незначительную роль, располагая в 1898 г. всего 2,7% голосов избирателей, тогда как германская социал-демократия получила в этом же году 27% от числа голосовавших на выборах в Рейхстаг. Узость социальной базы ФРП во многом объяснялась ее пассивностью. Первоначально партия негативно относилась к парламентской демократии и тактике реформ, считая бесплодной легальную борьбу. Лишь в начале 1890-х гг. под влиянием успехов социалистов на парламентских выборах и избрания в палату депутатов самого Геда происходит переосмысление значения всеобщего голосования как инструмента перехода к социализму. Гед в письме к избирателям называл свой успех на выборах «революцией, посредством которой социализм вступит в Бурбонский дворец». Это и будет означать «начало новой всемирной эры» [цит. по: 575, с. 71].

Партия заняла нейтральную позицию в период буланжистского кризиса. Имея в виду Буланже, Лафарг писал: «Во Франции привыкли искать выхода из социальных или политических затруднений в провиденциальных личностях, спасителях порядка и общества» [533, с. 92]. Уклончивой и нерешительной тактики придерживались гедисты в деле Дрейфуса. Не придавала ФРП должного значения сотрудничеству с профсоюзами, мало внимания обращала на экономические требования рабочих, сдержанно относилась к забастовочной борьбе.

Бланкисты. Кроме поссибилистов и гедистов, сложились и другие политические партии. Глубокие традиции во французском революционном движении, особенно революции 1848 г. и Парижской Коммуне 1871 г., имели сторонники О. Бланки – бланкисты. После амнистии коммунарам в 1880 г. вернувшиеся во Францию бланкисты образовали *Центральный революционный комитет*, который возглавили Э. Вайян, Э. Эд и Э. Гранже. До смерти в 1888 г. Эда эта партия представляла собой тайное общество, строила работу на основе строжайшей дисциплины, концентрировала внимание на политических формах борьбы, считала целью подготовку революции. В период буланжизма произошел раскол. Часть бланкистов во главе с Вайяном боролась с буланжистами и сближалась с *Рабочей партией* гедистов. Другая группа (Э. Гранже, Э. Рош) пошла на блок с буланжистами, вышла из состава ЦРК и вскоре распалась.

С 1898 г. организация бланкистов стала называться *Революционной социалистической партией*. Бланкисты, хотя и имели некоторые общие черты с марксизмом, сохранили и идейное наследие бланкизма, отчего долгое время составляли обособленную группу во французском социалистическом движении, выступавшую по ряду программных и тактических вопросов против его марксистского крыла. Бланкисты вместе с гедистами резко осудили социалиста А. Мильера-

¹ От лат. *possibilis* – возможный.

на, в 1899 г. вошедшего в правительство. В 1901 г. бланкисты и гедисты объединились в *Социалистическую партию Франции*. С созданием *Объединенной французской социалистической партии* (1905) бланкисты фактически растворились в ее реформистском большинстве. Со смертью в 1915 г. Вайяна бланкистское направление полностью исчезло с политической арены.

Независимые социалисты. В начале 1890-х гг. Бенуа Малон порвал с поссибилизмом, основал журнал «Социалистическое обозрение», объединил вокруг него своих сторонников и начал пропаганду идей «интегрализма». Это течение представляло собой попытку поставить стремление к реализации экономических требований и саму классовую борьбу на базу морали. Малон писал в книге «Социалистический интегрализм»: «Экономические требования пролетариев найдут свое осуществление лишь тогда, когда они будут опираться на моральные силы <...> Только из комбинации справедливых интересов и альтруистической идеализации может выделиться динамическая сила, способная разбить железный круг практического эгоизма, заграждающий дорогу к той новой справедливости, которая так горячо призывается и так нетерпеливо ожидается всеми угнетенными, всеми эксплуатируемыми и всеми страждущими» [цит. по: 905, с. 130]. В работе «Социалистическая мораль» Малон разъяснял свою позицию: «Полагать, что революционеры должны заниматься только материальными интересами трудящегося человечества и могут безнаказанно игнорировать его непреодолимые моральные стремления, – значит готовить себе в будущем жестокие разочарования» [цит. по: 905, с. 130].

Сторонники «интегрализма» вскоре объединились в особую группу «независимых» – «Федерацию независимых социалистов». На парламентских выборах 1893 г. «независимые социалисты» получили 25 мест и образовали отдельную фракцию, которую возглавил покинувший радикалов Александр Мильеран. В числе «независимых социалистов» были выдающиеся политические деятели – Жан Жорес, Александр Бриан, Рене Вивиани.

Независимых социалистов объединяла приверженность к парламентаризму. Они полагали достаточным завоевание большинства в парламенте, что позволило бы без всякой революции постепенно заменить частную собственность общественной. Их лидер Мильеран писал: «Социализм стремится обеспечить за всяким человеком, путем благотворного и вполне естественного преобразования, два тесно связанных между собой блага: свободу и собственность, которые отнимает у людей капиталистический строй. Но отметив таким образом цель, преследуемую нашей партией, я заранее избежал нелепого упрека, так часто бросаемого ей: будто она ждет торжества своих идей только от насильственного переворота <...> Мы обращаемся исключительно ко всеобщему избирательному праву; его мы и стремимся гордо освободить экономически и политически. Мы требуем только права убеждать других. И никто, я думаю, не припишет нам смехотворного намерения прибегнуть к революционным средствам <...> Нет, для осуществления немедленных реформ, могущих облегчить существование рабочему классу и этим сделать его более способным самому

завоевать свое освобождение, для начала социализации средств производства в условиях естественного хода вещей, социалистической партии нужно и достаточно стремиться с помощью всеобщего голосования к завладению государственной властью» [625, с. 2–22].

Определяя суть реформистской программы перехода к социализму, Мильеран подчеркивал: «Три существенные черты, необходимые и достаточные для характеристики социалистической программы. Вмешательство государства в переход от капиталистической собственности к общественной различных разрядов средств производства и обмена по мере того, как они будут созревать для такого перехода; завладение государственной властью при помощи всеобщего голосования; международное соглашение работников» [625, с. 23].

С образованием в 1902 г. *Французской социалистической партии* независимые социалисты вошли в нее, но следующий этап объединения социалистов – создание *Французской объединенной социалистической партии* – не поддержали и в новую партию не вступили.

Французская объединенная социалистическая партия. Социалистическое движение разделяли не только идейные разногласия, организационные перегородки, но и различные подходы к текущим политическим проблемам. Одна из наиболее острых возникла в 1899 г., когда Мильеран вошел в состав правительства Вальдека-Руссо.

В 1901 г. гедисты, бланкисты и все те, кто осудил Мильерана, объединились в *Социалистическую партию Франции*. Тогда же была принята ее программная декларация [793], а затем в 1903 г. и программа требований [786]. СПФ считала себя революционной классовой партией, стремящейся к преобразованию капиталистического общества в коммунистическое.

Независимые социалисты и POSSИБИЛИСТЫ, разделявшие позицию Мильерана, в 1902 г. на съезде в Туре образовали *Французскую социалистическую партию* [798]. В Палате депутатов члены ФСП образовали вместе с радикалами «левый блок» и всемерно поддерживали радикальные правительства. Это объяснялось тем, что предложенная Жоресом и принятая ФСП в марте 1902 г. программа была по своему содержанию реформистской, но провозгласила, что пролетариат конечной целью ставит «не частичные улучшения, но полное преобразование общества. А так как он не признает права капиталистической собственности, то не чувствует себя связанным с нею никакими обязательствами. Он решился бороться с нею до конца; и в этом смысле пролетариат, даже пользуясь законными средствами, предоставленными ему демократией, есть и должен оставаться революционным классом» [798, с. 410].

Программа предлагала широкую программу реформ, связанных с улучшением положения женщин: всеобщее прямое избирательное право без различия пола при всяких выборах; допущение женщин ко всем общественным должностям; отмена законов, ограничивающих в гражданских правах женщин; запрещение ночной работы подростков и женщин; законодательная охрана лиц, занятых в домашней промышленности; законодательное запрещение работы женщин за 6 недель до и 6 недель после родов.

Следующий шаг к консолидации обусловили решения Амстердамского (1904 г.) конгресса II Интернационала, который предписал, чтобы в каждой стране в противоположность буржуазным партиям действовала только одна социалистическая партия, как существует один пролетариат. Вследствие этого была создана единая организация – *Объединенная социалистическая партия Франции*, или, как ее еще называли, *Французская секция Рабочего Интернационала*, принят ее устав [960].

Объединение социалистических партий вынуждалось не только решением II Интернационала и сближением доктринальных идейно-политических платформ, но в немалой степени финансовыми потребностями ввиду того, что их денежные средства мобилизовывались почти исключительно за счет членских взносов.

В июле 1914 г. Французская секция Рабочего Интернационала насчитывала 90,7 тыс. человек [550, с. 38], на выборах того же года она собрала около 1,4 млн голосов и провела в парламент 103 депутата [783]. Однако партия не была чисто пролетарской, значительную ее часть составляли представители мелкой буржуазии, чиновничества. В политической деятельности она сконцентрировала усилия на завоевании депутатских мест.

Руководство партией гедисты уступили жоресистам. Сам Жорес, страстный и неутомимый борец за мир, великолепный оратор и публицист, крупный ученый-историк, был выдающимся политическим деятелем, искренне и глубоко преданным социалистическому движению. Он последовательно и настойчиво пропагандировал свои и социалистической партии идеи: «Для себя мы давно уже определили, в чем заключается наш идеал; мы формулировали и ясно высказали то, чего мы требуем. Мы громко заявляем, что народ будет до тех пор страдать под игом угнетения и эксплуатации, пока привилегированные классы будут удерживать в своих руках орудия производства и все средства к жизни; пока они, получивши все это, как прибавочную стоимость, будут употреблять ее, как способ для спекуляции, для наживы, для получения барыша и ренты и для уплаты рабочим за их труд. Мы говорим, что спасение пролетариата лишь в замене капиталистической собственности собственностью социалистической <...> Мы, социалисты, хотим, чтобы все промышленные и земледельческие орудия производства были переданы в собственность нации, которая будет владеть ими не самодержавно и не бюрократическим способом, но с помощью автономных и федеративных рабочих организаций» [284, с. 78–79].

Жорес неоднократно выступал в Национальном собрании с разъяснением своей позиции по вопросу классовой борьбы [284; 862, с. 110–112], призывал к развертыванию стачечной борьбы. Вместе с тем, полемизируя с марксизмом, Жорес считал, что в конечном счете победа пролетариата может быть обеспечена в ходе демократической эволюции. Об этом он прямо заявлял: «я имею право высказать и перед парламентом, и перед самим пролетариатом предположение и пожелание законного переустройства, мирной и законной эволюции.

Я пламенно желаю, чтобы это случилось именно так, и я буду работать над этим». Именно поэтому, заверял Жорес, «мы всеми силами присоединимся к демократической политике, политике реформ, которая увеличит для рабочего класса законные способы борьбы и возможность действовать легально» [284, с. 18]. Он был уверен, что развитие капитализма мирным путем приведет к социализму без революции.

5.7. Партии в политических кризисах

Монархисты, националисты и республиканцы в буланжистском кризисе.

На протяжении второй половины 80–90-х годов XIX в. Франция пережила череду политических кризисов. Первые их симптомы проявились в ходе парламентских выборов 1885 г., когда монархисты получили 202 из 600 мест в Палате депутатов. Это свидетельствовало о широком общественном недовольстве правлением умеренных республиканцев. На этом фоне развернулись события, получившие название «буланжизм» – по имени их центральной фигуры, военного министра генерала Буланже. Его политической целью стало установление личной диктатуры. В марте 1888 г. буланжисты создали организацию «Комитет национального спасения», а сам Буланже изложил свою политическую программу, которая содержала требование роспуска парламента и созыва учредительного собрания для пересмотра конституции в духе ограничения парламентаризма, ликвидации многопартийности, создания государственной системы, очищенной от коррумпированной элиты Третьей республики. Эти лозунги объединили вокруг Буланже разнородные элементы. Недовольные республикой и политикой правительства видели в Буланже человека, который, придя к власти, осуществит перемены: заменит режим умеренных республиканцев иным (каждый представлял его в соответствии со своими убеждениями), покончит с коррупцией, обеспечит экономическое процветание, вернет Эльзас и Лотарингию. Популярностью авантюриста и демагога попытались воспользоваться различные политические силы. Даже республиканцы-радикалы надеялись с помощью Буланже прийти к власти. Тем более кризис попытались обратить в свою пользу антиреспубликанские силы.

Монархисты стремились с помощью Буланже реанимировать идею реставрации королевской власти. Легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, объединенные в оппозиционный «Союз правых», осознав невозможность достичь большинства в Палате депутатов и коренным образом переломить ситуацию в интересах клерикально-монархической реакции, стремились использовать буланжистский кризис для низвержения республики путем государственного переворота. В этих целях лидеры монархической оппозиции выделили средства на буланжистскую политическую кампанию.

В борьбе против режима парламентской республики на генерала Буланже сделали ставку националисты. Набиравшее силу националистическое движение не устраивал политический режим страны. В парламентаризме видели

причину ослабления государственной власти и подрыва национального единства, а потому требовали упразднить парламентский строй. Громко звучали призывы к усилению исполнительной власти. Республику критиковали в связи с достигшей широких размеров коррупцией. У националистов решительное неприятие вызывала внешняя политика умеренных республиканцев, примирительная по отношению к Германии. На этой основе в стране уже с середины 80-х годов усилились националистические тенденции, требования возвращения Эльзаса и Лотарингии и реванша за поражение в войне с Германией. Националистическое движение достаточно быстро стало организованным, направляемым из единого центра: в 1882 г. писатель Поль Дерулед и историк Анри Мартэн создали «Лигу патриотов». Она ставила целью «развитие физических и моральных сил нации» в интересах победоносной войны против Германии. В середине 1880-х годов *Лига патриотов* насчитывала свыше 180 тыс. членов.

Что касается социалистов, то они заняли нейтральную позицию: в специальном манифесте *Рабочая партия* заявила, что не станет ни на сторону реакции, ни на сторону республиканцев.

На частичных выборах в Палату депутатов 27 января 1889 г. Буланже получил 242 тыс. голосов против 165 тыс. у соперника. Значительное превосходство в голосах избирателей, поддержка армии и полиции расценивались националистами как сигнал к перевороту. Однако Буланже отказался от решительных действий, рассчитывая на предстоявших всеобщих выборах провести своих сторонников в парламент. Более того, испугавшись преднамеренно распушенного слуха о якобы намечавшемся аресте, Буланже бежал в Бельгию. Его заочно судили и приговорили к изгнанию. Судебному преследованию подвергли руководителей националистического движения, впрочем, приговоры были мягкими. На процессе выяснились связи Буланже с монархистами, все это оттолкнуло приверженцев генерала. Весомым последствием кризиса был роспуск «Лиги патриотов». Движение, названное именем Буланже, быстро пошло на убыль и вскоре исчезло из политической жизни.

Из буланжистского кризиса республиканцы извлекли ряд уроков. Первый из них состоял в пришедшем понимании необходимости объединения перед лицом возникшей политической угрозы. Умеренные республиканцы и радикалы, чтобы защитить конституцию, забыли, хотя бы на время, о разногласиях и консолидировали свои силы. На всеобщих выборах, прошедших в сентябре 1889 г., буланжисты потерпели поражение и провели в Палату депутатов всего 38 своих сторонников.

Буланжистский кризис показал, что угрозу политическому режиму может создать несовершенство законодательной базы, в частности, порядка выборов депутатского корпуса. Принятый 16 июля 1885 г. закон отменил выборы по одномандатным округам и ввел голосование по департаментским спискам [307–309], что давало возможность кандидатам баллотироваться по многим округам. Этим воспользовались генерал Буланже и его сторонники. И этот урок был учтен. Объединение сил умеренных республиканцев и радикалов позво-

лило изменить систему выборов. 13 февраля 1889 г. приняли закон, восстановивший одномандатные округа [292, 303–304], а 17 июля 1889 г. – закон, запрещавший кандидатам в депутаты выдвигать свою кандидатуру более чем в одном избирательном округе [317–319].

Кризис побудил и самих радикалов изменить отношение к сложившейся форме парламентской системы. Радикальная партия осознала, что стабильность республиканского строя напрямую зависит от незыблемости конституции, сняла требование о ее пересмотре и в последующих политических коллизиях решительно защищала конституционные законы 1875 г. Это позволило радикалам, наряду с умеренными республиканцами, занять место второй основной парламентской партии.

Наконец, сделали надлежащие выводы умеренные республиканцы. Для них он состоял в переходе к более активной социальной политике, без чего трудно было рассчитывать на расширение электоральной базы как самой партии, так и республиканизма в целом. Располагая вместе с радикалами большинством в Палате депутатов и Сенате, умеренные республиканцы провели ряд реформ в интересах трудящихся. В 1892 г. был принят и с 1 января 1893 г. вступил в силу «Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях», действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном образовании, и с 13 лет – без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю [338]. 9 апреля 1898 г. приняли «Закон об ответственности за несчастные случаи на производстве». В случае наступления полной и постоянной нетрудоспособности в результате производственной травмы рабочие и служащие получили право на пособие за счет предприятия в размере двух третей годовой заработной платы. В случае смерти предусматривалась выплата пенсии жене (20% заработной платы погибшего мужа) и пособие детям (от 15 до 40% в зависимости от количества детей) [300].

Монархисты и националисты против Лиги прав человека в деле Дрейфуса. К 1894 г. относится начало еще одного острейшего политического кризиса, поводом к которому явилось дело капитана Альфреда Дрейфуса, обвиненного в государственной измене. С ним связали утечку из генерального штаба секретных документов, попавших к немецкому военному атташе. На основании некомпетентного, а может быть и предвзятого, анализа почерка перехваченного документа в измене обвинили Дрейфуса, еврея по национальности. Лишь происхождение сына богатого фабриканта из Эльзаса превратило ничем не примечательного капитана Дрейфуса в объект политической прово-

кации, позволившей разжечь националистическую кампанию, поднять во Франции волну антисемитизма. По оценке Э. Хобсбаума, «в представлении обывателей евреи олицетворяли собой капитализм; более того, они были теми яркими капиталистами (банкирами, владельцами универмагов и складов, дилерами), которые сильно потеснили мелких ремесленников и торговцев; хуже того: евреи часто были безбожниками-социалистами и вообще “умниками”, подорвавшими старые традиции и поставившими под угрозу все нравственные и семейные ценности» [1998, с. 131].

В такой обстановке Дрейфуса приговорили к пожизненному заключению, но он не смирился. К тому же в 1897 г. его брат направил военным властям письмо, в котором доказывал невиновность Дрейфуса. Одновременно новый начальник контрразведки полковник Пикар установил, что действительным изменником является не Дрейфус, а майор Эстергази, венгерский авантюрист, служивший в австрийской армии, а затем перешедший на французскую службу и ставший офицером генштаба. Однако военное командование не пожелало исправить ошибку. Пикара отправили в Африку, а затем и вообще уволили. Эстергази военный суд оправдал.

Внешне частное событие – осуждение Дрейфуса – привело к поляризации общества. В стране сложились лагеря *дрейфусаров* и *антидрейфусаров*, непримиримых в противостоянии друг другу. В борьбу оказались вовлечены такие общественные группы, которые в иных условиях оставались бы в состоянии политической апатии. С одной стороны, реакция использовала расправу над Дрейфусом для новых попыток дискредитации республики. Газета Рошфора, некогда прогрессивного журналиста, опубликовала статью «Дрейфус и Вильгельм II». В ней утверждалось, что Дрейфус, как выходец из Эльзаса, принял германское подданство, по личному распоряжению кайзера был зачислен в германский генштаб и т. д. Подобные абсурдные домыслы подпитывали антиреспубликанские настроения клерикальных, антисемитских, милитаристских и шовинистически настроенных слоев общества. В 1898 г. были созданы организации, стоявшие на позициях национализма, преклонения перед армией, сторонники хотя и республиканской, но авторитарной формы правления. Это были возрожденная Дерулемом *Лига патриотов*, *Антисемитская лига*, *Лига французской родины*. Только последняя насчитывала в своем составе до полумиллиона членов. К ним примыкала монархическое по своим программным установкам *Французское действие* (*Аксьон франсэз*). В политическую борьбу втягивалась армия с неизжитыми в ней клерикально-монархическими симпатиями.

По свидетельству очевидца событий и биографа Дрейфуса Е. Смирнова, лагерь антидрейфусаров составили: «все клерикальные и реакционные органы печати, все духовенство, все католические ассоциации, вся реакционная партия в палате и сенате, вся семья орлеанистского претендента и сам претендент превращаются в фанатических ротверженцев *chose jugée* и не менее фанатических приверженцев невиновности Эстергази <...> мелкие буржуа, которых бьет и протекционизм, и экономическое падение Франции, и конкуренция

крупных магазинов и которые верят, что устранение евреев может их спасти от окончательной гибели; ловкие “предприниматели”, под флагом антисемитизма обдeldывающие свои личные делишки; представители либеральных профессий, для которых евреи, охотно выбирающие именно этот род занятий, являются серьезными конкурентами; некоторая часть крупных землевладельцев, которым не нравится политика “примирения с республикой” и в которых издавна живет ненависть к евреям, захватившим в свои руки банковское дело и торговлю хлебом, ненависть, то скрываемая под маской внешней любезности и даже сближения, то выступающая наружу с усиленной резкостью и интенсивностью; католики, – в особенности женщины, – которые вообще терпеть не могут евреев, потому что они “распяли Христа”; наконец, представители всевозможных оттенков реакционной партии, которые ничего против евреев не имеют, но видят в антисемитизме преддверие к борьбе против <...> свободомыслящих» [884, с. 19–20].

С другой стороны, демократические слои расценили действия военных властей как покушение на гражданские права и свободы. Первым выступил Эмиль Золя. Он уже завершил серию романов, известную под общим названием «Ругон-Маккары», был в зените славы и известен во всем мире. Поверив в невиновность Дрейфуса, Золя 13 января 1898 г. опубликовал открытое письмо президенту республики, озаглавленное «Я обвиняю». Письмо Золя произвело огромное впечатление не только во Франции, но и за ее пределами. Сторонники пересмотра дела Дрейфуса объединили в своих рядах представители различных политических сил и течений, объединенных приверженностью к идеалам демократии, антиклерикализму, неприятием национализма и милитаризма. В начале 1898 г. они организовали *Лигу прав человека*, включавшую шедших за Жаном Жоресом социалистов, радикалов, масонов, противников военщины и религиозного засилья. В защиту демократии выступили университетская профессура, работники народного просвещения, литераторы, лица свободных профессий. Е. Смирнов в связи с переосмыслением интеллигенцией политических реалий отметил: «Все эти профессора, ученые, литераторы, которые всю жизнь провели в тиши своих кабинетов, вдали от шума “улицы”, сторонясь от “политики” и “политиканов” и которые поняли теперь, что конец свободе мысли, свободе науки, конец синекурам и теплым местечкам, конец всему, с чем они сжились, что им дорого, что им необходимо, как воздух и теплота, если они не выйдут на борьбу с реакцией». И далее: «Их единственным и, вместе с тем, естественным союзником мог явиться лишь один рабочий класс, потому что только он один представлял собою активную силу, на которую демократический строй мог рассчитывать, если бы ему грозила серьезная опасность со стороны клерикально-реакционной коалиции» [884, с. 25–26].

Внешне общественные слои, поддерживавшие Дрейфуса, боролись за торжество принципов права, против судебного произвола и несправедливого осуждения невиновного. Но гуманистический аспект дела Дрейфуса перерос в борьбу фракций общества, заинтересованных в сохранении демократического строя,

с милитаристской, клерикальной, политической и социальной реакцией. Воспользовавшись как поводом преданием суду и осуждением Золя, антидрейфусарские *Лига патриотов*, *Антисемитская лига*, *Лига французской родины*, *Французское действие* (*Аксьон франсэз*) организовали уличные бесчинства, погромы, нападения на редакции прогрессивных газет. Ситуация еще больше обострилась, когда в феврале 1899 г. скоропостижно скончался президент Феликс Фор. Через 42 часа после смерти Фора, 18 февраля 1899 г., Национальное собрание голосами радикалов и левых избрало президентом Эмиля Лубе, слывшего сторонником пересмотра дела Дрейфуса. Противники республики, обвинив дрейфусаров в организации отравления главы государства, попытались совершить государственный переворот, чуть ли не назначили день, когда он будет произведен.

Против реакции поднялись демократические силы Франции. Активно участвовал в борьбе Клемансо. С огромной энергией выступал Жорес. В политическую борьбу втягивались все более широкие слои населения, уличные манифестации сторонников и противников Дрейфуса сменяли одна другую. Столкновения грозили выйти из под контроля, что побудило враждующие лагеря пойти на компромисс.

В июле 1899 г. был создан так называемый «кабинет республиканской концентрации». Его возглавил известный и авторитетный политический деятель умеренный республиканец Пьер Вальдек-Руссо. В правительство вошли представители всех политических сил, выступавших в защиту законности и порядка, от бывшего адъютанта Наполеона III, одного из усмирителей Парижской Коммуны генерала Галифе до независимого социалиста А. Мильерана. Вхождение социалиста в буржуазное правительство породило «казус Мильерана», вызвавший острую борьбу в международном социалистическом движении. Но именно этому правительству, действовавшему необычно долго – три года, предстояло остановить нарастание политического противостояния. Пересмотренное в кассационном суде дело Дрейфуса [234] и разрешение кризиса, связанного с ним, означало окончательное торжество и упрочение Третьей республики.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

6.1. Политический строй Германской империи

3 марта 1871 г. состоялись выборы, а затем, в этом же месяце, и первая сессия имперского Рейхстага. 16 апреля 1871 г. он принял конституцию, которая определяла государственное устройство Германской империи вплоть до Ноябрьской революции 1918 года [475–478]. Империю составили 22 монархии: 4 королевства, 6 великих герцогств, 12 герцогств. Все эти государства сохранили свои династии, правительства, представительные органы – ландтаги. Бремен, Любек и Гамбург остались на положении вольных, т. е. с особым режимом, городов. Эльзас и Лотарингию наделили юридическим статусом имперской провинции, управлявшейся назначавшимся из центра оберпрезидентом. Только в 1911 г. она получила ограниченную автономию. Германская империя представляла собой федеративное государство, в котором сочетались законодательная централизация и административная самостоятельность отдельных ее частей. Вопросами, общими для всех государств, являлись: права гражданства, таможенное, торговое, гражданское и уголовное законодательство, патентные и авторские права, финансы, системы мер и веса, пути сообщения, почта и телеграф, армия и флот. То, что не входило в компетенцию империи, составляло прерогативу отдельных государств. Компетенции местных ландтагов подлежали такие области общественно-политической жизни, как бюджет, народное образование, законодательство о собраниях, например, в Саксонии запретили присутствовать на политических собраниях несовершеннолетним, в Пруссии и Баварии – женщинам. В других землях этих ограничений не было.

Особенностью Германской империи как федеративного государства являлось сохранение властных полномочий императора и монархический строй входивших в империю земель. Прусский король признавался главой империи в качестве наследного монарха – германского императора. Император открывал и закрывал сессии палат, вносил законопроекты, обнародовал имперские законы и контролировал их исполнение. Полностью в руках императора находился весь аппарат гражданской власти: он назначал и увольнял должностных лиц, включая имперского канцлера. Представлял империю в международно-правовом общении, заключал союзные и другие договоры с иностранными государствами – с согласия Союзного совета и одобрения Рейхстага, если эти договоры входили в сферу имперского законодательства. Император с согласия

Союзного совета объявлял войну, кроме случаев нападения на империю. Ему принадлежало верховное командование армией и флотом, на него возлагалась ответственность за укомплектованность, размещение и обучение воинских подразделений, от императора зависело перемещение по службе и назначение командиров воинских соединений и офицеров генеральского звания или на генеральские должности. Он мог ввести военное положение на любой территории страны. Объем прерогатив императора делал его власть почти неограниченной.

Государственное устройство империи не предусматривало такого органа исполнительной власти, как кабинет министров. Весь административный аппарат возглавлял имперский канцлер, который не только руководил общеимперскими органами государственного управления, но одновременно являлся главой прусского правительства и председателем верхней палаты парламента. Канцлер в силу огромных полномочий и ответственности в области исполнительной власти играл ведущую роль в проведении национальной политики государства. Без его подписи были недействительны указы и другие официальные акты императора. Конституция это специально оговаривала: «Постановления и распоряжения императора издаются от имени империи и нуждаются для обретения законной силы в подписи имперского канцлера, который тем самым принимает на себя ответственность за них». Он не был ответственен перед парламентом и не уходил в отставку в случае разногласий с Рейхстагом. Наоборот, именно Рейхстаг мог быть распущен в случае конфликта с канцлером. Такое случалось трижды: в 1878, 1887 и 1893 гг. Отраслевое управление обеспечивали государственные секретариаты – аналоги министерств. Первоначально их было пять: иностранных дел, внутренних дел, юстиции, финансов, почты, позднее их общее количество удвоилось. Во главе общеимперских ведомств стояли статс-секретари (государственные секретари), назначавшиеся канцлером.

Законодательная власть принадлежала парламенту, состоявшему из двух палат: нижней – Рейхстага и верхней – Бундесрата (Союзного совета). Обе палаты формально имели равные законодательные права, каждая обладала законодательной инициативой, для принятия закона необходимо было согласие обеих палат. Но большинство законопроектов готовилось и первоначально обсуждалось в Союзном совете и лишь затем в Рейхстаге. При его согласии Союзный совет окончательно утверждал закон, а император его обнародовал. Рейхстаг олицетворял народное представительство и единство нации, стоял выше частных интересов входивших в империю государств – в этой функции он должен был не допустить гегемонию Пруссии. Это было возможно несмотря на численное преобладание депутатов из Пруссии. Партийные фракции Партии центра, либералов, тем более социал-демократов, побуждали своих членов, в том числе входивших в них прусских депутатов, выступать с позиций фракций, а не исходя из интересов Пруссии. Хотя Рейхстаг и был отстранен от формирования правительства, он реально влиял на политические процессы через

механизмы принятия бюджета и законотворческого процесса. Рейхстаг избирался первоначально на 3, а с 1888 г. на 5 лет.

Ф. Лассаль определил германский конституционализм как средство спасения абсолютизма при помощи внешних конституционных форм, не влияющих на существующее взаимоотношение сил, как государственную форму, при которой одна лишь организованная сила – армия – стоит вне конкуренции, подчинена только монарху и обеспечивает ему всю полноту государственной власти. Государство объявляется конституционным, между тем как в действительности оно абсолютно [528, т. 2, 44]. Однако в германской политической системе усматриваются и позитивные стороны. По обоснованному мнению В. Г. Баева, инновационный момент Конституции Германской империи заключался в том, что «конституционное развитие страны проходило без резких отклонений от либеральных идей революции 1848 года. <...> Конституцию 1871 г. можно расценивать как симбиоз традиции и прогресса» [47, с. 120]. Элементы прогресса усматриваются, в частности, в возможности свободного функционирования политических партий и общественных объединений. Даже социал-демократы ни в одном из созывов Рейхстага не лишались представительства, а на последних предвоенных выборах 1912 г. получили 34,8% голосов избирателей и 110 мандатов – больше, чем любая другая партия [827, с. 270]. Кроме того, в местные ландтаги социал-демократы провели 231 депутата, в общинные, коммунальные и городские управления входили 11 686 социал-демократических по партийной принадлежности советников [394, т. 2, с. 233].

Обстоятельство, когда наиболее левая партия оказалась более чем достойно представлена в законодательном и местных органах консервативного государства, внешне кажется парадоксальным. Но здесь нет ничего, что не укладывалось бы в логику политического развития. Консерватизм представляет собой неоднородное явление. Если для ультраконсервативной тенденции характерна ориентация на сохранение положения, как оно было в прошлом, то умеренное, либерально-консервативное направление не исключает возможность компромисса. Он включает признание общих интересов у нисходящего феодального класса, например, прусского юнкерства, и восходящей буржуазии. Исходит из необходимости учета требований «низших» классов – рабочих, крестьян. Допускает принятие многих идей и принципов, которые раньше отвергались. К ним относятся конституционализм, система представительства и выборности органов власти, парламентаризм, идеологический и политический плюрализм. Признание этих постулатов сделало Германскую империю, хотя и консервативным, но правовым государством с одной из самых демократических на то время избирательной системой. Политический опыт Германии показал, что даже в условиях господства консервативных властных институтов, если они легитимны, основаны на праве и привержены ему, страна не обречена на застой и может идти по пути прогресса.

Но этот путь медленный, не снимающий и даже плохо сглаживающий экономические, социально-классовые, политические, идеологические противоречия

между различными социальными слоями и структурами. Более того, на этом пути возможны политические барьеры и завалы наподобие порождений бисмарковской политики – культуркампа и исключительного закона против социалистов. Вследствие подобных акций накапливалась критическая масса, взорвавшая общество, не выдержавшего потрясений Первой мировой войны.

6.2. Консервативные партии

Предпосылки зарождения консервативных партий. Реформистские тенденции, особенно ярко проявившиеся в революционных событиях 1848 г., вызвали противодействие консервативного лагеря. Его линию поведения определяло стремление сохранить традиционные аристократические ценности и сложившийся в прошлые эпохи порядок в государственной, общественной и церковной сферах. В период революции 1848 г. германские консерваторы сплотились, выпускали свой печатный орган «Крестовую газету», имели депутатов в парламентах. Консерваторы, рекрутировавшие свои ряды из прусского юнкерства, были тесно связаны с династией Гогенцоллернов, занимали командные должности в армии, министерские посты, в их руках находился административный и судебный аппарат. Консерваторы, воодушевлявшиеся аристократическими идеалами прошедших столетий, выступали сторонниками сохранения устоев сословного общества во главе с императором и нравственно-идеологической роли церковных институтов. «Крестовая газета» писала: «Мы будем отстаивать право, дарованное свыше, против произвольного, возникающего снизу права, власть Божьей милостью против самозваной власти, существующий правовой порядок и защищаемые им интересы против скрытого или открытого насилия, против натиска радикализма, не уничтожающего неравенства, но лишь дающего ему обратное направление» [568, с. 211].

Национально-государственные и социально-экономические процессы, активно развивавшиеся в германских государствах, консолидация либерального лагеря, сформировавшего *Прогрессистскую партию* (1861) и *Национал-либеральную партию* (1867), побудили трансформироваться достаточно аморфное консервативное объединение. Но консерваторы не были едины в отношении к проблеме воссоединения Германии. Часть из них, прежде всего крупное прусское дворянство, опасалась, что воссоединение растворит Пруссию в единой Германии и предпочитала сохранение германских государств. Размежевание нашло выражение в образовании в 1866 г. в прусском ландтаге и в 1867 г. в северогерманском рейхстаге двух самостоятельных фракций. Они и стали основой двух консервативных партий: *Партии свободных консерваторов* (Имперской партии) и *Немецкой консервативной партии*.

Партия свободных консерваторов (Имперская партия). Те слои консерваторов, которые Бисмарк поддерживали и безоговорочно шли за ним, объединились в *Партию свободных консерваторов* или, как ее стали называть с 1871 г., *Немецкую имперскую партию*. В нее входила включившаяся в капиталисти-

ческое предпринимательство часть земельной аристократии, верхушка чиновничества, многие крупнейшие промышленники, в том числе из семейств Крупнов, Кирдорфов, Штуммов. Большинство избирателей концентрировались в Саксонии, Силезии, Вюртемберге, Нижнем Рейне. В конфессиональном разрезе партию поддерживали не только протестанты, но и католики. *Имперская партия* как до, так и после создания Германской империи стремилась к консолидации германской нации под главенством Гогенцоллернов. В октябре 1867 г. партия провозгласила свои программные требования: «Великая задача, нашедшая прогрессивное решение в создании прусского государства, Таможенного союза, Северогерманского союза, вскоре будет окончательно решена не только благодаря неизбежному объединению с южными германскими государствами, но и внутреннему обустройству новой Германии. Для этого в рейхстаге нынешнего созыва сделаны первые важные шаги. Мы как верные, независимые граждане, поддерживая национальную политику союзного канцлера, преследующую эти цели, придерживаемся очень консервативной точки зрения, состоящей в заботливом сохранении и развитии здоровых и перспективных элементов настоящего времени, но не в разрыве с историей, не в изменении живой действительности согласно доктринам. Развивающийся в “Германскую империю” Северогерманский союз произошел от Таможенного союза и, по нашему мнению, является логичной формой немецкого государства, получившего импульс развития от прусской монархии.

<...> Мы признаем неизбежное вступление этой монархии в ряды конституционных государств. У абсолютизма в Пруссии блестящее прошлое. Но времена абсолютизма прошли. Сегодня бы он уничтожил искусные творения своих рук. Не только нашему народу, как и всем цивилизованным нациям этой эпохи, необходимо воспользоваться законным правом решать свою судьбу, но и сама королевская власть для выполнения своей высокой миссии нуждается в сотрудничестве с народом.

<...> Конституцию государства мы цествуем как документ, обеспечивающий усиление королевской власти, свободу самовыражения народа, защиту свободы церкви, равенство конфессий, освобождение политических прав от религиозных учений. Мы отвергаем “мнимый конституционализм” как унижающий и развращающий общественную жизнь. Мы также боремся с отжившим, но все еще действующим учением о разделении властей, которому мы противопоставляем принцип единства <...> власти.

Избирательное право не является гарантом настоящей свободы. Ее сущность и благо мы видим не в том, чтобы как можно большее количество граждан принимало участие в управлении, а в том, чтобы сильное правительство позволяло гражданам действовать самостоятельно и выражать свою волю, опираясь на законы и конституцию. Кульминацию демократического развития мы ищем и находим в самоуправлении всех слоев народа.

Мы стремимся к обеспечению самостоятельной жизни в городе и на селе, в области кустарного и промышленного производства, среди рабочих и рабо-

тодателей, в искусстве и науке, в округе и провинции. Мы желаем, чтобы по образцу наших государств, сохраняющих своеобразие в Северогерманском союзе, внутри каждого из них свободно развивались самоуправляющиеся территории, не нанося ущерб единству и верховной власти страны» [373, с. 249–250].

Как видно из программы, *Свободные консерваторы*, признавая допустимость социальных изменений, в то же время поддерживали многие реакционные направления во внутренней политике.

Немецкая консервативная партия. Однако многие консерваторы предпочитали сохранение германских государств и до середины 70-х годов XIX в. находились в оппозиции к Бисмарку. Эта часть консервативного лагеря оформилась в *Немецкую консервативную партию*. Ее основу составляли преимущественно протестанты: прусские юнкеры, крупные землевладельцы, зажиточные крестьяне, представители среднего класса из Мекленбург-Шверина и Мекленбург-Стрелица, Вальдека, Липпе, Шаумбург-Липпе, других земель страны. В принятом на съезде партии во Франкфурте-на-Майне программном воззвании (1876) консерваторы декларировали признание решающего значения монархических принципов и сильной верховной власти. В экономической сфере «в противовес неограниченной свободе, выдвигаемой либеральной теорией» требовали, «организованной экономической свободы в промышленности и на транспорте», принятия законодательства, которое в равной мере должно учитывать интересы земельной собственности, промышленности и ремесла. Устойчивость социально-политического развития консерваторы связывали с выступлениями «против ложных социалистических учений, которые увлекают все большую часть нашего народа на враждебные позиции по отношению к нашему общественному порядку». Консерваторы полагали необходимым выстроить самоуправление в провинциях, округах и общинах, основанное не на всеобщем избирательном праве, а на «естественном групповом и организационном разделении народа» [370, с. 262]. Развивая эту идею, в 1890 г. «Крестовая газета» внедряла в сознание своих сторонников представления об извечности, как Богом данного, неравенства и «вопиющей нелепости» равенства людей: «Люди от природы неравны, неравны в смысле пола, таланта, характера и телесной силы. Бог восхотел неравенства людей, ибо он сотворил их неравными; к тому же природное равенство сделало бы невозможным никакой прогресс. Неравенство людей зависит не только от рождения, но также и от их развития. Вот почему “великое” слово “egalite” является не больше как вопиющей нелепостью» [568, с. 219].

Дальнейшие рассуждения газеты сводились к утверждению, что индивидуальное неравенство имеет своим последствием и социальное неравенство. Каждый народ распадается на две неодинаковых по численности части: благородное дворянство, олицетворяющее собой как бы мозг нации и призванное в силу рождения и воспитания руководить и повелевать, и широкую массу всего остального населения, имеющего только одну задачу – повиноваться. Кроме того, каждый народ подразделяется на ряд внутренне замкнутых сословно-

профессиональных групп, которые под командой вождей нации несут на себе все тяготы по содержанию верхов общественной пирамиды.

Именно в таком духе *Немецкая консервативная партия* в 1892 г. пересмотрела свою программу, которая предусматривала: «1) укрепление в народе христианского мирозозерцания, право евангелической церкви самой регулировать свои внутренние порядки, конфессиональная христианская школа, борьба с иудейством, требование, чтобы учителя и чиновники были христианами; 2) единство Германии с сохранением самостоятельности отдельных государств; самоуправление провинций, округов и общин, основанное на представительстве органических групп народа; 3) защита монархии против парламентаризма; 4) возможно большее усиление армии; 5) продолжение колониальной политики; 6) упрощение законов о страховании рабочих, укрепление средних классов, устранение привилегий крупного капитала; 7) семейственное и наследственное право, содействие развитию крепкого крестьянства; 8) содействие погашению ипотечных долгов; 9) защита промышленности от иностранной конкуренции; 10) меры против злоупотреблений биржи; 11) признание социал-демократов и анархистов врагами государственного порядка» [154, с. 37].

С объединением Германии политическая линия обеих консервативных партий сблизилась, в Рейхстаге они выступали почти всегда солидарно, в 1892 г. совместно выпустили свод общих программных принципов. Главными среди них были: упрочение единства Германии с сохранением самостоятельности отдельных государств, ограничение парламентаризма, усиление армии, продолжение колониальной политики, защита промышленности от иностранной конкуренции, устранение привилегий крупного капитала, поддержка среднего класса, упрощение законов о страховании рабочих, укрепление религиозных начал в жизни народа, закрепление за евангелической церковью права самой регулировать внутренние порядки и усиление антисемитизма, признание социал-демократов и анархистов врагами государственного порядка. В социальной политике консерваторы признавали необходимость улучшения жизненных стандартов трудящихся и выступали в поддержку социальных программ. Вместе с тем консерваторы всех оттенков решительно выступали против освобождения женщин от всех сковывавших их социально-политических пут. Исходя из принципа «женщина принадлежит дому», они всячески противодействовали самой идее предоставления женщинам избирательного права и возможности избрания их в промышленные суды, были противниками свободы женских собраний и союзов. В семейно-брачных отношениях консерваторы отстаивали принцип общности имущества, что отдавало собственностью жены в полное распоряжение мужа, выступали против разводов, предоставлении матери возможности быть опекуном внебрачного ребенка.

Консерваторы и националистические организации. Консерваторы всемерно поддерживали различные организации националистической ориентации. Одна из них – *Союз немецких студентов* – своей целью провозглашал дальнейшее развитие национального государства. Это «развитие» понималось как

устранение внутренних врагов: космополитизма, еврейства, социал-демократии. В этом контексте понятие «немецкий» в названии союза употреблялось не в интегративном, а в ограничительном смысле: из числа немцев исключались немцы либеральных и социал-демократических убеждений, а также немцы еврейского происхождения. Этот союз стал первым общественным объединением, устав которого официально не допускал евреев в свой состав. Националистическую идеологию разделял *Германский национальный союз торговых служащих*. Он включал представителей средних городских слоев, недовольных модернистскими тенденциями в обществе и раздраженных соперничеством удачливых еврейских конкурентов. Прусские юнкеры организовали массовый *Сельскохозяйственный союз*, в который привлекли часть мелкого крестьянства. Идеология *Сельскохозяйственного союза* культивировала и углубляла неприятие крестьянством ценностей индустриального общества, поддерживала в нем осознание своей роли носителей национальных традиций.

С конца XIX века в Германии возобладали концепция превращения империи в мировую державу и завоевания ею гегемонии на мировой арене. Постановка этой цели требовала создания цельной системы организованного идеологического воздействия на общественное сознание. В 1898 г. для воспитания масс в духе «мировой политики» и готовности к войне был создан *Германский флотский союз* – к 1913 г. его численность составила более 1,1 млн человек. Говоря о пропаганде планов превращения империи в океанскую державу, Тирпиц писал: «Мы устроили ряд заседаний и докладов и особенно старались установить контакт с прессой... Мы организовали поездки на побережье, показали корабли и верфи, обращались к школам, призывали писателей выступить в нашу пользу и т. д.; появились кипы романов и брошюр». Массированная идеологическая обработка привела к тому, что «вскоре вопрос о флоте был признан жизненно важным» [937, с. 145, 146].

Среди националистических организаций, призванных обеспечить воспитание в духе милитаризма, одним из наиболее активных и воинственных был *Пангерманский союз*. Его сила заключалась в высоком интеллектуальном потенциале. Основы идеологии *Пангерманского союза* заложили труды националистически настроенных интеллигентов. Поддерживали *Пангерманский союз* крупнейшие промышленники, многие предпринимательские объединения, командование сухопутных войск и адмиралтейство, Консервативная и Национал-либеральная партии.

В основе идеологии пангерманизма лежали представления об определяющем значении географических факторов (положения, физических условий, климата) для развития и функционирования государства, позднее получившие название геополитики. По этой теории, прилагавшей идеи дарвинизма к политической жизни, государство уподоблялось биологическому организму, ведущему борьбу за «жизненное пространство». Ведущим принципом развития являлось стремление к территориальному расширению, захвату новых земель. Первым шагом к установлению мирового господства Пангерманский союз

считал завоевание Европейского континента. В связи с этим разрабатывались и широко обсуждались планы создания «Срединной Европы» — экономико-политического объединения европейских государств под главенством Германии. Стержнем его предполагался блок Германии и Австро-Венгрии. В «Срединную Европу» предлагали включить Голландию, Скандинавские страны, Данию, Финляндию, Румынию, Болгарию, Грецию. Некоторые шли еще дальше и готовы были причислить к ней даже Францию, Бельгию, Швейцарию, Испанию, Италию. Проект «Срединной Европы» возрождал в новых исторических условиях тенденцию к объединению европейских государств или части их под властью Германии.

У пангерманистов планы относительно «Срединной Европы» занимали важное, но не единственное место. В своей пропаганде они постоянно указывали на Восток как на одно из главных направлений экспансии. В «Срединную Европу» намеревались включить обширные территории, отнятые у России. Не меньшее внимание пангерманисты уделяли колониальным захватам. В требованиях передела уже поделенных колоний пангерманисты смыкались с *Колониальным обществом*, объединявшим представителей промышленного и торгового капитала, чиновничества.

Средством достижения поставленных целей пангерманисты считали войну, которая в их понимании является «биологической необходимостью», чтобы завершить построение немецкого национального государства путем дальнейшей экономической и политической интеграции немецких земель империи, «собираания» немецкоязычных территорий, не вошедших в рейх. Отсюда вытекало, что сохранение мира не может быть целью политики. Поэтому долг политических деятелей — вызвать войну, чтобы обеспечить Германии положение «мировой державы», ибо в противном случае империю якобы ожидает закат.

Широкомасштабная пропаганда национализма, шовинизма, милитаризма не была бесплодной. Чтобы наступило протрезвление, понадобились годы кровавой бойни Первой мировой войны.

Консерваторы и культуркампф. В религии консерваторы видели стержень устойчивости общества и государства, последовательно придерживаясь основополагающего положения о необходимости стремиться к сохранению и укреплению христианского мирозерцания в народе и государстве, рассматривать его как незаменимую основу всякого здорового развития, гарантию против возрастающего одичания масс и прогрессирующего расторжения всех общественных связей.

Но для консерваторов проблема взаимоотношений с церковью имела не только религиозно-нравственный, но и политический аспект. Установление прусской гегемонии вызывало естественное противодействие не только поляков, датчан из Шлезвига и Гольштейна, французов Эльзаса и Лотарингии, но и баварцев, баденцев, вюртембергцев, одним словом, населения всех тех областей, на которые прусские порядки раньше не распространялись. Если же учесть, что в империи более трети населения составляли католики, становится понят-

ным, насколько беспокоили Бисмарка сепаратистские тенденции в католических землях Германии.

Поводом для наступления на католическую церковь послужило провозглашение Ватиканским собором 1870 г. догмата о непогрешимости Папы. Принятый документ определил, что высказанные им с кафедры доктрины относительно веры и нравственности не могут быть оспорены. Кроме того, за Папой признавалась полная и верховная власть в вопросах церковной дисциплины и управления вселенской церковью.

Бисмарк увидел в этом признак концентрации в руках Церкви излишне большой, по его мнению, власти и реагировал весьма энергично: «Постановления Ватиканского собора превратили епископов в орудие Папы, в безответственные органы государя, который в силу догмата о непогрешимости располагает гораздо большей полнотой власти, чем какой-либо другой монарх в мире» [398, т. 7, с. 346].

В стране начали разжигаться страсти, пугали увеличивающимся могуществом католиков и их монашеских орденов, утверждали, что победа Германии станет окончательной и полной лишь при условии нейтрализации влияния Ватикана. На этом фоне произошли события, которые вошли в историю под названием «культуркампф» – борьба за культуру¹.

Культуркампф выражался в том, что на протяжении 1872–1875 гг. был принят ряд антикатолических законов, некоторые из них действовали на всей территории империи, а часть – в Пруссии. Непосредственным организатором акций стал прусский министр культов Нильс Фальк, действиями которого руководил Бисмарк.

Общегерманскими законами предусматривалось изгнание из Германии Ордена иезуитов; включение в уголовный кодекс статьи, каравшей духовных лиц за антиправительственную пропаганду в церковных проповедях; вводились ссылка или высылка из Германии тех священников, кто был отстранен от должности судом, но продолжал исполнять свои функции [368]; устанавливалась обязательность гражданского брака.

Серию законов принял прусский ландтаг. Государству передавался надзор за всеми общественными и частными учебными заведениями, а также контроль за подготовкой и назначением духовных лиц. Ватикан устранился от наказаний немецких служителей церкви. Для отказа от вероисповедания становилось достаточным сделать заявление местному судье. Распускались все католические ордена и конгрегации, кроме занимавшихся уходом за больными. Прекращалось содержание из государственных средств католического духовенства [374].

Папа Пий IX побуждал немецких католиков к сопротивлению, объявил недействительными все законы против церкви, грозил отлучением признав-

---

¹ Сам термин ввел в оборот ученый-естествоиспытатель и политический деятель Р. Вирхов. Он рассуждал: поскольку у духовенства отняли надзор над школами и членам духовных корпораций запретили преподавать в школах, постольку это есть борьба за культуру.

ших их. Ответом непокорным католическим священникам были репрессии. Почти все епископские кафедры пустовали, занимавшие их лица были смещены, сидели в тюрьмах или бежали из страны. Более тысячи приходов оставались без настоятелей. На голову Бисмарка сыпались проклятья, на него совершили покушение, закончившееся ранением. Довершил дело поворот общественного мнения в пользу католиков. На выборах в Рейхстаг в 1871 г. они собрали 742 тыс. голосов, а на всех последующих – почти вдвое больше.

Столкнувшись со столь сильным противодействием, Бисмарк пошел на примирение с Ватиканом ценой отставки Фалька и отмены на протяжении 1880–1887 гг. большей части антикатолических законов. Из оставшихся в действии наиболее важными были те, что предусматривали гражданский брак, запрет деятельности иезуитов, участие общин в управлении церковным имуществом, государственный надзор за школами.

Культуркампом Бисмарк попытался решить задачу укрепления единства страны не путем консолидации всех общественных и политических сил на платформе немецкой государственности, а насильственной отменой церковной автономии, полным подчинением католической церкви государству. Бисмарк надеялся таким образом подорвать влияние партии Центра и нейтрализовать оппозицию земель с католическим населением, в первую очередь, обеспечить ассимиляцию поляков, численность которых приближалась к 1 млн человек. Но просчитался. Многие в Германии, и не только католики, расценили культуркампф как покушение на конституционные гарантии свободы совести и отвергли его.

Экономическая политика консерваторов. При Бисмарке внешнюю экономическую политику связывали с высокими таможенными пошлинами. В этом он находил поддержку монополистической буржуазии. Для выработки общих подходов к экономической и социальной политике союзы предпринимателей металлургической и текстильной промышленности в 1876 г. объединились в *Центральный союз германских промышленников* (ЦСГП). Протекционистские тарифы помогли немецкой промышленности встать на ноги. Но это имело и свою обратную сторону: развернулась полномасштабная таможенная война, прежде всего с Россией. Угроза потери многих европейских рынков побудила правящие круги Германии пойти на пересмотр таможенной политики. В период канцлерства Каприви в 1891–1894 гг. были заключены торговые договоры с рядом стран: Австро-Венгрией, Бельгией, Италией, Испанией, Швейцарией, Сербией, Румынией, Россией. С помощью системы торговых договоров Каприви намеревался создать некую общеевропейскую экономическую систему, призванную обеспечить для Германии доминирующие экономические позиции в «Срединной Европе». Завоевание внешних рынков обеспечивало рост производства, высокую занятость и зарплату рабочих, смягчало последствия экономических кризисов, т. е. в конечном счете обеспечивало превращение Германии в высокоразвитое индустриально-аграрное государство. Это соответствовало интересам монополистической буржуазии и ее политико-экономическому

объединению – ЦСПП, который выступал в пользу выгодных торговых договоров, поддерживал меры по усовершенствованию путей сообщения, особенно железных дорог и каналов, внедрению технических усовершенствований и изобретений, добивался благоприятных для промышленности налоговых тарифов; инициировал изыскание новых источников сырья и рынков сбыта продукции. ЦСПП поддерживал *Имперский союз борьбы против социал-демократии*, финансировал деятельность *Пангерманского союза*, *Флотского союза*, *Оборонного союза*, *Колониального общества* – главных идеологических инструментов пропаганды мировой внешнеполитической экспансии и колониальной политики империи. Осенью 1914 г. ЦСПП под руководством Круппа, Кирдорфа, Стиннеса и Гугенберга представил канцлеру меморандум, в котором изложил требования монополистического капитала: военной силой обеспечить захват английских, французских, бельгийских и других колоний, возложить на Антанту выплату репарационных платежей, присоединение французского побережья Ла-Манша, захват Эльзаса и Лотарингии, земель России, Польши, Украины, Балканских стран.

Экономические интересы землевладельцев отстаивал *Союз сельских хозяев*, основанный в 1893 г. на съезде представителей землевладельцев всех земель Германии и первоначально преследовал чисто экономические задачи. В его программном заявлении отмечалось: «Немецкое сельское хозяйство является первой и важнейшей из отраслей нашей промышленности, надежнейшей опорой империи и отдельных союзных государств. Поэтому наша главная и основная задача состоит в защите интересов и укреплении сельского хозяйства, так как с его процветанием тесно связано благополучие всех остальных отраслей труда» [568, с. 217].

Союз сельских хозяев представлял интересы сельского хозяйства в официальных органах власти, добивался повышения пошлин на ввозные продукты земледелия, в чем преуспел в связи с принятием таможенного тарифа 1903 г., выгодного крупным землевладельцам. Требовал введения льгот для сельского хозяйства в налоговой области, изменения законодательства о найме рабочих, других преобразований аграрно-протекционистского характера. *Союз*, располагая огромными денежными средствами, периодическими изданиями и эффективно действовавшими организационными структурами принимал непосредственное участие в избирательных кампаниях в политическом русле консервативной партии. *Союз* в пору своего расцвета насчитывал 250 тыс. членов, в числе которых 177 тыс. являлись мелкими земельными собственниками. Из чисто экономического объединения он превратился в политический оплот юнкерства. Непосредственное участие юнкеров в *Союзе* и поддержка его центральными и местными органами власти обеспечивали значительное влияние на земледельческое население на востоке Германии. Ввиду этого государство вынуждено было балансировать между крупной промышленной буржуазией и аграриями. При канцлере Бюлове в 1902 г. вновь повысили пошлины на импортные сельскохозяйственные продукты.

Консерваторы и социалистическое движение. Консерваторы считали своим долгом выступать против социалистических учений и движений. Рост влияния социал-демократии, проявившийся в увеличении парламентского представительства, тревожил рейхсканцлера Бисмарка и в целом консервативный лагерь. Нейтрализовать опасную тенденцию попытались репрессиями. Воспользовавшись покушениями на Вильгельма I, к которым социал-демократы не имели никакого отношения, Рейхстаг голосами консерваторов, свободных консерваторов и национал-либералов 21 октября 1878 г. принял «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии», известный как «Исключительный закон против социалистов» [363]. Его утвердили сроком на 2,5 года, однако впоследствии четырежды продлевали, пока не отменили в 1890 г. Закон запретил союзы, преследующие социал-демократические, социалистические или коммунистические цели, направленные на «ниспровержение существующего государственного или общественного порядка». Не допускались проведение ими демонстраций и собраний, выпуск печатной продукции. За 12 лет действия закона власти закрыли около 4 тыс. социал-демократических партийных и профсоюзных изданий, выслали 900 и заключили в тюрьмы 1500 социал-демократов. Но репрессии привели к результату, обратному тому, на который рассчитывал Бисмарк и консерваторы. На парламентских выборах 1877 г., т. е. до принятия «исключительного закона», социал-демократы получили 493 тыс. (9,1%) голосов избирателей и 12 мандатов, а на выборах 1890 г. – 1,4 млн (19,7%) и 35 мест в Рейхстаге [411, с. 71–72]. В январе 1890 г. Рейхстаг не поддержал законопроект о превращении закона против социалистов из временного в постоянный, и в сентябре этого же года он потерял силу. Отношение широких общественных слоев к политике Бисмарка нашло отражение в результатах выборов 1890 г., которые принесли поражение опоре канцлера – блоку консерваторов, свободных консерваторов и национал-либералов. Эти партии, вместе взятые, потеряли сравнительно с предыдущими выборами 1887 г. 85 мест [827, с. 270]. В этих условиях Вильгельм II предпочел пожертвовать Бисмарком, 20 марта 1890 г. Бисмарк ушел в отставку. Это стало рубежом в политической истории Германии.

Тем не менее отношение консерваторов к социал-демократии не изменилось. На заседании Рейхстага 1 декабря 1902 г. один из видных консерваторов, в свое время возглавлявший прусский ландтаг, фон Крёхер заявлял: «Разве это не противоречит здравому человеческому рассудку, что социал-демократия может быть представлена здесь, в Рейхстаге?... Ведь совершенно ясно, что социал-демократия по всему характеру исповедуемых ею принципов пригодна быть не субъектом, а лишь объектом законодательства». Призывая поставить социал-демократию в роль «объекта» законодательства, т. е. законодательного ограничения поля их деятельности, консерваторы отнюдь не намеревались ограничиться методами идеологической борьбы, откровенно призывая к насильственному подавлению социал-демократического движения. К этому в 1904 г. призывал фон Мантейфель: «с так называемым духовным оружием

мы далеко вперед не уйдем, а будем только пятиться назад. <...> Когда хотят искоренить холерную бациллу, то не обращают внимания на то, хорошо ли пахнут применяемые дезинфицирующие средства» [568, с. 227–228].

О желательных средствах искоренения социал-демократической «холерной бациллы» в том же 1904 г. поведал еще один депутат Рейхстага от консерваторов – Дирксен: «Безусые молодцы и безработные манифестировали в Берлине и требовали демократического избирательного права для Пруссии, – лучше бы они шли в деревню и работали. Но для этого они слишком ленивы. Безработные на больших собраниях требовали, чтобы государство приступило к постройкам и при том платило заработную плату по тарифам профессиональных союзов. И такие требования осмеливается выставлять эта банда!.. *Следовало бы встретить ее боевыми патронами, – пусть даже прольется кровь! По крайней мере, мы имели бы на некоторое время спокойствие!*» [568, с. 228].

Социальная политика консерваторов. В государствах Германии фабричное законодательство берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института выступили наиболее решительно за его ограничение. Один из них – школа, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, и следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. В апреле 1827 г. министр народного просвещения Пруссии Альтенштейн издал циркуляр, в котором отмечалось: «Уже давно министерство озабочено принятием мер относительно детей, работающих на фабриках, чтобы предупредить опасность, угрожающую их здоровью, нравственности, воспитанию и обучению, пока пользование детьми для фабричных работ происходит без твердой нормы и контроля, а предоставлено произволу родителей и хозяев» [389, с. 84].

Циркуляр сформулировал принципы, которые следовало реализовать в интересах детей: «1) Родители или опекуны, которые не могут доказать, что они озаботились о необходимом обучении детей домашним способом, обязаны посылать детей старше 5 лет в школу, и к этому их можно принудить наказанием. 2) Правильное посещение школы должно продолжаться до тех пор, пока дети, по мнению их духовника, не приобретут необходимых для их сословия знаний. 3) Непосещение школы по достижении школьного возраста, или продолжительные перерывы в занятиях, могут быть допущены только в виде исключения и с согласия местного священника» [389, с. 85].

Вторым поборником ограничения детского труда выступило военное ведомство, обеспокоенное недобором в армию. Генерал фон Горн в отчете сделал вывод, что недобор рекрутов в армию в фабричных районах связан с плохим здоровьем юношей, подорванным из-за раннего вовлечения детей в производство и ночной работой в детском возрасте. Прусский король Фридрих-Вильгельм III поддержал военных, заявив, что «он не может одобрить таких порядков». Общественное мнение также все больше склонялось к идее ограничения детского труда.

Хотя промышленники и сами рабочие, боявшиеся, что лишатся необходимого подспорья – заработка детей, резко возражали, возобладали сторонники регламентации, и Пруссия в 1839 г. ввела закон о детском труде. Предписывалось не допускать к работе на фабриках и горных промыслах детей в возрасте до 9 лет. Подростки моложе 16 лет при поступлении на работу должны были представлять свидетельство о посещении в течение 3-х лет школы. Для подростков устанавливался максимальный 10-часовой рабочий день и запрещался ночной труд с 9 часов вечера до 5 утра. За нарушение закона грозил штраф в 5 талеров за каждого ребенка. Однако исполнение закона встречало затруднение: местная администрация больше защищала интересы хозяев нежели рабочих, а институт независимых фабричных инспекторов еще не был введен. Практическое значение получил закон 1853 г. Он разрешил принимать на работу детей с 12 лет, сократил рабочее время 12–14-летних до 6 часов в сутки, обязал их посещать школу по 3 часа в день. Этот закон оказался более действенным. С одной стороны, энергично добивалось выполнения закона министерство просвещения: уже в 1840 г. более 80% детей 6–14 лет посещали школу. С другой, свою роль сыграло учреждение фабричной инспекции как органа государственной власти, хотя поначалу и малочисленной и не повсеместной, но представлявшей некоторую сдерживавшую произвол силу. Дюссельдорфский фабричный инспектор в 1874 г. обнаружил 7267 нарушений закона о труде детей [389, с. 93].

Законы, в определенной мере защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Они оказались более умеренными, чем даже до предела ограниченный прусский. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9–10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869–1871 гг. С крайней медлительностью решались социальные проблемы и с образованием Германской империи, власти которой лишь в 1891 г. законодательно запретили работу детей до 13 лет.

Что касается защиты трудовых прав взрослых рабочих, то первоначально прусское государство ограничивалось мерами, направленными против траксистемы. Выдача зарплаты рабочим не деньгами, а товарами и продуктами была запрещена правительственным распоряжением в 1849 г. В остальном сдвигов было мало. Бисмарк, выступая в Рейхстаге, рассуждал, что если запретить работать 14 часов и разрешить только 12, рабочий потеряет 1/7 своего жалования, рабочий не может отказаться от 1/7 своего заработка. И далее: конечно, кому не желательно, чтобы женщины оставались дома и не работали на фабрике? Но если жена зарабатывает даже треть не говоря уже о многочисленных случаях, когда она зарабатывает 1/2 или 2/3 заработка мужа), то к бюджету в 750 марок это прибавка, от которой семья не может отказаться [389, с. 113]. Рабочие организации, связанные запретами исключительного закона против социалистов, ничего не могли противопоставить правительственной политике

отказа от реформирования условий труда. Только когда этот закон был отменен, в 1891 г. установили запрет на подземные и ночные работы женщин и ввели обязательный воскресный отдых для всех рабочих и служащих.

Институт фабричных инспекторов был признан обязательным для всей Германии в 1878 г. В инструкции прусского правительства, принятой в 1879 г., указывалось, что инспекция «должна видеть свою задачу не только в том, чтобы своим благожеланием, наблюдением, советами и посредничеством обеспечить рабочим благодеяния закона, но и в том также, чтобы с тактом содействовать хозяевам в исполнении предъявляемых к ним законом требований, – быть посредниками между интересами предпринимателей и интересами рабочих и публики и приобрести доверие как тех, так и других, с тем чтобы поддерживать или создать добрые отношения между обеими сторонами» [389, с. 110].

Усиление внимания государства к проблемам, непосредственно затрагивавшим повседневные интересы и заботы широких масс населения, было вызвано стремлением смягчить социальную напряженность в стране и привлекательность социал-демократической идеологии. Политическую составляющую социального законодательства сформулировал и император Вильгельм I в ноябре 1881 г.: «Борьба с разрушительными социал-демократическими стремлениями должна вестись не только мерами репрессивными, но и положительными, имеющими в виду улучшение благосостояния рабочих» [цит. по: 544, с. 5].

Эту концепцию поддерживал и Бисмарк. В марте 1881 г. он констатировал в объяснительной записке к одному из социальных законопроектов, представленных в рейхстаг: «Государство должно заботиться о своих нуждающихся в помощи членах больше, чем это делалось до сих пор. Это не только дело гуманности и христианства, которыми должны быть проникнуты государственные учреждения: это также задача политики, стремящейся к укреплению государства, ибо цель ее – внушить неимущим классам населения, которые в то же время и самые многочисленные и наименее обеспеченные, внушить тот взгляд, что государство – учреждение не только необходимое, но и творящее добро. В конце концов, эти классы должны быть приведены путем ясных и прямых выгод, доставляемых им законодательными мерами, к тому представлению, что государство есть институт, изобретенный не только для защиты более обеспеченных, но и служащий также и их нуждам и интересам» [242, с. 121–122].

Изложенные Вильгельмом I и Бисмарком принципы нашли воплощение в ряде законодательных актов, заложивших основы государственной социальной политики. В этом русле были приняты «Закон о страховании рабочих в случае болезни» [336; 360], «Закон о страховании от несчастных случаев» [361] и «Закон о страховании по инвалидности и старости» [362], «Промышленный устав для Германской империи» [805].

«Закон о страховании от несчастных случаев на производстве» впервые был принят в Германии еще в 1871 г. Он обязывал владельцев фабрик, рудников и каменоломен компенсировать семье материальные потери в связи со

смертью или увечьем рабочего по вине предприятия, фактически самого предпринимателя. Закон имел тот недостаток, что суды, если и хотели, редко могли установить вину работодателя: из всей массы жертв несчастных случаев только 20% рабочих могли получить компенсацию [382, с. 3]. В 1884–1900 гг. новые законоположения устранили этот изъян. Кроме того, распространили сферу применения норм по охране труда на транспорт, сельское и лесное хозяйство, морское судоходство, что придало закону универсальный характер. Этому виду страхования подлежали все рабочие независимо от размера заработной платы, а служащие промышленных предприятий, если годовая зарплата не превышала 5 тыс. марок. В случае производственной травмы предусматривалась выплата пособия в размере 2/3 заработка, а при полной потере трудоспособности – пожизненно в полном размере заработной платы. Вдовам (до смерти или выхода замуж) и сиротам (до достижения 15 лет) в совокупности назначалась пенсия, не превышавшая 60% от заработка умершего. В 1910 г. этим видом страхования пользовались 81% рабочих Германии [130, с. 115].

«Закон о страховании по болезни» был принят Рейхстагом 31 мая 1883 г. [336; 360] и уточнен в 1900 и 1903 гг. Обязательное страхование по этому основанию распространялось практически на всех наемных работников промышленности, ремесленных производств и торговли, в том числе: служащих и мастеров предприятий, рабочих, подмастерьев и учеников, экипажи морских и речных судов, лиц, занимавшихся домашними промыслами, продавцов магазинов, работников аптек, артистов театров и музыкальных коллективов, учителей и воспитателей, домашнюю прислугу [863, с. 44]. Рабочие подлежали страхованию независимо от размера получаемого содержания. Служащие, мастера, техники, приказчики частных предприятий, служащие государственных производственных учреждений могли рассчитывать на страховые выплаты, если их годовой доход не превышал 2,5 тыс. марок. Страхование проводилось независимо от возраста, пола, подданства и величины посторонних заработков. В случае болезни рабочие имели право 13 недель (с 1903 г. – 26 недель) бесплатно лечиться с сохранением половины заработной платы. Государство брало на себя расходы по лечению, а выплата страховки шла через специальные больничные кассы, которые накапливали средства за счет взносов в пропорции: 2/3 от рабочих и 1/3 от предпринимателей. Но предусматривались и исключения: уставы больничных касс могли предусмотреть уплату взносов предпринимателями и работниками пополам и даже повышение доли работодателей, если на их предприятиях опасность заболевания была особенно высока [863, с. 102]. Формы страховой помощи варьировались в зависимости от конкретной ситуации. Предусматривалось лечение врачом на дому, выдача лекарств, помещение в больницу, назначение сиделки [863, с. 49].

Страхование по инвалидности и выплата пенсий по возрасту предусматривались единым законом, принятым в 1889 г. Было установлено, что обязательному страхованию на случай инвалидности и старости подлежал тот же круг лиц, что и при страховании по болезни [863, с. 313; 362, с. 302–303]. Закон определил

критерий инвалидности: инвалидом считался рабочий, который систематически вследствие утраты трудоспособности не был в состоянии выработать трети своего обычного заработка. Страхование на случай возможной инвалидности, как и для получения пенсии по старости, подлежали все наемные работники, достигшие 16-летнего возраста, кроме государственных чиновников и военнослужащих [863, с. 313]. Условием получения пенсии была уплата страховых взносов. Страховые взносы работников составляли от 7 до 18 пфеннигов в неделю, столько же вносили предприниматели, а государство доплачивало 50 марок в год к каждой ренте-пенсии [416, с. 241]. Получить пенсию по инвалидности можно было после 5 лет уплаты взносов. При полной инвалидности, наступившей вследствие несчастного случая, пенсия составляла 2/3 заработка работника, если его состояние требовало ухода – равнялась полному заработку, причем работнику возмещались его страховые взносы.

Если работник доживал до 70 лет и к этому возрасту не получил пенсию по инвалидности, ему назначалась пенсия по старости, как тогда говорили, «на дожитие» [863, с. 322]. До 70-летнего возраста доживало, не получив инвалидности, меньшинство получателей пенсий: в 1909 г. выплачивалось 887 тыс. пенсий по инвалидности и только 108 тыс. пенсий по старости. Что касается размеров пенсий, то они были невелики. В 1908 г. в среднем пенсия по инвалидности составляла 170 марок в год, пенсия по старости – 163 марки в год [416, с. 242]. В пересчете на неделю пенсии немногим превышали 3 марки, тогда как недельная заработная плата в 1908–1914 гг. доходила до 28 марок.

К тому же пенсионное обеспечение не распространялось на мелких ремесленников, кустарей, домашних рабочих (швей, например) в конфекционной, картонажной, игрушечной отраслях. Объясняли это тем, что власти не видели механизма взыскания взносов с работодателей, подчас временных, в других случаях их вообще нельзя было определить, поскольку между ними и рабочими зачастую стояли посредники.

С назначением канцлером Германской империи Георга фон Каприви, занимавшего этот пост с 1890 по 1894 г., начался период так называемого «нового курса». Одной из его составляющих стало усиление социальной политики, способной переориентировать оппозиционные общественные слои на поддержку монархически-буржуазного порядка в государстве. В стремлении политически консолидировать германский народ, перейти к политике «примирения» с социал-демократическим и либеральным электоратами, партией Центра и теми, кто за ней стоял – поляками, датчанами, эльзасцами, канцлер Каприви, во-первых, предполагал отказаться от репрессивной политики наподобие «исключительного закона» или культуркампфа и, во-вторых, усилить социальную политику, способную переориентировать оппозиционные общественные слои на поддержку монархически-буржуазного порядка в государстве. Принятием социальных законов Каприви намеревался уменьшить социалистические влияния. В отношении рабочих новый подход нашел выражение в инициированном Вильгельмом II созыве в марте 1890 г. в Берлине международной

конференции по охране труда. Во исполнение ее рекомендаций в 1891 г. Рейхстаг принял закон о сокращении продолжительности детского и женского труда, запрещении подземных и ночных работ женщин, а также ввел обязательный воскресный отдых. В последующие годы были приняты «Всеобщий горный закон для Пруссии» [162], «Закон о зарегистрированных профессиональных сообществах» [800], «Закон об учреждении Имперского Рабочего Управления, рабочих управлений, рабочих камер и примирительных присутствий» [343], «Закон о промышленных судах» [329], «Постановления, касающиеся цеховых третейских судов» [806], «Устав Сообщества немецких фабричных и ремесленных рабочих» [897]. Разновременные принимавшиеся законы о страховании рабочих в Германии были кодифицированы в единый свод, утвержденный Рейхстагом и Бундесратом в 1911 г. Юридические нормы свода в 1805 параграфах детально прописывают условия, порядок назначения и количественные размеры материального и денежного обеспечения в случае болезни, несчастного случая на производстве, инвалидности и по возрасту. Российское Министерство финансов перевело на русский язык и издало германский свод в полном объеме [863].

Немецкие консервативные партии не делали ставку на завоевание массовой электоральной базы. Даже наиболее успешные выборы 1887 г. в Рейхстаг дали *Консервативной партии* всего 15,2% и *Имперской партии* 9,8% голосов избирателей, а на последних предвоенных выборах 1912 г. эти партии поддерживали соответственно 9,2 и 3,0% избирателей [411, с. 71–72]. При этом ни один мандат не был получен в крупных городах, консерваторов в Рейхстаг делегировали сельские округа, преимущественно Восточной Пруссии (39 из 57 мест) [568, с. 216]. Сила консерваторов состояла в обладании властными полномочиями в государственном аппарате, армии, доминирующей роли в императорском и королевских дворах. Концентрация власти давала возможность создавать массовые организации, которые и являлись механизмом проведения политической линии консерваторов. Созданные под контролем консерваторов организации охватывали различные хозяйственные и идеологические сферы. Это были *Союз сельских хозяев*, *Флотский союз*, *Имперский союз борьбы против социал-демократии*. В 1918 г. *Немецкая консервативная партия*, *Имперская партия* вместе с правыми национал-либералами образовали *Немецко-национальную народную партию*.

6.3. Партия Центра

Важной составной частью партийной системы Германии являлся политический католицизм. Католическая церковь выступала против государственного вмешательства в ее дела и в то же время была заинтересована в сохранении своего влияния на общество, что предопределило выступления против либерализма с его постулатами свободы личности, в том числе религиозной. Католицизм в качестве политической силы проявил себя после 1815 г., когда стали

возникать первые организации и газеты католического направления. В 1830-е гг. в южногерманских ландтагах появились небольшие группы депутатов-католиков. В 1838 г. был основан «*Берлинский политический еженедельник*», вокруг которого стало формироваться ядро партии. В начале 1840-х гг. в Германии возникло большое количество католических союзов, в которые входили и женщины. В этот период право конфессий на участие в политике обосновал Йозеф Гёррес, ставший идеологом политического католицизма в Германии. Зарождение христианско-демократической политической организации относится к 1852 г., когда в прусском ландтаге образовалась католическая фракция. Политические события последующих лет, среди которых в конфессиональном аспекте важнейшими представляются крах надежд на объединение Германии под эгидой католической Австрии и превращение в силу этого католиков в этноконфессиональное меньшинство в Германской империи, репрессии против католических священнослужителей и утрата Папой административного контроля за деятельностью католической церкви в Германии в период «культуркампфа», неизбежно возникавшее в силу этих процессов ощущение социального дискомфорта и конфессиональной ущемленности способствовало сплочению германских католиков вокруг собственной политической организации. Ею стала образованная в 1870 г. общеимперская буржуазно-клерикальная *Германская партия Центра*. Она опиралась на разнородное в социальном отношении католическое население южных и западных районов страны – Рейнско-Вестфальского региона, Силезии, Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессена.

Политическая ориентация партии менялась. В начале своей деятельности она находилась в оппозиции к Пруссии, выступала против ее гегемонии, добивалась сохранения самостоятельности отдельных германских государств, стремилась обеспечить независимость и свободу деятельности католической церкви [371]. В 1890-х годах *Центр* изменил программу в направлении сотрудничества с империей. В социально-политической сфере партия резко выступала против социалистической идеологии и практики, стремилась нести в широкие слои населения христианские ценности, поддерживала социальные реформы. Социальные преобразования, в понимании *Центра*, должны были состоять в установлении минимума заработной платы, регулировании рабочего дня, введении воскресного отдыха для рабочих, ограничении труда замужних женщин, улучшении условий работы детей, создании касс взаимопомощи и т. п.

Серьезно волновала партию проблема усиления политического влияния. В связи с этим внутри нее длительное время шла борьба вокруг вопроса: быть ли партии чисто конфессиональной, т. е. католической, или стать общехристианской с программой, приемлемой и для католиков, и для протестантов. Сокращение числа голосовавших за Центр с 27,8% в 1874 г. до 16,4% в 1912 г. [827] при почти 37% католической части населения страны окончательно решило спор. В партии победили силы, выступавшие за ее межконфессиональный характер и широкую опору на христианские профсоюзы. Образованный в феврале

1914 г. *Имперский комитет* партии зафиксировал единство интересов католиков и некаатоликов и определил, что *Центр* – политическая и неконфессиональная партия.

Инструментом влияния *Центра* на широкие массы стал действовавший под ее патронажем *Народный союз католической Германии* (Фольксферайн). Под его руководством создавались католические рабочие ферайны и межконфессиональные христианские профсоюзы, католические общества, благотворительные учреждения. Центр опирался на широкие социальные группы – от крупных промышленников, аграриев и чиновников до крестьян и рабочих.

Гибкая политика партии *Центра* позволила ей защищать на платформе христианской идеологии интересы не отдельных групп господствовавших классов, а всей буржуазии в целом и одновременно привлечь к себе значительные слои населения, в том числе женщин. Последних в идеологии *Центра* привлекали базовые религиозные ценности, пропаганда ограничения женского труда вне дома, которое понималось как «возвращение женщин в семью». *Центр* стал органичной частью политической системы Германской империи, влиятельным участником политических процессов. Показателем этого стало выдвижение в 1917 г. одного из лидеров *Центра* графа Г. Гартлинга на пост имперского канцлера.

6.4. Либеральные партии

Экономические, политические и социальные процессы, протекавшие в Германии XIX – начала XX в., неоднозначно воспринимались либеральными кругами. Их общей целью было преодоление раздробленности Германии и создание единого государства. При этом большинство либералов считали, что будущее государство не должно включать Австрию, поэтому их определяли как *малогерманцев*. Другая часть исходила из идеи включения в состав объединенного государства тех частей Австрии, которые раньше входили в *Священную Римскую империю германской нации*. Это были *великогерманцы*. Но и после образования Германского рейха идеология великогерманцев получила продолжение в деятельности *Пангерманского союза*. Различие подходов к проблеме объединения Германии, а после образования единого государства – к выработке политики внешней экспансии и направлений социально-экономического развития обусловило неустойчивость политических структур либералов: в зависимости от конъюнктуры и отношения к тем или иным проблемам партии создавались, разъединялись и вновь объединялись.

Немецкий национальный союз и Прогрессистская партия. 15–16 сентября 1859 г. либералы различных политических оттенков из всех немецких земель после ряда локальных встреч и консультаций провели во Франкфурте-на-Майне учредительное собрание, на котором создали партию *Немецкий национальный союз* (1859–1867). Ее конструирование оказалось возможным потому, что во второй половине XIX в. либерализм превратился в сугубо буржуазное

движение: при отличии подходов различных фракций к решению тактических задач сохранялась общность стратегической цели – утверждение политической гегемонии буржуазии. Был принят устав и программа. В этом и других документах *Немецкий национальный союз* призывал к единству и свободному развитию «общего большого отечества». От Пруссии ожидали поддержки интересов Германии, но вопрос о носителе центральной власти должен решить общегерманский парламент, постановлениям которого должны подчиняться все государства. Полагали, что внутреннее устройство единой Германии должно сложиться в результате конституционно-демократического развития всех немецких государств, важнейшим компонентом которого должно стать всеобщее и равное избирательное право. В либеральном лагере сложились два направления. Радикальное крыло («цельные», по тогдашней терминологии, или «демократы») выступало за демократическую республику с включением в состав объединенного государства Австрии. Умеренное крыло либералов («половинчатые») стремилось к установлению конституционной монархии под прусским руководством.

После победы Пруссии над Австрией в 1866 г., определившей путь развития Германии по сценарию Бисмарка, разногласия между отдельными фракциями либералов по поводу объединения Германии усилились. Это привело к окончательному размежеванию *Немецкого национального союза* на сторонников и противников объединительной политики Бисмарка и к самороспуску партии в 1867 г.

Прогрессистская партия. Но еще до этого события прусская часть исполкома *Немецкого национального союза* образовала в 1861 г. леволиберальную *Прогрессистскую партию* (*Германскую партию прогресса*, 1861–1884). Она выступала за реформу Германского союза путем объединения германских государств по «малогерманскому» пути – без Австрии. В основу политической линии положила принципы единства Германии, верности королю и конституции, сильной центральной власти в руках Пруссии и общегерманского народного представительства. Во внутренней политике прогрессисты требовали утверждения правового порядка, под которым понимали регламентирование деятельности властей законом, ответственность министров перед парламентом, возможность судебного преследования чиновников, суда присяжных по политическим процессам, в том числе по делам печати. В экономической области добивались уничтожения привилегий крупных помещиков и принятия законов в интересах промышленников. Требовали изъятия начальных школ из ведения духовенства и введения института гражданского брака. Считали необходимым сокращение расходов на армию в мирное время и увеличение набора способных носить оружие при двухгодичном сроке службы [869, т. 2, с. 68]. В то же время прогрессисты не смогли найти единые подходы относительно всеобщего, равного и тайного избирательного права, равно как и по социальным вопросам. Программа *Прогрессистской партии*, принятая 9 июня 1861 г., действовала в течение 15 лет и только в 1876 г. была откорректирована.

Прогрессистская партия представляла собой аморфную организацию избирателей и проявляла политическую активность только во время выборов в Палату представителей парламента Пруссии. На постоянной основе функционировал только Центральный комитет в Берлине. Членских билетов не было, членские взносы не уплачивались. Финансовые поступления допускались только в виде добровольных пожертвований. В партию входили промышленники, торговцы, земельные собственники, ремесленники, промышленные рабочие, крупные крестьяне, представители свободных профессий. Дворян почти не было. Прогрессисты успешно выступали на выборах в прусский ландтаг, получив в 1862 г. 34,3% голосов избирателей и 138 мандатов.

С 1862 г. прогрессистские партии начали формироваться в других германских государствах под лозунгами ускорения объединения Германии и реформирования общественно-политического строя в интересах буржуазии. На германском католическом юге (Бавария, Баден, Вюртемберг) действовала межрегиональная леволиберальная *Немецкая народная партия* (1868–1910).

Национал-либеральная партия. В 1867 г. правые либералы объединились в *Национал-либеральную партию*. Она обладала широкой социальной базой и устойчивыми позициями в Рейхстаге. Партию поддерживали определенные слои монополистической и значительная часть немонополистической буржуазии, торговцы, многие крупные землевладельцы и зажиточные крестьяне непруских областей, служащие, университетские профессора и другие представители верхушки интеллигенции. Политически национал-либералы противостояли дворянству, духовенству, чиновничеству. Партия, соглашаясь с общим направлением политики Бисмарка, добивалась проведения либеральных преобразований: реформы местной администрации, уничтожения остатков дворянских привилегий, освобождения начальных школ от власти духовенства, изменения прусской избирательной системы путем введения всеобщей подачи голосов, установления свободы промышленности и торговли. По ряду из этих требований Бисмарк пошел навстречу национал-либералам. Была проведена административная реформа, приняты законы в интересах промышленников (установлена свобода промышленной деятельности, упразднено личное задержание за долги, учрежден высший коммерческий суд, введен гражданский брак, провозглашена свобода союзов). Принятое в марте 1884 г. программное заявление вновь подчеркивало готовность содействовать укреплению империи, усилению ее военной мощи, выражало согласие с внешней политикой Бисмарка и репрессивными мерами против социалистов [799]. В этом, а затем и в позднейшем документе «Цели и стремления Национал-либеральной партии», опубликованном в январе 1907 г., выдвигались требования экономического и социального характера. Они включали намерение добиваться поощрения различного рода коопераций и ремесленных союзов. «Рабочий вопрос» национал-либералы предполагали решать в духе сотрудничества работодателя и его работников, что должно было найти выражение в реформе системы страхования, запрещения ночного труда женщин и детей. Признавая права коалиций

и рабочих организаций, национал-либеральная программа вместе с тем допускала возможность «свободного рабочего договора» с предпринимателями помимо профсоюзов. Национал-либералы подтверждали приверженность всеобщему избирательному праву, выступали за свободу собраний и союзов, обещали отражать и реакционные, и радикальные тенденции. При этом, как следует из предвыборного воззвания партии 1911 г., национал-либералы видели «гарантию величия нашей империи лишь в сильной, осознанно державной политике» [369, с. 269]. В целом программные положения национал-либералов открывали возможность сотрудничества как с консерваторами, так и с леволиберальными партиями.

Свободомыслящая партия. В 1884 г. те из национал-либералов, кто был недоволен введением протекционизма, покинули бывших единомышленников и влились в *Прогрессистскую партию*. Так возникла *Свободомыслящая партия*. Тогда же, при объединении, была принята ее программа. Она декларировала необходимость развития конституционных начал путем установления ответственности имперского правительства перед Рейхстагом; требовала обеспечить права народа: тайное, всеобщее, равное и прямое избирательное право; свободу выборов, печати, собраний, союзов, равенство перед законом всех партий и лиц; невмешательство в религиозную сферу. Программа указывала на необходимость улучшения народного благосостояния, повышения жизненного уровня трудящихся. Она выступала против «государственного социализма» и контроля за производственной и торговой деятельностью, не признавала ограничения предпринимательства, провозглашала лозунг «никаких монополий», призывала не проводить таможенную и экономическую политику в интересах отдельных групп [788].

Либералы выступали против юнкерско-консервативных группировок, отвергали их методы политического руководства и антисоциалистическое законодательство, боролись за последовательную демократизацию страны. Не имели они и существенных различий в отношении к милитаризму, военным и военно-морским вооружениям, колониальным захватам, которые они поддерживали. Но к социально-экономическим проблемам их подходы не совпадали. Это привело к расколу.

В 1893 г. те, кто разделял традиционные принципы классического либерализма, – государственного невмешательства в экономику и в отношения между трудом и капиталом, отвергал любые взаимодействия с социал-демократами – объединились в *Свободомыслящую народную партию*. Сторонники платформ социального либерализма с его принципами государственного участия в социально-экономической жизни, союза рабочего класса с либеральной буржуазией создали *Свободомыслящее объединение*. Видные деятели *Свободомыслящего объединения* Теодор Барт, Фридрих Науман допускали сотрудничество с социал-демократической партией, считая его гарантией решения актуальных для германского общества проблем. Однако стремление к совместным дей-

ствиям с социал-демократией не нашло общей поддержки, что побудило соподвижников Барта и Наумана выйти из *Свободомыслящего объединения*.

Прогрессистская народная партия. Их уход нивелировал расхождения между различными леволиберальными течениями, и в 1910 г. они соединились в *Прогрессистскую народную партию* на программно-политической платформе *Свободомыслящей народной партии* [372]. Она превратилась в значительную политическую силу, но не привнесла в социально-политическую практику Германии прогрессивно-либеральную реформаторскую тенденцию.

В целом германский либерализм до Первой мировой войны и в ее годы не преодолел идейную и организационную разобщенность. В ходе Ноябрьской революции 1918 г. большая часть национал-либералов вместе с консерваторами вошла во вновь созданную *Немецко-национальную народную партию*. Левые национал-либералы сомкнулись с прогрессистами и образовали *Немецкую демократическую партию*. Начался новый этап истории либерализма в Германии.

6.5. Социал-демократическая партия

В Германии к началу 1870-х годов действовали две отдельные, независимые друг от друга, рабочие партии. Одна из них – созданный Фердинандом Лассалем в 1863 г. *Всеобщий германский рабочий союз*, именуемый также *партией лассальянцев*. В политической сфере Лассаль исходил из того, что государство как некое надклассовое учреждение призвано быть выразителем стремлений человеческого духа к свободе и социальной справедливости. Обеспечив свое представительство и влияние в рейхстаге, рабочие смогут преобразовать существующее государство, которое защитит интересы рабочего класса. Поэтому следует добиваться всеобщего равного прямого избирательного права. При этом Лассаль допускал только мирные средства политической борьбы, в том числе компромиссы с властью. Это следует из самого факта его переговоров в 1863 г. с Бисмарком. За поддержку в вопросе объединения Германии Лассаль требовал введения всеобщего избирательного права.

Лассаль отрицал необходимость борьбы за улучшение экономического положения рабочего класса, поскольку полагал, что действует некий «железный закон заработной платы». В соответствии с ним средний размер заработной платы всегда соотносится с безусловно необходимым содержанием, требуемым привычками народа для поддержания жизни и размножения. Заработная плата, поднявшись не может долго держаться выше этого среднего размера, так как вследствие улучшения уровня жизни браки между рабочими станут заключаться чаще, население умножится, предложение рабочих рук увеличится, и это низведет ее к прежнему или даже более низкому уровню. Но заработная плата не может долго удерживаться и ниже порога, необходимого для существования, потому что тогда наступят нищета, безбрачие, воздержание от деторождения и, как следствие, сокращение рынка рабочих рук. Решение социаль-

ного вопроса Лассаль видел не в революционном ниспровержении рабочим классом капиталистического строя, а в ликвидации неравенства между рабочими и капиталистами путем создания рабочими с государственной помощью производственных ассоциаций. Благодаря им рабочие станут «своими собственными предпринимателями».

Взгляды Лассалья широко распространились среди немецких рабочих, оказали огромное воздействие на социалистическое движение в Германии. Август Бебель писал Энгельсу в 1873 г.: «Вы не должны забывать, что сочинения Лассалья благодаря своему общедоступному изложению фактически составляют основу социалистического мировоззрения масс; это совершенно бесспорно. Они в десять, двадцать раз шире распространены в Германии, чем какое-либо другое социалистическое сочинение» [64, с. 472]. Бебель свидетельствовал: «Скорее всего я, как и почти все ставшие в те годы социалистами, пришел к Марксу через Лассалья. Труды Лассалья появились в наших руках раньше, чем кто-нибудь из нас знал какое-нибудь произведение Маркса и Энгельса» [64, с. 130–131]. Франц Меринг также говорил, что Лассаль, был последователем Маркса, «самым гениальным приверженцем из всех приобретенных Марксом и Энгельсом» [605, с. 332].

После раскола *Всеобщего германского рабочего союза* интересы пролетариата стала отстаивать и основанная в 1869 г. Августом Бебелем, Вильгельмом Бракке и Вильгельмом Либкнехтом на съезде в Эйзенахе *Социал-демократическая рабочая партия – партия эйзенахцев* [794]. Обе партии обладали примерно равным авторитетом, хотя количественно ВГРС был более крупной организацией: в 1875 г. он насчитывал 16,5 тыс. членов, тогда как эйзенахцы объединяли 9,1 тыс. Обе партии получили представительство в Рейхстаге. Но главное состояло в том, что и ВГРС и СДРП выражали интересы одной и той же социальной группы – германского пролетариата, а потому в практической работе сотрудничали между собой. Как свидетельствует Меринг, «парламентские представители обеих фракций отлично ладили между собой и ничуть не огорчались, если на парламентской трибуне одним удавалось выступать с большим успехом, чем другим. Обе фракции вели избирательную борьбу так, что ни эйзенахцам нельзя было сделать упрека в половинчатом социализме, ни лассальянцам в заигрывании с правительством. Обе они собирали приблизительно одинаковое число голосов, обе выступали в рейхстаге с одинаковыми требованиями и против одних и тех же противников, и обе после выборов подверглись со стороны правительства одинаково сильным преследованиям» [605, с. 531]. Оказалось, что и в теоретических воззрениях у лассальянцев и эйзенахцев было много общего. Все это предопределило их объединение.

В феврале 1875 г. комиссия из представителей обеих партий (от эйзенахцев в ней участвовал В. Либкнехт, а А. Бебель в этот момент был в тюрьме) составила проект программы, основанной на лассальянских принципах. А. Бебель и В. Бракке были против, но ничего не могли поделать, кроме как обратиться к Марксу и Энгельсу. Маркс ответил разгромными «Замечаниями к программе

Германской рабочей партии», известными также как «Критика Готской программы», Энгельс – таким же по духу письмом Бебелю от 18–28 марта 1875 г. Основоположники марксизма видели недостатки и ошибки программы в признании «железного закона заработной платы», требовании создания производительных товариществ с государственной помощью как главного средства решения социального вопроса, употреблении понятия «свободное государство» в значении «государство, стоящее над классами», в признании реакционности всех классов по отношению к пролетариату, в отказе от принципа интернациональности рабочего движения [587].

Несмотря на критику Маркса и Энгельса, программу единогласно утвердили на состоявшемся 22–27 мая 1875 г. в городе Готе объединительном съезде [205]. Там же был утвержден Организационный устав партии [861, с. 16–19]. Он создал единую *Социалистическую рабочую партию Германии*. Готская программа действовала, а название партии сохранялось до Эрфуртского съезда 1891 г., когда были приняты новая программа и название партии, которая стала именоваться *Социал-демократической партией Германии*. Объединение значительно усилило партию. В нее вступали новые члены. На выборах в Рейхстаг 1877 г. за социал-демократических депутатов проголосовали 493 тыс. избирателей, на 141 тыс. больше, чем в 1874 г. Это дало возможность увеличить социал-демократическую фракцию до 12 депутатов [411].

Рост влияния социал-демократии, проявившийся в увеличении парламентского представительства, тревожил Бисмарка. Нейтрализовать опасную тенденцию он пытался репрессиями. Гонения начались уже с конца 1871 г., прошел ряд процессов. Но это были локальные меры, Бисмарк же стремился подавить движение в масштабе страны. Удобный, как он полагал, момент наступил, когда 11 мая, а затем 2 июля 1878 г. жестянщик-подмастерье Гедель, а затем бывший служащий Нобилинг совершили не связанные друг с другом покушения на Вильгельма I. И хотя социал-демократы не имели никакого отношения к этим террористическим актам, именно их Бисмарк обвинил в «растлевающем влиянии». Под давлением канцлера Рейхстаг голосами консерваторов, свободных консерваторов и национал-либералов 21 октября 1878 г. принял «Закон против общественно опасных устремлений социал-демократии», известный как *Исключительный закон против социалистов* [363]. Его утвердили сроком на 2,5 года, однако впоследствии четырежды продлевали, пока не отменили в 1890 г.

Закон запретил союзы, преследующие социал-демократические, социалистические или коммунистические цели. К союзам приравнивали и «всякого рода объединения». Продолжавших деятельность в запрещенных союзах или помогающим им следовало, по закону, карать штрафом до 500 марок или тюремным заключением до 3-х месяцев. Запретили сбор средств на социал-демократические, социалистические и коммунистические цели. Было предписано распускать собрания, публичные торжества и процессии, проповедующие социал-демократические, социалистические или коммунистические идеи. Не подчинившимся требованиям полиции разойтись, грозил штраф или арест, как и за

участие в запрещенных союзах. Еще большее наказание, до года тюремного заключения, грозило руководителям, организаторам, распорядителям, ораторам, казначеям указанных собраний и союзов. Закон потребовал запрещать печатные издания, в которых цели, «направленные на ниспровержение государственного или общественного порядка», выражаются в «опасной для общественного спокойствия форме», причем запрет одного номера мог быть распространен и на последующие номера. За распространение и перепечатку запрещенных или конфискованных изданий полагался штраф до 1000 марок или тюремное заключение до 6 месяцев. По мотивам «угрозы общественной безопасности» центральной имперской власти с согласия Союзного совета закон дал право принимать сроком до года ограничительные меры в местностях, общественная безопасность в которых, по мнению властей, оказалась под угрозой. Ограничения состояли в следующем: допускать проведение любых собраний только с разрешения полицейских властей; запрещать распространение печатных изданий на дорогах, улицах, площадях и в других общественных местах; не допускать пребывания в упомянутых местностях лиц, от которых может исходить опасность для общественного спокойствия и порядка; запрещать или ограничивать право иметь, носить, ввозить и продавать оружие [363].

За 12 лет действия закона власти закрыли около 4 тыс. социал-демократических партийных и профсоюзных изданий, выслали 900 и заключили в тюрьмы 1500 социал-демократов. Но все это лишь заставило их изменить тактику. Газеты начали издавать в Швейцарии и подпольно ввозить в Германию. Продолжали действовать социал-демократические депутаты, поскольку избиратели голосовали за кандидатов лично, а не за партии. Сочетание нелегальных и легальных методов деятельности, последних особенно в ходе избирательных кампаний, оказалось чрезвычайно эффективным. На парламентских выборах 1877 г., т. е. до принятия «исключительного закона», социал-демократы получили 493 тыс. (9,1%) голосов избирателей и 12 мандатов, а на выборах 1890 г. — 1,4 млн (19,7%) и 35 мест в Рейхстаге [827]. Репрессии привели к результату, обратному тому, на который рассчитывал Бисмарк.

Попав под запрет, партия пережила потрясение. Центральное руководство заявило о ее роспуске [861, с. 20–21]. Усилились идеологические разногласия. С одной стороны, И. Мост развернул агитацию за немедленные действия против правительства, призывая к вооруженному восстанию. С другой, К. Хехберг, К. Шрамм и Э. Бернштейн опубликовали в Цюрихе статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии. Критические афоризмы», в которой изложили реформистскую программу действий.

Но СРПГ быстро пришла в себя и собралась с силами. В 1879 г. в Цюрихе начал выходить центральный партийный орган — газета «Социал-демократ», которую в 1880 г. возглавил Эдуард Бернштейн. Газета подпольно распространялась по всей Германии. В Штутгарте приступили к изданию научно-теоретического журнала «Новое время» под редакцией К. Каутского. За границей трижды собирались партийные съезды. Социал-демократы не пропустили ни

одной кампании по выборам в Рейхстаг. После естественного спада из-за действия «исключительного закона» (6,1% голосов избирателей в 1881 г.; 7,1% в 1887 г.), в 1890 г. электорат социал-демократов составил 19,7% [827]. Изменение общественного мнения в пользу социал-демократов сделало невозможным сохранение «исключительного закона».

Его отмена 25 января 1890 г. открыла перед социалистами новые перспективы. В октябре того же года на первом легальном съезде в Галле воссоздали руководство партии. Ее сопредседателями с 1892 г. стали Август Бебель и Пауль Зингер. Съезд в Эрфурте (14–21 октября 1891 г.) принял новую программу, окончательный текст которой составил Карл Каутский на основе итогов обсуждения нескольких предварительных вариантов и предложений многих социалистов [1065–1067]. Этот документ состоял из двух частей: теоретическая программа-максимум излагала принципиальные взгляды германской социал-демократии на буржуазное общество и определяла конечную цель партии – завоевание пролетариатом политического господства для преобразования капиталистического общества в социалистическое. Программа-минимум содержала ближайшие политические и экономические требования. В программе не было лассальянских положений, она базировалась на марксизме и стала образцом для программ многих других социалистических партий. Эрфуртская программа среди других выдвигала требование отмены «всех законов, ущемляющих права женщин в публично- и частноправовом отношении по сравнению с мужчиной».

Как отмечалось выше, Эрфуртский съезд переименовал партию, отныне она называлась «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ). Она была четко структурирована. На первичном уровне члены партии объединялись в низовые участковые организации, охватывавшие, как правило, несколько кварталов и входившие в территориальные секции. Секции имели правления, денежную кассу, в них сосредоточивалась вся практическая деятельность партийной организации. Совокупность секций образовывала основную организационную единицу партии, территориально совпадавшую с избирательным округом по выборам в Рейхстаг. В 1912 г. местные социал-демократические организации имелись в 383 из 397 избирательных округов [567, с. 180]. Организации нескольких смежных округов образовывали областную организацию (Gauverband), имевшую правление и раз в два года проводившую областные съезды. Таких областных организаций в Германии насчитывалось 33, из них 23 в Пруссии, 6 в Саксонии, 4 в Баварии. Областные организации каждого государства объединялись в «государственную организацию» (Landesorganisation). Партийные организации других государств (кроме трех указанных), не имели областного деления, а непосредственно из окружных организаций составляли единую «государственную организацию». Чтобы подчеркнуть свою внутреннюю автономию, «государственные организации» позиционировались как «партии». Их насчитывалось 19: «Социал-демократическая партия Пруссии», «Социал-демократическая партия Саксонии», «Социал-демократическая партия

Баварии» и т. д. Руководили местными организациями всех уровней ежегодно избиравшиеся партийные комитеты.

Все вместе взятые местные «государственные организации» партии составляли общеимперскую *Социал-демократическую партию Германии*. Высшей инстанцией партии являлись ежегодные съезды – партийтайги. СДПГ имела Центральное правление в Берлине, контрольную комиссию по надзору за правлением, центральный печатный орган газету «Вперед» («Vorwärts»). С 1906 г. в Берлине действовала партийная школа для повышения квалификации действовавших функционеров, а также для подготовки кандидатов на должности в партии или профсоюзах.

Важной функцией партийных организаций было регулярное проведение собраний как средства решения организационных вопросов, определения мер усиления влияния на массы. С 1 июля 1910 г. по 1 июля 1911 г., когда в стране не было выборов в Рейхстаг и местные ландтаги, т. е. в политически «спокойное» время, по всей Германии СДПГ провела более 13 тыс. митингов и собраний. Об их содержании дает представление тематика собраний в крупнейшем центре Саксонии Лейпциге. За указанные 12 месяцев здесь провели 44 собрания, из которых 4 были посвящены требованию всеобщего избирательного права для коммунальных учреждений, 5 – протесту против подорожания жизни, 3 – протесту против речи императора Вильгельма II о «божественных» правах монархической власти, 8 – выборам в городскую думу, 5 – агитации среди женщин в связи с повышением цен, 8 – требованию школьной реформы в Саксонии, 6 – введению налога на пиво, 3 – протесту против ухудшения законов о государственном страховании, по одному – протесту против налоговой политики лейпцигского городского самоуправления и в поддержку интернациональной манифестации в защиту женского равноправия [567, с. 185–186]. Однако основная масса рядовых социал-демократов собраниями пренебрегала, ограничиваясь уплатой членских взносов и чтением социал-демократической газеты. Участниками собраний была наиболее энергичная часть членов партии – избранные так называемые «доверенные лица»: представители участковых организаций, кассиры – сборщики членских взносов, председатели секций и т. п. функционеры, в целом 10–15% общего количества членов партии. Так что собственно партийные собрания реального воздействия на непартийные слои населения не оказывали, но определяли направления конкретной работы партийных организаций.

Для привлечения сторонников использовались более эффективные методы массового воздействия. Среди них плодотворным оказалось проведение митингов и распространение листовок по поводу самых насущных жизненных проблем. Когда в конце 1910 г. в Мюнхене владельцы молочных лавок подняли цену на молоко, городская социал-демократическая организация привлекла на митинг протеста около 6 тыс. человек, в том числе много женщин. Затем среди населения распространили 250 тыс. экземпляров листовок с призывом бойкотировать торговцев. Местная социал-демократическая газета завела осо-

бый отдел под рубрикой «Молочная война». Социал-демократический кооператив закупил большую партию концентрированного молока и в объявлениях, расклеенных на улицах и помещенных в газетах, рекомендовал употреблять его как временную замену свежего молока. Социал-демократическая фракция муниципалитета потребовала от властей вмешательства в ситуацию, и муниципалитет разрешил крупным фирмам в обход владельцев молочных лавок обеспечить снабжение города молоком с условием сохранения прежней цены в течение ближайших 10 лет. Население выиграло «молочную войну», а социал-демократическая партия повысила свой авторитет среди трудящихся слоев населения. Подобных акций проводилось множество. С июля 1910 по июль 1911 г. СДПГ по разным поводам распространила во всех землях Германии 33,5 млн листовок [567, с. 186]. По утверждению современников, в период подготовки к выборам 1912 г. в Рейхстаг, на которых кандидаты от СДПГ получили 34,8% от всех поданных голосов и 110 депутатских мандатов, «общее количество выпущенных партией за время избирательной кампании летучих листов и воззваний исчисляется многими десятками миллионов» [153, с. 280]. Столь впечатляющий размах «листовочных» агитационных кампаний оказался возможным благодаря использованию простой, но эффективной технологии. По объявлению в местной социал-демократической газете в назначенное время в офисе организации рядовые партийные активисты получали листовки и по пути на работу разносили их по квартирам. Обычно на долю каждого приходилось не больше 1–2-х кварталов, а время распространения по всему городу не превышало 3–4-х часов.

Однако «листовочная» агитация производила кратковременный эффект, ограниченный исчерпанием конкретного события. Долговременное и стабильное воздействие на массы оказывала периодическая печать. В 1911 г. СДПГ имела 81 ежедневную газету с общим тиражом 1,3 млн экземпляров. Центральный орган партии берлинская газета «Вперед» («Vorwärts») выходила тиражом в 160 тыс. экземпляров, другие ведущие газеты имели 30–75 тыс. экземпляров. СДПГ строжайшим образом контролировала содержание публиковавшихся материалов, не допуская ни малейшего отклонения от партийной линии. Один из виднейших руководителей партии К. Каутский писал в 1905 г.: «Партийный журналист говорит не от своего имени – в этом случае он был бы совершенно свободен – он говорит от имени партии или одной из партийных организаций. Имеет ли он право, говоря от имени организации, пользуясь всеми средствами этой организации, говорить против ее воли? Подобная свобода мнений привела бы к тому, что журналисты стали бы самостоятельными господами той самой организации, слугами которой они являются» [74, с. 137].

Принцип ответственности прессы перед партией соблюдался неукоснительно. Когда признали, что редакция центрального органа СДПГ газеты «Vorwärts» недостаточно строго и принципиально выдерживает определенный Центральным правлением курс, главный редактор и пять ведущих сотрудников были изгнаны [74, с. 136].

Успех партийной прессы был обусловлен эффективной редакционной политикой, направленной на максимальное привлечение читательской аудитории. Газеты всячески подчеркивали свою ориентацию не только на рабочий класс, но и на самые широкие народные массы. 61 из 81 ежедневной партийной газеты позиционировала себя как «народная»: «Народная газета», «Народный голос» и т. д. Большинство газет имели подзаголовок «Орган для защиты интересов всего трудящегося народа». За партийную прессу агитировали на всех проводившихся партией политических и общественных собраниях, в профсоюзах, кооперативах, фабриках и мастерских, даже непосредственно на квартирах. Во многих случаях местные партийные организации, приняв решение об издании собственной газеты, образовывали «товарищества с ограниченной ответственностью» по изданию газеты. Среди членов партийной организации распространялись акции «товарищества», что позволяло собрать определенные средства, которые дополнялись субсидиями «государственных» или центральных правлений партии. Личное участие в издании газеты гарантировало постоянный контингент подписчиков. Использовались передовые издательские технологии. Количество читателей увеличивали и за счет издания параллельных выпусков. Крупные ежедневные газеты выпускали аналоги в близлежащих городах. Эти местные газеты-дублиеры 75% площади занимали публикациями основного выпуска и 25% – местными материалами. Из 81 газеты 32 использовали этот метод расширения читательской аудитории.

Газеты привлекали читателей не только последовательной политической линией, но и культурно-образовательным наполнением. В каждой газете публиковались еженедельные или двухнедельные обзоры экономической жизни, статьи по вопросам науки, искусства, литературы, иностранной жизни. В ежедневных приложениях помещались литературные произведения. Крупные газеты с определенной периодичностью давали специальные тематические приложения: по женскому движению, для юношества, «шахматную газету», «модную газету» и т. п. Кроме ежедневных газет, издавался ряд журналов: политических, женских, молодежных, для сельских жителей. Периодическая пресса шла вровень с жизнью, гибко перестраивала содержание публикуемых материалов в зависимости от политической конъюнктуры. В период избирательных кампаний на второй план отодвигалась иностранная политика, научно-образовательные статьи, экономические обзоры и им подобные темы, зато главное внимание уделялось выборам, им посвящались статьи, воззвания, хроника, литературные произведения. Политическая ориентация, содержательность и актуальность социал-демократической прессы сделали ее популярной и массовой. Общий тираж социал-демократической прессы – газет и журналов – составлял более 2 млн экземпляров [567, с. 203].

Германские социал-демократы одним из важных направлений деятельности считали проведение культурно-просветительской работы. Почти повсеместно (218 в 1911 г.) были созданы *Образовательные комитеты*. Они состояли поровну из представителей партии и профессиональных союзов. Деятельность

комитетов координировал *Центральный образовательный комитет* в Берлине. *Комитеты* устраивали лекционные курсы в области естествознания, социальных наук, юриспруденции, в 1911 г. было прочитано 345 циклов лекций, они охватили 45 тыс. слушателей, в сопоставлении с общим количеством членов СДПГ это было немного, но были и другие направления культурно-просветительской работы. Организовывались коллективные посещения музеев и художественных выставок. Проводились литературные вечера, посвященные Гете, Гейне, Шиллеру, Горькому другим писателям. Целям музыкального просвещения служило исполнение на концертах для рабочих произведений Бетховена, Шопена, Моцарта, Вагнера, Мендельсона, Шумана. В Берлине с 1890 г. функционировал специфический театр для рабочих – *Новая свободная сцена*, только в 1910 г. давший 183 представления. *Комитеты* в Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене обеспечивали посещение рабочими театров по сниженным ценам, а во многих других городах на подобных условиях сотрудничали с концертными и музыкальными обществами. Система пропаганды художественных ценностей была весьма эффективной. Союз рабочих-певцов имел 60 тыс. членов. Весной 1910 г. баварские певческие союзы устроили в Нюрнберге праздник, участвовавшие в нем рабочие хоры насчитывали свыше 10 тыс. рабочих. По всей стране *комитеты* поддерживали существующие и создавали новые библиотеки и читальни для рабочих. В 1911 г. рабочие библиотеки существовали в 217 городах, многие из них были достаточно крупными: лейпцигская имела 60 тыс. томов, гамбургская – 22 тысячи. Кроме того, в 55 городах имелось около 400 библиотек, принадлежавших различным рабочим союзам. Социал-демократические издательства в Гамбурге, Лейпциге, Штутгарте, Берлине, других городах издавали научно-популярные книги для рабочих. Только берлинское издательство «Вперед» в 1910 г. выпустило около 500 тыс. экземпляров литературы такого назначения. Социал-демократические организации в сотрудничестве с профсоюзами проявляли внимание к здоровью рабочих, которых привлекали к занятиям физической культурой. Рабочие мужские гимнастические союзы насчитывали свыше 100 тыс. членов, женские – 12 тыс. Союз рабочих-велосипедистов «Солидарность» объединил около 150 тыс. человек, атлетический союз – 4 тыс. [567, с. 206–208].

Стремительный рост германской социал-демократии не может быть объяснен только привлечением новых сторонников из числа индустриального пролетариата, хотя такая тенденция была несомненной. Промышленные рабочие отнюдь не представляли собой однородной массы, непременно шедшей за социал-демократией. На политические предпочтения рабочих влиял конфессиональный фактор. Значительная часть католических по вероисповеданию рабочих голосовала на выборах не за социал-демократических кандидатов, а преимущественно за представителей партии Центра. Пример трех высокоразвитых промышленных округов – Силезии, Рейнской области и Вестфалии – свидетельствует об этом. В Силезии рабочие ко всему населению составляли 36,2%, но на выборах 1903 г. из их числа за социал-демократов голосовали 24,8%.

В Рейнской области соответствующие показатели составляли 47,9 и 20,9%. В Вестфалии сложилась такая же ситуация: рабочие составляли 50,8%, а голосовали за социал-демократов 24,7% [75, с. 46]. Август Бебель в 1905 г. в журнале «Новое время» признал: «Это неоспоримый факт, что в католических промышленных округах социал-демократия насчитывает значительно меньше приверженцев, чем в протестантских, другими словами, что до сих пор Центр образует сильнейшую преграду для социал-демократии» [75, с. 47]. Не только Центр, но и либеральные партии находили сторонников в среде рабочих. В совокупности голосовавшие не за социал-демократических кандидатов составляли примерно третью часть рабочих, имевших право голоса. Из этого факта, установленного немецкими исследователями, вытекает, что на выборах 1903 г. за социал-демократов проголосовали 2/3, или немногим более 2 млн рабочих из 3 млн принявших участие в выборах [75, с. 47]. В то же время на выборах 1903 г. СДПГ получила 3 млн 11 тыс. голосов, т. е. значительно больше того, что мог принести пролетарский электорат. Последующие выборы еще более увеличили электоральный базис социал-демократии. В 1912 г. на парламентских выборах социал-демократы собрали 4 млн 250 тыс. (34,8%) голосов, что дало им в Рейхстаге 110 (31%) мест, – больше, чем у любой другой отдельно взятой партии [827].

Этот феномен немецкие исследователи изучили уже в начале XX в. Исследуя структуру электората на выборах 1896 г., они пришли к выводу, что число голосов, отданных социал-демократам по отношению к общему количеству рабочих, составило, например: в Кенигсберге – 132, в Берлине – 135, в Магдебурге – 120, в Шлезвиге – 159%. Тенденция сохранилась и на выборах 1903 г. Объяснение этому внешне парадоксальному явлению находится в том, что на выборах за социал-демократов голосовала некоторая часть непролетарской прослойки населения, в том числе буржуазии. Эта прослойка далеко не всегда была организационно или хотя бы идейно связана с социал-демократией, но на выборах ее поддерживала. В этом проявлялась логика протестного голосования. На эту особенность обратил внимание исследователь немецкого политического процесса Вакер. По его словам, «в различных местностях Германии обнаружили факты, когда избиратели в большем или меньшем количестве голосовали за кандидатов социал-демократии, совершенно при этом не разделяя стремлений этой партии. Избирательный бюллетень служил им лишь для того, чтобы выразить свое справедливое или несправедливое неудовольствие известными лицами, учреждениями или отношениями. Так как они считают, что сильнее всего выразят свое неудовольствие, подав голос за социал-демократию, то и голосуют за ее кандидатов» [75, с. 57]. По словам редактора газеты «Vorwärts» К. Эйснера, «мелкая буржуазия и неимущие “образованные классы” видят себя лишенными всех блестящих завоеваний современного производства, достающихся исключительно капиталистам и крупным землевладельцам, этим монополистам великих общественных производительных сил» [75, с. 55].

Со своей стороны, СДПГ благожелательно относилась к участию в ней не-пролетарских слоев. Карл Каутский писал: «Социализм, если он не желает оставаться наивным и политически бесплодным, предполагает понимание великих общественных зависимостей и методическое изучение последних. Наука же в настоящее время является привилегией господствующих классов. Поэтому пролетариат сам по себе не в состоянии создать жизнеспособного социализма, социализм должен быть принесен ему мыслителями, вооруженными всем арсеналом буржуазного знания, но перешедшими на пролетарскую точку зрения и, исходя из нее, выработавшими пролетарское мирозерцание. И, действительно, как известно, именно буржуазные выходцы по преимуществу превратили стихийное классовое движение масс в движение сознательное и независимое и таким образом подготовили, а потом вызвали к жизни современную социал-демократию. Нельзя отрицать, конечно, что над развитием социалистической теории поработали также и подлинные пролетарии – напомним хотя бы наборщика Прудона, портного Вейтлинга, кожевника Дицгена, токаря Бебеля, – однако в большинстве случаев социальная *практика* является для пролетария все-таки более близкой, чем социальная *теория*. <... > Вот почему главной задачей научно образованных выходцев из буржуазной среды – так называемых интеллигентов или “академиков” – в нашей партии должно быть распространение и укрепление в ее рядах понимания великих общественных зависимостей, развитие глубокого, умеющего возвышаться над интересами текущего момента социалистического сознания, т. е. воспитание революционного духа в наилучшем значении данного слова» [569, с. 273].

Этот курс нашел практическое воплощение. Из 110 членов социал-демократической фракции Рейхстага, избранных в 1912 г., рабочих было 76 (69%), интеллигентов – 34 (31%). В числе последних крупнейшие лидеры германской и международной социал-демократии: Бернштейн, Давид, Франк, Гаазе, Либкнехт, Фольмар.

Именно круги мелкой буржуазии, не удовлетворенные непоследовательностью и робостью либеральных партий в социально-политической сфере, видели приемлемую альтернативу в оппозиционно-демократической политике СДПГ. Их не пугала социалистическая устремленность социал-демократов. С одной стороны, учитывали, что Эрфуртская программа 1891 г. не призывала к установлению диктатуры пролетариата, а требование преобразования капиталистической частной собственности в общественную представлялось абстракцией, которой в условиях отсутствия революционной ситуации можно было пренебречь. С другой стороны, привлекала концепция Э. Бернштейна, который в 90-х годах XIX в. выступил с ревизией марксизма. Бернштейн поставил под сомнение вывод марксизма о неизбежности гибели капитализма под воздействием противоречий, нараставших в процессе его развития. Бернштейн оспорил идею революционного захвата власти пролетариатом и необходимость установления его диктатуры для построения социалистического общества. Он обратил внимание на то, что рабочий класс нельзя определить общим, нерас-

члененным понятием «пролетариат», поскольку ему присуще ярко выраженное социальное расслоение и различные жизненные требования. Из этого Бернштейн делал вывод: «Стремление промышленных рабочих к социалистическому производству является скорее предположением, нежели достоверным фактом» [77, с. 176–177].

Поэтому Бернштейн полагал, что захват политической власти социал-демократией не может привести к социализму, а капитализм располагает достаточными средствами адаптации к меняющимся условиям. По его утверждению, не только экономика, но и идеологические принципы, нормы социальной этики, стремление к справедливым общественным отношениям, правовое сознание являются действенным фактором исторического развития, способным модифицировать общество. Из этого следовало, что не обязательно революционными методами взрывать экономические отношения, можно их изменить в соответствии с новыми потребностями общества. Поэтому социальная революция не является неизбежной, общественные противоречия могут быть разрешены путем реформ, а само общество эволюционировать по пути прогресса. Возможность перехода к социализму путем последовательного реформирования общества Бернштейн основывал на общечеловеческом, надклассовом характере либеральной идеологии. Он высказывался по этому поводу вполне определенно: «Что же касается либерализма как мирового исторического движения, то социализм не только по времени, но и по внутреннему своему содержанию является его законным наследием» [77, с. 253]. Движение в сторону социализма, по его мнению, будет выражаться в расширении прав и обязанностей отдельной личности по отношению к обществу, и обязанностей общества по отношению к отдельной личности; развитии демократического самоуправления; расширении права надзора государства за хозяйственной жизнью и постепенном переходе хозяйственных предприятий из частного владения в общественное; росте национального богатства, ибо чем богаче общество, тем легче и обеспеченнее осуществляются социалистические требования. Именно в этом направлении, по Бернштейну, и должна была работать социал-демократия.

Концепция Бернштейна вызвала резко негативную реакцию со стороны К. Каутского, Ф. Меринга, Р. Люксембург, Ж. Геда, П. Лафарга, многих других. Но она нашла и сторонников. На позиции реформизма перешла значительная часть социал-демократии в Германии и других странах. Отказ от идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата сделал СДПГ привлекательной для многих представителей мелкой буржуазии, интеллигенции. Это обозначило новую тенденцию в развитии СДПГ – превращению ее из рабочей партии в общенародную. Бернштейн констатировал: социал-демократическая партия «находится на пути превращения в народную партию, в немалой степени она уже и теперь является таковою». Для Бернштейна народ, как политическая категория, – это вся масса людей за исключением господствующих классов. Э. Давид, в свою очередь, доказывал, что социал-демократия должна быть партией не только рабочего класса, но всех трудящихся классов. На съезде

в Мангейме в 1906 г. впервые проявилось центристское направление, лидером выступил К. Каутский, взгляды которого эволюционировали от революционного марксизма к центру и отражали понимание новых условий, которые были созданы экономической и социально-политической действительностью начала XX в. Вынужденные считаться с реальностью, Каутский и центристы от противостояния Э. Бернштейну переходят к сближению с его идеями. В начале XX в. решающая роль в партии перешла к представителям реформистского крыла Э. Давиду, К. Легину, Г. Носке, Г. Фольмару. После смерти в 1911 г. П. Зингера и в 1913 г. А. Бебеля сопредседателями партии были избраны Г. Гаазе и Ф. Эберт. Последний впоследствии станет первым президентом Веймарской республики. Так, в течение 90-х годов XIX – начала XX в. СДПГ превратилась в крупнейшую политическую силу. В 1914 г. партия насчитывала 1 млн 86 тыс. членов [600, с. 305]. Помимо 110 депутатов Рейхстага, социал-демократы смогли провести 231 депутата в местные ландтаги; 11 686 социал-демократических по партийной принадлежности советников входили в общинные, коммунальные и городские управления [394, т. 2, с. 233].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

7.1. Двухпартийная система

Процесс создания партийных структур в Великобритании шел постепенно и занял достаточно продолжительное время. Уже в 1830-х гг. в Палате общин руководство тори и вигов взяло на себя обеспечение дисциплинированного единообразного голосования депутатов от каждой, условно говоря, партии.

Еще до парламентских реформ XIX в. каждая политическая сила – будь то тори или виги – проявляла заинтересованность в благоприятном для себя исходе формирования депутатского корпуса. К партиям перешла главная роль в выработке предвыборных платформ и проведении выборов. Лишь согласие кандидатов с партийной программой гарантировало их выдвижение местными партийными ассоциациями. Партии взяли на себя и организацию избирательных кампаний.

Уже проект, а затем и сама парламентская реформа 1832 г. интенсифицировали становление двухпартийной системы «либералы – консерваторы». Ее внешней стороной была перемена названия действовавших в стране политических партий. Виги стали именоваться либералами, тори – консерваторами. Но важнейшее изменения названий стало расширение и усложнение функций партий, вынужденных на выборах депутатов парламента вести работу непосредственно с избирателями. Возможность ориентироваться на работодателей и ленд-лордов с расчетом, что именно они воздействуют в нужном направлении на избирателей, повторю еще раз, ушла в прошлое.

Накануне и после парламентской реформы 1832 г. политические партии создают централизованные организации, влияние которых распространялось на всю страну. У консерваторов это был *Карлтон-клуб* (*Carlton club*), основанный в 1832 г. Это учреждение одновременно являлось и клубом для комфортного общения своих членов, и центром объединения политических единомышленников, штаб-квартирой консерваторов. В недрах клуба возник политический *Карлтонский комитет*, поддерживавший отношения с местными функционерами и координировавший их деятельность. К 1839 г. *Карлтон-клуб* насчитывал 1100 членов [7, с. 336]. Либералы в 1836 г. учредили *Клуб реформ* (*Reform club*) с таким же политическим комитетом, то есть либеральная партия также получила штаб-квартиру.

Следующим этапом оформления партий стало создание либералами в 1861 г. независимой от *Reform club* центральной организации под названием *Центральная либеральная ассоциация*. Перед ней ставились задачи обеспечения внесения в избирательный регистр потенциально либеральных избирателей и рекомендация парламентских кандидатов. По такому же пути пошли и консерваторы, образовавшие свои так называемые *Лояльные и конституционные ассоциации*.

Эти организации стали предтечами будущих *Либеральной* и *Консервативной партий* и полностью вписывались в двухпартийную политическую систему Великобритании. Кадровый состав *Либеральной партии* рекрутировала из торгово-промышленной буржуазии, духовенства негосударственных религий (нонконформистов), части интеллигенции, в том числе учителей, рабочих. В состав *Консервативной партии* входили члены таких социальных групп, как земельная аристократия и лендлорды, вложившие капиталы в финансовые предприятия; крупные финансисты, верхний слой интеллигенции, представители господствующей англиканской церкви и те же рабочие, особенно мелких предприятий. Разумеется, эта классификация социального состава партий достаточно условна. Нахождение в той или иной социальной группе вовсе не обязывало быть сторонником соответствующей партии.

Расширение электорального состава вследствие трех парламентских реформ и установление в 1872 г. тайного голосования на выборах в парламент исключили возможность непосредственного влияния работодателей на городских рабочих и лендлордов на сельских арендаторов, как это было раньше. Потребовались новые инструменты мобилизации избирателей вокруг каждой из партий. Отныне задача завоевания парламентского большинства не могла быть решена без структурирования политических партий и выработки новых механизмов воздействия на массы избирателей. Началось обретение сообществом консерваторов и либералов облика партий в их современном понимании.

Сложившаяся на базе общности стратегических целей система двухпартийного управления подразумевала попеременное нахождение у власти либеральных и консервативных кабинетов. В 1868–1922 гг. у власти находились 14 кабинетов, в том числе 7 либеральных, 5 консервативных и 2 коалиционных: в 1868–1874 гг. – либеральный кабинет Гладстона; в 1874–1880 гг. – консервативный кабинет Дизраэли; в 1880–1885 гг. – либеральный кабинет Гладстона; в июне 1885 – январе 1886 г. – консервативный кабинет Солсбери; в январе 1886 – июне 1886 г. – либеральный кабинет Гладстона; в 1886–1892 гг. – консервативный кабинет Солсбери; в 1892–1894 гг. – либеральный кабинет Гладстона; в 1894–1895 гг. либеральный кабинет Розбери; в 1895–1902 гг. – консервативный кабинет Солсбери; в 1902–1905 гг. – консервативный кабинет Бальфура; в 1905–1908 гг. – либеральный кабинет Кемпбелл-Баннермана; в 1908–1915 гг. – либеральный кабинет Асквита; в 1915–1916 гг. – коалиционный кабинет Асквита; в 1916–1922 гг. – коалиционный кабинет Ллойд Джорджа.

Двухпартийная система не только не исключала, но напротив, подразумевала преемственность политики попеременно находившихся у власти либе-

ральных и консервативных кабинетов. Обе партии последовательно проводили реформы, никогда не отказываясь от реформаторских достижений политических оппонентов. Об этом можно судить по тем реформам, которые проводили обе партии.

Парламентские реформы. *Либералы:* 1832 г. – первая парламентская реформа; 1872 г. – введение тайного голосования на выборах в Палату общин; 1883 г. – закон о пресечении коррупции и практики подкупа избирателей на выборах в Палату общин; 1884 г. – парламентская реформа 1884–1885 гг.; «Парламентский акт 1911 г.». *Консерваторы:* 1867 г. – вторая парламентская реформа.

Реформы государственной службы и местного управления. *Либералы:* 1870 г. – реформа государственной службы; 1872 г. – учреждение министерства местного управления; 1873 г. – реформа высших судебных учреждений; 1894 г. – закон о местном самоуправлении. *Консерваторы:* 1888 г. – реформа местного управления.

Реформы армии и флота. *Либералы:* 1871 г. – реформа армии; 1884 г. – принятие 5-летней программы строительства флота. *Консерваторы:* 1889 г. – законодательное установление принципа преобладания английского флота над флотами двух наиболее сильных после Англии морских держав.

Реформы народного образования. *Либералы:* 1870 г. – реформа образования; 1880 г. – введение обязательного обучения с 5 лет. *Консерваторы:* 1876 г. – введение обязательного начального образования; 1891 г. – введение субсидий для обеспечения бесплатного начального образования; 1902 г. – передача начальных и средних школ в руки государства.

Социальные реформы. *Либералы:* 1871 г. – легализация тред-юнионов; 1882 г. – Акт о наследовании земельной собственности; 1883 г. – Акт о земельных держаниях 1883 г.; 1906 г. – закон о промышленных конфликтах; 1908 г. – введение 9-часового рабочего дня для горняков; закон о пенсиях по возрасту; 1909 г. – регулирования оплаты труда в домашней промышленности; 1911 г. – закон о государственном социальном страховании. *Консерваторы:* 1867 г. – закон об охране труда на всех предприятиях с числом рабочих более 50; 1875 г. – закон о «мирном пикетировании»; отмена закона «О господах и слугах» и установление равноправных отношений между работодателями и рабочими [см.: 38–39; 382–383].

Наличие двух партий, из которых одна находилась у власти, а вторая числилась «оппозицией Его (Ее) Величества» и их внешнее соперничество не подрывали стабильность политической системы страны. Само пребывание в оппозиции являлось своеобразным видом сотрудничества. Как отмечал еще Ф. А. Ротштейн, с 1901 по 1920 г. проживавший в эмиграции в Англии и прекрасно разбиравшийся в политических нравах этой страны, «неразрывность связи между правительством и оппозицией лежит в области не права, а государственной практики. Практика же эта, исходя из особых условий Англии, представляющих ее правящим классам сравнительно небольшие физические

средства навязывать волю народным массам против их желания и вынуждающих их поэтому прибегать к “дипломатическим” методам умиротворения, состоит в том, чтобы в каждом данном случае перестраховывать себя на тот и другой исход, создавать невинные политические громоотводы на те случаи, когда та или иная правительственная политика банкротится, и питать в народе веру в полезность перемены правительства <...>. В отдельных семьях политических деятелей (и вообще правящих клик) Англии это достигается тем, что из двух сыновей, предназначенных к политической карьере, одного делают либералом, а другого консерватором» [842, с. 2].

И уж тем более считался нормальным и никого не шокировал переход из партии в партию. Начавшие политическую карьеру в рядах консерваторов Генри Пальмерстон и Уильям Гладстон завершили ее лидерами либералов. И наоборот, Джозефу Чемберлену и Уинстону Черчиллю пребывание в *Либеральной партии* не помешало впоследствии занять виднейшее положение в *Консервативной партии*: Чемберлену – министром колоний в консервативных кабинетах, а Черчиллю – не только министром, но и главой правительства. Двухпартийная система, наиболее полно отражавшая политические предпочтения различных классов, гарантировала поступательное развитие общества в направлении все более выраженного учета интересов всех социальных слоев.

В то же время тщательное изучение функционирования двухпартийных систем на примере Великобритании и США позволило М. Я. Острогорскому, придти к выводу, что политические партии вместо выполнения своей ключевой функции посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит. Острогорский показал процесс превращения традиционной партии в консолидированную организацию, не имеющую никакой другой цели кроме собственного роста. В связи с этим он уделял большое внимание анализу ее административного ядра, или кокуса. Кокус, возникнув как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей, со временем становится институтом, занимающимся координацией всей партийной работой и в парламенте, и в массах, осуществлением пропаганды партийной идеологии. Поэтому для нормального развития демократического строя. Острогорский считал необходимым замену партий свободными лигами, образующимися ради достижения определенных целей [723].

В Великобритании не существовало препятствий для появления различных ассоциаций. Они могли создаваться без всяких разрешений. Лишь ассоциации, намеревавшиеся иметь права юридического лица должны были регистрироваться в соответствующем учреждении. Первой крупной политической ассоциацией была «*Католическая ассоциация*», основанная в 1823 г. с целью добиться полной эмансипации католиков и достигшая этой цели в 1829 г., когда парламент принял закон об эмансипации. Такой же организацией, хотя и с противоположной целью, была *Федерация протестантских оранжевых лож*, стремившаяся к ограничению прав католиков.

Наиболее известной внепартийной организацией, оставившей заметный след в истории Англии, была основанная в 1839 г. Ричардом Кобденом *Лига против хлебных законов*. Лига развернула по всей Англии сеть местных ассоциаций, каждая из которых устраивала лекции, собрания и митинги, распространяла брошюры. Сам Кобден, будучи избранным в 1841 г. в Палату общин, неоднократно выступал в парламенте и на митингах в защиту фритредерства [см.: 56; 541]. Лигу распустили в 1846 г. после отмены хлебных законов.

Возникало множество других организаций, всем им была присуща общая черта: номинально внепартийные организации начинают демонстрировать партийную ангажированность. Созданное в конце 50-х годов XIX в. *Общество освобождения религии* стремилось к отделению церкви от государства и ориентировалось на Либеральную партию. Появившийся в конце 1860-х гг. противоположный ему по целям *Институт защиты церкви* добивался сохранения связи между государством и церковью и опирался на Консервативную партию. Даже в тех случаях, когда общественные организации решали задачу, актуальную для всего населения независимо от его партийных предпочтений, каждая из них выступала под знаменами определенной партии. Противники неумеренного потребления алкоголя были и среди либералов, и среди консерваторов, но организация, которая добивалась ограничения торговли крепкими напитками, *Союз Соединенного королевства*, тяготела к Либеральной партии. И наоборот, сторонники свободной торговли алкоголем, объединившиеся в *Ассоциацию содержателей пабов*, считали себя креатурой Консервативной партии. Этот феномен прямо связан с вопросом расширения избирательного права по реформе 1867 г. Каждая партия оказалась заинтересованной в привлечении на свою сторону различных электоральных групп, а какая группа, в том числе организованная в сообщество по интересам, оказалась в орбите партии – это уже вопрос эффективности тактики партийных функционеров.

В результате парламентских реформ XIX – начала XX в. значительно возросло значение нижней палаты – избираемой населением Палаты общин. Спектр ее компетенций отличался чрезвычайной широтой: законотворчество, утверждение бюджета, контроль за исполнительной властью, решение вопросов об отставке и утверждении правительства. Парламент вправе издать правовой акт любого содержания – от проблем государственного устройства страны до вопросов частных лиц. В связи с этим, борьба между политическими партиями за преобладание в парламенте становилась все более ожесточенной. Лидер победившей на выборах партии становился премьер-министром, возглавлявшим правительство – кабинет министров. Глава правительства подбирал министров из числа депутатов парламента, входивших в правящую партию. С середины XIX в. утвердился принцип единства министров в важнейших вопросах внутренней и внешней политики – несогласие с принятым курсом обязывало оставить свой пост. Правительство должно было иметь поддержку Палаты общин – в противном случае, лишившись доверия, вынуждено было

уйти в отставку. В кабинет входили не все министры, а только занимавшие ключевые посты: министры внутренних дел, иностранных дел, военный, лорд-канцлер и ряд других. Министры второго ранга руководили соответствующими департаментами и не играли существенной политической роли. Выделившийся из Тайного совета, кабинет министров формально не был предусмотрен английским конституционным правом. Не употреблялся и сам термин «премьер-министр», главы правительства именовались «первыми лордами казначейства». Сам термин «кабинет министров» впервые появился на страницах парламентских отчетов только в 1900 г. Юридически кабинет являлся сугубо неофициальным учреждением, его деятельность не облакалась в правовые формы, заседания проходили негласно, протоколы не велись. Лишь в последние годы XIX в. постоянной резиденцией премьер-министра и местом проведения заседаний кабинета стал знаменитый ныне дом на Даунинг-стрит. Тем не менее кабинет располагал широкими полномочиями в области государственного управления, подготовки законопроектов и проведении их через парламент. Он мог издавать нормативные акты и без участия последнего. Это было так называемое «делегированное законодательство». Парламент, будучи не в состоянии вникать во все детали и частности, вытекающие из законотворческой деятельности, поручал органам исполнительной власти издавать инструкции, правила и распоряжения в соответствии с общей концепцией принятых законов. Правительство было ответственно перед Палатой общин, но и само могло инициировать указ монарха о роспуске парламента и назначении новых выборов. Эта возможность взаимного воздействия представляет собой важнейший элемент системы сдержек и противовесов.

7.2. Либеральная партия

Организационная структура Либеральной партии. Процесс консолидации либералов в политическую партию с массовым составом форсировало создание в 1861 г. *Центральной либеральной ассоциации*, фактически правления партии. Формальными, без реальных полномочий, руководителями являлись президент, председатель, секретарь, но никакие общие собрания не проводились, а всеми делами ведали лидер партии, «кнут» и генеральный агент – они и составляли руководящий центр партии. В функции *Центральной либеральной ассоциации* входила работа на местах с электоратом, включая регистрацию избирателей и отбор кандидатов, финансирование избирательных кампаний. Партийные денежные фонды создавались за счет пожертвований, деньги передавались непосредственно «кнуту» партии, сведения о поступивших и израсходованных суммах никогда не публиковались в печати.

Окончательное организационное оформление либеральная партия получила в 1877 г., когда параллельно с *Центральной либеральной ассоциацией* по инициативе бирмингемских либералов была создана *Национальная либеральная*

федерация, объединявшая местные ассоциации. Ее высшим органом являлась ежегодная конференция партии, включавшая депутатов либеральной фракции парламента, чиновников партийного аппарата, представителей окружных кокусов. Конференция избирала лидера партии, который фактически определял ее политический курс. От него зависело назначение кандидатов, направление предлагаемых конференции резолюций, проведение их в жизнь. Лидер партии руководил депутатами парламента. Победа партии на выборах автоматически делала его премьер-министром, поражение – лидером оппозиции. На разных этапах партию возглавляли крупнейшие политические деятели, оставившие заметный след в истории Великобритании – Уильям Гладстон, Генри Кэмпбелл-Баннерман, Герберт Асквит, Дэвид Ллойд Джордж.

Положительный для партии результат парламентских выборов зависел от успехов текущей практической работы, включавшей подкуп избирателей и финансовую поддержку кандидатов в депутаты, если они признавались ценными для партии, но не имели собственных средств, необходимых для выборов. Эту работу вел назначавшийся лидером партии и полностью подчинявшийся ему «парламентский организатор партии», обозначавший термином whip – «кнут»¹. «Кнут», кроме организации избирательной кампании, налаживал работу парламентской фракции, обеспечивал выполнение планов лидеров своих партий, изучал кадровый состав членов партий, отслеживал настроения партийных масс, подавлял попытки сопротивления проводимому лидером партии курсу. «Кнут» правительственной партии имел титул «парламентского секретаря казначейства» и получал от этого казначейства 2 тыс. ф. ст. годового жалованья. В парламенте «кнут» координировал работу фракции. Для работы на местах он имел в своем распоряжении «главного (генерального) агента», который, в свою очередь, создавал по всему королевству сеть местных «агентов», собственно, чиновников, осуществлявших директивы партийного центра и являвшихся основным источником информации «главного агента» и через него – «кнута» и самого лидера партии. Эти агенты проходили специальную подготовку получали жалованье – в начале XX в. 40–400 ф. ст. в год [35, с. 128].

На местах структурным подразделением партии являлся так называемый «кокус» – организация в форме закрытого совещания, синонимом которой являются понятия «комитет» (у М. Дюверже) и «ассоциация» (у М. Я. Острогорского). Первичной организацией в городах являлся *Кокус квартала*. Квартальные кокусы включали ограниченное число лиц, объединяя 10–15% избирателей [724, с. 168]. *Квартальные кокусы* имели секретаря квартала, организовывали общение единомышленников, причем не только на собраниях, но и на пикниках и увеселительных мероприятиях. Но главное – с наступлением парламентских выборов должны были дойти до каждого избирателя, чтобы привлечь его на сторону партии. Вышестоящей организацией являлся *Кокус избирательного округа* в составе делегатов квартальных ассоциаций, включая

¹ Этимологически английское «whip» означает «кнут», на жаргоне псовой охоты – это псарь, вооруженный хлыстами и направляющие свору к загоняемому животному.

их секретарей, а также некоторого количества кооптированных делегатов, отличившихся щедрыми взносами в фонд партии. Последнее объяснялось тем, что практически никто не платил членские взносы, хотя по уставам и обязан был это делать. *Кокус округа* возглавляли генеральный секретарь и президент. Последний подбирался из влиятельных и богатых людей, обеспечивавших респектабельность самой организации. Важной функцией кокуса являлось выдвижение кандидата на парламентских выборах, а главной целью – завоевание мест в парламенте и других выборных органах власти. Как отметил виднейший российский историк и социолог М. Я. Острогорский, «Кокус, группировавший вокруг себя всех передовых и горячих членов партии, скоро становился фракционной крепостью для группы, полной сектантского духа, и Кокус был тем более нетерпим и притязателен, что народная форма его организации давала ему повод выдавать себя за единственного и законного представителя либеральной партии. Этот дух Кокуса не замедлил сказаться в осуществлении им своей первой задачи: в назначении кандидатов для парламентских выборов <...> ни один кандидат не должен был быть выдвинут помимо Кокуса. Исключения не составляли и депутаты, которые желали быть переизбранными на новый срок» [723, с. 103–104].

Чтобы стать членом партии, достаточно было объявить себя ее сторонником. На возраст не обращали внимания: принимали даже 15–16-летних.

Повседневная работа партии вне парламента концентрировалась вокруг проведения избирательных кампаний, которые являлись дорогостоящими мероприятиями. Необходимые денежные фонды аккумулировались из пожертвований богатых членов партии. Но руководствовались они не альтруистическими побуждениями, напротив, рассчитывали, что партия, когда придет к власти, отблагодарит выгодными должностями и титулами. Для получения титула барона, виконта, графа и права именоваться пэром не жалели 150 тыс. ф. ст. Известно, что значительные суммы в кассу либеральной партии внес Сесиль Родс. Об этом говорит крупнейший российский африканист и англовед А. Б. Давидсон: «Свое главное оружие – деньги – Родс пускал в ход часто. Он давал деньги политическим партиям <...> пять тысяч – либералам [223, с. 180].

Наряду и параллельно с квартальными и окружными кокусами действовали партийные клубы. Выше говорилось, что Reform club у либералов (как и Carlton club у консерваторов) первоначально действовали как штаб-квартиры партий. С развитием сети кокусов это значение клубы потеряли, но сохранили роль места встреч членов партии. Наиболее крупным стал *Национальный либеральный клуб*, учрежденный в Лондоне в 1882 г. Он насчитывал до 6,5 тыс. членов, включая и проживавших в провинции, это были представители только высших и средних классов [723, с. 198]. Но и для рабочих были созданы отдельные клубы с минимальным размером взноса, в больших городах насчитывавшиеся десятками. Первоначально в политическом или религиозном отношении они были совершенно нейтральны, однако затем стали ориентироваться на партию, которая финансировала клубы за счет собственных средств или

пожертвований своих богатых членов. В клубах можно было читать газеты, слушать лекции, однако эти занятия мало кого привлекали. Зато успехом пользовались бильярд и другие игры. И особенно привлекало, что в клубных барах выпивка подавалась и тогда, когда городские пабы не работали – во вторую половину воскресенья и вечером в будние дни. Для партии польза клуба состояла в возможности привлекать его постоянных посетителей на свою сторону. Имевшие авторитет в клубе хорошие игроки в бильярд или крокет лучше профессиональных политиков могли настроить не разбиравшихся и не интересовавшихся политикой рабочих в пользу «нужного» кандидата в депутаты парламента.

У консерваторов либералы заимствовали идею использования творческого и организационного потенциала женщин. Когда консерваторы создали *Лигу подснежника* с массовым участием женщин, либералы организовали в 1886 г. *Женскую либеральную федерацию* под председательством жены Гладстона. В ней было много женщин из народа, но общее количество уступало женской части *Лиги подснежника*. К тому же в 1892 г. произошло размежевание. Большинство, считавшее более важным содействие партии в ее избирательных кампаниях, нежели завоевание собственных избирательных прав, создало *Либерально-национальную ассоциацию женщин*. Большинство (800 ассоциаций с более чем 120 тыс. членов) сохранило верность *Федерации* и выступало под лозунгами завоевания избирательного права для женщин [723, с. 246].

Чтобы привлечь внимание избирателей к кандидатам, партийные ассоциации устраивали демонстрации, организовывали собрания. Они проводились всюду, где можно было собрать избирателей: в закрытых помещениях, парках, на специально выделенных площадках. Каждое могло собрать всего несколько слушателей, но в общей массе партийные агитаторы охватывали огромные массы избирателей – на выборах в январе 1910 г. только в один из дней по стране прошло более 4 тыс. митингов [723, с. 211]. Проведение митингов было поставлено на профессиональную основу. В 1880 г. группа молодых либералов объединились в *Клуб 80*, назначением которого стало направлять ораторов на митинги либеральных ассоциаций. Аналогичные клубы были созданы в Манчестере (1895 г., Клуб 95) и Лидсе (1899 г., Клуб 99).

Были найдены средства воздействия на неорганизованную массу избирателей, не связанных с партиями и с безразличием относившихся к любым кандидатам. По наблюдениям М. Я. Острогорского, «с целью вывести из равнодушия этих избирателей, а также для того, чтобы подогреть пыл других, организации им устраивают развлечения совершенно не политического и не интеллектуального свойства. Вместо того, чтобы приглашать их на лекции или политические митинги, их приглашают на “общественные митинги”, где поют, танцуют, едят, пьют, где веселятся тысячами других способов и где случайно, в антрактах, проскальзывает политическое выступление, партийная широковетательная реклама, чтобы можно было их проглотить без труда или неприятности. Опыт, казалось, установил, что “чистая политика была бессиль-

на” увлечь массы, что нужно было считаться с наклонностями и вкусами людей такими, каковы они в общественной жизни, и «социализировать политику» удачной смесью “политики и удовольствия”, преподносимых населению» [723, с. 201].

Подобные «политические развлечения» проводились за счет ассоциаций, кандидатов в депутаты, добивавшихся поддержки округа на предстоявших выборах, богатых членов партии.

Широко использовались печатные материалы. Кандидаты рассылали каждому избирателю предвыборные программы. Партийные ассоциации распространяли листовки и плакаты. По оценке М. Я. Острогорского, «эти плакаты, при бесконечном разнообразии их форм и содержания, являются как бы квинт-эссенцией избирательной кампании, конденсирующей и резюмирующей для наименее понятливых методы вербовки и митинговые речи. Торжественная риторика, простой язык с примесью юмора, таблицы цифр, различные графики с соответствующими надписями – все это способы поучать, аргументировать, нападать, наносить обиды, оскорбления; взывать к разуму, и в особенности к страстям, предрассудкам, невежеству и легковерию; пробуждать надежды или опасения; приводить в движение эгоизм и личный интерес. С последним обычно оперируют с чисто материальной точки зрения, сводящейся к денежной или еще более примитивной форме, когда имеют дело с наивными душами и первобытными умами, например с сельским населением; им изображают победу или поражение кандидата, как вопрос о том, будет ли в хозяйстве больше или меньше свинины или будет ли стоить кружка пива два пенса или 1,5 пенса» [723, с. 213].

В период избирательных кампаний партийные функционеры активно вербовали избирателей, посещая их на дому, а в день выборов доставляли их к местам голосования в каретах и автомобилях, предоставленных богатыми политическими друзьями партии. Широко практиковался подкуп избирателей раздачей денег (в некоторых округах существовал тариф от одного до десяти шиллингов), угощением со спиртными напитками, фиктивным использованием в качестве вербовщиков, посыльных, экспедиторов, разносчиков объявлений. Кандидат или его жена в качестве рождественского подарка посылали бедным избирателям уголь, одеяла или одежду, устраивали их детям в каникулы отъезд на море. С запрещением в 1883 г. прямого подкупа избирателей методы изменились: кандидат в депутаты под патронажем кокуса под видом благотворительности подкупал избирательный округ целиком, предоставляя всякого рода религиозным, спортивным и т. п. учреждениям денежные средства, подчас значительные. Разнообразные агитационные и организационные методы мобилизации избирателей позволяло довести число голосующих до 95% от числа избирателей [723, с. 216]. Как свидетельствует В. Керженцев, «английская история недавних лет сохранила случаи того, как к избирательным урнам в сопровождении священника и доктора приносились на носилках умирающие,

как с избирательным бюллетенем приходил заgrimировавшийся избиратель, подлежащий аресту для отбытия тяжелого наказания, или как избиратели для подачи голоса приезжали на один день из-за океана» [427, с. 65].

Законодательные инициативы Либеральной партии. Либеральная партия в рассматриваемое время не имела официально принятой социально-политической программы. Политическая деятельность в рамках парламента вращалась вокруг достижения определенных целей, среди которых – свобода торговли или протекционизм, предоставление Ирландии гомруля или отказ в нем, ограничение полномочий Палаты лордов или сохранение существовавшего положения и тому подобные актуальные для своего времени проблемы. Во внутренней жизни государства либералы стремились к сохранению стабильного общественного порядка, который должна обеспечить новая элита, свободная от влияния аристократической верхушки. Проведенная ими в 1870 г. реформа государственной службы предусматривала введение экзаменов для занятия должности, а учреждение 1872 г. министерства местного управления преследовало цель реформирования архаичной системы органов местной власти. Либералы стремились к расширению избирательного права и через него участия народа в управлении государством. Они обеспечили введение в 1872 г. тайного голосования на выборах в Палату общин [337], провели в 1884–1885 гг. третью избирательную реформу, добились принятия «Парламентского акта 1911 г.». Либералы реформировали систему местного управления, проведя через парламент в 1894 г. закон о местном самоуправлении через собрания сельских приходов и сельских приходских советов. Эти направления деятельности *Либеральной партии* заслуживают более широкого рассмотрения.

Прежде всего следует отметить, что деятельность *Либеральной партии* по демократизации общественно-политической системы была не эпизодической, а имела системный характер. Выше говорилось, что либералы обеспечили проведение парламентской реформы 1832 г. Во второй половине XIX – начале XX в. они добились коренного изменения процедуры голосования – замены открытого голосования тайным, что было далеко не техническим вопросом. Полемика по этому поводу велась с 1833 г., но идея тайного голосования на выборах в Палату общин неизменно отвергалась. Расширение электорального корпуса вследствие проведенной консерваторами реформы 1867 г. изменило ситуацию. Допуск к выборам рабочих и арендаторов с намерением привлечь их в ходе избирательной кампании на сторону той или иной партии не имел смысла без ограждения избирателей от давления работодателя или владельца земли – лендлорда. Только тайное голосование давало определенные гарантии свободы выбора. Поэтому либеральное правительство Гладстона в 1872 г. осуществило важнейшую в русле демократизации избирательной системы меру – ввело на парламентских выборах тайное голосование с использованием избирательных бюллетеней. За ней последовал закон 1883 г. о пресечении коррупции и практики подкупа избирателей. Еще более важными были обеспе-

ченные либеральным большинством Палаты общин парламентская реформа 1884–1885 гг. и «Парламентский акт 1911 г.» о реформе Палаты лордов.

Парламентская реформа 1884–1885 гг. На парламентских выборах 1880 г. победила Либеральная партия. Правительство возглавил Гладстон. В своей политике он вынужден был учитывать сложившийся в стране расклад политических сил и интересов. Возросшая политическая конкуренция вынуждала консерваторов и либералов искать поддержку у избирателей. Политическая необходимость расширить электоральный круг сделала неизбежной очередную парламентскую реформу. Обоюдная заинтересованность в ней привела лидеров либералов и консерваторов к компромиссу и внесению в парламент билля о представительстве и билля о распределении избирательных округов. Принятые законы составили содержание третьей парламентской реформы 1884–1885 гг. Ее контуры определили *Акт о народном представительстве 1884 года* и *Акт о перераспределении мест 1885 года*.

Акт о народном представительстве 1884 года [22] ввел для жителей графств такие же условия получения права голоса, как и для населения городов. Избирателями становились все, кто имел дом или платил за аренду квартиры не менее 10 ф. ст. в год, уплатившие все налоги за год, предшествующий регистрации в качестве избирателей и прожившие не менее 12 месяцев в городе или графстве. К голосованию были допущены мелкие фермеры. Численность электората возросла в 1,5 раза: с 3110 тыс. до 5708 тыс. человек. Но и при этом избирательное право не стало всеобщим. Соотношение избирателей и всего взрослого мужского населения возросло с 25 до 58%. Из числа избирателей исключили пауперов, получавших помощь по «закону о бедных», слуг, проживавших с хозяином в одном доме, взрослых сыновей, не имевших собственной комнаты, родителей, не оплачивавших школьные завтраки своих детей. С другой стороны, сохранили множественный вотум: избиратели, владевшие собственностью в разных избирательных участках, могли голосовать в каждом из них, т. е. возможность голосования связывали не с личностью, а с владением домами. Их собственники могли быть избирателями во всех округах, где они удовлетворяли установленным правилам.

Акт о перераспределении мест 1885 года [26] разделил графства на округа примерно по 50 тыс. человек, каждый из округов избирает одного члена парламента: графства Англии и Уэльса – на 244 округа, графства Шотландии – на 46 округов, графства Ирландии – на 85 округов. В связи с изменением нормы представительства города и местечки с населением менее 15 тыс. теряли самостоятельное представительство и входили в состав сельских графств. Остальным городам предоставлялась квота депутатских мест в зависимости от количества жителей. Лондону, например, выделили 2 места. Наказали коррупционеров: местечки Маклесфильд и Сэндвич лишили права избирать членов парламента «за продажность». С установлением принципа равного представительства окончательно ушла в прошлое средневековая система наделения правом голоса корпораций, а не населения.

Парламентские реформы смягчили политическую напряженность в обществе. Реформаторский путь избавил страну от крупных социальных потрясений, революционных катаклизмов. Важнейшим следствием реформ явился рост числа избирателей. Первая парламентская реформа довела их число почти до 1 млн, вторая позволила иметь 1 млн 995 тыс., третья – 5 млн 708 тыс. Расширение электората приблизило Великобританию к осуществлению одного из главнейших принципов демократического государства, каковым является участие народа в управлении путем волеизъявления на выборах. Но до полного осуществления всеобщих и равных выборов было еще далеко. Все еще были лишены права голоса женщины. Имущественный ценз не только ограничивал избирательный корпус, но сохранял множественный вотум для владельцев нескольких домов или квартир: на выборах 1910 г. 600 тыс. человек имели два и больше голоса, благодаря чему либералы-юнионисты выиграли 25 депутатских мест. Допуск к избирательным урнам мелкой буржуазии, высокооплачиваемых рабочих, фермеров изменил облик Палаты общин. С 1832 по 1901 г. число депутатов парламента, имевших земельную собственность, уменьшилось с 464 до 198, а количество депутатов – финансистов, владельцев промышленных, транспортных и торговых предприятий возросло с 86 до 655. Реформы обеспечили политическое преобладание в нижней палате представителей буржуазии, тогда как лендлорды потеряли былое господство в ней.

Акт о парламенте 1911 года. В то же время наследственная верхняя палата ограничивала законодательную деятельность Палаты общин, имея возможность отклонить любой ее законопроект. Это не соответствовало интересам буржуазии, которая не хотела больше мириться с привилегированным положением лендлордов. Укрепить политические позиции промышленной буржуазии и был призван проект перераспределения полномочий между палатами. Он вызвал ожесточенное сопротивление лордов. Только получив согласие Георга V пополнить верхнюю палату сторонниками реформы, премьер-министр Асквит заставил лордов утвердить билль, получивший название «Акт о парламенте 1911 года» [24–25]. Указав в преамбуле, что «имеется намерение заменить Палату лордов, какая существует в настоящее время, иной палатой, основанной на начале народного представительства и не наследственной более, но постольку такая замена не может быть осуществлена немедленно», уже теперь «представляется важным предписать <...> ограничения существующих полномочий Палаты лордов» [24, с. 156]. По новой норме Акта, если финансовый закон в течение месяца не будет принят без поправок Палатой лордов, то он считается принятым парламентом. Остальные билли лорды могли отклонить дважды. Если Палата общин в третий раз принимала законопроект, а Палата лордов в третий раз его отклоняла, то законопроект становился законом, несмотря на отсутствие согласия Палаты лордов.

Были сделаны и другие важные шаги по пути демократизации парламентской системы. *Акт о парламенте* 1911 г. срок полномочий Палаты общин вместо семи лет, предусмотренных законом 1715 г., ограничил пятью годами. Еще более существенное значение имело принятое в том же году решение о выплате депутатам жалованья. Получили объективную возможность претендовать на место в Палате общин люди без личного состояния – мелкая буржуазия, интеллигенты, рабочие. В борьбе фракций господствовавших классов выиграла промышленная буржуазия, интересы которой представляли либералы.

Реформа местного управления. Еще в 1888 г. консервативный кабинет Солсбери внедрил в графствах такие же, как и в городах, принципы выборности местного управления [312]. В то же время нововведения не коснулись сельских общин. В деревнях основной административной единицей, как и в Средние века, оставался приход. Им руководил церковно-приходский совет, занимавшийся не только церковными делами, но и всем гражданским управлением, в том числе сбором налогов. Председательствовали в этих советах священники, находившиеся под влиянием крупных землевладельцев. В 1894 г. либералы, имевшие тогда большинство в парламенте, провели в жизнь закон о местном самоуправлении [313]. В соответствии с ним собрание сельского прихода с населением более 100 человек выбирало орган местной власти – сельский приходской совет, срок полномочий которого составлял один год. Чтобы стать членом совета, председателем или советником, следовало проживать в приходе не менее 12 месяцев. Могли быть избраны и женщины: пол и состояние в браке не могли служить основанием для лишения какого-либо права быть избранным в члены приходского совета. Собрание прихода должно было собираться не менее одного раза в год. С принятием этого закона и в деревне были введены буржуазно-демократические принципы управления.

Установившаяся в стране система местного управления отличалась самостоятельностью местных органов и высокой степенью децентрализации: функциями контроля над ними обладало только министерство местного управления. Утверждение принципов демократического самоуправления подорвало доминирование аристократии в системе местной власти, хотя нередко ее представители все еще сохраняли руководство органами местного управления: из-за низкого жалованья помимо них было мало желающих занять административные должности.

Реформа государственной службы. На протяжении XIX в. все большую роль начал играть централизованный государственный аппарат. Чтобы изжить в нем семейственность и покровительство, повысить эффективность работы, либеральный кабинет Гладстона в 1870 г. реформировал государственную службу. Ее превратили в серьезную профессию, деполитизировали. Последнее означало, что аппарат ведомств действовал на постоянной основе и не увольнял служащих в связи со сменой политического руководства. С целью беспристрастного отбора наиболее подготовленных кандидатов на чиновни-

чьи должности ввели достаточно строгий экзамен¹. В 1872 г. либералы создали министерство местного управления, наблюдавшее за деятельностью органов власти в городах и графствах.

Изменился кадровый состав министерств. На протяжении большей части XIX в. он был немногочислен, места замещались по протекции, ведомства возглавляли выходцы из дворянских семей. Когда же штаты правительственных служб расширились, а либеральный кабинет Гладстона реформировал государственную службу и ввел конкурсные экзамены для занятия должностей, посты в центральных учреждениях заняла новая элита, вышедшие в большинстве из среднего класса выпускники закрытых частных школ, Оксфордского и Кембриджского университетов. В министерстве по делам Индии, например, в начале 1850-х годов более 25% вновь назначенных чиновников имели дворянское происхождение, а в 1890-х годах – только 6%. Исключение составляли министерство иностранных дел и дипломатические представительства за рубежом, служба при королевском дворе, в штатах вице-королей и генерал-губернаторов в колониях, где аристократия сохранила влияние и власть.

Реформа армии и флота. Либералы всемерно стремились к укреплению роли Великобритании за пределами метрополии. Проведенные ими многие законодательные акты и политические акции были направлены на обеспечение защиты страны от внешней опасности, сохранение ее суверенитета и территориальной целостности. В 1871 г. по их инициативе прошла реформа армии, а в 1883 г. была принята программа строительства военного флота.

На протяжении большей части XIX в., не говоря уже о более ранних периодах британской истории, структура и стратегические задачи английской армии определялись двумя факторами: островным положением страны и наличием обширных заморских владений. Защитить метрополию от вторжения или морской блокады сухопутная армия была не в состоянии – это должны были сделать военно-морские силы. Предназначением сухопутной армии в этих условиях стали колониальные экспедиции и гарнизонная служба в колониях. Только в шестидесятилетнее правление королевы Виктории Англия вела не менее 39 колониальных войн, в том числе в Индии, Китае, Афганистане, Египте и Судане, Южной Африке. Структура армии определялась в соответствии с требованиями колониальных войн. Армия пополнялась людьми, добровольно поступавшими на военную службу. В 1848 г. был введен 10-летний срок службы с правом продолжать ее до 45-летнего возраста – считалось, что для колониальных экспедиций и гарнизонной службы в колониях рекруты, призванные по системе всеобщей воинской повинности с коротким сроком службы, не

---

¹ Известный дипломат и разведчик Локкарт вспоминал: «В этом году было только четыре вакансии. Число зарегистрированных кандидатов перешло за шестьдесят. Почти все они готовились к экзаменам в течение ряда лет. Некоторые были в числе первых двадцати, выдержавших в прошлом году. До полудюжины получили первоклассные свидетельства в Оксфорде и Кембридже». См.: Локкарт Р. Г. Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

могут акклиматизироваться в тропическом климате и не получают достаточную подготовку. Но то, что было достаточно для колониальных войн, совершенно не подходило для войн европейского масштаба. Рост милитаризма и технический прогресс в Европе сделали Англию в военном отношении более уязвимой. К тому же в ходе Крымской войны выявились пробелы в организации и обучении армии. Громоздкость управления, система покупки офицерских чинов¹, низкий в связи с этим уровень подготовки офицеров – все это ослабляло военный потенциал страны.

В 1871 г. либеральный кабинет Гладстона реформировал армию. Она по-прежнему комплектовалась из профессиональных солдат-добровольцев, но срок действительной военной службы сократили: можно было избрать 7-летнюю службу с последующим зачислением в резерв на 4 года или предпочесть 3 года действительной службы и 9-летнее нахождение в резерве, что омолодило личный состав. Вся сухопутная армия делилась на две части: на каждый полк в метрополии приходился другой, служивший в колониях. Они систематически менялись местами расположения. Отменили покупку чинов и должностей: правительство выкупило все офицерские патенты, взамен назначив выслужившим срок офицерам пенсии. В связи с этим в офицерском корпусе стало меньше аристократов: в канун Первой мировой войны даже среди генералов всего 35–40% составляли титулованная знать или джентри. Предписали, что для офицерской службы необходимо специальное военное образование. Главнокомандующего, который прежде был независим от военного министерства и являлся креатурой монарха, подчинили военному министру и правительству. В 1903 г. должность главнокомандующего вообще упразднили, передав функции управления и контроля «Совету армии», состоявшему из командующих отдельными видами вооруженных сил.

Либеральные кабинеты Кемпбелл-Баннермана (1905–1908) и Асквита (1908–1915) полностью разделяли военно-политическую программу строительства военно-морского флота, принятую консерваторами в бытность нахождения их во власти. После принятия на вооружение в 1905 г. линкора «Дредноут» начался новый виток строительства сверхмощных дредноутов. Перевооружение флота сопровождалось принятием в январе 1905 г. новой стратегической концепции, согласно которой британский флот должен был и в мирное время находиться в полной боевой готовности, с тем чтобы в любом пункте земного шара в течение 24 часов после получения приказа открыть военные действия и первым нанести неожиданный удар. Вслед за Англией и другие морские державы начали ускоренно переоснащать свои флоты линкорами нового типа. Это стало одним из слагаемых обострения международных противоречий, усиления морского соперничества и ухудшения обстановки в мире.

---

¹ Офицер, купив в начале карьеры за некоторую сумму (в 1870 г. чин капитана стоил 3 тыс. ф. ст., майора 4,5 тыс. ф. ст. и т. д.) патент на офицерский чин, выходя из полка перепродавал его преемнику.

Социальная политика либералов. Либералы последовательно придерживались социально-экономической линии, определявшей их идеологией. Вплоть до последней трети XIX в. в ее основе лежали принципы классического либерализма, важнейшими из них являлись требования неограниченных возможностей для развития рынка и свободной конкуренции, невмешательства государства в рыночные отношения и организацию хозяйства. Однако обострение социальных контрастов вынудило *Либеральную партию* перейти от концепции классического либерализма к идеологии социального либерализма и, будучи у власти, практически реализовывать его постулаты.

Эта проблема встала не только перед Англией, но и перед другими странами. Ввиду этого ряд ученых и политических деятелей в разных странах выступили с предложениями о пересмотре фундаментальных положений классического либерализма и проведении реформ, призванных ограничить произвол промышленных корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. Они сформулировали ряд принципов либерализма, получивших название «новый либерализм», или «социальный либерализм». Его программа включала требования развития общественной системы образования, установления минимальной заработной платы, введения контроля за условиями труда, государственного вмешательства в разрешение трудовых конфликтов, предоставления пенсий по старости, пособий по болезни и безработице. Установки «нового либерализма» представляли собой альтернативу радикальным социалистическим теориям и должны были способствовать смягчению конфликтов и мирной трансформации «капитализма свободной конкуренции» в общество с «социальной экономикой», основанной на частной собственности и регулируемых рыночных отношениях.

Пересматривая постулаты классического либерализма, теоретики социального либерализма указывали на то, что никакая частная собственность не может быть признана «чистой» и «абсолютной», ибо общество и разные его классы многими способами участвуют в ее создании и умножении. Поэтому есть основания определять, на какую часть собственности общество может претендовать. В нее стали включать доходы, которые не зависят от способностей, трудолюбия, предприимчивости, личного вклада предпринимателя. Например, такой частью собственности является прибыль, полученная вследствие монопольного положения на рынке.

Новый подход к определению природы собственности позволил приверженцам социального либерализма сделать вывод о том, что государство вправе регулировать функционирование и развитие частной собственности с учетом интересов общества и особенно тех его слоев, которые имеют отношение к ее созданию. Государство обязано в связи с этим через налоговый механизм обеспечить перераспределение национального богатства в направлении ликвидации крайностей неравенства, гарантирования прожиточного минимума и социальной защиты всех граждан. Точно так же государство в целях реализации индивидуальных способностей каждого должно открыть доступ к обра-

зованию и социально значимым сферам деятельности всем тем, кто в силу своего происхождения и материального положения не в состоянии сделать это самостоятельно.

Одним из наиболее значимых социальных мероприятий явилась проведенная парламентом по инициативе кабинета Гладстона школьная реформа. Английская общественность настоятельно добивалась ее, потому что отчетливо обнаружилось отставание Великобритании в области народного образования. Даже в школах, имевших государственные субсидии, обучение было неудовлетворительным, поскольку сводилось к заучиванию наизусть некоторых правил веры и нравственности. Если дети и умели читать, то часто плохо понимали прочитанное. Частные школы были еще хуже: большинство из них представляли собой детские приюты, в которых «за детьми присматривали прогнанные слуги, ветхие старики, калеки или бывшие клиенты домов для бедных... часто сами учителя не умели читать» [692, с. 123]. Перепись 1851 г. установила, что 708 учителей и учительниц частных школ и 35 учителей общественных школ вместо подписи ставили крест, так как не умели писать [634, т. 2, с. 192]. В 1861 г. из 2,5 млн детей только 1,5 млн получали хоть какое-то образование. В связи с этим определились задачи национального масштаба: обеспечить всеобщее начальное образование как инструмент воспитания трудолюбивых и законопослушных граждан и подготовки работников, способных трудиться в условиях фабричного машинного производства.

Руководитель департамента образования Форстер необходимость реформы образования аргументировал следующим образом: «От немедленной организации начального образования зависит наше промышленное благополучие. Если большинство наших рабочих останется и впредь необученными, то мы скоро погибнем в международной конкурентной борьбе. От немедленной организации образования зависит и наша национальная мощь» [цит. по: 762, ч. 1, с. 192]. По принятому в августе 1870 г. закону вся Великобритания разделялась на школьные округа, соответствовавшие гражданским приходам. В них налогоплательщики, включая женщин, избирали школьные советы. Они пользовались довольно широкими полномочиями: там, где не хватало школ, имели право открывать новые, делать представление местным властям о взимании школьного налога, решать, должно ли быть посещение школ детьми в возрасте от 5 до 13 лет обязательным и бесплатным, утверждать учебный план, назначать учителей. Определили требования к школьному обучению, касавшиеся доступности, благоустроенности помещения, состава учителей и предметов обучения. Школы получили государственные субсидии [321]. Реформа 1870 г. дала импульс к развитию начального образования, в последующие годы были предприняты дополнительные меры.

В связи с расширением избирательного права возросла политическая роль народных масс. Заинтересованные в голосах избирателей и под их давлением консервативная и либеральная партии должны были дать определенные гарантии повышения уровня жизни и расширения трудовых и социальных прав.

Прежде всего это касалось свободы деятельности профессиональных союзов – тред-юнионов. Предоставление значительным слоям рабочего класса возможности участвовать в избирательном процессе не согласовывалось с парадоксальной ситуацией, когда профсоюзы были лишены статуса юридического лица. Закон 1825 г. ограничивал деятельность профсоюзов вопросами заработной платы и продолжительности рабочего дня. Однако общественная кампания в поддержку реформы 1867 г. показала возросшую политическую роль профсоюзов как организаторов масс. При этом стало очевидным, что профсоюзы не несут угрозу основам государственного строя страны – образованная в 1867 г. парламентская комиссия по обследованию деятельности тред-юнионов не нашла никаких нарушений закона. Ввиду этого чрезвычайно важным шагом на пути к демократизации общественных отношений была проведенная в 1871 г. либеральным большинством парламента их легализация. Профсоюзы впервые получили официальное признание в общегосударственном масштабе. Отныне тред-юнионы нельзя было объявить противозаконными, они могли регистрировать свои уставы, защищать денежные фонды, определять внутреннюю структуру и распорядок деятельности, организовывать выступления трудящихся. Улучшила правовое положение трудящихся отмена в 1875 г., на этот раз консерваторами, «Закона о хозяевах и слугах», по которому нарушение контракта работником считалось уголовным преступлением и наказывалось тюремным заключением на срок до 3-х месяцев. На его основе в период с 1858 по 1875 г. суды ежегодно возбуждали до 10 тыс. дел против рабочих. С другой стороны, невыполнение обязательств владельцем предприятия каралось небольшим штрафом. Теперь же предприниматели и работники несли одинаковую ответственность за досрочное расторжение договора о найме.

В начале XX в. задачу придать либеральной идее и политике новый импульс взяла на себя группа молодых британских либералов-реформаторов (Г. Л. Самуэль, Дж. Гобсон, Л. Хобхауз, Дж. Робертсон), когда стало очевидным, что в отсутствие контроля со стороны государства рыночная система хозяйствования привела к поляризации социальных контрастов, социальная гармония и справедливость в обществе отнюдь не были достигнуты. Новая программа в социальной сфере молодыми либералами разрабатывалась в сотрудничестве с фабианцами и представителями рабочего движения.

Один из лидеров реформаторов Г. Л. Самуэль изложил новое видение программы либералов в книге «Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии» [857–858]. В ней он выступил сторонником создания основ «новой социальной философии», отвергавшей как традиционные принципы *laissez-faire*, так и идеи социализма. Результатом программы и деятельности либералов должно было стать обеспечение партнерства труда и капитала. Так политика социальных реформ стала основой не только теории, но и практики либералов. Книга Г. Л. Самуэля стала своеобразным манифестом либеральной партии начала XX столетия. Она содержит изложение основных принципов обновленного английского либерализма, в том

числе программу английской либеральной партии и аргументы в защиту ее политики. Ее автор рассматривает постулаты либерализма в применении как к задачам британской внешней политики, так и к проблемам внутренней политики, в том числе к вопросам борьбы с бедностью, образования, жилья, степени вмешательства государства, избирательного права, местного самоуправления и др. Но именно социальную реформу Самуэль поставил на первое место среди требований партии.

Таким образом, признание регулирующей роли государства в экономической и социальной сферах, в обеспечении социальной справедливости и равенства путем государственной поддержки малоимущих слоев населения стало основным отличием социального либерализма от классического. В связи с этим концепцию государства «ночного сторожа» социальный либерализм заменил теорией «государства благосостояния». Программа «нового либерализма» включала требования развития общественной системы образования, установления минимальной заработной платы, введения контроля за условиями труда, государственного вмешательства в разрешение трудовых конфликтов, предоставления пенсий по старости, пособий по болезни и безработице. Установки «нового либерализма» представляли собой альтернативу радикальным социалистическим теориям и должны были способствовать смягчению конфликтов и мирной трансформации «капитализма свободной конкуренции» в общество с «социальной экономикой», основанной на частной собственности и регулируемых рыночных отношениях.

Новой социальной политике отвечал принятый парламентом в 1906 г. закон о промышленных конфликтах, по которому тред-юнионы освобождались от материальной ответственности за стачки [328]; в 1908 г. — о восьмичасовом рабочем дне для горняков и о пенсиях по возрасту [322; 860, с. 141]; в 1909 г. — о регулировании оплаты труда в домашней промышленности; в 1911 г. — о государственном социальном страховании и порядке получения пособий по безработице [310]. Согласно последнему все лица наемного труда от 16 лет и старше могли получать пособие по болезни. Условием получения пособия должна была быть зарплата не выше 160 ф. ст. в год (в неделю это было 3 ф. 1 шилл. 6 пенс.) и возраст не свыше 65 лет. Выплате пособия должны были предшествовать еженедельные в период работы взносы из расчета: мужчины — 4 пенса, женщины — 3 пенса, предприниматели — 3 пенса за каждого наемного рабочего. Часть средств выплачивало государство: по 1 пенсу в неделю при страховании рабочих с заработной платой ниже 2 шилл. в неделю. Пособие предоставлялось на протяжении 26 недель в размере 10 шилл. в неделю мужчинам и 7 шилл. 6 пенсов женщинам при условии, что они не имели побочного дохода свыше 26 ф. ст. в год и не получали средств к существованию от других лиц. В случае, когда трудоспособность не восстанавливалась на протяжении установленных 26 недель, назначалось пособие по инвалидности в 5 шилл. Оно выплачивалось до выздоровления или достижения 70 лет, возраста, дававшего право на пенсию по старости. Этот закон содержал и специальный раздел о пособиях

безработным. Введение законов о социальном страховании позволило в Великобритании в 1915 г. довести число имевших право на пособия по болезни до 66% от общей численности работавших.

Индустриализация привела к перенасыщению рынка труда, появлению стабильной безработицы. Между 1900 и 1913 гг. колебания численности безработных только среди членов профсоюзов в Великобритании находились в диапазоне от 2,1 до 7,8%. Сравнительно высокая занятость, с одной стороны, долго сохранявшаяся практика невмешательства государства в сферу трудовых отношений – с другой, привели к тому, что проблема страхования от безработицы позже других стала предметом общественного внимания и рассмотрения властями. В сентябре 1909 г. либералы провели закон о биржах труда. В соответствии с ним была создана сеть бирж труда (в 1913 г. их было 430), которые бесплатно приискивали безработным возможные места трудоустройства. В декабре 1911 г. либералы обеспечили принятие выше упомянутого закона о государственном социальном страховании, включавший специальный раздел о пособиях безработным [310].

Обязательное страхование по безработице было введено в строительстве, судостроении, машиностроении, производстве средств сообщения. В этих отраслях обязательному страхованию подлежали все рабочие в возрасте свыше 18 лет. Условием получения пособия являлась работа в течение не менее 26 недель в каждом из 5 предшествовавших лет. Рабочий должен был доказать, что со дня обращения за пособием он не имел работы. Рабочие лишались права на пособие в следующих случаях: если стали безработными вследствие участия в забастовке или локауте; если добровольно оставили работу или потеряли ее по собственной вине – в течение 6 недель со дня оставления работы; если были наказаны тюремным заключением – в течение 6 недель со дня оставления работы; если содержались на общественные средства в социальном учреждении. Фонд пособий формировали за счет средств предпринимателей, рабочих и государства. Предприниматели вносили по 2,5 пенса в неделю на каждого работавшего, наемные рабочие – столько же. Парламент ежегодно выделял сумму, равную 1/3 от совокупного размера взносов нанимателей и работников за тот же год. Само недельное пособие составляло 6–7 шилл. в неделю, получать его можно было не более 15 недель в году [310]. Распространение действия закона только на отдельные отрасли привело к сужению круга рабочих, имевших право получать эту помощь. В 1915 г. их было всего 11% к числу рабочей силы.

В Великобритании необходимость пенсий по возрасту вызывалась практически полной необеспеченностью подавляющего большинства завершивших в связи с возрастом трудовую деятельность. Лишь квалифицированные рабочие, объединенные в тред-юнионы, могли рассчитывать на профсоюзную пенсию. Основная же масса пролетариата вынуждена была соглашаться на помощь по закону о бедных. Но это налагало серьезные ограничения на получавшего такую помощь, а главное – лишало политических прав на основании предположения, что человек, не могущий самостоятельно решить свои финансовые проблемы, не может участвовать в делах государства. Положение дискримини-

руемых экономически и политически ветеранов труда вызывало и обеспокоенность и протесты. На съезде Лейбористской партии в январе 1908 г. делегат Клайнс следующим образом обосновывал необходимость пенсий для рабочих: «Нам казалось бы, что старость сама по себе должна была бы быть гарантией против бедности, а не причиной бедности; но в действительности как раз наоборот. В богатых классах родители были настолько благоразумны, что позаботились о наследстве для детей; у нас, рабочих, все наоборот, молодому поколению приходится заботиться о своих стариках. Рабочая партия кое-что сделала в области попечения о детях; другой конец жизни – старость во многих отношениях так же беспомощна, как детство, и со стороны нашей партии было вполне естественно, что она посвятила свою энергию вопросу об обеспечении известного благосостояния для стариков-пролетариев. Партии делали уже на это счет всякие обещания и проекты, но не предпринимали ни малейшей попытки к практическому осуществлению их. Мы смело можем сказать, что только деятельность нашей партии за последние несколько лет привела реформу к той стадии, в которой она находится теперь: находящаяся теперь у власти партия (либеральная – *И. Ч.*) не может более уклоняться от исполнения своего обещания. Мы требуем не новшеств: уже теперь государство платит более десяти миллионов фунтов в год своим офицерам и чиновникам в отставку; мы требуем того же для ветеранов труда, – они заслужили это на своем поле брани» [416, с. 229].

Великобритания ввела пенсионное обеспечение в 1908 г., когда вошел в силу *Закон о пенсиях по старости* [322]. Закон установил, что все расходы по выдаче пенсий будут покрыты суммами, вотированными парламентом. Для получения пенсии требовалось преодолеть чрезвычайно высокий возрастной порог: 70 лет. Но возраст не был единственным ограничителем: пенсии выплачивались, если годовой заработок не превышал 31 ф. ст. 10 шилл. Если годовой доход превышал этот уровень, пенсия не назначалась. Еще одним условием было проживание в Великобритании не менее 12 лет из последних 20. Сами пенсии были невелики: английский квалифицированный рабочий зарабатывал 35–40 шилл. в неделю, а пенсия составляла 1–5 шилл. в зависимости от заработка накануне выхода на пенсию. При этом максимальную пенсию в 5 шилл. получали 94% пенсионеров [809, с. 221]. В 1909 г., когда пенсии по старости впервые стали выплачиваться, число пенсионеров составило 667 тыс. [416, с. 232], в 1912 г. – более 942 тыс. (2,01% от общей численности населения) [809, с. 220].

7.3. Консервативная партия

Структура Консервативной партии. Имевший длительную историю и традиции английский консерватизм начал упорядочение партийной структуры образованием в 1867 г. *Национального союза консерваторов* и завершил организационную перестройку созданием в 1883 г. *Национального союза консервативных и конституционных ассоциаций*, объединявший ассоциации Англии

и Уэльса. Его структура была аналогична той, что создали либералы. Ежегодно собиралась конференция, выполнявшая роль Центрального Совета партии. Участниками конференции были: лидер партии, «кнут», главный агент, члены парламента, по два делегата от каждой ассоциации, входившей в *Союз*, представители поддерживавших партию женских, молодежных и других организаций, а также большое число почетных вице-председателей и почетных членов *Союза*. В 1872 г., например, вице-председателей было 365, а почетных членов – 219. Объяснение этому феномену простое: вице-председателем становился каждый, внесший в партийную кассу 5 гиней, чтобы стать почетным членом было достаточно 1 гиней. Между ежегодными конференциями партийными делами руководил *Исполком* в составе лидера партии, «кнута», главного агента и по два делегата от каждого избирательного округа.

Были сформированы местные, по избирательным округам, организации – «конституционные консервативные ассоциации», члены которых обязывались на выборах голосовать за кандидатов тори. Приверженность традиции социального разобщения побуждала консерваторов для рабочих создавать отдельные ассоциации.

Обстоятельства внутривнутриполитической жизни принудили консерваторов вовлечь в орбиту своей деятельности женщин. Одно из них связано с законодательным запрещением в 1883 г. использования в период избирательной кампании оплачиваемых вербовщиков голосов избирателей. Потерю этого ресурса возместили привлечением к агитационной работе женщин, которые были согласны работать на добровольных бесплатных началах. Вторым обстоятельством стало стремление консерваторов преодолеть последствия поражения на парламентских выборах 1870 г. Неудовлетворенная политикой лидеров партии группа парламентариев во главе с Рандольфом Черчиллем образовала оппозиционную группу, так называемую «четвертую партию», выступившую за демократизацию партийных порядков. Чтобы получить поддержку, «четвертая партия» в 1883 г. инициировала создание внепартийной структуры – организации, получившей название *Лига подснежника*¹. Первоначально в нее рекрутировали исключительно мужчин. Однако в 1883 г. был принят «Акт о коррупционной практике» (*Corrupt Practices Act*), который ограничил число платных партийных агитаторов в каждом округе. Рандольф Черчилль выдвинул идею заполнить образовавшиеся пустоты бесплатными женскими пропагандистскими силами. В отступление от традиций признали целесообразным принимать в *Лигу подснежника* женщин. Женщины массово стали вступать в *Лигу*, с готовностью включились в новую для себя сферу деятельности. Среди них было много жен членов консервативной партии, преимущественно неработающих женщин из среднего класса, которые могли посвящать партии свое свободное время и материальные средства. Но доминировали в *Лиге* аристократки.

---

¹ В знак уважения к умершему в 1884 г. Дизраэли, который, как гласит легенда, любил этот цветок.

Дженни Черчилль, жена Рандольфа Черчилля и мать Уинстона Черчилля, писала: «Я стала дамой-президентом многих клубов Лиги и разъезжала по всей стране, открывая их. Вступительные речи посвящались различным вопросам, часто весьма необычным. А сами открытия представляли собой смесь серьезности и шутливости, торжественности и легкомыслия. Речи членов парламента перемежались песнями и декламацией, иногда чтением комических произведений. Собрание обычно заканчивалось вступлением новых членов в Лигу. Записываться шли рабочий и местный магнат, аристократка и жена зеленщика <...> Политика, как и благотворительность, – великие уравниатели» [592, с. 126–127].

Как отметил М. Я. Острогорский, «бросившись на арену общественной жизни, английские женщины нашли способ усилить свои домашние добродетели, их семейной приверженности открывались новые горизонты, неизвестные дотоле; вот женщина, которая без передышки ежедневно трудится, чтобы заполучить в пользу мужа благоволение его будущих избирателей; вот другая, которая с самого начала избирательного периода забрасывает все – дом, свои развлечения, говорит одну речь за другой и в жестокой борьбе завоевывает звание члена парламента для своего мужа; вот мать, объезжающая всю страну с севера до юга, чтобы агитировать перед избирателями за своего сына, только вступающего на политическую арену; а вот сестра, сражающаяся за своего брата. Многие женщины испытывают горячее желание показаться и выступить при свете рампы» [723, с. 248].

Вступавшие в *Лигу* подписывали торжественное обязательство «защищать религию, королевские земли и государственное могущество Британской империи». В зависимости от суммы взноса принятых наделяли особым статусом. При минимальном – рыцаря или дамы, при максимальном – мужчин принимали в имперское отделение *Лиги подснежника*, женщин – в *Большой совет леди Лиги подснежника*. Вскоре *Лига подснежника* превратилась в массовую быстро растущую организацию, в середине 1890-х гг. она насчитывала более миллиона, а к началу Первой мировой войны свыше 2 млн членов, 9/10 которых составляли рабочие, фермеры, мелкие лавочники. Лига формально считалась внепартийной организацией, но основные направления ее деятельности были связаны с поддержкой партии консерваторов. Участники *Лиги*, в том числе женщины, организовывали сбор средств для партии, распространяли литературу, пропагандировали идеи консерватизма, вели предвыборную агитацию в пользу кандидатов от Консервативной партии. Но воздействовать на политику партии *Лига* возможности не имела.

На протяжении второй половины XIX в. шел активный процесс сближения политических и экономических интересов аристократии и буржуазии. К 1910 г. около 70% британских консервативных парламентариев были связаны с бизнесом. В 1914 г. в консервативной фракции Палаты общин 23% депутатов представляли землевладельцев и 24% – промышленные круги. Это соотношение дает возможность понять почему консерваторы восприняли многие идеи

и принципы либерализма: рыночные отношения, представительство и выборность органов власти, политический и идеологический плюрализм. На этой базе складывается идеология *реформистского консерватизма*. Он приобретает форму «демократического торизма», программу которого сформулировал Бенджамин Дизраэли. По оценке М. Я. Острогорского, Дизраэли попытался «снять с торизма лежавшую на нем печать реакционной партии. Его тонкая диалектика, подкрепленная могучим воображением, помогла ему понять, что в исторической перспективе враждебность прогрессу, гражданской и религиозной свободе была следствием торизма, выродившегося и деморализованного длительной властью в исключительных обстоятельствах» [723, с. 123]. Но основу «демократического торизма» составляли традиционные принципы консерватизма: идеи укрепления роли монарха, палаты лордов и церкви, консолидации и расширения колониальной империи, проведение твердой внешней политики, утверждения «величия Англии». Вехами политики консерваторов стали покупка акций Суэцкого канала и провозглашение королевы Виктории императрицей Индии (1876 г.); установление контроля над Афганистаном в результате войны 1878–1880 гг.; захват Египта (1882 г.); захват бурских республик в ходе войны 1899–1902 гг., установление контроля над долиной Нила и Суданом (1899 г.); заключение договора Антанты (1904 г.). Агрессивная внешняя политика потребовала и укрепления вооруженных сил.

Реформа флота. В последней трети XIX в. до крайности обострилась борьба за колонии. В погоне за новыми владениями Англия столкнулась с активными и опасными конкурентами: Францией, Германией, Италией. От великих держав старались не отстать Бельгия и Португалия. На почве борьбы за колонии Англия постепенно оказалась втянутой в конфликты почти со всеми европейскими державами. В создавшейся международной обстановке, чреватой постоянными столкновениями, важнейшее значение приобрела готовность к схватке, прежде всего на море.

В XIX в. развитие техники полностью изменило лицо флота. Переход к паровым двигателям, усиление артиллерии, внедрение минного и торпедного оружия, бронирование судов поставили под вопрос завоеванное в XVIII в. преобладание английского флота. На этом фоне началась оживленная дискуссия, в ходе которой излагались различные концепции обороны империи. В конечном счете возобладали взгляды, сформулированные братьями адмиралом Филиппом Коломбом и капитаном артиллерийской службы Джоном Коломбом. Они были сторонниками агрессивной стратегии. Дж. Коломб доказывал, что сразу после объявления войны английский флот должен приступить к блокаде портов и баз противника, а затем, при попытке вражеского флота выйти в море, атаковать его и уничтожить. Ф. Коломб, в свою очередь, заявлял, что сам термин «оборона» не применим к английскому флоту. Ссылаясь на «национальные интересы» Англии и на необходимость обеспечить безопасность уже приобретенных колоний, сторонники братьев Коломбов выдвигали все новые и новые объекты захватов. Но для этого нужны были современные, технически

совершенные корабли, и в мае 1889 г. консервативное правительство Солсбери провело через парламент билль о пятилетнем плане морского строительства. Он предусматривал пополнение флота 70 новыми кораблями. Но главное в билле заключалось не в сумме ассигнований, а в установлении принципа, согласно которому английский военно-морской флот должен иметь постоянный перевес над силами двух самых крупных морских держав. Хотя эти державы прямо не назывались, при обсуждении закона многие ораторы говорили о Франции и России. В дальнейшем этот список видоизменился, но предусмотренное преобладание неукоснительно поддерживалось. Принятие морского закона 1889 г. оказалось сигналом к новому этапу гонки морских вооружений. Она продолжилась с введением в 1905 г. в строй броненосца «Дредноут», превосходившего по вооружению и техническим характеристикам все существовавшие в мире корабли. Появление «Дредноута» вынудило морские державы переоснащать флоты броненосцами нового типа, что дало старт гонке морских вооружений во все мире.

Парламентская реформа 1867 г. В условиях двухпартийной системы возросла роль электората, за него надо было бороться, в том числе и приданием партии имиджа выразителя народных интересов. Консерваторы признали необходимость политических реформ, расширения демократических прав народных масс. Дизраэли объявил ошибкой тори передачу инициативы вигам в проведении парламентской реформы 1832 г. и сам в 1867 г. внес проект второй парламентской реформы. 15 августа 1867 г. *Акт о народном представительстве* был принят [21]. Вторая парламентская реформа в очередной раз перераспределила парламентские места в пользу крупных избирательных округов. Новые избирательные правила существенно понизили имущественный ценз. Право голоса в городах получили не только владельцы домов и те, кто уплачивал 10 ф. ст. годовой арендной платы за жилье, но и все наниматели квартир, даже дешевых, если они платили налог в пользу бедных. В графствах избирателями стали собственники и наследственные арендаторы земли с доходом не менее 5 ф. ст. в год, а также краткосрочные арендаторы, получавшие 12 ф. ст. годового дохода. Вводился 12-месячный со дня регистрации ценз оседлости. Реформа включила в число избирателей мелкую буржуазию, квалифицированных рабочих, зажиточных фермеров, вследствие чего электорат возрос до 1995 тыс. человек. Но и при этом значительные слои населения были лишены права голоса. В число избирателей не вошли средне- и низкооплачиваемые рабочие и безработные. Труднопреодолимым барьером стали 12-месячный ценз оседлости и необходимость уплаты налога в пользу бедных. Из списков избирателей были совершенно исключены женщины.

Реформа государственной службы и местного управления. В 1888 г. премьер Дизраэли маркиз Солсбери провел реформу местного управления, заключающуюся в создании выборных советов графств. Почти на всем протяжении XIX в. судебная и исполнительная власть в графствах находилась в ведении

назначавшегося из аристократической среды лорда-наместника. Он оказывал решающее влияние на выборы мировых судей, которые отправляли как судебные, так и административные дела на местах. Мировые судьи из числа местных крупных землевладельцев работали на общественных началах (должность мирового судьи не оплачивалась) во имя исполнения долга перед своим классом. Мировые судьи вершили не только судебные дела, но и руководили всей местной администрацией, включая полицию. Они были основной опорой земельной аристократии. Как либеральные, так и консервативные кабинеты стремились ликвидировать феодальные пережитки в сфере местного управления, заменить дворянскую администрацию выборной. В 1835 г. всем налогоплательщикам предоставили право голоса при избрании органов городского самоуправления, вследствие чего аристократическая знать утратила контроль над муниципалитетами городов. Административное управление в них перешло в руки буржуазии. Демократически избиравшиеся и поддерживавшиеся электоратом члены муниципалитетов были склонны вводить «улучшения» в интересах всех горожан, а не господствовавшей прежде аристократической олигархии. Но реформа 1835 г. сохранила диктатуру аристократии в сельских районах, где власть осталась у мировых судей – ставленников лендлордов. Это не соответствовало изменившемуся раскладу политических сил.

Проведенная в 1888 г. консервативным кабинетом Солсбери реформа местного управления внедрила в графствах такие же, как и в городах, принципы выборности [312]. Страну разделили на сельские и городские административные округа, за которыми сохранили прежнее название – графства. Статус городского графства получили города с населением не менее 50 тыс. жителей или уже имевшие такой статус. Столица составила одно графство под названием «административное графство Лондон». В графствах административное управление перешло к выборным советам в составе председателя, старшин и советников, избиравшихся на 3 года. Избирать и быть избранными могли жители графств – владельцы недвижимости, плательщики местных налогов, обладатели парламентского избирательного права. Председатель совета графства по своей должности являлся также мировым судьей. За мировыми судьями сохранили только юридические функции.

Социальная политика. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. консерватизм воспринимает многие важнейшие идеи и принципы, которые раньше отвергались. В Англии сформулированная Бенджамином Дизраэли программа «демократического торизма» предусматривала осуществление социальных реформ. Конкретных результатов в этой сфере пытались достичь путем создания для буржуазии благоприятной рыночной конъюнктуры и дополнительных источников сверхприбыли, которые могли бы обеспечить высокий уровень занятости, повышение заработной платы и другие формы улучшения жизненного стандарта населения. Но в этих целях использовались не только косвенные методы, но и прямое законодательство в интересах трудящихся. В период деятельности консервативных кабинетов был проведен в жизнь ряд

социальных законов: об охране труда на всех предприятиях с числом рабочих более 50 (1867); об общественном здравоохранении (1875); о «мирном пикетировании», что облегчало борьбу трудящихся за экономические права (1875); отменен закон «О господах и слугах» и введена одинаковая ответственность предпринимателей и рабочих за досрочное расторжение договора найма, т. е. установлено равноправие между работодателями и рабочими (1875) [18; 311]; повышен до 14 лет возраст обязательного начального образования (1876); выделены субсидии школам в расчете на каждого ребенка, что сделало начальное образование бесплатным (1891); проведена передача начального и среднего образования в ведение государства (1902); принят фабричный закон (1891) [966] и закон о безработных (1905), который, однако, всего лишь предусматривал государственную поддержку филантропической деятельности и помощь в эмиграции безработных. В русле реформистской политики консервативное большинство в парламенте в 1897 г. приняло «Акт о вознаграждении рабочих», возлагавший ответственность на предпринимателей за несчастные случаи с рабочими [16].

Если до 1880 г. ответственность работодателя наступала лишь при наличии его личной вины, и даже принятый в 1880 г. закон мало что изменил: предприниматели были освобождены от ответственности, если несчастный случай произошел «случайно» или по вине самого рабочего [14]. Более того, предприниматель имел возможность уклониться от ответственности путем найма рабочих через подрядчиков или договора с рабочими, по которому они отказывались от прав, предоставлявшихся законом. Поэтому практическое значение закона было ничтожным. Принятый же в 1897 г. «Акт о вознаграждении рабочих» [16] исходил из другого принципа: все несчастные случаи, от чего бы они ни происходили, являются профессиональным риском предпринимателя и подлежат денежной компенсации. Закон установил: «Если на какой-либо работе <...> рабочий получит телесное повреждение от несчастного случая, произошедшего вследствие и во время этой работы, то хозяин его обязан <...> уплатить ему вознаграждение» [16, с. 6]. Признавая право на страхование от несчастных случаев на производстве, законодательство не распространяло его на предприятия без механических двигателей, не защищало интересы моряков, сельскохозяйственных рабочих, домашней прислуги. Выплата пособия производилась только с третьей недели после получения повреждения: «Когда результатом повреждения бывает полная или частичная потеря трудоспособности, вознаграждение выдается в виде недельной пенсии в течение всего времени неспособности к труду, начиная с третьей недели, в размере 50% его среднего недельного заработка за предшествующие двенадцать месяцев, или же, если пострадавший находился на работе у того же хозяина менее продолжительный период времени – за это более короткое время действительной работы; недельная пенсия не должна превышать 1 фунта» [16, с. 15]. Гарантии получения пособий приобрело значительное число рабочих, если бы им суждено было стать жертвами производственного травматизма. В 1910 г. этот вид страхования охватывал 70% рабочих Великобритании [130, с. 115].

Реформистский консерватизм, признав необходимость социальных реформ, сблизился с либерализмом, что консолидировало господствующий класс и создало предпосылки для перехода к перманентной и системной политике реформизма. Последний стал важным элементом модернизации общества.

7.4. Социалистические организации и партии

Фабианское общество. В январе 1884 г. небольшая группа интеллигентов из Лондона (в их числе были Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Сидней и Беатрис Веббы, Том Манн, Джон Бернс) создала организацию, целью которой было переустройство общества для обеспечения всеобщего счастья и благоденствия. Стремясь к постепенному достижению этой цели, основатели назвали свою организацию *Фабианским обществом* – по имени римского полководца Фабия Максима Кунктатора, который в борьбе с Ганнибалом применял «тактику промедления». Фабианское общество не было многочисленным, в конце XIX в. насчитывало 700–800 членов, но его ядро составляла элита английской интеллигенции. Не стремясь к массовому вовлечению в свои ряды новых людей, общество поощряло уже состоявших в нем членов к вступлению в другие организации – так обеспечивалось распространение идеологии фабианства.

Побудительным мотивом организации *Фабианского общества* и выработки концепции постепенного эволюционного перехода к социализму явилось осознание несправедливости такого общественного устройства, при котором соседствуют нищета и роскошь. В то же время пугала перспектива социальных катаклизмов. Возможность предотвратить развитие событий в направлении «всеобщего разрушения», фабианцы видели в демократизации сложившейся в Англии политической системы, что, с их точки зрения, было бы достаточным для передачи всех отраслей производства в собственность и управление народа [718]. Система взглядов, разработанная фабианцами, вошла в историю общественной мысли как фабианский социализм.

Фабианское общество не занималось продвижением собственных кандидатов на парламентских выборах, полем деятельности считало просветительскую работу, пропаганду социалистических идей. Именно в этом ключе программный документ 1884 г. определил главную цель: Фабианское общество «стремится к организации общества путем освобождения земли и промышленного капитала от господства личной и классовой собственности и к передаче их всему обществу для общего блага. Лишь таким образом естественные и приобретенные преимущества страны могут быть справедливо распределены между всем народом» [718, с. 429].

Фабианцы в планах реформирования общества отвергали такие формы прямой демократии, как референдум и прямые выборы должностных лиц. Система управления, по их мнению, должна строиться следующим образом: народ избирает парламент, который формирует правительство, последнее назначает администрацию. В силу этого администрация ответственна перед правитель-

ством, а оно — перед народом в лице его представителей в парламенте. Что касается роли самих избирателей, то они могут выражать свою волю только во время выборов. Избрав кого-либо в парламент, народ должен предоставить своему депутату право свободно решать, какую политику поддерживать. Избирателям отказывалось в праве давать наказ кандидату, а после его избрания — отзываться из парламента.

Фабианцы полагали, что наиболее успешно обеспечивает эффективность правления представительная демократия. В этом качестве наилучшей им представлялась английская парламентская система при условии некоторой ее модернизации. Преобразования должны были ликвидировать ограничения демократии. По мнению фабианцев, для этого следовало осуществить ряд требований: предоставить избирательные права всем совершеннолетним; уравнивать в правах женщин и мужчин; снизить ценз оседлости до четырех недель; проводить повторное голосование, если ни один из кандидатов не получил половины голосов избирателей своего округа; предоставлять каждому избирателю один голос; перераспределять округа в соответствии с количеством избирателей; оплачивать все расходы по выборам из общественных фондов; ввести жалованье членам парламента.

Таким образом, для фабианцев представлялись насущно необходимым не только введение всеобщего избирательного права без каких-либо изъятий, но и создание надлежащих материальных условий деятельности избранников народа в парламенте, преодоления ими материально-денежного барьера. Если кандидат в парламент вынужден сам оплачивать избирательные расходы и, став его членом, жить за счет собственных средств, рассуждали фабианцы, «никто, кроме лендлордов, капиталистов или лиц свободных профессий, зависящих от тех же лендлордов и капиталистов, не может позволить себе роскоши заседать в нем» [цит. по: 176, с. 112]. Демократизация парламента, с их точки зрения, коренным образом изменила бы это положение: большинство получили бы представители «наемных тружеников», которые проводили бы политику в интересах всего народа.

Прежде всего преобразования должны затронуть частную собственность на средства производства, поскольку она, по убеждению фабианцев, привела к присвоению собственниками незаработанной прибыли в виде ренты. В аграрном секторе под ней понимали излишек, возникавший в результате использования более плодородной почвы, близости хозяйства к потребителям и наличия благоприятных условий, отсутствовавших у других производителей сельскохозяйственной продукции. Что касается промышленных предпринимателей, то их прибыли частично состояли из ренты, полученной как следствие удачного расположения предприятий по отношению к источникам сырья, рынкам сбыта и т. п. факторов, а частично из ренты, образованной в результате применения лучшего оборудования и привлечения более квалифицированных работников. Но совершенствование орудий производства, равно как и обучение персонала, являются итогом работы человеческой мысли и труда предшество-

вавших поколений, поэтому нынешние владельцы единолично пользуются тем, что создано обществом в целом. Однако никто не имеет права присваивать в индивидуальное пользование принадлежащее всему народу, следовательно, ренту следовало сделать общественным достоянием.

Фабианское общество выдвигало три взаимосвязанных способа социализации средств производства: налоги, национализация или муниципализация, конкуренция общественных и частных предприятий.

Высокое налогообложение рент должно было, по расчетам фабианцев, привести к их обобществлению. Таким образом, налог выступал как средство изъятия рент. Полученные в результате этого деньги предполагалось частично использовать на социальное обеспечение, образование и здравоохранение. За счет другой части планировалось выкупить у частных владельцев предприятия и земли для общественных нужд. Крупную промышленность с высокой степенью монополизации и имеющую общенациональное значение (тресты, шахты, железные дороги, каналы, телефон, телеграф) предполагалось национализировать, а сферу мелкого и среднего бизнеса – муниципализировать.

В связи с последним фабианцы требовали значительного расширения функций муниципалитетов, которые должны в полном объеме управлять местными делами и получить неограниченные возможности заниматься предпринимательской деятельностью. В этих целях они призывали предоставить местным органам право вводить повышенные налоги на земельную собственность и наследство; принудительно выкупать необходимые для общественных нужд земли и службы, призванные удовлетворять первоочередные потребности населения; создавать муниципальные предприятия и самостоятельно управлять ими; контролировать оставшиеся в руках частных лиц предприятия, обслуживающие потребности населения; заниматься страхованием жителей от пожаров. Фабианцы полагали, что в сфере деятельности муниципалитетов должны быть строительство дешевых и удобных домов для рабочих, снабжение водой, газом и электричеством, городской транспорт, доки, рынки, ломбарды, больницы, молочные фермы, пекарни, бойни и т. п.

Фабианцы не сомневались в преимуществах национализированного и муниципализированного производства, которое в ходе конкурентной борьбы вытеснит частнокапиталистическое и в результате длительного процесса обеспечит утверждение общественной собственности на средства производства [693]. Фабианский проект преобразования общественных отношений стал одной из первых попыток разработать план мирного перехода к социализму в условиях буржуазно-демократического политического строя. Система взглядов, вошедшая в историю общественной мысли как фабианский социализм, составила основу идеологии английской лейбористской партии, когда та была создана, оказала существенное воздействие на теоретические позиции социал-демократии других стран [см.: 834]. Фабианская доктрина имеет последователей до настоящего времени.

Социал-демократическая федерация. Деятельность многих английских социалистов была связана с основанной Генри Гайндманом в 1881 г. *Демократической федерацией*, в 1884 г. переименованной в *Социал-демократическую федерацию*. Ее концепция исходила из того, что средства производства, распределения и обмена должны перейти в коллективную собственность. Программа СДФ исходила из того, что «освобождение рабочего класса может быть достигнуто лишь путем социализации средств производства, распределения и обмена и последующим контролем над ними со стороны организованного общества в интересах всего народа» [795, с. 422].

В политической сфере СДФ добивалась уничтожения монархии, упразднения Палаты лордов, вознаграждения членов законодательных и административных учреждений, всеобщего избирательного права, полной свободы рабочих союзов, отделения церкви от государства, упразднения постоянной армии и учреждение национальной гражданской милиции, законодательной и административной независимости всех частей империи. Экономические императивы партии сводились к требованию национализации земли и организации на кооперативных началах труда в сельском хозяйстве и промышленности при общественном владении и контроле. СДФ считала необходимым провести национализацию трестов, железных дорог и всех средств сообщения, передать в общественную собственность газовое и электрическое освещение, водоснабжение, больницы, аптеки, кладбища. СДФ требовала отмены косвенного обложения и введения прогрессивного налога на доходы и наследства. В социальной сфере ориентирами СДФ были установление 8-часового рабочего дня, минимальной заработной платы, равной оплаты мужчинам и женщинам за одинаковую работу, государственного страхования по болезни и несчастным случаям, достаточного пенсионного обеспечения престарелых, запрещение детского труда до 16 лет [795, с. 423–426].

Создать многочисленную и влиятельную партию Гайндману не удалось: в 1895 г. СДФ насчитывала едва ли больше 5 тыс. сторонников. Эта организация не могла приобрести авторитет у рабочих – на выборах 1885 г. она брала деньги у консерваторов, чтобы попытаться провалить нескольких либеральных кандидатов. В 1908 г. СДФ преобразовали в *Социал-демократическую партию*, которая пропагандировала социализм, в какой-то мере приближавшийся к марксизму – партия исповедовала доктрину революционного социализма, противопоставляя его реформистскому, эволюционному социализму. Партия не допускала в своих рядах ни малейшего свободомыслия, отличалась духом сектантства и догматизма. В 90-х годах XIX в. она несколько расширила свой состав, доведя его до 18 тыс. членов, но так и не провела в парламент собственного депутата.

Независимая рабочая партия. Очередную попытку создать партию рабочего класса предприняли в 1893 г., когда на съезде в Брэдфорде несколько малочисленных групп объединились в *Независимую рабочую партию*. Целью ее деятельности была «промышленная республика, основанная на социализации

земли и капитала», а способом достижения этой цели – «воспитание общества в принципах социализма». Программа НРП требовала путем парламентского законодательства установления общественной собственности на землю и капитал, введения 8-часового рабочего дня, повышения возраста детского труда с перспективой его полного упразднения, назначения государственных пенсий всем лицам старше 50 лет, проявления заботы о всех вдовах, сиротах, больных и не способных к труду рабочих, распространения избирательного права на мужчин и женщин, введения светского начального, среднего и высшего образования с бесплатным содержанием в школах и университетах, признания законом празднования 1 мая [790–791]. Признанным лидером НРП был Кейр Гарди. Он полагал, что рабочим необходимо просвещение и воспитание, чтобы осознать свои интересы и реализовать их через реформы социалистического характера, добившись независимого представительства в парламенте. Наступивший же социализм благодетельствует все человечество. Как заявлял Гарди, НРП «исходит из того, что рабочий должен стать свободным экономически, настолько, как полагают, он является свободным политически, что земля и орудия производства должны перейти в общественное владение и использоваться в интересах общества для обеспечения ему здоровой и счастливой жизни» [359, с. 134], социалисты предлагают бедным «освобождение от ярма неблагодарного труда и гнетущей нищеты; среднему классу – от тирании рынка; богатым дают надежду на возвращение радостей жизни, освобождая их от бремени собственности» [146, с. 91]. Оставалось разъяснить это капиталистам. Естественно, при подобных взглядах партия не смогла занять того положения, которое соответствовало бы численности и значению британского индустриального пролетариата и конкурировать с тред-юнионами, которые уже в 1895 г. насчитывали 1,5 млн членов. На парламентских выборах 1895 г. из 28 ее кандидатов ни один не был избран. В 1900 г. НРП объединяла всего 13 тыс. членов.

Британская социалистическая партия. В социалистически ориентированных партиях и группах не могла не возникнуть идея объединения сил. Она была реализована, когда в 1911 г. в Солфорде состоялась Учредительная конференция, в которой приняли участие делегаты от СДП, отделений НРП, ряда других организаций [698]. На конференции создали *Британскую социалистическую партию*, председателем которой стал Гайндман. В следующем году на конференции в Манчестере была принята ее программа, заявлявшая, что целью партии «является установление Общества Сотрудничества, т. е. преобразование капиталистического общества, основанного на конкуренции, в общество социалистическое или коммунистическое» [957]. Партия пропагандировала социалистические идеи, однако она не только не возглавила рабочее движения, но и не смогла хотя бы оказать на него сколько-нибудь серьезное воздействие. Накануне Первой мировой войны партия объединяла 15–20 тыс. членов.

Лейбористская партия. К концу XIX в. ограниченные результаты деятельности парламента в социальной сфере все более разочаровывали тред-юнионистские организации. Например, Британский конгресс тред-юнионов регу-

лярно принимал резолюции о 8-часовом рабочем дне, а Палата общин неизменно отвергала соответствующие предложения. Надежды на Либеральную партию, которую на выборах поддерживала основная масса рабочих и под знаменами которой избирались многие рабочие депутаты, полностью иссякли. В то же время не имели широкой социальной базы, чтобы обеспечить избрание депутатов и создать в парламенте рабочую фракцию, социалистические организации.

В сложившихся условиях окрепло убеждение о необходимости самостоятельного рабочего представительства в парламенте. Инициативу проявил Плимутский конгресс тред-юнионов (1899), во исполнение резолюции которого в феврале 1900 г. в Лондоне собралась конференция представителей 67 тред-юнионов, которые объединяли около 570 тыс. человек, свыше четверти общего числа членов тред-юнионов. По оценке Ральфа Милибенда, «в основном это были радикальные либералы, либо открыто враждебные, либо весьма слабо сочувствовавшие любой из вариаций социализма. Они добивались независимого рабочего представительства в палате общин <...> потому, что на основе опыта предшествующего десятилетия медленно и с колебаниями поняли следующее: если рабочий класс хочет сохранить и расширить завоеванные с таким трудом права, то ему настоятельно необходимы надежные защитники в парламенте» [618, с. 32].

Кроме тред-юнионистов на конференции присутствовали представители НРП, СДФ, Фабианского общества. У каждой из этих организаций были свои побудительные мотивы для вхождения во вновь создававшуюся партию. Лидер НРП Кейр Гарди впоследствии обосновывал необходимость объединения в новую партию: НРП стремилась доказать, что ее члены способны быть не только агитаторами, но и государственными деятелями. Без избрания в парламент это было невозможно, а обеспечить избрание могла только крупная партия. Планировавшаяся рабочая партия отвечала этому условию, к тому же членство в ней позволяло социалисту добиться «сочувственного отношения к нему самому и к его доктринам, потому что он является к рядовому труженику как представитель его собственной партии, которой он уплачивает членские взносы и над которой осуществляет контроль». От СДФ участвовали член Совета Лондонского графства Х. Р. Тейлор и руководитель лондонских тред-юнионистов Гарри Квелч. Делегатами фабианцев являлись секретарь общества И. Р. Пиз и Бернард Шоу.

Конференция образовала самостоятельную партию парламентского типа под названием *Комитет рабочего представительства*. Членство в ней было коллективным. Этот статус окончательно закрепили в 1903 г., когда КРП был провозглашен федерацией тред-юнионов, НРП и Фабианского общества (СДФ в 1901 г. вышла из КРП). С момента учредительной конференции секретарем КРП был Рамсей Макдональд.

Как предписал Устав КРП, его целью являлось «обеспечивать путем объединенных действий выбор в парламент кандидатов, выдвигаемых прежде все-

го обществами, присоединившимися к комитету или входящими в его состав, которые предполагают образовать от себя или присоединиться к особой группе в парламенте с <...> собственной политикой по вопросам, касающимся труда, строго воздерживаясь от слияния с какой-либо группой консервативной или либеральной партии и от защиты ее интересов и не составляя оппозиции против какого-либо иного кандидата, признанного настоящим комитетом. Все такие кандидаты должны обязаться принять настоящий устав, держаться постановлений парламентской группы при осуществлении целей, указанных в настоящем уставе» [959, с. 438].

В ходе первой избирательной кампании в парламент в 1900 г. на выдвижение и поддержку 15 кандидатов было потрачено всего 33 фунта, два представителя КРП, включая Кейра Гарди, прошли.

С конституированием КРП произошло его формальное отделение от Конгресса тред-юнионов, который в 1904 г. считал КРП «посторонней организацией» вне контроля Конгресса. Это не помешало КРП быстро укрепить влияние среди рабочих, чему в немалой степени способствовали события в Южном Уэльсе. Здесь в 1901 г. возник трудовой конфликт между рабочими и владельцами железной дороги «Компании Таффской долины». Когда железнодорожники сорвали попытку администрации привлечь штрейкбрехеров, компания подала в суд [830]. Дело дошло до Палаты лордов, которая, как высшая судебная инстанция, удовлетворила иск предпринимателей. Тред-юнион оштрафовали на 35 тыс. ф. ст., из которых 23 тыс. пошли на покрытие убытков компании. Это решение фактически сделало невозможным проведение забастовок. За приговором по делу «Компании Таффской долины» последовал ряд судебных решений, в связи с которыми тред-юнионы до 1905 г. уплатили по искам предпринимателей около 250 тыс. ф. ст. Но произвол властей имел неожиданные последствия. Судебные органы и Палата лордов своей антирабочей политикой сыграли роль невольных вербовщиков КРП. Если в 1901 г. партия объединяла 376 тыс. членов, то в 1906 г. – 921,3 тыс.

В 1906 г. КРП переименовали в *Лейбористскую партию*¹, и в этом же году к ней пришел первый заметный парламентский успех, хотя и не без помощи либералов. К. Гарди и Р. Макдональд заключили сделку с либералами, которые в 30 округах из 670 не выставили своих кандидатов, расчистив места для лейбористов. Не во всех этих округах они победили, зато компенсировали потери в других и в общем итоге провели в парламент 29 депутатов [410, с. 158]. Это был большой успех, которым лейбористы воспользовались, добившись в том же 1906 г. отмены решения по делу Таффской долины на основании внесенных дополнений в *Закон о заговорах и о защите собственности* [18; 311; 328].

Но вскоре политические оппоненты лейбористов создали для них новую проблему, связанную с уплатой членских взносов. Входящие в партию тред-юнионы перечисляли на ее счет денежные суммы, изъятые из членских взносов

---

¹ Англ. labourites; от labour – труд.

всех членов тред-юнионов независимо от их партийных предпочтений. Служащий «Объединенного общества железнодорожников» Осборн, консерватор по политическим убеждениям, в 1908 г. потребовал возратить ему ту часть членских взносов, которая шла в лейбористский фонд. В декабре 1909 г. судьи-лорды удовлетворили иск. Это означало, что тред-юнионы лишались возможности финансировать *Лейбористскую партию*, без чего она не могла заниматься политической деятельностью. Лишь в 1913 г. *Акт о тред-юнионах* восстановил права рабочих организаций. Этот документ установил нормы взаимоотношений тред-юнионов и политических партий, в том числе:

предписал, что фонды тред-юниона не должны использоваться на политические цели без одобрения резолюцией, принятой большинством голосов при тайном голосовании;

определил понятие «политические цели». Это оплата расходов на регистрацию избирателей и по выдвижению кандидата в парламент или на любую государственную, муниципальную, общественную должность; финансирование политических митингов и распространения литературы и документов в поддержку кандидата; содержание любого лица, которое является членом парламента или занимает государственную, муниципальную или общественную должность;

предусмотрел, что платежи на указанные цели должны быть произведены из особого «политического фонда» с освобождением любого члена союза от уплаты взноса в этот фонд, если он откажется в нем участвовать [см.: 30].

Таким образом, тред-юнионы могли коллективно решать вопрос о вступлении в политическую ассоциацию, фактически в *Лейбористскую партию*, с последующим перечислением ей денежных средств только после проведения тайного голосования и получения большинства голосов. Из этого следовало, что отныне не лидеры тред-юниона, а рядовые члены принимали решение о вступлении в партию и ее финансировании, то есть внутренняя жизнь профсоюзов стала более демократичной. Второе принципиальное решение состояло в установлении порядка, при котором средства тред-юнионов поступали на счет партии в виде индивидуального взноса, уплаченного отдельно каждым членом тред-юниона. При этом любой из них мог письменно отказаться от уплаты взноса в пользу партии. Отсутствие такого заявления означало автоматическое вхождение в партию. Уплата «политического взноса» дала возможность различать в составе тред-юниона членов *Лейбористской партии* – тех, кто платил взнос, и оставшихся вне партии. Индустриальные тред-юнионы обеспечивали партию финансами и большой массой членов. Потому они играли в партии решающую роль.

Принятый в 1918 г. устав *Лейбористской партии* окончательно определил порядок вступления в нее. Наряду с коллективным приемом тред-юнионов, кооперативов и других объединений было допущено индивидуальное членство мужчин и женщин, не состоявших в этих организациях. Женщины могли вступать в *Лейбористскую партию* на индивидуальной основе через *женские*

секции при местных организациях, и большинство их принимались в партию именно таким путем: в составе промышленных тред-юнионов женщин было мало. В статье 4 Устава ставилась задача «обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства».

Постепенно, не без серьезных сомнений и колебаний, в *Лейбористской партии* начали утверждаться социалистические взгляды. Уже в 1908 г. на очередной ее конференции большинство делегатов проголосовало за резолюцию социалистического характера, в которой говорилось, что пришло время, когда «одной из главных целей *Лейбористской партии* должна быть социализация средств производства, распределения и обмена, которые в интересах всего общества надо поставить под контроль демократического государства» [655, с. 312]. Отсюда было уже недалеко и до полного восприятия идеологии Фабианского общества, которое подготовило программы *Лейбористской партии*, первую из них – «Труд и социальный порядок» – в 1918 г. В программе говорилось о том, что в случае прихода к власти лейбористы национализировать электростанции, угольную промышленность, железные дороги, порты. Предложенная «социальная реконструкция» рассматривалась как способ избежать революционных потрясений. Принятие этих документов привело к окончательному размежеванию с либералами.

Еще в предвоенные годы *Лейбористская партия* получила признание в международном социалистическом сообществе: в октябре 1908 г. она была принята во Второй Интернационал. Росли авторитет и влияние партии в самой стране. На выборах 1910 г. лейбористы получили 42 места в парламенте [410, с. 158]. В предвоенном 1913 г. партия насчитывала 1 млн 880 тыс. членов. Осталось совсем немного до того времени, когда лейбористы вытеснят либералов и займут их место в двухпартийной политической системе Великобритании.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ РАБОЧИХ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, СЛУЖАЩИХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

8.1. Франция

Синдикаты промышленных рабочих. Во Франции еще в период Консульства и Империи возникло большое количество обществ взаимопомощи. Они организовывались по профессиональному признаку, объединяя рабочих в пределах одного города. Рабочие, вступившие в общество, регулярно уплачивали взносы, но и сами в случае болезни, увечья или безработицы получали денежную помощь в виде ссуды. Начиная с эпохи Реставрации, число обществ взаимопомощи быстро росло, этот процесс еще более ускорился в годы Июльской монархии: накануне революции 1848 г. действовало свыше 2 тыс. обществ взаимопомощи, выступавших в самых разных обличьях: братств, филантропических союзов и т. п. Благотворительные организации зачастую трансформировались в общества сопротивления, которые использовали свои средства не только для оказания материальной помощи, но и для поддержки рабочих во время стачек.

Закон Ле-Шапелье 1791 г., запрещавший рабочие союзы, фактически не применялся по отношению к обществам взаимопомощи [294]. Но организации, выходявшие за их рамки, подвергались суровым преследованиям. Они усилились после того, как в 1803 г. был законодательно подтвержден запрет на объединения с целью проведения забастовок. Забастовки считались преступлением вплоть до отмены закона Ле-Шапелье в 1864 г.

Лишь в период правления *умеренных республиканцев* было реализовано право на профессиональные объединения. Они обеспечили утверждение Национальным собранием закона 21 марта 1884 г. о легализации профсоюзов [302]. Закон установил, что профессиональные союзы и ассоциации как рабочих, так и хозяев численностью более 20 человек могут создаваться свободно, без предварительного разрешения. Но заниматься политикой профсоюзы не могли: сфера их деятельности ограничивалась изучением и защитой экономических, промышленных, торговых и сельскохозяйственных интересов своих членов. Профессиональные союзы предпринимателей и рабочих получили статус юридического лица, т. е. могли выступать в суде; собирать членские взносы; организовывать кассы взаимопомощи и пенсионные кассы; учреждать справочные бюро спроса и предложения труда; приобретать недвижимое иму-

щество, но с ограничением – только необходимое для проведения собраний, устройства библиотек и курсов профессионального образования.

Легализация привела к оживлению профсоюзного движения и стремлению *Рабочей партии* «всеми имеющимися в ее распоряжении средствами <...> содействовать объединительным действиям рабочих во всех их видах: союзы, стачки и т. п.» [825]. Марксисты (гедисты), объединенные во *Французскую рабочую партию*, в 1886 г. образовали *Национальную федерацию синдикатов* [826]. Каждая из входивших в *Национальную федерацию* местная организация имела право устраивать стачки. Конгресс *Федерации* 1888 г. принял резолюцию, в которой говорилось: «принимая во внимание, что монополизация орудий труда и капиталов в руках хозяев увеличивает их силу и настолько же уменьшает силу, находящуюся в руках рабочих в виде частичной стачки; что капитал – ничто, если не приводится в движение трудом; что поэтому, отказавшись работать, рабочие одним ударом уничтожили бы силу своих господ; принимая во внимание, что частичная стачка может быть только средством для агитации и организации, – конгресс объявляет, что только всеобщая стачка, то есть полное прекращение всякой работы, или революция может привести рабочих к их эмансипации» [1036, № 2, с. 15].

Выдвинутая конгрессом идея всеобщей стачки соседствовала с линией на участие синдикатов в политической деятельности. Например, в 1893 г. *Национальный совет* федерации отказался созвать съезд *Федерации*, аргументируя это тем, что *Федерация* слишком занята законодательными выборами этого года. Концентрация на политических аспектах фактически превратила *Федерацию* в секцию *Рабочей партии* и создало предпосылки для раскола профсоюзного движения.

Ориентацию синдикатов на политическую деятельность не разделяли многие участники французского профсоюзного движения. Один из его лидеров и виднейших теоретиков анархо-синдикализма Фернанд Пеллутье по этому поводу писал: «между экономической программой партии (*Французской рабочей партии* – *И. Ч.*) и такой же программой рабочих ассоциаций наблюдалось два существенных различия: во-первых, для партии ее экономическая программа являлась простым придатком, а для рабочих ассоциаций она составляла их единственную объективную цель; во-вторых, если Рабочая партия осуществление своей программы ставила в зависимость исключительно от завоевания в парламенте социалистического большинства, то синдикаты наоборот <...> предоставляли “попечению и покровительству общественных властей” проведение в жизнь только тех своих требований, которые очевидно сами они не в силах были осуществить; что же касается остальных своих требований, то они выражали претензию добиться их торжества в жизни при помощи своих собственных усилий, не проявляя в этом отношении особенно большого доверия к административно-общественному аппарату» [745, с. 28–29].

По оценке Ф. Пеллутье, *Национальная федерация синдикатов* вместо того, чтобы быть корпоративным союзом, «с самого начала превратилась в боевой механизм, попавший в распоряжение Французской рабочей партии и предназначенный обслуживать интересы избирательной борьбы <...>. Люди, ее создавшие и руководившие ее деятельностью, стремились отнюдь не к тому, чтобы путем медленных и терпеливых усилий создать сеть экономических организаций, проникнутых духом социализма и механически вытесняющих соответствующие капиталистические организации, но к тому, чтобы в лице этой федерации создать вспомогательный орган, способный оказать большие услуги переживавшему тяжелый кризис политическому движению» [745, с. 30].

В противовес гедистской *Национальной федерации синдикатов* стали складываться территориальные *Биржи труда*, в организации которых активно участвовала *Рабочая партия французских социалистов-революционеров* (поссибилистов) и муниципалитеты. Первая биржа труда была основана в 1886 г. в Париже. Затем они появились в Лионе, Марселе, Бордо и других городах. В 1892 г. парижская биржа труда предложила на конгрессе в Сент-Этьене создать общепарижскую профсоюзную организацию – так возникла *Федерация бирж труда Франции*. Ее секретарем был Фернан Пелутье. Этот профессиональный союз стал крупнейшей организацией. По свидетельству Поля Луи, в 1914 г. действовали 143 биржи труда, они охватывали значительное число синдикатов: например, в Марселе 69 синдикатов и 16,8 тыс. членов, в Бордо – 95 синдикатов и 11,5 тыс. членов, в Лионе – 96 синдикатов и 21 тыс. членов, в Париже – 208 синдикатов и 185,4 тыс. членов. Биржи оказывали денежную помощь рабочим, содействовали уволенным с предприятий в отыскании работы, занимались просветительством, создали разветвленную сеть учреждений, предоставлявших различные услуги рабочим. В 1912 г. они имели 1137 посреднических бюро, 357 профессиональных курсов, 135 печатных изданий, 1502 библиотеки, 808 касс взаимопомощи безработным, 437 бюро по выдаче дорожных пособий, 79 пенсионных касс, 34 кассы взаимного кредита, 96 потребительских кооперативов, 51 производственный кооператив, 3 лаборатории экспертизы и анализов, общество страхования от несчастных случаев. Финансовые субсидии предоставляли биржам департаментские советы и муниципалитеты: в 1914 г. они составили 399,2 тыс. франков [551, т. 2, с. 40, 47].

Слияние двух ветвей профсоюзного движения произошло в 1895 г., когда в Лиможе созвали съезд, открытый для всех профсоюзных объединений Франции. На нем создали *Всеобщую конфедерацию труда*.

Конгресс ВКТ, состоявшийся в 1906 г. в Амьене, принял хартию. Этот программный документ сформулировал концепцию анархо-синдикализма, который сводил воедино отказ от политической деятельности, анархистскую идею отрицания государства и представление о решающей роли экономической борьбы пролетариата. Соответствующая резолюция конгресса гласила:

«Конфедеральный конгресс в Амьене подтверждает основную статью 2 Устава ВКТ, в которой говорится: “ВКТ объединяет, независимо от каких бы то ни было политических течений, всех рабочих, сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и предпринимательства”.

Конгресс считает, что это заявление равносильно признанию классовой борьбы, которая противопоставляет на экономической почве восставших рабочих всем формам эксплуатации и угнетения как материальным, так и духовным, осуществляемым капиталистическим классом против рабочего класса.

Конгресс уточняет при помощи следующих пунктов данную теоретическую декларацию.

В своей борьбе за повседневные требования синдикализм стремится к координированию рабочих сил, к улучшению благосостояния трудящихся при помощи достижения непосредственных улучшений, как-то: сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д.

Но эта работа составляет лишь часть задачи синдикализма: он подготовляет полное освобождение, которое может быть достигнуто только путем экспроприации капитала; он предлагает как средство борьбы – всеобщую стачку и считает, что синдикат, являющийся в настоящее время объединением для сопротивления, сделается в будущем объединением для производства и распределения, основой реорганизации общества.

Конгресс заявляет, что эта работа как повседневная, так и стремящаяся к конечной цели, вытекает из самого положения наемных рабочих, которое давит на рабочий класс и ставит всех рабочих, независимо от их убеждений и политических и философских течений, перед долгом принадлежать к тому основному объединению, каким является синдикат.

В соответствии с этим, поскольку дело идет об отдельных личностях, Конгресс заявляет, что каждый член синдиката совершенно свободен участвовать вне профессиональной организации в тех формах борьбы, которые соответствуют его философским или политическим убеждениям, требуя от него взамен только одного: не вносить в синдикат те мнения, которые он исповедует вне профессионального движения.

Что касается до организаций, Конгресс заявляет, что для того, чтобы синдикализм достиг наибольших результатов, экономическая борьба должна вестись непосредственно против предпринимателей, так как конфедерированные организации, в качестве синдикальных объединений, не должны считаться с партиями и сектами, которые вне синдикатов, или рядом с ними, могут свободно добиваться со своей стороны переустройства общества» [551, т. 2, с. 75–76].

Анархо-синдикализм как особое направление в рабочем движении возник в 90-х годах XIX в. У М. А. Бакунина анархо-синдикалисты заимствовали представление о государстве и обществе как о двух абсолютно несовместимых институтах. Считая государство орудием господства и подавления, анархо-синдикалисты полагали невозможным использовать его в своих целях. Революция должна уничтожить капитализм и снести буржуазное государство.

Но на смену ему придет не диктатура пролетариата. Вслед за анархистами они видели в ней форму государства, которая не отличается принципиально от любой другой классовой диктатуры. На этом сходство с бакунинским анархизмом кончается, поскольку сторонники анархо-синдикализма по-иному представляли модель нового общества и пути его достижения.

Анархо-синдикалисты полагали, что универсальной заменой государству, парламенту, партиям будут сами синдикаты, т. е. профессиональные союзы, способные одновременно и разрушать, и созидать. Синдикаты должны передать владение средствами производства не индивидуальным владельцам, как при капитализме, и не обществу в целом, как при социализме, а непосредственно рабочим, занятым в конкретной отрасли промышленности. Как декларировал один из виднейших деятелей анархо-синдикалистского движения Г. Лягорделль, цель синдикального движения «очистить фабрику, мастерскую, руководство предприятием от всякой власти, посторонней рабочему классу, и разрушить в производстве господство предпринимателей» [563, с. 109].

Из всех форм классовой борьбы анархо-синдикалисты признавали только экономическую. Поэтому ведущим в теории анархо-синдикализма является положение о так называемом «прямом действии», которое, по самому смыслу термина, означает противоположность косвенным методам в отношениях с предпринимателями и государством. Если косвенные методы – это посредничество властей, парламентская и судебные процедуры, арбитраж, то «прямое действие» состоит в силовом давлении, чтобы принудить буржуазию и даже само государство к отступлению перед угрозой значительных материальных или иных потерь. «Прямое действие» против предпринимателей предполагало использование бойкота, саботажа, стачки.

Бойкот заключался в отказе поддерживать отношения, приобретать товары, произведенные или продававшиеся промышленниками и торговцами, занесенными в «черные списки» из-за антирабочих действий. Саботаж выражался в нанесении вреда предприятию путем порчи машин и оборудования, намеренном уклонении от работы, формальном, с соблюдением лишь внешней видимости, выполнении ее. Но он мог состоять и в особо тщательном, даже чрезмерном, соблюдении условий и правил производства, что вело к замедлению технологического процесса, сокращению выпуска продукции. Стачка представляла собой невыход на работу. В условиях всеобщей стачки прекращалась работа большинством трудящихся всех жизненно важных отраслей промышленности в отдельной местности или по всей стране с целью полностью парализовать экономическую жизнь. Анархо-синдикалисты видели в ней самое яркое и действенное средство классовой борьбы, ведущей к низвержению капиталистического строя. По словам Г. Лягорделля, «синдикат восстанавливает людей производительного труда против всего современного мира; он напоминает им, что их освобождение несовместимо с существованием капиталистического общества; указывает, что люди будут свободны только в чуждом *буржуазной иерархии* общественном строе; подготавливает их ко всеобщей

стачке, к той великой конечной драме, которая закрепит за ними победу» [563, с. 109–110].

Не только Лягорделль, но и другие теоретики анархо-синдикализма, как например, Ф. Пеллутье, всеобщую стачку отождествляли с революцией. Ее организаторами станут синдикаты и биржи труда. Начатая ими стачка в определенный момент вовлечет всех трудящихся, все отрасли производства, выльется в повсеместное выступление сотен тысяч рабочих, которым не смогут противостоять никакие гарнизоны. Направляемые синдикатами, рабочие будут действовать в своих кварталах. Они займут мастерские, другие объекты, а после капитуляции капитала – и крупные предприятия. Вынужденное раздробить воинские части на мелкие отряды, которые быстро потеряют моральный дух, правительство лишится сил и падет, сокрушенное синдикатами. Победа не завершится созданием революционного правительства, не будет установлена никакая диктатура. Булочники каждой булочной, шахтеры каждой шахты, одним словом, рабочие по профессиям объединятся в свободные ассоциации.

Рассматривая борьбу труда против капитала как войну, успех в которой зависит только от решительности и натиска, анархо-синдикалисты отрицали всякое политическое действие, в частности, работу в парламенте, участие в выборах, сотрудничество с любыми партиями, выступали против реформ и компромиссов. «Рабочий сам совершает требуемое от него усилие, он сам вступает в борьбу с теми силами, которые над ним властвуют, чтобы получить от них то, чего он требует» [214, с. 62].

В своей концепции «прямого действия» анархо-синдикалисты исходили из необходимости изоляции всех непролетарских классов. Поэтому во всеобщей стачке учителям, адвокатам, инженерам, политикам делать нечего.

Создание ВКТ и возобладание в ней концепции анархо-синдикализма привело к изменению характера взаимоотношений между синдикатами и СФИО. Многие социалисты восприняли решения Амьенского конгресса как отход от принципа единоличного руководства СФИО рабочим движением. Л. Мартов писал: «“Конфедерация труда” не только объединила наиболее активные элементы пролетариата, не только оттеснила от влияния на него социалистическую партию, но и в значительной степени подчинила последнюю своему собственному идейному влиянию» [593, с. 48].

В практической деятельности анархо-синдикалистам не удалось реализовать свои идеи. Вот один из примеров полного краха анархо-синдикалистских замыслов. В 1897 г. секретарь синдиката железнодорожных рабочих выпустил циркуляр с призывом к всеобщей стачке. В нем говорилось: «Это не будет только железнодорожная стачка, ибо 350 корпораций – и немаловажных – заявили, что они присоединились бы к нам в случае объявления ее. Когда все виды передвижения и перевозки будут остановлены; когда не смогут послать войска на помощь капиталу; когда патронат будет предоставлен самому себе, будет оставлен без защиты, – будет ли тогда наша стачка только стачкой скрепленных рук? Нет! Это будет, быть может, грозная революция!» [1036, № 2, с. 21].

Предприниматели отклонили все предъявленные им требования, и синдикат железнодорожных рабочих назначил на 13 октября 1898 г. всеобщую стачку. В Париже из 40 тыс. железнодорожных рабочих прекратили работу около 140 человек, в провинции – ни одного. Провалилась стачка, запланированная в 1901 г. Лионским конгрессом синдиката углекопов. С началом Первой мировой войны влияние анархо-синдикалистов на рабочее движение резко упало.

Легализация привела к массовому росту профсоюзов. К моменту принятия закона 1884 г. во Франции было 500 синдикатов, в которых состояли приблизительно 60 тыс. рабочих. В 1913 г. число синдикатов составило 5046, они объединяли 1027 тыс. рабочих, или 14,4 % к числу занятых в промышленности на фоне 2,2% в 1890 г. [551, т. 2, с. 38–39; 130, с. 77]. Эти показатели, хотя и свидетельствуют о значительном росте влияния синдикатов, значительно уступают достигнутому английским профсоюзным движением.

Синдикаты работников государственных и коммунальных предприятий.

Расширение поля деятельности государства нашло выражение в переходе в его ведение народного образования, путей и средств сообщения (железные дороги, почта, телеграф, телефон), крупных отраслей промышленности и торговли. Соответственно возросло и число рабочего, инженерно-технического, обучающего и чиновничьего персонала со своими специфическими материальными, духовными и профессиональными интересами. Необходимость их защиты побуждала к объединению, тем более, что для этого существовала и юридическая база в виде законов 1884 и 1901 гг. [302; 296] и опыт синдикального движения пролетариата частновладельческих промышленных предприятий. Закон 1884 г. специально не определял вид предприятий, в которых рабочие и служащие могли образовывать синдикаты, то есть они могли создаваться как на частных, так и на государственных или коммунальных предприятиях. Тем не менее применительно к государственным предприятиям власти этому противились. Однако в 1894 г. Палата депутатов приняла разъяснение, согласно которому «закон 1884 г. распространяется одинаково на рабочих и служащих государственных предприятий, как и частных промышленных заведений» и предложила правительству «уважать закон и облегчать его применение» [92, с. 89]. Это решение открыло дорогу синдикатам рабочих, занятых в государственных предприятиях и учреждениях. Возникли синдикаты рабочих казенных железных дорог, оружейных и пороховых заводов, арсеналов, верфей, телеграфно-почтовых рабочих, табачных мануфактур, спичечных фабрик и другие. Вслед за промышленными рабочими синдикальное движение охватило муниципальных рабочих, созданные ими синдикаты объединились в федерацию рабочих коммунальных и муниципальных служб.

После дела Дрейфуса, в котором рабочие сыграли важную роль в защите республики, правительства Вальдека-Руссо и Комба стали относиться к синдикатам государственных и муниципальных предприятий более лояльно. Мильеран в качестве министра торговли несколькими декретами обязывал администрацию считаться с рабочими синдикатами. В 1901 г. военный министр генерал

Андре издал циркуляр, в котором рекомендовал военным службам находить контакты с синдикатами рабочих, занятых на предприятиях военного ведомства. В 1902 г. министр Пельтан обратился с подобным циркуляром к морскому ведомству: «Я неоднократно убеждался, что местные власти морского министерства проявляют известную нерешительность относительно сношений, какие они могут иметь с синдикатами гражданских рабочих и служащих, ожидая официального признания этих синдикатов <...> Уже давно был издан закон, обеспечивший свободу синдикальных ассоциаций и определивший условия, требуемые для их основания. Все те из них, которые удовлетворяют этим условиям, имеют право на законное существование и не нуждаются в особом официальном признании» [92, с. 90].

Благожелательное или, по крайней мере, лояльное отношение властей к рабочим синдикатам предприятий государственного подчинения дало возможность им быстро набрать силу, вырасти количественно, что позволило провести объединение рабочих синдикатов в более крупные образования – федерации. Их юридическое положение различалось тем, что синдикатам закон 1884 г. предоставил права юридического лица, а федерации такими правами не располагали. В 1905 г. была образована *Генеральная федерация профессиональных ассоциаций гражданских служащих государства*. В состав этого профсоюзного объединения вошли *Федерация рабочих государственных предприятий* (объединила рабочих путей сообщения, государственных пороховых заводов, арсеналов, военных магазинов и мастерских, чертежников военно-инженерного ведомства, телеграфно-почтовых рабочих, прокладчиков и ремонтников телеграфных и телефонных линий), *Федерация рабочих морского ведомства* (работники внутреннего судоходства, маяков и фарватеров), *Федерация синдикатов табачных мануфактур*, *Федерация синдикатов спичечных фабрик*. Как определил ее устав, «цель федерации развивать чувство солидарности, все более и более проявляющееся между всеми работниками; защищать моральные и материальные интересы различных входящих в ее состав группировок и охранять достоинство их членов» [907, с. 38]. Несмотря на крайнюю умеренность целей *Генеральной федерации*, отношение правительства к ней диктовалось конъюнктурными соображениями в диапазоне от вынужденного признания в связи с законодательным утверждением права на ассоциации до прямого саботажа этого права. В ноябре 1905 г. морской министр заявил по поводу забастовки рабочих морских арсеналов, что он не признает право на коалиции за рабочими, занятыми на оборонных предприятиях.

Синдикаты государственных служащих. Закон об ассоциациях 1901 г., предоставил всем гражданам, в том числе государственным служащим, право организовывать союзы за исключением тех, которые «имеют целью покушение на целостность национальной территории и на республиканскую форму правления». Этот закон неразрывно связан с законом 1884 г. [296]. Поскольку последний признал союзы по профессиональным интересам законными, то таковыми стали признавать и профессиональные союзы государственных служащих. Это открыло возможность для объединения в профессиональные орга-

низации чиновников и служащих государственных учреждений. Для них закон из двух форм профессиональных объединений – синдикатов и ассоциаций – сделал доступными только ассоциации. Стремление к организации ассоциаций, а еще лучше синдикатов, имело объективные основания, прежде всего, экономические. С 1887 по 1905 г. среднее годовое жалование делопроизводителей и экспедиторов уменьшилось с 3453 до 2940 франков [538, с. 156]. Не имея возможности перейти на высшие и лучше оплачиваемые должности, мелкие служащие возлагали надежду на синдикаты, которые, в их представлении, могут обеспечить выгоды, определяемые только ценностью труда, а не иерархическим положением. Отсюда и массовое стремление к образованию ассоциаций.

В то время возникли ассоциация служащих ведомства косвенных налогов; ассоциация таможенных чиновников и служащих; ассоциации служащих министерств и государственной администрации (высших и средних чиновников центральных администраций; низших чиновников центральных администраций; служащих в министерствах; тюремных надзирателей; полицейских комиссаров; мировых судей); ассоциация сборщиков податей; ассоциация персонала общественных работ; ассоциация чиновников и служащих почтово-телеграфного ведомства; ассоциация низших служащих почтово-телеграфного ведомства; ассоциация служащих ведомства путей сообщения; ассоциация служащих префектур, ассоциация учителей. Названные ассоциации по приблизительным подсчетам насчитывали не менее 215 тыс., в числе которых 115 тыс. работали учителями и почтовыми служащими [511, с. 35–36]. Кроме того в силу специального закона 1892 г. получили право на профессиональную организацию синдикаты врачей, хирургов, дантистов, акушеров [511, с. 40].

Ассоциации чиновников и служащих в повседневной работе не ограничивались вопросами материального положения своих членов, но зачастую вторгались в сферы, которые изначально подлежали ведению государства. Служащие казначейств на своем конгрессе в июне 1905 г. приняли проект реформ, который устанавливал на новых основаниях правила приема на службу, повышений и жалованья. Тулонская группа ассоциации служащих ведомства косвенных налогов 28 октября 1905 г. заявила, что она признает только «независимый от управления косвенных налогов новый орган освобождения и социального обновления» [538, с. 176]. Обобщая подобные тенденции в деятельности ассоциаций чиновников, М. Леруа пишет: «Чиновник, присоединившийся к ассоциации, обсуждает приказания, которые он получает, хочет иметь право их обсуждать. В области администрации он хочет слить воедино самый труд и руководство трудом <...>, он хочет, чтобы выслушивались его мнения по вопросам об устройстве той отрасли государственной службы, в которой он работает, <...> он хочет иметь право обсуждать назначения по службе. <...> Где остановится это обсуждение, эта критика, это потрясение дисциплины? Всякий чувствует, насколько будет тщетно желание поставить границы движению, когда оно достигнет полного разгара» [538, с. 175].

Усматривая в претензиях ассоциаций чиновников и служащих умаление своих prerogatives, государственная власть решительно выступала против синдикалистских поползновений с их стороны. Клемансо, став премьер-министром, внес в Палату депутатов проект статута чиновников, который право на синдикаты признавал только за работниками физического труда. Этот проект вызвал широкий общественный резонанс. Возник центральный комитет из представителей почти всех ассоциаций и синдикатов чиновников и государственных служащих с целью добиться официального признания права на образование синдикатов. Первым шагом этого комитета было открытое письмо, адресованное Клемансо. Авторы письма заявляли, что, требуя полной синдикальной свободы для государственных служащих, «мы стремимся к тому, чтобы заменить нынешнюю административную анархию рациональной организацией общественных учреждений» [907, с. 41].

Высказанное в письме центрального комитета ассоциаций чиновников намерение отразило господствовавшую во *Всеобщей конфедерации труда* концепцию анархо-синдикализма. Ассоциациям чиновников и служащих тем легче было ее воспринять, что во множестве статей и книг пропагандировали идею синдикализма, то есть профессионально-корпоративного представительства в государственной власти всех слоев населения. Профессор права в университете Бордо Леон Дюги, например, проповедовал: «Чиновники каждого ведомства образуют корпоративный синдикат, который обеспечит им защиту против произвола правительства, против незаконных увольнений, против фаворитизма и доносов и который в то же самое время будет принимать участие в управлении данным учреждением. Синдикаты чиновников, образованные вначале для защиты профессиональных интересов, — интересов класса, завоюют мало-по-малу роль руководителей и управляющих в доверенных им общественных учреждениях. Право действительного контроля и постоянного наблюдения должно быть, впрочем, оставлено за правительством и его агентами. С другой стороны, чиновничья автономия должна будет иметь противовесом строго обеспеченную законом ответственность чиновников перед публикой» [907, с. 51].

Дюги рассматривал синдикализм не как инструмент разрушения существующего государства, а как элемент системы солидаризма, согласно которому государство основывается на принципе солидарности всех членов общества, что отличало теорию Дюги от теоретических построений анархо-синдикализма. Но ассоциации чиновников и служащих и в анархо-синдикализме, и в концепции солидаризма привлекала та роль, которая отводилась ими синдикатам. Главным было добиться легализации чиновничьих синдикатов, а каким путем пойдет затем развитие государственности предстояло определить в будущем, когда руководство перейдет к профсоюзам.

Могло ли государство на волне широкой демократизации общественной жизни допустить создание в системе государственного управления организаций, ставивших целью изменить в духе концепции анархо-синдикализма полити-

ческую систему страны? Очевидно, нет. При этом заслуживает внимания то обстоятельство, что правительство Франции выступало не за тотальный запрет профессиональных организаций государственных служащих, а лишь стремились определить границы их компетенции. Директор полиции общей безопасности страны Энньон на общем *собрании Ассоциации полицейских комиссаров Франции* в марте 1907 г. произнес речь, в которой заявил: «Вы знаете, что я думаю о праве стачки чиновников, и я полагаю, что мы совершенно согласны относительно невозможности когда бы то ни было дать его агентам правильно организованного государства. Но чтобы, с другой стороны, можно было отрицать право чиновников, – испытывающих ежедневные затруднения при приложении на практике принципов своей деятельности, – обсуждать между собою свои профессиональные интересы; чтобы можно было лишать их свободы сообщать коллективно результаты своих наблюдений и своего опыта центральной администрации, которая, живя лишь абстрактной теорией, может самым добросовестным образом совершать оптические ошибки, столь вредные для общего интереса, – я утверждаю, что здесь мы имеем дело с глубоко ошибочным заблуждением, которое может повлечь за собой самые серьезные последствия. Мое мнение таково, что надо позволить чиновникам, всем чиновникам, будут ли они принадлежать к судебной полиции или нет, вступать между собою в ассоциации; надо позволить им свободно выражать свои мнения относительно всего того, что касается их профессии, запасшись лишь той законной гарантией, чтобы они не могли отступать от необходимой дисциплины» [цит. по: 511, с. 55].

Ассоциации учителей. Французское учительство представляло собой один из самых необеспеченных материально и социально униженных слоев общества. Ж. Ренар убийственно охарактеризовал их положение: «Учителей несчастных и голодных поставили в самое унижительное положение перед священниками, перед деревенскими богачами и даже перед их собственными учениками. Нужно ли удивляться после этого, что и эти интеллигентные пролетарии превратились в самых пылких пропагандистов идей свободы и равенства» [цит. по: 828, с. 164].

Вторая империя несколько улучшила материальное положение учителей, повысив годовую зарплату с 200 до 600 франков, но эту разницу в 400 франков должна была покрывать плата за обучение, которую сами учителя и должны были взыскивать с родителей. В годы Третьей республики учителя сыграли огромную роль в укреплении республиканского строя: в каждой деревне существовало два центра: учитель и священник. Первый объединял прогрессивно настроенные группы местного населения, второй – консервативные. Республика оценила поддержку учительского сообщества, установив годовое содержание учителей в 1000–2000 франков за ежедневный 9-часовой труд при многочисленном составе учеников, оставив их при этом под полной властью префектов [907, с. 25–27]. Вместе с тем демократизация общественной жизни пришла в противоречие с сохранявшейся зависимостью учителей от префектов

и местных нотаблей. Учителя видели и позитивную роль объединения в синдикаты рабочих.

Первыми учительскими организациями были кассы взаимопомощи. Их деятельность заключалась в сборе взносов и проведении раз в год банкетов с произнесением речей, на которые приглашались представители власти. После принятия закона 1884 г. [302] в учительской среде укрепляются идеи объединения. Первыми выступили учителя начальных школ департамента Сена, которые в 1887 г. попытались организовать синдикат. Однако министр народного просвещения Спюллер издал циркуляр, которым признал «мятежный характер за всякой ассоциацией чиновников, ставящей тройную цель, которую резюмируют три слова: автономия, федерация, профессиональный синдикат» [511, с. 41]. Стремление обойти правительственный запрет к концу 1890-х гг. привело к объединению на почве корпоративных интересов в форме учительских «дружеских обществ», фактически далеких от политических целей клубов. На собраниях ограничивались обсуждением педагогических проблем, вопросы профессионального положения затрагивались в крайне осторожной форме: префекты имели всю полноту полномочий назначать, перемещать и увольнять учителей, и они опасались вступать в конфликты. Расширение географии этих обществ стимулировало попытки превращения их в профессиональные организации типа синдикатов с дальнейшим объединением в департаментские и даже национальные федерации. Правительство вновь выступило против. В августе 1892 г. Леон Буржуа, реагируя на попытку созвать департаментский конгресс учителей, писал префекту департамента Воклюзы: «С самого же начала правительство провело демаркационную линию. Оно заявило, что не позволит проникнуть в сферу народного образования, — под предлогом “группировки учителей”, — какой-либо постоянной организации вроде *профессионального синдиката*, лиги или федерации, приводящей к созданию центрального комитета, или всякого другого способа незаконной концентрации власти в руках официально уполномоченных, каковы бы они ни были» [511, с. 42].

В декабре 1895 г. министр народного просвещения Комб в письме ректору Парижской академии, являвшемуся попечителем округа, заявил: «Государство не может допустить, чтобы ассоциация, состоящая из государственных чиновников, имела возможность, под предлогом помощи своим членам, вмешиваться в отношения между ними и их иерархическими начальниками и, в известный момент, пускать в ход все средства, находящиеся в ее распоряжении, чтобы мешать действиям ответственного министра и производить давление на государственную власть» [511, с. 42].

В феврале 1897 г. преемник Комба по министерству народного просвещения умеренный республиканец Рамбо запретил учителям вступать в какую бы то ни было профессиональную ассоциацию: «Государственный чиновник ни в коем случае не может быть приравнен к человеку, который служит государству в силу договора, за наемную или заработную плату, как то делает рабочий, договаривающийся с хозяином» [511, с. 43].

В свете этих запретов предпринимавшиеся попытки создать учительские синдикаты не приводили к успеху, но и не останавливали их инициаторов довести дело до конца. В 1899 г. в городе Лане был открыт памятник трем учителям, расстрелянным немцами в 1870 г. На торжество съехалось много учителей, которые воспользовались случаем и провели конференцию представителей 52 «дружеских обществ». Было решено объединить «дружеские общества» в федерацию и провести в 1900 г. съезд в Париже. Он состоялся и принял устав федерации. Ее деятельности благоприятствовала внутривластная обстановка: Закон об ассоциациях 1901 г. предоставил всем гражданам право организовывать союзы [296]. Это способствовало развитию «дружеских обществ», которые объединили около 100 тыс. учителей из 120 тыс., работавших в школах страны [908, с. 318]. Федерация учительских «дружеских обществ» действовала энергично, прежде всего добиваясь увеличения заработка. В этом отношении она преуспела: в 1909 г. Национальное собрание приняло два закона: первый из них урегулировал переход учителей из низших классов в высшие; второй – увеличил зарплату учительского персонала с начальной ставки в 1100 франков в год до максимума в 2200 франков. Повысили зарплату и учительницам, хотя и в не таком размере, как учителям [908, с. 318].

Успехи «дружеских обществ» рассматривались учительским сообществом как плацдарм к преобразованию их в синдикаты. Закон 1884 г. дал синдикатам ряд преимуществ по сравнению с ассоциациями, к которым относились и «дружеские общества». Синдикаты могли образовывать кассы взаимопомощи, получать деньги и имущество по завещаниям и субсидии от частных лиц и обществ, распоряжаться взносами своих членов, выступать в судах, обращаться к властям с жалобами на действия администрации, объединяться в союзы синдикатов, одним словом, имели статус юридического лица [302]. В июне 1904 г. учителя департамента Вар преобразовали свое «дружеское общество» в синдикат. За ними последовали учителя многих других департаментов. В ноябре 1905 г. учителя-синдикалисты опубликовали манифест, в котором заявили: «Учительская корпорация нуждается в полной автономии, а сами учителя – в самой широкой независимости. Эта автономия преподавательской корпорации начальных школ и независимость его членов могут быть осуществлены только преобразованием в синдикаты профессиональных учительских ассоциаций» [92, с. 104].

Но и наличие юридического права и массового учительского волеизъявления не останавливало стремление властей противодействовать тенденции учительского сообщества к объединению. Правительство вновь прибегло к репрессиям, распорядившись привлечь членов совета ассоциации учителей департамента Сены к «суду исправительной полиции по обвинению в незаконном составлении синдиката» [511, с. 44]. Дело дошло до Палаты депутатов, которая в 1905 г. приняла специальную резолюцию об учительских синдикатах. Не признавая их легальными, Палата рекомендовала правительству относиться к синдикатам учителей терпимо, пока не будет выработан общий статут

о чиновниках с указанием точных границ прав и обязанностей государственных служащих. Несмотря на неопределенность положения учительских синдикатов, число их быстро увеличивалось, и в феврале 1906 г. они объединились в *Национальную федерацию*. Это побудило правительство усилить противодействие учительскому движению. Когда в марте 1906 г. к власти пришел кабинет Сарьена, пост министра народного просвещения занял «независимый социалист» Бриан. Он рассматривал учительские синдикаты, как ненормальные и недопустимые, как попытку организовать на основаниях, не соответствующих роли и положению учителей в обществе. Тем не менее Бриан вынужден был заявить, что правительство в связи с решением Палаты депутатов не будет принимать какие-либо меры против существующих синдикатов, но не допустит образования новых синдикальных организаций учителей и вступления их в биржи труда [908, с. 324]. Учителя нашли возможность обойти правительственные запреты: новых синдикатов не образовывали, а создавали секции при уже существовавших. В 1907 г. учительская *Национальная федерация* решила примкнуть к *Всеобщей конфедерации труда* и обратилась к Клемансо, как главе правительства, с изложением своих доводов в пользу создания учительских синдикатов. Клемансо ответил резкой отповедью: «Вы занимаете место в обществе, построенном на принципе иерархии, где за ограниченное число рабочих часов вы получаете определенное законом вознаграждение, где вы пользуетесь регулярными повышениями по службе и обеспечены от экономических кризисов и от понижений заработной платы, где вы застрахованы от безработицы, где вам не приходится заботиться о завтрашнем дне и опасаться, что вы останетесь без работы или без пенсии». В заключение Клемансо заявил: «учителя не подчинены влиянию закона спроса и предложения и что не в их власти изменить положение, созданное законодательством» [908, с. 325].

Естественен вопрос, что не устраивало правительство в учительских синдикатах, почему оно, признавая право граждан на объединения, столь решительно отказывало в нем учителям. Ответ, видимо, заключается в стремлении учительской *Национальной федерации* в духе анархо-синдикалистской концепции полностью вывести учительское сообщество из-под контроля государства. *Федерация* в специальном обращении к учителям четко сформулировала свою позицию: «Школа не принадлежит ни государству, ни церкви, ни учителю, никакой секте и никаким партиям. Учитель не должен ждать указаний от министра и администрации, а лишь основываться на своем личном опыте, на работах выдающихся воспитателей и компетентных педагогов. Учитель должен также обращаться за советом к своему начальнику, но при условии, чтобы этот начальник был опытным специалистом в своей профессии. Учителя желают принять участие, в меру своей компетентности, в организации дела народного образования, и в управлении им. Они желают заменить холодный авторитет иерархии правилами, выработанными сообществом. Они желают также обсуждать программы преподавания и применять их сообразно потреб-

ностям населения. Мы не требуем, чтобы школа была предоставлена нам в бесконтрольное распоряжение. Мы никогда не думали отрицать контроль государства. Но мы полагаем, что контролеры должны лишь обсуждать и критиковать, но не давать приказаний, не принуждать к принятию их методов и их приемов» [908, с. 325–326].

Отрицание роли государства в организации и управлении общенациональной системы образования естественным образом привело к стремлению влиться в состав *Всеобщей конфедерации труда* с ее идеологией отрицания государства и решающей роли экономической борьбы пролетариата. Еще в конце 1905 г. учителя-синдикалисты в своем манифесте заявляли: «Учителя желают вступить в биржи труда, они желают войти в состав Всеобщей конфедерации труда <...> В среде рабочих синдикатов мы узнаем умственные и моральные нужды народа. В общении с такими синдикатами и при их сотрудничестве мы выработаем программы и методы преподавания. Мы желаем войти в биржи труда для того, чтобы брать там уроки корпоративной солидарности и давать пример нашей профессиональной сознательности <...> Синдикаты должны подготавливаться к образованию кадров будущей автономной организации, которым государство передаст управление, под его контролем и под взаимным контролем прогрессивно социализированных учреждений» [908, с. 322].

В 1912 г. в составе *Национальной федерации* насчитывалось 50 синдикатов, объединявших 6 тыс. учителей [908, с. 328]. Это было намного меньше, чем в «дружеских обществах» – выше приводились данные о 100 тыс. членов последних. Но учителя-синдикалисты входили в «дружеские общества» и оказывали на них влияние. То есть общественное движение учителей, с одной стороны, заставляло с собой считаться, а с другой, – его направление вызывало опасение правительства. Решение Палаты депутатов 1905 г. об учительских синдикатах создало ситуацию неустойчивого равновесия, когда правительство вынуждено было мириться с существованием учительских синдикатов, но выжидало удобного повода для решительных действий. Его предоставил конгресс *Национальной федерации*, состоявшийся в августе 1912 г. в городе Шамбери.

Конгресс рекомендовал образовать при федерации кассы «солдатской копейки». Эта инициатива воспроизвела опыт некоторых синдикатов промышленных рабочих, которые создали подобные кассы для материальной поддержки членов синдикатов, отбывавших воинскую повинность. Но эти денежные переводы сопровождалась письмами антимилитаристского характера, в связи с чем кассы «солдатской копейки» прослыли революционными организациями. Когда же такие кассы решили создавать при синдикатах учителей, это расценили как антипатриотическую деятельность. Правительство по мотивам выхода синдикатов за пределы своей компетенции предложило префектам закрыть их в двухнедельный срок. Это решение вызвало протесты учительских синдикатов и «дружеских обществ», отвергавших обвинения в антипатриотизме. В свою очередь состоявшийся в 1912 г. конгресс партии радикалов

и радикал-социалистов признал, что обвинение учителей в исповедовании антимилитаристских и антипатриотических взглядов не доказано. Состоялись и парламентские дебаты об учителях. Палата депутатов приняла противоречивое решение: выразила полное доверие патриотизму учителей и в то же время одобрила действия правительства по закрытию синдикатов. В стране повсеместно судебными решениями учительские синдикаты были признаны нелегальными. Единственной формой учительских объединений, признаваемой государством, продолжали оставаться «дружеские общества».

8.2. Германия

Рабочие союзы. Германское профессиональное движение зарождалось в виде страховых касс, рабочих союзов. Они были малочисленны, привлекали небольшой круг трудящихся и не смогли получить развитие, т. к. в 1854 г. парламент Германского союза запретил рабочие ассоциации. Лишь с началом 60-х годов XIX в. ускорилось формирование профессиональных союзов различной социально-политической ориентации.

Одними из первых к организации профсоюзов приступили социал-демократы, придерживавшиеся марксистских взглядов. Под их влиянием съезд немецких рабочих союзов, собравшийся в сентябре 1868 г. в Нюрнберге, принял решение о создании профессиональных товариществ. В то же время *Всеобщий германский рабочий союз* образовал параллельные и независимые профсоюзные организации. На протяжении 1875–1876 гг. в связи с преодолением раскола в социалистическом движении произошло слияние этих профсоюзных объединений.

Пережив репрессии в период действия «исключительного закона» против социалистов, социал-демократические профсоюзы восстановили связь с трудящимися и увеличили число местных организаций. Это позволило провести в 1892 г. первый в масштабах страны съезд, который учредил общегерманское объединение *Свободных профсоюзов*. Его руководящим органом являлась *Генеральная комиссия*, которая оказывала решающее влияние на местные профсоюзные организации, поскольку 80% членских взносов поступало в центральную кассу. Накануне Первой мировой войны в это объединение входили 53 профессиональных союза. Они создавались главным образом на мелких и средних предприятиях, охватывали преимущественно квалифицированных рабочих. В 1907 г. из 18 млн наемных рабочих в *Свободные социал-демократические профсоюзы* были организованы только 1,9 млн человек, т. е. десятая часть рабочих Германии [8, с. 51]. Начиная с 1908 г., вместе с отменой запрета на участие женщин в политических партиях и союзах, в их рядах появились и стали численно расти работницы: в 1911 г. их было 161 510 [925, с. 392].

То обстоятельство, что *Свободные профсоюзы* придерживались социалистических ценностей, не могло не выдвинуть вопрос о принципах их взаимодействия с Социал-демократической партией. К. Легин и другие руководители

Генеральной комиссии проводили в жизнь концепцию нейтральности профсоюзов, ограничения профдвижения исключительно экономической сферой, отказа от борьбы за политическую власть. К. Легин в 1899 г. на конгрессе профсоюзов во Франкфурте-на-Майне заявил: «Мы не желаем так называемого краха существующего общества, на развалинах которого возникнет либо худшее, либо лучшее, чем нынешнее общество. Мы хотим спокойного развития» [702, с. 164]. Исходя из подобных представлений в практической работе в случае конфликтов с предпринимателями предпочтение отдавалось достижению компромиссов. В 1904 г. печатный орган Генеральной комиссии свободных профсоюзов декларировал: «Ввиду сильно возросшего риска стачек всякое мирное соглашение является большим успехом, чем победа после многомесячной борьбы» [599, с. 245]. Марксисты расценивали подобные установки как переход Свободных немецких профсоюзов на идейно-политические позиции реформизма.

Свободные профсоюзы не обладали монополией на единоличное представительство интересов рабочего класса. Возникли и действовали профобъединения с иной идеологией. Среди них определенное место заняли появившиеся в 1868 г. *гирш-дункеровские профсоюзы*. Названные так по фамилиям основателей – деятелей Немецкой прогрессистской партии М. Гирша и Ф. Дункера, они официально именовались «*Союз немецких профсоюзов*». Построенные по типу английских тред-юнионов и объединявшие преимущественно служащих и рабочую аристократию, они исходили из концепции единства интересов труда и капитала, стремились преодолевать производственные конфликты мирными средствами, выступали против стачек. Например, устав «Сообщества немецких фабричных и ремесленных союзов» (гирш-дункеровских профсоюзов) установил: «При возникновении общей безработицы вследствие остановки в делах, местный комитет или же генеральный совет должны по возможности совместно с работодателями данной отрасли промышленности и другими также пострадавшими рабочими сообществами, энергично принять соответствующие для посильной помощи меры, как, например, переселение и эмиграция. В случаях чрезвычайной нужды генеральный совет, по представлению местных комитетов, распоряжается о выдаче вспомоществований из кассы рабочего сообщества» [897, с. 81].

Германия была первой страной, где церковь уже с середины 1840-х гг. начала создавать рабочие союзы, первоначально не являвшиеся профессиональными. Их деятельность сводилась к устройству курсов для обучения членов союзов, организации библиотек и изданию рабочих газет, проведению семейных праздников, основанию сберкасс и касс взаимопомощи. Но поскольку интересы трудящихся, в том числе и христианских рабочих, выходили за границы просветительской деятельности, духовенство и клерикальные политики пошли на создание христианских профессиональных союзов. Толчком к этому стало обнародование папой Львом XIII 15 мая 1891 г. энциклики «*Rerum novarum*» («О новых вещах») по рабочему вопросу. Папа признал, «что надо найти

какое-то средство против зол и несчастий, от которых теперь страдают почти все рабочие», <...> «разъединенные рабочие ничем не защищены от бессердечия хозяев и жестокости неограниченного соперничества», а «считанные богачи могут держать множество бедных под игом, которое немногим лучше рабства» [829, с. 6–7]. Программу социалистов преобразования общества Ватикан отверг и противопоставил ей социальную политику, субъектами которой должны выступать церковь, государство и профессиональные союзы.

В этой триаде церковь, выполняя функции учителя, воспитателя и носителя христианской идеи любви к ближнему, должна добиваться сплочения общества и улучшения материального положения всех его членов. Поэтому ей рекомендовалось участвовать в общественной деятельности. Государству следует заботиться о благополучии всех граждан, и в первую очередь, о наиболее нуждающихся, коими являются рабочие. Объектом государственного вмешательства в дела граждан, по утверждению энциклики, являются такие сферы, как защита частной собственности, проблема занятости, материальные и духовные условия труда, защита прав женщины и ребенка, вопросы трудовых соглашений и оплаты труда, формирование широкого слоя собственников. Рабочие, в свою очередь, имеют право на создание свободных и независимых от государства профсоюзов, цель которых «повысить уровень физического, духовного и экономического благосостояния», благочестием и нравственностью «должна быть проникнута вся их внутренняя деятельность». Задачи по укреплению социального положения, удовлетворению конкретных нужд и интересов рабочих профсоюзы решат лишь отказавшись от разжигания классовой ненависти и встав на путь взаимопонимания и сотрудничества между рабочими и работодателями: «Надо тщательно согласовывать права и обязанности хозяев с правами и обязанностями рабочих» [829, с. 22, 23]. Лишь при этом условии будут стабилизированы общественные отношения в целом.

Первым в 1894 г. был организован профсоюз христианских горнорабочих Нижнего Рейна и Вестфалии, спустя три года ставший общенациональным. После создания христианских профсоюзов в других отраслях промышленности появилась потребность в их объединении. Оно состоялось в мае 1899 г. на общенемецком конгрессе христианских профсоюзов в Майнце, где и было основано «*Всеобщее объединение христианских профсоюзов Германии*» (ВОХП). Принятая программа провозгласила, что христианские профсоюзы открыты и католикам, и протестантам. Отвергалась ориентация на любую из существовавших политических партий. Обращение к партийно-политическим вопросам внутри союзов запрещалось. Допускалось обсуждение только одной проблемы: как реализовать социальные реформы на базе существовавшего строя.

Программа исходила из того, что у рабочих и предпринимателей одинаковые интересы, в связи с чем практическая деятельность профсоюзов должна быть проникнута духом примирения. Стачки квалифицировались как крайнее средство. Задачей христианского профдвижения устанавливалось содействие поднятию материального и духовного положения рабочих. В связи с этим

подчеркивалась необходимость заботиться о повышении зарплаты, уменьшении рабочего дня. Для оказания помощи больным, инвалидам, безработным предлагалось учреждать соответствующие кассы. Майнцская программа ВОХП послужила образцом при разработке аналогичных документов в других странах.

Рабочих, которые по терминологии промышленников «проявляли добрую волю к труду», начали вовлекать в особые профессиональные союзы, получившие название «желтых». Первый такой союз возник в 1905 г., затем появились другие. Вскоре они получили широкое распространение, а в октябре 1910 г. в Магдебурге основали «Объединение германских производственных союзов». В него вошло большинство желтых профессиональных организаций. Предприниматели выделяли желтым профсоюзам значительные суммы. Эти деньги шли на содержание правлений, вознаграждения, подарки к юбилеям. На многие крупные предприятия принимали только тех рабочих, кто соглашался вступить в желтый профсоюз с условием отказа от участия в социал-демократических или каких-либо других рабочих организациях. Компенсацией была более высокая заработная плата, сохранение работы в случае массовых или частичных увольнений.

Вплоть до Первой мировой войны наибольший авторитет имели *Свободные профсоюзы*. В 1913 г. они включали 68,4% организованных рабочих, тогда как ВОХП привлек 9,2% и желтое профдвижение – 7,5%. На долю гирш-дункеровских и других рабочих союзов приходилось 14,9%. Но члены всех этих профобъединений, вместе взятых, составляли немногим более четверти рабочего класса страны [130, с. 77; 989, с. 237]. Подавляющую его часть ни социал-демократические, ни христианские, ни желтые, ни иные профессиональные организации не смогли вовлечь в свои ряды. Рабочие ряда отраслей (железные дороги, почта, телеграф) вообще были лишены права на объединение в коалиции.

В 1913 г. членством в профессиональных союзах было охвачено 2 573 718 рабочих, из них 230 347 женщин (8,9%) [855, с. 381].

Антипрофсоюзные организации предпринимателей. Принятый в 1878 г. «исключительный закон против социалистов» по своему замыслу был направлен против «опасных для общества устремлений социал-демократии» [363, с. 264], однако власти истолковывали его расширительно, распространив и против социал-демократических профсоюзов. Их деятельность была парализована. Но с отменой в 1890 г. «исключительного закона» профессиональные союзы социал-демократической ориентации возродились, начали активно выступать в поддержку требований рабочих, показали себя как эффективные организаторы забастовочных выступлений. Работодатели, считая необходимым противодействовать усилиям рабочих профсоюзов добиться улучшения условий труда, в качестве ответной меры начали спланировать в антистачечные предпринимательские союзы. Организационно они либо объединяли предпринимателей определенной местности, либо конкретной отрасли производства.

Одним из наиболее мощных территориальных союзов стал *Союз работодателей Гамбурга – Альтона*, образованный с первоначальной целью предот-

вратить проведение рабочими первомайской демонстрации 1890 г. С этой частной задачи *Союз работодателей* переключился на решение общих задач. Он сформулировал устав союза: установить прочные, мирные отношения между предпринимателями и рабочими путем удовлетворения справедливых требований рабочих и подавления несправедливых, незаконных притязаний рабочих и их организаций. Средствами для достижения целей определили: содействие в проведении и усовершенствовании законов, издаваемых для блага рабочих; поддержка всяких начинаний, направленных на улучшение быта рабочих; внесение так называемой «оговорки на случай стачек» в договоры о поставке товаров; соглашение не принимать на работу забастовавших или подвергнутых локауту рабочих. Образовали стачечный фонд в сумме 1,8 млн марок для поддержки предпринимателей, на предприятиях которых проходили забастовки. Подобные союзы предпринимателей были созданы и в других промышленных районах страны, причем обозначился процесс их объединения. Начало ему положил образованный в 1899 г. *Союз союзов предпринимателей Берлина и его пригородов*. Его главной задачей было «недопущение рабочих, которых постановлено не допускать к работам в предприятиях отдельных организаций, к работам в предприятиях всех остальных организаций, вошедших в союз» [215, с. 7]. Его деятельность была направлена на борьбу с профсоюзами, регулирование заработной платы и продолжительности рабочего дня.

Наиболее сильным отраслевым союзом предпринимателей был основанный в 1890 г. *Всеобщий союз германских металлопромышленников*. Стремление парализовать борьбу рабочих за улучшение условий труда стало определяющим мотивом этого союза, зафиксированном в уставе: «Сообща отражать неосновательные стремления рабочих, направленные к тому, чтобы односторонне диктовать условия работы, и, в особенности, совместно бороться с устраиваемыми для этой цели забастовками; обсуждать различные экономические вопросы, затрагивающие общие интересы, и подходящими средствами добиваться того, чтобы взглядам металлопромышленников придавали в подлежащих сферах подобающее значение» [215, с. 8]. Устав *Союза* 18 параграфами регламентировал порядок проведения локаутов на предприятиях своей отрасли. По отчету за 1905 г. *Всеобщий союз германских металлопромышленников* насчитывал 32 окружных союза и 51 отдельное предприятие. На предприятиях, владельцы которых примкнули к этой организации, трудились свыше 431 тыс. рабочих.

Союзы предпринимателей добивались установления единообразных правил внутреннего распорядка на всех предприятиях, входивших в сферу их влияния. Так, *Союз фабрикантов металлических изделий Берлина и его пригородов* определил условия договоров найма, которых должны были придерживаться все члены союза. Они были дискриминационными по отношению к рабочим. Предприниматели решили, что нет необходимости устанавливать сроки предупреждения о расторжении договора найма, обе стороны могут его расторгнуть в любое время; для всех рабочих обязательно продление и сокращение

рабочего времени, если об этом своевременно в производственных помещениях вывешено соответствующее объявление; за время, когда рабочий не мог работать по «причинам, лежащим в нем самом», заработная плата не выдается. Наконец, в случае временного прекращения работы на фабрике вследствие нарушения производственного процесса, недостатка работы или материала или по каким-либо другим обстоятельствам рабочие не могут претендовать на получение за это время заработной платы.

Противостояние буржуазии и пролетариата побуждало предпринимательские союзы, социально единые, но организационно разрозненные, к консолидации на базе общности интересов. Решающим импульсом стала забастовка текстильщиков в Криммичау, требовавших установления 9-часового рабочего дня и 10-процентного увеличения заработной платы. Она продолжалась более 5 месяцев. По инициативе *Центрального союза промышленников Германии* все отраслевые промышленные союзы выразили готовность поддержать промышленников Криммичау. Это, с одной стороны, предопределило поражение стачки, с другой – привело к образованию в апреле 1904 г. *Главного бюро немецкого союза работодателей*, объединившего к 1905 г. 51 союз работодателей – на принадлежавших им предприятиях работало свыше 711 тыс. рабочих. Главной задачей учредители определили: сохранять мир, пока это возможно; но как только рабочие, особенно социал-демократические рабочие союзы, нарушат мир, т. е. забастуют, использовать против них все меры, в частности, такой репрессивный ресурс как отказ в приеме на работу бастовавших, уволенных или самовольно оставивших работу [215, с. 8]. В борьбе с забастовочным движением использовали желтые профсоюзы и биржи труда, обеспечивавшие прием на работу только рабочих, отказывавшихся бастовать и направлявших штрейкбрехеров в районы, охваченные стачками.

Те союзы работодателей, которые не вошли в структуру *Главного бюро*, в июне 1904 г. учредили *Общество немецких союзов работодателей* с собственным управлением и уставом. Ничем не отличаясь от *Главного бюро немецкого союза работодателей* по своим целям, *Общество немецких союзов работодателей* было даже более многочисленным. В 1907 г. оно объединяло 44 крупных союза, включавших более 300 местных союзов, входившие в них предприятия насчитывали 1300 тыс. рабочих и служащих. Полное единomyслие этих организаций привело к заключению уже в конце 1904 г. картельного соглашения, по которому они обязывались содействовать друг другу, в том числе в случае забастовок и бойкота со стороны профсоюзов.

В 1913 г. было создано *Объединение германских союзов работодателей*, включившее свыше 60 территориальных союзов, на предприятиях которых к началу Первой мировой войны работало около 2 млн рабочих [215, с. 8]. Направления его деятельности – борьба с профсоюзами, вопросы заработной платы, продолжительности рабочего дня.

Профессиональные объединения инженерно-технических работников. Первоначально объединения инженерно-технических работников промышлен-

ных предприятий создавались в форме научно-технических обществ, касс взаимопомощи и союзов для улучшения экономического положения и условий труда технического персонала. Строились они на принципах «социального мира» и «гармонии интересов труда и капитала», что подчеркивалось допуском в них предпринимателей. Ограниченность результатов побудила к созданию профессиональных организаций, построенных на иных принципах. В 1904 г. в Берлине был основан *Союз технико-индустриальных служащих* («Bund der technisch-industriellen Beamten»). Свое назначение и особенность деятельности союз определил уже при создании этой организации: «Союз индустриальных служащих отличается от всех прочих фрейеров технического персонала тем, что своей единственной задачей он признает лишь подъем социального и экономического положения технических служащих и стремится к осуществлению этой цели путем применения средств профессиональной борьбы» [569, с. 265].

В соответствии с этой установкой доступ в этот союз был закрыт для предпринимателей, его членами могли быть только служащие при условии уплаты членских взносов в размере 3 марок в месяц. Из сферы деятельности исключили культурно-просветительские и научно-технические мероприятия. Центр тяжести перенесли на материальную поддержку инженерно-технических служащих. Это вело к неминуемым конфликтам с предпринимателями, не останавливавшихся перед преследованиями инженерно-технических служащих. На этот случай союз предусмотрел контрмеры. В случаях безработицы, репрессий в виде увольнения за принадлежность к союзу и стачек выплачивались «пособия солидарности». При безработице – 75–100 марок в месяц в зависимости от продолжительности членства. При увольнении – 75% жалования холостым и 90% женатым, сверх того по 10 марок в месяц на каждого ребенка. Стачное пособие равнялось 70% жалования холостым и 85% женатым и в дополнение 10 марок на каждого ребенка [569, с. 265]. В случае конфликта с предпринимателями по поводу неудовлетворительных условий труда допускался бойкот и даже проведение стачек. Первую стачку подобного рода под руководством союза провели в Берлине в 1911 г. 227 инженеров строительных фирм. Из-за обилия штрейкбрехеров она закончилась неудачей, однако свидетельствовала о стремлении инженерно-технического корпуса к решению экономических проблем радикальными методами, предпосылкой чего была консолидация. И действительно, ее процесс шел интенсивно: в 1911 г. в Германии насчитывалось 19 союзов инженеров и техников со 132 тыс. членов. Самыми крупными из них были: «Deutscher Werkmeister-Verband» (54 тыс. членов), «Deutscher Techniker-Verband» (30 тыс. членов), уже упоминавшийся «Bund der technisch-industriellen Beamten» (20 тыс. членов). Рост инженерно-технических союзов продолжался вплоть до Первой мировой войны: последний из названных союзов к концу 1913 г. прибавил 3 тыс. членов [569, с. 265, 268]. Эти союзы не были социалистически ориентированными, тяготели к либерально-демократическому лагерю.

Профессиональный союз театральных работников. Имевшая давнишнюю историю профессиональная организация театральных работников «Genossenschaft deutscher Bühnengehöriger» в 1911 г. имела около 13 тыс. членов [569, с. 268]. Долгое время этот союз придерживался идей «социального мира», всячески избегал самой возможности быть заподозренным в приверженности какому-либо «классовым теориям». Но высокий накал социально-политической атмосферы в стране способствовал расколу внутри союза между апологетами «гармонии» интересов дирекций театров и актеров и новым поколением театральных деятелей, активно выступавших с позиций защиты собственных интересов. Состоявшийся в декабре 1913 г. съезд окончательно превратил союз в полноценную профессиональную организацию театральных работников.

Профессиональный союз банковских работников. В начальный период деятельности профессиональный союз банковских работников объединял в единую структуру рядовых служащих, руководящий состав и владельцев, последние и определяли направление и содержание деятельности всей организации. Проникновение в банковскую среду более радикально мыслящих чиновников вызвало стремление создать организацию, независимую от банковской элиты. Это привело к основанию в 1912 г. профессионального союза «Allgemeiner Verband der deutschen Bankbeamten». Вошли в него в большинстве сторонники различных либеральных партий. Они были патриотичны, умеренны в материальных требованиях, единственное, что их отличало от существовавшего союза, – стремление организационно отделить союз от владельцев банков и самим отстаивать собственные экономические интересы. Но и подобные скромные намерения встретили ожесточенное противодействие владельцев, последовали увольнения наиболее активных членов союза. Союз организовывал в Берлине митинги протеста, собиравшие до 6 тыс. участников, но ни одна буржуазная партия не откликнулась. Лишь члены Рейхстага от СДПГ выразили на митингах протест, а *Генеральная комиссия свободных профсоюзов* рекомендовала своим организациям перевести профсоюзные средства из «провинившегося» «Deutsche Bank» в другие.

8.3. Великобритания

Рабочие тред-юнионы. Необходимость объединения по профессиям раньше других осознали квалифицированные ремесленно-мануфактурные рабочие. Они в большей мере ощущали принадлежность к своему классу, отличались более высоким интеллектуальным и культурным уровнем и уже в середине XVIII в. создали в Англии ассоциации квалифицированных рабочих хлопчатобумажных производств. До конца этого века профессиональные союзы, или тред-юнионы, появились в самых различных отраслях мануфактурного производства. Однако процесс их консолидации насильственно прервало репрессивное законодательство. В 1799 и 1800 гг. Палата общин приняла два билля. Они запрещали объединения как рабочих [342], так и предпринимателей. Но

если последние ни разу не привлекались к ответственности по этому основанию, то тред-юнионы оказались объектом постоянных преследований.

Период нелегального тред-юнионизма длился четверть века. В 1825 г. парламент отменил запрет на объединения [330]. Именно с этого времени начинается организация общенациональных профессиональных союзов. Но вместе с правом на легальное существование и законную деятельность профсоюзы не получили статус юридического лица. В связи с этим они не могли рассчитывать на судебную защиту в случае конфликтов с предпринимателями или злоупотреблений собственных служащих, что чаще всего выражалось в хищении профсоюзных денег. Хотя теперь рабочий формально имел возможность «прекращать работу» в целях улучшения условий труда, его можно было привлечь к ответственности за действия, «препятствующие нормальному развитию промышленности». Закон защищал нечленов профсоюзов и штрейкбрехеров от акций «устрашения». Все эти ограничения действовали до официального признания профсоюзов по «Акту о тред-юнионах 1871 г.» [28].

В связи с расширением избирательного права возросла политическая роль народных масс. Заинтересованные в голосах избирателей и под их давлением консервативная и Либеральная партии должны были дать определенные гарантии повышения уровня жизни и расширения трудовых и социальных прав. Прежде всего это касалось свободы деятельности профессиональных союзов – тред-юнионов. Предоставление значительным слоям рабочего класса возможности участвовать в избирательном процессе не согласовывалось с парадоксальной ситуацией, когда профсоюзы были лишены статуса юридического лица. Закон 1825 г. ограничивал деятельность профсоюзов вопросами заработной платы и продолжительности рабочего дня. Однако общественная кампания в поддержку реформы 1867 г. показала возросшую политическую роль профсоюзов как организаторов масс. С ними нельзя было не считаться, тем более, что тред-юнионы консолидировались и получили организационное оформление: в 1868 г. очередная (до этого их было немало) общенациональная конференция получила статус Конгресса тред-юнионов, фактически высшего координирующего центра профдвижения. В качестве такового он в последующем регулярно собирался.

При этом стало очевидным, что профсоюзы не несут угрозу основам государственного строя страны – образованная в 1867 г. парламентская комиссия по обследованию деятельности профсоюзов не нашла никаких нарушений закона. Ввиду этого чрезвычайно важным шагом на пути к демократизации общественных отношений была проведенная либеральным большинством парламента «Актом о тред-юнионах» 1871 г. легализация профсоюзов. Ключевой пункт Акта гласил: «Выражение «тред-юнион» означает такую временную или постоянную коалицию для регулирования отношений между рабочими и хозяевами, отношений рабочих между собою, отношений хозяев между собою, или для установления ограничительных условий по ведению какого-либо, промысла или занятия, которая, если бы не был издан настоящий акт, считалась

бы препятствующей промыслу»¹ [28, с. 14–15]. Профсоюзы впервые получили официальное признание в общегосударственном масштабе. Отныне тред-юнионы нельзя было объявить противозаконными, они могли регистрировать свои уставы, защищать денежные фонды, определять внутреннюю структуру и распорядок деятельности, организовывать выступления трудящихся.

Улучшила правовое положение трудящихся отмена в 1875 г., на этот раз консерваторами, «Закона о хозяевах и слугах», по которому нарушение контракта рабочим считалось уголовным преступлением и наказывалось тюремным заключением на срок до 3-х месяцев. На его основе в период с 1858 по 1875 г. суды ежегодно возбуждали до 10 тыс. дел против рабочих. С другой стороны, невыполнение обязательств владельцем предприятия каралось небольшим штрафом. Теперь же предприниматели и работники несли одинаковую ответственность за досрочное расторжение договора о найме. Правовую субъектность и полную легализацию тред-юнионов обеспечил «Акт о заговорах и защите собственности» 1875 г. [18; 311]. Отныне не допускалось уголовное преследование за действия, совершенные как работодателями, так и рабочими, в том числе: «соглашение двух или более лиц» в целях инициировать или поддержать «несогласия между работодателями и рабочими» [18, с. 31]. И наоборот, предусматривалась ответственность за намеренное нарушение договора о службе или найме, если последствием могли стать угроза жизни, причинение телесного повреждения, уничтожение или повреждение движимого или недвижимого имущества. В 1876 г. рабочие получили право на запрещенное ранее пикетирование, что существенно расширило возможность защищать свои интересы, а также были определены случаи, когда тред-юнионы могут быть признаны незаконными, но в число оснований роспуска не вошло нанесение «вреда промышленности» [12].

Деятельности тред-юнионов ожесточенно противодействовали предприниматели. В 1901 г. возник трудовой конфликт между рабочими и владельцами железной дороги «Компания Таффской долины». Когда железнодорожники сорвали попытку администрации привлечь к работе штрейкбрехеров, компания подала в суд. Решением судебных инстанций тред-юнион оштрафовали [830]. Это решение фактически сделало невозможным проведение забастовок. В декабре 1909 г. по иску служащего «Объединенного общества железнодорожников» Осборна, консерватора по политическим убеждениям, судьи-лорды предписали возратить ему ту часть членских взносов, которая шла в парламентский фонд Лейбористской партии. Это означало, что тред-юнионы лишались возможности финансировать Лейбористскую партию, без чего она не могла заниматься политической деятельностью. Лишь в 1913 г., с принятием нового «Акта о тред-юнионах» [30], права рабочих организаций были частично

---

¹ Английское законодательство и судебная практика до принятия акта о тред-юнионах руководствовались доктриной «restraint of trade» («препятствие промыслу»), согласно которой тред-юнионы признавались преступными, поскольку они «препятствуют промыслу».

восстановлены. Тред-юнионам при согласии большинства их членов разрешили создавать политические фонды из особых взносов. При этом члены профсоюзов, не желавшие вносить их, получили право не делать этого.

Легализация привела к формированию и быстрому развитию цеховых тред-юнионов, объединявших рабочих по профессиям. В 1897 г. их было около 1300, объединявших 1 млн 600 тыс. членов – 21% от общего числа промышленных рабочих [692, с. 215]. Количество женщин в тред-юнионах едва превышало 7%, причем это были в основном работницы текстильных предприятий. В число наиболее крупных союзов вошли *Объединенное общество механиков, Общество котельщиков и судостроителей, Общество чугунолитейщиков, Лондонское общество наборщиков* – этот ряд далеко не исчерпывается названными тред-юнионами. Все они являлись национальными профсоюзами, членами которых могли быть только квалифицированные рабочие, прошедшие соответствующее обучение. Членские взносы были высокими: вступительный от 10 шилл. до 3–5 ф. ст., регулярный – нередко 1 шиллинг в неделю, они и были непреодолимым барьером для необученных и малоквалифицированных рабочих. Система руководства строилась на основе полной централизации: появились освобожденные функционеры, имелись национальные правления и штаб-квартиры. Без их разрешения местные отделения не имели права объявлять забастовки или расходовать деньги на нужды, не оговоренные в уставах.

Денежные фонды использовались для выплаты пособий в разных жизненных ситуациях. Размер пособия в крупнейших союзах варьировался в зависимости от размера заработной платы и величины членских взносов. Денежные компенсации производились: во время забастовок (от 8 до 25 шилл. в неделю); для оказания помощи в связи со смертью работника или членов его семьи (единовременно от 2 до 30 ф. ст.); в случае болезни (от 4 до 20 шилл. в неделю на срок от 13 до 26 недель, если только болезнь наступала не от пьянства и других пороков); при несчастных случаях (в размере, как по болезни, или единовременно от 10 до 100 ф. ст.); ввиду вынужденной эмиграции, вызванной преследованиями за участие в стачках или рабочем движении (от 5 до 20 ф. ст.). Предусматривались пособия по безработице, которые составляли не более половины заработной платы и выдавались самое большее в течение года. В особом положении находились профсоюзные активисты, уволенные с работы за пропагандистскую в пользу тред-юниона деятельность, участие со стороны тред-юниона в переговорах с работодателем или руководство забастовкой – им тред-юнион выплачивал полную или даже большую зарплату в течение неограниченного срока. Наконец, членам тред-юнионов можно было рассчитывать на некий аналог пенсии по возрасту. Достигшие не менее 55–60-летнего возраста при условии пребывания в тред-юнионе не менее 20, а большей частью 30–40 лет, могли получать еженедельное пособие от 2 до 12 шилл. или единовременно порядка 20 ф. ст., что, как правило, соответствовало общей сумме членских взносов, выплаченных за время пребывания в союзе [692, с. 218–220].

Подобные тред-юнионы не ставили перед собой социалистические цели, исходили из общности интересов пролетариата и буржуазии, добивались от своих членов безоговорочного выполнения производственных обязательств перед хозяевами. Объединенный тред-юнион котельщиков и судостроителей взыскивал штраф в 5 ф. ст. с рабочих, плохой работой принесящих убытки предприятию, и за счет этих средств возмещал материальные потери работодателей. Тред-юнионы своей задачей считали улучшение условий жизни и труда рабочих в рамках существующего строя. Политическая деятельность признавалась лишь в форме участия в избирательных кампаниях с предписанием своим членам голосовать только за кандидатов, взявших обязательство защищать интересы рабочих. Признавая теорию и практику классового сотрудничества, тред-юнионы отрицательно относились к забастовкам. В отчете Конгресса тред-юнионов 1883 г. отмечалось: «значение сильного рабочего союза определяется не столько числом удачных стачек, сколько числом стачек, которые ему благодаря его силе удалось устранить» [692, с. 263]. Соответственно предпочитали урегулирование трудовых конфликтов через созданные в 1898 г. примирительные камеры. Забастовку можно было объявлять только после неудачи арбитражной процедуры.

Социальная незащищенность и тяжелые условия труда большей части рабочих, прежде всего неквалифицированных, вызвала в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. волну массовых выступлений. 31 марта 1899 г. рабочие *Компаний газового освещения и производства кокса* организовали митинг, на котором приняли решение о создании *Национального союза рабочих газового производства и чернорабочих Великобритании*. В этом же 1899 г. в результате более чем четырехнедельной забастовки возник *Союз докеров, рабочих пристаней, речников и чернорабочих*. Эти события инициировали распространение движения за организацию тред-юнионов неквалифицированных рабочих на всю страну. В так называемых «новых юнионах» установили низкие членские взносы, доступные для всех категорий трудящихся. Участие в профсоюзах перестало быть привилегией узкой прослойки рабочей аристократии. Идеология «новых юнионов» принципиально отличалась от базовых концепций тред-юнионов, объединявших верхушку рабочего класса. Так, *Союз рабочих газового производства* и чернорабочих декларировал, что существуют только два класса – производительный класс рабочих и класс владельцев, – и интересы их прямо противоположны. Исходя из этого «новые юнионы» сосредоточили усилия не только на взаимопомощи, но и на борьбе за улучшение условий труда и жизни рабочих путем принятия социального законодательства и введения восьмичасового рабочего дня.

Расширение масштабов профсоюзного движения не прошло бесследно для старых тред-юнионов. Они стали изживать свойственную им прежде кастовую замкнутость, начали прием рабочих разной квалификации. Новым явлением в профсоюзном движении стало появление тред-юнионов, организованных не по цеховому, а по производственному принципу. Эти тред-юнионы ис-

ходили из идеи создания организации, в которую входили бы все рабочие отрасли независимо от квалификации, специальности и производственных функций.

Участие в тред-юнионах давало определенные социальные гарантии. На протяжении 1892–1900 гг. 100 наиболее крупных тред-юнионов расходовали на различные виды пособий в среднем 1,5 млн ф. ст. в год, а в одном 1908 г. сумма выплат достигла 3 млн ф. ст. В работе, посвященной тред-юнионам, известный англовед П. Г. Мижув акцентировал внимание на функциях рабочих союзов, как «учреждений, идущих на помощь рабочим во все трудные минуты их жизни: во время болезни, в старости, во время безработицы, в случае потери жены и связанных с этим расходов на погребение и т. д. <...> Не слыша ничего в обычное время о рабочих союзах и зная о них, вообще говоря, очень мало, обыватель склонен впадать в ошибку, представляя себе рабочие союзы в качестве организаций, существующих исключительно для борьбы с предпринимателями» [609, с. 4]. Наоборот, разнообразные формы деятельности рабочих союзов Англии направлены «на всякого рода помощь, не имеющую никакого отношения к стачкам или имеющую к ним весьма отдаленное отношение» [609, с. 56]. В 1900–1907 гг. в каждом из годов указанного периода бастовали лишь от 0,84 до 2,1% промышленных, строительных и транспортных рабочих Великобритании [подсч. по: 286, с. 64, 69]. В 1913 г. британские тред-юнионы располагали резервным фондом в 6,5 млн ф. ст. Подавляющая часть средств (57%) расходовалась на оказание помощи членам союзов, тогда как на забастовочную борьбу только 12%.

Создание разветвленной профсоюзной сети и облегчение приема в тред-юнионы привлекло в их ряды новых рабочих. В 1888 г. профсоюзы Великобритании насчитывали 750 тыс. членов, а в 1913 г. – 3 млн 205 тыс. Организованный пролетариат, охватывая около 27% к числу занятых в промышленности, все еще оставался в меньшинстве, но составлял политически наиболее активную часть рабочего класса [130, с. 77]. Так, тред-юнионы из движения рабочей аристократии превращались в массовое рабочее движение.

В то же время вплоть до 1890-х гг. в тред-юнионах почти не было женщин. В 1874 г. под влиянием Эммы Петерсон возникла идея создания самостоятельных женских профессиональных союзов. Тогда была организована *Лига покровительства женщин*, которая поставила целью способствовать защите их профессиональных интересов. Появились союзы работниц в переплетном деле (1874), портних (1877), работниц сигарных фабрик (1879) и другие женские союзы. В составе этих и подобных им организаций в 1879 г. было всего 1300 человек [886, с. 95–96]. К началу XX в. женские тред-юнионы распространились по всей стране, а число их членов в 1902 г. доходило до 160 тысяч [288, с. 43]. В то же время женщин наравне с мужчинами принимали в свои ряды профессиональные союзы, организуемые в ткацко-прядильной отрасли. В 1876 г. из 19 600 женщин, являвшихся членами союзов, 19 000 входили в тред-юнионы текстильщиков, в 1886 г. – 34 500 из 39 600 [855, с. 357], в 1893 г. –

соответственно 80 тыс. из примерно 100 тыс. женщин [886, с. 96]. В целом к концу 1890-х гг. пропорция женщин в тред-юнионах едва превышала 7%, при этом она хотя и медленно, но увеличивалась. В 1913 г. членами тред-юнионов были 4189 тыс. рабочих, в их числе – 442 тыс. женщин (10,5%) [855, с. 381].

Одновременно в Англии росло число рабочих клубов, в которых рабочие имели возможность заняться полезным делом. В начале XX в. их количество превысило 4 тыс. Управление ими обеспечивали выборные правления. Клубы обычно имели библиотеку, читальную комнату, лекционный зал, помещения для общения и бесед, буфет. Единовременный взнос и еженедельная плата были невелики, поэтому членство в клубах было вполне доступным. Клубы предоставляли возможность для самообразования, чтения и дискуссий, организовывали лекции и театральные представления, проводили субботние и воскресные экскурсии. Отдельно создававшиеся женские клубы обычную программу деятельности дополняли вечерними курсами рукоделия, кройки и шитья, бухгалтерского дела.

Союзы предпринимателей и тред-юнионы. «Старые тред-юнионы» во взаимоотношениях с предпринимателями вели примирительную политику. «Новые юнионы» не ограничивали свою деятельность поддержанием жизненного уровня рабочих за счет разного рода пособий, но непримиримо боролись за улучшение условий труда – повышение заработной платы и восьмичасовой рабочий день. Здесь о классовом примирении и речи быть не могло. Соответственно, и предприниматели вели с такими тред-юнионами ожесточенную борьбу. Как правило, предприниматели с целью координации своих действий объединялись в синдикаты параллельно с ростом рабочих выступлений. Федерация предпринимателей в железоделательной промышленности, объединившая крупнейшие отрасли производства – угольную, металлургическую, машиностроительную, судостроительную и ряд других – на конференции 11 декабря 1873 г. в решении констатировала: «Создание федерации вызывается необходимостью защиты интересов нанимателей против чрезмерного развития организации тред-юнионов и их деятельности». Задачей федерации намечалось противодействие этой деятельности, «поскольку она идет вразрез с интересами работодателей, со спокойствием неорганизованных рабочих и с благосостоянием всего общества» [1037, с. 45]. Аналогичные процессы проходили и в других отраслях. Вслед за организацией в 1889 г. тред-юниона докеров в 1890 г. последовало создание *Национальной федерации кораблестроителей и инженеров*, образованной «для защиты интересов работодателей от объединенных доковых рабочих и матросов». Было признано необходимым в противовес тред-юнионам создавать «свободные трудовые ассоциации» неорганизованных рабочих. Уже в момент создания эта федерация объединяла 25 отдельных ассоциаций и до 2 тыс. судовладельцев, на предприятиях которых было занято до 400 тыс. рабочих-докеров и матросов. Когда в 1897 г. лондонское отделение тред-юниона механиков потребовало сокращения рабочего времени, предприниматели начали в массовом порядке вступать в свой синдикат, который к ян-

варю 1898 г. объединил владельцев 700 фирм. Процесс антипрофсоюзной консолидации предпринимателей охватил всю страну.

По всей Великобритании в первое десятилетие XX в. действовало более 800 крупных предпринимательских союзов. О масштабности этого явления можно судить по тому, что к синдикату предпринимателей текстильной промышленности принадлежало от 66 до 77% всех фабрикантов отрасли. Таким же было положение и в других отраслях. Синдикаты имели правления, были предусмотрены вступительные и ежегодные взносы, определявшиеся по размеру производства или сумме выплачивавшейся предпринимателем заработной платы.

Деятельность синдикатов регулировалась уставами, которые определяли принципы взаимоотношений с тред-юнионами. Вошедшие в синдикат брали обязательства подчиняться его решениям и сообщать правлению обо всех требованиях рабочих. Синдикаты вели «черные списки» рабочих, при приеме на работу требовали представления справок или рекомендаций от прежних хозяев. В случае стачек должны были действовать сообща и поддерживать друг друга денежными субсидиями и выполнением заказов, которым грозил срыв из-за стачки.

Профессиональные союзы служащих. Организации самозащиты создали английские чиновники. Почтовые служащие Лондона в 1890 г. основали общество сортировщиков численностью до 3 тыс. членов, принявшее название *Fawcett Association*. Это общество получило известность после того, как добились права для всех правительственных чиновников принимать участие в парламентских выборах. В 1891 г. были созданы ассоциация почтово-телеграфных клерков (более 6 тыс. членов) и федерация почтальонов (свыше 11 тыс. членов, из которых 3 тыс. работали в Лондоне).

В 1894 г. была организована ассоциация таможенных надсмотрщиков, объединившая 1200 служащих, в числе которых около 400 из Лондона. Эти, как и другие подобные организации, имели целью не борьбу за улучшение материального положения (государственная или муниципальная службы обеспечивали чиновников в достаточном размере денежными выплатами и пенсиями), а защиту от произвола начальства.

Действовали общества театрально-музыкальных работников: «Оркестровая ассоциация» (1100 членов), «Общество хористов» (650 членов), «Общество актеров» (1250 членов). Эти общества имели назначением помощь в подыскании мест, организацию судебной защиты, представительство в хлопотах по поводу увеличения жалованья. В случае денежных затруднений прибегали к поддержке обществ взаимопомощи, пенсионных касс.

Хорошо организованными, богатыми по финансовым возможностям и влиятельными в обществе были организации журналистов и литераторов. Журналистская организация, действовавшая под названием «Институт журналистов», насчитывала до 3700 членов, из них более 800 работали в Лондоне, около 150 в колониях и за границей, остальные в британской провинции. «Институт

журналистов» не оказывал денежной поддержки, но контролировал соблюдение журналистами норм профессиональной этики и пристально следил за правительственной и общественной реакцией на действия журналистского сообщества. Другая организация, «Фонд газетной печати», наоборот, имела целью оказание материальной помощи. Владельцев периодических изданий объединяло «Газетное общество». Собственную организацию имели женщины-журналистки. Издательские интересы писателей защищало «Общество авторов», в затруднительных обстоятельствах финансировал литераторов «Королевский литературный фонд». Представителей педагогической профессии защищали «Национальный союз», имевший 33,5 тыс. членов по всей стране, «Ассоциация учителей школ-интернатов» с 6,1 тыс. членов, «Гильдия учителей Великобритании и Ирландии» с 1,8 тыс. участников, «Ассоциация школьных директоров», «Ассоциация младших учителей», «Ассоциация младших учительниц» и другие организации [811, с. 147–149].

ЖЕНСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И СОЮЗЫ

9.1. Социально-политический контекст самоорганизации женщин

В истории общественной мысли женское неравенство вплоть до XIX в. редко получало статус проблемы, заслуживающей внимания. Большинство мыслителей игнорировали женщин как «небытие, не стоящее размышления», либо половую иерархию признавали «естественной». В основе рассуждений о природе женской подчиненности лежал биологизаторский подход, сама она рассматривалась в качестве составной и неотъемлемой части общественного порядка. Большинство мыслителей, начиная с античности¹, объявляли, что биологические особенности не позволяют женщинам развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Концепция, которая структурировала политический дискурс, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного. Только публичная область характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Женщины из нее были исключены, и это исключение опиралось на вменяемую им «естественную» неспособность переступить за пределы их биологического и вытекавшего из него экономического подчинения в домашней сфере.

Такое видение места женщины в обществе включено в консервативную доктрину, опиравшуюся на теоцентрическую картину мира и продолжавшую господствовать в эпоху неоабсолютизма. Для нее характерна особая интерпретация сущности общества и государства, взаимоотношений между ними: общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины заботятся об общественном благе.

Вслед за общественным мнением и европейские правовые системы обрекали женщин на гражданское и политическое бесправие. Даже Французская

---

¹ Первая известная развернутая трактовка равного участия полов в общественной жизни дается в труде Платона «Государство». Оппонентом ей выступил Аристотель, который выдвинул андроцентристскую модель культуры и стал первым философом, задавшим биологическую парадигму в трактовке женщины. Он уподоблял мужчину активной форме, женщину же представлял пассивной материей, телом. Именно такой взгляд на женщину доминировал в общественной мысли вплоть до эпохи промышленной революции.

революция конца XVIII в. не совершила прорыва в этом направлении: подготовившие ее Просветители во взглядах на место женщины в обществе за редким исключением ничем не отличались от консерваторов-дворян. Послеревolutionонная Европа продолжала отрицательно относиться к любым проявлениям женской самостоятельности. Известная английская писательница Джейн Остин опубликовала в 1811–1816 гг. 4 романа, но сделала это анонимно, потому что считалось неприличным, чтобы женщина занималась литературным трудом. Так было не только в Англии. Француженка Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван, автор многочисленных и популярных романов, оставивших заметный след в европейской литературе, скрывалась за мужским псевдонимом Жорж Санд.

Восстановление Венским конгрессом легитимных монархий создало благоприятную почву для возрождения влияния католической церкви не только на политическую и общественную, но и частную жизнь. Конкордаты Папского престола с рядом европейских государств создавали возможность для правительств, особенно католических стран, получить инструмент воспитания населения в возможно более консервативных традициях. Энцикликой «*Quanta cura*» (1864) папа Пий IX осуждал, например, движения, с точки зрения которых «человеческим сообществом следует управлять независимо от религии», «семейный уклад должен основываться исключительно на гражданском праве», «каждый гражданин имеет право словесно и печатно провозглашать свои мнения без каких-либо ограничений со стороны церковной и светской власти» [566, с. 234]. «*Силлабус, или перечень главнейших заблуждений нашего времени*», прилагавшийся к энциклике, признавал еретическим широкий спектр идеологических воззрений, включая требование светскости школы, допущение гражданского брака, признание либерализма.

В то же время, начиная с просветителей, сторонники либерализма доминанту демократического общества видели в личной и гражданской свободе: только она открывает путь к вершинам социальной иерархии, достижению достойного места в ориентированном на социальный прогресс обществе. Индивид уже в дообщественном, догосударственном так называемом «естественном» состоянии наделен неотчуждаемыми правами, а потому он должен сохранить их и в последующие эпохи. Свобода независима от происхождения, способностей и знаний, характера и убеждений, а потому все люди равны перед законом, а гражданские права человека не должны зависеть от его сословной или классовой принадлежности, имущественного положения. Либеральная доктрина исходит из предположения, что реализация ее принципов откроет каждому человеку и каждой социальной группе возможность максимального развития и достижения наивысших результатов. Именно поэтому на идейный базис либерализма опирались первые феминистские критические работы. Однако вплоть до конца XIX в. либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на женщин.

Либералы, расходясь с консерваторами по многим направлениям, в вопросе расширения прав женщин как в публичной, так и в частной сфере фактически консолидировались со своими оппонентами. Либералы пренебрегали ими просто потому, что они – женщины. Исключение женщин из практик свободы опиралось на их якобы «естественную» неспособность преступить за пределы «биологического предназначения». Но именно из теории либерализма вырос первый из феминизмов – либеральный феминизм, явивший собой теорию индивидуальной свободы женщин. Труд Мери Уоллстонкрафт «В защиту прав женщины» (1789) явился его первым развернутым манифестом.

Однако перемены наступали неотвратимо. Развернувшаяся в XIX в. модернизация Европы определялась завершением промышленной и аграрной революций, демократизацией общественной и политической жизни, новым стилем повседневной жизни мужчин и женщин. Те женщины, которые в силу привилегированного социального статуса, более высокого образовательного уровня и обеспеченного имущественного положения не помышляли о фабрике, начали задумываться о том, как найти поле приложения сил вне семейного круга – и находили его в общественной деятельности. Женщины из средних слоев с успехом использовали свой шанс, предоставленный им происходящими переменами в бытовой сфере. В дома пришли водопровод, центральное отопление, газ, а затем и электричество. Многие изделия, в начале XIX в. относившиеся к атрибутам роскоши, быстро превратились в предметы массового пользования. В 50–60-х годах фабрики начали производство швейных машин. Их ежегодный выпуск одна только фирма «Зингер» к концу века довела более чем до 600 тыс. [936, с. 35]. Швейные машины стали необходимой принадлежностью чуть ли не каждого дома. Облегчилось не только шитье. Женщины освобождались от многих прежде неизбежных хозяйственных дел, поскольку промышленность поставляла пищу, предметы обихода, одежду не только в изобилии, но лучшего качества и дешевле, чем это могло быть произведено в домашних условиях. Ввиду этого сложились предпосылки к включению женщин в активную деятельность вне дома, и они начали притязать на профессиональную деятельность, которую монополизировали мужчины, привыкшие конкурировать друг с другом, но не со «слабым полом».

Этому способствовал и *демографический фактор*: в структуре населения своих стран женщины преобладали. Уже в XVII–XVIII вв. увеличилось количество «избыточных женщин», не имевших шансов создать семью, вынужденных искать собственный заработок на стороне и заинтересованных в более благоприятных условиях приложения сил. Согласно переписи 1885 г., в Германии на 1000 мужчин приходилось женщин: в возрасте от 15 до 20 лет – 1014; от 20 до 25 лет – 1036; от 25 до 30 лет – 1048; от 30 до 40 лет – 1058; от 40 до 50 лет – 1071; от 50 до 60 – 1116; от 60 до 70 – 1156; от 70 до 80 – 1187; свыше 80 – 1287 [96, № 4, с. 228]. Этот дисбаланс возник в силу 3-х причин:

Превышение мужской смертности над женской. В Германии на 1000 женщин умерло мужчин: в 1872 г. – 1070; в 1878 г. – 1105; в 1884 г. – 1092; в 1888 г. –

1079 [96, № 4, с. 228]. В значительной мере это было связано с мужскими потерями в войнах. Во Франции в 1821 г., когда еще не были восполнены потери наполеоновских войн, на каждые 10 000 мужчин приходилось 10 286 женщин. Затем войны кончились, и разрыв начал уменьшаться: в 1831 г. – 10 266, в 1841 г. – 10 124, в 1851 г. – 10 006. Не были сопряжены с чрезмерными людскими потерями опиумные войны в Китае и мексиканская авантюра – в 1866 г. баланс мужчин и женщин фактически сравнялся: 10 001 женщина на 10 000 мужчин. Но после Франко-прусской войны вновь разрыв увеличился. В 1872 г. тем же 10 000 мужчин противостояли 10 028 женщин. То же самое в Пруссии. На 10 000 мужчин имелось женщин: на протяжении 1837–1852 гг. в каждом из годов 10 020, но после Австро-прусской войны 1866 г. уже 10 096 и после Франко-прусской войны, по данным за 1872 г., – 10 158 [96, № 4, с. 229].

Эмиграция мужчин, численно превышающая эмиграцию женщин. Напротив, в Великобритании замужество для женщин зачастую становилось недоступным из-за высокой мужской смертности и массовой эмиграции мужчин брачного возраста. В 1870 г. из каждой 1000 женщин в возрасте от 20 до 25 лет 652 оставались незамужними, а к 1901 г. эта цифра возросла до 726.

Экономические кризисы и спады. Знаменитый английский историк-позитивист Г. Т. Бокль на обширном статистическом материале Англии доказывал, что «число ежегодно заключаемых браков зависит не от характера и желания отдельных лиц, а от главных, общих фактов, на которые лица эти не могут иметь никакого влияния. <...> Браки, вместо того чтобы находиться в какой-нибудь связи с личными чувствованиями, зависят просто от среднего размера заработков в массе народа» [90, с. 35–36]. Пример Германии также подтверждает выводы Г. Т. Бокля: в 1872 г. в условиях экономического подъема немцы заключили 423 200 браков, а в 1879 г., в период спада – всего 335 111 [96, № 4, с. 230]. В целом к началу 1890-х гг. из 1000 женщин старше 40 лет оставались вне брака в Германии 107, во Франции 127, Великобритании и Ирландии 140 в Бельгии 176, Швейцарии 183 человека [98, с. 149–150].

Как бы то ни было, для значительного количества женщин брак оказывался недоступен в лучшем случае в течение продолжительного времени, в худшем – навсегда. И это обстоятельство, которое молодые женщины должны были учитывать при планировании собственной жизни, подталкивало их к мысли о необходимости создания материального базиса для независимого существования. В общественное сознание все больше начинает проникать представление о том, что женщины, особенно незамужние, должны приобретать образование и профессию. Для выходцев из низших слоев общества это была возможность содержать себя. Состоятельные женщины, не нуждавшиеся в заработке, считали необходимым приносить пользу обществу. Это неизбежно подводило к осознанию необходимости разворачивания борьбы за право получения образования, профессиональной подготовки и предоставления политических прав.

Присутствие женщин становилось все заметнее в сферах образования, здравоохранения, канцелярской работы и других. С другой стороны, трудности

в доступе к среднему и высшему образованию, в получении работы в соответствии с приобретенной квалификацией, дискриминация в области трудовых прав, неучитывание работодателями специфических женских потребностей стало главной причиной распространения идей женской эмансипации и развития женского движения.

Перемены кардинальным образом затронули женщин из семей, зарабатывавших на жизнь собственным физическим трудом, для которых индустриализация открыла новые возможности. На производстве дешевый женский труд (детский – это отдельная тема) стал повсеместным и широко распространенным явлением. В 1881 г. зарабатывали собственным трудом, работая на производстве, считая от общего количества женщин всех возрастов: во Франции – 20,6%, в Германии – 18,5%, в Англии – 16,3%, в Шотландии – 18,1%, в Ирландии – 20,5% женщин. К ним надо добавить женщин, работавших в услужении. В том же году их было: во Франции – 8,0%, в Германии – 5,6%, в Англии – 9,2%, в Шотландии – 6,9%, в Ирландии – 8,8% [96, № 4, с. 241]. Естественно, если отсчет вести не от всего женского населения, а от числа женщин старше 15 лет, то и процентное соотношение работавших увеличится. В Германии, например, общее число женского населения составляло 23 млн, женщин в возрасте свыше 15 лет насчитывалось 15 млн, из них работали на производстве 4,3 млн (28,6%), находились в услужении 1,3 млн (8,7%) [96, № 4, с. 242]. На некоторых производствах женщин было больше, чем мужчин. В Англии, по данным за 1881 г., на каждые 100 мужчин приходилось женщин: на хлопчатобумажных фабриках – 164; на шелковых мануфактурах – 224; на суконных мануфактурах – 102; в производстве вязаных материй – 114; в производстве грубых шерстяных тканей – 180 [96, № 4, с. 244].

В то же время все проводимые обследования показывали, что женщины получали более низкое вознаграждение за работу по сравнению с мужчинами. В 1890 г., например, в Англии средний заработок мужчин-рабочих составлял 24 шилл. 7 пенсов в неделю, женщин же – 12 шилл. 8 пенсов [886, с. 92]. Подобная ситуация наблюдалась во всех профессиях. Так, в почтово-телеграфном ведомстве Англии женщины получали не более 65–70 ф. ст. в год, тогда как жалование мужчин начиналось с 70 ф. ст. и достигало 200–300 ф. ст. [886, с. 92] Поэтому работницы постепенно не только осваивали новую для себя работу, но и встали перед необходимостью добиваться более благоприятных условий труда и повышения заработной платы. Именно в этом направлении разворачивалась их борьба.

Однако организованы работницы прежде всего, в профессиональные союзы были хуже, чем рабочие-мужчины. Если в Англии в текстильной промышленности женщины фактически изначально принимались в союзы наравне с мужчинами, а начиная с 1890-х гг. и в новые тред-юнионы, то в Германии в 1898 г. среди 493 742 членов профессиональных союзов женщин было всего 13 481 [886, с. 96]. Тем не менее стремление к защите своих интересов неизбежно подводило к осознанию необходимости объединения, и забастовка в этом

отношении стала начальной формой временной самоорганизации, сначала освоенной мужчинами-рабочими, а затем и женщинами. До начала XX в. борьба женщин ограничивалась экономическими требованиями: гарантирование минимума и увеличение размера заработной платы, повышение расценок по сверхурочным работам, отмена штрафов и произвольных удержаний, сокращение продолжительности рабочего дня, соблюдение времени обеденных перерывов, гарантирование отдыха по церковным праздникам и воскресеньям.

Подъем социально-политической активности пролетариата стал побуждать работниц к борьбе не только с экономической дискриминацией, но и с царившими в обществе политическими ограничениями. Распространение в европейских странах социалистической идеологии и развитие социалистического движения, выдвигавшего близкие и понятные простому труженику лозунги, привлекали и многих работниц. Действенной в среде женщин-работниц была устная и печатная агитация социалистов Л. Браун [98–105], К. Цеткин [1011–1015], К. Каутского [422], П. Лафарга [530], П. Луи [552]. Их разные по объему и жанру публикации базировались на идеологии пролетарского феминизма, у основания которого находились две ключевые работы – «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и «Женщина и социализм» А. Бебеля, вышедшие в 1884 и 1885 гг. соответственно. Вторая приобрела особенно широкую популярность, она выдержала несколько переизданий в России [58–62]. Теоретическая концепция пролетарского феминизма выстраивалась вокруг двух основных постулатов. Работницы угнетены капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, поэтому они должны присоединиться к их классовой борьбе против политического и экономического угнетения, и нет специфических женских интересов, отличных от классовых, и нет женских проблем, которые могли бы быть сформулированы отдельно от общих классовых и экономических. Правда, Бебель считал, что существующая семейная структура во всех слоях общества выступает в качестве инструмента обеспечения мужского превосходства над женщинами. Но и при этом союзы между женщинами из пролетарской и буржуазной среды возможны только для осуществления высшей цели – помощи мужчинам-рабочим в их борьбе за преобразование капиталистического общества в социалистическое, которое обеспечит полную эмансипацию женщин.

Таким образом, капитализм и частная собственность объявлялись основными причинами эксплуатации трудящихся и в особенности женщин. Из этого вытекал и различный подход к определению целей женского движения, отличных от того, что предлагал либеральный феминизм. Известная марксистская феминистка Александра Коллонтай так определяла сущность антагонизма между женщинами из разных социальных слоев: «Женский вопрос, – говорят феминистки, – это вопрос права и справедливости. Женский вопрос, – отвечают пролетарки, – это вопрос «куска хлеба». Женский вопрос и женское движение, убеждают нас буржуазные женщины, возникло тогда, когда сознательный авангард борцов за женскую эмансипацию выступил открыто на защиту попи-

раемых прав и интересов. Женский вопрос, отвечают пролетарки, возник тогда, когда миллионы женщин <...> оказались выброшенными на трудовой рынок, когда послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов» [448, с. 792–793].

Многих женщин привлекали программные установки социалистических партий, которые, апеллируя к работницам, включили в свои программные документы «чисто женские» требования и обещали добиться введения всеобщего и равного избирательного права. Так, Эрфуртская программа Социал-демократической партии Германии (1891) среди других выдвигала требование отмены «всех законов, ущемляющих права женщин в публично- и частноправовом отношении по сравнению с мужчиной» [789]. Программа Французской социалистической партии (1902) предлагала широкую программу реформ, связанных с улучшением положения женщин: всеобщее прямое избирательное право без различия пола при всяких выборах; допущение женщин ко всем общественным должностям; отмена законов, ограничивающих в гражданских правах женщин; запрещение ночной работы подростков и женщин; законодательная охрана лиц, занятых в домашней промышленности; законодательное запрещение работы женщин за 6 недель до и 6 недель после родов [793; 797–798]. В программе коллективного члена Лейбористской партии Независимой рабочей партии (1908), заявлялось, что партия «выступает за всеобщее избирательное право для совершеннолетних граждан, полное политическое равенство женщин, немедленное предоставление им права голоса на одинаковых основаниях с мужчинами» [790–791].

Особенно много защитников прав женщин было в СДПГ. По инициативе ее деятельницы К. Цеткин за день до открытия очередного конгресса II Интернационала в Штутгарте (1907) прошла первая Международная конференция женщин-социалисток. Принятая резолюция призвала добиваться всеобщего и равного избирательного права. На второй Международной конференции социалисток в Копенгагене (1910) с участием более 100 женщин из 17 стран, представлявших профсоюзы, социалистические партии, клубы работниц было принято решение ежегодно проводить Международный женский день под лозунгами борьбы за социально-политическое равенство. В соответствующей резолюции говорилось: «В полном согласии с классово сознательными политическими и профсоюзными организациями пролетариата в каждой стране, социалистки всех стран ежегодно проводят женский день, который в первую очередь служит агитации за предоставление женщинам избирательного права. Это требование должно быть выдвинуто как составная часть всего женского вопроса в целом и в полном соответствии с социалистическими взглядами» [цит. по: 258, с. 211].

Спустя год, накануне 19 марта 1911 г., в разных странах были распространены миллионы листовок, призывавших предоставить женщинам избиратель-

ные права. А. Коллонтай, помогавшая организовывать этот день в Германии, писала: «это превзошло все ожидания. Германия и Австрия <...> были одним бурлящим морем женщин, митинги проходили повсюду <...> в маленьких городках и даже в деревнях залы были заполнены так, что они вынуждены были просить работников-мужчин освободить их места для женщин. Мужчины оставались дома с детьми, а их жены, безропотные домохозяйки, вышли на митинги». Во время крупнейшей уличной демонстрации в Берлине, в которой приняли участие 30 тыс. женщин, в ответ на попытки полиции убрать плакаты женщины оказали сопротивление. Кровавое пролитие было остановлено только при помощи депутатов-социалистов рейхстага.

До 1914 г. мероприятия, соответствовавшие духу Международного женского дня, проводились в разные дни марта; с 1914 г. утвердилась традиция назначать их на 8 марта¹ – день, который во многих странах избрали как символ международной женской солидарности и отмечают независимо от партийной и классовой принадлежности.

9.2. Франция

Большинство гуманистов, абстрактно решая проблему природы человека с прогрессивных для своего времени позиций, отождествляли гражданина только с мужчиной. По иронии судьбы те, кто был предан идеалам прогресса, равенства и свободы, не замечал связи, существующей между «женским вопросом» и целями прогресса, между господством одной половины человечества над другой, превращая тем самым «всеобщие свободу и равенство в свободу и равенство белых состоятельных мужчин – новой элиты человечества» [10, с. 205, 211, 212]. Так и мыслители французского Просвещения, за редким исключением, оставались в плену сексистских представлений. Ярким примером являются взгляды Ж. Ж. Руссо, продолжающие аристотелевскую традицию утверждения «естественности» женского «предназначения». Правда, Руссо признает двойную (сексуальную и экономическую) зависимость женщин от мужчин, а также, существование женщин, выходящих за рамки этого статуса. Но это означает, по его мнению, лишь то, что женщину нужно лучше готовить к ее роли: если мужчины должны воспитываться «для наслаждения жизнью, то женщины – для послушания». Женское образование по Руссо должно носить семейно-прикладной характер и очень урезанный, в сравнении с мужским. Оно не должно увлекать женщин в ущерб их обязанностям. Аналогичным образом Руссо – радикальный демократ – решительно протестовал не только против участия женщин в политике, но даже против проживания их в больших городах, где, по его мнению, светская жизнь «развращает» их, отвлекая

---

¹ Существует версия, согласно которой этот день избрали в связи с тем, что прусский король Фридрих Вильгельм IV 8 марта 1848 г. перед угрозой вооруженного восстания дал обещание провести реформы, включая предоставление избирательных прав для женщин, но так его и не дал.

от семьи. Исключение в эпоху Просвещения представляют взгляды мыслителя и политического деятеля Мари-Жан Кондорсе, который, исходя из теории естественного права, обосновал идеи универсальности человеческой природы, равенства полов, их подобия и комплиментарности. Кондорсе еще в 1787 г. выступил в защиту избирательного права женщин: они «должны пользоваться активным и пассивным избирательным правом», – писал он в своих «Письмах Нью-гейвенского буржуа одному гражданину Виржинии» [цит. по: 143, с. 6]. А спустя два года в «Общественной газете» в статье «О допущении женщин к избирательным правам» потребовал полного уравнивания прав женщин и мужчин: «Одно из двух: или вообще нет никаких прирожденных человеческих прав, или всякий человек имеет одинаковые права без различий пола, вероисповедания и расы» [451]. В 1789 г. он предоставил в Ассамблею проект «Декларации прав», где в числе прочих предлагал дать женщинам равные с мужчинами избирательные права, но его инициатива была отвергнута.

Начало женского эмансипационного движения во Франции относится к концу XVIII в. К началу революции, несмотря на формальное непризнание, женщины принимали активное участие в жизни общества, масса женщин работала на себя и обладала экономической независимостью. В то время, как простолюдинки свободно посещали публичные места, светские дамы из своих салонов руководили придворной жизнью, диктовали моду не только на платья, но и на идеи. Таковы были знаменитые женские парижские салоны, где бывали энциклопедисты: салон Дюдефан посещал Даламбер, салон Д'Эпине – Дидро и Гримм, салон Жоффрен – Монтескье. В канун и в первые годы революции в общем хоре требований демократических свобод звучали и голоса женщин, добивавшихся признания их прав в гражданской сфере – в форме ли права на труд, права на образование, права на уважение в семье и обществе. Хлынул поток статей, авторских (мадам де Суаси «Женщины, как их следует видеть», мадам де Гакон-Дюфур «Памятка по поводу женского пола») и анонимных брошюр («Крик честной женщины», «Очевидная истина»). Появляются «Протест французских женщин против созыва Генеральных штатов без их участия», «Увещания и вопли французских женщин». В них француженки не противопоставляли себя сильному полу, но обращали внимание на свое бесправие. Женщины не отделяли себя от нации и ждали, что принципы «свободы, равенства, братства» преобразят и их жизнь, ждали признания своей гражданской полноценности. В 1789 г. они подали королю «Петицию женщин третьего сословия», содержавшую требование улучшить их быт. В петициях – «Протест французских женщин» и «Увещание французских женщин» – ставился вопрос о расширении гражданских и политических прав, допущении к выборам в Генеральные Штаты и даже наделения правом проповеди с амвона [143, с. 7–9].

Таким образом, первые концентрированные требования женских прав прозвучали в канун и во время французской революции конца XVIII в., в которой

женщины приняли активное участие. Теруаль де Мерекур была в числе первых ворвавшихся в Бастилию 14 июля 1789 г., она призвала францушек откликнуться на призыв Конвента «Отечество в опасности» и организовать женский батальон для защиты революции. Однако прокурор Парижа Пьер Шоммет выступил с гневной отповедью: «С каких пор женщинам позволено отказываться от своего пола и делаться мужчинами? С каких пор вошло в обыкновение видеть их оставившими скромную заботу о домашнем очаге, оставившими колыбели их детей, чтобы выступать в публичных местах, держать с трибуны речи, вступать в ряды войск, одним словом, выполнять обязанности, которые природа дала в удел одному лишь мужчине? Природа сказала мужчине: будь мужчиной! Скачки, охота, земледелие, политика и усилия всякого рода – твоя привилегия! Она сказала женщине: будь женщиной! Забота о своих детях, мелочи домашнего хозяйства, сладостное беспокойство материнства – вот твоя работа! Глупые женщины, зачем вы хотите сделаться мужчинами? Что нужно вам еще? Во имя природы оставайтесь тем, что вы есть; не завидуйте опасностям нашей бурной жизни и довольствуйтесь тем, что мы забываем их в лоне наших семей, в то время как вы направляете наши взоры на восхитительную картину наших детей, счастливых благодаря вашей нежной заботе» [цит. по: 63, с. 341–342].

Большинство мужчин думало точно так же. Сама республика была против женского равноправия. Главный документ французской революции конца XVIII в. «Декларация прав человека и гражданина» Робеспьера провозгласил: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» [230, с. 26]. Было очевидно, что в общепризнанную категорию «свободных» и «равных» несомненно попадают мужчины, при этом оставалось непонятным, попадают ли в нее женщины. Революционные законодатели сначала придерживались в этом отношении позиции умолчания, а, в конце концов, так и не признали за женщинами права быть включенными в категорию «свободных» и «равных».

Знаменитая писательница Олимпия де Гуж, одна из наиболее активных защитниц интересов женщин в 1791 г. ответила на робеспьеровскую «Декларацию» своей «Декларацией прав женщины и гражданки», ставшей наряду с трактатом М. Уоллстонкрафт одним из первых документов феминизма. В ней она объявляла, что единственной преградой для женщин выступать в качестве полноправного субъекта основных гражданских прав – права на свободу, владение собственностью, сопротивление деспотизму, – является «тирания сильного пола». Законы природы и разума призваны оградить женщину от этой тирании и установить равноправие обоих полов перед законом. В одном из 17 параграфов «Декларации прав женщины и гражданки» она высказала мысль: «Женщина может взойти на эшафот, следовательно, она может взойти и на трибуну» [218]. Первое из этих прав О. де Гуж предоставили. Она, как и многие другие участницы революции, окончила жизнь под топором гильотины.

Все женские союзы в соответствии с решением Конвента 1793 г. были закрыты, а с 1795 г. женщинам запретили посещать сам Конвент, присутствовать на

любых публичных собраниях и вообще собираться в общественных местах. Принятую в 1793 г. конституцию [461], которая базировалась на составленной Робеспьером «Декларации прав человека и гражданина», восприняли как декларацию прав мужчины. Становилось окончательно ясно, что женщины не включены в категорию «свободных» и «равных» граждан. В итоге революция оставила женщин с меньшим числом политических и гражданских прав, чем они имели до ее начала. Это относилось не только к общественной, но и к приватной сфере жизни французов. Известный государственный деятель и философ Ж. Э. Порталис, принимавший активное участие в разработке гражданского кодекса Франции, писал: «Разница в природе между мужем и женой предопределяет разницу в их соответственных правах и обязанностях» [1093, с. 167]. Философия, право, политика умножили усилия, чтобы легитимировать авторитет мужчины – отца и мужа.

Введенный в действие в 1804 г. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) гарантировал для мужа и отца абсолютное превосходство в семье, а жена и мать рассматривались как недееспособные. Если незамужние женщины и вдовы еще могли отвечать по обязанностям, то замужние женщины переставали рассматриваться в качестве способных нести ответственность. Они не могли быть включенными в семейный совет – предпочтительней для этой роли были дальние родственники-мужчины. Кодекс провозглашал: «Муж обязан оказывать покровительство своей жене, жена – послушание мужу <...> Жена обязана жить вместе с мужем и следовать за ним всюду, где он решит находиться» [982, с. 74, 76]. Жена не имела полного права распоряжаться своим имуществом и должна была испрашивать разрешения мужа на совершение имущественных актов. Замужняя женщина не могла выступать свидетелем в делах. Если она оставляла дом мужа, то могла быть возвращена обратно представителями власти и принуждена «исполнять свои обязанности». В случае супружеской неверности жену могли наказать тюремным заключением до двух лет, мужа – только штрафом, притом в единственном случае: если он поселял любовницу в своем доме. Отец один осуществлял родительскую власть над детьми во время брака [982, с. 114–118].

Кодекс Наполеона отдавал приоритет мужчинам и в наследовании имущества. Хотя он предусматривал равное разделение недвижимости между наследниками обоих полов, упразднив, в частности, право первородства, на практике сопротивление этому со стороны семейных советов было довольно сильным. Многие семьи для сохранения собственности неделимой разными путями старались обойти его статьи. Родители, точнее обладавший всем влиянием в семье отец, в течение жизни вступали в различные соглашения и сделки с тем, чтобы сохранять в своих руках семейное владение целым и гарантировать его переход в руки наиболее предпочтительного и способного сына.

Кодекс Наполеона сокращал круг оснований для развода с семи до трех: обвинение в преступлениях, повлекшее за собой лишение гражданских прав; грубое обращение; адюльтер. При этом значительно сокращались права жен-

щин. Если муж мог требовать развода на основании измены со стороны жены, то жена могла потребовать развода только в случае, если муж «держал свою сожительницу в общем доме» [1093, с. 79]. Более того в случае обвинения в измене жена могла подвергнуться наказанию тюрьмой до двух лет в то время, как муж вообще избегал наказания в подобных случаях. Развод по взаимному желанию сохранялся, но со многими ограничениями: муж должен был быть не младше двадцати пяти лет, жена – между двадцати одним и сорока пятью годами; продолжительность брака должна была быть между двумя и двадцатью годами; должно быть родительское согласие на развод. Усложнение правил расторжения брака сократило их количество, пока они вообще не сошли на нет в результате запрета 1816 г. [1093, с. 79].

Таким образом, в XIX в. жизнь француженки оказалась ограниченной частной семейной сферой более, чем когда бы то ни было. Частное пространство «дома» все более ассоциировалось с женщинами. Она превращалась в фигуру хрупкую, нуждающуюся в защите от внешнего мира; ее фигура репрезентировала исключительно сферу частного. Как отражение этого принятый в 1807 г. Торговый кодекс Франции запрещал жене заниматься коммерцией без согласия мужа [939, с. 289]. Водораздел между частным и общественным, женщинами и мужчинами становился все более очерченным. Если, например, в Северной Франции в первой половине столетия женщины еще сохраняли некоторую роль в управлении семейной фирмой, работая в качестве бухгалтеров и секретарей, то во второй половине века они уединились в своих домах, расположенных теперь далеко от предприятия, с которым уже не имели ничего общего.

Революция 1830 г. способствовала возникновению новых женских клубов и тайных обществ. Однако быстрое развитие подобных организаций, стремившихся к возрождению традиций старых революционных клубов, остановил закон от 16 апреля 1834 г., который запрещал все без исключения союзы [143, с. 296].

Новый шанс женщинам могла дать революция 1848 г., упразднившая Орлеанскую монархию. Был снят запрет на деятельность клубов и союзов, благодаря чему только в течение марта месяца в столице открылось более трехсот клубов. Среди них было много женских – «Комитет женских прав», «Союз женщин и женская медицинская школа», «Общество соревнования женщин», «Курс женского социального права», «Клуб женской эмансипации» и др. Центром же феминистского движения было «Общество женского голоса», издававшее в течение нескольких месяцев газету [143, с. 324–325]. Вопрос женских политических прав вновь оказался в повестке дня. В 1848 г. последователь Шарля Фурье философ и экономист Виктор Консидеран предложил конституционной комиссии парламента даровать женщинам равные политические права. В 1851 г. это предложение повторил в Палате депутатов Пьер Леру, но вновь без успеха. Однако важно было начать хотя бы поставить проблему, а дальше, рано или поздно, она нашла бы разрешение, тем более, что голоса в пользу женской эмансипации с каждым годом раздавались все громче. Однако после

государственного переворота, упразднения республики и учреждения в 1852 г. Второй империи во главе с «императором французов» Наполеоном III вопрос о политических правах женщин был снят с повестки дня.

Возникновение в 1870 г., а затем и утверждение Третьей республики во Франции открывало новые перспективы и для борьбы против царившей в отношении женщин дискриминации. В глазах француженок символом несправедливости в отношении женщин был сам Гражданский кодекс Наполеона, который продолжал действовать в стране. Порядка трех десятков его статей открыто дискриминировали женщин. Движение за изменение гражданского законодательства в пользу женщин стало центральным ядром всего женского движения в стране. Возглавили его Мария Дерезм и Леон Рише, которые в 1870 г. основали «Общество за права женщин». Рише был автором книги «Свободная женщина», ставшей своеобразной библией борцов за женскую эмансипацию во Франции. В ней он писал: «Теперь только, как кажется, начинают понимать, что женщина занимает не настоящее свое место, что поприще, предоставленное ей для деятельности, слишком ограничено, что для нее существует высшее назначение, чем жить в невежестве и безусловном подчинении. <...> Женщина есть личность, а как личность, она существо равноправное мужчине.

Никто из нас не в праве отказать ей в средствах для развития ее способностей никто из нас не в праве стеснять ее нравственную свободу, подавлять выражение ее воли, заглушать ее стремления, распоряжаться внутренним чувством, одним словом, препятствовать в чем-либо свободному развитию ее духовных и нравственных начал. Женщина должна быть также и по тому же праву свободна, как и мы, потому что она, также как и мы, существо самоличное, самосознательное, самостоятельное и самоответственное» [831, с. 7, 8–9].

Рише считал, что добиться для женщин каких-либо прав можно только в сотрудничестве с мужчинами-законодателями, известными писателями и общественными деятелями. Первые лоббировали бы проекты в Палате депутатов, а вторые – способствовали изменению общественного мнения относительно гражданских прав женщин. Поэтому примерно половину членов организации составляли мужчины – профессиональные политики и писатели, которые пропагандировали идеи общества на митингах и собраниях, различных конференциях и в газетах. В конце 1871 г. общество направило петицию в Национальное собрание, требуя пересмотра 30 дискриминирующих женщин статей Гражданского кодекса, введения развода и установления равных и абсолютных прав для обоих полов [1101, с. 84]. Л. Рише указывал: «Нравы, не менее чем закон, ставят женщину в подчиненное положение. Везде и во всем она *подчинена*, везде и во всем она является жертвою. Даже до труда, этой высшей необходимости для бедного простирается для нее, горемычной, подчиненность ее пола: неравенство в выборе профессий, неравенство в получении платы за работу. <...> Работа равная, а плата меньше. Сама совесть протестует против этой несправедливости!» [831, с. 505–506].

В 1882 г. Рише основал новую организацию – *«Французскую лигу за права женщин»*. Ее почетным президентом избрали Виктора Гюго. К успехам деятельности «Лиги» можно отнести принятие закона 1884 г., который возвращал право на развод, но только в случаях супружеской неверности, хотя и этот закон закреплял неравное положение мужа и жены. Например, мужа в качестве улики, могли предъявлять найденные у жен компрометирующие письма, но сами жены не могли воспользоваться тем же правом против мужей. Члены «Лиги» добились создания в 1886 г. внепарламентской комиссии по пересмотру в интересах женщин ряда статей Гражданского кодекса в пользу женщин. На рассмотрение комиссии были представлены проекты законов о предоставлении женщинам права выступать свидетелем в публичных делах, о допущении их к участию в семейных советах и об упрощении закона о разводе.

К 1890 г. *«Французская лига за права женщин»* стала одной из наиболее влиятельных во французском феминистском движении, хотя и не считала актуальным предоставление женщинам политических прав. Сам Рише полагал, что француженкам рано предоставлять право голоса, так как основная масса женщин «убежденные клерикалки и реакционерки», и это создало бы угрозу для демократии. Республика не продержалась бы и 6 месяцев, – писал Рише, – если бы женщины голосовали, поскольку «из девяти миллионов совершеннолетних женщин, едва ли только несколько тысяч были бы в состоянии свободно подавать голос, остальные все испросили бы наставления» у своего исповедальника. «Умные, образованные республиканские женщины отлично понимают это положение» [831, с. 359–360]. Эти подходы определяли особенности решения проблемы равноправия полов во Франции. Рише не зря высказывал подобные опасения, так как католическая церковь, потеряв во время революции конца XVIII в. влияние на мужчин, удерживала под своим контролем женщин. Число монастырских школ для девочек было велико. К концу XIX в. членов женских конгрегаций было в 5 раз больше, чем мужских. В провинции, особенно в деревнях, церкви посещали в основном женщины. Семья, как правило, отдавала сына в общественную светскую школу, а дочь – в монастырскую, вследствие чего число мальчиков, посещавших монастырские школы, составляло 440 тыс., а девочек в тех же школах было в несколько раз больше – 1 млн 177 тысяч [387].

После обнародования Львом XIII энциклики *«Rerum novarum»* [829], знаменовавшей собой отказ Католической церкви от дальнейшей конфронтации со светским государством и ее поворот к социальным проблемам общества, сложилась благоприятная ситуация для работы в женской среде посредством создания в разных странах специализированных католических женских организаций, объединившихся на международном уровне во «Всемирную ассоциацию молодых христианских женщин» (1894), «Международную католическую ассоциацию обществ защиты девушек» (1897), «Международный союз женских католических лиг» (1910). Отделения всех организаций появились и активно работали во Франции. Целиком в духе социального католицизма многие

представители женского движения Франции поддерживали идеи о том, что главным направлением деятельности их обществ должна быть филантропия и благотворительность. Однако благотворительные общества и женщины-мecenатки реально могли помочь лишь очень небольшому числу работниц. Более того, вплоть до 1895 г. женщины даже не могли официально занимать административные должности в благотворительных организациях [353, с. 134].

И лишь единицы добивались политических прав для женщин. Среди них – Губертин Оклер, наиболее активная французская суфражистка, утверждавшая, что политические права являются ключевыми для всех других прав женщин. В статье «Француз не значит француженка» она требовала права голоса для женщин, поскольку они также платят налоги. Однако дозволенное мужчинам, не позволялось женщинам. В 1887 г. в полицейском департаменте на нее было заведено дело. В нем полицейским чиновником была сделана следующая запись: «Губертин Оклер, страдающая от сумасшедшая и истерии, болезни, которая заставляет ее смотреть на мужчин как на равных и искать с ними контактов» [1093, с. 165].

Приступая к теме преодоления профессиональной дискриминации, предвзительно следует отметить, что во Франции в 1891 г. женщины составляли 47% всех работающих по найму (11 137 065 мужчин и 5 191 084 женщины) [764, с. 27], в 1902 г. в промышленности трудились 1 888 947, в торговле – 571 079, на канцелярской работе в учреждениях 12 645 женщин [288, с. 49]. Второй момент, заслуживающий быть отмеченным, следующий: перемены в интересах женщин являлись объективным процессом, одинаково присущим и Франции, и Германии, и Великобритании. Закономерность их в этом направлении отмечали общественные деятели: «Прогрессивное развитие общества заключается, между прочим, в том, что интеллигентные профессии – сначала наименее хорошо оплачиваемые – делаются доступными и для женщин средних классов. Указываемое нами явление совершается частью под влиянием гуманитарных соображений, во имя принципа справедливости, частью под влиянием простой необходимости, а именно в виду чрезвычайно быстро растущей потребности общества в интеллигентных работниках, потребности, которой не может удовлетворить наличное число мужчин, обладающих соответствующими знаниями и находящих достаточным существующий в той или иной профессии размер заработка» [612, с. 31].

Важным этапом на пути к феминизации интеллектуального труда стало завоевание права на получение среднего и высшего образования. Во Франции к 1880 г. не было ни одного лица для девочек. После принятия в 1880 г. «Закона о среднем образовании для девушек» [334], по которому правительство при содействии департаментов и коммун брало на себя ответственность по организации средних учебных заведений для девушек, число таких заведений стало быстро расти. Зачисление в них проводилось на основе вступительного экзамена, но программа обучения не преследовала цели подготовки к поступлению в высшее учебное заведение. В 1913 г. действовало 138 женских лицеев;

число обучавшихся в них девочек составило 30% от контингента мужских. В женских лицеях имели право преподавать при наличии соответствующего диплома и мужчины, и женщины. На практике же во главе лицеев были женщины и почти все преподавание в них вплоть до старших классов находилось в их руках [764, с. 60].

В 1868 г. двери для женщин открыл Парижский университет. За ним последовали другие университеты, попасть в которые стремились не только француженки. В Сорбонне слушала лекции выпускница Минской женской гимназии, будущий известный литературный критик З. А. Венгерова. В 1905 г. женщины составляли 5,8% от всех студентов. В 1910 г. женщин в университетах было 4060 (12,5% от всего числа студентов). Из них 1773 иностранки [515, стб. 26]. Учившаяся в Сорбонне, а затем продолжившая работать во Франции Мария Склодовская-Кюри была дважды удостоена Нобелевской премии: по физике в 1903 и химии в 1911 г.

В острых дискуссиях проходила борьба за предоставление женщинам права на адвокатскую деятельность. Один из наиболее решительных противников закона об этом сенатор Гуржю договорился до того, что адвокатская работа самая трудная, а женщин, слабых созданий, надо беречь и ограждать от всяких волнений и чрезмерного напряжения сил. «Видели ли вы когда-нибудь, восклицал он, адвоката после произнесения им длинной защитительной речи? Он дошел до полного изнеможения сил и вынужден принимать самые экстренные меры, чтобы предупредить угрожающее ему воспаление легких?» [367, с. 57]. Таких, как он, «защитников» здоровья женщин при голосовании в Сенате нашлось 34. Большинство, а это были 172 сенатора, однако, проявили здравомыслие и проголосовали в пользу женщин. Так, в 1900 г. после завершения процедуры принятия закона в парламенте женщины получили право на адвокатскую деятельность. Поддерживавший эту реформу министр юстиции Мони говорил в Палате депутатов: «Не следует закрывать женщинам доступ в залы суда под теми предлогами, что там не ее место. Место женщины везде, где надо совершать дела милосердия и проявить любовь к ближнему и следовательно в суде должно быть также отведено место ее деятельности» [367, с. 56]. Ограничение было одно – женщинам не позволили замещать лиц прокурорского надзора и судей. Первой женщиной, записанной в сословие французских адвокатов, стала выпускница Парижского университета, доктор права С. Г. Балаховская-Пети (русская по происхождению). За первые 12 лет действия закона в адвокатуру приняли 25 женщин. Некоторые из них, например, Мария Верон, Елена Миропольская (также русская по происхождению) создали обширную клиентуру.

Женщины составили значительную часть педагогического персонала начальных школ, почти полностью взяли в свои руки преподавание в женских средних школах. Во французских школах 50-процентный рубеж женщины-учителя впервые преодолели в 1891 г. [998, с. 295]. Закон от 17 февраля 1880 г. предусмотрел избрание женщин на должности руководителей народных училищ,

старших инспектрис и инспектрис приютов. Закон от 23 января 1898 г. включил женщин, занимавшихся торговлей, в число выборщиков торговых судов.

В начале XX в. различные феминистские, филантропические и протестантские женские общества объединились в общенациональные организации [728, с. 52]. Число членов образованного в 1901 г. *«Национального Совета французских женщин»* к 1914 г. выросло до 100 тыс. человек. В 1909 г. начал действовать *«Союз борьбы за женское избирательное право»*, который объединил 12 тыс. женщин. Участники этих организаций рекрутировались из числа представительниц среднего класса. Попытки объединения с движением работниц не имели успеха. Специфика социальной базы женского движения обусловила характер его целей, не выходящих за пределы реформ в рамках существовавшего строя. Обе организации выдвигали сходные требования: полное правовое уравнивание полов; интеграция женщин в общественную жизнь и допущение их на государственные должности наравне с мужчинами; принятие обществом единой морали для обоих полов; интеллектуальное развитие женщин и создание одинаковых программ обучения для мальчиков и девочек; свободный доступ женщин ко всем профессиям и введение равной оплаты за одинаковый труд; участие женщин в муниципальных выборах.

Тем не менее и в рядах феминисток было много тех, кто не разделял безоговорочно требование всеобщего избирательного права для женщин. В 1913 г. свою кандидатуру на пост президента Франции выдвинула Мари Денизард. Это событие феминистки расценили как принципиально важный шаг на пути к женской эмансипации. Но сама Денизард была далека от идеи полного равенства женщин и мужчин. В своей программе она заявляла: *«Французские женщины — вдовы, незамужние, разведенные, если они совершеннолетние, — должны быть избирательницами и быть избираемыми во все законодательные собрания республики на одинаковых правах с мужчинами, занимать 70 мест в парламенте в силу их 4-х миллионов голосов и 430 миллионов платимых ими налогов. Замужние должны быть избирательницами и быть избираемыми во все законодательные собрания республики вместо своих мужей, не воспользовавшихся этим правом вследствие заявленного ими отказа или вследствие болезни или отсутствия»* [цит. по: 515, стб. 28].

Подобный ограничительный подход к защите женских прав проявлялся и в других сферах. Многие даже боролись против законодательной охраны женского труда и запрещения ночной работы, имея в виду, что это уменьшило бы шансы женщин в конкуренции с мужчинами.

Женское движение стало одним из факторов общественной жизни Франции. Однако вплоть до начала XX в. защитники женской эмансипации не ставили под сомнение существующую гендерную систему, а лишь хотели в ее рамках расширить права женщины, обеспечив ей юридическую защиту путем реформирования законодательства. Основой различия между полами объявлялось моральное превосходство женщин, из которого следовало, что решение женского вопроса повлечет за собой положительные изменения в нравствен-

ном климате общества. Многие аспекты реформирования гражданского законодательства, изменения системы образования и условий труда женщин во Франции были воплощены в жизнь. Но идея наделения женщин политическими правами не получила здесь такой поддержки, как в других европейских странах. Женские организации действовали, в основном, в Париже или в центрах крупных промышленных департаментов. Именно в них происходили перемены во взглядах на «женский вопрос». Остальные области страны по-прежнему придерживались традиционных патриархальных взглядов на женщину и ее роль в обществе и семье. Провинция воспринимала женское движение как опасное для прочности семьи и традиционных устоев.

Консервативность основной массы женщин и их приверженность католицизму привели к тому, что ни одна политическая партия, за исключением социалистической, не принимала женщин в свои ряды и не стремилась к распространению на них избирательного права. Наиболее последовательными противниками предоставления женщинам избирательных прав были радикалы, считавшие женщин слишком консервативным и религиозным элементом. А поскольку с 1900-х годов партия радикалов и радикал-социалистов имела большинство мест в парламенте и вела активную борьбу против клерикализма, идея всеобщего избирательного права в рассматриваемый период не имела шансов стать реальностью. Выше сказанное в немалой степени объясняет, почему француженки получили политические права значительно позже, чем в большинстве стран Европы, – только в 1944 г.

9.3. Германия

В немецких государствах эпохи Германского союза, а после и в кайзеровской Германии женщины были бесправны политически и социально зависимы сначала от отца, а после вступления в брак от мужа. Традиционное понимание сферы деятельности для женщин воплощалось в классической формуле: «Kinder» – дети, «Küche» – кухня, «Kirche» – церковь. Для замужних дам из среднего, не говоря о высшем слое, работа за плату считалась несоответствующей статусу.

Тем не менее и в германских землях под влиянием промышленной и аграрной революции росло участие женщин в разных видах трудовой деятельности. К 1882 г. в стране насчитывалось 4 462 386 работниц и служащих, в 1895 г. – 6 578 350, в 1907 г. – 8 295 288 [855, с. 53, 56; 764, с. 27]. Трудовая деятельность женщин протекала в качестве работниц фабрик и ремесленных производств (в 1907 г. – 1 625 634 женщины); сельскохозяйственных работниц (в 1907 г. – 4 270 752 женщины); работниц путей сообщения и торговли (в 1907 г. – 684 732 женщины); компаньенок, сиделок, гувернанток, учительниц [855, с. 53, 56]. В отношении самой многочисленной группы – сельскохозяйственных работниц – вопрос о социальном статусе, повышении профессионального и образовательного уровня даже не рассматривался. Считалось достаточным добиться улучшения

условий труда (повышения оплаты труда, сокращения рабочего времени) лишь женщин на фабриках.

Игнорирование проблемы положения женщин в аграрном секторе объясняется самой спецификой социально-экономического развития страны. В отличие от Франции и Англии, где крестьяне пользовались личной свободой с XIV–XV вв., в государствах Германии ликвидация личной зависимости крестьян от помещиков произошла только на рубеже XVIII–XIX вв. Например, в Бадене она завершилась в 1783 г., в Пруссии – в 1807 г., в Баварии – в 1808 г., в Гессене – в 1811 г., в Вюртемберге – в 1818 г. Экономическая свобода была дана крестьянам еще позже. В Пруссии имевшие лошадей крестьяне в 1821 г., а затем все остальные крестьяне только в 1850 г. получили право выкупать свои повинности. В Пруссии работа наемных работников в крупных хозяйствах регламентировалась «Законом о челяди», который действовал с некоторыми изменениями с 1810 г. по декабрь 1918 г. Он не разрешал работнику покидать без разрешения хозяина место жительства, запрещал ассоциации, забастовки, не предусматривал материального обеспечения по болезни и старости, не определял минимум заработной платы, продолжительность рабочего дня и перерывов для отдыха. За любые возражения, которые могли «привести в ярость хозяина», батрак мог быть подвергнут «незначительным побоям», но обратиться в суд с жалобой на действия хозяина не имел права. В условиях подобного массового бесправия сельскохозяйственных рабочих вопрос об отдельных правах женщин, естественно, не возникал.

Поэтому общественное мнение в определенной мере было озабочено только тем, как помочь в обеспечении приемлемой работой городских женщин из «низших» классов и создать для них определенные гарантии социальной безопасности. И уже в конце XVIII в. появились проекты обучения девушек. Педагог и основатель воспитательных учреждений интернатного типа Иоганн Бернхард Базедов в изданной 1780 г. книге предлагал не имеющим состояния родителям воспитывать и обучать некрасивых дочерей (о том, что и красивые девушки должны иметь возможность найти себя вне семьи, стали говорить потом¹) не только с расчетом на брак, но и с перспективой находить заработок в качестве учительниц и компаньенок.

Идеи педагога нашли последователей. Карл Фребель основал в 1849 г. высшую школу для женщин, а когда ее спустя 2 года закрыли, попытался привлечь женщин к работе воспитательницами в детских садах. Но детские сады показались властям опасными, и в 1851 г. их распустили: попытка найти новую сферу приложения женского труда провалилась. Правительство и местные власти чрезвычайно негативно относились к подобным инициативам, пресекали попытки организовать школы и курсы для девушек. В порядке исключения разрешили действовать лишь основанному в 1868 г. англичанкой Арчер

---

¹ В частности, активным борцом за права женщин была писательница и феминистка Фанни Левальд, требовавшая неограниченных возможностей для женского образования и профессиональной деятельности [см.: 1047].

Лицею Виктории. Ему дали возможность подготавливать женщин к должности учительницы, но в то же время ограничили в правах: окончившие лицей должны были сдать экзамен в особой комиссии. В 1891 г. Рейхстаг отказался рассматривать петицию о допущении женщин к медицинской профессии, подписанную 50 тыс. женщин. Даже в 1898 г., когда города Мюнхен и Бреславль пожелали открыть самостоятельные женские гимназии, им в этом отказали. Идеологическую основу политики запрета женского образования и профессиональной деятельности сформулировала программа прусской Консервативной партии. В ней говорилось: «Каждая девушка учится только у того мужчины, которого она любит, и учится тому и в том размере, что и сколько любимый человек хочет иметь в отраду своей любви <...> каждый мужчина, который в своей верности долгу и воодушевления встречается девушке, даже если он ее не замечает, действует на нее гораздо образовательнее, чем все прославленные писатели Германии, вместе взятые» [цит. по: 515, стб. 18].

Процитированный фрагмент партийной программы прусских консерваторов полностью созвучен тому, что писал знаменитый немецкий философ А. Шопенгауэр о женщинах: «Женщина не призвана для великих задач. Свойственная ее природе особенность – не действие, а страдание. Свой долг жизни она уплачивает родовыми болями, заботой о детях, подчинением мужу. Сильнейшие обнаружения жизненной силы и чувства для нее не существуют; ее жизнь должна проходить тише и незаметнее жизни мужчин. Она призвана ухаживать за детьми и быть их воспитательницей, так как она сама детски настроена, в течение своей жизни остается большим ребенком, чем-то средним между дитятей и мужчиной, который и есть единственно человек. Девушка должна быть воспитана для домашней жизни и для подчинения» [цит. по: 96, № 4, с. 226].

В силу того, что в Германии консервативное представление о гендерных ролях в обществе было распространено шире, чем в других странах, в последние десятилетия XIX в. движение женщин даже в вопросе профессионального образования не преодолело укоренившуюся альтернативу – «карьера или замужество». Модель семьи с мужем-кормильцем и женой-хранительницей домашнего очага рассматривали в качестве идеала большинство женщин как из буржуазных слоев, так и из рабочего класса. Принятое в 1900 г. «Германское гражданское уложение» закрепляло принцип главенства мужа в семейных делах. Жена была обязана проживать по месту жительства мужа, носить фамилию мужа, вести домашнее хозяйство и работать на семейном предприятии. Все имущество жены, в том числе полученное в виде приданного и полученное в браке, находилось под управлением мужа. Все решения в отношении совместной жизни супругов мог принимать только муж. Интересы ребенка мог представлять только отец, и у него оставались все права на ребенка в случае расторжения брака. Мать внебрачного ребенка должна была заботиться о нем, но не имела над ним родительской власти и не могла представлять его интересы [207, с. 271–404].

Германские власти чинили препятствия женскому образованию. Отношение к среднему женскому образованию длительное время оставалось негативным. К началу XIX в. на всей территории Германии действовало только 6 женских гимназий. Складывание относительно разветвленной сети женских средних школ относится к последней четверти XIX в. Женские гимназии в статусе средних учебных заведений в Саксонии были созданы в 1875 г., в Гессене и Брауншвейге в 1876 г., в Вюртемберге и Бадене в 1877 г. Прусское правительство, отвергая идеи женской эмансипации, официально признало женские гимназии, регламентировав их деятельность, лишь в 1894 г. Но и при этом в 1896 г. во всех государствах Германской империи имелось только 196 государственных и муниципальных женских гимназий: в Пруссии 128 и в остальных землях – 68. Из них государство в Пруссии основало 4, а в остальных государствах – 13. Остальные открыли и содержали городские власти [614, с. 27–28]. Прусский министр народного просвещения, выступая в 1902 г. перед ландтагом, заявил, имея в виду женщин: «Различия между мужчиной и женщиной, указанные природой и развитые культурой, могут пострадать от посещения гимназий и университетов» [цит. по: 63, с. 319]. Средние женские школы рассматривались как заключительный этап обучения будущих жен и матерей, в связи с чем ориентировались на урезанное – сравнительно с мужским – образование и не давали возможности поступить в университет.

Явный недостаток женских средних учебных заведений и возrastавшая общественная потребность в них привели к быстрому развитию сети частных женских гимназий. В начале XX в. в Пруссии их было в 3 раза больше, чем государственных и муниципальных, от последних по срокам обучения и учебным планам женские гимназии не отличались. Женские гимназии не были связаны с начальными народными школами, т. е. ученицы в 9 лет поступали непосредственно в гимназию и учились в ней 9–10 лет. Содержание обучения значительно отличалось от принятого в мужских гимназиях и реальных училищах: не было классических языков, зато предусматривались английский и французский, на естественные науки выделялось меньше времени, но много внимания уделялось домоводству, пению, гимнастике. Предусматривались дополнительные классы для девушек, желавших продолжить гимназическое образование. Наряду с ними при многих женских гимназиях действовали педагогические курсы, готовившие учительниц начальных народных школ и даже женских гимназий.

Среднее женское образование было реформировано в 1908 г., вследствие чего началось создание женских лицеев и гимназий, дававших аттестат зрелости и право на университетское образование. К 1910 г. в средних школах страны учились 250 тысяч девочек.

Развитие женского среднего образования не только открыло возможность учительской деятельности, но и позволило добиться права поступления в германские университеты: Гейдельбергский университет в Бадене впервые принял женщин на правах вольнослушательниц в 1891 г., а в качестве полноправ-

ных студенток – в 1901 г. В университетах Бадена возможность зачисления в состав действительных студентов для женщин предусматривалась в виде особого случая, и университеты оставляли за собой право отменить это решение, если сочтут нужным [287, с. 47–48]. Берлинский университет с 1895 г. зачислял вольнослушательниц, а Бреславльский, Боннский, Фрейбургский, Геттингенский, Галльский – в статусе так называемых «гостей». Вплоть до начала XX в. большинство высших школ допускало женщин на факультеты в качестве вольнослушательниц, но при условии, что профессор не возражает против того, чтобы его лекции слушали женщины. В некоторых университетах женщины совершенно не допускались на те или иные лекции. Только в Вюртемберге университеты не ставили никаких ограничений женщинам, желавшим учиться, и требовали от них соблюдения тех же условий для зачисления в действительные студенты, что и от мужчин. В 1908 г. женщины получили возможность поступать в качестве полноправных студентов во все университеты: на всю страну в этот год насчитывалось 1077 студенток [63, с. 322]. В 1911 г. на 57 230 мужчин-студентов приходилось 2 552 женщины (4,4%), в числе которых германских подданных было только 2100. Подавляющее большинство из них изучали философию, филологию, историю и медицинские специальности, меньше – сельскохозяйственные науки, право, совсем мало (6 человек) – евангелическую теологию [515, стб. 19].

Некоторые слушательницы проявили выдающиеся интеллектуальные способности и упорство на пути достижения цели к получению научных званий, что в условиях того времени было сродни подвигу. Среди них были и уроженцы Беларуси. Родившаяся в Дубровно Витебской губернии А. П. Тумаркина училась в Берлинском университете, затем в Бернском университете в 1895 г. защитила на звание доктора философии диссертацию по сравнительному анализу трудов Гердера и Канта, получила в нем должность приват-доцента, став первой в Европе женщиной – преподавателем философии. Уроженка Березино Минской губернии С. С. Рабинович-Марголина изучала философию и политэкономии при политехникуме в Карлсруэ, а также в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. В последнем в 1902 г. защитила диссертацию, в основе которой лежало статистическое обследование еврейских рабочих организаций Могилёва. Выпускница витебской гимназии Л. Бессмертная (по мужу Л. Шварц) слушала лекции в Лейпцигском, Галльском, Цюрихском и Берлинском университетах, где в 1907 г. была удостоена степени доктора медицины, став первой русской женщиной-врачом, выдержавшей экзамен [76].

Допуск к университетскому образованию отнюдь не означал возможность получить работу по избранной специальности. Съезд врачей в Висбадене, состоявшийся в 1898 г., принял резолюцию против зачисления женщин на медицинские должности. В 1899 г. конгресс зубных врачей отказался поддержать просьбу женщины-врача о приеме на службу. Врачи г. Галле печатно заявили о недопущении женщин к клинической практике «во имя приличия и нравственности» [515, стб. 19]. Женщинам с медицинским образованием оставалась

лишь одна возможность — заниматься частной практикой. Медицинское сообщество стало более лояльно относиться к женщинам-врачам лишь после того, как им предоставили право держать государственный экзамен.

Расширялось женское участие в журналистике. В 1905 г. 43% всех немецких газет имели постоянных или временных сотрудниц, занятых в различных отделах: художественном (1,5%), политическом (3,5%), домашнего хозяйства (4,5%), литературно-историческом (3%), мод (7,5%), научном (8,5%), художественной критики (10%), педагогическом (10%), социальной политики (18,5%), изящной литературы (27%), корреспондентском (4%) [364, с. 99–100].

Несмотря на инспирировавшееся властями негативное общественное мнение и их прямое нежелание широко допускать женщин к работе, выходившей за рамки рабочих профессий, женщины постепенно отвоевывали одну профессиональную сферу за другой. Наибольшего продвижения они достигли в народном образовании. В 1882 г. должности учителей и высшего персонала школ занимали 122 894 мужчины и 45 046 женщин, в 1907 г. в качестве учительниц и воспитательниц трудилось около 100 000 женщин [855, с. 56]. В 1872–1873 гг. женщины были допущены к службе на железной дороге, почте и телеграфе. В 1890-х гг. на железных дорогах работали 67 152 мужчины и 1302 женщины. В почтово-телеграфных учреждениях были заняты 170 445 мужчин и 1012 женщин [96, № 4, с. 163]. В 1908 г. впервые в истории Германии женщина была допущена к преподаванию в Коммерческой академии в Маннгейме.

Протест против государственной политики ограничения женского образования, без которого была невозможна профессиональная деятельность, вызвал появление общественных организаций. Их целью было содействие расширению областей применения женского труда. Инициатором женского движения выступила Луиза Отто Петерс, известная изданием в 1848 г. первого женского журнала и активной борьбой за права женщин. В 1865 г. она созвала конференцию в Лейпциге, которая провозгласила создание *Всеобщего Германского женского союза*. Это была первая общенациональная женская организация, в рамках которой женщины начали добиваться своих эмансипационных целей. Союз в своей программе выступил в защиту права на труд для женщин, провозгласив, что «труд является обязанностью и честью для женщин». Его целью было «всеми силами содействовать высшему образованию женщин и освобождению женского труда от всех препятствий» [192, с. 45]. Политическую деятельность *Всеобщий Германский женский союз* ограничивал петициями в Рейхстаг с просьбами об улучшении женского среднего образования, допущении женщин в университеты и к службе в почтовом ведомстве и на телеграфе, расширении их гражданских прав. *Всеобщий Германский женский союз* пытался предпринять практические действия: в 1883 г. решил «оказать нравственное воздействие на фабрикантов, а также обязать женщин, принадлежащих к союзу, не покупать товаров в тех магазинах, где продавщицы получают низкую заработную плату» [515, стб. 19–20]. Но социальное поле *Всеобщего Германского женского союза* было достаточно ограниченным, по составу ис-

ключительно женским. Полагали, что женщины сами в состоянии помочь себе в достижении прогресса и самостоятельности. Мужчины в этом союзе не участвовали, допускались лишь в качестве почетных членов. Вскоре *Союз* превратился в организацию женщин из среднего класса, которых интересовали только собственные интересы. В течение десятилетий *Всеобщий Германский женский союз* олицетворял собой немецкое женское движение. Особо значимых результатов *Всеобщий Германский женский союз* не добился. Само движение в тот период имело консервативный характер и приветствовало утверждение политического авторитаризма в стране.

Негативное отношение *Всеобщего Германского женского союза* к участию мужчин вовсе не было показателем неверия в приверженность хотя бы определенной части мужчин идеям женского равноправия. Один из виднейших социальных реформаторов Вильгельм Адольф Летте, известный созданием *Центрального союза попечения о трудящихся классах*, учредил в Берлине *Общество поощрения промышленной способности женщин*. Впоследствии в память об основателе его переименовали в *Общество Летте для поощрения высшего образования и промышленной способности женщин (Летте-ферейн)*. *Общество Летте* исходило из принципа, что защита женских интересов, как дело гуманности и цивилизации, есть предназначение не только женщин, но и долг мужчин. Ставилось несколько конкретных задач, решение которых должно было облегчить «встраивание» женщин в самостоятельную трудовую деятельность. Это устройство специальных школ для подготовки к коммерческой и ремесленной деятельности, консультирование по вопросам выбора работы, посредничество между работницами и работодателями, устройство выставок и базаров для сбыта произведенных женщинами изделий, устройство особых приютов, в которых женщины могли бы находить стол и квартиру в случаях моральных притеснений и экономической эксплуатации.

Общество Летте обеспечило сбор членских взносов и пожертвований, которые позволили приобрести в Берлине 3 дома под свои учреждения, открыть несколько учебных учреждений. В двухлетнем коммерческом училище преподавали географию и историю, немецкий, французский и английский языки, специальные предметы, касающиеся торговли и промыслов. Среди них технология ремесленного производства, товароведение, бухгалтерия и счетоводство. Учащиеся получали стипендии. Диплом училища считался престижным и обеспечивал место в коммерческих учреждениях. Еще одним типом учебных заведений *Общества Летте* была профессиональная школа с сетью отделений, все они давали навыки по определенной профессии: кройка и шитье, рукоделие (вышивание шелком, серебром, золотом, плетение тонких кружев и т. п.), промышленное рисование на фарфоре, подготовка учительниц рисования для элементарных школ. В 1890 г. в училище и профессиональной школе занимались 1716 учениц [96, № 4, с. 159].

Заслугой *Общества Летте* стало учреждение годичных и полугодовых профессиональных школ на базе специально созданных собственных пред-

приятый. Одним из них была типография, при которой действовала школа для наборщиц. Выпускницы находили работу в других типографиях с заработной платой от 18 до 36 марок в неделю [96, № 4, с. 159]. При фотографическом ателье работала школа с преподаванием предметов, связанных с фотографическим ремеслом. При поддержке прусского правительства организовали школу телеграфисток, подготовили 105 человек, но затем почтово-телеграфное ведомство прекратило финансирование под предлогом достаточности имевшегося подготовленного персонала. Истинной причиной было убеждение чиновников, что женщины неспособны к этой службе.

При создании *Общество Лемте* ориентировалось на женщин из среднего класса и не ставило целью оказание помощи женщинам из рабочих семей. Со временем взгляды изменились, и в сферу деятельности включили работниц неквалифицированного труда. Посредническое бюро по приисканию вакансий, которое раньше обслуживало только «интеллигентных» тружениц, распространило деятельность на женщин, подыскивавших места служанок, прачек, гладильщиц и тому подобных рабочих мест. Для них тоже открыли профессиональные школы: кулинарную при ресторане, прачечную и гладильную при соответствующем заведении. Была и платная, за 400 марок в год, школа домоводства. Все эти учебные заведения работали на самоокупаемости, не добивались повышения интеллектуального уровня или политической сознательности, но стремились лишь к улучшению материального положения тружениц.

Появились первые женские профессиональные союзы. В 1889 г. Хелен Ланге, Мария Лепер-Гуссель и Августа Шмидт организовали *Всеобщий немецкий союз учительниц*. Возглавила его Ланге, отметившаяся к этому времени учреждением в Берлине курсов реальных наук для женщин (1889). *Общество для женщин, служащих в торговых учреждениях* включало как самих работниц, так и предпринимателей. Эта организация объединила 30 тыс. женщин. *Общество* давало своим членам коммерческое образование, налаживало общеобразовательные курсы, устраивало библиотеки и самодеятельные театры, помогало в определении на дачные квартиры, создало бюро по приисканию вакантных мест. В 1894 г. Матильда Вебер создала союз, в который вошли компаньонки, помощницы, экономки, гувернантки и воспитательницы детских садов. Остальные категории домашней прислуги вошли в отдельный союз. В Мюнхене действовал союз кельнерш.

В 1890 г. пост председателя *Всеобщего Германского женского союза* заняла Хелен Ланге. Тогда же была принята программа *Союза*. В ней заявлялось, что «женское движение стремится «достигнуть реформы взглядов и положений» в области образования, профессиональной жизни, брака и семьи, «публичной жизни в общине и государстве» [787, с. 143–144]. В частности, выдвигалось требование неограниченного допущения «соответственно подготовленных женщин во все научные, технические и художественные высшие школы», расширения «области женских профессий посредством усиления и улучшения специальной подготовки девушек», организации «государствен-

ного страхования в смысле большей экономической защиты матери», проведения «реформы законов о браке, благодаря которой обоим супругам было бы обеспечено одинаковое право решения во всех делах», а также «привлечение женщин к представительству частных лиц в суде», «устранение ограничений права союзов для женщин», участие женщин в церковном и политическом «избирательном праве» [787, с. 146, 147].

Сама Ланге обобщила свои взгляды на проблемы женщин в работе «Женский вопрос в его современной постановке», переведенной и изданной в России, где проблема женских прав стояла так же остро. Завершая ее, она отмечала: «Право голоса для женщины может устранить ту половинчатость и произвол, с какими перед женщиной то открываются, то запираются двери в широкую жизнь. Чем глубже мы проникнемся сознанием, как много важного в современном кризисе поставлено на карту для самой женщины, для семьи, для государственного целого, тем решительнее должны мы будем стремиться к тому, чтобы женщине были даны все средства охранить себя в этом кризисе от недобровольной утраты части своего жизненного поприща и от потери своего духовно-нравственного влияния. Только вполне обладая этими средствами, сумеет она укрепнуть для тех новых и более трудных жизненных задач, какие теперь поставлены перед ней, и в осуществлении их подарит обществу столько же, даже больше, чем она дарила старой, более цельной, но и стесненной сфере семейственности. Ибо то, что она даст тогда, она даст как свободная, самоопределяющаяся личность» [526, с. 138].

Всеобщий Германский женский союз под руководством Ланге вел активную работу, обращаясь с петициями в ландтаги и правительства германских земель с требованиями как экономического (установления перерывов в работе на завтрак, обед и ужин, введения фабричных инспектрис, распространения охраны труда на домашнюю промышленность), так и политического (распространения на женщин активного и пассивного избирательного права при выборах в промышленные третейские суды, введения одинакового с мужчинами права союзов, предоставления равных избирательных прав для женщин и мужчин) характера. В 1894 г. *Всеобщий Германский женский союз* объединил все существовавшие на то время немецкие женские союзы, кроме социалистических, в *Союз Германских женских организаций*. Он собрал в своих рядах свыше 2 тыс. женских организаций [229, с. 175].

Постепенно либерально-буржуазное женское движение все больше концентрировалось на проблеме политических прав женщин. Дело в том, что лишение женщин избирательных прав не было нормативно закреплено. Почти во всех немецких государствах устанавливалось, что все граждане страны, отвечающие определенным требованиям, а женщины наравне с мужчинами наделялись и правом гражданства. Как отмечает Ю. А. Боков, женщины «имеют право участвовать и в выборах органов власти. Однако исключение женщин из числа лиц, имеющих право голоса, считалось естественным и не нуждалось в законодательном установлении. Таким образом, исторически сложившийся

обычай был источником права, имеющим более высокую юридическую силу, чем норма права» [91]. В некоторых государствах (Бавария, Саксония) такое исключение было закреплено законодательно. В отдельных государствах женщины все же получали активное избирательное право, «ибо право участия в выборах напрямую связывалось с наличием определенного имущества, и поэтому независимо от пола собственник наделялся правом голоса. Так, в Гогенцоллерн-Зигмарингене разведенным женщинам предоставлялось право участия в формировании представительных органов через своих сыновей. В Саксонии-Веймаре-Айзенахе и Брауншвейге женщины могли воспользоваться избирательными правами через своих мужей или представителей. Аналогичные права предоставлялись женщинам Саксонии-Кобурга, Саксонии-Майнинген, Шварцбург-Рудольштадта, Шварцбург-Зондерхаузена и пр.» [91].

Благодаря усилиям женских организаций вопрос о женском избирательном праве даже достиг Рейхстага, где впервые в 1891 г. был обсужден. Тем не менее такие государства Германской империи, как Пруссия, Бавария, Брауншвейг и ряд других, не только отказывали женщинам в политических правах, но и лишали возможности бороться за них.

Прусский высший административный суд в 1901 г. решил, что женщины не могут принимать участие даже в празднествах политических обществ. Министр внутренних дел этой страны в 1902 г. заявил, что готов разрешить женщинам присутствовать на собраниях, если они, подобно еврейским женщинам в синагогах, будут находиться в особой части зала. Прусский *Закон о союзах* установил, что «Союзы, имеющие целью заниматься на собраниях обсуждением политических вопросов, не могут принимать в среду своих членов женщин, школьников и учеников <...> Женщины, школьники и ученики не должны присутствовать на собраниях и заседаниях таких политических обществ» [216, с. 2]. На таком фоне широкий резонанс вызвало приглашение, полученное доктором права Анитой Аугсбург, выступить на собрании *Свободомыслящей народной партии* в Кеннигсберге с критикой нового таможенного законопроекта [288, с. 47]. Это был первый случай обращения к женщине с предложением выступить в качестве официального политического оратора партии.

В то же время своеобразие прусских законов о союзах и собраниях состояло в том, что политические ограничения женщин во время парламентских выборов теряли силу. С момента издания императорского указа о новых выборах и до окончания перебаллотировок политические общества и собрания не подлежали ограничениям. Это относилось и к женщинам, которые могли созывать собрания, учреждать избирательные союзы, вести агитационную работу. Начиная с 1902 г. организацию борьбы за предоставление женщинам права голоса берет на себя *Германский женский суфражистский союз*.

1908 год стал особенным для немецких женщин. Как уже говорилось, в этот год началось создание женских лицеев и гимназий, дававших аттестат зрелости и право на университетское образование, женщины получили возможность поступать в качестве полноправных студентов в университеты. Более того,

в этом же году имперским «Законом о союзах» был отменен запрет на участие женщин в политических партиях и собраниях [381]. В связи с этим политическая деятельность феминистских организаций оживилась. К 1912 г. *Всеобщий Германский женский союз* объединил 46 провинциальных и 266 отдельно функционировавших союзов, в своем составе они имели 500 тыс. членов [515, ст. 21]. В 1912 г. по его инициативе состоялся первый общегерманский женский конгресс. В стране женский вопрос стал одним из центральных пунктов общественной повестки.

Более того, благодаря отмене запрета на участие женщин в политических партиях и собраниях к 1912 г. численность женщин в социал-демократической партии достигла 100 тысяч [925, с. 329]. В ходе парламентских выборов 1912 г. партия, включившая в свою Эрфуртскую программу требование отмены «всех законов, ущемляющих права женщин в публично- и частноправовом отношении по сравнению с мужчиной», получила в Рейхстаге 110 мест (31%) [827, с. 270]. Благодаря в том числе и этому обстоятельству обсуждение женского вопроса, в котором участвовали представители всех партий, начиная от социал-демократов и заканчивая консерваторами, состоялось в самом Рейхстаге. Как отмечал берлинский корреспондент «Вестника Европы», «все ораторы говорили о женском движении в тоне глубокого уважения, почти заискивающе. Еще лет десять назад над женским движением посмеивались; теперь же все понимают, что оно представляет собою крупную общественную силу, и никому из ораторов не хотелось бы восстановить против себя его руководительниц. Речи в рейхстаге показали, что женское движение стало в Германии общепризнанным общественным фактором, с которым должны считаться и считаются все политические элементы страны, не только партийные, но и правительственные» [925, с. 325].

Тем не менее, несмотря на некоторый подъем перед Первой мировой войной, в политической сфере женское движение, не будучи единым по главному вопросу о всеобщем избирательном праве, результатов не добилося: вместе с разразившейся войной немецкий феминизм вступил в период глубокой депрессии. Должна была пасть сама Германская империя, чтобы требование политических прав женщин смогло реализоваться.

После Ноябрьской революции 1918 г. постановление о выборах в законодательное собрание от 30 ноября 1918 г. предоставило женщинам избирательные права, которыми они впервые воспользовались на выборах в органы власти Веймарской республики в 1919 г. Однако и после этого долгое время печатались раздельные избирательные бюллетени — «для женщин» и «для мужчин».

9.4. Великобритания

Преодоление профессиональной дискриминации. В Англии еще в конце XVII в. Мэри Эстелл в ряде сочинений пропагандировала необходимость образования для женщин. Она доказывала, что обучение в том виде, в каком оно существует, служит интересам мужчин для поддержания их превосходства. Она протестовала против унижительного положения женщин, требовала пре-

доставления им возможности получать образование, чтобы они «могли выполнять более важные обязанности, чем служить забавой для своих повелителей» [1097, с. 15]. Наиболее полно требования женских прав сформулировала Мэри Уоллстонкрафт. Ее основной труд «В защиту прав женщины» (1789), впервые опубликованный в 1792 г., в течение XIX столетия выдержал в Англии 6 изданий. Уоллстонкрафт подробно описала состояние невежества и рабской покорности, на которое в силу социальных предрассудков и системы воспитания были обречены женщины. Уоллстонкрафт верила, что принципы Просвещения должны быть в равной степени применимы и к мужчинам, и к женщинам. Уоллстонкрафт утверждала, что условиями изменения положения женщины в обществе являются как совместное обучение и воспитание обоих полов в духе Просвещения, так и обеспечение экономической независимости женщин. Уоллстонкрафт доказывала, что женщины поработены извращенным процессом социализации, который задерживает развитие их интеллекта и учит подчиняться мужчинам. Ее либеральные, эгалитарные идеи легли в основу многих современных политических программ как, например, требование равных прав и возможностей для женщин. Эгалитарные идеи постепенно пробились себе дорогу. Так, более чем через полвека после появления труда Уоллстонкрафт женщины в 1856 г. собрали около 30 тыс. подписей под петициями с требованиями расширения их прав, включая доступность профессиональной деятельности, университетов и отмену законодательного подчинения мужьям в имущественном отношении [812, с. 67].

В Великобритании расширению масштабов применения женского труда способствовали объективные обстоятельства. В 1851 г. в Великобритании насчитывалось 6 млн женщин в возрасте более 20 лет, около 2 млн из них жили собственным трудом [816, с. 98]. Во многом это было следствием того, что замужество для женщин зачастую становилось недостижимым из-за высокой мужской смертности и массовой эмиграции мужчин брачного возраста. В 1870 г. из каждой 1000 женщин в возрасте от 20 до 25 лет 652 оставались незамужними, а к 1901 г. эта цифра возросла до 726. Кроме того, средний возраст вступления в брак повысился до 25–30 лет [689, с. 158]. Длительность ожидания собственной семьи и неопределенность брачной перспективы стимулировала стремление к поиску независимых от родителей средств существования. Женщины начали активно внедряться в трудовую сферу. Казалось, в лучшем положении должны были оказаться выходцы из рабочих семей, претендовавших в силу семейной традиции на производительный труд. На деле все было сложнее. Известная в свое время писательница Гарриет Мартино в 1859 г. опубликовала статью, в которой приводила примеры дискриминации женщин. В Стаффордшире, где женщины занимались живописью на фаянсе, их заставляли работать без подставки, на которую опирается рука, чтобы работа их не была так совершенна, как мужская. Часовой мастер, жена которого стала заниматься гравированием металлических крышек для часов, получил предостережение, что будет лишен места, если жена будет продолжать заниматься мужским

промыслом [816, с. 98]. Однако постепенно подобный дискриминационный подход был преодолен, и женщины составили значительную часть обслуживающего персонала, рабочих мастерских и фабрик. За пятьдесят лет, с 1841 по 1891 г. число женщин, занятых в десяти важнейших отраслях британской промышленности, в которых женский труд находил наибольшее применение, выросло на 221%, в то время как число мужчин увеличилось только на 53% [855, с. 50–51]. В 1891 г. в разных видах трудовой деятельности было занято 5 207 742 женщины, что составляло 45% от всех работавших [764, с. 27]. На многих фабриках они составляли четыре пятых персонала. Занявшим свою нишу в промышленном производстве следовало затем озаботиться улучшением условий труда.

В ином, но не менее сложном, положении оказались женщины, вышедшие из среднего класса. Желавшие трудиться вне дома, в массе своей они не имели профессиональной подготовки, но многие получали определенное образование, либо домашнее, либо в закрытых пансионах, включавшее помимо навыков рукоделия, умение читать и некоторые знания об окружающем мире. Из этой среды рекрутировались гувернантки. Профессия гувернантки стала массовой в связи с широким рынком труда как на родине, так и за рубежом. Например, к середине XIX в. численность английской колонии в Петербурге достигла двух с половиной тысяч человек. В ней было много английских гувернеров и гувернанток, и, хотя многие родители отдавали предпочтение швейцарцам и француженкам, дороже всех платили, как правило, англичанкам [896].

Профессиональное занятие воспитанием детей подвело к осознанию возможности заняться учительской работой. Это требовало некоторого образования, и в этом отношении предпринимались определенные шаги: в 1874 г., например, возник колледж для работающих женщин [634, т. 1, с. 249]. В 1870 г. в числе дипломированных школьных учителей было 6,4 тыс. мужчин и 6 тыс. женщин, но уже тогда наметилась отчетливая тенденция к феминизации учительского труда. В начальных школах должности учителей-стажеров¹ занимали 6 тыс. мужчин и 8 тыс. женщин. Через четверть века ситуация разительно изменилась. В 1895 г. дипломированных учителей насчитывалось: мужчин – 21 тыс. и женщин – 32 тыс., а учителей-стажеров соответственно 7,2 тыс. и 27 тыс., т. е. пропорция дошла до 67,7% в пользу женщин [692, с. 138]. В последующие годы она возросла еще больше: женщины в 1901 г. составляли 75% школьных учителей [968, с. 63]. В 1911 г. в народном просвещении работало 211 000 женщин на 89 000 мужчин [855, с. 53]. В 1913–1914 гг. количество женских средних школ в стране мало чем уступало мужским: 349 против 397; при этом из числа продолжавших учебу после 16 лет девочек было намного больше, чем мальчиков.

¹ Учителями-стажерами назначались на срок до 4-х лет выпускники народных школ после сдачи экзамена повышенного уровня. В течение указанного времени должны были выдержать экзамен за учительскую семинарию.

Здравоохранение стало одним из отвоеванных у мужчин полем деятельности. Врачебная деятельность и медицинская служба милосердия на протяжении большей части XIX века считались занятием не для «леди». Больных из богатых домов обслуживала прислуга под руководством семейного доктора-мужчины, а общественные госпитали для бедных имели репутацию аморальных и антисанитарных заведений. Популярные карикатуры того времени изображали медсестер в виде нетрезвых и невежественных существ. Однако в годы Крымской войны 1853–1856 гг. англичанка Флоренс Найтингейл, которой пришлось преодолеть предубеждение собственной семьи, сумела привлечь к госпитальному делу специально обученных сестер милосердия, придать этому занятию облик серьезной профессии. Она вместе с 38 помощницами организовала в полевых условиях уход за ранеными английскими солдатами, что позволило снизить смертность с 42 до 2,2%. Это достижение впечатлило, и благодаря деятельности Флоренс Найтингейл и Джейн Шоу Стюарт в английской армии в 1861 г. была учреждена первая официальная женская служба медсестер. В последующие годы на их обучение тратили 3 года, после чего выдавали сертификат. Среди медсестер было много образованных женщин из семей священников, офицеров, врачей, торговцев.

Пример Найтингейл и Стюарт сыграл важную роль в изменении отношения общества к стремлению женщин заниматься медицинской профессией. Более того, социальный статус медсестер стали оценивать выше, чем гувернанток из богатых домов, хотя зарабатывали они меньше. Женщины стали посягать на врачебную деятельность. Впервые в списке лондонских врачей зарегистрировали в 1859 г. уроженку Бристоля Елизавету Блэквел, получившую медицинское образование в США. После зачисления в состав лондонской медицинской корпорации она предпочла продолжить карьеру в США, но затем в 1869 г. вернулась в Англию, где в 1871 г. инициировала создание *Национального санитарного общества*. Блэквел считается первой женщиной-врачом не только в Англии, но и во всей Европе [504]. Следующей была Елизавета Гаррет-Андерсон. Она овладела медицинскими знаниями, посещая частные уроки, и в 1865 г. с огромными усилиями получила диплом от *Общества аптекеров*, единственного из 19 медицинских обществ, правомочных выдавать дипломы, посчитавшего возможным удостоить дипломом женщину. В 1866 г. ей доверили заведование общественной амбулаторией для бедных женщин. На этом приобщение женщин к медицинской профессии приостановилось. Третья по счету претендентка, Фрэнсис-Элизабет Хоггон, получила отказ от *Общества аптекеров* и вынуждена была сдавать экзамен на доктора медицины в Цюрихском университете. Хоггон стала первой женщиной-врачом в Англии, получившей европейский медицинский диплом. В 1869 г. Эдинбургский университет принял несколько женщин, профессура отнеслась к этому благожелательно, но студенты-мужчины медицинского колледжа в буквальном смысле слова выгоняли их из аудиторий – женщины вынуждены были покинуть университет.

Ситуация стала более благоприятной после принятия в 1871 г. закона, позволявшего выдавать женщинам дипломы о медицинском образовании. Этим правом воспользовались Дублинский университет в 1871 г., Лондонский – в 1878 г., Кембриджский и Оксфордский – в 1881 г. Основанный в 1883 г. женский колледж королевы Маргарет в 1892 г. был присоединен к университету Глазго, что дало возможность последнему зачислять женщин в состав студентов. Нельзя сказать, что возможность обучения сделала женскую врачебную профессию массовой: в начале XX в. в Великобритании насчитывалось лишь немногим больше 300 женщин-врачей [612, с. 33]. Британское медицинское общество крайне настороженно, даже враждебно, относилось к женщинам-врачам. Их не допускали в профессиональные общества, не публиковали научные статьи. На международном медицинском конгрессе 1881 г. в Лондоне женщин-медиков допустили только к развлекательной части программы, отказав в участии в научных заседаниях.

Дальнейшим шагом на пути к женскому высшему образованию стала организация различных частных обществ, устраивавших для девушек, вышедших из школьного возраста, различные курсы, соответствовавшие программам университетских колледжей. Кембриджский университет в 1873 г. распространил на слушательниц этих курсов право подвергаться университетским экзаменам. За Кембриджским последовали другие университеты. Возможность получить университетское образование позволила отдельным женщинам добиться выдающихся результатов. В Лондонском университете получили степень доктора наук по геологии Кэтрин Рэзин и Мария Огильви-Гордон, степень бакалавра наук Е. Астон и Ф. Фолей. Кембриджский университет закончили Маргарет Гардинер и Гертруда Эллес. Все они вели активную научную работу, их публикации встретили благожелательный прием, а Лондонское геологическое общество удостоило Рэзин и Эллес научных премий. Успешно складывалась и преподавательская деятельность. Рэзин успешно трудилась в женском Бедфордском колледже в Лондоне, Эллес – в Ньютонском колледже Кембриджского университета [534]. Некоторые женщины добились выдающихся результатов в науке. В 1835 г. за работы по астрономии Мэри Сомервилль и Каролину Гершель избрали в Лондонское Королевское астрономическое общество, а спустя три года К. Гершель избрали почетным членом Ирландской Королевской Академии наук.

Технический прогресс открыл дорогу женщинам и к канцелярской работе. В 1859 г. телеграфное и почтовое ведомство открыло женщинам доступ в свои учреждения. С 1870-х гг. началось массовое производство печатных машинок. Редакции газет, деловые конторы, органы управления стали оснащаться «ремингтонами» и «ундервудами». Работа на них стала чуть ли не монополией женщин. Поскольку работа в офисе была чистой и безопасной, женщины из среднего класса рассматривали работу машинистки, бухгалтера и клерка как более предпочтительную по сравнению с трудом на фабрике и стали активно занимать должности конторских служащих. Это привело к тому, что клерки-

мужчины уступили им ряд своих функций по ведению делопроизводства и переписке корреспонденции.

В Великобритании перелом произошел в 1892 г., когда 7 министерств приняли на работу «девушек на печатных машинках». Если в 1891 г. на службе у местной и государственной администрации состояло 7 тыс. женщин, то в 1911 г. – 76 тыс.; количество женщин-служащих торговых и деловых контор выросло за те же годы с 6 до 146 тыс. в немалой степени из-за увеличения числа машинисток [998, с. 295]. Еще более впечатляющим стал факт замещения женщинами ответственных должностей в правительственных и муниципальных учреждениях. В 1891 г. правительство назначило королевскую комиссию труда для изучения положения работниц в Англии. В ее состав вошли 4 женщины. Представленный доклад признали образцовым, а одну из членов комиссии, Клару Коллет, пригласили в министерство на штатную должность «корреспондента труда» с жалованьем в 400 ф. ст. в год и обязанностями по обработке статистических материалов. Остальных – Орм, Абрагам и Ирвин – назначили фабричными инспекторами. Женщин стали приглашать школьными и санитарными инспекторами. В почтово-телеграфном ведомстве служили 140 806 человек, в том числе 28 164 женщины [36, с. 28–29]. Женщины добивались успехов в бизнесе: миссис Ловибонд стала директором пивоваренного завода, миссис Гупер организовала бюро путешествий, успешно конкурировавшее с туристическим агентством Кука. Открылись и другие возможности для приложения женского труда. «Ежегодник английской женщины» за 1907 г. указал 80 профессий и занятий, которые не только были доступны женщинам, но и в которых женщины занимали либо все места (например, портнихи, кухарки, няни), либо заметную их часть (бухгалтеры, садовники, фармацевты, парикмахеры и др.) [816, с. 95].

Об изменении положения женщины в сфере трудовой деятельности свидетельствуют не только отдельные примеры удачной карьеры наиболее выдающихся представительниц различных профессий, но и обобщенные статистические данные. Согласно переписи 1911 г., в Англии и Уэльсе, т. е. без Шотландии и Ирландии, самостоятельно зарабатывали свой хлеб 4830 тыс. женщин. Из них, по классификации официальной статистики, к так называемому «профессиональному классу» относились 462 тыс. женщин. Они были заняты: педагогической деятельностью – 187 233 человека; низшей медицинской деятельностью – 83 662 женщины; врачебной практикой – 477 женщин; работой в области искусства, музыки, театра – 49 998 женщин; наукой, литературой, низшей юридической деятельностью – 2159 женщин; службой в конторах и банках – 117 057 женщин; прочими видами деятельности – 15 775 женщин. С 1871 по 1911 г. число женщин из «профессионального класса» выросло почти вчетверо, тогда как все население увеличилось только на 60% [570, с. 108]. Долгое время проводившая в Англии З. А. Венгерова писала: англичанка «всегда чувствует себя собою, не считает никакого дела выходящим из ее женской компетенции и не встречает нигде недоверия к себе, как к женщине» [135, с. 75].

Движение за гражданское и политическое равноправие. Песня, вышедшая из недр женского движения за уравнивание прав, лучше всяких научных трактатов повествует о положении английских женщин в семье. Содержание песни составляет беседа невесты с женихом: «Когда мы повенчаемся, дорогой Джон, то станем делить вместе радость и горе. Мы будем идти вместе рука об руку, выпадет ли нам ведро или ненастье.

Д ж о н. О нет. Не рука в руку, дорогая. Вы будете следовать позади и тащить бремя разных забот, которые я навалю.

О н а. Когда мы повенчаемся, дорогой Джон, и когда у нас появятся дети, мы оба будем воспитывать их. Мы постараемся сделать их добрыми гражданами, нам на радость и утеху.

О н. О нет! Вы будете качать колыбель и нянчить на руках. Но, когда дети подрастут и им минет семь лет, они будут принадлежать мне, а не вам.

О н а. Когда мы повенчаемся, дорогой Джон, я употреблю все усилия, чтобы развиваться и чтобы стать умственно равной вам.

О н. О нет, моя дорогая! Хотя вы бесконечно милы, но ваши умственные способности ограничены. Обратите же внимание на то что, что я говорю. Вам совсем не следует думать.

О н а. Когда мы повенчаемся, дорогой Джон, быть может, я найду, что жизнь течет слишком медленно и однообразно.

О н. Как однообразно? Вы, вероятно, забыли, что семейный очаг – единственная сфера женской деятельности. Можете ли вы желать большего, если у вас будет забота о том, чтобы мне нравиться, и если я вас буду утешать своей лаской?! [245, ч. 2, с. 53].

Семейное право исходило из таких же принципов. Еще в 1832 г. один из наиболее употребительных английских учебников права так формулировал права мужа по отношению к жене: «мужу принадлежит власть и господство над женой, он вправе понуждать ее силой к исполнению ее обязанностей, он вправе бить ее, но не жестоко, ибо в этом случае она может обуздать его, обратившись к суду, или может предъявить в духовном суде иск о разлучении вследствие жестокого обращения» [1069, с. 421].

С конца XVII в. действовало правило, согласно которому развести супругов мог только суд Палаты лордов, процесс мог длиться несколько лет и акт о разводе стоил, по крайней мере, 500 ф. ст., так что воспользоваться этой процедурой могли только очень богатые. Принятые начиная с 1857 г. законы облегчили женщинам процедуру развода, если они доказывали «жестокость» мужа, причем под «жестокостью» стали понимать не только физическое насилие, но и нравственные страдания и пренебрежение женой. В 1895 г. был принят закон, определивший основания, по которым замужние женщины могли жить отдельно от мужей и получать от них содержание. Закон дал право замужней женщине обратиться в суд с соответствующей просьбой в 3-х случаях: если муж был осужден за причиненное ей насилие к денежному штрафу в 5 ф. ст., приговорен к тюремному заключению на срок свыше 2 месяцев,

признан виновным в постоянном жестоком обращении с ней. Суд получил возможность принять решение, что женщина может жить отдельно от мужа; что воспитание детей моложе 16 лет поручается ей; что муж должен давать жене еженедельное содержание в размере не более 2 ф. ст. в неделю [37, с. 280–281]. Этот закон фактически завершил освобождение замужней женщины от физической власти мужа.

Действовавший принцип единства личности супругов приводил к дискриминации женщин в сфере гражданских прав. По закону как движимое, так и недвижимое имущество находилось в распоряжении мужа. Движимым имуществом муж мог распоряжаться по своему усмотрению, недвижимое находилось в его ведении, жена без согласия мужа не могла его отчуждать. Более того, жена не могла самостоятельно приобретать недвижимость. Не могла распоряжаться имуществом даже в случае смерти мужа, если он заблаговременно не дал на это согласие. До 1882 г. даже невеста не могла распоряжаться своим имуществом без ведома будущего мужа. Лишь в 1882 г. закон установил, что замужняя женщина может приобретать, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ей имуществом наравне с самостоятельными незамужними женщинами. С этого времени замужние женщины получили право заниматься любой профессией, заключать договоры, не спрашивая разрешения мужа.

Жена при жизни мужа не имела никакой власти над детьми, не могла посредством завещания назначать над ними опекуна. Лишь закон 1886 г. установил, что мать в случае смерти отца является опекуном своих детей, а также получила право посредством договора или завещания назначать опекуна на случай смерти ее и ее мужа, в случае же, если муж ее переживет, – совместно с мужем. Жены также получили возможность в судебном порядке оспаривать распоряжения мужа относительно содержания и воспитания детей [1069].

В Великобритании перспективы для улучшения гражданско-правового положения женщин открывались в связи с проводившимися реформами государственно-политического устройства и разворачивавшимся женским движением. Идеи не только гражданского, но и политического равноправия стали распространяться в среде англичанок из среднего класса начиная с 1840-х гг. Начало агитации за избирательные права британских женщин связано с двумя событиями. Первое из них – выход в 1864 г. в Лондоне книги знаменитого философа и члена парламента Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» [620–621]. Второе – борьба вокруг второй парламентской реформы 1867 г. Дж. Ст. Милль в 1866 г. внес на обсуждение Палаты общин петицию, подписанную полутора тысячами женщин, и поправку к биллю о реформе. Она предусматривала возможность предоставления женщинам избирательных прав на одинаковых с мужчинами условиях. Именно с обсуждений будущего состава избирательного корпуса и началась история английского суфражизма¹.

---

¹ От англ. suffragism – право голоса.

По инициативе У. Гладстона, лидера находившихся у власти либералов, с марта 1866 г. в парламенте проходили дискуссии о расширении избирательной системы. В ее ходе Милль предложил в билле о реформе заменить слово «man» (употребляемое в английском языке в значениях «человек» и «мужчина») словом «person» (лицо). Имелось в виду, что слово «person» обозначает лиц обоего пола, тогда как «man» трактуется лишь как «мужчина». 20 мая 1867 г. он выступил со своей знаменитой речью в Палате общин в защиту права голоса для женщин. «Я встаю, чтобы предложить расширение избирательных прав, – расширение, которое не может возбудить партийного или классового протеста в этой палате; не может задеть самого пылкого защитника имущественных или других привилегий. Расширение это не имеет ни малейшего стремления расстроить то, о чем мы так много слышали за последнее время – равновесие политической власти. <...> Имеется ли достаточное оправдание, чтобы продолжать отказывать целой половине человеческого общества не только в допущении, но и в самой возможности быть когда-либо допущенной в недра конституции, хотя бы она отвечала всем условиям, достаточным с точки зрения закона и конституции во всех других случаях, кроме этого. <...> Справедливость, хотя и не требует, чтобы политические права непременно предоставлялись каждому, но требует, чтобы мы произвольно, без причины, не лишали одного того, что даем другому. <...> Можно ли утверждать, что женщины, управляющие имением, или ведущие дела, платящие подати и налоги часто в значительных размерах и нередко из собственного заработка, – женщины, из которых многие состоят ответственными главами семейств, а некоторые в качестве школьных учительниц научают гораздо большему, чем то, чему научились многие мужчины-избиратели, – можно ли утверждать, что они не годны для исполнения того, на что годен каждый домохозяин? Или же можно опасаться, при допущении их к избирательству, что они произведут революцию в государстве, – или лишат нас каких-нибудь ценных учреждений, или наградят нас худшими законами, или же, что, как следствие их избирательных прав, мы получим худшее правительство?» [622, с. 5–7].

Палата общин отвергла предложение Милля 196 голосами против 73, а затем в 1871, 1872, 1873, 1875, 1876, 1878, 1879 гг. вновь рассматривала билли, в первом чтении принимала их, но во втором отклоняла. Однако негативная реакция тех, кто блокировал в парламенте билли о женском равноправии, не погасила проблему женских политических прав. Она вышла за пределы парламента. В 1867 г. в 40 городах Англии начало действовать *Общество борьбы за женское избирательное право*. Милля избрали его председателем. *Общество* развернуло широкую агитацию, собирало митинги, подавало петиции. Первый публичный митинг английских женщин, требовавших равноправия, состоялся 14 апреля 1868 г. в Манчестере. Начался сбор подписей под петициями в парламент. Между 1869 и 1879 гг. ежегодно собирали до 200 тыс. подписей [812, с. 69].

В ходе подготовки третьей парламентской реформы женские организации настаивали на включение в билль о народном представительстве пункта

о женских избирательных правах, рассчитывая на поддержку в этом вопросе Гладстона, однако он возражал: «Я сделал билль настолько демократичным, насколько это возможно (при данной политической конъюнктуре); включение в билль избирательных прав женщин потопит всех нас (т. е. защитников реформы)» [613, с. 781]. В результате Закон в 1884 г. был принят, но расширения избирательных прав на женщин не произошло [22]. Однако вскоре парламент вновь вернулся к этому вопросу. В 1886 г. билль о расширении избирательных прав на женщин прошел во втором чтении, и лишь роспуск палаты помешал его дальнейшему движению. В 1892 г. была сделана еще одна попытка по инициативе видного члена консервативной партии Роллстита. Либералы возражали. Мотивируя принципиальное нежелание наделять женщин правом голоса на выборах в парламент, Гладстон в 1892 г. заявлял: «Право подавать голос на парламентских выборах обнимает собой, по духу английской конституции, и право быть членом парламента. Право же заседать в парламенте юридически и фактически влечет за собой право занимать всякую государственную должность. Неужели мы станем устанавливать две категории членов парламента, одну, имеющую право занимать любую должность, и другую с ограниченными правами? Такая отметка была бы клеймом. Ничего нет ненавистнее и абсурднее, как ограничение права, не основанное на каком-либо широком и ясном принципе. Но разве может быть таким принцип, допускающий женщину в парламента и отказывающий ей в судейской должности! Такое различие было бы противно чувству справедливости и логике» [812, с. 74].

В результате билль был отклонен большинством лишь в 23 голоса [613, с. 781]. В 1897 г. билль все же прошел, но его противники сорвали необходимое по процедуре обсуждение проекта в соответствующем комитете.

В конце XIX и в начале XX в. женские организации продолжили практику подачи петиций в парламента. В 1901 г. петицию подписали более 29 тыс. фабричных работниц, в 1902 г. под двумя петициями поставили подпись 37 тыс. человек [812, с. 75]. Обращения этих и других лет находили поддержку у значительной части английского общества, даже лидеры консерваторов, начиная с Дизраэли, неизменно выступали в пользу женского равноправия. Преемники Дизраэли в Консервативной партии занимали такую же позицию: Солсбери («Вопрос об отмене ограничений, касающихся избирательных прав женщин, придется решить при первой же избирательной реформе» [812, с. 74]), Бальфур («Вы можете быть уверены, что если будут введены какие-нибудь новые перемены в наше избирательное право, то вопрос о женском праве голоса к тому времени настолько созреет, что его нельзя будет уже третировать, как академический лишь план, поддерживаемый лишь группой мечтателей» [812, с. 74]). Даже либералы стали рассуждать по-новому. Лидер Либеральной партии и глава кабинета в 1905–1908 гг. Г. Кемпбелл-Баннерман в 1905 г. на одном из предвыборных собраний говорил: «Сознаюсь, что в вопросе политических прав женщин я еще не мог высказаться определенно два или три года тому назад. Оттого я не отвечал прямо на поставленные мне вопросы. Но теперь, чем

больше я прихожу в соприкосновение с социальными вопросами, которые глубоко затрагивают народные массы, тем более я убеждаюсь, что женщинам должно быть дано право высказать свое мнение об этих вопросах и содействовать их разрешению» [385, с. 83–84].

Подобные взгляды создавали почву для решения вопроса женских политических прав в более или менее отдаленном будущем.

Наряду с *Обществом борьбы за женское избирательное право* действовали и другие женские суфражистские организации. В конце XIX в. их деятельность заметно активизировалась. В 1897 г. Миллисент Фосетт, объединив разрозненные группы умеренных суфражисток, образовала *Национальный союз женских суфражистских обществ*, объединивший свыше 350 организаций с 50 тыс. членов, что сделало его самым крупным и многочисленным суфражистским объединением [570, с. 111]. Умеренные суфражистки вели агитацию конституционными методами (выступления на митингах, распространение пропагандистской литературы, организация манифестаций). На первых порах эта организация выступала как внепартийная и апеллировала ко всем политикам, поддерживавшим идею предоставления женщинам права голоса, надеялась провести через парламент законопроект о наделении женщин избирательными правами. Требования не простирались далее установления единых для мужчин и женщин условий зачисления в электоральный состав: раз не все мужчины в Англии выбирают, то и не все женщины должны его иметь. В связи с этим Фоссет писала 23 ноября 1907 г. в газете «Таймс»: «Ллойд Джордж жестоко ошибается, думая, что суфражистки связывают свои требования избирательного права для женщин с всеобщим избирательным правом. Многие из нас совершенно не желают всеобщего избирательного права». Другая суфражистка, Франсес Бальфур, представительница аристократической семьи, утверждала: «Избирательное право для женщин, несомненно, поставит границу преувеличенным требованиям, проведения которых добиваются ultra-радикалы, как, например, требованию всеобщего избирательного права. Между нами есть много противниц всеобщего избирательного права» [515, ст. 9].

Другими словами, умеренные суфражистки выступали против всеобщего избирательного права как для мужчин, так и для женщин. Но, полагали они, несправедливо лишать голоса на парламентских выборах тех, кто обладал собственностью, одинаково мужчин и женщин. Мужчины такое право на условиях законов 1867 и 1884 гг. имели, так дайте его, требовали суфражистки, на тех же условиях и нам. По их расчетам, женщин, которые могли бы стать избирательницами, набралось бы в Англии около 1,5 млн на 7 с лишним миллионов избирателей-мужчин [246, с. 39].

В 1903 г. член Лейбористской партии Эммелин Панкхерст и ее дочь Кристабель Панкхерст создали суфражистскую организацию «*Женский социально-политический союз*» (ЖСПС). В своих воспоминаниях Эммелин писала: «Мне было 14 лет, когда я в первый раз присутствовала на митинге сторонников избирательных прав женщин. Я ушла с митинга сознательно и убежден-

ною суфражисткою. <...> Мне надо было еще поработать на общественном поприще, ознакомиться с постановкой дела в правительственных школах, в рабочих домах и других благотворительных учреждениях. Мне надлежало как следует присмотреться ко всему тому количеству нищеты и горя, какими отличается созданный мужчинами мир. Только таким образом могла я дойти до возмущения против этого мира» [734, с. 15, 18]. В ЖСПС ключевую роль играли женщины, связанные с рабочими организациями. Сама Эммелин Панкхерст была женой одного из руководителей *Независимой рабочей партии* (коллективного члена КРП), известного юриста и агитатора идеи женских политических прав Ричарда Панкхерста. Она пользовалась также поддержкой лидера *Независимой рабочей партии* Кейр Гарди, который был убежденным сторонником идеи: в программе *Независимой рабочей партии* (1908), заявлялось, что партия «выступает за всеобщее избирательное право для совершеннолетних граждан, полное политическое равенство женщин, немедленное предоставление им права голоса на одинаковых основаниях с мужчинами» [791, с. 428].

В своей программе ЖСПС ратовал за единые для мужчин и женщин условия зачисления в электоральный состав, т. е. придерживался сходных с умеренными суфражистками взглядов. Но в тактике действий решительно расходился с *Национальным союзом женских суфражистских обществ*. Средствами борьбы были признаны: «1) деятельность, совершенно независимая от всех политических партий; 2) оппозиция всякому правительству, стоящему у власти, до тех пор, пока женщинам не дано избирательное право; 3) участие в парламентских выборах в целях оппозиции правительственным кандидатам, но совершенно независимо от всех остальных; 4) неутомимая агитация при помощи методов и средств, оправдываемых бесправным положением женщины в настоящее время» [570, с. 115]. Уже в 1906 г. на конференции *Комитета рабочего представительства* Э. Панкхерст пыталась убедить руководство лейбористов принять пункт о расширении существующей избирательной системы в пользу женщин (как того добивались умеренные суфражистки), но безуспешно: в результате на конференции, где тон задавали лидеры тред-юнионов, было принято решение о борьбе за всеобщее избирательное право, но для мужчин¹. Это решение стало стратегическим для лейбористов на протяжении, по крайней мере, 5 последующих лет, когда они регулярно проваливали на партийных конференциях резолюции о распространении избирательных прав на женщин.

Логика действий ЖСПС, как говорила в одной из своих речей Кристабель Панкхерст, состояла в следующем. Многолетние усилия переубедить стоящих у власти мужчин, повлиять путем слова и примера на общественное мнение не дали результата. Очевидно, чтобы достигнуть цели, нужно изменить тактику. Нужно заставить капитулировать тех, кто продолжает упорствовать и противиться политическому уравниванию женщин. Нужно начать решитель-

---

¹ Напомним, что пункт о «всеобщем избирательном праве для взрослого мужского населения» содержала еще «Народная хартия» чартистов 1838 г.

ную, ни перед чем не останавливающуюся борьбу за это уравнение, не считаясь с тем, являются ли методы борьбы «законными» или «незаконными». Женщина лишена самого важного из политических прав, – права голоса при выборе в парламент, – поэтому она морально ничуть не связана нормами легальности, созданными помимо ее воли и согласия [570, с. 113]. Такие рассуждения нашли у многих поддержку. Численный состав ЖСПС приближался к 50 тысячам. При таком количестве он не мог быть однородным. С одной стороны, у ЖСПС была прочная опора в рабочем движении: Союз имел своих представителей в тред-юнионах, принимал участие в мероприятиях социалистических и рабочих организаций. С другой, – в ЖСПС входило немало «светских» дам, в избытке имевших и средства, и время, которые они могли тратить на общественную деятельность. ЖСПС изначально был создан как авторитарная организация. Не предусматривались регулярные съезды, выборы должностных лиц, публикация отчетов о деятельности и финансах. Вся власть находилась в руках пополнявшегося кооптацией Центрального комитета и его главы Эммелин Панкхерст. Но уже в 1907 г. ЖСПС раскололся. Из него вышли несогласные с диктаторскими методами руководства Эммелин Панкхерст. Они образовали самостоятельную *Лигу женской свободы*, объединившую около 7 тыс. участниц. Среди методов воздействия на правительство была акция «Нет права голоса, нет налогов». Женщин призывали уклоняться от уплаты налогов, поскольку государство отказывает женщинам, обладающим доходами и собственностью, в избирательном праве наравне с мужчинами.

Помимо независимого ЖСПС, для оказания помощи лейбористам на парламентских выборах была создана *Женская лейбористская лига*. Первая конференция Лиги, прошедшая в 1906 г., определила цель деятельности организации следующим образом: «работа в сотрудничестве с партией лейбористов по достижению независимого женского лейбористского представительства женщин в парламенте и во всех местных органах власти» [цит. по: 1041, с. 108].

Особенностью Великобритании являлось активное участие мужчин в суфражистском движении. После 1907 г. в Великобритании были основаны несколько мужских организаций, боровшихся за политические права женщин. *Лига мужчин за избирательные права женщин* (1907) стала первой национальной мужской организацией такой направленности, объединив около 7,5 тыс. сторонников [633, с. 329]. Следом появились *Мужской комитет за справедливость в отношении женщин* (1909), *Комитет мужской декларации* (Men's Declaration Committee) (1909), *Политический союз мужчин за наделение женщин правом голоса* (1910), *Мужское общество в защиту женских прав* (1911), *Мужская федерация за избирательные права женщин* (1912), *Северная федерация за избирательные права женщин* (1913). Эти общества создавались на внепартийной основе: первоначально в них преобладали либералы, но среди их членов были и консерваторы, а впоследствии в их деятельность активно включились и лейбористы. Их сторонники участвовали в суфражистских мероприятиях, организовывали собственные митинги, агитировали в поддерж-

ку парламентских кандидатов-просуфражистов. В 1910 г. петицию с требованием политического равноправия женщин подписали 280 тыс. мужчин-избирателей [570, с. 120]. В 1911 г. мужские союзы борьбы за равноправие женщин объединились в *Международный союз мужских лиг борьбы за равноправие женщин*. В октябре 1912 г. в Лондоне состоялся первый конгресс *Союза*, который принял резолюцию: «Первый международный конгресс мужских лиг за избирательные права женщин призывает мужчин всех наций обратить внимание на важные экономические последствия, которые влечет за собой относительно заработной платы недостаточная организованность и отсутствие представительства у женщин, принужденных довольствоваться меньшим вознаграждением за равный труд. Конгресс напоминает, что предоставление избирательных прав женщинам, осуществленное в 12 странах Европы, Соединенных Штатах и Австралии, почти всегда открывало путь к уравниванию заработной платы мужчин и женщин во многих профессиях и ремеслах, и считает дарование женщинам избирательных прав в прочих странах жизненно необходимым для достижения экономического равенства, проведение которого немыслимо, пока женщины не будут пользоваться властью и нести ответственность в качестве граждан» [515, стб. 38].

Несомненно, выступления суфражисток, листовки и петиции, которые они распространяли, создали некоторый эффектный фон для рассмотрения вопроса о расширении политических прав женщин. Но возможности избирать и избираться в парламент женщины все еще не добились: билль, включавший поправку о распространении на женщин избирательного права, как и в последней трети XIX в., принимался Палатой общин в 1904, 1908, 1910¹, 1911, 1913 гг., но только во втором чтении, тогда как парламентская процедура предусматривала и третье, до которого дело не доходило, поскольку билль не собирал нужного числа голосов. Неудача расколола суфражистское движение. Часть сторонниц женских политических прав со временем перешла к радикальным методам ведения кампаний.

Поскольку парламент не прислушивался к доводам суфражисток и суфражистов, ЖСПС прибег к действиям, которые влекли за собой скандальные последствия или были связаны с нарушением общественного порядка. Суфражистки прерывали церковные богослужения, при появлении короля открыто оскорбляли его. На митингах и манифестациях нарушали порядок: кричали, прерывали ораторов неуместными вопросами, звонили колокольчиками, скандировали лозунги. Но это было только начало. Действия суфражисток становились все более дерзкими и вызывающими. Несколько женщин, прикрепив себя специальными браслетами без ключей к решеткам в галерее парламента, спровоцировали шумный скандал. Аналогичные сцены устроили у резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, у домов нескольких министров и даже

---

¹ 1910 г. стал важным этапом эволюции лейбористской политики в отношении избирательного права женщин. В этот год по инициативе лейбористского депутата Генри Брейлсфорда в Палате общин был создан межпартийный Комитет согласия для выработки законопроекта о женских политических правах.

у Букингемского дворца. Более того, 1 марта 1912 г. по заранее обусловленному сигналу от ударов молотками и булыжниками разлетелись почти все витрины на главных торговых улицах Лондона. Суфражистки выливали кислоту из пузырьков в избирательные урны, бросали тлеющие тряпки в почтовые ящики. Дошло до уничтожения произведений искусства на публичных выставках, поджогов домов, взрывов небольших самодельных бомб в общественных местах. В течение целого дня была полностью прервана телеграфная и телефонная связь между Глазго и Лондоном [734, с. 405]. Все эти акции вынуждали полицейских применять жесткие меры вплоть до ареста. С 1905 г. по февраль 1914 г. было произведено 1695 арестов, приговорены к тюремному заключению 1227 суфражисток [570, с. 122]. Правительство нашло механизм пресечения голодовок, к которым прибегали осужденные суфражистки: их временно выпускали на свободу «для поправления здоровья», а затем вновь арестовывали.

Многочисленные судебные приговоры не останавливали суфражисток – Эммилину Панкхерст только в 1913–1914 гг. 10 раз отбывала тюремный срок. Сама она впоследствии писала: «Основа нашей политики – оппозиция правительству, которое отказывается дать женщинам избирательные права. Поддерживать словом или делом правительство, враждебное равноправию женщин, значило бы поощрять эту враждебность. <...> Именно в эту пору – в феврале 1913 года, – стало практиковаться то милитантство, какое ныне знает публика, милитантство в смысле непрерывной партизанской войны против правительства путем посягательств на частную собственность. <...> И теперь мы действительно зажгли факел и сделали это в абсолютном убеждении, что другого пути у нас нет» [734, с. 205–206]. Использование террористических методов вызывало осуждение суфражисток со стороны значительной части населения, тем более, что не только методы, но и сама идеология суфражизма не разделялась многими женщинами и мужчинами: образованная 1908 г. *Национальная женская антисуфражистская лига* тотчас собрала более 337 тыс. подписей под антисуфражистской петицией. С ней в унисон действовал межпартийный *Мужской комитет против женского избирательного права* – организация, влиятельная самим составом участников: имена политического деятеля Остина Чемберлена, писателей Редьярда Киплинга и Дж. Честертона, издателя Джона Лу Стрэчи говорят сами за себя, было много и других «лучших представителей искусства, науки, литературы, бизнеса, управления» [1046, с. 168].

Массовые кампании за предоставление женщинам политических и гражданских прав не были совершенно безрезультатны. Идеи женского равноправия пролагали дорогу. И прорыв произошел не в ведущих странах с передовой демократией, а в британских колониях, например, на острове Мэн, где с 979 г. существовал парламент. В 1346 г. владычество над островом установила Англия, с тех пор английский монарх является номинальным главой установившегося здесь государственного образования с сохранившимся собственным парламентом. В 1881 г. здесь ввели избирательное право для женщин, обладавших земельной собственностью с годовым доходом не менее 4 ф. ст. В 1893 г. женщины

Новой Зеландии – британской колонии – получили возможность участвовать в парламентских выборах, хотя и не могли быть избранными. Британский доминион Австралийский союз пошел еще дальше: здесь с 1902 г. женщины получили право избирать и самим бороться за место в парламенте.

Некоторые, хотя и ограниченные, результаты дали массовые кампании за предоставление женщинам политических и гражданских прав в самой Великобритании. Проведенные в стране реформы местного управления вводили принцип выборности органов власти на уровне муниципалитетов (1835), графств (1888), сельских приходов (1894). Для управления ими создавались выборные советы. На протяжении конца 60-х годов XIX в. – 10-х годов XX в. англичанки получили право голоса на выборах в органы местного самоуправления разного уровня. Англия стала первой страной в Европе, где женщины получили право голоса на выборах в муниципальные советы (1869). С 1870 г. в связи принятием Закона о начальном образовании создавались общественные школьные комитеты с довольно широкими полномочиями [321]. Женщинам было предоставлено право не только участвовать в выборах, но и право быть избранными в них. В Шотландии сразу, а в Англии с 1902 г., таким комитетам с участием женщин были подведомственны не только начальные, но и средние учебные заведения. С 1875 г. женщины получили право быть избранными в комитеты по общественному призрению. С 1894 г. женщины стали на равных условиях с мужчинами пользоваться правом голоса и избираться в советы сельских приходов [313]. В 1907 г. закон разрешил избрание женщин в муниципальные советы и советы графств. Первые женщины заняли посты мэров городов [613, с. 779–780].

Что касается парламентских прав женщин, то лидеры всех партий понимали, что предоставление их является лишь делом времени, и рассчитывали в перспективе привлечь на выборах женские голоса. Так, Консервативная партия, полагаясь на большую приверженность женщин традициям, рассчитывала найти в них опору в борьбе с новаторскими устремлениями Либеральной партии. В свою очередь последнюю в том же направлении подталкивало обещание Независимой рабочей партии, а также Комитета рабочего представительства (будущей Лейбористской партии) предоставить женщинам политические права [613, с. 781–782]. Тем не менее начавшаяся Первая мировая война на время сняла с повестки дня вопрос о женском избирательном праве. Более того, как пишет в своих воспоминаниях Г. Асквит, 11 августа 1914 г. было объявлено о том, что к Его Величеству поступила просьба освободить заключенных суффражисток. Она была удовлетворена с формулировкой: «Его Величество уверен, что они оправдают доверие и не станут создавать напряженность, учиня дальнейшие беспорядки и преступления» [1075, с. 222]. Действительно, суффражистки прекратили «кампании протеста» и направили силы на помощь фронту и нации. Большинство членов ЖСПС перешло к активной работе на оборону, а Э. Панкхерст стала правительственным экспертом по вовлечению женщин в промышленное производство. В ответ правительство амнистировало всех находившихся в заключении членов ЖСПС.

И все же вопрос о женских избирательных правах вновь зазвучал в парламенте еще до завершения войны, на этот раз в связи с пересмотром избирательных списков. В 1917 г. коалиционное правительство Ллойд Джорджа представило в парламент законопроект новой избирательной реформы. Он предусматривал право голоса для всех женщин, но лишь с 30 лет, а возможность баллотироваться в парламент – с 21 года. В феврале 1918 г. билль приобрел силу закона [23]. Тогда же женщины получили право входить в политические партии. В Консервативной партии они могли быть индивидуальными членами местных отделений партий при избирательных округах и сохранять возможность по собственному желанию состоять в женских секциях, создававшихся при общепартийных отделениях. Женские организации в политических партиях получили право на собственное управление и на проведение своих ежегодных конференций. Принятый в 1919 г. устав Консервативной партии предусматривал, что женщины должны составлять не менее трети членов представительных органов партии на центральном и местном уровне.

Устав Лейбористской партии, принятый в 1918 г., разрешил женщинам вступать в нее на индивидуальной основе. Большинство женщин (не являвшихся членами тред-юнионов) принимались в партию через *женские секции* при местных организациях, что вело к отрыву основной части женщин от главных структур партии. *Женские секции* не обладали ни властью в принятии решений, ни прямым представительством в руководящих органах. Типичным образцом политического лейбористского активиста долгие годы служил член тред-юниона, промышленный рабочий, мужчина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении XIX – начала XX в. создались условия к расширению участия граждан в общественной и политической деятельности. Возрастающая сложность общественно-политических связей, усиление политической активности граждан создали предпосылки для их сплочения в организации разной социальной и партийной направленности. Содержание общественно-политической жизни все больше определялось социально-политическими идеологиями и программами политических партий и организаций, становление которых исторически связано с расширением возможностей политического участия граждан в жизни общества вследствие распада традиционной для феодальной системы политической власти, возникновения и укрепления буржуазной государственности.

Основным стержнем политического развития Европы в 1815–1914 гг. стала замена «старого порядка» буржуазно-конституционным устройством и его дальнейшая модернизация. На этом пути Франция прошла через революции 1830, 1848 и 1870 гг., Германия вынужденно в силу неудачи революционного взрыва 1848–1849 гг. перешла к постепенному и медленному эволюционному развитию, Великобритания изначально предпочла политические реформы. Перемены в политической надстройке государств находили юридическое отражение в конституциях. Для Франции это были *Конституционная хартия 1814 г.*, закрепившая реставрацию Бурбонов, *Хартия 1830 г.*, зафиксировавшая приход к власти Луи Филиппа из Орлеанского дома, *Конституция 1848 г.*, провозгласившая Вторую республику, *Конституция 1852 г.*, трансформировавшая республику во Вторую империю во главе с Наполеоном III, *Конституция 1875 г.*, принятая в связи с падением Второй империи и утверждением Третьей республики. Изменение политической ситуации в связи с крахом империи Наполеона I привело к установлению конституционных монархий в Баварии, Бадене, Вюртемберге, Гессене-Дармштадте. Под влиянием революции 1848 г. была введена конституция в Пруссии. В 1871 г. получила конституцию объединившаяся в результате Франко-прусской войны Германская империя. Конституции Третьей республики и Германской империи действовали, пока существовали государства, в которых они были созданы: Франции – до падения Третьей республики в 1940 г. вследствие поражения в войне с Германией,

Германской империи – до Ноябрьской революции 1918 г., свергнувшей монархию. В Великобритании писаной конституции никогда не было, как нет и в настоящее время, а страна руководствуется конституционными законами, принятыми в предшествующие годы и столетия.

На базе конституционности в европейских странах утвердились свобода личности, слова, собраний, союзов, вероисповедания. В связи с отменой различного рода ограничений получила широчайшее распространение периодическая печать. Признание за личностью неотчуждаемых прав и свобод повлекло формирование гражданского общества. Рост числа избирателей усиливал их роль в политической жизни своих стран, что побуждало к мобилизации масс соперничавшими за власть политическими силами. Это, в свою очередь, влекло за собой организацию массовых политических партий, общественных и конфессиональных движений. Произошла легализация общественных объединений. Во Франции установили уведомительный порядок регистрации общественных объединений, в том числе политических партий, были легализованы профсоюзы, хотя и с ограничением сферы их деятельности защитой экономических интересов работников. Политическая система Германской империи позволяла свободно функционировать политическим партиям и общественным объединениям. В Великобритании различные ассоциации создавались без всяких разрешений, получили официальное признание в общегосударственном масштабе профсоюзы.

К началу XX в. во Франции, Германии, Великобритании окончательно структурировались политические партии. На политической арене был представлен весь спектр партий различной ориентации. Концепция консервативных партий сводилась к стремлению сохранить структуры феодального общества, размышлявшие прогрессивным социально-политическим развитием. В Германии это были *Немецкая консервативная партия* и *Партия свободных консерваторов*. Во Франции приверженцами неабсолютной монархии и клерикализма являлись *легитимисты*. Монархическая партия *бонапартистов* добивалась замены утвердившегося в стране парламентаризма плебисцитарной монархической диктатурой. Раскол монархического движения привел к складыванию консервативно-экстремистской *Аксьон франсэз*.

В силу наличия в консервативном лагере групп с отличающимися политическими программами возникли умеренно-консервативные партии с модифицированными требованиями и целями. Во Франции *орлеанистская* умеренно-консервативная партия политического центра стремилась к установлению конституционной монархии, демонстрировала приверженность к либерально-парламентским формам правления. Крах планов реставрации монархии вызвал размежевание католического лагеря и образование *Партии присоединившихся* (подразумевалось – к республике), которая активно сотрудничала с умеренными республиканцами. В Великобритании эволюция консерватизма отразила процесс сближения интересов лендлордов и крупных промышленников. В связи

с этим *Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций* приобрел черты, присущие умеренному консерватизму.

Влиятельным участником политических процессов стала буржуазно-клерикальная *Германская партия Центра*. Партия стремилась нести в широкие слои населения христианские ценности, поддерживала социальные реформы. *Центр* защищал на платформе христианской идеологии интересы не отдельных групп господствовавших классов, а всей буржуазии в целом и одновременно привлек к себе значительные слои населения.

Во Франции, Германии и Великобритании интересы буржуазии и поддерживавших ее слоев населения обеспечивали либеральные партии. Французская *Умеренная республиканская партия* с приходом к власти проводила политику компромиссов, кулуарных парламентских интриг. Оппортунизм умеренных республиканцев вызвал появление *Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов*. В отличие от умеренных республиканцев радикал-социалисты в соответствии с постулатами социального либерализма допускали активное вмешательство государства в социально-экономическую сферу. Германский либерализм до Первой мировой войны и в ее годы не преодолел идейную и организационную разобщенность, что нашло выражение в создании нескольких леволиберальных партий, последовательная трансформация которых привела в конечном счете к образованию *Прогрессистской народной партии*. Правых либералов объединяла *Национал-либеральная партия*, поддерживавшая внутреннюю и внешнюю политику империи, и в то же время подтверждавшая приверженность всеобщему избирательному праву, свободе собраний и союзов и другим либеральным ценностям. В Великобритании политическая деятельность *Либеральной партии* вращалась вокруг достижения определенных альтернативных целей – свобода торговли или протекционизм, предоставление Ирландии гомруля или отказ в нем, ограничение полномочий Палаты лордов или сохранение существовавшего положения и т. п. Вплоть до последней трети XIX века в основе идеологии партии лежали принципы классического либерализма. Обострение социальных контрастов вынудило *Либеральную партию* перейти к концепции социального либерализма и, будучи у власти, практически реализовывать его постулаты. В конце 90-х годов XIX – начале XX в. сложилась группировка либерал-империалистов, отражавших взгляды той части либеральной буржуазии, которая поддерживала идеи колониальной экспансии и расширения имперских границ.

В последней трети XIX – начале XX в. произошло организационное оформление *социалистических партий*. Во Франции идеологический плюрализм обусловил создание нескольких социалистических партий, отличавшихся разными подходами к определению методов достижения социализма. Социалисты-коллективисты (гедисты) разделяли идеи марксизма, POSSИБИЛИСТЫ были сторонниками муниципального социализма, бланкисты концентрировали внимание на политических формах борьбы и подготовке революции, независимые социалисты полагали достаточным завоевание большинства в парла-

менте. В связи с «казусом Мильерана» осудившие его гедисты и бланкисты объединились в *Социалистическую партию Франции*. POSSИБИЛИСТЫ и НЕЗАВИСИМЫЕ СОЦИАЛИСТЫ, разделявшие позицию Мильерана, образовали *Французскую социалистическую партию*. Образованная во исполнение решения Амстердамского (1904 г.) конгресса II Интернационала единая *Французская объединенная социалистическая партия*, или *Французская секция Рабочего Интернационала (СФИО)* не была чисто пролетарской, значительную ее часть составляли представители мелкой буржуазии, чиновничества. В политической деятельности она сконцентрировала усилия на завоевании депутатских мест.

В Германии две отдельные, независимые друг от друга рабочие партии *лассальянцев* и *эйзенахцев* после объединения составили единую *Социалистическую рабочую партию Германии*. Эрфуртский съезд 1891 г. принял новую программу и название партии, которая стала именоваться *Социал-демократической партией Германии*. Репрессивный «исключительный закон против социалистов» привел к запрету партии. После его отмены партия была воссоздана, приняла марксистскую программу. Различные подходы к проблеме социальной базы партии и определению путей достижения конечной цели привели к размежевания германских социал-демократов на три течения: ортодоксальное марксистское, ревизионистское и центристское. Признание реформистского пути развития сделало СДПГ привлекательной для многих представителей мелкой буржуазии, интеллигенции, что превратило ее из партии рабочего класса в общенародную партию.

В Великобритании *Фабианское общество* разработало систему взглядов, вошедшую в историю общественной мысли как фабианский социализм. Основу его концепции составила идея мирного перехода к социализму в условиях буржуазно-демократического политического строя. Деятельность многих английских социалистов была связана с *Демократической федерацией*, последовательно трансформировавшейся в *Социал-демократическую федерацию* и *Социал-демократическую партию*. Партия исповедовала доктрину революционного социализма, противопоставляя его реформистскому, эволюционному социализму. Целью *Независимой рабочей партии* была «промышленная республика, основанная на социализации земли и капитала» а способом достижения этой цели – «воспитание общества в принципах социализма». *Британская социалистическая партия* пропагандировала социалистические идеи, но игнорировала экономические проблемы рабочих, не имела контактов с тред-юнионами. Она не только не возглавила рабочее движение, но и не смогла оказать на него сколько-нибудь серьезного воздействия. Убеждение в необходимости самостоятельного рабочего представительства в парламенте стало движущим мотивом образования самостоятельной партии парламентского типа под названием *Комитет рабочего представительства*, переименованного затем в *Лейбористскую партию*.

Длительный путь развития прошли профессиональные союзы рабочих. Во Франции первоначально существовавшие общества взаимопомощи создавались

по профессиональному признаку, объединяли рабочих в пределах одного города и выступали в форме братств и филантропических союзов, ограниченных рамками благотворительности. Лишь с легализацией синдикаты рабочих и предпринимателей получили право на деятельность без предварительного разрешения в экономической, промышленной, торговой и сельскохозяйственной сферах. Заниматься политикой профсоюзы не могли. Различные ветви профсоюзного движения с объединением во *Всеобщую конфедерацию труда* восприняли идеологию анархо-синдикализма. В практической работе анархо-синдикалистам не удалось реализовать свои идеи. С началом Первой мировой войны влияние анархо-синдикалистов на рабочее движение резко упало. Кроме синдикатов частновладельческих предприятий, получили развитие синдикаты работников государственных и муниципальных предприятий: казенных железных дорог, оружейных и пороховых заводов, арсеналов, верфей, телеграфно-почтовых рабочих, табачных мануфактур, спичечных фабрик и другие.

Профессиональное движение в государствах Германии зародилось в виде страховых касс, рабочих союзов. В связи с преодолением раскола в социалистическом движении произошло слияние профсоюзных объединений, ориентировавшихся на социал-демократов. С отменой «исключительного закона» против социалистов социал-демократические профсоюзы учредили общегерманское объединение *Свободных профсоюзов*. Они создавались большей частью на мелких и средних предприятиях, охватывали преимущественно квалифицированных рабочих. *Свободные профсоюзы* проводили в жизнь концепцию нейтральности, ограничения профдвижения исключительно экономической сферой, отказа от борьбы за политическую власть, разделяли идейно-политические позиции реформизма. В практической работе в случае конфликтов с предпринимателями предпочтение отдавалось достижению компромиссов. *Свободные профсоюзы* не обладали монополией на единоличное представительство интересов рабочего класса. Возникли и действовали профобъединения с иной идеологией. Видное место занял *Союз немецких профсоюзов*. Построенный по типу английских тред-юнионов и объединявший служащих и рабочую аристократию, этот профсоюз, называемый также по имени основателей *гириш-дункеровским*, исходил из концепции единства интересов труда и капитала, стремился преодолевать производственные конфликты мирными средствами, выступал против стачек. Германия была первой страной, где рабочие союзы начала создавать церковь. Первоначально разрозненные, они соединились во *Всеобщее объединение христианских профсоюзов Германии*. Рабочих, которые, по терминологии промышленников, «проявляли добрую волю к труду», объединяли «желтые» профсоюзы. Большинство из них вошло в *Объединение германских производственных союзов*.

В Великобритании даже с отменой запрета на объединения профсоюзы не получили статус юридического лица, в связи с чем не могли рассчитывать на судебную защиту в случае конфликтов с предпринимателями или злоупотреблений собственных служащих. Ограничения отпали после официального при-

знания профсоюзов по «Акту о тред-юнионах 1871 года». Легализация привела к формированию и быстрому развитию цеховых тред-юнионов, объединявших рабочих по профессиям, их членами могли быть только квалифицированные рабочие. Социальная незащищенность и тяжелые условия труда большей части рабочих, прежде всего неквалифицированных, вызвала организацию тред-юнионов неквалифицированных рабочих, так называемых *новых юнионов*. Идеология *новых юнионов* исходила из противоположности интересов рабочих и буржуазии. Исходя из этого они сосредоточили усилия не только на взаимопомощи, но и на борьбе за улучшение условий труда и жизни рабочих. Создание разветвленной профсоюзной сети и облегчение приема в тред-юнионы привлекло в их ряды новых рабочих. В целом в названных странах организованный пролетариат охватывал меньшинство занятых в промышленности, но составлял политически наиболее активную часть рабочего класса.

Новым явлением стали профессиональные союзы предпринимателей, чиновников и служащих. В Германии монополистическая буржуазия объединилась в *Центральный союз германских промышленников* (ЦСГП), интересы которого простирались на все сферы деятельности: социальное и экономическое законодательство, лоббирование торговых договоров и соглашений; усовершенствование путей сообщения, внедрение технических изобретений; установление благоприятных налоговых тарифов; изыскание новых источников сырья и рынков сбыта продукции. ЦСГП поддерживал *Имперский союз борьбы против социал-демократии*, финансировал *Пангерманский союз*, *Флотский союз*, *Колониальное общество*. В качестве противовеса монополиям был образован *Союз промышленников*, охватывавший большинство средних и мелких предпринимателей. В целях защиты предпринимательских интересов он создал несколько постоянно действовавших организаций: *Центральное бюро по применению закона о недобросовестной конкуренции*, *Синдикат для безвозмездной выдачи справок по юридическим вопросам*, *Промышленный третейский суд*, *Бюро для подготовительных работ по торговым договорам*. Для противодействия рабочим профсоюзам работодатели сплотились в антипрофсоюзное *Объединение германских союзов работодателей*.

Интересы немецких аграриев защищал *Союз сельских хозяев*, лоббировавший повышение хлебных пошлин, различные льготы в налоговой области, изменение законодательства о найме рабочих, другие преобразования протекционистского характера. *Союз* принимал непосредственное участие в избирательных кампаниях в политическом русле консерваторов, превратившись из чисто экономического объединения в политический оплот юнкерства. Непосредственное участие юнкеров в *Союзе* и поддержка центральными и местными органами власти обеспечивали ему значительное влияние на земледельческое население на востоке Германии.

В Великобритании предпринимателям и «старым тред-юнионам» в определенной степени были присущи партнерские отношения. Возникновение «но-

вых юнионов» побудило предпринимателей, в свою очередь, объединиться в синдикаты с целью защиты от «чрезмерного» развития тред-юнионов.

Организации самозащиты создали чиновники. Во Франции принятие закона об ассоциациях 1901 г. открыло возможность для объединения в профессиональные союзы чиновников и служащих государственных учреждений, в том числе полицейских комиссаров, мировых судей, служащих налоговой и таможенной служб, почтово-телеграфного ведомства, путей сообщения, учителей. Получили право на профессиональную организацию в синдикаты медицинские работники. В Германии окрепшее осознание необходимости защиты собственных интересов побудило к созданию *Союза индустриальных служащих*. Служащие финансовых учреждений создали *Профессиональный союз банковских работников*, объединивший в единую структуру рядовых чиновников, руководителей и владельцев, последние и определяли направление и содержание деятельности всей организации. Сторонники либеральных идей в чиновничьей среде создали отдельный профессиональный союз банковских служащих. Были созданы профсоюзы работников свободных профессий. Чиновники Великобритании также создали организации самозащиты.

Широкими масштабами отличалось женское эмансипационное движение. Оно было представлено разнообразными организациями. Женское движение в виде организованных коллективных действий женщин, направленных на улучшение их положения в обществе, началось в Англии – в 1840-е гг., во Франции и Германии – в 1860-е гг., хотя все общества видели женские «бунты» и в более раннее время (например, во время Французской буржуазной революции конца XVIII в.). В нем отчетливо выделяются четыре основные области, хотя в каждой из них, в свою очередь, имеется спектр оттенков: равные права; женщины и семья; занятость и экономическая независимость. Вопрос равных прав был центральным. Женщины выступали за право получать образование, опекать своих детей, овладевать профессиями, распоряжаться собственностью, за предоставление права голоса. Женское движение XIX – начала XX в. вместе с осуществлением права женщин на электоральное участие и избрание в законодательные органы власти, вошло в историю как первая волна феминизма.

В XIX в. определение женской политической повестки для женщин из рабочей среды и женщин из среднего класса (в терминологии конца XIX – начала XX вв. – буржуазных женщин) отличалось. Работающих женщин из рабочей среды прежде всего объединяли экономические требования (повышение заработной платы, нормирование труда, ограничение рабочего дня и т. д.), осознание необходимости равных избирательных прав пришло значительно позже: лишь в 1907 г. на первой международной конференции социалисток в Штутгарте рассматривался вопрос об избирательном праве для женщин. Что касается женщин из среднего класса, то их требованием было достижение права на получение полноценного образования, ликвидация гражданской неполно-

ценности, а также получение политических прав. Требования женщин из разных слоев общества формулировались под влиянием разных жизненных потребностей. Те, для кого труд являлся источником существования и «куска хлеба», требовали урегулировать трудовые отношения: они тяготели к социалистам с их критикой несправедливостей экономической системы капитализма. Те же, кто в силу принадлежности к среднему классу могли рассматривать работу не в качестве тяжелой необходимости, а как сферу приложения творческих сил и служения обществу, объявляли войну политическому и гражданскому бесправию женщин, объединяясь под знаменами суфражизма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамс, Л. Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918 / Л. Абрамс; пер. с англ. Е. Незлобиной. – М.: Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. – 405 с.
2. Айзенштат, М. П. Британский парламент и общество в 30–40-е гг. XIX в. / М. П. Айзенштат; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: ИВИ РАН, 1997. – 205 с.
3. Айзенштат, М. П. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815 – середина 1870-х гг.) / М. П. Айзенштат, Т. Н. Гелла / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 217 с.
4. Айзенштат, М. П. Западноевропейский парламентаризм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития / М. П. Айзенштат; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Саратов. гос. ун-т. – М.: ИВИ РАН, 2001. – 100 с.
5. Айзенштат, М. П. Великобритания нового времени. Политическая история / М. П. Айзенштат; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Саратов. гос. ун-т. – М.: ИВИ РАН: СГУ, 2002. – 99 с.
6. Айзенштат, М. П. Британия нового времени. Политическая история: учеб. пособие / М. П. Айзенштат; Рос. акад. наук [и др.]. – М.: КДУ, 2007. – 203 с.
7. Айзенштат, М. П. Власть и общество Британии, 1750–1850 гг. / М. П. Айзенштат; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: ИВИ РАН, 2009. – 398 с.
8. Айзин, Б. А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX в. (1903–1906) / Б. А. Айзин; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 393, [5] с.
9. Айзин, Б. А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны (1907–1914) / Б. А. Айзин. – М.: Наука, 1974. – 331 с.
10. Айслер, Р. Чаша и клинок: взгляд на историю сквозь призму взаимоотношений мужчин и женщины / Р. Айслер; пер. с англ. – М.: Дерево жизни, Б. г. (1993). – 288 с.
11. Акт Венского конгресса, подписанный 28-го мая (9-го июня) 1815 года, с приложениями // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. / М-во иностр. дел; сост. Ф. Мартенс. – СПб., 1876. – Т. 3: Трактаты с Австрией. 1808–1815. – С. 207–533.
12. Акт в изменение акта о рабочих союзах 1871 г., 30 июня 1876 г. // Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов. Отд. пром-сти. – СПб.: Отдел промышленности мин. финансов, 1905. – С. 17–22.
13. Акт об изменении закона о бедных (1834 г.) // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е, доп. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 277.
14. Акт об ответственности хозяев, 7 сентября 1880 г. (Англия) // Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактуры. – СПб., 1899. – С. 1–5.
15. Акт о более действительном обеспечении свободы подданного (Habeas Corpus Act – 1 июля 1816) // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 153–156.
16. Акт о вознаграждении рабочих, 6 августа 1897 г. (Англия) // Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактуры. – СПб., 1899. – С. 6–21.

17. Акт, ограничивающий часы работы подростков и женщин на фабриках (8 июня 1847) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. [и с предисл.] проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 297.
18. Акт о заговорах и о защите собственности, 13 августа 1875 г. (Англия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 31–39.
19. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act – 26 мая 1679) // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 147–153.
20. Акт о народном представительстве 1832 года (первая парламентская реформа) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 145–151.
21. Акт о народном представительстве 1867 года (вторая парламентская реформа) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 151–156.
22. Акт о народном представительстве 1884 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М., 1996. – С. 169.
23. Акт о народном представительстве, 6 февраля 1918 г. // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 158–163.
24. Акт о парламенте (18 августа 1911 г.) // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 156–158.
25. Акт о Парламенте для определения отношений между полномочиями Палаты лордов и Палаты общин и для ограничения срока полномочий Парламента (1911) // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф. А. Кублицкий; пер. под ред. Г. С. Гурвича. – М., 1957. – С. 198–201.
26. Акт о перераспределении мест 1885 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М., 1996. – С. 169.
27. Акт о примирении, 7 августа 1896 г. // Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов. Отд. пром-сти. – СПб.: Отдел промышленности мин. финансов, 1905. – С. 40–42.
28. Акт о рабочих союзах, 29 июня 1871 г. (Англия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 3–16.
29. Акт о страховых капиталах рабочих союзов, 28 марта 1893 г. // Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов. Отд. пром-сти. – СПб.: Отдел промышленности мин. финансов, 1905. – С. 23.
30. Акт о тред-юнионах, 1913 г. (Англия) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М.: Гардарики, 1996. – С. 175–176.
31. Акт, регулирующий труд детей и подростков на фабриках Соединенного королевства (29 августа 1833 г.) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. и с предисл. проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 296–297.
32. Акт 1876 г., изменяющий акт о тред-юнионах 1871 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М., 1996. – С. 174.
33. Александер, Г. Историческое развитие женского буржуазного движения во Франции, Америке, Англии и Германии / Г. Александер ; пер. с нем. рукописи с предисл. Клары Цеткин. – М.: Изд-во Ком. акад., 1930. – 231 с.

34. Алексеев, Н. А. Палата лордов Британского парламента: от Суда Короля Эгберта до революции Премьера Т. Блэра, 825–2003 гг. / Н. А. Алексеев. – М.: БЕК, 2003. – 431 с.
35. Анбор, Г. Английские консерваторы и либералы / Г. Анбор. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 162 с.
36. Английские женщины в царствование королевы Виктории // Мир Божий. – 1897. – № 8. – С. 27–31.
37. Английский закон, определяющий права замужних женщин жить отдельно от мужей и получать от них содержание // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 5. – С. 280–281.
38. Английское и швейцарское законодательство об ответственности хозяев за несчастия с рабочими. – М.: Гор. тип., 1882. – 30, 12 с.
39. Английское фабричное законодательство / под ред. И. И. Янжула. – М.: Тип. «Ведомостей Моск. гор. полиции», 1880. – [2], XXXVI, 167 с.
40. Антюхина-Московченко, В. И. История Франции, 1870–1918 / В. И. Антюхина-Московченко. – М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1963. – 812 с.
41. Антюхина-Московченко, В. И. Третья республика во Франции, 1870–1918 / В. И. Антюхина-Московченко. – М.: Мысль, 1986. – 488 с.
42. Арзаканян, М. Ц. История Франции : учеб. для студентов вузов / М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякин, П. Ю. Уваров. – М.: Дрофа, 2005. – 474 с.
43. Арк. А-н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии (от начала XIX века до нашего времени) / Арк. А-н (Анекштейн А. И.). – 8-е полн. изд., довед. до 1929 г. – М.: Госиздат РСФСР, 1930. – 580 с.
44. Арк. А-н. История Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов. С конца XVIII века до нашего времени / Арк. А-н (Анекштейн А. И.). – 2-е, испр. и доп. изд. – Харьков: Пролетар, 1931. – Ч. 1 : Эпоха промышленного капитализма. – 830 с.
45. Арндт. Прусская конституция с объяснениями, извлеченными преимущественно из комментария д-ра Арндта / Арндт; пер. А. Мейендорфа; предисл. А. Столыпина. – СПб.: Гос. тип., 1905. – XXVI, 83 с.
46. Асслэн, Ж.-Ш. Экономическая история Франции с XVIII века до наших дней / Ж.-Ш. Асслэн, пер. с фр. – М.: Интраг-Р, 1995. – 248 с.
47. Баев, В. Г. Бисмарк и Конституция Германской империи 1871 года / В. Г. Баев // Вопр. истории. – 2005. – № 8. – С. 113–121.
48. Бажанов, А. Т. Органы юстиции Парижской коммуны / А. Т. Бажанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 136 с.
49. Бакс, Б. Социалистический катехизис / Б. Бакс, Г. Квелч; пер. с англ. Е. Лазарева. – 2-е изд. – М.: Сотрудничество, 1907. – 112 с.
50. Баранов, Н. Н. Ойген Рихтер: левый либерализм в кайзеровской Германии / Н. Н. Баранов // Урал. ист. вестн. – 2011. – № 3. – С. 96–104.
51. Баранов, Н. Н. Между кафедрой и трактиром: о судьбе германского либерализма в революции 1848 г. / Н. Н. Баранов // Новая и новейшая история. – 2011. – № 6. – С. 84–101.
52. Баранов, Н. Н. Два лика левого политического либерализма в вильгельмовской Германии / Н. Н. Баранов. – Saarbrücken : Lap Lambert Publ., 2011. – 232 с.
53. Баранов, Н. Н. Фридрих Науман – становление интеллектуала / Н. Н. Баранов // Imagines mundi: альм. всеобщ. истории XVI–XX веков. Сер. Интеллектуал. история. – 2006. – № 4, вып. 2. – С. 106–123.
54. Баранов, Н. Н. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии: 1858–1918 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Н. Н. Баранов; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 50 с.
55. Басецкий, И. И. Терроризм: генезис явления и международный опыт борьбы / И. И. Басецкий, Н. А. Легенченко. – Минск: Акад. МВД, 2001. – 206 с.
56. Бастиа, Ф. Кобден и Лига / Ф. Бастиа. – [Б. м.: б. и., 1896]. – XVI, 240 с.
57. Бебель, А. О Бернштейне: Речь, произнесенная на Ганноверском партийтаге 10 октября 1899 года / А. Бебель; пер. с нем. – Одесса: Буревестник, 1905. – 62 с.
58. Бебель, А. Женщина в прошлом, настоящем и будущем / А. Бебель; пер. с 30-го нем. изд. Е. Л. Гордон. – СПб.: М. Д. Орехов, 1900. – XXII, 449 с.

59. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель; пер. с 34-го нем. изд. под ред. В. А. Поссе. – Женева: Г. А. Куклин, 1904. – 538 с.
60. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель, пер. с послед. нем. изд. – СПб.: Луч, 1905. – XXII, 357 с.
61. Бебель, А. Очерки по женскому вопросу: женщина и социализм / А. Бебель; пер. с нем. под ред. В. А. Поссе. – М.: Колокол, 1905. – 574 с.
62. Бебель, А. Женщина и социализм: в 2 ч. / А. Бебель; пер. с послед. изд. В. А. Поссе. – СПб.: Вестн. знания, 1909. – ч. 2.
63. Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель; пер. с нем., предисл. В. Бильшая. – М.: Госполитиздат, 1959. – 592 с.
64. Бебель, А. Из моей жизни: / А. Бебель; пер. с нем. – М.: Госполитиздат, 1963. – 800 с.
65. Бегунов, Ю. К. 13 теорий демократии / Ю. К. Бегунов, А. В. Лукашев, А. В. Пониделко. – СПб.: Бизнес-Пресса, 2002. – 235 с.
66. Бедарида, Ф. Черчилль / Ф. Бедарида; пер. с фр. Е. Н. Юдиной. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 457 с.
67. Беджгот, В. Государственный строй Англии / В. Беджгот; пер. Е. Прейс; под ред. Н. Никольского. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1905. – [2], VII, [3], 359 с.
68. Белкин, И. Д. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции / И. Д. Белкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 347 с.
69. Белоруссов. Современная Франция в религиозном отношении / Белоруссов // Вестн. Европы. – 1914. – Кн. 7. – С. 334–349.
70. Белоруссов. Движение политических идей во Франции / Белоруссов // Рус. богатство. – 1913. – № 10. – С. 287–309.
71. Бендрикова, Л. А. Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции / Л. А. Бендрикова // К столетию Революции 1848 года: сб. ст. / Моск. гос. ун-т; под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. А. Бендриковой. – М., 1948. – С. 133–177.
72. Бер, М. История социализма в Англии: в 2 ч. / М. Бер; пер. с нем. М. Е. Ландау; с предисл. Ф. А. Ротштейна. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923–1924. – Ч. 1: Хозяйственный переворот, социальная критика и социализм. 1750–1824. – 1923. – 296 с.; Ч. 2: Период чартизма. 1825–1854. – 1924. – [445] с.
73. Бергман, Г. Предисловие / Г. Бергман // Мижуев, П. Г. Как другие народы стали грамотными / П. Г. Мижуев. – М.: Изд. «Долой неграмотность», 1925. – С. 3–11.
74. Берлин, П. О политических партиях и партийной дисциплине / П. Берлин // Образование. – 1906. – № 7. – С. 125–140.
75. Берлин, П. О социальном составе немецкой социал-демократической партии / П. Берлин // Образование. – 1906. – № 1. – С. 40–61.
76. Берлинский университет и русская женщина-врач // Русский голос. – 19 (06) мая 1907.
77. Бернштейн, Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии / Э. Бернштейн; пер. с нем. К. Я. Бутковского. – М.: Изд-во кн. склада Д. П. Ефимова, 1901. – 360 с.
78. Билль о правах, 13 февраля 1689 года // Собрание конституционных актов. Вып. 2: Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – М.: Изд-во В. М. Саблина, 1905. – С. 57–60.
79. Билль о правах (1689) // Вильсон, В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яценко, предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905. – Приложения. – С. 129–132.
80. Билль о правах, 23 октября 1689 г. // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 142–146.
81. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания: в 3 т. / О. Бисмарк; пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940–1941. – Т. 1. – 1940. – XLVIII, 336 с.
82. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания: в 3 т. / О. Бисмарк; пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940–1941. – Т. 2. – 1940. – 288 с.

83. Блос, В. История германской революции 1848 года / В. Блос; пер. с нем. Г. Радомысльского; под ред. А. Луначарского. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1906. – 496 с.
84. Блос, В. Германская революция: история движения 1848–1849 года в Германии / В. Блос; пер. В. Базарова, И. Степанова. – Изд., перераб. И. Степановым. – М.: Гос. изд-во, 1922. – XIV, [2], 528 с.
85. Блосфельд, Е. Г. Либерализм и английский лейборизм / Е. Г. Блосфельд // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.) [и др.]. – М., 1995. – С. 224–231.
86. Блэк, Дж. История Британских островов / Дж. Блэк; пер. с англ. – СПб.: Евразия, 2008. – 540 с.
87. Бобылева, С. И. Рабочий класс и «социальная политика» юнкерско-буржуазного блока Германии в 1900–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. И. Бобылева; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1980. – 22 с.
88. Богатые мира сего: ист.-биогр. очерки о Г. Даймлере, К. Бенце, М. А. Ротшильде / пер. с нем. А. Д. Дера. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 320 с.
89. Богомолов, С. А. Имперская идея в Великобритании в 70–80-е годы XIX века / С. А. Богомолов. – Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2000. – 300 с.
90. Бокль, Т. Г. История цивилизации в Англии / Т. Г. Бокль; пер. А. Н. Буйницкого и Ф. Н. Нарокомова. – Изд. – СПб.: Тип. Ю. А. Бокрама, 1863–1864. – Т. 1. – 1863.
91. Боков, Ю. А. Избирательные права женщин германских государств до 1919 г. / Ю. А. Боков [Электронный ресурс] // Ломоносов 2009 [Режим доступа] http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/30_4.pdf.
92. Борисович, Л. Движение чиновничьего пролетариата во Франции / Л. Борисович // Общественное. – 1908. – № 1. – С. 82–114.
93. Бороздин, И. Н. Очерки по истории социального движения во Франции XIX в. / И. Н. Бороздин. – СПб.: Колокол, 1906. – 132 с.
94. Бороздин, И. Н. Очерки по истории рабочего движения и рабочего вопроса во Франции XIX века / И. Н. Бороздин. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Изд-во ВЦСПС, 1923. – 104 с.
95. Брайович, С. М. Карл Каутский – эволюция его воззрений / С. М. Брайович; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1982. – 230 с.
96. Брандт, Б. Современная женщина и ее положение в Западной Европе и в Америке / Б. Брандт // Рус. богатство. – 1894. – № 4. – С. 225–262; № 5. – С. 137–165.
97. Браславский, И. История международного рабочего движения, 1864–1924 / И. Браславский. – М.: Новая Москва, 1925. – 281, [7] с.
98. Браун, Л. Женский вопрос, его историческое развитие и экономическое значение / Л. Браун; пер. с нем. под ред. Г. А. Гроссмана. – СПб.: Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1903. – 508 с.
99. Браун, Л. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона / Л. Браун; пер. с нем. А. Ачкасова и И. Кугеля. – М.: Госиздат, 1922. – 566 с.
100. Браун, Л. Женщина и политика / Л. Браун; пер. с нем. Н-ина. – СПб.: Молот, 1905. – 64 с.
101. Браун, Л. Женский труд в программе будущего / Л. Браун; пер. с нем. М. Зайденмана. – Одесса: Демос, 1905. – 32 с.
102. Браун, Л. Женский труд и домашнее хозяйство / Л. Браун; пер. с нем. – СПб.: «Б-ка для всех» О. Н. Рутенберг, [1906]. – 47 с.
103. Браун, Л. Охрана материнства / Л. Браун; пер. с нем. И. Кунина; под ред. В. В. Битнера. – СПб.: Вестник знания, 1909. – 32 с.
104. Браун, Л. Положение женщины в настоящем и будущем социальном строе / Л. Браун; пер. с нем. – Одесса: Единение, 1917. – 32 с.
105. Браун, Л. Роман моей жизни. Мемуары социалистки в 2-х тт. / Л. Браун, пер. с нем. З. Н. Журавской. – Пг.: Изд-во Петр. Совета рабочих и красн. депутатов, 1919.
106. Бриггс, Э. Европа нового и новейшего времени: с 1789 года и до наших дней / Э. Бриггс, П. Клэвин. – М.: Весь мир, 2006. – 585 с.
107. Британская империя в XIX–XX веке. Люди, события, идеи / отв. ред. А. Г. Чевтаев. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1997. – 186 с.

108. Британская империя / Гос. ин-т «Совет. энцикл.»; под ред. П. И. Лебедева-Полянского, Ф. Н. Петрова, О. Ю. Шмидта. – М.: ОГИЗ, 1943. – 464 с.
109. Бродель, Ф. Время мира / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – 680 с. – (Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.; т. 3).
110. Бромхед, П. Эволюция Британской конституции / П. Бромхед. – М.: Юрид. лит., 1978. – 333 с.
111. Буа, Ж. Женщина будущего / Ж. Буа; пер. с фр. – Киев: Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1897. – 160 с.
112. Бутенко, В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации / В. А. Бутенко. – СПб.: Тип. С. С. Стасюлевича, 1913. – Т. 1: 1814–1820. – X, 629 с. – (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета; ч. 115).
113. Бутенко, В. А. Социальный состав либеральной оппозиции во Франции в эпоху Реставрации / В. А. Бутенко // Из далекого и близкого прошлого: сб. этюдов из всеобщ. истории в честь 50-летия науч. жизни Н. И. Кареева. – Петроград; М., 1923. – С. 261–279.
114. Бутми, Э. Развитие конституции и политического общества в Англии / Э. Бутми; пер. с фр. М. Карова. – М.: М. В. Клюкин, 1897. – 175 с.
115. Бутми, Э. Развитие государственного и общественного строя Англии / Э. Бутми; пер. с нового фр. изд. под ред. М. Н. Покровского. – М.: Тип. О-ва распространения полез. кн., 1904. – 182 с.
116. Быков, Г. И. Чартизм / Г. И. Быков; Всесоюз. коммунист. ун-т. – Л.: Тип. ВЛКУ, 1931. – 32 с.
117. Быков, Г. И. Чартизм / Г. И. Быков; Коммунист. ин-т журналистики. – 2-е изд. – Л.: Тип. КИЖ, 1932. – 30 с.
118. Быкова, А. Ф. История Англии с XI века до начала Мировой войны / А. Ф. Быкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Петербург, 1918. – [4], 390 с.
119. Быстрянский, В. Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта – 28 мая 1871 г.) / В. Быстрянский. – Петроград: Гос. изд-во, 1921. – 174 с.
120. Бюлов, Б. Воспоминания (1914–1918) / Б. Бюлов; пер. с нем. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 62 с.
121. Вайнштейн, О. Л. История Парижской Коммуны / О. Л. Вайнштейн. – М.: Журн.-газ. об-ние, 1932. – 203 с.
122. Васютинский, В. А. Разрушители машин в Англии: очерки истории луддитского движения / В. А. Васютинский. – М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. – 146 с.
123. Вебб, Б. Кооперативное движение в Великобритании / Б. Вебб. – 2-е изд. – М.: Всерос. центр. союз потребит. о-в, 1918. – 159 с.
124. Вебб, С. Закат капитализма / С. Вебб, Б. Вебб; пер. с англ. под ред. и предисл. С. Б. Членова. – М.: Центр. упр. печ. ВСНХ – СССР, 1925. – 154 с.
125. Вебб, С. История тред-юнионизма: в 5 т. / С. Вебб, Б. Вебб; пер. под ред. В. Яроцкого. – Изд-во. 4-е. – М.: Изд. ВЦСПС, 1922–1925. – 5 т.
126. Вебб, С. Теория и практика английского тред-юнионизма: в 2 т. / С. Вебб, Б. Вебб; пер. с англ. В. Ильина (В. Ульянова-Ленина). – 2-е изд. – М.: Изд-во ВЦСПС, 1925–1926. – 2 т.
127. Вебб, С. 8-ми часовой рабочий день / С. Вебб, Х. Кокс. – Петроград: Сотрудничество, 1918. – X, 312 с.
128. Вебб, С. Социализм в Англии: сб. ст. / С. Вебб; пер. с нем. изд. Г. Курелла. – СПб.: Обществ. польза, 1907. – 232 с.
129. Вебб, С. Социализм в Англии: сб. ст. / С. Вебб; пер. с англ. – Петроград: Сотрудничество, 1918. – 216 с.
130. Вебер, А. Б. Классовая борьба и капитализм: рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX–XX вв. / А. Б. Вебер; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; отв. ред. А. С. Черняев. – М.: Наука, 1986. – 303 с.
131. Великая хартия вольностей (Magna Carta, 1215) // Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. Ф. Ф. Кокошкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – Ч. 1:

Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. – С. 3–9.

132. Великая хартия вольностей (Magna Carta, 1215) // Собрание конституционных актов. Вып. 2: Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – М.: Изд-во В. М. Саблина, 1905. – С. 48.

133. Великая хартия Генриха III, 11 февраля 1225 года // Собрание конституционных актов. Вып. 2: Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – М.: Изд-во В. М. Саблина, 1905. – С. 48–52.

134. Великие промышленники / Вернер фон Сименс / Зигфрид фон Вейхер. Крупп / Эрнст Шредер [пер. с нем. А. В. Николаевой]. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 307, [1] с.

135. Венгерова, З. Феминизм и женская свобода / З. Венгерова // Образование. – 1898. – № 5–6. – С. 73–90.

136. Венский заключительный акт (Заключительный акт министерских совещаний, состоявшихся в Вене и посвященных формированию и укреплению Германского союза), 15 мая 1820 г. // Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сб. док. / авт.-сост.: Н. Н. Баранов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – С. 67–83.

137. Верморель, О. Ж. Деятели Сорок восьмого года / О. Ж. Верморель. – М. – Пг.: Нижполиграф, 1923. – 300 с.

138. Версальский прелиминарный мирный договор от 26 февраля 1871 года // Ротштейн, Ф. А. Две прусские войны / Ф. А. Ротштейн. – М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1945. – С. 173–176.

139. Викторианцы: столпы британской политики XIX века / Рост. гос. ун-т, Ассоц. европ. исслед.; отв. ред. И. М. Узнаровов. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 207 с.

140. Виллар, К. Социалистическое движение во Франции, 1893–1905 (Гедисты) / К. Виллар; пер. с фр. А. О. Зелениной [и др.]; ред. и вступ. ст. А. З. Манфреда. – М.: Прогресс, 1969. – 583 с.

141. Вильгельм II Гогенцоллерн. Мемуары. События и люди, 1878–1918 / Вильгельм II Гогенцоллерн. – М.; Петроград: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. – XIX, 177 с.

142. Вильгельм II Гогенцоллерн. Мемуары. События и люди, 1878–1918 / Вильгельм II Гогенцоллерн. – 2-е изд. – Минск: Харвест, 2003. – 461 с.

143. Вилье, М. де. Женские клубы и легионы амазонок. Из истории феминизма во Франции / М. де Вилье; пер. с фр. и предисл. Ю. М. Стеклова. – М.: Соврем. проблемы, 1912. – XIV, 427 с.

144. Вильсон, В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: Изд. В. М. Саблина, 1905. – 800 с.

145. Виноградов, В. Н. У истоков Лейбористской партии, 1889–1900 / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 1965. – 446 с.

146. Виноградов, В. Н. Закат Кейр Гарди и возвышение Рамсея Макдональда (Из истории раннего лейборизма) / В. Н. Виноградов // Новая и новейшая история. – 1972. – № 5. – С. 87–102.

147. Виноградов, В. Н. Первые шаги лейбористской партии (1900–1905) / В. Н. Виноградов // Проблемы британской истории, 1973: сборник / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: Н. А. Ерофеев (отв. ред.) [и др.]. – М., 1973. – С. 79–105.

148. Виноградов, В. Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле / В. Н. Виноградов; Рос. акад. наук. – М.: Наука, 2004. – 188, [3] с.

149. Виноградов, К. Б. Дэвид Ллойд Джордж / К. Б. Виноградов. – М.: Мысль, 1970. – 412 с.

150. Виноградская, П. Фердинанд Лассаль / П. Виноградская. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. – 249 с.

151. Витте, С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / С. Ю. Витте; вступ. ст., общ. ред. А. Л. Сидорова. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. – 639 с.

152. Витюк, В. В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В. В. Витюк, С. А. Эфиров; Акад. наук СССР, Ин-т социол. исслед.; отв. ред. Г. В. Осипов. – М.: Наука, 1987. – 315 с.

153. В. М. (Майский В.) Выборы в рейхстаг и социал-демократия / В. М. // Соврем. мир. – 1912. – № 3. – С. 277–287.

154. Водовозов, В. Консервативная партия / В. Водовозов // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1895. – Т. 16 (31). – С. 34–39.
155. Водовозова, Е. Н. Как люди на белом свете живут. Французы / Е. Н. Водовозова. – 4-е изд. – М.: Задруга, 1920. – IV, 231 с.
156. Воззвание Комитета «Общество времен года», 12 мая 1839 г. // Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – М., 1933. – С. 311.
157. Воззвание Луи Бонапарта. Призыв к народу, 2 декабря 1851 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – 2-е изд. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 396–397.
158. Возникновение партийной организации германской социал-демократии: речи Бебеля, Либкнехта, Зингера и др. на парт. съезде в Галле в 1890 г. / пер. с нем. Н. Дьконова. – М.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. – 106 с.
159. Волгин, В. П. Французский утопический коммунизм / В. П. Волгин; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – М.: Наука, 1979. – 336 с.
160. Волгин, В. П. Бланки / В. П. Волгин // Французский утопический коммунизм / В. П. Волгин; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – М., 1979. – С. 295–320.
161. Всемирная история: в 13 т. / Акад. наук СССР [и др.]; гл. ред.: Е. М. Жуков [и др.]. – М.: Соцэкгиз, 1955–1983. – 13 т.
162. Всеобщий горный закон для Пруссии 24 июня 1865/1892 гг. с изменениями, принятыми Палатою депутатов в третьем чтении 28 марта 1905 г. (Германия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 5–9.
163. Всенародная хартия. Билль об установлении справедливого представительства британского и ирландского народов в Палате Общин: пересмотр. на конф., созв. народом в Бирмингеме, в дек. 1842 г. // Гаммедж, Р. История чартизма / Р. Гаммедж; пер. с англ. А. В. Погожевой. – СПб., 1907. – С. 471–492.
164. Вторая национальная петиция // Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – М., 1933. – С. 263–265.
165. Вторая национальная петиция // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 21–24.
166. Выдержки из второй национальной петиции. Прочитана Палате Общин 2 мая 1842 г. // Материалы по истории революционного движения на Западе / Коммунист. ун-т. – М., 1923. – Вып. 1: Чартизм / пер. с англ. под ред. Г. И. Гордона. – С. 33–35.
167. Гагарин, А. Франц Меринг и его философские взгляды / А. Гагарин. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 140 с.
168. Гаген, В. А. Право бедного на призрение / В. А. Гаген. – СПб.: Обществ. польза, 1907. – Т. 1: История и современное положение законодательства об обязательном призрении бедных в Германии, Франции и Англии. – [4], VI, [2], 649 с.
169. Гаген, В. А. Западноевропейский бедняк / В. А. Гаген. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1912. – 736 с.
170. Гаджиев, К. С. Политология: учеб. для вузов / К. С. Гаджиев. – М.: Логос, 2001. – 485 с.
171. Галеви, Э. История Англии в эпоху империализма / Э. Галеви; пер. с фр. под ред. и с предисл. Б. Вебера. – М.: Соцэкгиз, 1937. – XX, 408 с.
172. Галкин, А. А. Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир; Акад. наук СССР; отв. ред. Б. И. Коваль. – М.: Наука, 1987. – 188 с.
173. Галкин, И. С. В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки / И. С. Галкин. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1977. – 365 с.
174. Галкин, И. С. Объединение Германии: лекция / И. С. Галкин; Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б) / И. С. Галкин. – М.: Воениздат, 1948. – 80 с.

175. Галкин, И. С. Создание Германской империи (1815–1871 гг.) / И. С. Галкин. – М.: Высш. шк., 1986. – 173 с.
176. Галкина, Л. А. К критике идеологии фабианства / Л. А. Галкина; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; отв. ред. И. Н. Ундасынов. – М.: Наука, 1984. – 153 с.
177. Гаммедж, Р. Д. История чартизма / Р. Д. Гаммедж; пер. с англ. А. В. Погожевой. – СПб.: Дело, 1907. – VIII, 506 с.
178. Гаштейнская конвенция, 14 августа 1865 г. // Хрестоматия по истории международных отношений: учеб. пособие / В. И. Киселева [и др.]. – М.: Высш. школа, 1963. – Вып. 1: Европа и Америка. – С. 180.
179. Гед, Ж. Речи, произнесенные в палате депутатов / Ж. Гед; пер. с фр. С. и В. Цедербаум, под ред. и с предисл. Л. Мартова. – СПб.: ред. журн. «Образование», 1908. – XVI, 288 с.
180. Гед, Ж. Программа организационной работы партии / Ж. Гед. – СПб.: Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1906. – 68 с.
181. Гейкинг, А. А. Англия, ее государственный, общественный и экономический строй: исслед. и наблюдения на Императ. Рос. консул. службе / А. А. Гейкинг. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – [4], 689 с.
182. Гелла, Т. Н. Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX в. / Т. Н. Гелла. – Орел: Изд-во Орлов. гос. пед. ин-та, 1992. – 130 с.
183. Гельд, А. Социальная история Англии / А. Гельд; пер. П. Шутякова. – СПб.: Тип. Монтвида, 1907. – Вып. 1. – 144 с.
184. Гемфри, А. У. История рабочего представительства в Англии / А. У. Гемфри; пер. с англ., с примеч. и прил. В. Левяцкого. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. – 128 с.
185. Генеральный Совет Первого Интернационала, 1864–1866. Лондонская конференция 1865 г.: протоколы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. – XX, 364 с.
186. Генеральный Совет Первого Интернационала, 1866–1868: протоколы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Госполитиздат, 1963. – XV, 344 с.
187. Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868–1870: протоколы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1964. – XVIII, 397 с.
188. Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871–1872: протоколы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1965. – XVI, 464 с.
189. Германская история в новое и новейшее время: в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: С. Д. Сказкин [и др.]. – М.: Наука, 1970. – Т. 1 / М. М. Смирин, С. Д. Сказкин, Л. И. Гинцберг. – 510 с.
190. Германский союзный акт 8 июня 1815 г. // Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сб. док. / авт.-сост.: Н. Н. Баранов и др. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – С. 56–66.
191. Гессен, В. М. Основы конституционного права / В. М. Гессен. – 2-е изд. – Петроград: Юрид. кн. склад «Право», 1918. – VIII, 437 с.
192. Гижицкая, Л. Женское движение в Германии и Англии / Л. Гижицкая (Лили Браун) // Мир Божий. – 1896. – № 5. – С. 38–54.
193. Гижицкая, Л. Женское избирательное право в Англии / Л. Гижицкая (Лили Браун) // Мир Божий. – 1897. – № 9. – С. 71–91.
194. Гинцберг, Л. И. Карл Либкнехт / Л. И. Гинцберг. – М.: Госполитиздат, 1959. – 80 с.
195. Глеб, М. В. Эволюция имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М. В. Глеб; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 20 с.
196. Глеб, М. В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.) / М. В. Глеб; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 190 с.
197. Гнейст, Р. История государственных учреждений Англии / Р. Гнейст; пер. с нем. под ред. проф. С. А. Венгерова. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1885. – VI, 857, X с.
198. Головачев, Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1918 г.) / Ф. Ф. Головачев; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 566 с.

199. Гольденвейзер, А. С. Социальные течения и реформы XIX столетия в Англии: докл., чит. в заседании Киев. юрид. о-ва 21 сент. 1891 г. / А. С. Гольденвейзер. – Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. – 186 с.
200. Гольман, Л. И. От Союза Коммунистов к Первому Интернационалу (Деятельность Карла Маркса в 1852–1864 гг.) / Л. И. Гольман. – М.: Мысль, 1972. – 479 с.
201. Гордон, А. В. А. 3. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м гг.) / А. В. Гордон // Французский ежегодник. – М.: Наука, 2006. – С. 44–66.
202. Горев, Б. И. История социализма в связи с развитием рабочего движения: в 2 т. / Б. И. Горев. – 2-е изд. – М.: Новая Москва, 1924. – 2 т.
203. Горев, Б. И. М. А. Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение / Б. И. Горев; Всерос. совет рабочей кооп. – М.: Тип. М. И. Смирнова, 1919. – 112 с.
204. Горенберг, М. Б. Парламентское управление в Англии / М. Б. Горенберг // Журн. М-ва юстиции. – 1908. – № 1. – С. 50–101.
205. Готская программа (Программа социалистической рабочей партии Германии: принята на объединит. съезде в Готе, 25–27 мая 1875 г.) // Маркс, К. Замечания на программу германской рабочей партии («Критика Готской программы») / К. Маркс; с вступ. ст. К. Корша и 4 прил.; пер. с нем. Н. А. Алексеева. – М.; Петроград, 1923. – С. 78–81.
206. Градовский, А. Д. Собрание сочинений: в 5 т. / А. Д. Градовский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899–1902. – Т. 4: Государственное право важнейших европейских держав, т. 1. – 1900. – 816 с.; Т. 5: Государственное право важнейших европейских держав, т. 2. – 1902. – 561 с.
207. Гражданское уложение Германской империи. – СПб.: тип. Правительствующего сената, 1898. – XVI, 506 с.
208. Гражданское уложение Германской империи // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садилов; под ред. и с предисл. проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 291–295.
209. Гридасов, О. Л. Английский либерализм и новая концепция империи в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О. Л. Гридасов; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1997. – 17 с.
210. Грин, Дж. Р. История английского народа: в 4 т. / Дж. Р. Грин; пер. с англ. П. Николаева. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1891–1892. – Т. 4: Революция 1683–1760. Современная Англия, 1760–1815. – 1892. – 308 с.
211. Грин, Дж. Р. Краткая история английского народа: в 3 вып. / Дж. Р. Грин; пер. с англ. В. Я. Богучарского; под ред. Н. Н. Шамониной. – М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1897–1900. – Вып. 1. – 1897. – 332 с.; Вып. 2. – 1898. – 386 с.; Вып. 3. – 1900. – 408 с.
212. Грин, Дж. Р. История Англии и английского народа / Дж. Р. Грин; пер. с англ. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 750 с.
213. Грин, Дж. Р. Британия: краткая история английского народа: в 2 т. / Дж. Р. Грин. – Минск: Мин. ф-ка цв. печ., 2007. – 2 т.
214. Гриффель, В. Задачи профессионального объединения / В. Гриффель // Профессиональные союзы во Франции: сб. ст. / В. Гриффель [и др.]; пер. с фр. – М., 1908. – С. 62–80.
215. Громан, В. В. Организации работодателей в Германии / В. В. Громан. – СПб.: О-во заводчиков и фабрикантов, 1908. – [2], 4, IV, 131 с.
216. Гроссман, Г. Немецкие женщины в избирательной борьбе / Г. Гроссман // Образование. – 1903. – № 9. Отдел. III. – С. 1–20.
217. Грудзинский, В. В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. – 310 с.
218. Гуж, О. де. Декларация прав женщины и гражданки [Электронный ресурс] / О. де Гуж; пер. Е. Лучининой, В. Успенской // Новая электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.newlibrary.ru/book/olimpija_de_guzh/deklaracija_prav_zhenshiny_i_grazhdanki.html. – Дата доступа: 20.02.2015.
219. Гурвич, Г. С. Политический строй современных государств. Англия / Г. С. Гурвич. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. – 151 с.

220. Гурвич, С. Н. Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века / С. Н. Гурвич; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1976. – 324 с.
221. Гурвич, С. Н. Программа республиканской партии радикалов и радикал-социалистов 1907 года / С. Н. Гурвич // Французский ежегодник, 1984: ст. и материалы по истории Франции / редкол.: В. В. Загладин (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1986. – С. 170–188.
222. Гушин, А. С. Парижская Коммуна и художники / А. С. Гушин. – Л.: Изогиз, Ленинградское отделение, 1934. – 241, [2] с.
223. Давидсон, А. Б. Сесил Родс – строитель империи / А. Б. Давидсон. – М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. – 445 с.
224. Дэйси, А. В. Основы государственного права Англии: введ. в изучение англ. конституции / А. В. Дэйси; пер. доп. по 6-му англ. изд. О. В. Полторацкой; под ред. П. Г. Виноградова. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. – XXXVI, 658 с.
225. Далин, В. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции / В. Далин; Коммунист. акад., Ин-т истории. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 228 с.
226. Далин, В. М. Люди и идеи: из истории революционного и социалистического движения во Франции / В. М. Далин. – М.: Наука, 1970. – 394 с.
227. Далин, В. М. Из истории социальной мысли во Франции / В. М. Далин; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Е. Б. Черняк. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
228. Данилин, Ю. И. Театральная жизнь в эпоху Парижской Коммуны / Ю. И. Данилин. – М.: Госполитиздат, 1936. – 355 с.
229. Данн, О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / О. Данн; пер. с нем. И. П. Стребловой. – СПб.: Наука, 2003. – 468 с.
230. Декларация прав человека и гражданина. Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. – М., 1989. – С. 26–29.
231. Декрет об учреждении национальных мастерских // Фридлянд, Ц. История революционного движения Западной Европы (1789–1914): хрестоматия / Ц. Фридлянд, А. Слуцкий. – 5-е изд. – М.; Л., 1928. – С. 359–360.
232. Декрет о передаче всей полноты власти генералу Кавеньяку // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е, доп. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 386.
233. Декреты о недозволенных конгрегациях, 29 марта 1880 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 88.
234. Дело Дрейфуса: пересмотр процесса в Кассационном суде: речи генер. прокурора Мано и защитника Морнара. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 278 с.
235. Денисова, Е. Женщины Парижской Коммуны / Е. Денисова. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1930. – 80 с.
236. Дерюжинский, В. Ф. Публичные митинги в Англии (Очерки из политической истории Англии) / В. Ф. Дерюжинский // Вестн. Европы. – 1893. – Кн. 2. – С. 583–618; Кн. 3. – С. 142–176.
237. Дерюжинский, Вл. Общественное мнение и законодательство в Англии / Вл. Дерюжинский // Вестн. Европы. – 1906. – Кн. 10. – С. 441–486; Кн. 11. – С. 154–196.
238. Дерюжинский, В. Ф. О гарантиях личной свободы в Англии. Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву: очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их временного ограничения / В. Ф. Дерюжинский. – Юрьев: Типо-литогр. Г. Лакмана, 1895. – XII, 392, XXIV с.
239. Дерюжинский, В. Ф. Очерки политического развития современной Англии / В. Ф. Дерюжинский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – VIII, 227 с.
240. Дерюжинский, В. Ф. Призрение бедных в Англии / В. Ф. Дерюжинский. – СПб.: Гос. тип., 1906. – 49 с.
241. Джефсон, Г. Платформа, ее возникновение и развитие: история публичных митингов в Англии: в 2 т. / Г. Джефсон; пер. с англ. Н. Н. Мордвиновой; под ред. В. Ф. Дерюжинского. – СПб.: Тип. М. Акинфиева, И. Леонтьева, 1901. – Т. 1. – [2], V, 597, IX с; Т. 2. – [2], 613, XI с.

242. Дживилегов, А. К. История современной Германии: в 2 ч. / А. К. Дживилегов. – СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1908–1910. – Ч. 2: 1862–1910. – 1910. – [4], 210 с.
243. Джонстон, У. Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века / У. Джонстон // Лавровский, В. Английский капитализм во второй половине XIX века / В. Лавровский. – М., 1925. – С. 44–48.
244. Джордж, Г. Единый налог или социализм для блага народа / Г. Джордж, Г. Гайндман; пер. с англ. Бакша; под ред. В. В. Битнера. – СПб.: Вестн. знания (В. В. Битнера), 1910. – 32 с.
245. Дионео. Меняющаяся Англия / Дионео. – 3-е изд. – М.: Книгоизд-во писателей, 1915. – Ч. 1–2.
246. Дионео. Суфражистки / Дионео // Рус. богатство. – 1909. – № 1. – С. 30–65.
247. Дионео. Еще о феминизме / Дионео // Меняющаяся Англия: в 2-х ч. Ч. I. Изд. 3-е. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – С. 44–69.
248. Диттрич, Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии / Т. В. Диттрич. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 381 с.
249. Д. К. Женское движение в Англии / Д. К. // Рус. мысль. – 1896. – № 10. – С. 103–116.
250. Договор о Германском союзе (1815 г.) // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 3-е, стер. – М., 1935. – Вып. 2. – С. 10–11.
251. Договор о таможенном союзе между Пруссией, Гессеном, Баварией и Вюртембергом // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 3-е, стер. – М., 1935. – Вып. 2. – С. 14–15.
252. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / сост. А. В. Адо [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1990–1992. – Т. 1, 1990. – 527 с.
253. Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / сост. А. В. Адо [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1990–1992. – Т. 2, 1992. – 352 с.
254. Домнич, М. Я. Очерки истории христианского синдикализма / М. Я. Домнич; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1976. – 191 с.
255. Дополнения к Конституционному акту Королевства Баварии. I. Закон об инициативе сословных чинов, 21 июня 1848 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 78–79.
256. Дополнения к Конституционному акту королевства Баварии: Закон об ответственности министров, 4 июня 1848 г. // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 80–83.
257. Дополнения к Конституционному акту королевства Баварии: Закон о выборах депутатов ландтага 4 июня 1848 года, в установленной 22 марта 1881 года редакции // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 83–92.
258. Дорнеманн, Л. Заседание рейхстага объявляю открытым. Жизнь и деятельность Клары Цеткин / Л. Дорнеманн; пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 518 с.
259. Драбкин, Я. С. Четверо стойких: Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин / Я. С. Драбкин. – М.: Политиздат, 1985. – [1], 367 с.
260. Дронова, Н. В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века) / Н. В. Дронова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1998. – 179 с.
261. Дунаевский, В. А. Советская историография новой истории стран Запада, 1917–1941 / В. А. Дунаевский; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1974. – 375 с.
262. Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах (с приложением текстов конституций) / В. Н. Дурденевский. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 261 с.
263. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис. – М.: Изд. АСТ; ООО Транзиткнига, 2004. – 943 с.
264. Дэниел, К. Англия: история страны / К. Дэниел; пер. с англ. Т. Мининой. – М.; СПб.: Эксмо МИДГАРД, 2007. – 479 с.

265. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. – М.: Акад. проект, 2002. – 558 с.
266. Евзеров, Р. Я. Роза Люксембург: биограф. очерк / Р. Я. Евзеров, И. С. Яжборовская. – М.: Мысль, 1974. – 327 с.
267. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / В. Н. Виноградов [и др.]. – М.: Индрик, 2001. – 455 с.
268. Емельянова, Н. В. Англия и Парижская Коммуна / Н. В. Емельянова. – М.: Наука, 1981. – 220 с.
269. Ерофеев, Н. А. Очерки по истории Англии, 1815–1917 гг. / Н. А. Ерофеев. – М.: Ин-т междунар. отношений, 1959. – 263 с.
270. Ерофеев, Н. А. Закат британской империи / Н. А. Ерофеев. – М.: Мысль, 1967. – 279 с.
271. Ерофеев, Н. А. Английский колониализм в середине XIX века: очерки / Н. А. Ерофеев; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
272. Ерофеев, Н. А. Чартистское движение / Н. А. Ерофеев. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 128 с.
273. Ерофеев, Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг. / Н. А. Ерофеев. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 536 с.
274. Ерофеев, Н. А. Промышленная революция в Англии / Н. А. Ерофеев. – М.: Учпедгиз, 1963. – 184 с.
275. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев. – М.: Наука, 1982. – 320 с.
276. Ерусалимский, А. С. Бисмарк: дипломатия и милитаризм / А. С. Ерусалимский / АН СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1968. – 284 с.
277. Ефимова, Е. Ш. Изменение положения и социокультурного статуса женщин среднего класса Великобритании 1870–1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. Ш. Ефимова; Омск. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 27 с.
278. Жаринов, К. В. Терроризм и террористы: ист. справ. / К. В. Жаринов / под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999. – 604, [2] с.
279. Желубовская, Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции / Э. А. Желубовская. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 504 с.
280. Женский вестник: Ежемес. обществ. науч.-лит. журнал, посвященный женскому вопросу. – СПб., 1904–1917.
281. Женское дело во Франции // Первый женский календарь / сост. Л. Н. Ариян. – СПб., 1900. – С. 356–363; 1904. – С. 415–417.
282. Жид, П. Гражданское положение женщины: с древнейших времен / П. Жид; пер. с фр. под ред. и с предисл. проф. Ю. Гамбарова. – М.: Издание магазина «Книжное дело», 1902. – [2], XL, 478, [2] с.
283. Жирнов, Н. Ф. «Новый торизм» Бенджамина Дизраэли и социальные реформы 60-х годов XIX столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. Ф. Жирнов; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1991. – 15 с.
284. Жорес, Ж. Избранные речи и статьи / Ж. Жорес; пер. с фр. А. Геринг; под ред. В. Ф. Томианца. – СПб.: Луч, 1907. – 224 с.
285. Забалуев, В. Г. Интеграция католической партии Центра в политическую систему кайзеровской Германии (1897–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. Г. Забалуев; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М., 1991. – 26 с.
286. Забастовочная борьба трудящихся, конец XIX в. – 70-е годы XX в. (Статистика) / А. Н. Жамалетдинова [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. – М.: Наука, 1980. – 502 с.
287. За границей: в Германии: женщины в германском университете // Мир Божий. – 1904. – № 9. – С. 46–49.
288. За границей: из иностранных журналов // Мир Божий. – 1902. – № 3. – С. 36–51.
289. Зайдель, Г. С. Очерки по истории Второго Интернационала (1889–1914 гг.) / Г. С. Зайдель. – Л.: Прибой, 1930. – Т. 1. – 240 с.

290. Закон, вносящий изменения в конституционные законы, 14 августа 1884 г. // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберг. – СПб., 1905. – С. 122–123.

291. Закон, вносящий изменения в конституционные законы, 9 декабря 1884 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. в. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 556–560.

292. Закон, восстанавливающий единоличное голосование для избрания депутатов, 13 февраля 1889 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов / Пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 561.

293. Закон, заключающий в себе изменение органических законов об организации Сената и об избрании сенаторов, 9 декабря 1884 г. // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберг. – СПб., 1905. – С. 124–128.

294. Закон Ле-Шапелье (Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии) // Захер, Я. М. Французская революция в документах. 1789–1794 / Я. М. Захер. – Л.: Прибой, 1926. – С. 70–75.

295. Закон об амнистии, 6 июля 1880 г. (Франция) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 88.

296. Закон об ассоциациях, 1 июля 1901 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 109.

297. Закон об изменениях органических законов об организации сената и выборов сенаторов, 9 декабря 1884 г. // Вильсон, В. Государство. Прошлые и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 17–19.

298. Закон об общественном здравоохранении, 1875 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 125–126.

299. Закон об организации государственной власти, 25 февраля 1875 г. // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберг. – СПб., 1905. – С. 104–106.

300. Закон об ответственности за несчастные случаи, при которых страдают рабочие во время производства работ, 9 апреля 1898 г. (Франция) // Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактуры. – СПб., 1899. – С. 38–50.

301. Закон об отделении церкви от государства, 9 декабря 1905 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 110–112.

302. Закон об учреждении профессиональных синдикатов, 21 марта 1884 года (Франция) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 1–4.

303. Закон о восстановлении одноименного вотума для выборов депутатов, 13 февраля 1889 г. (Франция) // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 26.

304. Закон о восстановлении одноименного вотума для выбора депутатов, 13 февраля 1889 г. // Вильсон, В. Государство. Прошлые и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 20.

305. Закон о вручении исполнительной власти на семь лет маршалу Мак-Магону, графу Маджентскому, 20 ноября 1873 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 80.

306. Закон о выборах депутатов ландтага 4 июня 1848 года в установленной 22 марта 1881 года редакции // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 83–86.

307. Закон о выборах по списку, 16 июня 1885 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 560.

308. Закон о выборах по списку, 16 июня 1885 г. // Вильсон, В. Государство. Прошрое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 19.

309. Закон о выборах по списку, 16 июня 1885 г. // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 25.

310. Закон о государственном социальном страховании, 16 декабря 1911 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 150–154.

311. Закон о заговорах и защите собственности 1875 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 124–125.

312. Закон о местном управлении 1888 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 133–135.

313. Закон о местном управлении 1894 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 136–137.

314. Закон о местопребывании исполнительной власти в Париже, 22 июля 1879 г. // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 22–23.

315. Закон о местопребывании исполнительной власти в Париже, 22 июля 1879 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов в 2 т. / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 555–556.

316. Закон о местопребывании исполнительной власти и палат в Париже, 22 июля 1879 г. // Вильсон, В. Государство. Прошрое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 16–17.

317. Закон о множественных кандидатурах, 17 июня 1889 года (Франция) // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 26.

318. Закон о множественных кандидатурах, 17 июня 1889 г. // Вильсон, В. Государство. Прошрое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 20.

319. Закон о множественных кандидатурах, 17 июня 1889 года // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов: в 2 т.; пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 561.

320. Закон о наименовании и функциях главы исполнительной власти, 31 августа 1871 г. (Франция) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 79.

321. Закон о начальном образовании, 17 февраля 1870 года (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 122–123.

322. Закон о пенсиях по старости, 1 августа 1908 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 141–143.

323. Закон о пенсиях рабочим и крестьянам, 5 апреля 1910 г. (Франция) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 112–113.

324. Закон о помощи многодетным, 14 июля 1913 г. (Франция) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 113–114.

325. Закон о престолонаследии (Act of Settlement, 12 июня 1701) // Собрание конституционных актов. Вып. 2: Конституции Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – М.: Изд. В. М. Саблина, 1905. – С. 61–62.

326. Закон о престолонаследии (Act of Settlement, 12 июня 1701) // Вильсон, В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яценко, с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905. – Приложения. – С. 133–134.

327. Закон о продолжительности рабочего дня в шахтах, 29 июня 1905 г. (Франция) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 110.

328. Закон о производственных спорах 1906 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 139–140.

329. Закон о промышленных судах от 29 июля 1890 года (30 июня 1901 года), в редакции, одобренной 29 сентября 1901 года (Германия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 32–59.

330. Закон о рабочих коалициях 1825 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост.: Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 144.

331. Закон о свободе печати 1881 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 89–91.

332. Закон о свободе собраний, 30 июня 1881 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 91–92.

333. Закон о соотношении государственных властей, 16 июля 1875 г. // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб., 1905. – С. 108–110.

334. Закон о среднем образовании для девушек, 21 декабря 1880 г. (Франция) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 89.

335. Закон о страховании при несчастных случаях (6 июля 1884 г., Германия) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. и с предисл. проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 300–301.

336. Закон о страховании рабочих в случае болезни (15 июня 1883 г., Германия) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. и с предисл.

проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: б. и., 1973. – С. 297–300.

337. Закон о тайном голосовании 1872 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 123–124.

338. Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях 1892 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 96–100.

339. Закон относительно возмещения убытков бывшим собственникам земель, конфискованных и проданных государством на основании законов об эмигрантах, об осужденных и о высланных (Франция) // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е, доп. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 332–333.

340. Закон относительно организации Сената, 24 февраля 1875 г. // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб., 1905. – С. 106–107.

341. Закон относительно страхования на случай инвалидности и старости (22 июня 1889 г.) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. [и с предисл.] проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 302–303.

342. Закон против рабочих коалиций 1799 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1.

343. Законопроект об учреждении Имперского Рабочего Управления, рабочих управлений, рабочих камер и примирительных присутствий от 9 декабря 1903 г. (Германия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 21–31.

344. Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб.: Молот, 1905. – 128 с.

345. Заславский, Д. О. Лассаль: биография / Д. О. Заславский. – Л.: Прибой, 1925. – 116 с.

346. Захер, Я. М. Революция 1848 г. в Германии / Я. М. Захер. – М.: Прибой, 1927. – 178 с.

347. Заявление, сделанное гедистами в Сент-Этьенне по поводу раскола Рабочей партии, октябрь 1882 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 75.

348. Зверева, Г. И. История Шотландии / Г. И. Зверева. – М.: Высш. шк., 1987. – 207 с.

349. Зеваэс, А. Л. История Третьей республики (1870–1926) / А. Л. Зеваэс; пер. Ф. Капелюша. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – XV, 400 с.

350. Зелдин, Т. Франция, 1848–1945: честолюбие, любовь и политика / Т. Зелдин; пер. с англ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 671 с.

351. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / Р. Зидер; пер. с нем. Л. А. Овчинцевой. – М.: Владос, 1997. – 299 с.

352. Зильберман, И. Б. Политическая теория анархизма Бакунина / И. Б. Зильберман. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1969. – 112 с.

353. Зинченко, Н. Женщина-адвокат / Н. Зинченко. – СПб.: «Владимирская» тип.-лит. Мордуховского, 1898. – 157, [2] с.

354. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт; пер. с нем. Ал. З.; под ред. Л. И. Раевского; предисл. С. Б. Членова. – М.: Гос. изд-во, 1924. – VIII, 336 с.

355. Зомбарт, В. Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века / В. Зомбарт; пер. с нем. М. Е. Ландау. – М.: Моск. рабочий, 1924. – 262 с.

356. Зулькарнаева, Е. З. Второй кабинет Солсбери и проблемы внутренней политики британских консерваторов (1886–1892 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. З. Зулькарнаев; Башк. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 25 с.
357. Ивановский, И. Конституционализм и князь Бисмарк / И. Ивановский // Вестн. Европы. – 1892. – Кн. 6. – С. 613–653.
358. Избрание Луи Бонапарта Президентом Французской Республики: Национальное собрание. Протокол заседания от 20 декабря 1848 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 389–391.
359. Из выступления перед избирателями Дж. Кейр Гарди, 1894 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 134.
360. Из Закона о страховании рабочих в случае болезни (1883 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 276.
361. Из Закона о страховании от несчастных случаев (1884 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 277.
362. Из Закона о страховании по инвалидности и старости (1889 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 277–278.
363. Из Закона против общественно опасной деятельности социал-демократии (21 октября 1878 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 264–268.
364. Из иностранных журналов // Мир Божий. – 1906. – № 1. – С. 99–100.
365. Из истории европейского парламентаризма: Великобритания: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: ИВИ РАН, 1995. – 188 с.
366. Из истории европейского парламентаризма: Франция: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.) [и др.]. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 129 с.
367. Из области женского движения // Мир Божий. – 1900. – № 12. – С. 56–59.
368. Из Параграфа о церковной кафедре (декабрь 1871 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 270–271.
369. Из предвыборного воззвания партии национальных либералов (1911 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 269.
370. Из программно-воззвания Германской консервативной партии: принято на съезде партии во Франкфурте-на-Майне 7 июня 1876 г. // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 262.
371. Из Программного заявления партии Центра, февраль 1871 г. // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 261–262.

372. Из программы Прогрессивной народной партии, 1910 г. // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 268–269.

373. Из программы Свободной консервативной партии (Берлин, 27 октября 1867 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 249–250.

374. Из прусского закона о прекращении содержания из государственных средств римско-католических епископств и духовенства (апрель 1875 г.) // История Германии: учеб. пособие для вузов: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред.: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 271.

375. Из речи Бисмарка в бюджетной комиссии палаты народных представителей 30 сентября 1862 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 3-е, стер. – М., 1935. – Вып. 2. – С. 85.

376. Илберт, К. П. Парламент (его история, организация и практика) / К. П. Илберт; пер. с англ. В. Керженцева. – Петроград: АО тип. дела, 1915. – 192 с.

377. Илберт, К. П. Порядок производства дел в английской Палате общин / К. П. Илберт; пер. и примеч. А. И. Звегинцова. – Петроград: Гос. тип., 1916. – XII, 84 с.

378. Имангалиев, Р. Н. Становление политического консерватизма в Пруссии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Р. Н. Имангалиев; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 44 с.

379. Императорский декрет, объявляющий Луи Наполеона Бонапарта императором Франции от 2 декабря 1852 г. // Чикалова, И. Р. Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.: хрестоматия / И. Р. Чикалова, Р. А. Чикалов. – Минск: Выш. шк., 2010. – С. 296.

380. Имперский закон относительно выборов в народную палату, 12 апреля 1849 г. // Блос, В. История германской революции 1848 года / В. Блос; пер. с нем. Г. Радомысльского; под ред. А. Луначарского. – СПб., 1906. – С. 487–489.

381. Имперский закон о союзах, 19 апреля 1908 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 64–66.

382. Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактуры. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1899. – [6], 76 с.

383. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1905. – 42 с.

384. Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Германия. – СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1905. – 91 с.

385. Иностранное обозрение // Мир Божий. – 1906. – № 2. – С. 82–85.

386. Иностранное фабричное законодательство: Вып. 1–2. – М.: тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1880–1882. – 2 т. Вып. 1. Иностранное фабричное законодательство. Германия, Франция, Австро-Венгрия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия, Голландия, Соединенные Штаты Северной Америки / под ред. В. А. Гольцева, 1880. – XIV, 159 с.

387. Инс, Х. Г. Возрождение католицизма во Франции (Письмо из Парижа) / Х. Г. Инс // Мир Божий. – 1901. – № 7. – С. 57–73.

388. Интернациональное наследие Парижской Коммуны / под общ. ред. Е. И. Кускова [и др.]; АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения. – М.: Политиздат, 1971. – 343 с.

389. Иоллос, Г. Б. Очерки законодательства о труде в Германии / Г. Б. Иоллос // Рус. богатство. – 1898. – № 3. – С. 84–122.

390. Исаев, А. А. Промышленные товарищества во Франции и Германии / А. А. Исаев. – М.: Тип. К. Индриха, 1879. – XX, 381, [3], VIII с.

391. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. – М.: Простор, 2000. – 432 с.

392. История буржуазного конституционализма XIX в. / П. С. Грацианский [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1986. – 280 с.
393. История Великобритании: / П. Сэлзэй [и др.]; пер. с англ. под ред. К. О. Моргана. – М.: Весь мир, 2008. – XVII, 660 с.
394. История Второго Интернационала: в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории, Б-ка всемир. истории; редкол.: Л. И. Зубок (отв. ред.) [и др.]. – М., 1965–1966. – Т. 2. – 1966. – 596 с.
395. История Германии: учеб. пособие: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед.; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005.
396. История Германии: учеб. пособие: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед.; Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М.: Университет, 2008.
397. История женщин на Западе: в 5 т. Том 4. Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под общ. редакцией Ж. Дюби и М. Перро, ред. тома Ж. Фрассе; науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева, вед. ред. С. В. Жеребкин. – СПб.: Алетейя, 2015. – 536 с.
398. История XIX века: пер. с фр.: в 8 т. / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. – М.: ОГИЗ – Соцэкгиз, 1937–1939. – 8 т.
399. История Европы с древнейших времен до наших дней: в 8 т. / гл. редкол.: А. О. Чубарьян (пред.) [и др.]. – М.: Наука, 1988–2000. – Т. 5: От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны / С. П. Пожарская (отв. ред.) [и др.]. – 2000. – 667 с.
400. История Ирландии / Л. И. Гольман [и др.]; отв. ред. Л. И. Гольман. – М.: Мысль, 1980. – 390 с.
401. История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века – 1871 г. – М.: Политиздат, 1986. – 734 с.
402. История марксизма-ленинизма. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70–90-е годы XIX в.). Ч. I–II. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. I. – 317 с.; Ч. II. – 382 с.
403. История мировых цивилизаций: учеб. пособие / Г. В. Драч [и др.]; под ред. Г. В. Драча, Т. С. Паниотовой. – М.: КноРус, 2012. – 464 с.
404. История Парижской Коммуны 1871 г. / редкол.: Э. А. Желубовская [и др.]. – М.: Наука, 1971. – 803 с.
405. История техники / А. А. Зворыкин [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории, естествознания и техники. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 772 с.
406. История Франции / под общ. ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена; пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2008. – 607 с.
407. История Франции: в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: А. З. Манфред (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1972–1973. – 3 т.
408. Итенберг, Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия / Б. С. Итенберг. – М.: Мысль, 1964. – 222 с.
409. Итоги выборов в палату депутатов во Франции в начале XX в. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 115.
410. Итоги выборов в палату общин Великобритании в начале XX века // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 158.
411. Итоги выборов в рейхстаг // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки, 1870–1914. – М.: Высш. шк. / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 71–72.
412. Калининченко, И. А. Развитие традиций женского образования в Англии XIX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И. А. Калининченко; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 23 с.
413. Кампфмейер, П. История современных общественных классов в Германии / П. Кампфмейер. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1924. – 373 с.

414. Кан, С. Б. Женщины Парижской Коммуны / С. Б. Кан. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1933. – 32 с.
415. Канинская, Г. Н. Истоки французского радикализма / Г. Н. Канинская // Новая и новейшая история. – 2001. – № 6. – С. 47–64.
416. Капелюш, Ф. Новейшее социальное законодательство (обеспечение рабочих на старость) / Ф. Капелюш // Современ. мир. – 1911. – № 5. – С. 227–252.
417. Кареев, Н. И. Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны: в 2 ч. / Н. И. Кареев. – 2-е изд., доп. – М.: О. П. Герасимов и Ш. И. Троянский, 1919. – Ч. 1: Политические, социальные и национальные движения. – 385 с.
418. Кареев, Н. И. История Западной Европы в начале XX века / Н. И. Кареев. – 2-е изд. – М.: Издат. отд. Моск. науч. ин-та, 1920. – VIII, 506 с.
419. Кареев, Н. И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время / Н. И. Кареев. – Петроград: Сеятель, 1923. – 268 с.
420. Карл Маркс. Биография. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1973. – 736 с.
421. Карлинер, М. М. Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны (1914–1918) / М. М. Карлинер. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 488 с.
422. Каутский, К. Избирательное право женщин / К. Каутский; пер. с нем. – СПб.: Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1906. – 8 с.
423. Каутский, К. Профессиональное движение и политическая партия пролетариата: (К вопросу о нейтрализации проф. союзов) / К. Каутский; пер. с нем. А. Гродзинского. – СПб.: «Луч», 1905. – 51 с.
424. Каутский, К. Бернштейн и социал-демократическая программа: антикритика Карла Каутского / К. Каутский; пер. с нем. под ред. М. Г. Лунца. – СПб.: «Колокол» Е. Д. Мягкова, 1906. – [2], 254 с.
425. Кашапов, У. А. Борьба партий и общественно-политических движений в Англии в период проведения первой парламентской реформы (1830–1832 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / У. А. Ашапов; Перм. гос. ун-т. – Уфа, 1994. – 18 с.
426. Кельнер, В. Е. Том Манн – человек и революционер / В. Е. Кельнер. – М.: Мысль, 1983. – 167 с.
427. Керженцев, В. Англия и англичане: очерки современной Англии / В. Керженцев. – Петроград: Социалист, 1918. – 156 с.
428. Керженцев, П. М. Новая Англия / П. М. Керженцев. – Петроград: Книга, 1918. – 102 с.
429. Керженцев, П. М. Революционная Ирландия / П. М. Керженцев. – М.: Изд-во ВЦИК Советов рабочих и крестьян. депутатов, 1918. – 232 с.
430. Керженцев, П. М. Ирландия в борьбе за независимость / П. М. Керженцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 244 с.
431. Керженцев, П. М. История Парижской Коммуны 1871 г. / П. М. Керженцев. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 552 с.
432. Керженцев, П. М. История Парижской Коммуны 1871 г. / П. М. Керженцев. – 2-е изд. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 511 с.
433. Кертман, Л. Е. Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии (1900–1914 гг.) / Л. Е. Кертман; Молот. гос. ун-т. – Молотов: Кн. изд-во, 1957. – 352 с.
434. Кертман, Л. Е. Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении в конце XIX – начале XX в. / Л. Е. Кертман. – М.: Высш. шк., 1962. – 112 с.
435. Кертман, Л. Е. География, история и культура Англии / Л. Е. Кертман. – М.: Высш. школа, 1979. – 384 с.
436. Кертман, Л. Е. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков: на путях к общему кризису капитализма / Л. Е. Кертман, П. Ю. Рахшмир. – М.: Высш. шк., 1984. – 159 с.
437. Кертман, Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья / Л. Е. Кертман. – М.: Мысль, 1990. – 541 с.
438. Кечеджи-Шаповалов, М. В. Женское движение в России и за границей / М. В. Кечеджи-Шаповалов. – СПб.: Тип. СПб. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1902. – 210 с.

439. Клочков, В. В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма, 1828–1835 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. В. Клочков; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1999. – 30 с.
440. Книжник-Ветров, И. С. Русские деятельницы I Интернационала и Парижской Коммуны: Е. Л. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева / И. С. Книжник-Ветров. – М.; Л.: Наука, 1964. – 258 с.
441. Ковалев, И. Г. Идеология и политика консервативной партии Великобритании в начале XX века (1902–1906 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / И. Г. Ковалев; Моск. гос. ун-т. – М., 1992. – 26 с.
442. Ковалевский, М. М. История Великобритании / М. М. Ковалевский. – СПб.: Обществ. польза, 1911. – 468 с.
443. Ковалевский, М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений: в 3 т. / М. М. Ковалевский. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1906. – 3 т.
444. Ковалевский, М. М. Государственное право Англии: курс лекций / М. М. Ковалевский. – СПб.: Литогр. Богданова, 1906. – 321 с.
445. Ковалевский, М. М. Демократия и ее политическая доктрина: в 2 т. / М. М. Ковалевский. – СПб.: Касса взаимопомощи студентов С.-Петербург. политехн. ин-та, 1913. – 2 т.
446. Коваленко, В. Г. К вопросу об идейно-политических концепциях лиги «Аксьон франсэз» / В. Г. Коваленко // Французский ежегодник, 1985: статьи и материалы по истории Франции / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: В. В. Загладин (гл. ред.) [и др.]. – М., 1987. – С. 87–116.
447. Козюченко, В. А. Германский социал-шовинизм и центризм в годы первой мировой войны (август 1914 – июль 1917 г.). / В. А. Козюченко; Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б). – М.: Тип. Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1948. – 248 с.
448. Коллонтай, А. М. Женщина-работница в современном обществе / А. М. Коллонтай // Труды 1-го Всероссийского женского съезда при Русском обществе в С.-Петербурге, 10–16 декабря 1908 года. – СПб.: Типо-лит. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1909. – С. 792–800.
449. Колмаков, С. А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80–90-е годы XIX века / С. А. Колмаков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 162 с.
450. Колпаков, А. Д. Ирландия на пути к революции, 1900–1918 гг. / А. Д. Колпаков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 280 с.
451. Кондорсе, Ж. А. О допущении женщин к избирательным правам / Ж. А. Кондорсе // Женский вестник. – 1911. – № 12.
452. Конституции буржуазных стран: в 4 т. / ред. текстов Ю. В. Ключников. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935–1936. – 4 т.
453. Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф. А. Кублицкий; пер. под ред. Г. С. Гурвича. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 1142 с.
454. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – 587 с.
455. Конституционная хартия, 31 января 1850 г. (Пруссия) // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 47–58.
456. Конституционная хартия Пруссии 31 января 1850 года // Вильсон, В. Государство: Прош-лое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яшенко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905. – Приложения. – С. 41–52.
457. Конституционная хартия 4 июня 1814 года (Франция) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 438–446.
458. Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сбор-ник документов / авт.-сост.: Н. Н. Баранов и др. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – 242 с.

459. Конституционные законы государств Западной Европы // Лоуэлль, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария / А. Лоуэлль; пер. с англ. О. Полтарацкой; ред. Ф. Смирнова. – СПб., 1905. – С. 463–622.

460. Конституционные законы Франции 1875 года // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб., 1905. – С. 104–122.

461. Конституционный акт 24 июня 1793 года и *Декларация прав человека и гражданина* // Законодательные акты Франции: Декларация прав человека и гражданина: Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с фр. с предисл. Р. Лемберка. – СПб.: Молот, 1905. – С. 71–86.

462. Конституционный акт Баварского королевства, 26 мая 1818 г. // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 45–77.

463. Конституционный акт Великого Герцогства Баденского, 22 августа 1818 г. // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 94–114.

464. Конституционный акт Прусского государства, 31 января 1850 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 390–408.

465. Конституционный акт Прусского государства. Дополнение. Указ о производстве выборов депутатов во вторую палату 30 мая 1849 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 412–418.

466. Конституционный акт Прусского государства. Дополнение. Указ об образовании первой палаты 12 октября 1854 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 409–411.

467. Конституционный акт Прусского государства. Дополнение. Закон об установлении избирательных округов для палаты депутатов 27 июня 1860 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 418–419.

468. Конституционный акт Прусского государства. Дополнение. Закон об изменении в порядке производства выборов 29 июня 1894 года // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 419–420.

469. Конституционный закон о взаимных отношениях государственных властей, 16 июля 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 538–541.

470. Конституционный закон о взаимных отношениях публичных властей, 16 июля 1875 г. (Франция) // Вильсон, В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 5–7.

471. Конституционный закон об организации государственных властей, 25 февраля 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов: в 2 т. / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде– СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 535–537.

472. Конституционный закон об организации публичных властей, 25 февраля 1875 г. (Франция) // Вильсон, В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 3–4.

473. Конституционный закон об организации Сената, 24 февраля 1875 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и вступит. очер-

ками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд. Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 537–538.

474. Конституционный закон об организации Сената, 24 февраля 1875 г. (Франция) // Вильсон, В. Государство. Прошлые и настоящие конституционные учреждения: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 4–5.

475. Конституция, 16 апреля 1871 года (Германия) // Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М., 1905. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – С. 27–46.

476. Конституция Германии 16 апреля 1871 года // Вильсон, В. Государство: прошлые и настоящие конституционные учреждения / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905. – Приложения. – С. 21–40.

477. Конституция Германской империи / *Verfassung des Deutschen Reichs* // Лоуэлль, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария) / А. Л. Лоуэлль; пер. с англ. О. Полторацкий; ред. Ф. Смирнова. – М.; С.: Сирмунт, 1905. – С. 495–532.

478. Конституция Германской империи 16 апреля 1871 г. // Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сб. док. / авт.-сост.: Н. Н. Баранов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – С. 141–163.

479. Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Блос, В. История германской революции 1848 года / В. Блос; пер. с нем. Г. Радомысльского; под ред. А. Луначарского. – СПб., 1906. – С. 458–481.

480. Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сб. док. / авт.-сост.: Н. Н. Баранов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – С. 84–118.

481. Конституция Саксонии, 4 марта 1831 г. // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 452–484.

482. Конституция Северо-Германского союза, 16 апреля 1867 г. // Конституционные акты Германии нового времени (конец XVIII – начало XX в.): сб. док. / авт.-сост.: Н. Н. Баранов [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – С. 119–140.

483. Конституция 3 сентября 1791 г. Декларация прав человека и гражданина // Законодательные акты Франции: Декларация прав человека и гражданина: Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с фр. с предисл. Р. Лемберка. – СПб.: Молот, 1905. – С. 28–70.

484. Конституция Франции 3 сентября 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М.: Юрид. лит., 1957. – С. 250–282.

485. Конституция Франции 24 июня 1793 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М.: Юрид. лит., 1957. – С. 330–342.

486. Конституция Франции, 14 января 1852 года // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М., 1996. – С. 317–319.

487. Конституция Французской республики, 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М.: Юрид. лит., 1957. – С. 380–418.

488. Конституция Французской республики, 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.) // Документы истории Великой французской революции: в 2 т. / сост. А. В. Адо [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1990–1992. – Т. 1. – 1990. – С. 314–349.

489. Конституция Французской республики, 1848 // Законодательные акты Франции: Декларация прав человека и гражданина: Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберка. – СПб., 1905. – С. 86–104.

490. Конституция Французской республики, 4 ноября 1848 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. док. / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. – М., 1957. – С. 446–460.

491. Корнилов, А. А. Годы странствий Михаила Бакунина / А. А. Корнилов. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 590 с.

492. Королева, Т. В. Женское движение во Франции (1789–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Т. В. Королева; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2002. – 27 с.

493. Королева, Т. В. Феминистское движение во Франции в конце XIX – начале XX века / Т. В. Королева // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т; под ред. И. Р. Чикаловой. – Минск, 2001. – Вып. 1. – С. 142–154.

494. Королева, Т. В. Женское движение и государственная политика в сфере среднего женского образования во Франции XIX в. / Т. В. Королева // Адам & Ева: альм. гендер. истории. – 2004. – № 8. – С. 93–110.

495. Коротева, А. Е. Гаагский конгресс I Интернационала / А. Е. Коротева. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 184 с.

496. Костюшко, И. И. Прусская аграрная реформа: к проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа / И. И. Костюшко; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1989. – 258 с.

497. Котляревский, С. А. Конституционное государство: опыт полит.-морфол. обзора / С. А. Котляревский. – СПб.: Г. Ф. Львович, 1907. – [4], 250 с.

498. Котляревский, С. А. Государственное право иностранных держав. Часть историческая: конспект к лекциям / С. А. Котляревский. – М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. – 265 с.

499. Коул, Дж. Г. История рабочего движения в Англии. 1789–1925: в 2 т. / Дж. Г. Коул; пер. с англ. В. Шликевич; под ред. В. Яроцкого. – Л.: Изд-во Ленингр. губпрофсовета, 1927.

500. Красильников, С. Н. Боевые действия Парижской Коммуны / С. Н. Красильников. – М.: Госвоениздат, 1935. – 175 с.

501. Краткая история Германии / У. Дирльмайер [и др.]; пер. с нем. К. В. Тимофеевой. – СПб.: Евразия, 2008. – 542 с.

502. Кривогуз, И. М. Очерки истории I и II Интернационалов / И. М. Кривогуз. – М.: Учпедгиз, 1958. – 216 с.

503. Кривогуз, И. М. Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г. / И. М. Кривогуз. – М.: Мысль, 1976. – 367 с.

504. Криль, Т. Елизавета Блекуэль, первая женщина-врач / Т. Криль // Мир Божий. – 1897. – № 11. – С. 44–70.

505. Кричевский, Г. Г. Консервативно-либеральная коалиция в Германии в 1906–1909 г. (Бюловский блок): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Г. Г. Кричевский; Моск. гос. ун-т. – М., 1973. – 30 с.

506. Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX – начале XX в.: сб. науч. тр. / отв. ред. А. П. Корелин. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. – 226, [2] с.

507. Кручинина, Н. А. Политическая элита Великобритании в период социальных реформ либеральных кабинетов Г. Кэмпбелл-Баннермана и Г. Г. Асквита (1905–1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. А. Кручинина; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

508. Крючкова, Н. Д. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. Д. Крючкова; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 25 с.

509. Кувшинская, Е. Борьба рабочих за политическую свободу в Англии / Е. Кувшинская. – СПб.: Изд. Б-ки общественнознания, 1907. – [4], 224 с.

510. Кувшинская, Е. История фабричного законодательства в Англии / Е. Кувшинская. – СПб.: Рус. скоропечатня, 1912. – 221 с.

511. Кудрин, Н. Е. Синдикаты и стачки служащих во Франции / Н. Е. Кудрин // Рус. богатство. – 1907. – № 3. – С. 31–64.

512. Кулишер, И. М. История экономического быта Западной Европы: в 2 т. / И. М. Кулишер. – Изд. 8-е, пересмотр. и доп. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – Т. 2. – XVI, 450 с.

513. Кунина, В. Э. Чартистское движение в Англии: крат. очерк: пособие для учителей / В. Э. Кунина. – М.: Учпедгиз, 1959. – 95 с.
514. Кунина, В. Э. Майкл Девиэт – сын ирландского народа. Страницы жизни и борьбы / В. Э. Кунина. – М.: Мысль, 1973. – 160 с.
515. Кускова, Е. Женское движение / Е. Кускова // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К»: в 55 т. / под ред. Ю. С. Гамбарова [и др.]. – 7-е изд. – М., [1913?]. – Т. 20. – Стб. 1–52. – Прил. к ст.: Кускова, Е. Д. Женский вопрос / Е. Д. Кускова, В. В. Водовозов. – Стб. 162–177.
516. Кучинский, Ю. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. / Ю. Кучинский; пер. с нем. А. Е. Аничковой; предисл. В. В. Любимовой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – XXVII, 276 с.
517. Кучинский, Ю. Очерки истории германского империализма / Ю. Кучинский; пер. с нем. А. Ф. Доброхотова, Е. С. Колокольцевой; под ред. и с предисл. Г. Беспалова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – Т. 1. – 367 с.
518. Кучинский, Ю. Положение рабочего класса в Англии (1832–1956) / Ю. Кучинский; пер. с нем. Н. С. Португалова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 381 с.
519. Лавров, П. Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года / П. Л. Лавров. – Пг.: Колос, 1919. – 232 с.
520. Лавров, П. Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года / П. Л. Лавров. – 4-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 235 с.
521. Лавровский, В. Английский капитализм во второй половине XIX века / В. Лавровский. – М.: Гос. изд-во, 1925. – 181 с.
522. Лавровский, В. Основные проблемы аграрной истории Англии конца XVIII и начала XIX века / В. Лавровский. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 89 с.
523. Лавровский, В. М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX века / В. М. Лавровский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 200 с.
524. Лавровский, В. М. Исследование по аграрной истории Англии XVII–XIX в. – М.: Наука, 1966. – 248 с.
525. Лавровский, В. М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. / В. М. Лавровский; под ред. проф. М. А. Барга. – М.: Высш. школа, 1973. – 342 с.
526. Ланге, Е. Женский вопрос в его современной постановке / Е. Ланге; пер. с нем. И. и В. Слоним. – М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1909. – 152 с.
527. Лассаль, Ф. Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу, с прим. и предисл. Ф. Меринга / Ф. Лассаль; пер. с нем. В. А. Шанина, под ред. А. Финна-Енотаевского. – СПб.: Литературное дело, 1905. – XIV, 374 с.
528. Лассаль, Ф. Сочинения Фердинанда Лассаля / Ф. Лассаль. – СПб.: Н. Глаголев, [1905–1906?]. – 3 т.
529. Латышев, А. Г. Рассекреченный Ленин / А. Г. Латышев. – М.: Изд. Март, 1996. – 336 с.
530. Лафарг, П. Женский вопрос: / П. Лафарг; пер. с франц. Киев: Е. М. Алексеева, 1905. – 24 с.
531. Лафарг, П. Профессиональное рабочее движение в Германии / П. Лафарг; пер. с фр. А. Дивильковского. – М.: В. Сомова, 1905. – 85 с.
532. Лафарг, П. Сочинения: в 3 т. / П. Лафарг. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925–1931. – 3 т.
533. Лафарг, П. Парламентаризм и буланжизм / П. Лафарг // Лафарг П. Сочинения: в 3-х т. – М.: Госиздат РСФСР, 1925–1931. Т. 1. – М.: Госиздат РСФСР, 1925. – С. 88–92.
534. Левинсон-Лессинг, Ф. Женщины-геологи / Ф. Левинсон-Лессинг // Мир Божий. – 1901. – № 6. – С. 65–83.
535. Лейтес, К. Страхование от безработицы на Западе / К. Лейтес // Вестн. Европы. – 1914. – Кн. 6. – С. 275–287.
536. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. Т. 1–55. – М.: Политиздат, 1958–1965.
537. Ленский, З. По кооперативной Европе: путевые очерки / З. Ленский. – М.: Моск. союз потребит. о-в, 1912. – [4], 232 с.

538. Леруа, М. Эволюция государственной власти (синдикаты чиновников) / М. Леруа; пер. с фр. В. С. Елпатьевского. – СПб.: Обществ. польза, 1907. – [4], 204 с.
539. Либерализм Запады XVII–XX века / В. В. Согрин [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; под общ. ред. В. В. Согрина. – М.: ИВИ, 1995. – 227 с.
540. Ливен, Д. Аристократия в Европе, 1815–1914 / Д. Ливен. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 358, [4] с.
541. Лига и борьба против хлебных законов: речи Кобдена в Парламенте и на митингах / пер. Е. Н. Каменецкой. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1899. – [4], 6, LVIII, 314 с.
542. Лисневский, Э. В. История государства и права Великобритании (1870–1917 гг.) / Э. В. Лисневский. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1975. – 54 с.
543. Литвинов, Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ) / Н. Д. Литвинов. – М.: Голос, 1999. – 219 с.
544. Литвинов-Фалинский, В. П. Организация и практика страхования рабочих в Германии и условия возможного обеспечения рабочих в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. – [2], VIII, 275 с.
545. Лихтенберже, А. Современная Германия / А. Лихтенберже; пер. с фр. Р. М. Марголиной. – СПб.: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1914. – XIV, 319 с.
546. Лондонская ассоциация рабочих. Петиция 18 февраля 1837 г. // Материалы по истории революционного движения на Западе / Коммунист. ун-т. – М., 1923. – Вып. 1: Чартизм / пер. с англ. под ред. Г. И. Гордона. – С. 4–10.
547. Лоу, С. Государственный строй Англии / С. Лоу; пер. под ред. А. С. Яценко; с вступ. замечанием и ст. П. Г. Виноградова. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1910. – XVI, 446 с.
548. Лоуэлль, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария / А. Л. Лоуэлль; пер. с англ. О. Полторацкой; ред. Ф. Смирнова. – М.: С. Сирмунт, 1905. – VIII, 644 с.
549. Лоуэлль, А. Л. Государственный строй Англии / А. Л. Лоуэлль; пер. с англ. М. Языковой; под ред. и с предисл. Ф. Кокошкина. – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. – Т. 1. – XXVI, 511 с.
550. Луи, П. История социалистической партии во Франции (1871–1914) / П. Луи; пер. с фр. М. Г. Куписко. – М.: Красн. новь, 1923. – 55, V с.
551. Луи, П. История профессионального движения во Франции: в 2 т. / П. Луи; пер. с фр. Л. Соболева. – М.: Изд-во ВЦСПС, 1923–1925. – Т. 2: Французский синдикализм от Амьенского до Сент-Этьенского съезда (1906–1922 гг.). – 1925. – 196 с.
552. Луи, П. Женский труд во Франции: / П. Луи; пер. с фр. – СПб.: Работник, 1906. – 19 с.
553. Лукин, Н. М. Парижская Коммуна 1871 г. / Н. М. Лукин (Н. Антонов). – М.: Госиздат РСФСР, 1922. – 408 с.
554. Лукин, Н. М. Парижская Коммуна 1871 г. / Н. М. Лукин (Н. Антонов). – 2-е изд. – М.: Изд-во Коммунист. акад., 1924. – 504 с.
555. Лукин, Н. М. Парижская Коммуна 1871 г. / Н. М. Лукин (Н. Антонов). – 3-е изд. М.: Изд-во Коммунист. акад., 1926. – 505 с.
556. Лукин, Н. М. Парижская Коммуна 1871 года / Н. М. Лукин (Н. Антонов). – 4-е, перераб. изд. – М.: Партиздат, 1932. – Ч. 1: Эпоха второй империи. Правительство национальной обороны. – 196 с.
557. Лукин, Н. М. Новейшая история Западной Европы: учеб. для вузов и губсовпартшкол / Н. М. Лукин. – М.: Красн. новь, 1923. – Вып. 1. – 539 с.
558. Лукин, Н. М. Новейшая история Западной Европы: учеб. для вузов и губсовпартшкол / Н. М. Лукин. – Изд. 2-е. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – Вып. 1. – 509 с.
559. Лукин, Н. М. Очерки по новейшей истории Германии. 1890–1914 гг. / Н. М. Лукин. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 436 с.
560. Лучицкий, И. Борьба за избирательную реформу в Англии и реформа 1832 г. / И. Лучицкий // Рус. богатство. – 1897. – № 1. – С. 60–88; № 2. – С. 48–102; № 4. – С. 36–66.
561. Людвиг, Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II) / Э. Людвиг; пер. с нем. В. Вальдман. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 238 с.

562. Людвиг, Э. Бисмарк: биография / Э. Людвиг; пер. с нем. – М.: Захаров; Назрань: АСТ, 1999. – 479 с.
563. Лягарделль, Г. Синдикальное право / Г. Лягарделль; пер. с фр. // Профессиональные союзы во Франции: сб. ст. Гриффеля, Дельзаля, Лягарделля, Лятарпи и Пуже: – М., 1908. – С. 106–119.
564. Ляковский. История XIX века: курс лекций / Ляковский. – Минск: Изд-во фак. ком. педфака Белорус. гос. ун-та, 1925. – 188 с.
565. Мадор, Ю. П. Подъем рабочего движения в Англии в 1910–1913 гг. / Ю. П. Мадор; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1966. – 287 с.
566. Майка, Ю. Социальное учение католической церкви / Ю. Майка. Рим; Люблин: Изд. Святого Креста, 1994. – 480.
567. Майский, В. В мире германской социал-демократии / В. Майский // Соврем. мир. – 1913. – № 7. – С. 180–215.
568. Майский, В. Властители современной Германии / В. Майский // Рус. богатство. – 1914. – № 4. – С. 206–230.
569. Майский, В. Интеллигенция и рабочее движение в Германии / В. Майский // Рус. богатство. – 1914. – № 1. – С. 253–275.
570. Майский, В. Суфражистки (Письмо из Англии) / В. Майский // Соврем. мир. – 1914. – № 4. – С. 101–123.
571. Майский, И. М. Отец германской социал-демократии Ф. Лассаль / И. М. Майский. – М.: Книгоизд-во писателей, 1917. – 32 с.
572. Майский, И. М. Фердинанд Лассаль / И. М. Майский. – М.: ВЦСПС, 1923. – 52 с.
573. Майский, И. М. Профессиональное движение на Западе. Основные типы / И. М. Майский. – Изд. 2-е доп. – [Л.]: Изд-во Ленингр. губпрофсоюзов, 1926. – 325 с.
574. Макаренкова, Е. М. Поль Лафарг и французское рабочее движение во второй половине XIX века / Е. М. Макаренкова; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Х. Н. Момджян. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
575. Макаренкова, Е. М. О парламентском опыте Рабочей партии в эпоху Третьей республики / Е. М. Макаренкова // Из истории европейского парламентаризма: Франция / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.), М. П. Айзенштат, Е. М. Макаренкова. – М., 1999. – С. 66–75.
576. Макдоно, Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый / Дж. Макдоно; пер. с англ. – М.: АСТ: Люкс, 2004. – 746 с.
577. Максимов, И. П. Внутренняя политика канцлера Германской империи Бернарда Фон Бюлова (1900–1909 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / И. П. Максимов; Рос. гос. ун-т. – Калининград, 2008. – 20 с.
578. Малон, Б. Интернационал, его история и принципы / Б. Малон; пер. с фр. с предисл. В. А. Поссе. – СПб.: тип. Леонтьева, 1907. – 56 с.
579. Маневич, С. М. Издано Парижской Коммуной / С. М. Маневич. – М.: Книга, 1978. – 128 с.
580. Манфред, А. З. Очерки истории Франции XVIII–XX вв.: сб. ст. / А. З. Манфред. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 616 с.
581. Манчестер, У. Оружие Круппа: история династии пушечных королей / У. Манчестер; сокр. пер. с англ. Л. М. Бороздиной [и др.]. – М.: Прогресс, 1971. – 487 с.
582. Маныкин, А. С. Новая и Новейшая история стран Западной Европы и Америки / А. С. Маныкин. – М.: Слово; Эксмо, 2004. – 606 с.
583. Мараморко, М. Масонство в прошлом и настоящем / М. Мараморко; пер. с итал. В. П. Гайдука; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. – М.: Прогресс, 1990. – 289 с.
584. Маркин, В. А. Петр Алексеевич Кропоткин, 1842–1921 / В. А. Маркин. – М.: Наука, 1985. – 207 с.
585. Маркин, В. А. Петр Кропоткин / В. А. Маркин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 300 с.
586. Маркин, В. А. Неизвестный Кропоткин / В. А. Маркин. – М.: ОЛМА-пресс, 2002. – 445 с.

587. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс; с предисл. Ф. Энгельса. – М.: Госполитиздат, 1952. – 48 с.
588. Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 1–50.
589. Маркс, К. Избранные сочинения: в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1984–1988.
590. Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX – начале XX века / Б. В. Богданов [и др.]; Отв. ред. Б. В. Богданов, И. С. Нарский. – М.: Наука, 1984. – 447 с.
591. Мартен-Фюжье, А. Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848 / А. Мартен-Фюжье; пер. с фр. В. А. Мильчиной, О. Э. Гринберг; вступ. ст., примеч. В. А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 477 с.
592. Мартин, Р. Леди Рэндольф Черчилль: история знаменитой амер. красавицы, царицы о-ва, матери У. Черчилля, человека, определившего судьбы столетия: пер. с англ. / Р. Мартин. – М.: Захаров; АСТ, 1998. – 414 с.
593. Мартов, Л. Буржуазная демократия и пролетариат во Франции / Л. Мартов // Современ. мир. – 1908. – № 11. – С. 41–56.
594. Матвеев, В. Ф. Право публичных собраний: очерк развития и современ. постановки права публ. собр. во Франции, Германии и Англии / В. Ф. Матвеев. – СПб.: Обществ. польза, 1909. – [4], VIII, 395 с.
595. Матвеева, А. Г. Германская империя, 1870–1914 / А. Г. Матвеева; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Саратов. гос. ун-т. – М.: ИВИ, 2002. – 162 с.
596. Материалы по истории революционного движения на Западе: в 2 вып. – М.: Изд-во Коммунист. ун-та, 1923. – Вып. 1: Чартизм / пер. с англ. под ред. Г. И. Гордона. – [4], VIII, 51 с.
597. Материалы по истории революционного движения на Западе: в 2 вып. – М.: Изд-во Коммунист. ун-та, 1923. – Вып. 2: 1848-й год / под ред. Г. И. Гордона. – 111 с.
598. Международное рабочее движение: вопросы истории и теории: в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; гл. ред. комис.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1976–1985. – Т. 1: Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса / Н. М. Мещерякова [и др.]. – 1976. – 668 с.
599. Международное рабочее движение: вопросы истории и теории: в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; гл. ред. комис.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1976–1985. – Т. 2: Рабочее движение в период перехода к империализму (1871–1904) / Г. М. [!] Ардаев [и др.]; редкол.: В. В. Загладин (отв. ред.) [и др.]. – 1976. – 654 с.
600. Международное рабочее движение: вопросы истории и теории: в 7 т. / Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; гл. ред. комис.: Б. Н. Пономарев (пред.) [и др.]. – М.: Мысль, 1976–1985. – Т. 3: Начало революционных битв XX века / Ю. А. Васильчук [и др.]. – 1978. – 701 с.
601. Международные социалистические конгрессы. Очередные вопросы и постановления, собранные Международным социалистическим бюро в Брюсселе. С прибавлением постановлений, принятых на последнем Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме 1904. – СПб.: Тип. О. И. Пастора, 1906. – 94 с.
602. Меншиков, И. С. Британские премьер-министры XIX века / И. С. Меншиков. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2006. – 205 с.
603. Меринг, Ф. История Германии с конца Средних веков / Ф. Меринг; пер. и предисл. И. Степанова. – М.: Красн. новь, 1923. – 266 с.
604. Меринг, Ф. История германской социал-демократии: в 4 т. / Ф. Меринг; пер. с нем. М. Е. Ландау; предисл. И. Степанова. – 2-е изд. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923–1924. – 4 т.
605. Меринг, Ф. Карл Маркс: история его жизни: / Ф. Меринг; пер. с нем., заново провер. вступ. ст. Б. Крылова, Н. Колпинского. – М.: Госполитиздат, 1957. – 607 с.
606. Меринг, Ф. Карл Маркс: история его жизни: / Ф. Меринг; пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990. – 559 с.
607. Метен, А. Социализм в Англии. Современные тенденции и пропаганда, Р. Овен и чартисты, Карлейль, Рёскин, Вилльям Моррис, христианство и социализм, национализация земли,

социал-демократы и фабианцы, трэд-унионы и независимая рабочая партия, анархия / А. Метен; пер. с фр. – СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1898. – [4], II, 370 с.

608. Мижуев, П. Г. Ближайшие причины и следствия бедности / П. Г. Мижуев // Социологические этюды / П. Г. Мижуев. – СПб.: Изд. Ц. Крайз, 1904. – С. 163–237.

609. Мижуев, П. Г. Английские рабочие союзы, как союзы взаимопомощи трудящегося люда / П. Г. Мижуев. – СПб.: Государственная типография, 1909. – 62 с.

610. Мижуев, П. Г. Как живут рабочие в Англии / П. Г. Мижуев. – Петроград: Ясный-Попов, 1917. – 48 с.

611. Мижуев, П. Г. Женские колледжи при Кэмбриджском университете / П. Г. Мижуев // Женское образование. – 1891. – № 5. – С. 497–505.

612. Мижуев, П. Женский вопрос и женское движение / П. Мижуев // Образование. – 1904. – № 12. – С. 1–44.

613. Мижуев, П. Г. Женский вопрос и женское движение / П. Г. Мижуев // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1915. – Т. 17. – С. 772–783.

614. Мижуев, П. Г. Женское образование и общественная деятельность женщин в Германии / П. Г. Мижуев. – СПб.: Изд-во журн. «Русская школа», 1905. – 118 с.

615. Мижуев, П. Г. Вопросы средней школы в Европе и ответы на них Америки / П. Г. Мижуев. – Пг.; М.: Книга, 1922. – 130 с.

616. Мижуев, П. Г. Система народного образования Германии; Система народного образования Франции; Система народного образования Англии / П. Г. Мижуев // Педагогическая энциклопедия / под ред. А. Г. Калашникова. – М.: Работник просвещения, 1929. – Т. 3. – С. 689–742.

617. Мизес, Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война / Л. фон Мизес; пер. с англ.; науч. ред. А. В. Куряев; коммент. В. В. Кизилова. – Челябинск: Социум, 2006. – XI, [1], 462, [3] с.

618. Милибенд, Р. Парламентский социализм: исследование политики Лейбористской партии: / Р. Милибенд; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1964. – 508 с.

619. Милицина, Т. Борьба течений в профессиональном движении во Франции / Т. Милицина; Ин-т истории Акад. наук СССР. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 292 с.

620. Милль, Дж. Ст. О подчинении женщины / Дж. Ст. Милль; пер. с англ. под ред. и с предисл. Г. Е. Благодетельова. – СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1869. – С. 1–253.

621. Милль, Дж. С. О подчинении женщины / Дж. С. Милль; пер. с англ. М. Ляпиной; под ред. В. С. Ляпина. – СПб.: В. И. Губинский, 1896. – [2], 121 с.

622. Милль, Дж. С. Избирательные права женщин: [речь о признании за женщинами избират. прав, произнес. в Палате общин 20 мая 1867 г.] / Дж. С. Милль; пер. Н. Миревич. – М.: Т-во И. Д. Сытина, [1905]. – 23 с.

623. Милль, Дж. С. Представительное правление: / Дж. С. Милль; пер. с англ. под ред. Р. И. Семетковского. – СПб.: Ф. Павленков, 1897. – [4], 192 с.

624. Милова, Т. Принципы либерализма / Т. Милова; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Экоперспектива, 2002. – 144 с.

625. Мильеран, А. Э. Социализм-реформизм: сб. речей / А. Э. Мильеран; пер. с фр. Вл. Кауфмана. – СПб.: тип. «Север», [Б. г.] – 85 с.

626. Минаев, А. И. Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / А. И. Минаев; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2009. – 44 с.

627. Мир / Реасе: альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны: антология / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории. Совет по исслед. пробл. мира в истории (США); Отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р. М. Илюхина. – М.: Наука, 1993. – 348, [1] с.

628. Миркинд, А. М. Под знаменем Коммуны. Германская социал-демократия – против реакции и милитаризма. 1871–1875 / А. М. Миркинд. – Кишинев: АН МССР, 1971. – 279 с.

629. Мирный договор между Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Данией, с другой, заключенный в Вене 30 октября 1864 г. // Хрестоматия по истории международных отношений: учеб. пособие / В. И. Киселева [и др.]. – М., 1963. – Вып. 1: Европа и Америка. – С. 179–180.

630. Минович, Н. Женское движение в современной Англии / Н. Минович // Рус. мысль. – 1900. – Кн. 4. – С. 209–235.
631. Минович, Н. Женское движение в Европе / Н. Минович // Рус. мысль. – 1906. – Кн. 8. – С. 140–149.
632. Минович, Н. Женский парламент в Лондоне (26 апреля – 1 мая 1909 г.) / Н. Минович // Рус. мысль. – 1909. – Кн. 7. – С. 124–137.
633. Минович, Н. VI конгресс Международного союза избирательных прав женщин. Письмо из Стокгольма / Н. Минович // Вестн. Европы. – 1911. – № 7. – С. 326–330.
634. Миронов, В. Народы и личности в истории: очерки по истории рус. и мировой культур: в 3 т. / В. Миронов. – М.: Звонница, 2000.
635. Мирошников, А. М. Великобритания от Георга I до королевы Виктории (1714–1901 гг.): справ. пособие по истории нового времени / А. В. Мирошников. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 38 с.
636. Михайлов, М. И. Борьба против бакунизма в I Интернационале / М. И. Михайлов; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1976. – 351 с.
637. Михайлов, Я. (Захер) Парижская Коммуна и церковь / Я. Михайлов; Центр. совет Союза воинствующих безбожников СССР. – 2-е изд. – М.; Л.: ОГИЗ; Моск. рабочий, 1931. – 101 с.
638. Михалевский, Б. Н. О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны / Б. Н. Михалевский // Вопр. истории. – 1955. – № 1. – С. 102–110.
639. Молок, А. И. Июньские дни: очерк истории восстания парижских рабочих 23–26 июня 1848 г. / А. И. Молок. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1933. – 137 с.
640. Молок, А. И. Карл Маркс и июньское восстание 1848 года в Париже / А. И. Молок. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 190 с.
641. Молок, А. И. Парижская коммуна 1871 г. / А. И. Молок. – Л.: Прибой, 1927. – 185 с.
642. Молок, А. И. Народное просвещение во время Парижской Коммуны 1871 года / А. И. Молок; под ред. и с предисл. Б. Б. Беккера. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1922. – 56 с.
643. Молок, А. И. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. / А. И. Молок. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 125 с.
644. Молок, А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революции 1871 г. / А. И. Молок. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 80 с.
645. Молок, А. Белый террор во Франции в 1871 году: с прил. ст. В. И. Ленина «Памяти Коммуны»: к 65 годовщине Париж. Коммуны / А. Молок. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1936. – 72 с.
646. Молок, А. И. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года: с прил. очерка В. С. Алексеева-Попова «Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны» / А. И. Молок. – [М.]: ОГИЗ: Соцэкгиз, 1939. – 193 с.
647. Молок, А. И. Хрестоматия по истории Парижской Коммуны: для вузов / А. И. Молок. – М.: Высш. шк., 1976. – 278 с.
648. Молчанов, А. Парламентские выборы 1885 года в Англии / А. Молчанов // Ист. вестн. – 1886. – № 3. – С. 657–693.
649. Молчанов, Н. Жорес / Н. Молчанов. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 399 с.
650. Молчанов, Н. Н. Шарль Делеклюз, Эжен Варлен (Герои Парижской коммуны) / Н. Н. Молчанов. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 303 с.
651. Момджян, Х. Н. Поль Лафарг и философия марксизма / Х. Н. Момджян. – М.: Мысль, 1978. – 327 с.
652. Монархи Европы: судьбы династий / Т. А. Александрова [и др.]; ред.-сост. Н. В. Попов. – М.: Республика, 1996. – 623 с.
653. Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: политические портреты, выполненные К. Б. Виноградовым и его учениками: сб. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 352 с.
654. Мортон, А. Л. История Англии / А. Л. Мортон; пер. с англ. Н. Чернявской; ред. и вступ. ст. А. Самойло. – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 463 с.

655. Мортон, А. Л. История английского рабочего движения. 1770–1920 / А. Л. Мортон, Дж. Тэйт; пер. с англ. Н. И. Чернявской; под ред. Ф. Д. Волкова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 420 с.
656. Моруа, А. Карьера Дизраэли / А. Моруа; пер. С. А. Лопашова. – М.: Север, 1934. – 391 с.
657. Мочалов, Л. В. Марксистско-ленинская оценка фабианского социализма / Л. В. Мочалов. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1976. – 88 с.
658. Мстиславский, С. Рабочая Англия (От О'Брайена – к Макдональду) / С. Мстиславский. – М.: Гос. изд-во, [1924]. – 134 с.
659. Наринский, М. М. Шарль Моррас и «Аксьон франсэз» до первой мировой войны / М. М. Наринский // Французский ежегодник, 1976: ст. и материалы по истории Франции / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: А. З. Манфред (гл. ред.) [и др.]. – М., 1978. – С. 123–138.
660. Науменков О. А. Консервативная партия и парламентская реформа 1867. – Уфа: Изд. Башкирского ун-та, 1980.
661. Науменков, О. А. Из истории внутренней политики Консервативной партии Великобритании (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века / О. А. Науменков; под ред. Я. В. Зайцева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 158 с.
662. Науменков, О. А. Борьба партий и вторая парламентская реформа 1867 г. в Англии / О. А. Науменков; Башк. гос. ун-т. – Уфа: Башк. ун-т, 1988. – 45 с.
663. Науменков, О. А. Становление и эволюция консервативной партии Великобритании в 1846–1886 годах: внутривластный и идеологический аспекты: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03 / О. А. Науменков; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1991. – 33 с.
664. Науменков, О. А. Из истории Консервативной партии Великобритании (1853–1865 годы) / О. А. Науменков; Башк. гос. ун-т. – Уфа: Башк. ун-т, 1997. – 139 с.
665. Науменков, О. А. Из истории Консервативной партии Великобритании (1846–1852 годы) / О. А. Науменков; Башк. гос. ун-т. – Уфа: Башк. ун-т, 2001. – 66 с.
666. Науменков, О. А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах / О. А. Науменков. – СПб.: Нева, 2004. – 364 с.
667. Невский, В. И. Уроки революции 1848 года (Революция и контрреволюция во Франции) / В. И. Невский. – Петроград: Прибой, 1917. – 14 с.
668. Неустроева, О. Жизнь Луизы Мишель / О. Неустроева. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1929. – 77 с.
669. Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е, доп. – М.: ОГИЗ: Соцэкгиз, 1934. – Вып. 1. – XI, 407 с.
670. Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, И. М. Далина. – Изд. 2-е, доп. – М.: ОГИЗ: Соцэкгиз, 1934. – Вып. 2. – 431 с.
671. Новая и новейшая история Германии (1870 г. – начало XXI в.): сб. док.: в 3 ч. / сост.: П. П. Вандель, О. Г. Левенштейн. – Йошкар-Ола: Марийс. гос. ун-т, 2008–2013. – Ч. 1: 1870–1918 гг. – 2008. – 179 с.
672. Новая история: второй период: учеб. пособие / Г. Л. Арш [и др.]; под ред. Е. Е. Юровской, И. М. Кривогуза. – М.: Высш. шк., 1976. – 542 с.
673. Новая история: первый период: учеб. пособие / К. Д. Авдеева [и др.]; под ред. Е. Е. Юровской [и др.]. – М.: Высш. шк., 1972. – 776 с.
674. Новая история колониальных и зависимых стран: учебник / Ин-т истории Акад. наук СССР; под ред. С. Н. Ростовского [и др.]. – М.: Соцэкгиз, 1940. – Т. 1 / А. А. Губер [и др.]. – 784 с.
675. Новая история стран Европы и Америки, начало 1870-х гг. – 1918 г.: учеб. для вузов / В. Н. Горохов [и др.]; под ред. И. В. Григорьевой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 715 с.
676. Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: учебник: в 3 ч. / М. Ю. Золотухин [и др.]; под ред. А. М. Родригеса, М. В. Пономарева. – М.: Владос, 2005–2008. – Ч. 1 / А. М. Родригес [и др.]. – 2005. – 528 с.; Ч. 2 / М. Ю. Золотухин [и др.]. – 2006. – 621 с.; Ч. 3 / Т. А. Закаурцева [и др.]. – 2008. – 703 с.
677. Новая история стран Европы и Америки: первый период: учеб. для вузов / В. Н. Виноградов [и др.]; под ред. Е. Е. Юровской, И. М. Кривогуза. – М.: Высш. шк., 1997. – 414 с.

678. Новая история стран Европы и Америки: Второй период: учеб. для вузов / В. Н. Виноградов [и др.]; под ред. И. М. Кривогуза, Е. Е. Юровской. – М.: Высш. шк., 1998. – 315 с.
679. Новая история стран Европы и Америки: первый период: учеб. для вузов / Г. Л. Арш [и др.]; под ред. А. В. Адо. – М.: Высш. шк., 1986. – 622 с.
680. Новая история стран Европы и Америки: учебник / В. Н. Виноградов [и др.]; под ред. И. М. Кривогуза. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Дрофа, 2002. – 909 с.
681. Новая история: учебник / под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефимова, Ф. А. Хейфец. – М.: Соцэкгиз, 1939. – Ч. 1: От французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (1789–1870) / сост.: Р. А. Авербух [и др.]. – 572 с.
682. Новая история: учебник / под ред. А. Л. Нарочницкого. – М.: Учпедгиз, 1963. – Ч. 1: 1640–1870 / Н. Е. Застенкер [и др.]. – 732 с.
683. Новая история: учебник / под ред. А. Л. Нарочницкого. – Изд. 2-е, доп. – М.: Просвещение, 1972. – Ч. 1: 1640–1870 / Н. Е. Застенкер [и др.]. – 719 с.
684. Новая история: учебник / под ред. В. Г. Ревуненкова. – М.: Учпедгиз, 1961. – Т. 2: 1871–1917 гг. / Е. А. Андреевская [и др.]. – 475 с.
685. Новая история: учеб. пособие / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. Б. Ф. Поршнева [и др.]. – [М.]: Госполитиздат, 1953–1960. – Т. 1: 1640–1789 / сост. О. Л. Фролова. – 1953. – 500 с.; Т. 2: 1789–1870 / под ред. И. С. Галкина, Ф. В. Потемкина (отв. ред.). – 1958. – 848 с.; Т. 3: 1870–1918 / под ред. И. С. Галкина (отв. ред.) [и др.]. – 1960. – 884 с.
686. Новая история: учеб. пособие / И. С. Галкин [и др.]; под ред. Н. Е. Овчаренко. – М.: Просвещение, 1984. – Ч. 2: 1871–1917. – 559 с.
687. Новая история, 1871–1917: учебник / И. С. Галкин [и др.]; под ред. Н. Е. Овчаренко. – Изд. 2-е, дораб. – М.: Просвещение, 1984. – 543 с.
688. Новик, И. Д. Современные конституции [и Положение о Государственной думе]: сост. по кн. F. R. и P. Dareste: «Les constitutions modernes» и по др. источникам / И. Д. Новик. – М.: Д. П. Ефимов, 1905. – [4], 827 с.
689. Новикова, Н. В. Суфражистки и суфражетки: идеология и политика британского феминистского движения в начале XX века / Н. В. Новикова // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / Белорус. гос. пед. ун-т; гл. ред. И. Р. Чикалова. – Минск, 2002. – Вып. 1. – С. 154–180.
690. Новикова, Н. В. Суфражистское движение в Великобритании в годы первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. В. Новикова; Яросл. гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2000. – 23 с.
691. Новиченко, И. Ю. Чарльз Кингсли и христианский социализм в Англии середины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / И. Ю. Новиченко; Ин-т всеобщ. истории. – М., 1994. – 31 с.
692. Ностиц, Г. Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии: из общественной истории нашего времени / Г. Ностиц; пер. с нем. П. Николаева. – М.: К. Т. Солдатенков, 1902. – XX, 741 с.
693. О будущем Европы: докл. и постановления Фабиан. о-ва социалистов о Междунар. орг. / О-во сближения с Англией; с предисл. В. С. Сандерса; пер. с англ. Е. В[авиловой]. – М.: Труд, 1917. – 48 с.
694. Обер, Р. Социальное христианство / Р. Обер // XIII междунар. конгр. ист. наук, Москва, 16–23 авг. 1970 г. – М.: Наука, 1970. – 27 с.
695. Оболенская, С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России / С. В. Оболенская; АН СССР, Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 1977. – 336 с.
696. Оболенская, С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. / С. В. Оболенская; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1992. – 174 с.
697. Оболенская, С. В. Первая попытка истории «Французского ежегодника» / С. В. Оболенская // Французский ежегодник. 2002. – М.: Наука, 2002. – С. 57–58.
698. Объединительная платформа Социал-демократической партии и левого крыла Независимой рабочей партии: Резолюция, принятая на учред. конф. Брит. социалист. партии 30 сент. – 1 окт. 1911 г. в Солфорде // Сборник документов по истории рабочего и социалистического

движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 144–145.

699. Объявление Республики, 25 февраля 1848 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 362.

700. Овчаренко, Н. Е. Август Бебель: крат. очерк жизни и деятельности / Н. Е. Овчаренко. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 207 с.

701. Овчаренко, Н. Е. В борьбе за революционный марксизм: проблемы теории, тактики и организации германской социал-демократии в конце XIX в. / Н. Е. Овчаренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 442 с.

702. Овчаренко, Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков: идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма / Н. Е. Овчаренко. – М.: Мысль, 1975. – 319 с.

703. Организация Люксембургской комиссии, 28 февраля 1848 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 364.

704. Органический закон 2 августа 1875 г. об избрании сенаторов // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб., 1905. – С. 116–122.

705. Органический закон о выборах сенаторов, 2 августа 1875 г. (с изменениями, произведенными законом 9 декабря 1884 г.) // Вильсон, В. Государство. Прошрое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 7–12.

706. Органический закон об избрании сенаторов, 2 августа 1875 г. // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: в 2 т. – СПб.: Изд-во Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 541–548.

707. Органический закон от 30 ноября 1875 г. об избрании депутатов // Законодательные акты Франции. Декларация прав человека и гражданина. Конституции 1791, 93, 1848, 75 годов / пер. с предисл. Р. Лемберк. – СПб., 1905. – С. 111–116.

708. Органический закон о выборе депутатов, 30 ноября 1875 г. // Вильсон, В. Государство. Прошрое и настоящее конституционных учреждений: с прил. текста важнейших конституций / В. Вильсон; пер. под ред. А. С. Ященко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М., 1905. – С. 12–16.

709. Органический закон об избрании депутатов, 30 ноября 1875 г. // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов в 2 т. / пер. под ред. и вступит. очерками пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде: – СПб.: Изд-во Юрид. книжного склада «Право», 1905–1907. – Т. 2. Федерации и республики. 1907. – С. 548–554.

710. Ордонансы Карла X об ограничении свободы печати // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. Коммунист. акад., Ин-т истории. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 333.

711. Ордонансы Карла X об изменении избирательной системы // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. Коммунист. акад., Ин-т истории. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 333–334.

712. Орлова, М. Е. Ирландия в поисках путей независимого развития. 1945–1948 / М. Е. Орлова; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. – М.: Наука, 1973. – 231 с.

713. Орлова, М. Е. Рабочий класс Великобритании и освободительная борьба ирландского народа / М. Е. Орлова; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. – М.: Наука, 1983. – 255 с.

714. Орлова, Н. Е. Становление государственной системы начального образования в Англии (конец XVIII–60-е годы XIX в.) / дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. Е. Орлова; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 114 с.

715. Осипов, И. Избирательное право в Германской империи и в отдельных ее государствах / И. Осипов // Вестн. Европы. – 1905. – Кн. 6. – С. 567–600.

716. Основание Первого интернационала. Сентябрь – ноябрь 1864 г. / Подготовил к печати П. Чумак. – М.: Партиздат, 1934. – 88 с. (1 интернационал в документах / под ред. В. Адоратского, М. Зоркого, Ф. Ротштейна) Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).
717. Основы теории политических партий: учеб. пособие / А. Ю. Ашкерев [и др.]; науч. ред. С. Е. Заславский. – М.: Европа, 2007. – 261 с.
718. Основы Фабианского Общества // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 429–434.
719. Остапенко, Г. С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личность суверена / Г. С. Остапенко; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 2006. – 302 с.
720. Остапенко, Г. С. Новейшая история Великобритании XX – начало XXI века: учеб. пособие / Г. С. Остапенко, А. Ю. Прокопов. – М.: Вуз. учеб.: Инфра-М, 2012. – 470 с.
721. Остриков, П. И. Очерки истории рабочего движения в последней трети XIX – начале XX вв. (на примере Германии и Англии): учеб. пособие / П. И. Остриков. – Курск: Курс. гос. пед. ин-т, 1989. – 91 с.
722. Острогорский, М. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека / М. Острогорский. – Пг.: Тип. П. П. Усова, 1916. – 183 с.
723. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии: в 2 т. / М. Я. Острогорский. – М.: Изд. коммунист. акад., 1927–1930. – Т. 1: Англия / пер. с фр. А. М. Горовиц. – 1927. – 280 с.
724. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии / М. Я. Острогорский. – М.: Росспэн, 1997. – 639 с.
725. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг.: перевод / Г. А. Дидерикс [и др.]; Лейден. ун-т, Ист. фак. Моск. гос. ун-та. – М.: Рос. полит. энцикл., 1998. – 428 с.
726. От редактора // История XIX века / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. – М.: ОГИЗ–СОЦЭКГИЗ, 1938. – Т. 1. – С. 3–30.
727. Отречение Луи-Филиппа // Фридлянд, Ц. История революционного движения Западной Европы (1789–1914): хрестоматия / Ц. Фридлянд, А. Слуцкий. – 5-е изд. – М.; Л.: 1928. – Ч. 1. – С. 357.
728. Отчет о создании Французского женского совета // Мир Божий. – 1902. – № 7. – С. 52.
729. Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы: краткий свод данных о порядке прохождения законодательных дел в представительных учреждениях Германии, Пруссии, Франции, Англии и Австрии и о внутреннем устройстве этих учреждений. – СПб.: Гос. тип., 1906. – 123 с.
730. Очерки истории Англии. Средние века и новое время: пособие для учителя / под ред. Г. Р. Левина. – М.: Учпедгиз, 1959. – 356 с.
731. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. / И. М. Кривогуз [и др.]. – М.: Учпедгиз, 1959. – 358 с.
732. Очерки политической истории Великобритании (XIX–XX вв.) / Рост. гос. ун-т; отв. ред. Н. А. Акимкина. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 126 с.
733. Палмер, А. Бисмарк / А. Палмер; пер. с англ. яз. – Смоленск: Русич, 1997. – 536 с.
734. Панкхерст, Э. Моя жизнь: Записки суффражистки / Э. Панкхерст; пер. с англ. С. И. Цедербаум. – Пг.: Кн-во б. М. В. Попова, 1915. – 263 с.
735. Папа Пий IX. Окружное послание «Quanta cura» [Электронный ресурс] // Библиотека Una Voce Russia [Режим доступа]: http://www.unavoce.ru/library/quanta_cura.html.
736. Парижская Коммуна 1871 г. в документах и материалах. Хрестоматия / Сост. А. И. Молок. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 581 с.
737. Парижская Коммуна в борьбе с религией и церковью. Сб. материалов. – М.: Гос. антирелигиозное издательство, 1933. – 265 с.
738. Парижская Коммуна в борьбе за демократизацию школы. Документы и материалы / Сост., подготовка и ист. очерк С. А. Фрумова. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 263 с.

739. Парижская Коммуна и марксизм. – М.: Политиздат, 1973. – 248 с.
740. Парижская Коммуна 1871 г. / под ред. Э. А. Желубовской [и др.]. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – Т. 1–2. – Т. 1. – 556 с.; Т. 2. – 703 с.
741. Парижская Коммуна 1871 года: Время – события – люди / под общ. ред. И. А. Бах. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 376 с.
742. Партии в системе диктатуры монополий / Отв. ред. д-р юрид. наук И. Д. Левин; Акад. наук СССР. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1964. – 410 с.
743. Патрушев, А. Германская история / А. Патрушев. – М.: Весь мир, 2003. – 253 с.
744. Пацифизм в истории = Pacifism in history. Идеи и движения мира: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; [Отв. ред. д. и. н., чл.-корр. РАН А. О. Чубарьян]. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 289 с.
745. Пеллутье, Ф. История бирж труда (их происхождение, их деятельность, их будущее) / Ф. Пеллутье; пер. с фр. А. И. Певзнера; под ред. и с предисл. Е. Татарского. – Посмерт. изд. Ф. Пеллутье. – М.: Е. Д. Мягков: Нар. мысль, 1906. – [2], VI, 104 с.
746. Пепин, Т. С. Страна рабочих клубов: из жизни «Союза рабочих клубов» / Т. С. Пепин; пер. с англ., с предисл. И. Озерова. – М.: Изд. В. Линд и Д. Банков, 1901. – 125 с.
747. Первая национальная петиция // Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – М., 1933. – С. 255–257.
748. Первый женский календарь / Сост. Л. Н. Ариян. – СПб.: паровая скоропеч. «Труд», [1899] – [1915].
749. Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы. – М.: Госполитиздат, 1941. – 312 с.
750. Первый Интернационал и Парижская коммуна [1871–1971]. Документы и материалы / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1972. – 692 с.
751. Первый Интернационал: в 3 ч. / под ред. И. А. Бах (отв. ред.), Л. И. Гольмана, В. Э. Куниной. – М.: Мысль, 1964–1968. – Ч. 1: 1864–1870. – 1964. – 682 с.; Ч. 2: 1870–1876. – 1965. – 632 с.; Ч. 3 / Л. И. Гольман [и др.]. – 1968. – 280 с.
752. Перцев, В. Н. Деятельность XIX века: ист. очерки / В. Н. Перцев. – М.: Польза, 1913. – 212 с.
753. Перцев, В. Англия в XIX веке: ист. очерк / В. Перцев. – М.: Унив. б-ка, 1917. – 62 с.
754. Перцев, В. Н. Франция в XIX веке: ист. очерк / В. Н. Перцев. – М.: Унив. б-ка, 1917. – 79 с.
755. Перцев, В. Н. Германия и Австрия в XIX в. / В. Н. Перцев. – М.: Унив. б-ка, 1917. – 93 с.
756. Перцев, В. Н. Очерки новой истории (XVI–XIX вв.) / сост.: В. Н. Перцев, Е. А. Ефимова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Задруга, 1918. – [2], 282 с.
757. Перцев, В. Н. Экономическое развитие Англии в XIX в. / В. Н. Перцев. – Минск: Белтрестпечат, 1924. – VII, 211 с.
758. Перцев, В. Гогенцоллерны: характеристика личностей и обзор политической деятельности / В. Перцев. – М.: Задруга, 1918. – 226, [1] с.
759. Перцев, В. Гогенцоллерны: характеристика личностей и обзор политической деятельности / В. Перцев. – Минск: Харвест, 2003. – 302 с.
760. Петренко, Е. Л. Социалистическая доктрина Эдуарда Бернштейна: из цикла «История социальных учений» / Е. Л. Петренко. – М.: Знание, 1990. – 61 с.
761. Петрушов, А. М. Аграрные отношения в Германии (по данным сельскохозяйственных переписей 1882–1939 гг.) / А. М. Петрушов. – М.: Госполитиздат, 1945. – 216 с.
762. Петряев, К. Д. Курс лекций по истории Германии, Франции, Англии и США. 1871–1914 гг.: в 2 ч. / К. Д. Петряев. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1958–1960. – Ч. 1: 1871–1900 гг. – 1958. – 443 с.; Ч. 2: 1900–1914 гг. – 1960. – 503 с.
763. Петряев, К. Д. Очерки по истории Германии начала XX в. (1900–1914 гг.) / К. Д. Петряев. – Одесса: [б. и.], 1959. – 355 с.
764. Пирсторф, Ю. Женский труд и женский вопрос / Ю. Пирсторф; пер. с нем. В. Б. Либина. – СПб.: [П. Гершунин и К°], 1902. – [2], 116 с.

765. Пирумова, Н. М. Бакунин / Н. М. Пирумова. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 399 с.
766. Пирумова, Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина / Н. М. Пирумова; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1990. – 318 с.
767. План организации чартистов Великобритании: выработан и принят на собрании делегатов в Манчестере 20 июля 1840 г. // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 19–21.
768. Пожарская, С. П. Основные этапы формирования гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–XX веках / С. П. Пожарская, А. С. Намазова // Новая и новейшая история. – 2006. – № 3. – С. 15–29.
769. Покровский, М. Н. Франция до и во время войны / М. Н. Покровский. – Пг.: Изд. газ. «Новая жизнь», 1918. – 111 с.
770. Политический строй современных государств: в 2 т. / Изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича при участии ред. газ. «Право». – М.: Беседа, 1905–1906. – Т. 1: Сборник статей П. Г. Виноградова, В. М. Гессена, М. М. Ковалевского, Н. Е. Кудрина, П. Н. Милюкова и М. А. Рейснера. – 1905. – XII, 653 с.; Т. 2: Сборник статей В. В. Водовозова, Б. П. Вышеславцева, Дионео, Г. Б. Иоллоса, М. М. Ковалевского, Ф. Ф. Кокошкина, Л. Мехелина и Д. И. Шрейдера. – 1906. – [2], 319 с.
771. Полякова, Е. Ю. Ольстер. Истоки трагедии / Е. Ю. Полякова. – М.: Наука, 1982. – 167 с.
772. Пономарев, М. В. Великобритания: государство, политика, право: учеб. пособие / М. В. Пономарев, С. Ю. Смирнова. – М.: Шк. кн. Моск. учеб., 2000. – 287 с.
773. Поррит, Э. Современная Англия: права и обязанности ее граждан / Э. Поррит; пер. с англ. О. В. Полторацкой. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1897. – XVI, 368, XXI с.
774. Порядок зачисления и формирования бригад в национальных мастерских // Фридлянд, Ц. История революционного движения Западной Европы (1789–1914): хрестоматия / Ц. Фридлянд, А. Слуцкий. – 5-е изд. – М.; Л., 1928. – Ч. 1. – С. 375.
775. Потапов, И. В. Государственный аппарат и гражданская служба Великобритании во второй половине XIX века: институциональный и деятельностный аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / И. В. Потапов; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2007. – 20 с.
776. Потемкин, Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. / Ф. В. Потемкин. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 355 с.
777. Потемкин, Ф. В. Промышленная революция во Франции: в 2 т. / Ф. В. Потемкин; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – М.: Наука, 1971. – Т. 1: От мануфактуры к фабрике. – 454 с.; Т. 2: Положение трудящихся масс и социальные движения. – 322 с.
778. Поулсен, Ч. Английские бунтари / Ч. Поулсен; пер. с англ. С. В. Кибирского; ред., предисл. и коммент. С. Н. Бурина. – М.: Прогресс, 1987. – 278 с.
779. Правила по актам о рабочих союзах 1871 и 1876 г. // Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Англия / М-во финансов. Отд. пром-сти. СПб.: Отдел промышленности мин. финансов, 1905. – С. 24–30.
780. Пражский договор (23 августа 1866 года) // Ротштейн, Ф. А. Две прусские войны: Австро-прусская (1866 г.) и Франко-прусская (1870–1871 гг.). Пражский (1866 г.), Версальский и Франкфуртский (1871 г.) мирные договоры / Ф. А. Ротштейн. – М.; Л., 1945. – С. 171–173.
781. Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. 1–39 тома: Ч. I (А–М). Ч. II (Н–Я). – М.: Политиздат, 1978.
782. Предметный указатель ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. 40–50 тома. – М.: Политиздат, 1986.
783. Представительство социалистов в парламенте // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 118.
784. Прело, М. Конституционное право Франции / М. Прело; пер. с фр. Ф. А. Кублицкого; под ред. А. З. Манфреда. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 671 с.
785. Прицкер, Д. П. Жорж Клемансо: полит. биограф. / Д. П. Прицкер. – М.: Мысль, 1983. – 316 с.
786. Программа ближайших требований: принята на съезде в Реймсе 23 ноября 1903 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 84–85.

787. Программа Всеобщего немецкого женского союза // Ланге, Е. Женский вопрос в его современной постановке / Е. Ланге; пер. с нем. И. и В. Слоним. – М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1909. – С. 143–147.

788. Программа Германской партии свободомыслящих, 5 марта 1884 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914: учеб. пособие / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М., 1989. – С. 54–55.

789. Программа Германской социал-демократической партии, принятая на Эрфуртском съезде в 1891 г. // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 385–390.

790. Программа и устав Независимой рабочей партии: приняты в Хеддерсфилде 19–21 апреля 1908 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / Сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков. – М., 1985. – С. 140–144.

791. Программа независимой рабочей партии (1903–1904) // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 426–428.

792. Программа рабочей партии, ее основания и комментарии к ней / Ж. Гед и П. Лафарг; пер. с фр. В. Величкиной. – СПб.: Жизнь и знание, 1917. – 89 с.

793. Программа социалистической партии Франции. Программная декларация (принята на съезде в Иври 3 нояб. 1901 г., одобр. и доп. на нац. съезде в Комматри 27 сент. 1902 г.) и программа ближайших требований (принята на съезде в Реймсе 23 ноября 1903 г.) // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США: учеб. пособие / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 84–87.

794. Программа социал-демократической рабочей партии, принятая в Эйзенахе в 1869 г. // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 131–132.

795. Программа социал-демократической федерации (пересмотрена в 1903 г.) // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 420–426.

796. Программа Французской рабочей партии: принята на съезде в Гавре 16–22 нояб. 1880 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 72–74.

797. Программа французской рабочей партии / Ж. Гед и П. Лафарг; перевод с фр. А. Бронина. – СПб., 1906. – 70, [1] с.

798. Программа Французской социалистической партии, принятая в Туре в марте 1902 года // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 407–420.

799. Программное заявление национал-либеральной партии на съезде в Хайдельберге, 23 марта 1884 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 55–56.

800. Проект закона о зарегистрированных профессиональных сообществах, внесенных в Рейхстаг 12 декабря 1903 г. // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 10–20.

801. Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX – начале XX вв.: Материалы коллоквиума, 29 окт. – 3 нояб. 1984 г., Берлин / отв. ред. В. И. Бovyкин, Х. Нуссбаум. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. – 223 с.

802. Прокламация Временного правительства французскому народу [24 февраля 1848 г.] // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 361–362.

803. Прокопьев, В. П. Армия и государство в истории Германии X–XX вв.: Ист.-правовой очерк / В. П. Прокопьев. – Л.: Изд. ЛГУ, 1982. – 129 с.
804. Прокопьев, В. П. Государство и армия в истории Германии. X–XX века / В. П. Прокопьев. – Калининград: Изд. Калинингр. ун-та, 1985. – 547 с.
805. Промышленный устав для Германской Империи // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 1–4.
806. Промышленный устав для Германской Империи. Постановления, касающиеся цеховых третейских судов (Германия) // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 60–62.
807. Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года: в 2-х ч. – М.: Изд. АН СССР, 1959–1960. – Ч. 1. – 448 с.; Ч. 2. – 435 с.
808. Пью, М. История Великобритании, 1789–2000 / М. Пью; пер. с англ. В. Н. Ганина, М. Б. Феклина. – М.: Perspective Publ., 2010. – 290 с.
809. Рабинович, А. Английское социальное законодательство 1908–1913 гг. / А. Рабинович // Рус. богатство. – 1914. – № 5. – С. 217–235.
810. Рабочее движение Великобритании, XIX–XX вв. / Н. А. Ерофеев [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: Б. А. Рожков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1979. – 423 с.
811. Рапопорт, С. И. Деловая Англия / С. И. Рапопорт. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1903. – VII, 291 с.
812. Рапопорт, С. И. Борьба женщин за права (Письмо из Англии) / С. И. Рапопорт // Мир Божий. – 1905. – № 6. – Отдел II. – С. 64–75.
813. Рапопорт, С. И. Воспитание избирателя в Англии (Письмо из Лондона) / С. И. Рапопорт // Мир Божий. – 1905. – № 4. – С. 92–103.
814. Рапопорт, С. И. Строители английской жизни (Фабричное законодательство) / С. И. Рапопорт // Соврем. мир. – 1906. – № 12. – С. 141–161.
815. Рапопорт, С. И. Газеты и партии (Очерк экономической и политической эволюции газеты в Англии) / С. И. Рапопорт // Соврем. мир. – 1907. – № 2. – С. 100–114.
816. Рапопорт, С. И. Строители английской жизни (Очерки реформ и социальных движений). Женское дело / С. И. Рапопорт // Соврем. мир. – 1908. – № 1. – С. 90–109.
817. Рапопорт, С. И. Письмо из Англии. Пенсии для стариков / С. И. Рапопорт // Рус. мысль. – 1908. – № 10. – С. 100–111.
818. Революция 1848 г. во Франции (февраль – июнь). В воспоминаниях участников и современников / подбор, пер. ст. и коммент. Е. Смирнова. – М.; Л.: Academia, 1934. – 660, [5] с.
819. Революции 1848–1849 / под ред. Ф. В. Потемкина, А. И. Молока. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – [Т.] 1. – 848 с.; [Т.] 2. – 640 с.
820. Ревякин, А. В. Буржуазия после Французской революции (первая половина XIX в.) / А. В. Ревякин // Буржуазия и Великая французская революция / редкол.: А. В. Адо (пред.) [и др.]. – М., 1989. – С. 141–188.
821. Ревякин, А. В. Парламентская республика и антипарламентаризм во Франции в конце XIX в. / А. В. Ревякин // Из истории европейского парламентаризма: Франция / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; редкол.: С. П. Пожарская (отв. ред.), М. П. Айзенштат, Е. М. Макаренкова. – М., 1999. – С. 91–121.
822. Ревякин, А. В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века / А. В. Ревякин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. А. Э. Штекли. – М.: Наука, 1999. – 283 с.
823. Ревякин, А. В. Новая история стран Европы и Америки, конец XV–XIX век: учеб. пособие / А. В. Ревякин. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 508 с.
824. Резников, А. Б. Первая классовая битва пролетариата: Англия, 1842 год / А. Б. Резников; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения. – М.: Наука, 1970. – 310 с.
825. Резолюция о профессиональных организациях рабочих: принята на съезде Рабочей партии в Рубе в апр. 1884 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 76–77.

826. Резолюция о создании Национальной федерации синдикатов: принята на I съезде Федерации синдикатов в Лионе 11 окт. 1886 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 77.
827. Результаты выборов в Рейхстаг ведущих политических партий (1871–1912 гг.) // История Германии: учеб. пособие: в 3 т. / Западносиб. центр герм. исслед., Герм. ист. ин-т в Москве; под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – М., 2008. – Т. 3: Документы и материалы / отв. ред. тома: С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. – С. 270.
828. Ренар, Ж. Ф. Республика 1848 г. (1848–1852) / Ж. Ф. Ренар; пер. с фр. М. А. Крапоткина, А. И. Певзнера. – СПб.: Вят. т-во, 1907. – VIII, 459 с.
829. Рерум Новарум. Окружное послание Льва XIII «О положении трудящихся» // 100 лет социального христианского учения. – М.: Изд-во МП «Останкино», 1991. – С. 6–24.
830. Решение судьи Фаруэла по делу Таффской долины, 1901 г. // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 137–138.
831. Рише, Л. Свободная женщина: о женском вопросе и о свободе женщин / Л. Рише; пер. с фр. – М.: Ред. «Стенного календаря» М. Д. Наумова, 1879. – XIII, [3], 511 с.
832. Роббинс, К. Черчилль / К. Роббинс; пер. с англ. В. В. Симонова. – Ростов н/Дону: Феникс, 1997. – 317 с.
833. Рогинская, А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.) / А. Е. Рогинская. – М.: Ин-т междунар. отношений, 1958. – 368 с.
834. Родионова, Н. А. Фабианство как феномен общественно-политической жизни Англии (1884-й – середина XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Н. А. Родионова; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 24 с.
835. Рожков, Б. А. Чартистское движение. 1838–1854: крат. очерк / Б. А. Рожков. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 216 с.
836. Рожков, Б. А. Революционное направление в английском рабочем движении 50-х годов XIX в. / Б. А. Рожков; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – 224 с.
837. Рожков, Б. А. Английское рабочее движение, 1859–1864 / Б. А. Рожков; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1973. – 236 с.
838. Роспуск Луи Бонапартом Национального собрания, 2 декабря 1851 г. // Новая история в документах и материалах: в 2 вып. / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – Изд. 2-е. – М., 1934. – Вып. 1. – С. 397.
839. Роспуск национальных мастерских // Фридлянд, Ц. История революционного движения Западной Европы (1789–1914): хрестоматия / Ц. Фридлянд, А. Слуцкий. – 5-е изд. – М.; Л., 1928. – Ч. 1. – С. 376–377.
840. Ротштейн, Ф. А. Очерки по истории рабочего движения в Англии / Ф. А. Ротштейн. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 185 с.
841. Ротштейн, Ф. А. Очерки по истории рабочего движения в Англии / Ф. А. Ротштейн. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 344 с.
842. Ротштейн, Ф. Десница и шуйца английской дипломатии (Заметки наблюдателя) / Ф. Ротштейн // Вестн. Нар. Комиссариата иностр. дел. – 1920. – № 8. – С. 1–6.
843. Ротштейн, Ф. А. Две прусские войны: Австро-прусская (1866 г.) и Франко-прусская (1870–1871 гг.). Пражский (1866 г.), Версальский и Франкфуртский (1871 г.) мирные договоры / Ф. А. Ротштейн. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945. – 183 с.
844. Роуз, К. Король Георг V / К. Роуз; пер. с англ. С. Скворцов. – М.: АСТ, 2005. – 695, [4] с.
845. Роуз, Н. Черчилль. Бурная жизнь: пер. с англ. / Н. Роуз. – М.: АСТ, 2008. – 443, [2] с.
846. Рубинский, Ю. И. К вопросу о формировании многопартийной системы во Франции (1871–1914 гг.) / Ю. И. Рубинский // Французский ежегодник, 1960: ст. и материалы по истории Франции / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: В. П. Волгин (гл. ред.) [и др.]. – М., 1961. – С. 426–455.

847. Рубинский, Ю. И. Клерикализм и политическая борьба во Франции на рубеже XIX и XX вв. / Ю. И. Рубинский // Французский ежегодник, 1972: ст. и материалы по истории Франции / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: А. З. Манфред (гл. ред.) [и др.]. – М., 1974. – С. 88–116.

848. Руге, В. Гинденбург: портрет германского милитариста / В. Руге; авториз. пер. с нем. Г. Рудого. – М.: Мысль, 1981. – 429 с.

849. Рузье, П. Профессиональные рабочие союзы в Англии = Le trade-unionisme en Angleterre / П. Рузье; пер. с фр. под ред. и с предисл. П. Струве. – СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1898. – VIII, III, 340 с.

850. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: П. А. Кропоткин / Междунар. ин-т соц. истории (Амстердам), Центр соц. истории Ин-та всеобщ. истории Рос. акад. наук, Каф. истории соц.-полит. учений Филос. фак. Моск. гос. ун-та. – М.: Соц.-полит. мысль, 2004. – 281 с.

851. Рыбаченок, И. С. Россия и Первая конференция мира в Гааге / И. С. Рыбаченок. – М.: РОССПЭН, 2005. – 391 с.

852. Рюде, Дж. Народные низы в истории, 1730–1848 / Дж. Рюде; пер. с англ.: Е. И. Бухаровой, А. О. Зелениной; предисл. и ред. М. А. Барга. – М.: Прогресс, 1984. – 318 с.

853. Рязанов Д. Б. Очерки по истории марксизма / Д. Б. Рязанов. – М.: Моск. рабочий, 1923. – 640, II с.

854. Рязанов, Д. Б. Очерки по истории марксизма / Д. Б. Рязанов. – 2-е изд. Т. I–II. – М.; Л.: Госиздат, 1928.

855. Рязанова, А. Женский труд / А. Рязанова. – Изд. 2-е. перераб. и доп. – М.; Л.: Московский рабочий, 1926. – 476 с.

856. Саксония // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 450–451.

857. Самюэль, Г. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма в Англии / Г. Самюэль; пер. с англ. под ред. М. Мамуровского. – М.: И. Романов, 1905. – [6], XXXV–XIVIII, 480, IX с.

858. Самюэль, Г. Либерализм: опыт изложения принципов и программы современного либерализма: с введением Герберта Г. Асквита // Г. Самюэль; пер. с англ. под ред. М. Мамуровского. – 2-е изд., испр. – М.: URSS, 2009. – 488 с.

859. Сатурин, Д. Англия / Д. Сатурин // Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах: в 3 т. / ред. Е. Смирнова. – СПб., [1903]. – Т. 1. – С. 121–230.

860. Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки (1640–1870): учеб. пособие для вузов / сост. Е. Е. Юровская. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

861. Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США: учеб. пособие для вузов / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – 320 с.

862. Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – 294 с.

863. Свод германских законов о страховании рабочих в издании 19 июля 1911 года (Reichsversicherungsordnung) / М. Т. и П. Отд. пром.-сти. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – XIII, 458 с.

864. Святловский, В. В. Очерки по анархизму / В. В. Святловский. – Петербург: Гос. изд-во, 1922. – 72 с.

865. Сдвижков, Д. А. Против «железа и крови». Пацифизм в Германии до 1914 г. / Д. А. Сдвижков. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 333 с.

866. Семенова, А. О. Возникновение и развитие ревизионизма в германской социал-демократии (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. О. Семенова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 19 с.

867. Семенова, Л. Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX–XX веков / Л. Н. Семенова. – Минск: Экоперспектива, 2008. – 219 с.
868. Сенатус-консульт от 7 ноября 1852 г. (Решение сената относительно изменения конституции) // Чикалова, И. Р. Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.: хрестоматия / И. Р. Чикалова, Р. А. Чикалов. – Минск: Выш. шк., 2010. – С. 296.
869. Сеньобос, Ш. Политическая история современной Европы: эволюция партий и политических форм: в 2 т. / Ш. Сеньобос; пер. с фр. под ред. В. А. Поссе; с прил. очерка В. А. Поссе «Европа накануне Мировой войны (1897–1914)». – 5-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1922–1923. – Т. 1. – 1922. – VIII, 281 с. – Т. 2. – 1923. – [3], 371 с.
870. Сеньобос, Ш. Политическая история современной Европы: эволюция партий и политических форм / Ш. Сеньобос; пер. с фр. под ред. В. А. Поссе; с прил. очерка В. А. Поссе «Европа накануне Мировой войны (1897–1914)». – 6-е изд. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923–[1924]. – 2 т.
871. Серебрякова, Г. Женщины эпохи французской революции / Г. Серебрякова // Собрание сочинений: в 6 т. / Г. Серебрякова. – М., 1979. – Т. 5: Женщины эпохи французской революции; Одна из вас; О других и о себе. – С. 7–180.
872. Сесиль, А. М. Письма из Англии / А. М. Сесиль // Журнал Министерства юстиции. – 1897–1917.
873. Сили, Д. Р. Расширение Англии: два курса лекций / Д. Р. Сили; пер. с послед. англ. изд. В. Я. Герда; под ред. и с примеч. В. А. Герда. – СПб.: О. Н. Попова, [1903]. – IV, 239 с.
874. Сили, Д. Р. Британская империя: пер. с англ. / Д. Р. Сили, Дж. А. Крэмб. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 442 с.
875. Симон, Ж. Работница в Европе / Ж. Симон; пер. с фр. под ред. Коваленко. – М.: Земсков, 1874. – [4], II, XII, 372 с.
876. Системы избирательного права Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов / пер. под ред. и с вступ. ст. М. Соболева. – СПб.: Глаголев, 1905. – XXV, 372 с.
877. Сказкин, С. Д. Сорок восьмой год во Франции: (февраль – июнь) / С. Д. Сказкин. – М.: Практ. знания, 1918. – [4], 74, [2] с.
878. Скворцов-Степанов, И. Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции / И. Степанов. – [М.]: Госиздат, 1921. – 248 с.
879. Скворцов-Степанов, И. Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики в пролетарской революции / И. Степанов. – Изд. 7-е. – М.: Госполитиздат, 1938. – 180 с.
880. Слоссон, П. В. Чартистское движение и причины его упадка / П. В. Слоссон; пер. с англ. М. Е. Ландау. – М.: Мир, 1923. – 168 с.
881. Слуцкий, А. Г. Франц Меринг: революционер, ученый, публицист / А. Г. Слуцкий; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1979. – 120 с.
882. Слуцкий, В. Д. Марксизм и рабочее движение в Англии конца XIX – начала XX вв.: крат. очерк / В. Д. Слуцкий. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 222 с.
883. Смирнов, А. Империя Наполеона III: от истоков к современному бонапартизму / А. Смирнов. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. – 283 с.
884. Смирнов, Е. Предисловие (Дело А. Дрейфуса) / Е. Смирнов // Дрейфус, А. Пять лет моей жизни. 1894–1899 / А. Дрейфус; пер. с фр. под ред. и с предисл. Е. Смирнова. – СПб., 1901. – С. 3–44.
885. Смирнова, В. А. Гюстав Флуранс / В. А. Смирнова. – М.: Мысль, 1972. – 222 с.
886. Соболев, М. Женский труд в народном хозяйстве XIX века / М. Соболев // Мир Божий. – 1901. – № 8. – С. 71–99.
887. Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М.: В. М. Саблин, 1905–1906. – 5 вып.
888. Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М.: В. М. Саблин, 1905–1906. – Вып. 1: Декларация прав человека и гражданина. Конституции: Франции, Германии, Пруссии, Швейцарии. – 1905. – 80 с.
889. Собрание конституционных актов: в 5 вып. – М.: В. М. Саблин, 1905–1906. – Вып. 2: Конституции: Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – 1905. – 80 с.
890. Собуль, А. Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 годов и революции 1848 года во Франции / А. Собуль. – М.: Изд. иностр. лит., 1960. – 372 с.

891. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.
892. Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб.: Право, 1905–1907. – Т. 1: Конституционные монархии. – 1905. – II, 588 с.
893. Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб.: Право, 1905–1907. – Т. 2: Федерации и республики. – 1907. – 655 с.
894. Соколов, Б. Германская империя. От Бисмарка до Гитлера / Б. Соколов. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 476 с.
895. Соловьев, О. Ф. Масонство далекое и близкое / О. Ф. Соловьев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 55–81.
896. Солодянкина, О. Ю. Иностранные гувернантки в России: (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков) / О. Ю. Солодянкина. – М.: Academia, 2007. – 511 с.
897. Сообщество немецких фабричных и ремесленных рабочих. Устав рабочего сообщества // Иностранное законодательство по рабочему вопросу / М-во финансов, Отд. пром-сти. – СПб., 1905. – С. 63–91.
898. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., предисл. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
899. Слуцкий, В. Д. Марксизм и рабочее движение в Англии конца XIX – начала XX в. / В. Д. Слуцкий. – Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1972. – 222 с.
900. Союз коммунистов – предшественник I Интернационала: сб. док. / под ред. Е. П. Канделя и С. З. Левиной. – М.: Мысль, 1964. – 422 с.
901. Союз Коммунистов. 1836–1849: сб. док. / под ред. Е. П. Канделя и С. З. Левиной. – М.: Мысль, 1977. – 368 с.
902. Спенсер, Г. Права женщины / Г. Спенсер; пер. с англ. Л. Голдмерштейна. – СПб.: «Владимирская» Типо-литогр. Мордуховского, 1898. – 35 с.
903. Сравнительный обзор действующих иностранных законов об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими // Иностранное законодательство об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими / М-во финансов, Департамент торговли и мануфактур. – СПб., 1899. – С. 1–36.
904. Сталин, И. В. Сочинения / И. В. Сталин; Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1946. – Т. 13: Июль 1930 – январь 1934. – М.: Госполитиздат, 1951. – X, 424 с.
905. Сталинский, Е. Борьба направлений во французском социализме / Е. Сталинский // Рус. богатство. – 1908. – № 5. – С. 115–137.
906. Сталинский, Е. Социальный католицизм во Франции / Е. Сталинский // Рус. богатство. – 1910. – № 7. – С. 19–45.
907. Сталинский, Е. Чиновничье движение и почтовая забастовка во Франции / Е. Сталинский // Рус. богатство. – 1909. – № 5. – С. 25–54.
908. Сталинский, Е. Учительское движение во Франции / Е. Сталинский // Рус. богатство. – 1913. – № 2. – С. 313–337.
909. Стачки: история и современность / К. М. Кантор [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т междунар. рабочего движения; редкол.: Р. Я. Евзеров (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 344 с.
910. Стеклов, Ю. Прудон, отец анархии (1809–1865) / Ю. Стеклов. – Петроград: Изд-во Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1919. – 48 с.
911. Стеклов, Ю. Прудон, отец анархии (1809–1865) / Ю. Стеклов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Изв. ЦИК СССР и ВЦИК, 1924. – 136 с.
912. Стеклов, Ю. Монархисты во Франции / Ю. Стеклов // Современ. мир. – 1913. – № 5. – С. 186–203.
913. Стеклов, Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность (1814–1876): в 3 ч. / Ю. Стеклов. – М.: Книгоизд-во т-ва И. Д. Сытина, 1920. – Ч. 1: (1814–1861). – 391 с.
914. Стеклов, Ю. Огюст Бланки: очерк жизни и деятельности / Ю. Стеклов. – Л.: Красн. газ., 1930. – 197 с.

915. Стеклов, Ю. М. Интернационал (1864–1914): в 3 ч. / Ю. М. Стеклов. – Петроград: Петрогр. Совет рабочих и красноарм. депутатов, 1918. – Ч. 1: Первый интернационал: Междунар. т-во рабочих (1864–1872). – [1918]. – [8], 176 с.; Ч. 2: Анархический интернационал (1872–1881 гг.). – 1918. – 96 с.
916. Стеклов, Ю. М. Интернационал (1864–1914): в 3 ч. / Ю. М. Стеклов. – Изд. 2-е. – М.: Гос. изд-во, 1920–1921. – Ч. 1: Первый интернационал: [Междунар. т-во рабочих] (1864–1872). – 1920. – 214 с.; Ч. 2: Анархический интернационал (1872–1881 гг.). – 1921. – 105, [2] с.
917. Стеклов, Ю. М. Интернационал (1864–1914 гг.): в 3 ч. / Ю. М. Стеклов. – Перепеч. со 2-го изд. Госиздата. – Курск: Книгоиздат. т-во при Курск. губкоме РКП, 1923.
918. Стеклов, Ю. Революция 1848 года во Франции / Ю. Стеклов. – 2-е изд. – Петроград: Петрогр. Совет рабочих и красноарм. депутатов, 1918. – 63 с.
919. Стеклов, Ю. Революция 1848 года во Франции: к 75-летней годовщине / Ю. Стеклов. – Изд. 6-е. – М.: Гос. изд-во, [1925]. – 128 с.
920. Степанова, Е. Фридрих Энгельс: [его жизнь и деятельность] / Е. Степанова. – [М.]: Партиздат, 1935. – 300 с.
921. Степанова, Е. А. Фридрих Энгельс: крат. биограф. очерк / Е. А. Степанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1980. – 240 с.
922. Степанова, В. В. Политическая борьба в Пруссии в 60-е годы XIX века: значение и последствия для германской истории / В. В. Степанова. – М.: Моск. гос. открытый пед. ун-т, 1999. – 288 с.
923. Степанова, В. В. Прусский политический кризис 60-х годов XIX века и объединение Германии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / В. В. Степанова; Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 2000. – 32 с.
924. Стетсон, Ш. Экономическое рабство женщины: исследование экономических взаимоотношений мужчин и женщин, как фактора в социальной эволюции / Ш. Стетсон; пер. с англ. и изд. М. Мамуровского. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1903. – XVI, 265 с.
925. Стрельцов, Р. Немецкая женщина (Письмо из Берлина) / Р. Стрельцов // Вестник Европы. – 1912. – № 6. – С. 325–339.
926. Стрэчи, Л. Королева Виктория / Л. Стрэчи. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 349 с.
927. Стэд, В. Письма из Лондона. Специальные корреспонденции / В. Стэд // Русское обозрение. 1890. – № 1. – С. 332–338; № 2. – С. 746–754; № 3. – С. 359–370; № 4. – С. 847–858; № 5. – С. 361–373; № 7. – С. 359–371; № 8. – С. 807–814; № 9. – С. 403–411; № 10. – С. 862–872; № 11. – С. 355–361; № 12. – С. 769–779; 1891. – № 1. – С. 363–369; № 2. – С. 812–819; № 3. – С. 354–360; № 4. – С. 847–854; № 5. – С. 374–384; № 6. – С. 833–842; № 7. – С. 383–393.
928. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 483 с.
929. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. – 2-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 511 с.
930. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле // Тарле Е. В. Политика: история территориальных захватов XV–XX века. – М.: ЭКСМО – ПРЕСС, 2001. – С. 337–728.
931. Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства: от конца империи до восстания рабочих в Лионе (1815–1834) / Е. В. Тарле. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – IV, [3], 278 с.
932. Тарле, Е. В. Очерк новейшей истории Европы. 1814–1919 / Е. В. Тарле. – 2-е изд. – Л.: Прибой, 1929. – 208 с.
933. Татаринова, К. Н. Очерки по истории Англии, 1640–1815 гг. / К. Н. Татаринова. – М.: Ин-т междунар. отношений, 1958. – 454 с.
934. Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. Ф. Ф. Кокошкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – Ч. 1: Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. – VII, 109 с.

935. Тексты конституционных актов. Англия // Дурденевский, В. Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах. С приложением текстов конституций / В. Н. Дурденевский. – Л.: Госиздат, 1925. – С. 137–163.

936. Техника в ее историческом развитии: 70-е годы XIX – нач. XX в. / С. В. Шухардин [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т истории естествознания и техники; отв. ред.: С. В. Шухардин [и др.]. – М.: Наука, 1982. – 510 с.

937. Тирпиц, А. фон. Воспоминания / А. фон Тирпиц; пер. с нем. и коммент. В. Я. Голанта; вступ. ст.: Н. П. Полетика, В. А. Алафузова. – М.: Воениздат, 1957. – 656 с.

938. Толстой, Я. Революция 1848 г. во Франции: донесения / Я. Толстой; под ред. и с предисл. Г. Зайделя, С. Красного. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 182 с.

939. Торговый кодекс 1807 года (Франция) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. [и с предисл.] проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – С. 289–290.

940. Торопова, С. Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы викторианской Англии: учеб. пособие / С. Ю. Торопова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. – 84 с.

941. Торсое, А. История нашего столетия. 1815–1899 г.: в 2 т. / А. Торсое; пер. с дат. с доп. М. В. Лучицкой; под ред. И. В. Лучицкого. – 2-е изд. – Киев: Южнорус. книгоизд-во Ф. А. Иогансона, [1902]. – Т. 1: 1815–1863 г. – 512, XI с.; Т. 2: 1863–1899 г. – 498, XXIV с.

942. Торсое, А. История новейшего времени. 1815–1916 г. / А. Торсое; пер. с дат. М. В. Лучицкой; под ред. И. В. Лучицкого. – 3-е изд. – [Петроград: П. П. Сойкин], [1917]. – Т. 1. – 456 с.; Т. 2. – 440 с.

943. Трагер, Д. Великие женщины. Хроника. События. Факты / Д. Трагер. – М.: Панорама, 1999. – 521, [4] с.

944. Тревельян, Дж. М. Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Дж. М. Тревельян; пер. с англ. А. А. Крушинской, К. Н. Татариновой; под ред. и с предисл. В. Ф. Семенова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 607 с.

945. Трунский, Ю. Г. Французская деревня в XIX–XX веках: тенденции развития / Ю. Г. Трунский. – М.: Наука, 1986. – 262 с.

946. Трухановский, В. Г. Уинстон Черчилль: полит. биограф. / В. Г. Трухановский. – М.: Мысль, 1968. – 479 с.

947. Трухановский, В. Г. Адмирал Нельсон / В. Г. Трухановский. – М.: Наука, 1980. – 181 с.

948. Трухановский, В. Г. Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры / В. Г. Трухановский. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

949. Трухановский, В. Г. Уинстон Черчилль / В. Г. Трухановский. – 5-е изд. – М.: РИПОЛ Классик, 2003. – 444 с.

950. Туполева, Л. Ф. Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века / Л. Ф. Туполева; Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1973. – 263 с.

951. 1848–1923: к 75-летию революции 1848 г.: сб. ст. / И. Степанов [и др.]. – М.: Красн. новь, 1923. – 240 с.

952. Узнаровов, И. М. Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е – нач. 80-х гг. XIX в.) / И. М. Узнаровов; отв. ред. Н. А. Акимкина. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 189 с.

953. Указ об образовании первой палаты, 12 октября 1854 г. // Современные конституции: сб. действующих конституц. актов: в 2 т. / пер. под ред. и с вступ. очерками: В. М. Гессена, Б. Э. Нольде. – СПб., 1905. – Т. 1: Конституционные монархии. – С. 409–410.

954. Указ о проведении выборов депутатов во вторую палату, 30 мая 1849 г. // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 126–127.

955. Украинский, В. Н. Политические партии в двухпартийной системе Великобритании в 70–80-х годах XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / В. Н. Украинский; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1994. – 21 с.

956. Уоллстонкрафт, М. В защиту прав женщины / М. Уоллстонкрафт // Феминизм: проза, мемуары, письма: пер. с англ. / под ред. М. Шнейр. – М., 1992. – С. 24–39.

957. Устав Британской социалистической партии 1912 г. (Конституция) // Юровская, Е. Е. Практикум по новой истории. 1870–1917 / Е. Е. Юровская. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 1979. – С. 91–93.

958. Устав гражданского судопроизводства для Германской империи 30 января 1877 г. и закон о введении его в действие / примеч. и цитаты Р. Сидова; пер. и предисл. И. Соболева. – Радом: Типо-литогр. И. К. Тржебинского, 1883. – XXVIII, 261 с.

959. Устав Комитета рабочего представительства // Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М., 1906. – С. 438–441.

960. Устав Объединенной социалистической партии Франции: принят на объединительном съезде социалистов в Париже в 1905 г. // Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США / сост.: П. П. Вандель, П. И. Остриков; под ред. П. И. Острикова. – М.: Высш. шк., 1985. – С. 105–110.

961. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи, с Законом о введении его в действие 1 февраля 1877 года / пер. И. Соболева. – СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1878. – XVI, 120 с.

962. Уткин, А. И. Черчилль. Победитель двух войн / А. И. Уткин. – Смоленск: Русич, 1999. – 652 с.

963. Учреждение судебных установлений для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 г. / пер. И. Соболева. – СПб.: [б. и.], 1878. – [3], V, 42 с.

964. Уэбб, С. и Б. Общества потребителей в Великобритании / С. и Б. Уэбб; пер. с англ. С. И. Цедербаум. – 2-е изд. – М.: Всерос. центр. союз потребит. о-в, 1918. – 72 с.

965. Уэбб, Б. Кооперативное движение в Великобритании / Б. Уэбб; пер. с англ. С. И. Цедербаум. – 2-е изд. – М.: Изд. Всерос. центр. союза потребит. о-в, 1918. – 160 с.

966. Фабричный закон, 1891 г. (Англия) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / Сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 135–136.

967. Фадеева, Л. А. Очерки истории британской интеллигенции / Л. А. Фадеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 194 с.

968. Фадеева, Л. А. «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX в. / Л. А. Фадеева // Новая и новейшая история. – 1998. – № 4. – С. 43–65.

969. Файф, Ч. История Европы XIX века / Ч. Файф; пер. со 2-го англ. изд. М. В. Лучицкой; под ред. И. В. Лучицкого. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1904. – XVIII, 784 с.

970. Фаньо, Ф. Рабочее профессиональное движение в Англии: крат. ист. очерк / Ф. Фаньо; пер. с фр. В. Эльцина; под ред. И. Гольденберга. – СПб.: Знание, 1906. – 72 с.

971. Федоров, А. Фабричное законодательство цивилизованных государств: о работе малолетних и женщин на фабриках / А. Федоров. – СПб.: Тип. Г. Дюнтца, 1884. – [8], 402 с.

972. Феминизм во Франции // Женский вестник. – 1907. – № 4. – С. 110–112; № 5–6. – С. 143–145; 1907. – № 7–8. – С. 177–179; 1910. – № 1. – С. 6–7.

973. Финансовый закон, 15 июля 1914 г. (Франция) // Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки. 1870–1914 / сост.: П. И. Остриков, П. П. Вандель. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 114.

974. Фишель, Э. Государственный строй Англии / Э. Фишель; пер. П. М. Цейдлера. – СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1862. – 532 с.

975. Фланден, Э. Политические учреждения современной Европы. Конституция. Правительственная власть. Парламент. Местное управление. Судебное устройство. Англия. Бельгия / Э. Фланден; пер. Н. И. Лихаревой. – СПб.: В. И. Яковенко, 1906. – [2], II, 316 с.

976. Фортунатов, С. Ф. История Англии и Германии 19-го века: лекции, чит. на Моск. высш. жен. курсах в 1914–1915 г.: в 2 ч. / С. Ф. Фортунатов. – М.: Издат. о-во при Ист.-филос. фак. Моск. высш. жен. курсов, 1915. – Ч. 1: [История Англии 19 века]. – 240 с.

977. Франция. Конституционные законы // Лоуэлль, А. Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: (Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швей-

цария) / А. Л. Лоуэлль; пер. с англ. О. Полторацкий; ред. Ф. Смирнова. – М.: С. Скимунт, 1905. – С. 463–478.

978. Франция. Конституционные законы // Вильсон, В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905. Приложения. – С. 1–20.

979. Франция. Конституционная хартия 4 июня 1814 года // Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. Ф. Ф. Кокошкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – Ч. 1: Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. – С. 73–84

980. Французская конституция 3 сентября 1791 года // Тексты важнейших основных законов иностранных государств / пер. Ф. Ф. Кокошкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – Ч. 1: Основные законы Англии, французские конституции 1791, 1814 и 1830 годов и бельгийская конституция. – С. 27–69.

981. Французские женские школы // Образование. – 1893. – № 12. – С. 21–27.

982. Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. / Пер. И. С. Перетерского. – М.: Юрич. Изд-во НКЮ СССР, 1941. – 471 с.

983. Французский либерализм в прошлом и настоящем / [Смирнов В. П., Тырсенко А. В., Бовыкин Д. Ю. и др.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 218, [2] с. (Труды исторического факультета МГУ. Серия 2. Исторические исследования).

984. Фридлянд, Ц. История Западной Европы, 1789–1914: учеб. пособие для вузов / Ц. Фридлянд. – Харьков: Пролетарий, 1928. – Т. 1: Европа в эпоху империализма (1871–1914). – 711 с.

985. Фридлянд, Ц. История Западной Европы, 1789–1914: учеб. пособие для вузов: в 2 ч. / Ц. Фридлянд. – 2-е изд., доп. и перераб. – Харьков: Пролетарий, 1928. – Ч. 1: Европа в эпоху промышленного капитализма (1789–1871). – 640 с.

986. Фридлянд, Ц. История Западной Европы, 1789–1914: учеб. пособие для вузов / Ц. Фридлянд. – 3-е изд., доп. и перераб. – Харьков; Киев: Пролетарий, 1931. – Т. 1: Европа и Североамериканские соединенные Штаты эпохи промышленного капитализма. – 686 с.

987. Фридлянд, Ц. История революционного движения Западной Европы (1789–1914): хрестоматия / Ц. Фридлянд, А. Слуцкий. – 5-е изд. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – Ч. 1. – 731 с.

988. Фридрих Энгельс. Биография. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 611 с.

989. Фрикке, Д. Желтые рабочие организации в Германии перед первой мировой войной / Д. Фрикке // Германское рабочее движение в новое время: сб. ст. и материалов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: А. С. Ерусалимский (отв. ред.) [и др.]. – М., 1962. – С. 235–272.

990. Фриче, В. М. Очерки по истории рабочего движения на Западе. Рабочее движение на Западе от его возникновения до распада I Интернационала / В. М. Фриче. – М.: Госиздат, 1921. – 100 с.

991. Хабеас корпус акт, 1679 // Вильсон, В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений / В. Вильсон; пер. с англ. под ред. А. С. Яценко; с предисл. М. М. Ковалевского. – М.: В. М. Саблин, 1905.

992. Хасина, Т. В. Социальный католицизм и христианская демократия во Франции в конце XIX – начале XX в. Общество «Сийон», 1894–1910 гг. / Т. В. Хасина // Французский ежегодник, 1974: ст. и материалы по истории Франции / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: А. З. Манфред (гл. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 271–287.

993. Хатт, А. Британский тред-юнионизм: краткая история / А. Хатт; пер. с англ. В. Р. Рокитянского, Е. И. Бухаровой; вступ. ст. И. К. Климова. – М.: Прогресс, 1981. – 269 с.

994. Хауч, Г. Империя «АЕГ – Телефункен» / Г. Хауч. – М.: Прогресс, 1982. – 326 с.

995. Хибберт, К. Частная жизнь адмирала Нельсона / К. Хибберт; пер. с англ. Н. А. Анастасьева. – М.: АСТ, 2006. – 494 с.

996. Хиггинсон, Т. Здравый смысл и женский вопрос / Т. Хиггинсон; пер., предисл. Д. Л. Муратова. – М.: изд. Д. Л. Муратова, 1895. – XVI, 304 с.

997. Хобсбаум, Э. Век капитала, 1848–1875 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Т. Горяиновой, В. Белоножко. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 476 с.

998. Хобсбаум, Э. Век империи, 1875–1914 / Э. Хобсбаум; пер. с англ. Е. С. Юрченко, В. П. Белоножко. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 540 с.
999. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Норма, 2003. – Т. 2: Современное государство и право. – 669 с.
1000. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садиков; под ред. [и с предисл.] проф. З. М. Черниловского; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: [б. и.], 1973. – 495 с.
1001. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учеб. пособие / сост. В. Н. Садиков; под ред. З. М. Черниловского. – М.: Гардарика: ТЕИС, 1996. – 412 с.
1002. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. З. М. Черниловского; сост.: Е. В. Поликарпова, В. А. Савельев. – М.: Юрид. лит., 1984. – 472 с.
1003. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / сост. В. Н. Садиков. – М.: Проспект: Велби, 2008. – 767 с.
1004. Хрестоматия по новой истории, 1789–1870: утв. Наркомпросом РСФСР / сост.: А. В. Ефимов, В. А. Орлов; Ин-т истории Акад. наук СССР; под ред. А. В. Ефимова. – М.: Учпедгиз, 1941. – 368 с.
1005. Хрестоматия по новой истории: пособие для преподавателей сред. шк. / под ред. А. И. Молока, В. А. Орлова. – М.: Учпедгиз, 1953. – Ч. 2: 1870–1918. – 636 с.
1006. Хрестоматия по новой истории: пособие для учителя: в 2 ч. / под ред. А. И. Молока, В. А. Орлова. – М.: Учпедгиз, 1958–1959. – Ч. 1: 1612–1870. – 1958. – 307 с.; Ч. 2: 1870–1918. – 1959. – 374 с.
1007. Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М.: Соцэкгиз, 1963–1965. – Т. 1: 1640–1815. – 1963. – 767 с.; Т. 2: 1815–1870. – 1965. – 783 с.
1008. Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / под ред. В. П. Волгина. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1929. – 551 с.
1009. Хроника женских избирательных прав // Женский вестник. – 1907. – № 3. – С. 93; 1908. – № 5. – С. 133; 1912. – № 5. – С. 143; № 7. – С. 165.
1010. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут; Моск. гос. пед. ун-т, Адыг. гос. ун-т. – М.: [б. и.], 2010. – 702 с.
1011. Цели Лондонской ассоциации рабочих (1836 г.) // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 12–13.
1012. Цеткин, К. Женский вопрос и германское студенчество / К. Цеткин. – Одесса: М. С. Козмань, [1905]. – 32 с.
1013. Цеткин, К. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм / К. Цеткин; пер. с нем. – Петроград: Изд-во Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1918]. – 36 с.
1014. Цеткин, К. Женщина и ее экономическое положение / К. Цеткин; пер. с нем. – Петроград: Изд-во Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1919. – 40 с.
1015. Цеткин, К. Женский вопрос / К. Цеткин; пер. с нем. – 2-е изд. – [Гомель]: Гомел. рабочий, 1925. – 70 с.
1016. Цфасман, А. Б. Буржуазные партии и рабочее движение в Германии (1900–1914) / А. Б. Цфасман. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т, 1975. – 144 с.
1017. Цфасман, А. Б. Борьба рабочего класса и политика буржуазии: политическая эволюция буржуазных партий Германии в начальный период империализма (рубеж XIX–XX вв. – 1914 г.); автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / А. Б. Цфасман; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1978. – 42 с.
1018. Чагин, Б. Философские и социологические воззрения Франца Меринга / Б. Чагин; под ред. И. Широкова. – Л.; М.: Соцэкгиз, 1934. – 249 с.
1019. Чекин, А. Джемс Рамзай Макдональд / А. Чекин (В. Яроцкий). – М.; Л.: Моск. рабочий, 1929. – 166 с.
1020. Черкасов, П. П. Генерал Лафайет: исторический портрет / П. П. Черкасов; Акад. наук СССР; отв. ред. А. Г. Арбатов. – М.: Наука, 1987. – 175 с.

1021. Черкасов, П. П. Лафайет: политическая биография / П. П. Черкасов. – М.: Мысль, 1991. – 376 с.
1022. Чернега, В. Н. Буржуазные партии в политической системе Франции: Третья-Пятая республики / В. Н. Чернега; Акад. наук СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. Л. М. Энтин. – М.: Наука, 1987. – 300 с.
1023. Чернецовский, Ю. М. Революционные марксисты против центризма: из истории идейно-политической борьбы в германском и международном рабочем движении / Ю. М. Чернецовский. – М.: Мысль, 1983. – 246 с.
1024. Черниловский, З. М. Всеобщая история государства и права: учебник / З. М. Черниловский. – М.: Юристъ, 1995. – 575 с.
1025. Чикалов, Р. А. Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815–1918 годы) / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – Минск: Тесей, 2000. – 500 с.
1026. Чикалов, Р. А. Новая история стран Европы и США, 1815–1918 гг. / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – М.: Высш. шк., 2005. – 550 с.
1027. Чикалов, Р. А. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918): учеб. для студентов вузов / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – Минск: Выш. шк., 2009. – 685 с.
1028. Чикалов, Р. А. Новая история стран Европы и Северной Америки (1815–1918): учеб. для студентов вузов / Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. – 2-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2013. – 685 с.
1029. Чикалова, И. Р. Страны Западной цивилизации. XIX – начало XX в.: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / И. Р. Чикалова, Р. А. Чикалов. – Минск: Выш. шк., 2010. – 527 с.
1030. Чикалова, И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях, 1801–1917 / И. Р. Чикалова. – СПб.: Алетейя, 2013. – 392 с.
1031. Чикалова, И. Р. Опыт интеллектуального трансфера: иностранная книга об Англии в России (1861–1917) / И. Р. Чикалова // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук; под ред. Л. П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – С. 469–530.
1032. Чичерин, Б. О народном представительстве / Б. Чичерин. – [2-е изд.]. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1899. – XXIV, 810 с.
1033. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки: в 3 ч. / Б. Н. Чичерин. – М.: Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1894–1898. – Ч. 1: Общее государственное право. – 1894. – VIII, 482, III–IV с.; Ч. 2: Социология. – 1896. – [4], 433 с.; Ч. 3: Политика. – 1898. – [4], 556 с.
1034. Чубинский, В. В. Бисмарк: полит. биограф. / В. В. Чубинский. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
1035. Чумак, О. А. Эволюция политического курса британских консерваторов 1906–1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О. А. Чумак; Самар. гос. ун-т. – Самара, 1999. – 23 с.
1036. Шах, В. Происхождение современного синдикализма / В. Шах // Образование. – 1907. – № 1. – С. 40–60; № 2. – С. 11–31.
1037. Швиттау, Г. Организации работодателей в их отношениях с организованными рабочими / Г. Швиттау // Рус. мысль. – 1908. – № 11. – С. 29–49.
1038. Шерр, И. Германия: история цивилизации за 2000 лет: в 2 т.: / И. Шерр; пер. с нем. – Минск: Мин. ф-ка цв. печати, 2005. – Т. 2. – 542 с.
1039. Шесть пунктов Народной хартии и Первая национальная петиция // Хрестоматия по новой истории: в 3 т. / под ред. А. А. Губера, А. В. Ефимова. – М., 1965. – Т. 2: 1815–1870. – С. 13–16.
1040. Шидлинг, А. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / А. Шидлинг, В. Циглер. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 636 с.
1041. Школьников, И. А. Лейбористская партия Великобритании и суфражистское движение / И. А. Школьников // Адам & Ева: альм. гендер. истории. – 2002. – № 4. – С. 106–122.
1042. Школьников, И. А. Суфражизм и политические партии Великобритании (1867–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / И. А. Школьников; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2002. – 28 с.
1043. Шлезингер-Экштейн, Т. Женщина в XIX веке / Т. Шлезингер-Экштейн; пер. с нем. А. Г. Генкеля. – СПб.: Типо-литогр. Б. М. Вольфа, 1906. – 72 с.

1044. Шлютер, Г. Чартистское движение: очерк социально-политической истории Англии / Г. Шлютер; пер. с нем. С. и К. Цедербаум. – М.: Госиздат, 1925. – 398 с.
1045. Шнеерсон, Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав (из истории «германского вопроса») / Л. М. Шнеерсон. – Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 350 с.
1046. Шнырова, О. В. Антисуфражизм как зеркало суфражизма / О. В. Шнырова // Адам & Ева: альм. гендер. истории. – 2005. – № 9. – С. 160–190.
1047. Штромберг, М. Р. Права и обязанности женщины. Ответ на письма Фанни Левальд «За и против женщин» / М. Р. Штромберг. – СПб.: Обществ. польза, 1873. – [4], 100 с.
1048. Штурмфельс, Е. Женщина болезнь нашей современности / Е. Штурмфельс; пер. с нем. С. Пресса. – М.: Сфинкс, 1911. – 157 с.
1049. Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце; пер. с нем.: В. А. Брун-Цеховой, Б. Л. Хавкин. – М.: Весь мир, 2004. – 254 с.
1050. Шустер, Г. Тайные общества, союзы и ордена: в 2-х т. / Г. Шустер; пер. с нем.; под ред проф. Варшавского университета А. Л. Погодина. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1907.
1051. Щеглов, В. Характеристика современного социально-политического строя главнейших Западно-Европейских государств (Германии, Австрии, Франции и Англии): магист. дис. / В. Г. Щеглов. – Казань: Тип. Ун-та, 1883. – XII, 578, XII с.
1052. Щеглов, В. Г. Положение и права женщины в семье и обществе в древности, средние века и новое время: ист.-юрид. очерк: 2 публ. лекции / В. Г. Щеглов. – Ярославль: Тип. Э. Г. Фальк, 1898. – [3], V, 167 с.
1053. Щепкина, Е. Женское движение в годы Французской революции: с обращением к читателю А. Коллонтай / Е. Щепкина. – Петроград: Гос. изд-во, 1921. – 84 с.
1054. Шукарь, М. И. Рабочее движение в эпоху II интернационала / М. И. Шукарь. – М.: КУТК, 1928. – 59 с.
1055. [Эвелинг, Э]. Письма из Англии/ Э. Эвелинг // Русское богатство. – 1895. – № 1. – С. 60–76; № 2. – С. 96–109; № 4. – С. 153–167; № 5. – С. 129–143; № 7. – С. 129–143; № 8. – С. 156–167; № 12. – С. 94–104.
1056. Эггерт, З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917) / З. К. Эггерт; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 734 с.
1057. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / Ф. Энгельс // Избранные сочинения: в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М., 1984. – Т. 1. – С. 223–482.
1058. Энзор, Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партий / Р. Энзор; пер. с англ. А. И. Смирнова. – М.: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1906. – [2], 474 с.
1059. Энсон, В. Английский Парламент: его конституционные законы и обычаи / В. Энсон; пер. с англ. с примеч. Н. А. Захарова. – СПб.: Н. К. Мартынов, 1908. – [2], IV, XXIV, 346, X, [4] с.
1060. Энсон, В. Английская корона, ее конституционные законы и обычаи / В. Энсон; пер. с англ. с примеч. Н. Захарова. – СПб.: Н. К. Мартынов, 1914. – X, 480 с.
1061. Эпоха промышленного капитализма в документах и материалах / Коммунист. акад., Ин-т истории; под ред. Н. М. Лукина, В. М. Далина. – М.: Партиздат, 1933. – 714, [5] с.
1062. Эпштейн, А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года / А. Д. Эпштейн. – М.: Ин-т междунар. отношений, 1961. – 619 с.
1063. Эритье, Л. История французской революции 1848 года и Второй республики: в общедоступ. излож. с доб. В. Эйхофа и Эд. Бернштейна и с прил. ст. Эд. Бернштейна «От второй Империи до третьей республики» / Л. Эритье; пер. под ред. и с предисл. П. П. Румянцева. – СПб.: Электронпечатня Я. Левенштейн, 1907. – XXXXIV, 685 с.
1064. Эритье, Л. История французской революции 1848 г. и Второй республики / Л. Эритье; пер. А. Гинзбурга. – 2-е ил. изд. – М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923–[1924]. – Вып. 1: [1814–1848]. – 1923. – 307, [5] с.; Вып. 2: [1848–1852]. – [1924]. – 290, [6] с.

1065. Эрфуртская программа Карла Каутского / пер. с нем. – Stuttgart: J. H. W. Dietz nachf (GMBH), 1904. – IV, 120 с.
1066. Эрфуртская программа / С 3-мя предисл. Авт; полн. пер. с нем.; под ред. В. Засулич. – М.: «Социалдемократ» Моск. отд. кн-ва Е. М. Алексеевой, 1905. – 160 с.
1067. Эрфуртская программа: (Коммент. к принципиальной части) / Пер. Дм. Лещенко, под ред. П. Орловского. – [М.]: Московский рабочий, 1922. – 169 с.
1068. Эсмен, А. Общие основания конституционного права / А. Эсмен; пер. с 4-го фр. изд. под ред. Н. О. Бер. – Изд. 2-е. – СПб.: О. Н. Попова, 1909. – XII, 449 с.
1069. Юридическое положение замужней женщины в Англии в царствование королевы Виктории // Журн. М-ва юстиции. – 1897. – № 9. – С. 421–425.
1070. Юркина, О. А. Беатрис Вебб: лейборизм и суфражизм: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / О. А. Юркина; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2004. – 26 с.
1071. Юровская, Е. Е. Практикум по новой истории 1870–1917 / Е. Е. Юровская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1979. – 357 с.
1072. Ягов, В. Программы и уставы важнейших партий II Интернационала / В. Ягов; под ред. и с предисл. О. Пятницкого. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 240 с.
1073. Янжул, И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России / И. Янжул // Отчеств. зап. – 1880. – № 2. – С. 427–459.
1074. Acts of the Parliament of Great Britain [Электронный ресурс] // Интернет-портал Legislation. gov. UK, поддерживаемый национальными архивами от имени правительства Великобритании [Режим доступа]: <http://www.legislation.gov.uk/>.
1075. Asquith, H. H. Memoirs and Reflections / H. H. Asquith. – Boston, 1928. – Vol. 1.
1076. Barberis, P. Encyclopedia of British and Irish Political Organizations: Parties, Groups and Movements of the 20th Century / P. Barberis, J. McNHugh, M. Tyldesley. – L.: Continuum, 2000. – 576 p.
1077. Booth, Ch. Life & Labour of the People in London / Ch. Booth. – New York, 1970. (Ре-принтн. воспр. изд. 1889 года).
1078. Commons Sitings in the 19th century [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Британского парламента. Archived Commons Hansard [Режим доступа]: <http://www.parliament.uk/business/publications/hansard/commons/by-date/commons-hansard-bound>; <http://hansard.millbanksystems.com/> <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>.
1079. Documents from Edwardian England (1901–1915) / Read D. (Ed.). – L., 1973.
1080. Dod's Parliamentary Companion. – L.: Dod's Parliamentary Companion Ltd., 1832. – 1914.
1081. English Historical Documents. 1874–1914. Ed. By D. Douglas. – L., 1953. –
1082. Estelle Sylvia Pankhurst Papers [Электронный ресурс] // International Institute of Social History, Amsterdam [Режим доступа]: <http://search.socialhistory.org/Record/ARCH01029/ArchiveContentAndStructure>.
1083. Fabian tracts. – L.: The Fabian Society, 1884–1898.
1084. Fifty Major Documents of the 19th Century / Ed. By L. L. Snyder. – N. Y., 1979.
1085. Frader, L. Doing Capitalism's Work: Women in the Western European Infustrial Economy / L. Frader // Becoming Visible. Women in European History. 3rd edition / Ed. by R. Bridenthal, S. M. Stuard, M. E. Wiesner. – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1998. – P. 295–325.
1086. France – Archives [Электронный ресурс] // International Institute of Social History, Amsterdam [Режим доступа]: <http://socialhistory.org/en/collections/guides/france-archives>.
1087. Gates, M. Making Waves: A History of Feminism in Western Society / M. Gates. – Toronto: Copp Clark LTD, 1996. – 397 p.
1088. German Women in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. A Social and Literary History / Ed. by R.-E. B. Joeres, V. J. Maynes. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986.
1089. German Reichstag Session Reports (1867–1895, 1895–1918) [Электронный ресурс] // [Режим доступа] http://www.reichstagsprotokolle.de/en_rtbiauf.html.
1090. Germany and Central Europe: Archives [Электронный ресурс] // International Institute of Social History, Amsterdam [Режим доступа]: <http://socialhistory.org/en/collections/guides/germany-and-central-europe-archives>. – 1914.

1091. Hansard's Parliamentary Debates. – L.: Hansard Society, 1812.
1092. Hauswith, S. C. Women's Suffrage and Social Politics in the French Third Republic / S. C. Hauswith, A. Kenney. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1984.
1093. A History of Private Life / Ph. Aries, G. Duby, General Editors. Vol. 4: From the Fires of Revolution to the Great War / M. Perrot, Ed.; A. Goldhammer, Transl. – Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press. 1990. – 713 p.
1094. A History of Women in the West / Georges Duby and Michelle Perrot, general editors. Vol. 4: Emerging Feminism from Revolution to World War / Geneviève Fraisse and Michelle Perrot, editors. – Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press. – 640 p.
1095. A History of Women in the West / Georges Duby and Michelle Perrot, general editors. Vol. 5: Toward a Cultural Identity in the Twentieth Century / Françoise Thébaud editor. – Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1994. – 713 p.
1096. Hufton, O. H. Women and the Limits of Citizenship in the French Revolution / O. H. Hufton. – Toronto: Toronto: Univ. Press, 1999. – 236 p.
1097. Humm, M. The Dictionary of Feminist Theory / M. Humm. Second Edition. – N. Y., L.: Harvester Wheatsheaf, etc., 1995.
1098. The Labour Annual: A Year-book of Industrial Progress and Social Welfare / edited by Joseph Edwards. – Manchester [etc.]: Labour Press Society [etc.], 1895–1900.
1099. The Labour Year Book / The General Council of the Trades Union Congress, The National Executive of the Labour Party. – London: Labour Publications Department, 1916–1918.
1100. Lords Sitings in the 19th century [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Британского парламента. Archived Lords Hansard [Режим доступа]: <http://www.parliament.uk/business/publications/hansard/lords/>; <http://hansard.millbanksystems.com/lords/>.
1101. Mcmillan, I. Housewife or Harlot: the Place of Women in French Society. 1870–1940 / I. Mcmillan. – Brighton, 1981.
1102. Member of Parliament in Favour of Women's Suffrage. April 1906. Analyses of Members of Parliament Correspondence with Members of Parliament and replies to questionnaires. 1909–1911. [Электронный ресурс] // The Women's Library @ LSE collection [Режим доступа]: <http://twl-calm.library.lse.ac.uk/CalmView/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=2LSW%2fC%2f6>.
1103. Offen, K. Contextualizing the Theory and Practice of Feminism in Nineteenth-Century Europe (1789–1914) / K. Offen // Becoming Visible. Women in European History. 3rd edition / Ed. by R. Bridenthal, S. M. Stuard, M. E. Wiesner. – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1998. – P. 327–355.
1104. Public General Acts. Ed. By His (Her) Majesty Stationary Office (HMSO). – London, 1882–.
1105. The Reformers' Year Book / edited by Joseph Edwards, F. W. Pethick-Lawrence and Clifford D. Sharp. – Manchester [etc.]: Labour Press Society [etc.], 1901–1909.
1106. Rowntree, S. Poverty: A Study of Town Life / S. Rowntree. – London, 1901.
1107. Scott, J. W. Gender and the Politics of History / J. W. Scott. – N. Y.: Columbia Univ. Press. – 242 p.
1108. Die Verfassungen in Deutschland(seit 1806) [Электронный ресурс] // Gegenwärtige und historische nationale und internationale Verfassungstexte[Режим доступа]: <http://www.verfassungen.de/de/index.htm>.
1109. Tyrrell, A. «Women's Mission» and Pressure Group Politics in Britain (1825–60) / A. Tyrrell // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. – Vol. 63. – 1980–1981. – P. 194–230.
1110. United Kingdom – Archives [Электронный ресурс] // International Institute of Social History, Amsterdam [Режим доступа]: <http://socialhistory.org/en/collections/guides/united-kingdom-archives>.
1111. Verhandlungen des Deutschen Reichstags (1867–1895, 1895–1918) [Электронный ресурс] // [Режим доступа] <http://www.reichstagsprotokolle.de/rtbiauf.html>.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Историография (1918–2014 гг.) социально-политической истории Франции, Германии и Великобритании XIX – начала XX века	21
1.1. Советская историография (1918–1990 гг.)	21
1.2. Российская историография (1991–2014 гг.)	48
1.3. Белорусская историография (1991–2014 гг.).....	59
1.4. Зарубежная историография в русскоязычных переводах.....	62
Глава 2. Тайные общества и общественные «движения» – предшественники политических партий (1815–1860-е годы).....	68
2.1. Антибурбонская политическая оппозиция и низвержение «старого порядка» во Франции	68
2.2. Германские монархии: консервативное и либеральное политические течения в революциях 1830 и 1848–1849 гг.	82
2.3. Великобритания: размежевание на консерваторов и либералов в преддверии парламентской реформы 1832 г. и массовые чартистские организации.....	96
Глава 3. Конституционные и законодательные основы деятельности общественно-политических институтов	101
Глава 4. Социальная база политических партий и общественных объединений	109
4.1. Дворянская аристократия	109
4.2. Буржуазия	121
4.3. Средний класс	126
4.4. Фабричный пролетариат	128
Глава 5. Политические партии Франции.....	138
5.1. Монархисты и республиканцы в первые годы Третьей республики	138
5.2. Монархические партии	143
5.3. Аксьон франсэз.....	145
5.4. Националистические организации.....	150
5.5. Либеральные партии	151
5.6. Социалистические партии	170
5.7. Партии в политических кризисах	176
	391

Глава 6. Политические партии Германии	182
6.1. Политический строй Германской империи	182
6.2. Консервативные партии.....	185
6.3. Партия Центра.....	200
6.4. Либеральные партии	202
6.5. Социал-демократическая партия.....	206
Глава 7. Политические партии Великобритании.....	219
7.1. Двухпартийная система.....	219
7.2. Либеральная партия	224
7.3. Консервативная партия	240
7.4. Социалистические организации и партии.....	247
Глава 8. Профессиональные союзы рабочих, предпринимателей, служащих и инженерно-технических работников	256
8.1. Франция.....	256
8.2. Германия	271
8.3. Великобритания.....	278
Глава 9. Женские объединения и союзы.....	287
9.1. Социально-политический контекст самоорганизации женщин	287
9.2. Франция	294
9.3. Германия	304
9.4. Великобритания	314
Заключение	331
Источники и литература	339

Научное издание

Чикалова Ирина Ромуальдовна

**ПАРТИИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ,
ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1815–1914)**

Редактор *Т. С. Климович*

Художественный редактор *И. Т. Мохнач*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 06.07.2015. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 32,01. Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 120 экз. Заказ 117.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.